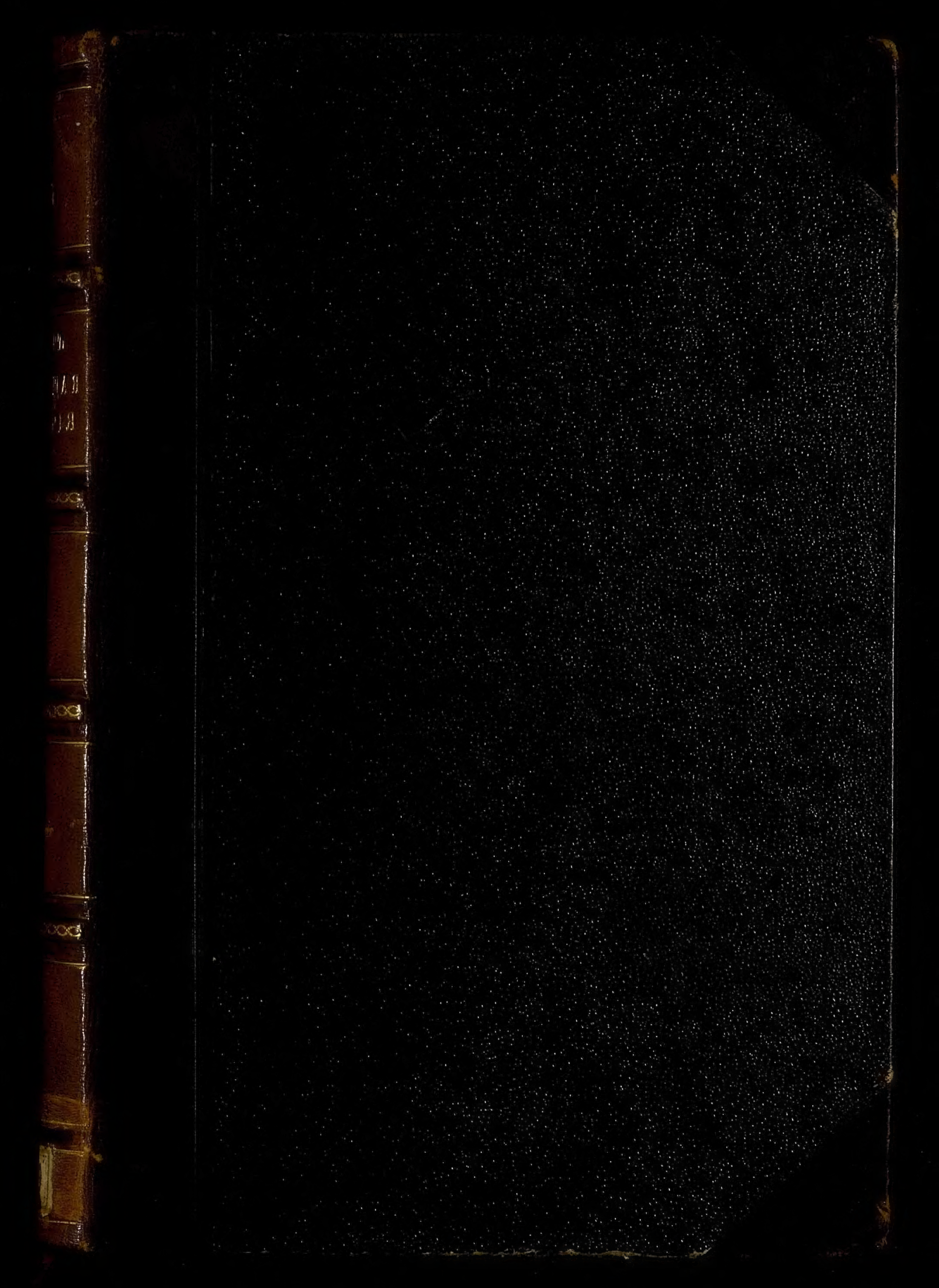


КУРСЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

КУРСЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ

ДОКТОРА ГЕОРГА ВЕБЕРА,

ПРОФЕССОРА ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Е. и В. Корша.

ТОМЪ III.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ:

ИСТОРІЯ НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАЧАЛА ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, іюля 6-го дня 1860 года.

Ценсоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ИСТОРІЯ НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

I. ПРЕДВѢСТІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

1. *Изобрѣтенія и открытія.*

А) КОМПАСЪ. ПОРОХЪ. КНИЖНАЯ ПЕЧАТЬ.

§ 418. Въ 14 и 15 вѣкахъ были примѣнены къ дѣлу многія великія изобрѣтенія, имѣвшія самое сильное вліяніе на преобразованіе средневѣковаго міра, именно компасъ, порохъ и книжная печать. — Чудное свойство магнитной стрѣлки, указывать сѣверъ, уже давно было извѣстно разнымъ народамъ, но лишь тогда, когда Флавіо Джойя изъ Амальфи примѣнилъ это свойство къ кораблеплаванію, вошло оно въ общее употребленіе и дало неисчислимыя послѣдствія. Безъ компаса, безъ этого поддерживаемаго на вѣсу указателя полюса (boussole) судоходство по прежнему ограничивалось бы однимъ Средиземнымъ моремъ и оставалось береговымъ, каботажнымъ; но теперь отважились пуститься въ океанъ и предприняли дальнія путешествія для открытій. — Вопросъ о томъ, былъ ли извѣстенъ порохъ Китайцамъ, Индійцамъ и Арабамъ, или онъ изобрѣтенъ (1354) нѣмецкимъ монахомъ Бертольдомъ Шварцемъ изъ Фрейбурга (въ Брейсгау), еще не рѣшенъ; достовѣрно то, что это изобрѣтеніе было примѣнено въ половинѣ 14 вѣка и стало такъ же важно для преобразованія военнаго дѣла, какъ компасъ для мореходства. Введеніе огнестрѣльнаго оружія, значительно умалившаго цѣну одѣтаго въ латы всадника, ускорило паденіе выродившагося рыцарства, которое уже не опиралось болѣе ни на какую высшую идею. Мѣсто рыцарскаго ополченія, обезсилѣвшаго

съ упадкомъ феодализма, заступили обученная пѣхота, состоявшая изъ наемныхъ дружинъ, и наконецъ постоянныя войска, съ помощью которыхъ королевская власть одолѣла феодальную вольницу. — Изобрѣтенію книжной печати, создавшей новую эпоху въ духовномъ развитіи европейскаго человѣчества, могла способствовать рѣзьба на деревѣ, возникшая въ 14 вѣкѣ и сначала примѣненная къ производству игорныхъ картъ и изображеній святыхъ. Но честь мысли — вырѣзать на деревянной дощечкѣ нѣсколько отдѣльныхъ буквъ и сложить изъ нихъ слова—принадлежитъ нѣмецкому гражданину Іоанну Гуттенбергу (1440), родившемуся въ Майнцѣ, но долго жившему въ Страсбургѣ. Вмѣстѣ съ майнцскимъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ Фустомъ или Фаустомъ, давшимъ деньги на это дѣло, и съ искуснымъ переписчикомъ Петромъ Шёфферомъ, Гуттенбергъ вскорѣ довелъ новое изобрѣтеніе до такой высокой степени, что уже въ 1456 году можно было съ большимъ совершенствомъ напечатать латинскую Библію. Но изобрѣтателю не суждено было получить награду за свой подвигъ. Фаустъ разсорился съ нимъ, присвоилъ себѣ судебнымъ порядкомъ всѣ литтеры и приборы за свои денежныя ссуды и потомъ вмѣстѣ съ Шёфферомъ, за котораго выдалъ свою дочь, довершилъ начатое дѣло. Гуттенбергъ умеръ съ горя, всѣми забытый. Шёфферъ, человѣкъ способный, изобрѣлъ пригодный для литтеръ металлическій составъ и краску, и ввелъ литыя буквы вмѣсто рѣзныхъ деревянныхъ, которыя употреблялъ Гуттенбергъ. Сначала хранимое въ тайнѣ, это искусство вскорѣ стало извѣстнымъ повсюду, когда въ войнѣ архіепископа Дитера съ его соперникомъ, Адольфомъ Нассаускимъ (§ 368), Майнцъ былъ взятъ приступомъ и многіе рабочіе бѣжали въ другіе края. Въ короткое время всѣ значительные города Германіи и Италіи уже имѣли свои книгопечатни, и нѣмецкіе рабочіе вскорѣ передали новое открытіе всѣму образованному міру. Одно это уже облегчило распространеніе книгъ между народомъ, столь воспріимчивымъ къ духовнымъ созданіямъ древнихъ и новыхъ временъ; но еще большее вліяніе имѣло новое открытіе съ тѣхъ поръ, какъ льняная и хлопковая бумага замѣнила дорогой пергаментъ. Книги, доселѣ доступныя лишь богатымъ и

знатнымъ, теперь сдѣлались общимъ достояніемъ; созданія ума перестали быть исключительною собственностью привилегированныхъ классовъ и проникли въ общественную жизнь, во всѣ сословія. — Духовная цензура, которая вскорѣ появилась въ Кёльнѣ, Майнцѣ и въ друг. мѣстахъ, какъ естественное противодѣйствіе печати, и наконецъ, исходя изъ Рима, была введена повсемѣстно, не могла однакожь подавить новый духъ, навѣянный міру книгопечатнымъ искусствомъ. — Введенное императоромъ Максимиліаномъ въ Германіи почтовое устройство [1], облегчивъ письменныя и личныя сношенія, тоже способствовало обмѣну идей и водворенію новой эпохи.

б) МОРСКОЙ ПУТЬ ВЪ ОСТЪ-ИНДІЮ.

§ 419. Въ Средніе Вѣка товары богатой Индіи доставлялись на Западъ Венеціанцами и Генуэзцами, которые получали ихъ черезъ Арабовъ и другихъ могаммеданъ, и эта доставка была сопряжена съ большими трудностями (она производилась посредствомъ каравановъ). Но въ первой половинѣ 15-го вѣка португальскій принцъ Генрихъ Мореплаватель († 1460), гросмейстеръ богатаго Ордена Христа, человѣкъ суровый, необыкновенно предпріимчивый и воодушевленный стремленіемъ возвеличить свое отечество и распространить Евангеліе, указалъ предпринять путешествія для открытій въ Атлантическомъ океанѣ, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ. За открытіемъ острововъ Порто-Санто и Мадеры, гдѣ отлично принялись виноградъ и сахарный тростникъ, когда часть непроницаемыхъ лѣсовъ была выжжена, и Канарскихъ острововъ съ ихъ дикими, жившими

---

[1] Почта, существовавшая, въ бóльшемъ или мѐньшемъ развитіи, у Персовъ, Римлянъ и въ Византіи, была возстановлѐна Карломъ Великимъ, но исчезла при его преемникахъ. Во Франціи Людовикъ XI учредилъ почту въ 1464 г., ограничивъ ея назначеніе потребностями «королевской службы». Въ Германіи первая правильная почта устроена сначала въ Тиролѣ княземъ Турнъ-и Таксисскимъ Рожеромъ I. Сынъ его Францъ I, по желанію императора Максимиліана, учредилъ въ 1516 г. верховую почту между Брюсселемъ и Вѣной и получилъ отъ него званіе генералъ-почтмейстера. Съ тѣхъ поръ почтовое устройство стало мало-по-малу распространяться по всей Европѣ.

въ пещерахъ и одѣтыми въ козьи шкуры обитателями (Гуанчами), вскорѣ послѣдовало пріобрѣтеніе Асорскихъ островов и открытіе одѣтаго пальмовыми рощами Зеленаго мыса, а также изобильнаго золотою пылью, слоновою костью и камедью берега Верхней Гвинеи на югъ отъ Сіэрры Леоне. Здѣсь съ изумленіемъ впервые увидѣли Европейцы курчавыхъ Негровъ, которыми вскорѣ воспользовалась алчность людей для бтзсовѣстнаго торга невольниками. Папская грамата предоставила Португальцамъ право собственности надъ этими и дальнѣйшими открытіями до са́мой Индіи. Король Іоаннъ II (1481—95), сломивъ напередъ дикое могущество дворянства и поднявъ королевскую власть и среднее сословіе, продолжалъ начатыя открытія съ бо̀льшею послѣдовательностію. Экваторъ былъ пересѣченъ и тѣмъ уничтоженъ господствовавшій тогда предразсудокъ, будто жаркій поясъ необитаемъ. Отъ Нижней Гвинеи (Конго) смѣлый Варѳоломей Діасъ уже спустился до южной оконечности африканскаго материка (1486), которой первоначальное названіе: «Бурный Мысъ», вскорѣ было переиначено обнадеженнымъ благоуспѣшностію королемъ, въ названіе: «Мысъ Доброй Надежды». И дѣйствительно, недальше какъ черезъ два десятилѣтія, между тѣмъ какъ на западѣ возникъ для Европейцевъ Новый Свѣтъ, предпріимчивый Васко де-Гама при королѣ Эмануилѣ Великомъ (1495 — 1521) открылъ морской путь въ Остъ-Индію (1498), проплывъ отъ восточнаго берега Африки (Мосамбика и Сангвебара), черезъ Индійской океанъ, до Малабарскаго берега и достигнувъ Каликутской гавани.

§ 420. Такъ какъ властитель (саморинъ) Каликута, настроенный завистливыми могаммеданами, въ чьихъ рукахъ до тѣхъ самыхъ поръ была вся торговля, враждебно противусталъ Португальцамъ, то послѣдніе рѣшились силою завоевать себѣ поселенія въ Остъ-Индіи. Это трудное предпріятіе было исполнено съ такою настойчивостью и съ такимъ геройствомъ, что можетъ быть поставлено наряду съ величайшими подвигами древности. Раздоры между индійскими государями помогли Португальцамъ. Въ союзѣ съ Кочинскимъ властителемъ, Васко де-Гама и Кабраль (который на пути открылъ въ 1500 г. Бразилію и занялъ ее именемъ Португаліи) счастливо сра-

жались противъ саморина. Но больше всѣхъ способствовали утвержденію португальскаго могущества въ Индіи мужественный и разсудительный Франсиско д'Альмейда и герой Альбукерке; подобно древнимъ Эллинамъ, они доказали, что горсть людей, одушевленная чувствомъ чести, жаждою славы и любовью къ отечеству, при европейскомъ военномъ искусствѣ, всегда побѣждаетъ деспотически управляемыя восточныя толпы.

Альмейда, полный патріотизма человѣкъ, одержалъ славную побѣду надъ превосходными силами Индійцевъ и могаммеданъ (1509), сдѣлалъ многихъ туземныхъ государей данниками и принудилъ ихъ признать верховное господство Португаліи и дозволить учрежденіе факторій въ ихъ столицахъ. Послѣ Альмейды, который на возвратномъ пути былъ убитъ дикими Готтентотами, индійское намѣстничество перешло къ Альфонсу Альбукерке, открывшему островъ Мадагаскаръ и соединявшему истинный героизмъ съ величайшимъ благоразуміемъ. Онъ избралъ столицею намѣстничества городъ Гоа, завоеванный подвигами дивной храбрости и настойчивости. Потомъ напалъ съ 800 Португальцевъ на Малакку, складочное мѣсто загангской торговли, привелъ къ покорности Ормузскаго властителя въ Персидскомъ заливѣ и многихъ другихъ государей, и внушалъ уваженіе и страхъ къ имени Эмануила. Но послѣдній заплатилъ своему вѣрному слугѣ неблагодарностью: печаль сокрушила героя, и онъ скончался въ виду Гоа (1515) [1]. — Въ слѣдующія за тѣмъ десятилѣтія Португальцы завели поселенія и факторіи на островѣ Цейлонѣ и на Коромандельскомъ берегу, и покорили себѣ богатые пряностями острова Молуккскіе и Сондскіе; даже христіанство должно было служить имъ для расширенія ихъ торговли. Но героизмъ вскорѣ уступилъ себялюбію и алчности; легко добытое богатство породило изнѣженность и роскошь; гнетъ и неправота возбудили ненависть къ португальскому владычеству, и слѣдствіемъ этой ненависти былъ скорый его упадокъ. — Открытіе новаго торговаго пути было смертельнымъ ударомъ для Венеціи и Генуи. Лиссабонъ

---

[1] Альбукерке, узнавъ, что д'Альбергарія, которымъ онъ имѣлъ поводъ быть недовольнымъ, получилъ, помимо его, мѣсто генералъ-капитана въ Кочинѣ, оскорбился этимъ до глубины души, считая себя лишеннымъ королевской милости. Между тѣмъ сохранилось нѣсколько позднѣйшее письмо короля Эмануила, въ которомъ онъ отдаетъ полную справедливость великимъ заслугамъ Альбукерке, но письмо это уже не застало его въ живыхъ.

долго оставался средоточіемъ всемірной торговли, пока недостатокъ въ собственной промышленности и чужеземныя богатства не породили бездѣйственность, а созданное новою торговою и завоевательною предпріимчивостію среднее сословіе не утратило своихъ правъ въ пользу неограниченной королевской власти и богатаго духовенства.

в) Открытіе Америки Христофоромъ Коломбомъ.

§ 421. Стремленіе къ открытіямъ, вызвавшее португальскія предпріятія, навело одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ умовъ, какіе только знаетъ всемірная исторія, Генуэзца Христофора Коломба (Колона [1]), на мысль отыскать новый, западный путь въ хваленую Индію. Темныя первобытныя сказанія объ исчезнувшемъ островѣ Атлантидѣ и сказочныя свѣдѣнія о чудныхъ, безвѣстныхъ краяхъ рано овладѣли его воображеніемъ, и высокая мысль — открыть эти края міру — съ каждымъ годомъ и съ каждымъ новымъ препятствіемъ къ ея исполненію все болѣе и болѣе укоренялась въ немъ. Напрасно восторженный Коломбъ сообщалъ свой планъ своему родному городу Генуѣ, Португальцамъ и Англичанамъ, прося у нихъ помощи; его отвергли, какъ искателя приключеній и сумасброда. Наконецъ Изабелла Кастильская, на радостяхъ по случаю счастливаго завоеванія Гранады (§ 395), благоволила снарядить три корабля и ввѣрить ихъ отважному мореплавателю. Въ случаѣ удачи, ему было обѣщано званіе великаго адмирала и вице-короля всѣхъ новооткрытыхъ странъ и острововъ, съ десятою частью ожидаемаго отъ нихъ дохода, и дворянское достоинство ему лично и со всѣмъ потомствомъ. 3-го августа 1492 г. вышелъ этотъ маленькій флотъ изъ андалузской гавани Палоса, съ 90 моряками, въ числѣ которыхъ были трое братьевъ изъ опытной въ мореходствѣ семьи Пинсоновъ, и поплылъ мимо Канарскихъ острововъ на западъ. Страхъ и недоумѣніе экипажа усиливались по мѣрѣ удаленія отъ Испаніи, и наконецъ перешли въ ропотъ и въ открытый мятежъ. Отчаянная толпа уже грозила великому вождю смертью и гибелью, если онъ не воротится

---

[1] Колонъ — испанское произношеніе, Коломбо — итальянское.

назадъ, но 12-го октября его спасло открытіе острова Гуанагани (Ватлинга, тогда же названнаго Санъ-Сальвадоромъ). — Они обрѣли здѣсь прекрасный, плодоносный и лѣсистый край съ нагими дикаря митемно-мѣднаго цвѣта, которые безъ всякаго недовѣрія допустили торжественно завладѣть своимъ краемъ отъ имени испанской королевской четы и обмѣнивали свое лучшее имущество на блёстки, бусы, погремушки и проч. «Не заботясь о своей наготѣ, не зная ни мѣръ, ни вѣса, ни проклятыхъ денегъ, не имѣя ни законовъ, ни крючкотворныхъ судей, ни книгъ, довольствуясь дарами природы и не помышляя о будущемъ, эти люди наслаждались золотымъ вѣкомъ»: такъ описывали Европейцы вестъ-индскихъ островитянъ вслѣдъ за ихъ открытіемъ. Но ожидаемыхъ сокровищъ, золота, драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, не оказалось въ чаемомъ изобиліи ни здѣсь, ни на обоихъ большихъ островахъ Кубѣ и Гаити (Испаніолѣ и Санъ-Доминго), которые найдены вскорѣ послѣ Гуанагани. За то, Испанцы были очарованы роскошною растительностью и дивнымъ климатомъ этихъ тропическихъ странъ, чудною зеленью великолѣпныхъ лѣсовъ, наполненныхъ стаями блестящихъ, звонко-пѣвчихъ пернатыхъ, благоуханіемъ пряныхъ рощъ и цвѣтистыхъ полей, величественною красотой ночнаго, усѣяннаго звѣздами неба съ его ясною, свѣтящею синевой. Построивъ на «Испанскомъ островѣ» [1] крѣпостцу Навидадъ и основавъ тамъ колонію, Коломбъ отправился обратно въ Испанію и послѣ опаснаго плаванія привезъ изумленной Европѣ вѣсть о Новомъ Свѣтѣ, который, вслѣдствіе первоначальной ошибки, вскорѣ получилъ названіе Вестъ-Индіи. Папская дарственная грамата предоставила Испанцамъ всѣ имѣющія вновь открыться земли на разстояніи 370 миль къ западу отъ Асорскихъ острововъ. Казалось, гордое обѣтованіе римской церкви, что всѣ язычники будутъ ея достояніемъ и крайніе предѣлы міра — ея собственностью, приближалось къ своему осуществленію вслѣдствіе этого великаго событія.

§ 422. Въ слѣдующія три путешествія свои * въ Новый Свѣтъ, Коломбъ открылъ еще многіе острова, напр. Ямайку

---

[1] То-есть — Испаніолѣ.

и Малые Антильскіе съ сильнымъ, болѣе образованнымъ, но страшнымъ своими морскими разбоями, племенемъ Караибовъ (каннибаловъ), и наконецъ сѣверный берегъ Южной америки недалеко отъ устья Ориноко. Однако новая часть свѣта получила свое названіе не по имени открывшаго, но по первому ея описателю, Флорентинцу Америго Веспуччи, котораго «Описанія» открытыхъ имъ земель при Амазонской рѣкѣ распространили въ Европѣ первыя болѣе точныя свѣдѣнія о новомъ мірѣ. Коломбъ раздѣлилъ участь многихъ геніальныхъ людей, которымъ не было суждено пожать плоды своихъ дѣяній. Еслибы начинатель любаго великаго дѣла не ощущалъ награды за то въ душѣ своей, то признательность свѣта никогда не ободрила бы къ высокимъ предпріятіямъ. Оставленный на Испаніолѣ гарнизонъ былъ приведенъ въ большое замѣшательство раздорами колонистовъ между собою и враждой съ туземцами, которые сперва радушно приняли къ себѣ иностранцевъ и охотно раздѣлили съ ними плоды и произведенія своего благословеннаго края, но отъ нихъ видѣли только угнетенія и обиды. Ихъ необузданность и распутная жизнь значительно ослабили то почтительное чувство, какое внушилъ Индѣйцамъ адмиралъ своимъ благороднымъ и умнымъ обхожденіемъ, и привели ихъ наконецъ къ гибели. Коломбъ возстановилъ доброе согласіе съ туземцами, заложилъ колоніи Изабеллу и Санъ-Доминго и ревностно старался объ укрѣпленіи испанскаго владычества какъ военными мѣрами, такъ и мирными сношеніями и договорами. Кацикъ Каонабо, храбрый вождь самаго воинственнаго и враждебнаго племени на островѣ, хитростію и смѣлою рѣшимостью былъ выхваченъ изъ среды своего народа, уведенъ въ плѣнъ отважнымъ Охедой, и переданъ адмиралу, который отослалъ его въ Испанію. Но въ гарнизонѣ Испаніолы скоро произошли новыя распри и заговоры, мѣшавшіе продолженію открытій. Когда же Коломбъ, для возстановленія порядка, наказалъ самыхъ дерзкихъ его нарушителей, а другихъ отправилъ обратно въ Европу, то послѣдніе нашли средство оклеветать при испанскомъ дворѣ ненавистнаго, возбуждавшаго общую зависть, иностранца и представить его управленіе въ самомъ черномъ видѣ. Тогда Фердинандъ, не такъ благосклонный къ великому человѣку, какъ Изабелла, послалъ

на слѣдствіе мелкодушнаго, неспособнаго чиновника Франсиска де-Бовадилью, который, выходя изъ предѣловъ даннаго ему полномочія, началъ съ того, что отнялъ у Коломба намѣстническое званіе и въ цѣпяхъ отправилъ его въ Испанію (1500). Хотя здѣсь и сняли съ него оковы, возбудившія негодованіе всей Европы, но никто уже не помышлялъ объ исполненіи заключеннаго съ нимъ условія. Зависть и притѣсненія Испанцевъ преслѣдовали великаго Генуэзца и его братьевъ, и когда послѣднее его путешествіе оказалось неудачнымъ вслѣдствіе враждебныхъ дѣйствій мятежнаго отряда на Испаніолѣ и бурнаго времени, онъ окончательно потерялъ всякій вѣсъ. Лишенный всѣхъ должностей и званій, онъ вскорѣ умеръ (20-го мая 1506) въ Вальядолидѣ, на 69-мъ году отъ роду, глубоко огорченный неблагодарностію своего государя [1]. Въ послѣдствіи тѣло его было перевезено въ Санъ-Доминго, а оттуда (въ 1796 г.) на островъ Кубу. Цѣпи, въ которыхъ привезли его въ Испанію, были, по желанію его, положены съ нимъ въ гробъ сыномъ его Діэго. Только потомство оцѣнило истинное величіе этого человѣка, который такъ мощно выдѣлялся изъ среды своихъ современниковъ не только своими заслугами, но и своимъ величавымъ характеромъ. Мы дивимся въ немъ не столько великой мысли, которая въ тоже время возникла и у врача-астронома Тосканелли и зарожденіе которой понятно въ эпоху броженія новыхъ идей, поддерживаемую въ возбужденномъ состояніи безпрерывными разсказами и легендами о чудесныхъ открытіяхъ, — насъ болѣе удивляетъ то высокое воодушевленіе, съ какимъ Коломбъ осуществилъ эту мысль вопреки всѣмъ препятствіямъ и предубѣжденіямъ: вотъ въ чемъ особенно обнаружилась его необычайная доблесть.

---

[1] Покровительницы его, Изабеллы, тогда уже не было; она скончалась въ 1504 г. жертвою семейныхъ горестей, которыя сократили ея жизнь. Эта достойная женщина, вступавшаяся за Жидовъ, за Мавровъ, за Индѣйцевъ, за всѣхъ гонимыхъ, въ короткое время лишилась единственнаго сына своего, Іоанна, старшей дочери, Изабеллы, королевы Португальской, и ея сына; другая дочь ея, Іоанна, сошла съ ума и была покинута своимъ мужемъ, Филиппомъ Прекраснымъ, сыномъ императора Максимиліана. Умирая, Изабелла завѣщала кастильскій престолъ сыну ихъ и своему внуку Карлу V.

Характеръ Колона. Рожденный подъ небомъ юга въ образованномъ, оживленномъ дѣятельностью городѣ и въ порывистую, жаждавшую новаго эпоху, Коломбъ обладалъ всѣми свойствами, былъ надѣленъ всѣми доблестями и заблужденіями, которымъ мы удивляемся въ тогдашнемъ величавомъ поколѣніи. Живая фантазія, нечуждая мечтательности и вѣры въ чудесное, имѣла существенное вліяніе на его предпріятія и влекла его впередъ въ невѣдомыя области, изукрашенныя поэтическимъ волшебствомъ сказочнаго міра; однако эта фантазія сдерживалась у него зрѣлою мыслью, сужденіемъ обдуманнымъ, основаннымъ на многостороннемъ практическомъ знаніи. Неожиданный успѣхъ ни разу не помутилъ его свѣтлаго взгляда до того, чтобы онъ предался безцѣльному порыву господствовавшей въ то время страсти къ приключеніямъ. — И у него жажда золота и сокровищъ была не послѣднею побудительною причиной къ смѣлому скитальству по безвѣстному морю; но эта жажда не превратилась въ ту страшную алчность, которою такъ непріятно поражаетъ насъ большинство участниковъ въ тогдашнихъ морскихъ открытіяхъ и которая подавляла всѣ человѣчныя побужденія и чувства. Не смотря на самыя горькія испытанія, Коломбъ никогда не закрывалъ сердца великодушію и не терялъ вѣры въ человѣческую преданность и доблесть; на высотѣ практической дѣятельности онъ еще хранилъ сочувствіе къ беззаботной жизни простыхъ людей въ младенческой невинности и къ величавому властительству мощной природы. Одаренный истинно-царскимъ характеромъ, Коломбъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и послушаніе уже однимъ внѣшнимъ своимъ достоинствомъ, повелительнымъ видомъ и благородною гордостью; но величайшаго удивленія заслуживаетъ его умѣнье владѣть собою въ трудныхъ положеніяхъ, и сила, съ какою онъ сдерживалъ свою собственную раздражительность и обуздывалъ порывы своихъ страстей.

* *Примѣч.* Первое путешествіе совершено Коломбомъ въ 1492 г.; второе—въ 1493—96; третье—въ 1498—1500; четвертое — въ 1502—6 г. Путешествіе Америго Веспуччи пришлось между вторымъ и третьимъ путешествіемъ Коломба. Нѣмецкій географъ, Мартинъ Вальдземюллеръ изъ Фрейбурга въ Брейсгау, управлявшій типографіею въ Сентъ-Діэ въ Лотарингіи, первый назвалъ Новый Свѣтъ Америкою при изданіи латинскаго перевода «Четырехъ Описаній» Веспуччи, въ 1507 году. Коломбъ и до кончины своей остался при томъ мнѣніи, что новооткрытый имъ міръ есть восточный берегъ Азіи, тотъ край чудесъ, «Ципангу», о которомъ онъ читалъ въ древнѣйшемъ путе-

шествіи Марко Поло. Только уже позднѣйшія открытія разъяснили истину.

г) ДАЛЬНѢЙШІЯ ОТКРЫТІЯ И ЗАВОЕВАНІЯ ВЪ НОВОМЪ СВѢТѢ.

§ 423. Бальбоа. Магелланъ[1]. Новый героизмъ былъ пробужденъ Коломбомъ; всѣ отважные, знакомые съ моремъ люди пустились на открытія. Ни кто не хотѣлъ оставаться празднымъ тамъ, гдѣ передъ каждымъ разстилалось такое широкое поле для удовлетворенія страсти къ деньгамъ, славѣ и почестямъ. Еще прежде чѣмъ Коломбъ нашелъ южный материкъ, другой предпріимчивый Итальянецъ Іоаннъ Каботъ изъ Венеціи, котораго живое воображеніе было сильно возбуждено успѣхомъ его генуэзскаго соотечественника, поплылъ къ сѣверу съ троими сыновьями изъ Бристоля на англійскихъ судахъ, и открылъ дальній край Лабрадоръ съ его бѣлыми медвѣдями, скалами и дикими обитателями (1497); но сѣверному побережью, обозрѣнному предпріимчивымъ сыномъ его Севастіаномъ Каботомъ (1498) и Португальцемъ Кортереалемъ (1501) на всемъ протяженіи отъ Флориды до страны Эскимосовъ, не было суждено теперь же стать причастнымъ исторической жизни; значеніе его для европейскаго человѣчества было еще впереди. При невообразимыхъ трудностяхъ, какія представили отважнымъ искателямъ приключеній самая природа края, дикіе звѣри и враждебныя, управляемыя воинственными старшинами (кациками) орды туземцевъ, предпріимчивый, простой Бальбоа, одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій этого хрaбрaго «океанскаго рыцарства», съ горстью людей перешелъ черезъ гористый Панамскій перешеекъ и открылъ Южное море (1515), которымъ и завладѣлъ во имя Кастиліи, съ мечемъ въ рукѣ и по колѣна въ волнахъ. Смерть отъ сѣкиры палача, присужденная ему завистью неспособнаго и лицемѣрнаго его преемника, Педраріи Давилы, положила конецъ его дальнѣйшимъ планамъ и открытіямъ. Какъ во всѣхъ важныхъ событіяхъ, разнообразнѣйшія побужденія содѣйствовали и здѣсь для достиженія

---

[1] По-португальски Магальяэнсъ (Magalhaens).

одной и той же цѣли: самыя мелкія личныя соображенія рядомъ съ неутомимою жаждою расширенія научныхъ и практическихъ познаній, пошлый эгоизмъ рядомъ съ истинно геройскою преданностью и готовностью на всякія жертвы, варварская жестокость и дикость рядомъ съ таящимся въ глубинѣ несомнѣннымъ стремленіемъ къ великой цѣли человѣческаго развитія. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1517) удалось вступившему въ испанскую службу Португальцу Магеллану пройдти черезъ названный его именемъ проливъ въ «Тихій океанъ» и, вытерпѣвъ всѣ крайности голода, достигнуть наконецъ (1519—21) остъ-индскихъ острововъ (Маріанскихъ и Филиппинскихъ) и такимъ образомъ положить начало первому путешествію вокругъ свѣта. Его не устрашила ужасная смерть его предшественника, Діаса де-Солисъ, который за три года передъ тѣмъ (1515), высадившись на берега широкой Ла Платы, былъ убитъ и съѣденъ дикими туземцами. Жажда славы и страсть къ открытіямъ пересиливали всѣ ужасы, всѣ труды и даже самый страхъ смерти. Магелланъ тоже кончилъ насильственною смертью отъ дикарей на Филиппинахъ и довершеніе своего дѣла долженъ былъ предоставить другимъ (1521). Умерщвленіе его на островѣ Зебу доставило Севастіану Элькано честь перваго путешествія вокругъ свѣта и внесеніе земнаго глобуса въ его гербъ. Воображеніе настроенное мнѣніемъ, что именно въ Южномъ морѣ, какъ части Индійскаго океана, предстоитъ найдти группы острововъ, богатыхъ золотомъ, драгоцѣнными камнями, пряностями и жемчугомъ, наполняло душу самыми смѣлыми надеждами и влекло къ великимъ предпріятіямъ. Въ эту чудную эпоху завоеваній (эпоху напряженности, насилія и настоящей маніи къ открытіямъ на морѣ и на сушѣ) соединялось многое, что̀, даже при совершенномъ отсутствіи политической свободы, благопріятствовало индивидуальной выработкѣ характеровъ и помогало отдѣльнымъ, особенно счастливо-одареннымъ личностямъ доходить до тѣхъ благородныхъ порывовъ, которыхъ источникъ таится лишь въ сокровеннѣйшей глубинѣ духа. Опасности всегда возвышаютъ поэзію жизни. Южное море, представившееся Магеллану пустынею, безпрерывно оживлялось новооткрытыми островами, которые

будучи еще плохо опредѣлены въ своемъ положеніи по недостатку точныхъ астрономическихъ наблюденій, безпрестанно переходили на картахъ съ мѣста на мѣсто.

§ 424. Кортесъ въ Мексикѣ (1519—21). Во второмъ десятилѣтіи обильнаго событіями шестнадцатаго вѣка, доблестный Хернандо (Фердинандъ) Кортесъ, соединявшій обдуманность и умъ съ храбростію и полководческими талантами и одушевленный стремленіемъ доставить торжество христіанству, предпринялъ завоеваніе Мексиканскаго государства въ странѣ Анагуакъ, которой обитатели (Ацтеки и Тецкуканы) жили въ людныхъ городахъ, занимались искусствами и ремеслами, одѣвались въ хлопчато-бумажныя ткани и имѣли правильное государственное устройство, съ царемъ, богатымъ дворянствомъ и могущественнымъ жреческимъ сословіемъ. Съ 700 смѣльчаковъ Испанцевъ, къ которымъ присоединились слабыми союзниками нѣкоторые туземные народцы (Тласкалапы), Кортесъ покорилъ многочисленную націю, не лишенную ни воинственности, ни патріотизма, полонилъ ихъ гордаго царя Монтесуму въ собственномъ его дворцѣ и взялъ большую, окруженную озеромъ столицу Мексико, эту «Венецію западнаго полушарія», съ ея бѣлыми башнями и храмами въ видѣ обелисковъ. Страшное дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія[1], отличная конница, блескъ европейскаго военнаго устройства вообще поселили въ туземцахъ убѣжденіе, что Испанцы—высшія существа, которымъ они не могутъ противустоять съ своими слабыми силами и жалкимъ оружіемъ (желѣзо было неизвѣстно имъ), убѣжденіе, нашедшее глубоко укоренившуюся опору въ древнемъ народномъ сказаніи о томъ, что благодѣтельный духъ, научившій Мексиканцевъ употребленію металловъ, земледѣлію и общественному порядку, и бѣжавшій потомъ отъ зависти высшихъ боговъ на сдѣланномъ изъ змѣиныхъ шкуръ, волшебномъ суднѣ въ западное море, когда-нибудь возвратится съ своими потомками. Однако Мексиканцы геройски защищали свое отечество и свободу. Они побили

---

[1] Страшное, при крайнемъ несовершенствѣ тогдашнихъ снарядовъ, болѣе только на видъ нежели въ самомъ дѣлѣ. Конечно, не оно рѣшило перевѣсъ Европейцевъ надъ Американцами, а умственное и нравственное превосходство первыхъ.

камнями своего полоненнаго царя, который былъ благопріятенъ и преданъ Испанцамъ; отчаяннымъ возстаніемъ въ знаменитую «ночь печали» (съ 1-го на 2-е іюля 1520) принудили иноземцевъ отступить съ большимъ урономъ по перерытой гати за озеро, и въ жаркой битвѣ при Отумбѣ, благодаря многочисленности своей истребили бы всѣхъ ихъ до одного, еслибы Кортесъ, въ порывѣ быстрой рѣшительности, не повергнулъ на земь вождя ихъ и тѣмъ не обратилъ остальныхъ въ безпорядочное бѣгство. Но ни храброе сопротивленіе туземцевъ, ни враждебныя нападенія испанскихъ войскъ, высланныхъ противъ Кортеса завистливымъ намѣстникомъ Кубы Веласкесомъ, не отвлекли отважнаго полководца отъ начатаго имъ предпріятія. Одолѣвъ послѣднія въ ночной битвѣ и убѣдивъ ихъ обѣщаніемъ богатой добычи присоединиться къ нему, онъ мало-по-малу склонилъ къ отпаденію покоренные и угнетенные Ацтеками народцы, въ прелестной Анагуакской долинѣ, и потомъ овладѣлъ столицею, которую геройски защищалъ новый царь Гватемосинъ. Въ два года завоевалъ Кортесъ цѣлый край, прекратилъ ужасное идолопоклонство, которому ежегодно приносились въ жертву тысячи людей, и уже помышлялъ объ учрежденіяхъ, которыя могли бы залѣчить нанесенныя войною раны и способствовать водворенію европейской образованности и христіанскихъ нравовъ, какъ вдругъ былъ отозванъ вслѣдствіе недоброжелательства и клеветы (1528). Управленіе завоеваннымъ краемъ отнято у него для того, чтобы онъ не покусился основать собственное государство. Возведеніе въ графское достоинство (съ званіемъ маркиза[1] дель Валле) и пожалованіе нѣкоторыхъ имѣній и земель при очаровательномъ Мексиканскомъ озерѣ были единственною наградой за необъятные труды и опасности. Вскорѣ заслуги его были забыты, хотя онъ въ удовлетвореніе своей, вѣчно-дѣятельной души, еще предпринималъ потомъ новые походы въ Гондурасъ и открылъ «бѣдный, безлѣсный полуостровъ» — Калифорнію (1536). Печаль и досада на неблагодарность государя сократили его дни. Онъ

---

[1] Маркизъ у романскихъ народовъ то же, что маркграфъ у Нѣмцевъ, съ тою разницею, что въ новое время титулъ маркиза сдѣлался только почетнымъ именемъ.

умеръ въ 1547 году, въ Испаніи. Трупъ его, перевезенный изъ Севильи въ Америку, въ послѣдствіи неоднократно вырывали изъ земли, нарушая покой его и въ самой могилѣ.

Завоеваніе Мексики было замѣчательнѣйшимъ событіемъ въ эту тревожную эпоху, исполненную романтическихъ приключеній и смѣлыхъ предпріятій. Величественная природа края, гдѣ у подошвы дѣятельныхъ или выгорѣвшихъ вулкановъ съ снѣжными, далеко свѣтящими вершинами, простираются въ чудномъ изобиліи плодоносныя долины и поля, гдѣ разлито все волшебство тропической природы съ ея роскошною растительностью, яркостью красокъ и избыткомъ лучшихъ плодовъ и рѣдкихъ растеній; высокая образованность древнихъ обитателей Мексики и Тецкуко, Тольтековъ (§ 2), темная исторія которыхъ перешла къ Европейскимъ завоевателямъ лишь въ видѣ изустнаго преданія, и Ацтековъ, которые проникли въ поселенія ихъ въ области Анагуакъ и переняли у нихъ земледѣліе, ремесла, строительное искусство и времесчисленіе, но замѣнили кроткую религію ихъ кровавыми жертвоприношеніями страшному богу войны Хвицилопоктли и его спутникамъ, и утвердили свое владычество надъ сосѣдними народами мечемъ и грозою; наконецъ самая исторія завоеванія, которая по входящимъ въ нее рыцарскимъ подвигамъ, романтическимъ событіямъ и трагическимъ превратностямъ, какъ будто относится больше къ области поэзіи, чѣмъ къ дѣйствительности, — все это вмѣстѣ придаетъ этому предпріятію особенную привлекательность.

Мексико. Прескоттъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ о происхожденіи города Мексико: «Послѣ цѣлаго ряда приключеній и странствованій, которыя могутъ выдержать сравненіе съ самыми преувеличенными сказаніями изъ героическихъ временъ древности, Ацтеки наконецъ остановились на юго-западныхъ берегахъ главнаго озера, въ 1325 году. Тамъ увидѣли они на вѣткѣ колючаго грушеваго дерева, выросшаго изъ разсѣлины омываемаго волнами утеса, царственнаго орла необыкновенной величины и красоты, съ змѣею въ когтяхъ и съ мощными крыльями, распущенными и обращенными къ восходящему солнцу. Они привѣтствовали это благодатное знаменіе, которое, по предреченію боговъ, указывало имъ мѣсто ихъ будущаго города, и заложили его, вколотивъ сваи въ топкія мѣста, ибо низменность на половину лежала подъ водою. На нихъ построили они свои легкія жилища изъ камыша и ситника, и добывали себѣ невѣрное пропитаніе ловлею рыбы и дикихъ водяныхъ птицъ, и разведеніемъ такихъ расте-

ній, которыя могли приняться въ ихъ пловучихъ садахъ. Мѣсто это, въ память своего чудеснаго происхожденія, названо было Тенохтитланомъ, хотя оно и извѣстно Европейцамъ подъ другимъ своимъ именемъ Мексико, заимствованнымъ отъ бога войны Мекситли. Легенда объ основаніи города доселѣ сохранилась въ изображеніи орла и кактуса на гербѣ современной мексиканской республики». Хотя и нельзя отказать въ похвалѣ государственному и юридическому быту, законодательству и хорошему судоустройству Мексиканцевъ, хотя ихъ іероглифическое письмо, общественная жизнь, астрономическія и астрологическія познанія, ремесленное искусство и сноровка заставляютъ признать за ними довольно высокую степень образованности, однако мы съ ужасомъ отворачиваемся отъ жестокаго приношенія людей въ жертву и отъ каннибальскаго обычая съѣдать мясо убитыхъ на роскошныхъ пирахъ съ друзьями, въ томъ страшно-безумномъ предположеніи, что это — пріятный божеству религіозный обрядъ. Никогда утонченность и крайняя грубость нравовъ не соприкасались такъ близко. Тецкуканы (или Аколгуаны), родственное съ Ацтеками племя, превосходили послѣднихъ въ умственномъ образованіи и въ искусствахъ утонченной общественности. Лѣтъ за сто до завоеванія Анагуакской области Кортесомъ, Тецкуканы имѣли свои золотой вѣкъ при царѣ Негагуалькойотлѣ, этомъ Альфредѣ западнаго народа, который послѣ бурной юности, полной романтическихъ приключеній, опасностей и чудесныхъ спасеній, правилъ со славою внутренними и внѣшними дѣлами. Поэтъ и мудрецъ, онъ поощрялъ искусство и астрономическую науку, при чемъ не оставлялъ въ небреженіи ни правосудіе, ни войну. Цѣлый рядъ великолѣпныхъ зданій въ столицѣ Тецкуко, окруженной прелестными садами съ купальнями, кипарисовыми рощами и водометами и обнесенной высокою стѣною изъ кирпича и извести, доказывали какъ любовь его къ пышности, такъ и вкусъ къ изящному. — Херпандо Кортесъ, въ эпоху завоеванія только 33-хъ лѣтъ отъ роду, былъ по описанію Прескотта больше чѣмъ средняго роста; лице его было блѣдно; большіе, темные глаза придавали ему серьёзное выраженіе, несвойственное человѣку такого веселаго нрава. Онъ былъ тонокъ, но имѣлъ выпуклую грудь, широкія плеча, тѣлосложеніе мускулистое и соразмѣрное. Въ немъ видно было соединеніе живости и силы, которое дѣлало его отличнымъ бойцомъ, ѣздокомъ и мастеромъ на всѣ рыцарскія упражненія. Онъ былъ умѣренъ въ пищѣ, не придавалъ никакой важности ѣдѣ, пилъ мало и, повидимому, былъ совершенно равнодушенъ къ трудамъ

и лишеніямъ. Одежда его (онъ не пренебрегалъ впечатлѣніемъ, которое производится и этими побочными средствами) была такова, что выказывала съ выгодной стороны прекрасную его фигуру: она была не блестяща и не казиста, но богата. Онъ носилъ мало украшеній и обыкновенно одни и тѣже, но всегда высокаго достоинства. Его чистосердечные солдатскіе пріемы прикрывали въ высшей степени холодный и разсчетливый умъ. Къ самому веселому настроенію духа примѣшивались у него что-то настойчивое, рѣшительное, внушавшее тѣмъ, кто соприкасался съ нимъ, чувство повиновенія, и сообщавшее приверженности его преданнѣйшихъ спутниковъ нѣчто похожее на страхъ. Такія отношенія, соединявшія любовь съ достоинствомъ, вѣроятно были единственнымъ и лучшимъ средствомъ внушить преданность суровымъ и безпокойнымъ характерамъ, въ среду которыхъ поставило его собственное призваніе. Характеръ его вполнѣ сложился лишь подъ вліяніемъ великихъ событій, вызвавшихъ наружу свойства, которыя до тѣхъ поръ дремали въ груди его. Есть смѣлыя натуры, которыя, для полнаго развитія своихъ силъ, нуждаются въ жаркой, усиленной дѣятельности, подобно тѣмъ растеніямъ, которыя вянутъ подъ мягкимъ вліяніемъ умѣреннаго климата и только подъ жгучимъ небомъ тропиковъ достигаютъ своего полнаго роста и даютъ плоды. Его суровое, но потрясающее краснорѣчіе, которымъ онъ обыкновенно возбуждалъ господствующія чувства и страсти своихъ ратниковъ, жажду чести и славы, любостяжаніе и религіозную ревность пронизывало своими звуками сердца воинственныхъ его слушателей. Объ умѣ его и образованіи свидѣтельствуютъ тѣ знаменитыя письма, которыя, соединяя дѣльность съ простотой, заключаютъ въ себѣ не одно только сжатое и между тѣмъ очень ясное описаніе военныхъ дѣлъ и событій, но и превосходныя замѣтки объ особенностяхъ завоеванныхъ странъ. На всей личности, на всѣхъ пріемахъ Кортеса, по увѣренію одного изъ его соратниковъ, лежала печать знатнаго вельможи.

§ 425. **Пизарро въ Перу** (1529—35). Если уже сокровищъ Мексики было довольно для того, чтобы обогатить Кортеса и алчныхъ его спутниковъ, то чего же можно было ожидать отъ Перу, — такого края, который сами туземцы называли золотымъ? **Пизарро** и **Альмагро**, люди, одаренные такимъ же пламеннымъ духомъ предпріимчивости и воинской отваги какъ и самъ Кортесъ, но не столь знатные и образованные, и притомъ рабы эгоизма и грубыхъ страстей, довер-

шили завоеваніе Перу, не имѣя даже и тѣхъ средствъ, какими располагалъ покоритель Мексики. Перуанцы, состоявшіе подъ властію богатаго царскаго рода Инковъ, были образованною, цвѣтущею націей, кроткаго нрава, безъ ужаснаго идолопоклонства Мексиканцевъ, но и безъ ихъ воинской доблести. Колыбель ихъ образованія была при озерѣ Титикака, на островахъ котораго находились большіе храмы въ честь солнца и луны. Раздоръ за престолъ въ царскомъ домѣ облегчилъ Испанцамъ завоеваніе края и столицы Куско (1532). Жестокій Франсискъ Пизарро, измѣннически захвативъ царя Атагуальпу и казнивъ его, не смотря на свое обѣщаніе дать ему свободу за огромное количество золота, покорилъ прелестную, богатую золотоносными рудами страну и заложилъ новую столицу Лиму (1535). Но вскорѣ Пизарро и его братья (Хернандо и Гонсало) разсорились съ Альмагро, открывшимъ Чили, и обратили свое оружіе другъ противъ друга. Альмагро былъ побѣжденъ и обезглавленъ, но сынъ его отомстилъ за смерть отца, напавъ врасплохъ на Пизарро и убивъ его (1541) съ помощію шайки заговорщиковъ, которые, какъ друзья Альмагро, были обойдены при раздѣлѣ земель между завоевателями. Но и онъ умеръ въ слѣдующемъ году насильственною смертью отъ руки палача, когда задумалъ незаконно присвоить себѣ званіе намѣстника. Дикое неистовство завоевателей привело государство на край гибели; униженный и угнетенный народъ старался возстаніями избавиться отъ своихъ мучителей. Въ это время императоръ Карлъ V прислалъ намѣстникомъ въ Перу умнаго, разсудительнаго священника Педро де-ла Гаску который одолѣлъ мятежныя шайки, повѣсилъ послѣдняго (Гонсало) Пизарро (1548), и учредилъ новый порядокъ въ государствѣ. Изъ Перу открылъ Орельяна, съ невѣроятными опасностями и лишеніями, рѣку Мараньіонъ, или Амазонскую, и своимъ баснословнымъ описаніемъ золотоносной страны (Эльдорадо) еще умножилъ число чудесныхъ сказаній и вызвалъ новыя романтическія предпріятія. Фантазія Испанца, возбужденная многочисленными рыцарскими разсказами, нашла себѣ новую пищу въ повѣствованіи объ опасностяхъ и приключеніяхъ, перенесенныхъ отважнымъ искателемъ на

дальнемъ западѣ, въ описаніяхъ природы, надѣленной роскошною растительностію, баснословно плодоносной, полной неисчерпаемыхъ сокровищъ. И дѣйствительность и поэзія доводили этихъ людей до такого высокаго одушевленія, что всѣ опасности и труды казались имъ ничтожными. Войну и оружіе считали они единственнымъ призваніемъ, достойнымъ благородной крови. Новый Свѣтъ съ его невѣдомыми и таинственными опасностями представлялъ достойное поприще для выполненія этого призванія, и Испанцы, у которыхъ долѣе чѣмъ у другихъ народовъ мерцалъ свѣтъ вымиравшаго рыцарства, съ жаромъ вступали на это поприще.

Отнынѣ два вице-короля управляли изъ Мексики и Перу новооткрытыми землями, подвластными испанской коронѣ; въ послѣдствіи было создано третье вицекоролевство, Новая Гранада. Вицекороли были подчинены главному управленію въ Мадридѣ и торговой палатѣ въ Севильѣ. Въ новыхъ городахъ: Куманѣ, Картахенѣ, Лимѣ, Вера-Крусѣ, Буэносъ-Айресѣ и друг., состояли высшіе суды и архіепископскія каѳедры. Монастырямъ, монашескимъ орденамъ, миссіямъ и іезуитамъ представляли новыя страны широкое поле дѣятельности. Какъ у первыхъ завоевателей тѣсно граничили между собою пошлыя и благородныя, матерьяльныя и идеальныя побужденія, любостяжаніе рядомъ съ благочестіемъ, геройство и христіански-религіозное рвеніе рядомъ съ безчеловѣчнымъ властолюбіемъ, такъ точно эти добрыя и злыя силы продолжали дѣйствовать и въ послѣдствіи во внутренней исторіи колоній и поперемѣнно пораждали то анархическое, то идиллическое состояніе, военный гнетъ и ѳеократическую кротость, человѣколюбивое законодательство и варварскую практику, полезныя учрежденія, внушенныя необходимостью, но которыя, переживъ ее и совершенно выродившись, поддерживались только злоупотребленіями и обращались въ напасть и бѣдствіе для благословеннаго края.

д) Слѣдствія открытія Новаго Свѣта.

§ 426. Состояніе туземцевъ. Открытіе Америки водворило новое время; но съ какими ужасами было сопряжено завладѣніе этою страной! Цвѣтнокожее населеніе Вестъ-индскихъ острововъ, слабое физически и вялое нравственно, въ немного лѣтъ стало жертвою самаго жестокаго обращенія. Все, что избѣгнуло меча и губи-

тельнаго дѣйствія пороха, и не погибло отъ оспы и прилипчивыхъ болѣзней, занесенныхъ въ Новый Свѣтъ завоевателями и страшно свирѣпствовавшихъ между простыми дѣтьми природы, все было безпощадно изведено напряженными работами, которыя превышали силы ихъ слабаго, привыкшаго къ одной растительной пищѣ, тѣла. Индѣйцы должны были обработывать плантаціи, устроенныя завоевателями въ своихъ помѣстьяхъ; они должны были рыть золотые и серебряные рудники, привлекавшіе къ себѣ любостяжаніе и алчность Европейцевъ; ихъ заставили барщиной воздѣлывать поля и исполнять обязанности домашней прислуги. Въ отчаяніи налагали на себя руку не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя общины, чтобы избавиться отъ тяжкихъ работъ. Самоубійствомъ и противодѣйствіемъ новымъ рожденіямъ Индѣйцы ускорили погибель цвѣтнокожаго племени, для котораго соприкосновеніе съ Европейцами было смертоносно. Напрасно благомыслящіе доминиканцы, старавшіеся посредствомъ миссій открыть христіанству и цивилизаціи доступъ къ дикарямъ, проповѣдывали кротость и человѣколюбіе и старались ученіемъ объ общемъ происхожденіи и искупленіи всѣхъ людей «возстановить въ туземцахъ искаженный образъ и подобіе Божіе» и распространить на нихъ человѣческіе и божескіе законы, — эгоизмъ ожесточилъ сердца Европейцевъ и сдѣлалъ ихъ безчувственными къ евангельскому ученію; насиліе завоевателей, которые вмѣстѣ съ землею подѣлили между собой и туземцевъ, прикрѣпили ихъ къ своимъ помѣстьямъ, угнетали невольничьими работами и повинностями, принуждали къ опасной жемчужной ловлѣ, къ тяжкой барщинѣ въ рудникахъ, — это необузданное насиліе превозмогло всѣ благопріятныя для туземцевъ стремленія духовенства и правительства. И когда, наконецъ, благородное духовное лицо, Ласъ Казасъ († 1566), жаркій поборникъ и заступникъ Индѣйцевъ, посовѣтовалъ, въ облегченіе ихъ жребія, употреблять на трудныя работы плантацій болѣе сильныхъ африканскихъ негровъ, то это подало поводъ къ жестокому торгу неграми, который сталъ язвою для людей чернаго племени, не остановивъ однако гибели мѣдноцвѣтной расы. Человѣколюбивыя его намѣренія были извращены въ достойное проклятій зло безсердечіемъ европейскихъ поселенцевъ [1]. Не лучше было

---

[1] Впрочемъ не *Ласъ-Казасу* принадлежитъ и первоначальная мысль замѣнить Неграми слишкомъ слабыхъ въ работѣ Индѣйцевъ. Португальцы, кажется, первые начали вывозить Негровъ изъ Африки, получивъ въ *1442* г. десятокъ черныхъ невольниковъ въ

положеніе обитателей Американскаго материка. Перуанцы и Мексиканцы (вслѣдствіе такъ-называемыхъ репартиміэнтовъ [1]), въ качествѣ крѣпостныхъ, принадлежащихъ испанскимъ колонистамъ, были обложены работами, отъ которыхъ большею частію умирали; дикари были прогнаны въ первобытные лѣса, гдѣ продолжали жить по старому; но топоръ новыхъ поселенцевъ, которые охотились на нихъ съ хищными собаками, отнималъ у несчастныхъ одну полосу земли за другою, и сама внутренняя жизнь ихъ была надломлена столкновеніемъ съ безпощадною европейской образованностью. Чужестранные поселенцы бѣлаго племени, особенно Испанцы и Португальцы, Англичане и Французы, Нѣмцы и Нидерландцы, присвоили себѣ господство, между

обмѣнъ за двухъ полоненныхъ ими Мавровъ, хотя одно позднѣйшее испанское свидѣтельство и говоритъ, будто Негры водились въ Севильѣ и ея окрестностяхъ еще съ исхода 14 вѣка. Изъ грамматы Фердинанда и Изабеллы 1474 г. намъ положительно извѣстно только одно, что въ это время Севильское архіепископство заключало въ себѣ уже значительное число Негровъ и Мулатовъ, свободныхъ и невольниковъ, такъ что надъ ними былъ поставленъ особый начальникъ изъ ихъ же племени (маіоралъ), котораго обыкновенно называли «Негритянскимъ графомъ» (el conde Negro). Продажа Африканцевъ европейскимъ колонистамъ въ Америку началась съ самаго открытія этой части свѣта, при Коломбѣ, и первые миссіонеры изъ іеронимитовъ совѣтовали замѣнять ими слабыя рабочія силы Индѣйцевъ на Вестъ-индскихъ островахъ. Карлъ V вскорѣ по восшествіи на престолъ далъ одному изъ своихъ любимцевъ привилегію на поставку Негровъ въ Америку, и предложеніе Ласъ-Казаса было тѣмъ естественнѣе въ такихъ обстоятельствахъ, что колонисты единодушно завѣряли его въ своей готовности освободить замореныхъ Индѣйцевъ отъ тяжкихъ работъ, если имъ дадутъ въ замѣнъ хотя небольшое число сильныхъ и сносливыхъ Негровъ. Замѣчательно то чистосердечное раскаянье, съ какимъ благородный Ласъ-Казасъ говоритъ въ сочиненной имъ на старости лѣтъ «Исторіи Индіи» о своемъ необдуманномъ совѣтѣ, котораго вредныя послѣдствія начали обнаруживаться уже и тогда. Не надо притомъ забывать, что не только въ это время, но и два вѣка спустя, на дѣло невольничьяго труда и торга невольниками смотрѣли болѣе чѣмъ равнодушно во всей Европѣ. Этою прибыльною торговлей открыто промышляли всѣ мореходныя націи, Испанцы, Англичане, Французы и Нидерландцы. Въ теченіе почти всего 17 вѣка, вплоть до революціи 1688 года, въ Англіи ловили даже бѣлыхъ для продажи Американскимъ плантаторамъ, и такимъ постыднымъ дѣломъ занималось между прочимъ такое лицо, какъ бристольскій мэръ. Во Франціи, вопреки коренному правилу, по которому каждый невольникъ, ступающій на ея почву, становится свободнымъ, даже въ 1716 г., подъ предлогомъ обращенія Негровъ къ христіанству и обученія ихъ какому-нибудь полезному ремеслу, испросили у регента разрѣшеніе покупать и продавать ихъ въ самомъ Парижѣ, и столица европейскаго просвѣщенія сдѣлалась въ короткое время рынкомъ для торга Неграми, такъ что въ 1762 г. Людовикъ XV вынужденъ былъ отмѣнить мѣру своего предмѣстника. Англія покровительствовала этому торгу до тѣхъ поръ, пока большая часть американскихъ колоній не освободилась отъ ея владычества, но за то въ послѣдствіи она первая стала сильно ратовать противъ укоренившагося зла.

[1] Росписей туземцевъ между европейскими колонистами.

тѣмъ какъ цвѣтнокожее населеніе, Индѣйцы и Негры, осужденные на тяжкій жребій покорности и рабства, обращены были въ стада, лишенныя души и воли. Отъ прежнихъ образованныхъ государствъ Америки уцѣлѣли съ давнихъ поръ одни лишь каменные обломки. Дворцы солнечнаго царства Инковъ обратились въ пыль и мусоръ. Царскіе зáмки Ацтековъ сравнены съ землею, теокалліи (языческіе храмы) должны были уступить мѣсто христіанскимъ церквамъ. Третій «свѣточъ зарождавшейся образованности», царство Муисковъ на Боготскомъ плоскогорьѣ, угасло уже нѣсколько вѣковъ. Самое преданіе едва указываетъ на то, кѣмъ были нѣкогда построены большіе великолѣпные города въ Чіапасѣ и Юкатанѣ, которыхъ развалины приводятъ насъ въ изумленіе. Бѣлый человѣкъ, своимъ мечемъ и превосходствомъ своей образованности, повсемѣстно сталъ господиномъ Американца. Столкновеніе съ европейскимъ человѣчествомъ быстро «сломило крылья» обширнымъ царствамъ Индѣйцевъ. Но какъ ни велики были страданія и угнетенія жившихъ тогда поколѣній, однако и краю и населенію завоеваніе открыло болѣе достойную цѣль жизни. Какъ будто по мановенію волшебника свершилось великое дѣло обращенія этихъ народовъ къ христіанству и водворенія начатковъ нравственности тамъ, гдѣ прежде грубѣйшее естественное состояніе человѣка уживалось рядомъ съ признаками преждевременной дряхлости, каннибальство рядомъ съ китайскою роскошью и церемоніальною пышностью, простота подлѣ пороковъ утонченной общественности, звѣрство подлѣ ухищреній лукавой деспотіи, гдѣ низшій классъ былъ угнетенъ какъ рабочій скотъ, безъ собственности, защиты, безъ свободнаго передвиженія, безъ естественныхъ чувствъ кровнаго родства, безъ всякаго человѣческаго позыва къ совершенствованію!

Природныхъ Европейцевъ называютъ въ Америкѣ чапетонами; они занимаютъ всѣ правительственныя должности; рожденные же въ Америкѣ Европейцы называются креолами; происшедшіе отъ смѣшенія Европейцевъ съ Индѣйцами носятъ названіе местицовъ, отъ смѣшенія Европейцевъ съ неграми — мулатовъ: всѣ эти смѣшанныя породы наслѣдуютъ отъ своихъ неравныхъ родителей общіе ихъ недостатки и ни одного достоинства. — Новѣйшіе естествоиспытатели раздѣляютъ американское человѣчество, которое они считаютъ большею частію туземнымъ, а не перешедшимъ изъ Азіи племенемъ, на двѣ главныя группы: толтекскую и американскую. Первымъ (произвольно выбраннымъ) именемъ обозначаютъ они всѣ тѣ народы,

которые собственнымъ развитіемъ достигли высшей ступени образованія; вторымъ — всѣхъ остальныхъ обитателей западнаго полушарія (за исключеніемъ полярныхъ людей Эскимосовъ). Къ толтекскому семейству относятъ образованные народы Мексики, Перу, Боготы, то есть преимущественно обитателей Кордильерскаго плоскогорья и западнаго побережья сѣверной, средней и южной Америки; народы же, обозначаемые именемъ американской группы, въ свою очередь подраздѣляются на апалахійскую отрасль, къ которой принадлежатъ всѣ туземцы сѣверной Америки, кромѣ Мексиканцевъ, и племена на сѣверъ отъ Амазонской рѣки и на востокъ отъ Андовъ; на бразильскую отрасль, куда относятся всѣ народы между рѣками Амазонскою и Ла-Платою отъ Андовъ до Атлантическаго океана; патагонскую, обнимающую народцы въ Чилійскихъ горахъ и отъ Ла Платы до Магелланова пролива, и наконецъ на отрасль Огненной Земли, считающую всего нѣсколько тысячъ головъ, которые, пребывая въ полномъ духовномъ отупѣніи, бродятъ совершенными дикарями по мрачной пустынѣ.

§ 427. Произведенія и торговля. Послѣдствія открытія Новаго Свѣта для европейскихъ нравовъ и цивилизаціи, неисчислимы. Ввозъ американскихъ произведеній совершенно измѣнилъ европейскій бытъ. Не стали ли предметами первой потребности колоніальные товары, кофе, сахаръ, табакъ и т. д., съ тѣхъ поръ вошедшіе въ общее употребленіе, хотя сахарный тростникъ и введенъ въ Америку самими же Европейцами? Не составляетъ ли картофель, перешедшій къ намъ оттуда, важнѣйшей пищи народа? А какое вліяніе имѣло умноженіе благородныхъ металловъ, доставленныхъ рудниками Перу и Мексики, на всѣ отношенія жизни, на цѣнность вещей! — Открытіе Америки и новые морскіе пути дали торговлѣ другое направленіе; вмѣсто торговыхъ городовъ Италіи, центрами торга и богатства стали теперь западныя государства: Португалія, Испанія, Нидерланды, и нѣсколько позднѣе — Англія. Но такъ какъ первыя двѣ страны съ самаго начала заковали торговлю въ цѣпи, то процвѣтаніе ихъ было весьма непродолжительно. Промышленность и торговля преуспѣваютъ только при свободѣ; а оба названныя государства исключили другіе народы изъ своихъ колоній, дозволили послѣднимъ торговать лишь съ одною метрополіей и наложили на нее гнетущія тягости и задерживающіе всякое развитіе путы. Въ испанскихъ и португальскихъ колоніяхъ не было дѣятельнаго бѣлаго населенія, которое бы въ потѣ лица

честно пріобрѣтало себѣ кусокъ хлѣба, и оттого эти колоніи никогда не могли достигнуть процвѣтанія и самостоятельности; не имѣя у себя свободнаго гражданства, онѣ никогда не могли выйдти изъ самой стѣснительной зависимости отъ метрополіи. Колоніямъ позволено было сбывать одни только сырые матеріалы и естественныя произведенія, а всѣ издѣлія ремесленности и искусства доставляла метрополія; и какъ, съ одной стороны, колоніи поэтому никогда не могли развиться до отраднаго могущества и процвѣтанія, такъ съ другой — сама метрополія впала въ вялость и лѣнь по чрезмѣрной легкости пріобрѣтенія. Пока Испанцы ввозили въ свои гавани на гордыхъ галеонахъ и серебряныхъ флотахъ сокровища Америки, добытыя благодарною разработкой Сокотекасскихъ и Потозскихъ рудниковъ, ихъ собственные горные промыслы совершенно упадали; богатства, переходившія изъ Новаго Свѣта въ государственную казну, шли на уничтоженіе послѣдняго остатка политическихъ правъ Испаніи, доставивъ самовластнымъ королямъ возможность избѣгать созванія кортесовъ, безъ которыхъ они могли обходиться, а вмѣстѣ съ свободою исчезло и благосостояніе, когда творческая сила духа и бодрость тѣла, которыя одни дѣлаютъ народы цвѣтущими, замерли подъ суровою десницей испанскихъ деспотовъ. — Напротивъ, великую пользу принесли морскія открытія наукѣ, особенно естествовѣдѣнію и географіи, а для Европы, все болѣе и болѣе страждущей отъ избытка населенія и постигнутой религіозными гоненіями, Новый Свѣтъ открылъ желанное убѣжище, особенно съ того времени какъ открытія въ Сѣверной Америкѣ приняли болѣе широкіе размѣры.

2. Возрожденіе наукъ и искусствъ.

а) Успѣхи изученія древней литературы (гуманистическое направленіе).

§ 428. Убійственный для духа средневѣковой схоластицизмъ еще въ 14 и 15 вѣкахъ былъ сильно потрясенъ въ Италіи правителями изъ дома Медичи и нѣсколькими просвѣщенными папами, которые, какъ было упомянуто (§ 387. 389), оказали великія услуги классическому изученію покупкою рукописей, учрежденіемъ библіотекъ и академій и щедрыми пособіями ученымъ и даровитымъ людямъ; то же самое произошло въ Нидерландахъ, благодаря дѣятельности Обще-

жительнаго братства, которое въ Девентерѣ и другихъ мѣстахъ положило начало лучшему способу преподаванія. Но сильнѣйшій ударъ средневѣковой школьной мудрости нанесенъ былъ въ 15 и 16 столѣтіяхъ новою наукой, почерпнутою изъ твореній Грековъ и Римлянъ, которая изъ Италіи распространилась на всю западную Европу и мало-по-малу преодолѣла и вытѣснила религіозное и философское міросозерцаніе прежняго времени.

§ 429. Въ Италіи, въ теченіе 15 вѣка, многіе блестящіе дворы и богатые города соперничали между собою въ славѣ поощренія искусствъ и наукъ. Награды и почести, изливавшіяся вслѣдствіе того на всякое дарованіе, породили въ чрезвычайно способномъ и подвижномъ народѣ такую степень образованности, какую встрѣчаемъ только въ нѣкоторыхъ государствахъ древняго міра. Собирались драгоцѣнныя рукописи и потомъ размножались и распространялись по свѣту помощію вездѣ возникшихъ книгопечатень, изъ которыхъ иныя, какъ напримѣръ Альдинская (Альда Мануція) въ Венеціи, достигли высокой славы; выработались словари и грамматики; толкованія и переводы облегчили уразумѣніе древнихъ писателей. И если до тѣхъ поръ занимались почти исключительно одною римскою литературой, то теперь стала уже доступна и эллинская, съ того времени какъ во Флоренціи и другихъ мѣстахъ начали преподавать греческій языкъ и какъ пребываніе ученыхъ Византійцевъ въ Италіи сперва во время попытокъ къ соединенію церквей, а потомъ еще болѣе по взятіи Константинополя Турками (§ 413. 414), облегчило изученіе этого языка (Халкондила, Ласкарисъ, Ѳеодоръ Газа и друг.). Классическая латинь заступила мѣсто варварскаго языка средневѣковыхъ схоластовъ и монаховъ, и уже Лаврентій Валла († 1457) обратилъ свое новое языкознаніе на борьбу съ школьною философіей, на объясненіе библейскаго текста и на историческую критику, доказавъ подложность Константинова дарственнаго акта. Однакожь отъ новаго образованія потерпѣлъ не только выродившійся церковный порядокъ, но и самая религія, самая нравственность христіанъ. Приверженцы Платоновской мудрости (академія) и сторонники Аристотелевской философіи (перипатетики) образовали два враждебные стана, и вполнѣ отдавшись своимъ учителямъ, забыли Евангеліе и сущность христіанскихъ воззрѣній; удивляясь и подражая мыслямъ и словеснымъ оборотамъ древности, ученые кардиналы и прелаты вошли наконецъ во вкусъ языческихъ представленій и понятій и предоставили христіанское уче-

ніе простому народу, которому языческая мудрость была недоступна; вслѣдствіе такого отщепенства образованныхъ учителей, народъ на столько же впалъ въ суевѣріе, на сколько они сами сдѣлались безвѣрны. Объ-руку съ равнодушіемъ къ Евангелію (такъ-наз. индифферентизмомъ) шелъ у высшихъ сословій упадокъ нравственности и доблести. Себялюбіе и своекорыстіе стали источникомъ всѣхъ дѣйствій и поступковъ; цѣнился одинъ только практическій умъ и разсчетъ. Отсюда проистекла та нравственная порча, которую флорентинскій политикъ и историкъ Маккіавелли († 1527) разоблачилъ міру въ своемъ «Государѣ» (§ 553) и которой представительницею можно почитать богопротивную семью Борджіа (§ 389).

§ 430. Гуманисты и обскуранты. Италія стала теперь питомникомъ для всей Европы. Ученые и художники толпами стремились туда изъ всѣхъ странъ и приносили потомъ сокровища мудрости и искусства во Францію, Англію, Германію и т. д. Въ скоромъ времени повсюду выступили другъ противъ друга двѣ враждебныя партіи, — поборники новой науки, гуманисты, и предводимые доминиканскимъ орденомъ [1] ревнители старины, которыхъ противная сторона заклеймила именемъ обскурантовъ. Гуманисты всѣхъ странъ, не смотря на разность происхожденія и родины, состояли между собою въ самой тѣсной связи. Латинь, бывшая въ то время общимъ языкомъ ученыхъ и дипломатовъ, облегчала сношенія, помогая понимать другъ друга; живая переписка, заступавшая мѣсто нынѣшнихъ журналовъ, поддерживала эту связь; всѣ литературныя новизны стремились къ одной и той же цѣли, и гуманисты всѣхъ націй считали ихъ своимъ общимъ достояніемъ. А что̀ могла противопоставить такой силѣ староцерковная партія? Ея варварская рѣчь и жалкая словоухищренная философія не могли устоять противъ изящной латини и здравой житейской мудрости гуманистовъ, а слѣпая ея ревность и страсть вездѣ и во всемъ отыскивать ересь изнемогли подъ бременемъ насмѣшки и язвительныхъ сатиръ нововводителей; умственное загрубѣніе монаховъ, безнравственность множества клириковъ, чисто-свѣтская жизнь прелатовъ какъ будто сами напрашивались на мѣткіе удары. Эта литературная борьба повела къ совершенному измѣненію всего образа мыслей. Но въ то время какъ въ Италіи, Франціи и Англіи стоящіе высоко ученые считали новую мудрость

[1] Ставшимъ, какъ извѣстно, во главѣ отжившей свой вѣкъ схоластики.

исключительнымъ удѣломъ своего сословія и съ аристократической надменностью устраняли отъ нея народъ, въ Германіи, гдѣ среднее сословіе было уже образовано и религія коренилась глубоко, эта мудрость проникла въ сердце народа и изъ кабинета ученаго выступила на просторъ житейскаго поприща; въ другихъ краяхъ гуманисты, потѣшаясь сами надъ пороками церкви и духовенства, оставляли массу при ея вѣрѣ и суевѣріи, а въ Германіи къ участію въ умственной борьбѣ привлеченъ былъ народъ и такимъ образомъ здѣсь дѣло дошло до преобразованія всѣхъ отношеній церкви и государства.

§ 431. Университеты и ученыя общества. Ближайшимъ слѣдствіемъ умственнаго пробужденія было основаніе новыхъ образовательныхъ заведеній. Въ Италіи, въ 15 вѣкѣ, возникли по многимъ городамъ гимназіи и университеты, художественныя школы и академіи. Ученые Итальянцы пустились во Францію и въ Англію и заодно съ единомысленными имъ туземцами посѣяли тамъ тѣ семяна, которыя въ началѣ слѣдующаго вѣка, при короляхъ Франциске I и Генрихѣ VIII, поощрявшихъ искусства и науки, принесли прекрасный плодъ и, съ помощію новоучрежденныхъ коллегій (т. е. общеобразовательныхъ училищъ), положили начало цвѣтущему національному образованію. Но самую плодоносную почву гуманизмъ все-таки нашелъ въ Германіи, которая издавна была въ тѣсной связи съ Италіей. Здѣсь возникло множество учебныхъ заведеній и университетовъ * съ иммунитетами (свободою отъ податей), самосудомъ и разными другими привилегіями, а нѣкоторые старые университеты, какъ напримѣръ вѣнскій (съ 1365) и гейдельбергскій (съ 1386), получили теперь новое развитіе. Но и менѣе значительныя учебныя заведенія, появившіяся во множествѣ повсюду, стали также разсадниками гуманизма; таково было девентерское училище, гдѣ дѣйствовалъ Гегій[1], знаменитая школа въ Шлетштадтѣ, подъ руководствомъ ученаго Дрингенберга, мюнстерская, подъ благотворною дирекціей Руд. фонъ-Лангена и подъ вліяніемъ Германа фонъ-демъ Буше, готская, гдѣ между прочимъ благородный Муціанъ Руфъ старался пробудить болѣе либеральный взглядъ на жизнь и болѣе высокіе помыслы. И не только одни клирики и учители, но также и поэты, какъ наприм. Эобанъ Гессъ († 1540 въ Мар-

---

[1] Ученикъ Ѳомы Кемпенскаго, другъ Агриколы и учитель Эразма Роттердамскаго, родомъ изъ Вестфаліи.

бургѣ), и государственные люди, какъ Конрадъ Пейтингеръ [1] въ Аугсбургѣ († 1547) и богатый патрицій, Виллибальдъ Пиркгеймеръ въ Нюрнбергѣ († 1530), были дѣятельными поборниками гуманистическаго направленія. Особенно послѣдній, изучившій правовѣдѣніе въ Италіи и употребленный императоромъ Максимиліаномъ по важнымъ государственнымъ дѣламъ, отличался въ высшихъ кругахъ того времени и образованностью и значительнымъ общественнымъ положеніемъ. — Для поощренія и распространенія гуманизма составились ученыя общества (Рейнское, основанное Конр. Цельтесомъ и Іоан. фонъ-Дальбергомъ, Страсбургское, учрежденное Вимфелингомъ и т. д.), находившіяся въ связи между собою и породившія тотъ общественный духъ, которымъ всѣ края были соединены какъ электрическою цѣпью. Рядомъ съ Нюрнбергомъ, Базелемъ, Эрфуртомъ и друг. мѣстами, особенно выступалъ Гейдельбергъ, какъ средоточіе умственной жизни, какъ сборное мѣсто многихъ благородныхъ силъ. Здѣсь попеременно дѣйствовали Дальбергъ, епископъ вормсскій, другъ и совѣтникъ курфюрста Филиппа Правдиваго, Агрикола, Конр. Цельтесъ, человѣкъ многосторонняго образованія и мастеръ возбуждать вокругъ себя ученый трудъ, и друг. Рейхлинъ находился въ постоянной связи съ Рейнскимъ обществомъ, а Меланхтонъ учился въ Гейдельбергѣ. Бóльшая часть этихъ ученыхъ вели многоподвижную, дѣятельную жизнь, стараясь расширить себѣ кругъ дѣйствія путешествіями и разнообразнымъ личнымъ знакомствомъ. Они-то отняли у духовенства исключительное обладаніе наукой и ученостью. Значительнѣйшими изъ нихъ были Рейхлинъ, Эразмъ Роттердамскій и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

* Годы основанія Нѣмецкихъ университетовъ: Кельнскаго 1388, Эрфуртскаго 1392, Вюрцбургскаго 1403, Лейпцигскаго 1409 (§ 363), Ростокскаго (въ Мекленбургѣ) 1419, Лувенскаго въ Брабантѣ 1426, Трирскаго 1454, Грейфсвальдскаго (въ Помераніи) 1454, Фрейбургскаго въ Брейсгау (учрежденъ герцогомъ Альбрехтомъ Австрійскимъ) 1456, Базельскаго 1460, Ингольштадскаго 1472, Тюбингенскаго и Майнцскаго 1477, Виттенбергскаго 1502, Франкфуртскаго на Одерѣ 1506, Марбургскаго 1527, Страсбургскаго 1538 и мног. друг.

---

[1] Онъ былъ секретаремъ аугсбургскаго сената и представителемъ своего роднаго города на разныхъ сеймахъ. Кромѣ археологическихъ трудовъ своихъ, онъ извѣстенъ сохраненіемъ для потомства знаменитой «Пейтингеревой таблицы», составленной, какъ полагаютъ, при императорѣ Ѳеодосіи въ Константинополѣ и изображающей всѣ военныя дороги Римской имперіи. Подлинникъ ея хранится въ Вѣнѣ.

§ 432. Іоаннъ Рёйхлинъ (прозванный въ греч. переводѣ Капніонъ) родился 1455 въ Форцгеймѣ, учился во Фрейбургѣ и потомъ съ сыномъ маркграфа Карла отправился въ Парижъ, гдѣ впервые познакомился съ греческимъ языкомъ [1] и подъ руководствомъ Іоанна Веселя занялся изученіемъ библіи. Въ 1474 г. онъ переѣхалъ въ Базель и обработалъ тамъ Латинскій Словарь, пережившій въ 27 лѣтъ 23 изданія. Когда монахи помѣшали ему въ публичномъ преподаваніи греческаго языка, Рёйхлинъ снова отправился въ Парижъ, гдѣ снискивалъ себѣ пропитаніе перепискою греческихъ сочиненій, затѣмъ онъ посвятилъ себя изученію права въ Орлеанѣ и Пуатье и при этомъ сочинилъ греческую грамматику. Въ 1481 г. онъ поселился въ Тюбингенѣ, сдѣлался докторомъ правъ и университетскимъ преподавателемъ и сопровождалъ графа Эбергарда Бородатаго въ Италію съ титуломъ его тайнаго совѣтника. Здѣсь познакомился онъ съ Марсиліемъ Фичиномъ, Полиціаномъ и ученымъ Пико Мирандольскимъ (§ 387. 390), которые побудили его къ дальнѣйшимъ ученымъ изслѣдованіямъ, именно къ изученію еврейскаго языка. По возвращеніи своемъ Рёйхлинъ былъ назначенъ засѣдателемъ надворнаго суда въ Штутгартѣ и адвокатомъ доминиканскаго ордена во всей Германіи, — почетная должность, которую онъ занималъ 29 лѣтъ. Когда въ 1496 г. умеръ его покровитель, графъ Эбергардъ Бородатый, и преемникъ его сдѣлалъ своимъ канцлеромъ отъявленнаго Рёйхлинова врага, тогда этотъ ученый уже не почиталъ себя безопаснымъ въ Штутгартѣ и, по приглашенію Іоанна Фонъ-Дальберга, перешелъ въ Гейдельбергскій университетъ. Здѣсь, въ качествѣ друга этого ученаго епископа и въ званіи канцлера, библіотекаря и ежедневнаго собесѣдника при благородномъ курфюрстѣ Филиппѣ, онъ проводилъ отрадную, возвышаемую умственными трудами жизнь, и написалъ руководство къ гражданскому праву и краткую всеобщую исторію по системѣ четырехъ міровыхъ монархій. Послѣ перемѣны правителя въ Вюртембергѣ

[1] Преподаваніе этого языка, введенное въ Парижскомъ университетѣ въ 1458 году, принялось тамъ только съ 1512, когда ректоромъ и профессоромъ греческой словесности назначенъ былъ ученый Итальянецъ Алеандро, которому король Людовикъ XII опредѣлилъ ежегодный пенсіонъ; особенно же развилась древняя (еврейско-греко-латинская) филологія съ тѣхъ поръ, какъ Францискъ I, рядомъ съ богословскою Сорбонной, учредилъ такъ-называемую трехъ-язычную коллегію, collège des trois langues (иначе collège royal, collège de France) въ 1531 г.

Рёйхлинъ возвратился въ 1499 г. въ Штутгартъ и въ 1502 г. получилъ мѣсто судьи швабскаго союза. Эта вліятельная должность, которую онъ занималъ 11 лѣтъ, не помѣшала ему ревностно посвящать себя наукѣ и пріобрѣсти такія познанія въ еврейскомъ, что въ 1506 г. онъ издалъ первую грамматику этого языка. При этомъ онъ прилежно изучалъ Каббалу, что доказываютъ его бесѣды «о чудодѣйственномъ словѣ». Въ 1509 начался замѣчательный споръ съ кёльнскими доминиканцами. Крещеный Еврей, Фефферкорнъ, человѣкъ умный, но запальчивый, преслѣдовалъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ съ крайнимъ ожесточеніемъ и подавалъ просьбы императору и другимъ правительствамъ, домогаясь насильственнаго обращенія Жидовъ. Кёльнскіе доминиканцы поддерживали его старанія и исходатайствовали у императора Максимиліана указъ, чтобы тѣ писанія Іудеевъ, въ которыхъ содержатся оскорбленія христіанству, вездѣ были преданы огню по распоряженію мѣстныхъ властей. Исполненіе этого указа встрѣтило себѣ препятствія въ томъ обстоятельствѣ, что мѣстныя власти не знали содержанія этихъ сочиненій и не могли сдѣлать требуемаго выбора; тогда дѣло поручено было майнцскому архіепископу, какъ имперскому архиканцлеру, а онъ потребовалъ мнѣнія Рёйхлина, лучшаго знатока еврейской литературы. Въ 1510 г. Рёйхлинъ написалъ разсужденіе о томъ, слѣдуетъ ли отнять у Евреевъ ихъ книги и сжечь, и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Талмудъ, истолкованіе 613 предписаній и запрещеній, содержащихся въ пятокнижіи Моисеевомъ, составленъ въ первые вѣка нашей эры знаменитѣйшими вѣроучителями еврейскими; онъ заключаетъ въ себѣ все ихъ богословіе, нравоученіе и медицину и понятенъ рѣдкому изъ самихъ Іудеевъ, а потому не можетъ причинить много вреда. 2) Каббала ни мало не нуждается въ оправданіи; папа Александръ VI призналъ ее полезною для христіанской вѣры, а Сикстъ IV велѣлъ перевести на латинскій языкъ. 3) Объясненія на Ветхій Завѣтъ самыя лучшія приготовительныя работы для христіанскихъ толкователей. Еслибъ знали ихъ Иларій и Іеронимъ, то конечно бы не такъ часто ошибались. 4) Что касается до сожиганія молитвенниковъ и сборниковъ проповѣдей, то это не сообразно ни съ какимъ правомъ, такъ какъ Евреямъ предоставлено свободное отправленіе ихъ вѣры; надобно преподавать лѣтъ дѣсять еврейскій языкъ во всѣхъ университетахъ, тогда христіане будутъ въ состояніи опровергнуть Іудеевъ на ихъ собственной почвѣ и получатъ возможность обратить ихъ. — Противъ этого заключенія пріоръ кёльнскихъ доминиканцевъ Яковъ

фонъ-Гоогстратенъ, написалъ «Ручное зеркало», самый рѣзкій пасквиль, обвинявшій Рёйхлина въ подкупѣ, подлогѣ, обманѣ и невѣжествѣ, и тѣмъ далъ оскорбленному случай оправдать себя и свое мнѣніе въ превосходной отповѣди, подъ названіемъ «Глазное зеркало». Это повело къ сильной тяжбѣ передъ духовными судами въ Майнцѣ и Шпейерѣ и передъ Парижскимъ университетомъ [1]. Послѣ 47 засѣданій этотъ университетъ произнесъ свой приговоръ «Глазному зеркалу», и книга Рёйхлина была сожжена не только въ Трирѣ, но также въ Лувенѣ, Майнцѣ и Эрфуртѣ. Кёльнцы еще прежде самовольно приступили къ этой мѣрѣ. На осужденіе свое Рёйхлинъ апеллировалъ къ папѣ, поддерживаемый императоромъ, кардиналомъ архіепископомъ фонъ-Гуркомъ, курфюрстомъ Саксонскимъ, герцогомъ Баварскимъ, маркрафомъ Баденскимъ, 5 епископами, 13 аббатами и 53 имперскими городами. Но чѣмъ болѣе дѣло Рёйхлина выигрывало въ глазахъ образованныхъ людей, тѣмъ болѣе раздражались Кёльнцы. Греческій языкъ объявили они матерью всякой ереси, а изученіе еврейскаго явнымъ признакомъ наклонности къ жидовству, и на рѣшеніе самого Рима старались подѣйствовать угрозою, что обратятся съ жалобою во всеобщій соборъ. Послѣ долгихъ словопреній явился наконецъ папскій приказъ, до времени оставить дѣло въ покоѣ. Такъ рѣшилась въ пользу гуманизма эта страшная чернильная война, въ которой на сторонѣ Рёйхлина были всѣ друзья образованности, особенно любознательная молодежь, и энергически отстаивали дѣло свободной науки противъ ограниченности и грубаго насилія. Кёльнцы были присуждены къ уплатѣ всѣхъ проторей и убытковъ, а когда они стали медлить взносомъ этой суммы, то ихъ силою принудилъ къ тому просвѣщенный Францъ фонъ-Зикингенъ, котораго родовой замокъ Эбернбургъ близъ Крёйцнаха, служилъ сборищемъ для многихъ либеральныхъ людей. Этотъ споръ, въ которомъ за Рёйхлина стояли императоръ, многіе князья и города, пріумножилъ число гуманистовъ и споспѣшествовалъ дѣлу образованія. Изъ круга людей, собравшихся около Рёйхлина, вышли знаменитыя «Письма обскурантовъ» (Epistolae obscurorum virorum), при сочиненіи которыхъ особенную дѣятельность оказалъ, какъ говорятъ, Ульрихъ фонъ - Гуттенъ. Эти письма изображаютъ глупую наглость нищенствующихъ монаховъ, ихъ низкую безнравственность и нелѣпые крики

---

[1] Который, въ теченіе всей средневѣковой эпохи, считался верховнымъ судилищемъ важныхъ богословскихъ, философскихъ и юридическихъ споровъ.

противъ ереси гуманизма, съ свойственною имъ кухонною латинью, въ такой вѣрной карикатурѣ, что сначала сами доминиканцы старались распространять эту книгу, а раскусивъ ее, уже напрасно стали осыпать проклятіями. Въ 1519 году Рейхлинъ отправился на нѣкоторое время въ Ингольштадтъ, но ссора съ докторомъ Іоан. Экомъ опять привела его въ Штутгартъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1522 г. 67 лѣтъ роду.

§ 433. Эразмъ Роттердамскій (1467 — 1536) былъ человѣкъ самаго тонкаго ума и остроты необыкновенной. Смолоду уговорили его вступить въ монастырь, хоть вся природа его противорѣчила иноческому быту. При помощи епископа камбрейскаго получилъ онъ черезъ нѣсколько времени свою свободу и вмѣстѣ (драгоцѣнную тогда) возможность учиться богословію въ Парижѣ. Здѣсь настроился онъ такъ враждебно къ схоластикѣ, что всю жизнь свою ратовалъ не только противъ нея, но и противъ злоупотребленій монашества всѣми оружіями своего остроумія и разсудка. Слава о немъ вскорѣ загремѣла у всѣхъ народовъ западной Европы; государи и вельможи осыпали его приглашеніями, подарками, льстивыми отзывами: вездѣ желали имѣть его и старались привлечь заманчивыми обѣщаніями. Но онъ предпочелъ свободную жизнь литератора всѣмъ служебнымъ должностямъ; онъ путешествовалъ по всѣмъ государствамъ образованной Европы, но подъконецъ жилъ преимущественно въ Базелѣ, гдѣ вмѣстѣ съ типографщикомъ Фробеномъ [1] издалъ множество сочиненій на языкѣ и въ духѣ древности. Въ его базельскій домъ кучами сыпались подарки, посѣтители являлись со всѣхъ сторонъ, во всѣ концы свѣта получалъ онъ приглашенія. Это былъ маленькій, бѣлокурый человѣкъ, съ голубыми, полузакрытыми глазами, полный тонкой наблюдательности, съ юморомъ на устахъ, но нѣсколько робкій въ обращеніи: казалось, довольно было дунуть, и онъ упадетъ; слово смерть приводило его въ невольный трепетъ. Въ ряду многочисленныхъ его трудовъ важнѣйшими были

---

[1] Фробенъ принадлежитъ къ тому разряду ученыхъ типографщиковъ, которые, по слѣдамъ Альда Мануція въ Венеціи, наиболѣе содѣйствовали къ усовершенствованію новорожденнаго искусства книгопечатанія. При изданіи имъ въ 1516 г. Новаго Завѣта Эразмовой рецензіи, корректурою занимался по его особенной просьбѣ, кромѣ самого Эразма, ученѣйшій богословъ Эколампадій, великій знатокъ еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ. За прочими изданіями наблюдалъ отчасти самъ Фробенъ, отчасти другіе извѣстные ученые того времени. Книгопечатаніе было долго настоящею наукой прежде чѣмъ обратилось въ механическое ремесло.

Похвала глупости и исправное изданіе Новаго Завѣта въ греческомъ текстѣ съ латинскимъ переводомъ и описательнымъ переложеніемъ (парафразой). Первая — простонародная сатира на латинскомъ языкѣ, имѣвшая множество переводовъ — бичуетъ глупости всѣхъ сословій, особенно же духовенства бѣлаго и чернаго; второе побудило къ изученію священнаго писанія въ подлинникѣ и много содѣйствовало успѣху реформаціи. Когда съ появленіемъ Лютера борьба между новизной и стариной приняла вдругъ громадные размѣры, робкій, стремившійся къ спокойному наслажденію жизнью Эразмъ, боязненно отступилъ отъ начатаго дѣла и сталъ противоборствовать мѣрамъ Лютера, которыя сначала одобрялъ [1]. У Эразма недоставало сердца сочувствовать народнымъ страданіямъ, и каждое сильное потрясеніе наводило ему страхъ; надъ чѣмъ издѣвался онъ самъ и его друзья аристократы, того, по общему ихъ мнѣнію, все-таки не слѣдовало отнимать у толпы. Поэтому онъ вообще былъ нерасположенъ къ демагогамъ и заперъ свою дверь бѣглому, гонимому Гуттену, когда тотъ хотѣлъ повидаться въ Базелѣ съ своимъ прежнимъ другомъ. Карою за эту измѣну пріязни послужило Эразму послѣднее немилосердое обличеніе со стороны Гуттена.

Всѣхъ ближе къ Эразму по образу мыслей и направленію стоялъ англійскій канцлеръ Томасъ Моръ, остроумный и геніальный авторъ Утопіи (De optimo reipublicae statu, deque nova insula Utopia); въ которой картиною идеальнаго быта баснословной страны счастія наглядно обличаются недостатки государства и церкви въ дѣйствительности. Подобно Эразму, Моръ также выступилъ въ послѣдствіи противникомъ реформаціи и пользовался своимъ судейскимъ положеніемъ для преслѣдованія нововѣровъ. Но его постигла Немезида. Онъ умеръ на плахѣ (1535) за то, что не одобрялъ мѣръ, принятыхъ Генрихомъ VIII для отторженія Англіи отъ папства и твердо держался догмата о пресуществленіи. Въ жизни своей Томасъ Моръ былъ впрочемъ достойнымъ

---

[1] При этомъ не должно упускать изъ виду, что Лютеръ вначалѣ и самъ вовсе не помышлялъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ привелъ его мало-по-малу неудержимый ходъ борьбы. Вообще судъ нынѣшнихъ историковъ надъ Эразмомъ кажется намъ слишкомъ односторонниимъ. При началѣ всякаго общественнаго переворота являются люди, которые сочувствуя ему вполнѣ, желаютъ однакожь избѣжать крайностей грубаго насилія, и число такихъ людей должно неизбѣжно возрастать по мѣрѣ успѣховъ общаго образованія. Думать иначе, значило бы обрекать исторію вѣчному чередованію насилій, смѣняющихся одно другимъ. Лютеръ, какъ увидимъ далѣе, окончательно разсорился съ Эразмомъ за то, что послѣдній доказалъ односторонность его взгляда, не допускавшаго свободной воли въ человѣческихъ дѣйствіяхъ.

полнаго уваженія человѣкомъ, а въ служебной дѣятельности—неподкупнымъ судіей; самую смерть перенесъ онъ съ спокойствіемъ и твердостью истиннаго философа [1].

§ 434. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ (1488 — 1523), изъ рода франконскихъ рыцарей, былъ самымъ смѣлымъ и энергическимъ поборникомъ новаго образованія и независимости Германіи отъ всякой внѣшней власти. Онъ лишился расположенія своего суроваго, упрямаго отца за то, что бѣжалъ отъ монастырской жизни въ Фульдѣ, на которую обрекъ его старикъ, и потомъ, какъ «второй Улиссъ», вынужденъ былъ долго скитаться среди опасностей и лишеній, среди бѣдствій и нищеты, живя то доброхотными пособіями въ Германія, то въ Италіи снискивая себѣ хлѣбъ мечемъ на службѣ Карлу V, но при этомъ постоянно учась, не покидая ни на мигъ умственной дѣятельности; и когда по смерти отца, нѣжная, любящая мать со слезами умоляла его воспользоваться преимуществами своего званія, онъ добровольно отрекся отъ земныхъ благъ, отъ обезпеченнаго существованія въ родовомъ замкѣ Штакельбергѣ, чтобы жить свободною жизнью поэта и безпрепятственно посвящать всю силу могучей души своей освобожденію отечества отъ тысячи связывавшихъ его цѣпей. Терзаемый страшною болѣзнью, гнетомый бѣдностью, презираемый, гонимый, онъ непоколебимо шелъ своимъ путемъ. Въ стихотвореніяхъ, сатирахъ и памфлетахъ бичевалъ онъ и односторонность правовѣдовъ съ ихъ римскимъ правомъ, и дикость дворянства и тираннію государей (Ульриха Вюртембергскаго § 479), безнравственность и умственный упадокъ духовенства и глупую непрактичность ученыхъ школяровъ. Уже далеко прогремѣла его слава и голову его украсилъ поэтическій лавръ, сплетенный прекрасною дочерью Пейтингера и возложенный на него самимъ императоромъ Максимиліаномъ въ Аугсбургѣ (1517), когда, по совѣту доблестнаго канцлера Эйтельвольфа фонъ-Штейна, пригласилъ его къ своему двору архіепископъ Альбрехтъ майнцскій, сдѣлавшій такъ много для искусствъ и наукъ. Не смотря на всѣ предостереженія, Гуттенъ принялъ этотъ вызовъ и отказался отъ вольной литературной жизни въ то самое время, когда начавшаяся борьба Лютера съ Римомъ сильно отозвалась въ его душѣ. Не долго устоялъ онъ противъ соблазна, заявить свое радостное сочувствіе къ реформаціи и заговорить въ Лютеровомъ тонѣ. Это сдѣлало положеніе его невыносимымъ, особенно съ тѣхъ

[1] Онъ и во время тюремнаго заключенія, которое предшествовало его казни, не оставлялъ ученыхъ занятій, услаждавшихъ его жизнь съ молодыхъ лѣтъ.

поръ, какъ кёльнскій профессоръ и «судья еретиковъ» Яковъ Гоогстратенъ подвергся открытому его нападенію на улицѣ. Папа Левъ X потребовалъ выдачи Гуттена; Альбрехтъ майнцскій лишилъ его своей милости и защиты; убійцы посягали на его жизнь. Тогда Гуттенъ отправился къ другу своему Францу фонъ-Зикингену въ зàмокъ Эбернбургъ, убѣжище гонимыхъ друзей реформаціи, — Аквилы, Буцера, Эколампадія,—и выбрасывалъ оттуда безпощадные стихи, посланія и сатирическія бесѣды, но уже не на латинскомъ, а на нѣмецкомъ народномъ языкѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательны облеченныя въ разговорную форму «Жалоба и увѣтъ противъ чрезмѣрной, нехристіанской власти папы», «Вадискъ, или римская троичность» и «Созерцающіе»,—сочиненія, полныя ѣдкаго остроумія, по вмѣстѣ и самой крѣпкой брани, появившіяся въ то самое время, когда общественный духъ былъ возбужденъ преніями Вормсскаго сейма, и потому произведшія самое сильное впечатлѣніе. Въ сочиненіяхъ Гуттена, какъ и во всей его жизни, воетъ буря, исходящая изъ глубины страстныхъ чувствъ; у него горитъ не бѣлый, ровный газовый свѣтъ идеи, а пышетъ красное пламя, питаемое гораздо грубѣйшимъ горючимъ матеріаломъ. Отнынѣ поприще Гуттена преисполнилось опасностей. Вмѣсто духовной борьбы, онъ хочетъ уже борьбы оружіемъ; свободу и національное единство въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ мыслитъ онъ завоевать мечемъ; проявляющіяся тамъ и сямъ волненія крестьянъ повидимому представляются ему сподручными — тогда защитникъ его, Зикингенъ, погибаетъ въ борьбѣ съ архіепископомъ трирскимъ въ зàмкѣ своемъ Ландштулѣ (7 мая 1523), и Гуттенъ, чтобъ уклониться отъ мести своихъ враговъ, долженъ бѣжать въ Швейцарію, гдѣ бѣдность, болѣзнь и неудержимые порывы огненной души сводятъ его въ раннюю могилу (августъ 1523). Онъ умеръ 36-ти лѣтъ отъ роду на островѣ Уфнау въ Цюрихскомъ озерѣ, куда по совѣту Цвинглія отправился лѣчиться. Гуттенъ былъ малорослый, слабенькій, невидный человѣкъ, бѣлокурый, съ темною бородой; его блѣдное лицо, въ которомъ было нѣчто строгое и какъ бы дикое, оставалось въ памяти у всякаго, кто хоть однажды его видѣлъ. Это былъ острый и терпкій умъ, чуждый спокойствія и пощады: оттого и не имѣлъ онъ покоя ни на одинъ мигъ отъ колыбели до могилы. Девизомъ его было: «Я отважился!» т. е. будь, чтò будетъ [1].

[1] Мудрено ли, что такой совершенно противоположный характеръ, какъ Эразмъ, наконецъ вполнѣ отшатнулся отъ Гуттена.

Б) ЦВѢТЪ ХРИСТІАНСКАГО ИСКУССТВА.

а) *Священное искусство среднихъ вѣковъ.*

§ 435. Архитектура соборныхъ храмовъ. Въ средніе вѣка искусство вполнѣ служило религіи и всѣ отрасли его соединялись въ величественныхъ соборныхъ церквахъ, воплощавшихъ въ себѣ высокія идеи христіанства. Какъ важнѣйшія представительницы средневѣковаго образованія, онѣ заслуживаютъ обстоятельнаго изученія. 1) Въ чисто архитектурномъ отношеніи принимаютъ обыкновенно два главные рода зодчества (два стиля) въ сооруженіи церквей, — древне-христіанскій, или круглосводный, и готическій (германскій), или остросводный (стрѣльчатый). Къ первому, который дѣлится сверхъ-того на византійскій и романскій, причисляютъ, во-первыхъ, выстроенныя по образцу древнеримскихъ сооруженій, базилики, обнимающія собой продолговатое пространство, которое двумя рядами связанныхъ полукружными дугами (арками) колоннъ раздѣляется на три прясла, передъ входомъ снабжено предсѣніемъ (портикомъ), а подъ главнымъ алтаремъ (или престоломъ) подземнымъ склепомъ (криптою), въ которомъ хранятся останки св. заступника храма; во-вторыхъ — возводимыя по восточно-римскому образцу (особенно въ подраженіе храму св. Софіи въ Константинополѣ) церкви въ византійскомъ стилѣ съ круглыми сводами и высокими куполами (главами). Къ этому древнехристіанскому стилю сооруженій принадлежитъ бо̀льшая часть древнѣйшихъ церквей въ Римѣ, византійскій храмъ св. Марка въ Венеціи, а въ Германіи соборная церковь въ Ахенѣ и древнѣйшія части соборовъ трирскаго, шпейерскаго, вормскаго, майнцскаго и друг.—Сооруженія въ готическомъ стилѣ, достигшемъ полнаго развитія въ 13 и 14 вѣкахъ, отличаются легкимъ, свободнымъ, воздушнымъ характеромъ, стремленіемъ въ высь, подобно вызвавшему ихъ религіозному чувству. Главная краса его въ стройно-высокихъ башняхъ, которыя чѣмъ далѣе идутъ вверхъ, тѣмъ становятся легче, смѣлѣе и изящнѣе, а потомъ завершаются величественнымъ крестообразнымъ цвѣтомъ, который, простирая листья къ небу, указываетъ цѣль, не достигнутую задушевнымъ стремленіемъ человѣка. Основной планъ представляетъ фигуру креста, общаго символа христіанской церкви; нѣтъ ничего массивнаго, ни тяжелаго въ

цѣломъ составѣ зданія. Полусвѣтъ, производимый расписными оконницами, наполняетъ душу молящагося трепетомъ благоговѣнія предъ лицомъ Всемогущаго. Соборные храмы состоятъ изъ нѣсколько приподнятаго хора, доступнаго только для духовныхъ лицъ и гдѣ находится главный алтарь, изъ средняго прясла (корабля), осѣненнаго высшимъ кровомъ, куда входятъ богато украшеннымъ главнымъ порталомъ, и изъ двухъ (или четырехъ) отдѣленныхъ отъ средины легкими колоннами и стрѣльчатыми арками боковыхъ пряслъ, въ которыя ведутъ два малые портала. Все вмѣстѣ поддерживается снаружи громадными подстрѣлинами.

Значительнѣйшіе готическіе соборы сооружены въ Германіи, Франціи и Италіи; изъ нихъ самые замѣчательные: кёльнскій, котораго обѣ чудесныя башни еще недостроены; страсбургскій мюнстеръ, у котораго одна башня, проектированная великимъ мастеромъ Эрвиномъ фонъ-Штейнбахомъ (въ Баденской области † 1318), окончена въ 1439 г.; великолѣпный соборъ въ Фрейбургѣ брейсгаускомъ; соборъ антверпенскій; храмъ св. Стефана въ Вѣнѣ; соборы ульмскій, регенсбургскій и друг. — Такъ какъ отстройка бо̀льшей части готическихъ сооруженій требовала часто свыше ста лѣтъ времени, то для каждаго большаго предпріятія въ этомъ родѣ составлялись такъ-называемыя строительныя артели (Bauhütten), товарищества художниковъ, кладчиковъ и каменотесовъ, которыя, распредѣляясь по цехамъ, имѣли вои собственные уставы, свой независимый судъ подъ предсѣдательствомъ главнаго мастера, и пользовались такими привилегіями и льготами, что составляли почти отдѣльное государство. Корпораціи эти назывались обществами вольныхъ каменщиковъ. Они состояли во взаимной связи между собою; въ каждомъ краѣ была своя главная строительная артель, которой были подчинены всѣ мѐньшія; высшее надъ всѣми мѣсто занимала артель страсбургская; за нею важнѣйшими были кёльнская, вѣнская, и цюрихская [1].

---

[1] По поводу готической архитектуры авторъ поддается естественной въ немъ слабости выдвинуть на первый планъ Германію и Нѣмцевъ и только вскользь упомянуть о другихъ. Для возстановленія настоящей точки зрѣнія, мы считаемъ своей обязанностью привести слова извѣстнаго знатока исторіи искусства, д-ра А. Г. Шпрингера, который о готическомъ стилѣ говоритъ такъ: «Что готика родилась въ лонѣ германскаго міра, фактъ извѣстный, равно какъ и то важное обстоятельство, что одному лишь воззрѣнію германскихъ племенъ соотвѣтствовала она вполнѣ, въ романскомъ же мірѣ господствовала толь-

§ 436. И другія искусства, — ваяніе, музыка и живопись также были слугами церкви. Ваятельныя и камнерѣзныя произведенія назначавшіяся для прикрытія массивности и многотрудности камнекладныхъ работъ, были тѣсно связаны съ архитектурой; на нихъ должно смотрѣть только какъ на части одной великой идеи, лежащей въ основаніи готическаго стиля; изображенія Христа, Его учениковъ и приближенныхъ, статуи святыхъ, многоразличныя украшенія, ѝброни и символы, цвѣты, раскрывающіеся на острiѣ каждой наружной вершины и имѣющіе прямое соотношеніе съ крестомъ, — все указываетъ на христіанскую религію и на поры-

---

ко до тѣхъ поръ, пока (вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій) бытъ послѣдняго приближался къ германскимъ формамъ. Но, въ обширной сферѣ германизма, сѣверной Франціи, и именно такъ-называемой «королевской волости» (domaine royal) принадлежитъ по всей правдѣ слава самаго ранняго и самаго блистательнаго развитія готическаго стиля. Право это опирается не на одни внѣшнія свидѣтельства, какъ напримѣръ на то, что готическій стиль извѣстенъ былъ въ Германіи подъ названіемъ французскаго дѣла (opus francigenum), что французскій зодчій, Гильіомъ изъ Санса, первый занесъ его въ Англію, что и въ другихъ мѣстахъ распространялся онъ французскими руками (архитекторы изъ Франціи не разъ вызывались въ самоё Германію); но то же убѣжденіе подтверждается и взглядомъ на французскія сооруженія XII и XIII вѣковъ, могучимъ процвѣтаніемъ французскаго искусства въ ту эпоху и разсмотрѣніемъ общественнаго быта сѣверной Франціи. Время, заложившее прочную основу французской монархіи и бывшее свидѣтелемъ постепеннаго усиленія среднихъ классовъ (водвореніе общиннаго начала, communio, въ сѣверной Франціи слыло тогда «новымъ божествомъ», novum numen) и достиженія ими политическаго вѣса,—это время обладало всѣми условіями для того, чтобы могущественно развить цвѣтъ искусства, ибо сословная борьба оживляла духъ народный, новые представители образованія стремились найдти внѣшнее выраженіе, энергическую форму для своихъ воззрѣній. Мы не должны забывать, что во главѣ великаго народнаго движенія, порожденнаго крестовыми походами, стояло опять-таки племя «Франковъ» что сѣверно-французская поэзія содержаніемъ своимъ преобладала надъ поэзіею другихъ народовъ, что французскій бытъ въ 13 вѣкѣ господствовалъ въ видѣ моды такъ же широко, какъ и въ 18-мъ, и что парижскій университетъ былъ главнымъ узломъ научной жизни того времени. Но не было недостатка и въ особенныхъ условіяхъ для развитія тамъ именно готическаго стиля. Опыты сооруженія сводовъ въ теченіе романскаго періода, много подготовили это развитіе въ сѣверной Франціи, и къ услугамъ его здѣсь подоспѣло во́-время устройство цеховъ, достигшее такой силы, что могло уже требовать себѣ со стороны государства формальнаго признанія. Трудно одной чистой случайности приписать то, что именно въ предѣлахъ королевскихъ владѣній, въ такой сравнительно короткій срокъ и на столь ограниченномъ пространствѣ, сооружены такіе громадные соборы, что именно здѣсь пробудилась вдругъ страсть къ постройкамъ, явилось такое богатство техническихъ свѣдѣній, такое художественное чувство формъ, какія едва ли найдутся гдѣ нибудь въ другомъ краѣ въ подобный періодъ времени.» Авторъ указываетъ вслѣдъ за тѣмъ на множество превосходныхъ соборныхъ церквей и ратушъ, выстроенныхъ на сѣверѣ Франціи и послужившихъ образцомъ для позднѣйшихъ сооруженій.

ваніе міра и души человѣческой къ божественному, такъ что разнообразіе частностей ни сколько не заслоняетъ отъ взора идею общаго единства и совершенства, подобно тому, какъ богатое разнообразіе и пестрота природы постоянно указываютъ на высшее единство, все собою объемлющее.—Такое же близкое отношеніе къ религіи и церкви имѣютъ и рѣзьба по дереву и кости, которою украшались алтари и исповѣдальни, изящныя литейныя работы, изображенія надъ алтарями, надъ окнами, у колоннъ и у крышъ. Единственною задачею средневѣковаго искусства было повидимому то, чтобы вѣчныя идеи религіи выразить въ символической формѣ и такимъ образомъ приблизить къ внутреннему созерцанію; поэтому-то всѣ древнія иконы и отмѣчены характеромъ спокойствія, ибо спокойствіе есть сущность божественнаго, но съ другой стороны роскошная яркость красокъ придавала великому единству живое разнообразіе.—Торжественные звуки древней церковной музыки, состоявшей изъ простаго пѣнія и потрясающей игры на органѣ[1], также служили къ возбужденію благочестиваго настроенія, а колокольный звонъ, призывавшій отъ суеты мірской къ внутреннему сосредоточенію, долженъ былъ наводить душу на стремленіе къ высшему. Церковные гимны пѣлись то въ одинъ голосъ, соло, то въ нѣсколько голосовъ, раздѣленныхъ на двѣ чередующіяся партіи, антифоніи, то совокупнымъ хоромъ цѣлой общины, въ видѣ хорала.

Особый родъ средневѣковой живописи, обыкновенно посвящаемый только религіознымъ предметамъ, составляли миніатюры, которыми украшались большая часть молитвенныхъ и богодухновенныхъ книгъ и многія рукописи. Обыкновенно расписывались заглавіе, поля и начальныя буквы; многія изъ этихъ украшеній доведены до высокаго изящества и всѣ вообще отличаются удивительною яркостью красокъ. Кромѣ Италіи, эта живопись процвѣтала еще особенно въ Кёльнѣ и Нидерландахъ; ею, равно какъ и чистописаніемъ, преимущественно занимались мона-

---

[1] Органъ появился въ церквахъ западной Европы съ 11 вѣка, но еще далеко не вездѣ, потому что во-первыхъ онъ слишкомъ дорого стоилъ, а во-вторыхъ былъ до такой степени тугъ, что опущеніе клавишей требовало большихъ усилій; для произведенія звука сначала нѣсколько человѣкъ ступали по мѣхамъ, а въ послѣдствіи достаточно было сильно ударять кулаками по клавишамъ. Начатки органа мы находимъ еще у Римлянъ, но первое развитіе его принадлежитъ Арабамъ, отъ которыхъ черезъ Византійцевъ онъ перешелъ въ западную Европу, и здѣсь уже получилъ свое дальнѣйшее усовершенствованіе.

хп. — Древняя церковная музыка своимъ развитіемъ всего болѣе обязана епископу Амвросію медіоланскому (миланскому § 239) и папѣ Григорію Великому. Первому приписываютъ введеніе употребительныхъ донынѣ въ католической церкви антифоній, гимновъ и навечерій, но прозванный его именемъ амвросіанскій гимнъ: «Тебе Бога хвалимъ» обязанъ своимъ происхожденіемъ неизвѣстному слагателю. Григорій Великій (§ 280), основатель римской школы пѣнія, былъ создателемъ такъ-называемаго григоріанскаго или римскаго славословія, хороваго пѣнія и римской церковной музыки вообще, которая изъ Рима распространилась по всему средневѣковому западу и встрѣтила себѣ особенное поощреніе отъ Карла Великаго и отъ Альфреда.—Въ 11 столѣтіи бенедиктинскій монахъ Гвидонъ изъ Ареццо установилъ новѣйшую нотную систему [1], а Франко изъ Кёльна — ученіе о музыкальномъ размѣрѣ. Въ области свѣтской музыки особенно прославились пѣснь Роланда, воодушевляющій военный гимнъ, а въ послѣдствіи, съ 12 по 15 столѣтіе, пѣсни трубадуровъ, минстрелей и миннезенгеровъ.—Въ 15 и 16 вѣкахъ, когда всѣ искусства и науки оживились необыкновенно, получила свои главныя основанія и новѣйшая церковная музыка; для католической церкви въ Италіи совершилъ это великій мастеръ Палестрина (1529—1594), во Фландріи —современникъ Палестрины, Орландо Лассо, для евангелической церкви— самъ Лютеръ введеніемъ сопровождаемаго хоромъ церковнаго пѣнія (для чего воспользовались многими хорами и мелодіями Гуситовъ), а въ кальвинистской церкви—Гудимель, положившій на музыку французскіе псалмы и послѣ убитый во время Варѳоломеевской ночи. Палестрина, своею миссою Марцелла (1555) положилъ начало полной мысли, парящей и благородно возвышенной музыкѣ, которая примкнула къ литургіи и нашла себѣ главное средоточіе въ папской капеллѣ. Послѣднимъ геніальнымъ композиторомъ ея былъ Алегри († 1652). Изъ сочетанія свѣтской му-

[1] Однакожь въ его гаммѣ не доставало седьмой ноты si, чѣмъ, разумѣется, крайне затруднялась естественная сольмизація. Эта нота вошла въ общее употребленіе только во второй половинѣ 17 вѣка. Замѣчательнѣе всего то, что уже папа Григорій Великій, соображаясь съ обычнымъ церковнымъ напѣвомъ, замѣнилъ древне-греческія четверозвучія (тетрахорды) естественными семизвучіями (октавами), отличивъ каждый звукъ одною изъ первыхъ семи буквъ алфавита; а Гвидонъ Арецскій отступилъ отъ этого порядка и прибѣгнулъ къ шестизвучіямъ (гексакордамъ), что для произведенія натуральнаго седьмаго звука постоянно вынуждало переходить въ другой гексакордъ.

зыки съ церковнымъ стилемъ произошелъ новый важный родъ — ораторія.

б) Новое искусство.

§ 437. Около половины 15 вѣка, подъ вліяніемъ классической древности, искусство, подобно литературѣ, приняло совсѣмъ новое направленіе. Это прежде всего произошло въ Италіи, стоявшей ближе къ древней образованности, и въ остаткахъ древняго міра имѣвшей передъ собой живые образцы. Какъ интересъ къ классической литературѣ проявился здѣсь съ самаго начала тѣмъ, что принялись со всѣхъ сторонъ собирать рукописи, такъ и ревность къ античному искусству выказалась прежде всего болѣе тщательнымъ охраненіемъ развалинъ древнихъ зданій, памятниковъ и храмовъ и потомъ раскопками и поисками (благодаря которымъ найдены Аполлонъ Бельведерскій въ Анціумѣ 1500, и группа Лаокоона 1506 г.) для обнаруженія того, что еще скрывалось.—Новое направленіе искусства отличалось вообще стараніемъ о чистотѣ формы, возвращеніемъ къ плоти и реальности и отрѣшеніемъ скульптуры и живописи отъ исключительнаго служенія церковной архитектурѣ. Въ средніе вѣка всѣ художества были подчинены зодчеству и сливались съ нимъ въ одно религіозное цѣлое; теперь, наоборотъ, строительное искусство отступило на второй планъ, потому что ваяніе и живопись стали развиваться самостоятельно и отняли у него первое мѣсто. Такимъ образомъ каждое искусство порознь достигло высшаго усовершенствованія само по себѣ, но тѣмъ самымъ утратилось сліяніе ихъ въ одно общее цѣлое и исчезъ производимый этой совокупностью величественный эффектъ. — Не смотря на то, преобладаніе религіознаго и церковнаго элемента (въ массахъ народа) и свойственная германскому характеру вдумчивость, обращавшая свой взоръ болѣе на внутреннее, чѣмъ на внѣшнее, въ окончательномъ результатѣ привели къ тому, что и новое искусство осталось все-таки болѣе задушевнымъ и внутреннимъ и что вслѣдствіе этого преимущественно выработалась живопись съ ея обиліемъ психическихъ мотивовъ и движеній.

§ 458. Архитектура. Вліяніе классической древности отразилось прежде всего на итальянской архитектурѣ. Подъ руководствомъ Брунеллески († 1444) и ближайшихъ его преемниковъ, сооружены во Флоренціи палаццо Питти и другіе, подобные твердынямъ, дворцы; въ ихъ толстыхъ, изъ крѣпкихъ плитъ сложенныхъ стѣнахъ видно по-

дражанія древне-римской силѣ, но подражаніе свободное и наивно-изящное. Въ 16 вѣкѣ уже точнѣе держались античныхъ образцовъ, слѣдовали архитектурнымъ правиламъ римскаго писателя Витрувія и въ жертву строгому подражанію приносили полную жизни фантазію и вольный поэтическій размахъ предыдущей эпохи. Средоточіемъ этого искусства былъ Римъ, гдѣ особенное вліяніе имѣла дѣятельность Браманте († 1514), составившаго планъ храму св. Петра, и Микельанджело Бонаротти (1474—1563), мастера всѣхъ трехъ искусствъ (т. е. архитектуры, ваянія и живописи). Послѣдній, котораго главнымъ созданіемъ были лѣстницы и палаты Капитолія, продолжалъ постройку Петровской церкви, которая довершена однакожь другими по измѣненному уже плану, и которую Бернини обнесъ наконецъ извѣстною колоннадой и украсилъ разными декоративными подробностями. — Въ стилѣ 16 вѣка построена бо̀льшая часть дворцовъ Венеціи и Вероны подъ руководствомъ Палладіо († 1580) изъ Виченцы, а также мраморные дворцы Генуи съ ихъ превосходными лѣстницами и сѣнями. Микельанджело и Палладіо замыкаютъ собою періодъ изящнаго вкуса; одинъ, смѣлый и энергическій во всѣхъ своихъ созданіяхъ, подражая античному, вдавался въ произволъ и прихоти и тѣмъ самымъ увлекъ своихъ преемниковъ на скользкій путь вычурности, неизбѣжной тамъ, гдѣ вмѣсто твердыхъ законовъ и правилъ изящнаго слѣдуютъ внушеніямъ личной затѣи; а Палладіева любовь къ прикрасамъ повела въ 17 вѣкѣ къ натянутому, изломанному и распещренному декоративному стилю, въ которомъ настоящимъ мастеромъ явился Бернини († 1680).

§ 439. Скульптура. Вліяніе античнаго было всего сильнѣе на ваятельное искусство, почему здѣсь преимущественно обнаруживается стремленіе къ реальной выработкѣ формы, интересъ къ плотскому существованію и къ тѣлесной дѣятельности; а какъ въ основѣ всѣхъ произведеній искусства лежатъ духовныя и религіозныя идеи, то не рѣдко является здѣсь сочетаніе античной внѣшности съ задушевностію новой эпохи. Въ особенности отличались этимъ произведенія великаго флорентинскаго художника Лоренцо Гиберти († 1455), котораго знаменитыя бронзовыя врата крестильной храмины (баптистеріума) во Флоренціи соединяютъ въ себѣ богатую и разнообразную компоновку новой живописи съ плоской обронью античнаго барельефа. Современникъ его, Донателло, понялъ задачу ваянія въ болѣе строгомъ смыслѣ; онъ беззавѣтно отдался античнымъ образцамъ и старался проявить

во внѣшности всю энергію и живость плоти. Во Флоренціи есть множество бронзовыхъ работъ этого художника. Донателло отличался также и въ медальёрномъ искусствѣ. Величайшее значеніе для скульптуры имѣлъ Микельанджело, котораго свойства особенно обнаруживаются въ произведеніяхъ рѣзца. Но какъ онъ всего болѣе стремился къ энергичности, то характеръ истины и красоты часто уступаетъ у него выраженію смѣлости и силы. Важнѣйшими созданіями его были Моисей на большомъ надгробномъ монументѣ Юлія II въ Римѣ, два, сдѣланные по заказу Льва X, надгробные памятника Джуліано и Лоренцо Медичи, и статуя Христа въ Римѣ. Изъ учениковъ его особенно достопамятны, во-первыхъ — извѣстный своею автобіографіей (которую Гёте издалъ на нѣмецкомъ языкѣ), флорентинскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Бенвенуто Челлини († 1572), жившій попеременно во Флоренціи, въ Римѣ и въ Парижѣ и знаменитый своими прекрасными декоративными и медальёрными работами, во-вторыхъ — соперникъ Микельанджело, Бандинелли.—Въ то же время процвѣтало ваяніе и въ Нюрнбергѣ, который былъ тогда средоточіемъ нѣмецкаго искусства и гдѣ рядомъ съ Адамомъ Крафтомъ (1429—1507) отличалась превосходными бронзовыми работами семья Фишеровъ. Къ благороднѣйшимъ и совершеннѣйшимъ произведеніямъ той обильной искусствомъ эпохи принадлежитъ гробница Зебальда въ церкви этого святаго въ Нюрнбергѣ, сработанная Петромъ Фишеромъ (1460 — 1529) изъ бронзы. Художественная рѣзьба его земляка и достойнаго товарища по искусству Вейта Штоса (1490 — 1542) возбуждаетъ и нынѣ всеобщее удивленіе.—По смерти Микельанджело ваяніе пришло въ упадокъ. Искусственность и вычурность заступили мѣсто геніальности, и хотя Италія сохраняла еще нѣкоторое изящество формы, благодаря античнымъ образцамъ, однакожь вездѣ замѣтна была сухость и недостатокъ воображенія той эпохи, которыя особенно проявляются въ жеманныхъ произведеніяхъ какого-нибудь Бернини. Только въ наши дни ваяніе возвысилось опять трудами Итальянца Кановы (1757—1822), Датчанина Торвальдсена, Нѣмцевъ Рауха, Шванталера, Ритшеля и мног. друг., и благодаря ревностному изученію антиковъ, достигло такой степени развитія, что даже оставило за собой произведенія 16 вѣка.

§ 440. Живопись. 1) Италія. И на эту отрасль искусства подѣйствовали благотворно античные образцы, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ на другія. Изъ одухотворенія и блаженнаго покоя, которыми от-

личаются созданія Джіотто († 1336), современника Данту (§ 351), и Чимабуэ (ум. послѣ 1300), живопись перешла къ изображенію болѣе или менѣе идеализируемой дѣйствительности, при чѣмъ нашла себѣ въ приложеніи перспективы новый источникъ разнообразія и роскошнаго богатства формъ. Живопись, достигшая во всей западной Европѣ полнаго цвѣта къ концу 15 и въ первой половинѣ 16 столѣтія, дѣлится для болѣе удобнаго обзора на разныя школы. Въ Италіи, гдѣ главнымъ ея преимуществомъ была идеализація дѣйствительности, доводимой до совершенной красоты, распадается она по кругу дѣятельности важнѣйшихъ художниковъ на школы флорентинскую, римскую, венеціанскую, ломбардскую, и болоньскую.

а) Во Флоренціи, которая подъ рукою дома Медичи стала средоточіемъ всѣхъ духовныхъ стремленій, живопись впервые ступила на вольную дорогу. Отъ спокойной важности и величаваго достоинства Масаччіо († 1443), отъ нѣжности и религіозной глубины Фіэсоле († 1455) и Себастьяна дель Піомбо (1485 — 1547) перешла она у Андреа дель Сарто († 1530) къ свѣтлой граціи и достигла вершины энергіи у Микельанджело Бонаротти. Послѣдній, мастеръ во всѣхъ отрасляхъ искусства, сначала работалъ во Флоренціи, а потомъ вызванъ былъ въ Римъ и произвелъ тамъ важнѣйшія свои созданія, къ числу которыхъ въ области стѣннаго письма (фреско) принадлежитъ плафонъ и почерпнутое изъ Данта изображеніе страшнаго суда въ Сикстинской капеллѣ. Великая душа его была доступна только энергическимъ и смѣлымъ порывамъ, а потому въ картинахъ его нѣтъ граціи и нѣжности; вотъ отчего его подражатели и ученики скоро впали въ принужденность и преувеличеніе. Онъ самъ, чтобы показать свои великія знанія въ анатоміи человѣческаго тѣла, умышленно давалъ своимъ фигурамъ трудныя и принужденныя положенія.

б) Римская школа достигла высшаго совершенства, благодаря Рафаэлю Санціо урбинскому (1483—1520). Красота формы, какъ выраженіе чистаго состоянія души, гармоническая соразмѣрность внутренняго и внѣшняго существованія, высокое, невозмутимое спокойствіе духовнаго строя и неутомимое прилежаніе въ подражаніи античнымъ образцамъ, —вотъ основныя черты Рафаэлева искусства, снискавшія ему прозваніе Божественнаго. Первые труды его еще носятъ на себѣ печать стиля учителя его Піэтро Перуджино, но скоро онъ поднялся такъ высоко, что оставилъ за собой всѣхъ прочихъ художниковъ и создалъ такія истинно-неподражаемыя произведенія, какъ

Преображеніе, Мадонна ди Фольньіо, Сикстинская и друг. (масляными красками), станцы и лоджіи въ Ватиканѣ (стѣнопись), наконецъ картоны или образцы для ковровъ. Рафаэль также двинулъ впередъ гравированіе и рѣзьбу по дереву, передавъ искусному грабштиху Марка Антоніо для гравировки на мѣди множество своихъ рисунковъ. Изъ учениковъ его всѣхъ замѣчательнѣе Джуліо Романо († 1546). Достойнымъ уваженія художникомъ римской школы былъ еще Піэтро да Кортона († 1699).

в) Венеціанская школа, въ которой особенно выработался колоритъ, развернулась въ полномъ блескѣ съ появленіемъ Тиціана (1477—1576), котораго многочисленныя произведенія, особенно портреты, отличаются необыкновенною теплотою жизни въ замыслѣ и очаровательнымъ дѣйствіемъ свѣта и красокъ въ исполненіи. На такой же высотѣ внѣшняго совершенства и невозмутимой ясности является искусство у Паоло Веронезе († 1588), тогда какъ у энергическаго, взволнованнаго страстью Тинторетто († 1594) оно начинаетъ уже упадать.

г) Ломбардская школа. Всѣхъ ближе къ Рафаэлю стоитъ старшій его современникъ, Леонардо да Винчи († 1519), который былъ родомъ изъ Флоренціи, но дѣйствовалъ преимущественно въ Миланѣ, при дворѣ Франческо Сфорцы (§ 385). И онъ съ совершенствомъ выработки формъ соединялъ удивительную глубину замысла. Важнѣйшимъ созданіемъ этого многосторонне-образованнаго художника, который былъ вмѣстѣ замѣчательный поэтъ и свѣтскій человѣкъ самаго высшаго разряда, осталось писанное масляными красками на стѣнѣ одного миланскаго монастыря изображеніе Тайной вечери. Объ руку съ Леонардо стоитъ въ ряду первыхъ мастеровъ еще Корреджіо († 1543), доводившій нѣжность и мягкость до того опаснаго предѣла, на которомъ могъ смѣло дѣйствовать только такой высоко-одаренный художникъ, способный проникать во всѣ изгибы души. Его картины, гдѣ всѣ внутреннія настроенія человѣка изображены съ животрепещущей подвижностью, увлекли подражателей его въ сентиментальность и аффектацію. Къ числу знаменитѣйшихъ его произведеній принадлежитъ извѣстное подъ именемъ Ночи поклоненіе волхвовъ, кающаяся Магдалина (въ Дрезденѣ) и фрески въ Пармѣ.

д) Въ началѣ 17 вѣка въ Болоньѣ процвѣтала такъ-называемая эклектическая школа живописи, заимствовавшая особенности старыхъ мастеровъ и свободно подражавшая имъ въ своихъ созданіяхъ.

Многіе художники этой школы, основанной тремя Караччи, достигли высокой знаменитости: таковы были Аннибалъ Караччи (1560—1609), Доменикино († 1640), Гверчино, и особенно Гвидо Рени († 1642), полный дарованій и фантазіи художникъ. Въ противоположность къ нимъ стоятъ натуралисты, отдавшіеся болѣе близкому воспроизведенію природы. Между ними замѣчательнѣйшіе были Караваджіо († 1609), въ картинахъ котораго господствуетъ буря страсти, Неаполитанецъ Спаньіолетто († 1656) и живописецъ видовъ и житейскихъ сценъ (пейзажистъ и жанристъ) Сальваторъ Роза († 1673), котораго увлекала преимущественно мрачная сторона жизни и природы. Уже въ ихъ время выработались у живописцевъ извѣстныя отдѣльныя направленія, изъ которыхъ они выбирали себѣ какое-нибудь одно предпочтительно передъ другими, вслѣдствіе чего живопись вскорѣ распалась на историческую, жанръ, пейзажную и т. д.

§ 441. 2) Нидерланды, Германія и проч. Въ то же самое время искусства процвѣтали въ Нидерландахъ и въ Германіи (нѣсколько позже въ Испаніи и во Франціи); но сколь ни удачно воспроизводили эти школы многія частности природы, сколь ни глубоки были задушевность и благочестивый духъ, которымъ проникались ихъ созданія, — въ цѣломъ они все-таки далеко отстали отъ величественнаго развитія итальянскаго искусства, что̀ отчасти должно приписать недостатку нагляднаго знакомства съ великими образцами древности, отчасти реформаціонному движенію, направившему всѣ духовныя силы на отвлеченную, спекулативную мысль.

а) Нидерландская школа (которой основателями въ началѣ 15 вѣка были братья ванъ-Эйкъ, Губертъ † 1426 и Іоаннъ † 1445, творцы прекрасной аллегорической запрестольной картины «О непорочномъ агнцѣ откровенія» въ Гентѣ и въ Берлинѣ) рано съ любовью обратила свою заботливость къ умилительно-отрадной сторонѣ природы и жизни. Примѣру основателей послѣдовало нѣсколько учениковъ, между которыми въ половинѣ 15 вѣка однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ былъ Хемлингъ (по настоящему Мемлингъ, 1462—1499) въ Брюгге. Со времени войнъ за свободу, раздѣлившихъ весь этотъ край на протестантскій сѣверъ (Голландію) и на католическій югъ (Бельгію), нидерландская школа пошла по двумъ различнымъ направленіямъ: фландрская и брабантская (фламандская), подобно итальянскимъ эклектикамъ, взяла себѣ въ образецъ великихъ старыхъ мастеровъ и заим-

ствовала у Итальянцевъ роскошь красокъ и художественное пареніе; Голландская, напротивъ, держалась своей вольной, независимой дороги и довольствовалась вѣрнымъ воспроизведеніемъ ближайшей дѣйствительности. Къ первой, кромѣ Квинтина Мессиса изъ Антверпена († 1529), принадлежатъ во-первыхъ П. П. Рубенсъ (1577—1640), котораго картины соединяютъ живость и движеніе въ композиціи съ красотою колорита, и ученикъ его ванъ-Дейкъ († 1641), особенно прославившійся своими портретами. Знаменитѣйшимъ художникомъ голландской школы былъ Рембрандтъ (1606—79); въ его картинахъ, облеченныхъ большею частію въ сумерки свѣтотѣни, мрачное, строптивое настроеніе души соединяется съ вѣрнымъ и прочувствованнымъ воспроизведеніемъ природы, которому присущъ однакожь поэтическій, страстный элементъ [1]. Въ Нидерландахъ же выработался и тотъ низшій родъ жанра, въ которомъ сцены простонародной жизни схватываются во всей ихъ грубой безоколичности и воспроизводятся смѣлою кистью съ забавно-комической стороны. Въ этомъ родѣ особенно отличились Янъ Стеэнъ, оба Теньера и А. ванъ-Остаде (1610—1685). Голландская школа обладаетъ также даровитѣйшими пейзажистами и живописцами животныхъ; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны І. Рёйсдаль († 1681), котораго картины представляютъ большею частію уединенныя, дикія мѣста, Эвердингенъ, Поль Поттеръ († 1654), Альб. Кёйпъ († 1672), А. ванъ-деръ Вельде, Н. Берхгемъ, и особенно живописецъ лошадей и сраженій Ф. Вуверманъ изъ Гарлема († 1668).

б) Нѣмецкая школа. Итальянской живописи дано было выразить идеалъ, нидерландская довела до совершенства изображеніе реальной дѣйствительности, а нѣмецкая, соединяющая вѣрный взглядъ на природу и рѣзкую характеристику съ задушевнымъ, сосредоточеннымъ настроеніемъ, занимаетъ средину между ними. Красами нѣмецкой школы были Гансъ Гольбейнъ младшій († 1554) и рядомъ съ нимъ замѣчательный поэтъ и художникъ Ник. Мануэль изъ Берна. Оба они ввели свойственный одной нѣмецкой школѣ родъ фантастическо-юмористической живописи, которая высшаго своего развитія достигла въ смертныхъ пляскахъ. Въ нихъ съ какимъ-то ужасающимъ разгуломъ представлено, какъ смерть, въ видѣ страшнаго костяка, увлекаетъ съ собою всѣ полы и возрасты чело-

[1] Рембрандтъ — реалистъ, въ высокомъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова.

вѣческаго рода, и часто съ этими порожденіями причудливой фантазіи соединены сатирическіе намеки на лица и обстоятельства современной эпохи. Въ произведеніяхъ Гольбейна, проведшаго бо̀льшую часть жизни въ Англіи и написавшаго тамъ много портретовъ, царитъ свѣтлое, спокойное достоинство и вмѣстѣ играетъ живой колоритъ. Къ лучшимъ его произведеніямъ принадлежитъ запрестольный образъ Фрейбургскаго собора (въ Брейсгау), представляющій Рождество Христово и поклоненіе царей, и семейство базельскаго бургомистра Мейера на колѣнахъ передъ Мадонной, находящееся теперь въ Дрезденѣ. Всего успѣшнѣе цвѣла нѣмецкая живопись въ преданномъ искусству Нюрнбергѣ, особенно благодаря Альбрехту Дюреру (1471 — 1548). Рѣзкая опредѣленность формы и характерность рисунка составляютъ отличительное свойство этой школы. У Дюрера привходитъ къ этому великое богатство идей и воображенія. Трудами Луки Кранаха (1472 — 1553) направленіе это распространилось и въ Саксонію. Кранахъ былъ также очень производителенъ, но вмѣсто Дюреровой важности и глубокомыслія у него преобладаетъ легкій игривый юморъ, какъ у Ганса Сакса [1]. Въ томъ же духѣ жилъ и дѣйствовалъ Гансъ Буркмайеръ. Всѣ эти художники оказали также значительныя услуги гравированію и рѣзьбѣ по дереву.

Въ 16 и 17 столѣтіяхъ живопись достигла высокаго совершенства въ Испаніи, гдѣ именно Мурильіо (1618 — 1682) соединяетъ въ себѣ пламенное вдохновеніе и смѣлый размахъ съ строгой опредѣленностію формъ и необыкновенною живостью колорита. Вслѣдъ съ нимъ можно поставить Веласкеса (1599 — 1660), особенно отличавшагося портретами.

Французскіе художники преимущественно слѣдовали итальянскимъ образцамъ. Изъ нихъ мы назовемъ только Николая Пуссена († 1665), воспитавшаго свой талантъ на изученіи памятниковъ классической древности, искуснаго и миловиднаго Лесюёра и усладительнаго пейзажиста Клодъ Лоррена (1600 — 1682). Въ Лебрёнѣ († 1690) уже обнаружилось то выказное, театральное вели-

---

[1] Первый по времени и замѣчательный по таланту народный комикъ Германіи, который избиралъ уже не одни религіозные предметы для своихъ драмъ, но выводилъ на сцену миѳологію, исторію, сагу и современную повѣсть. По ремеслу сапожникъ, онъ сдѣлался старшиною цеха поэтовъ (мейстерзенгеровъ) и оставилъ по себѣ въ рукописи 35 фоліантовъ разныхъ сочиненій, изъ которыхъ только часть дошла до насъ. Ум. 1578. г.

чіе и та жеманная торжественность, которая привела во Францін къ постепенному упадку искусства.

Въ Англіи живопись достигла самостоятельнаго развитія уже гораздо позже. Замѣчательнѣйшимъ изъ старшихъ ея художниковъ былъ Вильямъ Гогартъ († 1746), прославившійся своими сатирическими и юмористическими изображеніями разныхъ общественныхъ положеній съ ихъ пороками и безразсудствами. Картины свои онъ самъ же и гравировалъ на мѣди.

II. ЭПОХА РЕФОРМАЦИИ.

A. УСТАНОВЛЕНІЕ НОВЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ПРИ КАРЛѢ V.

1. *Общее обозрѣніе и предварительный взглядъ.*

а) политика.

§ 442. Карлъ V († 1558, сравни § 399). Въ первой половинѣ 16 вѣка бургундско-габсбургская династія обладала такой державою, какой со временъ Карла Великаго не видалъ европейскій міръ. Представителемъ этого дома былъ Карлъ V (рожденный въ Гентѣ 1500 г.), человѣкъ рѣдкаго ума, тонкій, скрытный и неутомимо дѣятельный, мудрый распорядитель государственныхъ дѣлъ и храбрый вождь ратныхъ дружинъ на полѣ брани. Всѣ нити политики держалъ онъ въ своей рукѣ и направлялъ ихъ по планамъ, заключеннымъ въ безмолвной душѣ его, — планамъ, при исполненіи которыхъ все служило ему средствомъ, даже вѣроломство и лицемѣріе. Слабый тѣломъ, которое преждевременно изнурила болѣзнь, особенно подагрическіе припадки, и съ меланхолическимъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ, онъ на первый взглядъ не обнаруживалъ быстраго ума, жившаго въ этой хилой оболочкѣ. Уже въ малолѣтствѣ былъ онъ господиномъ богатыхъ Нидерландовъ, которые достались ему въ наслѣдіе отъ отца,

4

юношею (по смерти дѣда съ материнской стороны, Фердинанда Католика, въ 1516) достигъ онъ обладанія соединенною Испанскою монархіей съ очаровательнымъ королевствомъ Неаполитанскимъ и Сицилійскимъ, съ новооткрытыми краями Америки и плодоносными Вестъ-индскими островами, еще не возмужавъ (янв. 1519) наслѣдовалъ габсбургско-австрійскія владѣнія (которыя предоставилъ брату своему Фердинанду сперва въ управленіе, а потомъ и въ собственность) и по выбору курфюрстовъ сталъ преемникомъ дѣда своего Максимиліана на нѣмецко-императорскомъ престолѣ (28 іюня 1519). Такимъ образомъ онъ справедливо могъ сказать, что солнце никогда не заходитъ въ его державѣ.

§ 443. Во всѣхъ этихъ владѣніяхъ монарху противустояли враждебныя стихіи, къ преодолѣнію которыхъ потребны были различныя силы и способы. Въ Нидерландахъ недовѣрчивое, гордое цеховымъ духомъ гражданство бдительно стерегло каждый шагъ правителя, чтобы не допустить какого-нибудь ущерба своимъ правамъ, и всегда было готово при первомъ случаѣ собраться, какъ прежде, подъ знамя мятежа, облечься въ панцырь и поднять оружіе; въ Испаніи горделивый духъ могучаго феодальнаго дворянства и строптивая энергія вольныхъ горожанъ могли быть подавлены только силою и, даже по уничтоженіи политическихъ сословныхъ правъ (§ 396), все еще грозили возстаніемъ; прекрасныя поля Нижней Италіи и Сициліи терпѣли отъ Османовъ и сѣверно-африканскихъ корсаровъ, которые прерывали торговлю и сообщенія и толпами увлекали въ рабство плѣнныхъ христіанъ; у рубежа австрійскихъ владѣній свирѣпствовалъ турецкій мечъ, и янычары горѣли желаніемъ водрузить полумѣсяцъ на стѣнахъ Вѣны; въ Германіи многочисленные князья и дворяне опасались возврата сильнаго императорскаго управленія, чтобы по его милости не лишиться тѣхъ владѣній и преимуществъ, какія они себѣ пріобрѣли или на какія посягали, и потому при коронаціи Карла (окт. 1520) старались связать ему руки рядным договоромъ (капитуляціей). Но источникомъ величайшихъ затрудненій явился религіозный расколъ, при чемъ виды и интересы императора стали въ противоположность съ желаніями наро-

довъ и выгодами земскихъ властителей. Однакожь умный государь вступилъ въ борьбу со всѣми препятствіями и если не всѣ смогъ преодолѣть, то по крайней мѣрѣ оказалъ твердость и достоинство въ отпорѣ; только планъ его, снова придать единство многочленному тѣлу Нѣмецкой имперіи и отдѣлившейся церкви, возстановить померкшій блескъ императорской короны и право древняго патроната надъ папскимъ престоломъ,—этотъ великій и въ его положеніи самый естественный планъ сокрушился о событія, созданныя высшею силой и посмѣвавшіяся всѣмъ разсчетамъ человѣческой мудрости.— Рядомъ съ церковнымъ расколомъ всего ненавистнѣе были ему республиканскія формы правленія, политическія и муниципальныя права, а между тѣмъ въ Европѣ не было уже мѣста для всеобщей абсолютной монархіи въ тѣсной связи съ церковнымъ однообразіемъ,—для того идеала, къ которому именно стремился Карлъ V [1].

§ 444. Францискъ I (1515 — 47) и Генрихъ VIII (1509 — 47). Важнѣйшими современными правителями были Францискъ I во Франціи и Генрихъ VIII въ Англіи, два схожіе другъ съ другомъ государя, которые по своей рыцарственности принадлежали еще отжившей средневѣковой эпохѣ, тогда какъ ихъ любовь къ искусству и наукѣ, ихъ изнѣженное сластолюбіе и ихъ деспотизмъ становились во главѣ того новаго времени, которое возникло подъ вліяніемъ Италіянцевъ. Францискъ и Генрихъ являлись во многомъ противоположностью Карлу V; они были такъ же легкомысленны, безразсудны и легки на подъемъ, какъ Карлъ былъ благоразуменъ, осмотрителенъ и раздумчивъ; сладострастію и женолюбію были преданы всѣ трое, но первые уступали женскому вліянію даже въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ: Францискъ положилъ основаніе утонченной дворской жизни и тому владычеству фаворитокъ, которое укоренилось съ тѣхъ поръ во Франціи къ явному вреду края, а Генрихъ своею страстью къ Аннѣ Болинъ увлекся до отдѣленія англійской церкви

[1] Этотъ идеалъ, конечно, принадлежалъ прошлому, но наступившая тогда новая эпоха не выработала еще ни какого другаго идеала; она шла еще ощупью, безпрерывно вдаваясь въ ошибки и въ крайности, такъ что правитель полусвѣта естественно долженъ былъ остерегаться ея увлеченій.

отъ католичества, тогда какъ Карлъ постоянно слѣдовалъ совѣтамъ умныхъ политиковъ (особенно образованнаго и осмотрительнаго Гранвеллы) и внушеніямъ собственнаго зрѣлаго разсудка и употреблялъ женское вліяніе только тамъ, гдѣ могъ этимъ путемъ скорѣе достигнуть цѣли. Для свободы народовъ было, конечно, великимъ счастіемъ, что три эти государя, передъ деспотизмомъ которыхъ не много значили ни народныя, ни человѣческія права, по разности своихъ интересовъ, не только удерживались отъ соединенія, но и предназначены были ко взаимному противоборству.

§ 445. Между Францемъ и Карломъ существовала неискоренимая ревность, порожденная одинаковостью ихъ стремленій. Въ гордомъ чувствѣ своего величія и подстрекаемые честолюбіемъ и страстью къ славѣ, оба хотѣли быть первенствующими государями Европы и поэтому оба добивались нѣмецко-императорской короны, которая одна могла дать рѣшительное преимущество. Карлъ одержалъ верхъ, и съ тѣхъ поръ Францискъ пользовался всѣми случаями ослабить его могущество, всегда принимая сторону враговъ императора и оказывая имъ противъ него помощь. Этими врагами были шуринъ Франциска, Генрихъ д'Альбрè, у котораго Фердинандъ католикъ отнялъ его Наварское королевство [1] и которому Францискъ старался его возвратить; потомъ герцогъ Клевскій, разсорившійся съ императоромъ за обладаніе Гельдерномъ, и наконецъ протестантскіе государи Германіи. «Христіаннѣйшій [2]» король вступалъ въ союзъ даже съ Турками противъ ненавистнаго ему соперника, который вездѣ перебивалъ у него дорогу. При такомъ настроеніи, занятіе Французами Миланскаго герцогства (§ 385), которое императоръ считалъ лэномъ Германской имперіи, равно какъ и стремленіе Карла возвратить своему дому отнятую у него Людовикомъ XI Бургундію (§ 399), не могли не привести

[1] Фердинандъ отнялъ только южную (испанскую) Наварру у отца Генриха д'Альбре, Іоанна, а сѣверная (французская) часть осталась во владѣніи этого дома до тѣхъ поръ, пока дочь Генриха вышла за Антона Бурбонскаго (1555), который, подъ именемъ Генриха IV, вступилъ потомъ на Французскій престолъ.

[2] Мы допускаемъ эту варварски-неправильную форму титула Французскаго короля только изъ уваженія къ утвердившейся у насъ привычкѣ.

вскорѣ къ войнѣ [1].—Еслибъ Генрихъ VIII былъ тонкимъ политикомъ, онъ легко бы могъ извлечь для себя выгоду изъ этихъ обстоятельствъ; но слѣдуя однѣмъ своимъ прихотямъ и склоняясь безъ всякихъ политическихъ побужденій то на ту, то на другую сторону, онъ мало имѣлъ вліянія на окончательный исходъ дѣлъ. Своимъ разводомъ съ Катериною Арагонской онъ прогнѣвалъ императора, ея племянника, и съ того времени примкнулъ ближе къ Франциску.

б) Распространеніе реформаціи въ Европѣ.

§ 446. Лютеранская церковь. Изъ саксонскаго университета въ Виттенбергѣ началось, сперва въ ничтожныхъ размѣрахъ, то духовное движеніе, которымъ нанесенъ жесточайшій ударъ средневѣковой іерархіи (1517). Изъ Саксоніи и Гессена, которые прежде всѣхъ ввели у себя новую церковную форму, Лютерова реформація, среди разнообразной борьбы, распространилась мало-по-малу на сосѣднія земли, пріобрѣла господство въ сѣверной Германіи, одержала важныя побѣды во Франконіи и Швабіи, на Рейнѣ и на Дунаѣ, и изъ Страсбурга проложила себѣ путь въ Альзацію и Лотарингію. Многочисленные имперскіе города съ ихъ образованнымъ среднимъ сословіемъ стали главнымъ пріютомъ новаго евангелическаго ученія.—Рано проникло оно на Вислу, гдѣ гросмейстеръ Нѣмецкаго ордена (§ 308, 342), Альбрехтъ Бранденбургскій (1525), тѣснимый Поляками и мужественными гражданами Данцига и Эльбинга и покинутый императоромъ и имперіей, присталъ къ евангелической церкви, обратилъ Пруссію въ наслѣдственное герцогство и промѣнялъ нѣмецкое верховно-лэнное господство на польское. То же самое сдѣлано въ Курляндіи и Лифляндіи гермейстеромъ Меченосцевъ. Оба ордена почти совершенно обезлюдѣли добровольнымъ выходомъ изъ нихъ членовъ, у которыхъ войнолюбіе, ревность къ вѣрѣ и рыцарская честь, одушевлявшія ихъ прежде на великіе подвиги, давно уже

[1] Сводя вражду Франциска съ Карломъ на одни ближайшіе поводы, авторъ упускаетъ изъ виду совершенную невозможность для Франциска примириться съ сосредоточеніемъ въ рукѣ императора такого страшнаго могущества, которое обнимало и давило Францію со всѣхъ сторонъ.

исчезли; теперь они были совершенно упразднены, имѣнія ихъ обращены въ коронныя и всѣ остальные члены возвратились къ свѣтской жизни. Безъ такой необходимой перемѣны, эти угнетенные и безпомощные края сдѣлались бы вѣроятно добычею Польши и утратилибъ свою національность; поэтому плодомъ церковнаго переворота было здѣсь сохраненіе германской народности (§ 467).—Ученіе Лютера проникло и за Балтійское море. Въ Швеціи прежнее государственное и церковное устройство измѣнено Густавомъ Вазою (1527); онъ учредилъ независимое наслѣдственное королевство, ввелъ такъ-называемое аугсбургское исповѣданіе и предоставилъ новооснованному престолу извѣстную часть прежнихъ церковныхъ доходовъ. Въ Даніи, Норвегіи и Исландіи побѣда евангелической вѣры связана была съ исходомъ борьбы за престолъ, которая вручила власть лютеранскому королю Христіану III. — Въ Богеміи ожилъ опять старый гуситскій духъ и облегчилъ путь новому ученію; но ни здѣсь, ни въ Венгріи и Трансильваніи оно не одержало рѣшительной побѣды, потому что габсбургская династія благопріятствовала во всѣхъ своихъ владѣніяхъ стародавней церкви. Однакожь многочисленные исповѣдники лютеранства въ этихъ краяхъ добились религіозной свободы и равноправности (съ католиками). — Ревностнѣе двухъ первыхъ австрійскихъ государей (Фердинанда I и Максимиліана II) дѣйствовали въ пользу сохраненіе старой вѣры оба герцога Баварскіе, которыхъ папа умѣлъ склонить на свою сторону дарованіемъ имъ верховныхъ правъ надъ стремившимся къ реформаціи духовенствомъ и доходовъ съ церковныхъ учрежденій въ подвластной имъ странѣ; католичество получило здѣсь въ Ингольштадтскомъ университетѣ дѣятельный разсадникъ. — Духовные имперскіе чины также большею частію остались вѣрны римской церкви, потому что имъ вовсе не хотѣлось рисковать своими доходами и своимъ княжеско-епископскимъ положеніемъ. Только въ Кёльнѣ почтенный семидесятишестилѣтній архіепископъ Германъ фонъ-Видъ началъ реформацію въ умѣренномъ смыслѣ, но побѣда, одержанная императоромъ при Мюльбергѣ, имѣла слѣдствіемъ отрѣшеніе этого прелата и подавленіе начатаго имъ предпріятія (1547).

Саксонскій домъ. Саксонская династія (веттинская), происходившая отъ Фридриха Храбраго, раздѣлилась съ 1485 на двѣ линіи, — старшую, эрнестинскую, которая обладала Тюрингеномъ и курфюршескимъ саномъ, и младшую, альбертинскую, получившую въ удѣлъ Мейсенъ и Дрезденъ съ герцогскимъ титуломъ. Къ первой принадлежатъ мужественные защитники реформаціи Фридрихъ Мудрый (1486—1525), братъ его Іоаннъ Постоянный (1525—1532) и сынъ его Іоаннъ Фридрихъ (—1554). Къ альбертинской линіи принадлежитъ ревностный поборникъ католической церкви, герцогъ Георгъ Бородатый (—1539), братъ его, наклонный къ евангелическому ученію Генрихъ Кроткій (—1541), и сынъ послѣдняго, умный Морицъ (—1553), по смерти котораго воцарился братъ его Августъ, родоначальникъ королевско-саксонскаго дома.

§ 447. Реформатская церковь. Гульдрихъ Цвинглій въ Цюрихѣ началъ между тѣмъ свою реформу Швейцаріи (съ 1518 г.). Тогда какъ глубокомысленный Лютеръ, мучимый тяжкою душевной борьбой и чувствомъ человѣческой безпомощности передъ одолѣвающею грѣховною силой, но непоколебимый въ своемъ монархическомъ убѣжденіи, опирался на существующій порядокъ и старался дѣйствовать на нравы и на жизнь только чрезъ очищеніе вѣры, которая одна служитъ основою оправданію человѣка передъ Господомъ, — свободный, бодрый духомъ республиканецъ Цвинглій возратился къ первобытному состоянію христіанства и помышляя только о потребностяхъ практической жизни хотѣлъ прежде всего исправить нравы и жизнь и обновить Швейцарскій Союзъ въ моральномъ, церковномъ и политическомъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію особый взглядъ на ученіе о евхаристіи (§ 473) рано привелъ новую церковь къ расколу, или раздвоенію. Цвингліева, болѣе рѣшительная, реформація пустила корни въ Цюрихѣ и Бернѣ, въ рейнской долинѣ и въ восточныхъ кантонахъ и вѣроятно обошла бы весь Союзъ, еслибъ не остановила ее битва при Каппелѣ (1531), гдѣ самъ Цвинглій и ядро протестантскихъ гражданъ Цюриха пали смертью героевъ. — Шире и сильнѣе было дѣйствіе реформы Кальвина [1],

---

[1] Кальвинъ родился въ Нуойонѣ, во Франціи, и учился въ Парижѣ. Фамилія его собственно Ковенъ (Cauvin), а Кальвиномъ писался онъ по-латини.

который сходился съ Лютеромъ въ своемъ строго-августиновскомъ догматѣ о предопредѣленіи (§ 235), относительно церковнаго устройства и церковной дисциплины держался Цвинглія, а во взглядѣ на евхаристію занялъ между ними срединное положеніе. Стоящая на живописномъ рубежѣ Савойи съ Франціей Женева, которой энергическій реформаторъ Кальвинъ указалъ путь къ политической и церковной свободѣ, стала разсадникомъ демократическаго кальвинизма, быстро разлившагося по всей романской Швейцаріи, — кальвинизма, который вмѣстѣ съ политическою независимостью побѣдоносно вступилъ въ сѣверныя области Нидерландовъ, къ которому на югѣ Франціи приступило болѣе 2000 общинъ, который имѣлъ преверженцевъ въ Италіи и въ Испаніи въ близи папы и императора и котораго строжайшая форма явилась въ видѣ пресвитеріанской церкви въ Шотландіи, водрузивъ тамъ свою хоругвь надъ развалинами монастырей и соборныхъ храмовъ. — Въ Германію также проникли начала Кальвинова ученія и еще болѣе усилили тамъ разорванность и расколы. Въ рейнскомъ Палатинатѣ сталъ господствующимъ кальвинизмъ, изложенный въ Гейдельбергскомъ катехизисѣ, и это дотого раздражило лютеранскихъ государей, что курфюрстъ-палатинъ счелъ нужнымъ обезпечить себя противъ нападеній внѣшними союзами (съ Нидерландами, Англіей и Франціей). Во Франціи новая церковь долго и упорно оспоривала побѣду у старой. Францискъ I, въ союзѣ съ протестантскими государями Германіи и съ отщепившимся уже Англійскимъ королемъ, получалъ съ разныхъ сторонъ вызовы къ отпаденію отъ римской церкви. Не разъ возникала у него мысль вступить на путь реформаціи и онъ убѣдительно приглашалъ къ себѣ на помощь Меланхтона. Но отчасти связь его съ папою, который предоставилъ королю право замѣщать духовныя должности *) и котораго помощь казалась ему необходима, чтобы возвратить Франціи Миланъ, отчасти же его деспотическій характеръ, ненавидѣвшій всякое свободное движеніе народа, удержали короля отъ разрыва съ католичествомъ. При дворѣ о религіи думали такъ же равнодушно, какъ и въ Италіи; да и какое удовольствіе могли найдти сластолюбивые и избалованные царедворцы въ строгой нравственности

Кальвина? Поэтому скоро появились запрещенія ввозить кальвинистскія и лютеранскія писанія во Францію; отважнѣйшіе проповѣдники реформаціи умирали на кострѣ, и истребленіе многихъ мѣстечекъ, населенныхъ вальденцами въ Провансѣ, доказало рѣшительныя намѣренія двора сохранить древней церкви ея стародавнія преимущества.

* Въ силу заключеннаго между Францискомъ I и Львомъ X (18 авг. 1516) конкордата, старыя льготы галликанской церкви, по которымъ духовныя корпораціи сами избирали себѣ начальство, были значительно умалены; король пріобрѣлъ, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями, право замѣщать всѣ духовныя должности (10 архіепископствъ, 83 епископства, 527 аббатствъ), что было для него источникомъ большихъ выгодъ и, главное, подчинило духовенство коронѣ; съ тѣхъ поръ доходныя церковныя мѣста раздавались дворомъ въ награду за службу въ полѣ или въ кабинетѣ, а иногда и просто изъ милости; папѣ предоставлено было право на соединенныя съ утвержденіемъ въ должностяхъ аннаты и сверхъ того признано за нимъ церковное главенство, оспориваемое соборами констанцскимъ и базельскимъ [1].

§ 448. «Въ Испанію реформаціонныя идеи зашли въ свитѣ императора, окружали быть-можетъ даже смертный его одръ и нѣкоторыми были приняты съ пламеннымъ восторгомъ. Но

---

[1] Эта рѣшительная мѣра короля произвела общее неудовольствіе во Франціи: духовенство было глубоко оскорблено, университетъ предписалъ творить всенародныя молитвы, какъ по случаю общественнаго бѣдствія, парламентъ цѣлый годъ отказывался занести въ протоколъ королевское постановленіе о конкордатѣ. Францискъ совершенно выходилъ изъ себя, сажалъ подъ стражу членовъ университета, грозилъ самому существованію парламента, и послѣдній уступилъ не иначе, какъ протестуя противъ беззаконности этой мѣры, вынужденной у него одною силою и необходимостью. Король отнялъ наконецъ у верховнаго судилища завѣдываніе духовными дѣлами и передалъ ихъ въ свой верховный совѣтъ (1527). Въ послѣдствіи сколько ни старались о возстановленіи свободы духовныхъ выборовъ соборы тридентинскій и многіе французскіе, равно какъ и земская дума (états généraux) 1579 года, короли никогда не хотѣли согласиться на столь важную уступку. Такимъ образомъ они пріобрѣли право располагать церковными имуществами составлявшими болѣе трети всей недвижимости въ государствѣ; эти богатства служили имъ и средствомъ подкупа и средствомъ управленія; они раздавали ихъ въ аренду (или, точнѣе, en commende) своимъ придворнымъ, полководцамъ и любимцамъ, которые пользовались доходами, а отправленіе церковныхъ должностей поручали лицамъ духовнаго званія, обыкновенно наемнымъ и часто въ высшей степени недостойнымъ. Такимъ образомъ мѣра, которая сама по себѣ могла бы имѣть благія послѣдствія, при превратномъ употребленіи данныхъ ею коронѣ громадныхъ способовъ, сдѣлалась одною изъ главныхъ язвъ разъѣдавшихъ потомъ самыя основы французскаго общества.

католицизмъ, и особенно почитаніе святыхъ, глубоко срослись съ неподатливымъ характеромъ народа; чистотою вѣры Испанецъ дорожилъ столько же, сколько чистотою крови, и братъ, не колеблясь, убивалъ брата-вѣроотступника». (Діасъ). Инквизиція скоро порѣшила съ протестантизмомъ въ Испаніи; подозрѣваемые въ немъ погибли частію въ страшныхъ темницахъ, частію на кострахъ среди любимой народомъ торжественности такъ-называемыхъ ауто-да-фè [1] (§ 394). — Въ Италіи гуманисты и враги іерархіи радостно привѣтствовали новое движеніе. Евангелическое ученіе пріобрѣло себѣ исповѣдниковъ во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ, особенно въ Феррарѣ подъ покровительствомъ герцогини д'Эсте, но духовность нѣмецкаго и французскаго протестантизма не могла сдѣлаться національною у такого чувственно-художественнаго народа, какъ Итальянцы. Поэтому, когда въ Римѣ замѣтили грозившую опасность и учредили инквизиціонное судилище съ ужасными полномочіями (1542), тогда многіе новообращенцы бѣжали за Альпы, другіе отступились отъ иновѣрія и кончили кто легкомысліемъ, кто равнодушіемъ, кто помѣшательствомъ въ умѣ. Опасаясь краснорѣчивыхъ убѣжденій мученичества, инквизиція застращивала болѣе темницею, каторгой и тайнымъ убійствомъ. Только въ Калабріи нѣсколько вальденскихъ общинъ гнали и преслѣдовали какъ дикихъ звѣрей. Къ концу вѣка исчезли даже малѣйшіе слѣды протестантизма. Въ числѣ бѣглецовъ были многоуважаемые богословы и прелаты (Петръ Мàртиръ, Окино, Верджеріо и друг.). Всѣ они, за немногими исключеніями, сгибли на чужбинѣ. Въ Испаніи и Италіи, гдѣ каждый отступавшій отъ церковнаго ученія взглядъ, преслѣдовался съ одинаковою строгостью, были люди, попадавшіе на такія ученія, которыя самими реформаторами отвергались, какъ ересь; таковы два Итальянца Социны (Лелій † 1561 и племянникъ его Фавстъ † 1604), не признававшіе божественности Христа и ученія о Св. Троицѣ, основатели сильно распространившейся въ Польшѣ секты Социніанъ (которые въ Англіи назывались

---

[1] Auto-da-fè, т. е. подвигомъ вѣры, называлось всенародное сожженіе еретика или отступника.

унитаріями, т. е. единичниками), и Испанецъ Михаилъ Серветъ, который за свои мечтательные взгляды на Св. Троицу, по доносу (оскорбленнаго его полемикой) Кальвина, былъ сожженъ въ Женевѣ на кострѣ[1] (1553). — Въ Англіи приверженцы Лютера, подобно прежнимъ лоллардамъ (§ 376), подверглись сначала кровавымъ гоненіямъ, пока Генрихъ VIII, поссорясь съ папою за свой разводъ, не отторгъ англійскую церковь отъ Рима парламентскимъ постановленіемъ и не объявилъ себя верховнымъ ея главой. Но при немъ мало было сдѣлано для преобразованія церкви; упразднены только монастыри и устранены лики святыхъ. Лютеране и паписты умирали на одной и той же висѣлицѣ. Только при сынѣ его, Эдуардѣ VI (1547 — 53), архіепископъ кантерберійскій, Кранмеръ, основалъ собственно такъ-называемую англиканскую церковь. Преемница Эдуарда, Марія (1553—58), сожженіемъ реформатора надѣялась уничтожить его созданіе и возстановить католицизмъ; но актъ о единообразіи церкви (act of uniformity), изданный сестрою ея, Елисаветою, доставилъ англійскому протестантизму окончательную побѣду. Напротивъ всѣ тѣ, которые, подъ именемъ пуританъ (т. е. чистыхъ), стремились къ очищенію церкви на Кальвиновскихъ основаніяхъ, были подвергнуты кровавымъ гоненіямъ и вынуждены бѣжать на свободную еще почву сѣверной Америки, гдѣ раздѣлившись на множество сектъ, они довели демократическую систему этого реформатора до высшей степени развитія. Въ Ирландіи старая вѣра осталась религіею народа, не смотря на то, что англійскіе властители разными тиранскими законами и распоряженіями старались и тамъ ввести въ полной силѣ церковныя постановленія парламента, и всѣ имущества ирландской церкви роздали англійскимъ іерархамъ и аристократамъ. Ирландцы,

---

[1] Серветъ еще въ ранней молодости переселился во Францію, учился правамъ въ Тулузѣ и медицинѣ въ Ліонѣ и Парижѣ. Кромѣ трактата о св. Троицѣ, онъ написалъ еще сочиненіе о возстановленіи христіанства, которое навлекло ему гоненія архіепископа города Віэнны, гдѣ онъ жилъ, какъ врачъ. Серветъ думалъ укрыться отъ него въ Женевѣ, но тамъ именно и ожидала его пагуба; тамъ накинулся на него пылавшій ревностью, безпощадный Кальвинъ.

имѣя плохія понятія о новомъ ученіи и не достаточно развитые для уразумѣнія его духовной стороны, предпочли лучше слѣдовать примѣру и слову своихъ священниковъ, нежели повелѣніямъ ненавистнаго имъ сосѣдняго народа, тѣмъ болѣе, что Евангеліе на англійскомъ языкѣ было имъ такъ же непонятно, какъ и латинское богослуженіе.

2. Нѣмецкая Реформація.

а) Общее настроеніе въ Германіи.

§ 449. Съ тѣхъ поръ какъ исчезли надежды, возложенныя на великіе соборы Костницкій и Базельскій, въ Германіи между всѣми сословіями господствовало неудовольствіе и сѣтованіе на церковные безпорядки. Государи негодовали на то, что всѣ обращенные къ папамъ совѣты о добровольномъ самообновленіи оставались втунѣ; что духовные суды мѣшали ходу свѣтскаго правосудія; что расширеніемъ своего права отпускать грѣхи, освобождать отъ обязанностей и т. д. папскій дворъ притянулъ все подъ вѣдомство своей власти; что благодаря аннатамъ, раздачѣ доходныхъ мѣстъ иностраннымъ кардиналамъ, взиманію различныхъ поборовъ и налоговъ съ земскихъ церквей, отовсюда уходили въ Римъ деньги. Нѣмецкіе прелаты нетерпѣливо сносили захваты, которые дозволяла себѣ римская курія въ ущербъ ихъ правамъ; низшее духовенство съ завистью смотрѣло на нищенскіе ордены, надѣленные отъ римскаго двора огромными преимуществами и присвоившіе себѣ все вліяніе надъ массою народа. Люди набожные сѣтовали на мірскую жизнь прелатовъ и на безнравственность великаго множества духовныхъ лицъ; люди просвѣщенные были возмущены тѣмъ суевѣріемъ, какое умышленно поддерживали въ большинствѣ, не развивая въ немъ ничего, кромѣ чрезмѣрнаго пристрастія къ одной внѣшней обрядности; ученые съ презрѣніемъ смотрѣли на невѣжество, тупоуміе и духовную лѣнь большинства монаховъ и клириковъ, потрясая въ то же самое время искусственное зданіе схоластики и церковнаго ученія, отчасти философскимъ оружіемъ классической древности, отчасти изслѣдованіемъ

совершенно отнятаго у народа священнаго писанія и сочиненій первыхъ Отцовъ церкви (таковы были I. Гохъ, I. Вессель, I. фонъ-Везель и друг.). Имперскіе города несли разнобразный ущербъ вслѣдствіе освобожденія духовенства отъ ихъ мѣстныхъ законовъ и установленій; ихъ цеховыя права часто подвергались нарушенію, право церковнаго убѣжища было всегдашнею помѣхой городскому правосудію и полиціи, множество монастырей и чрезмѣрное обиліе праздниковъ поощряло нищенство и бродяжничество, противъ которыхъ всего болѣе возставалъ каждый добропорядочный горожанинъ: чтожь удивительнаго, что народная литература, процвѣтавшая тогда въ городахъ, направила свое оружіе противъ монаховъ и клириковъ совпадая въ этомъ съ стремленіями гуманистовъ [1]. — Въ Саксоніи и со-

[1] Поэзія подъ конецъ среднихъ вѣковъ, упавшая при дворахъ и покинутая высшими сословіями, нашла себѣ пріютъ въ городахъ, у мѣщанъ и ремесленниковъ, которые и это мастерство (Meistergesang) подчинили условіямъ цеховаго устройства; составились товарищества и школы городовыхъ стихотворцевъ, гдѣ свѣдущіе и даровитые охотно и самоотверженно дѣлились своимъ знаніемъ и умѣньемъ съ менѣе опытными или начинающими. Говоря вообще, поэзія плохо ладила съ цеховымъ взглядомъ и цеховыми пріемами, и въ стихотворномъ мастерствѣ, разумѣется, было много смѣшнаго, но нельзя при этомъ не отдать должной справедливости благороднымъ стремленіямъ этихъ сапожниковъ, цырюльниковъ и т. д., которые среди занятій своимъ хлѣбнымъ ремесломъ находили время и средства прилежно заниматься стихотворствомъ и показали своимъ примѣромъ въ первый разъ, что поэзія можетъ уже обойтись и безъ поддержки сильныхъ міра, ограничиваясь кругомъ средняго сословія. Чуждые равно и сладкой рыцарской поэзіи и грубыхъ уличныхъ пѣсенъ черни, мейстерзенгеры избирали предметомъ своихъ стихотвореній сначала преимущественно священныя легенды и сказанія о чудесахъ, а потомъ, когда Библія стала распространяться въ народѣ, они сосредоточили свое вниманіе на Евангеліи. — Но рядомъ съ этой цеховою поэзіей въ треволненную эпоху перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени сильно развилась и чисто-народная пѣсня, которая, начавъ съ весны и любви, перешла потомъ и къ разнообразнымъ характерическимъ чертамъ частнаго быта, болѣе или менѣе отражавшимъ въ себѣ бытъ общественный или по крайней мѣрѣ главныя его вліянія. Наконецъ, сопровождавшая всю эту эпоху живая междусословная борьба породила особый родъ литературы — народно-комическій. Въ основаніе этому роду легла противуположность грубаго, неотесаннаго, простонароднаго обращенія съ условнымъ и околичнымъ бытомъ высшаго свѣта, и такъ-называемаго здраваго смысла, часто лукаво скрывающагося подъ личиной простодушія съ искалѣченнымъ взглядомъ отупѣлой школьной мудрости, надутой чванствомъ и самомнѣніемъ. Это направленіе выразилось не только въ среднихъ и низшихъ сферахъ общества, но отозвалось и при дворахъ повсемѣстнымъ появленіемъ шутовъ, которые подъ ви-

сѣднихъ краяхъ еще не истребилось сѣмя гуситской ереси и питало духъ противленія въ сердцѣ простолюдина, который часто страдалъ отъ тяжкихъ церковныхъ поборовъ, а между тѣмъ въ трудныя времена напрасно обращался за помощью и утѣшеніемъ къ равнодушному пастырю своего прихода.

б) Докторъ Мартинъ Лютеръ (1483—1546).

§ 450. Мартинъ Лютеръ родился въ Эйслебенѣ 10 ноября 1483 г. Отецъ его былъ честный горнорабочій изъ одного крестьянскаго семейства въ Мёрѣ, переселившійся потомъ въ Мансфельдъ. Здѣсь, дыша здоровымъ горнымъ воздухомъ Тюрингенскаго Лѣса, росъ Лютеръ подъ строгимъ надзоромъ. Такъ какъ отецъ предназначалъ его въ правовѣды, то на 15 году помѣстили его въ эйзенахскую школу, откуда онъ поступилъ въ эрфуртскій университетъ. Четыре года учился онъ

домъ балагурства и дурачествъ высказывали нерѣдко очень горькія истины. Въ литературѣ ознаменовалось оно множествомъ такъ-называемыхъ дурацкихъ книгъ изъ которыхъ самою распространенною былъ Тилль Эйленшпигель, который обработывался и переводился на всѣ языки безконечное число разъ. Эйленшпигель скитается изъ стороны въ сторону, то фокусникомъ, то лекаремъ, то придворнымъ шутомъ, то воиномъ, то живописцемъ, служитъ усердно всѣмъ; и никому не угодитъ, потому что всякое порученіе исполняетъ въ буквальномъ, а не въ настоящемъ смыслѣ. Подобныя книги являлись во множествѣ, и вездѣ видно стремленіе осмѣять тупую надутую образованность, вездѣ грубый, неотесанный мужикъ, бродяга или дуракъ торжествуютъ надъ знатнымъ, надъ философомъ, надъ ученымъ. Но эта апоѳеоза грубаго невѣжества не могла не вызвать протеста. Въ лицѣ страсбургскаго юриста Себастіана Брандта (1458—1521) явился на нее страшный бичъ. Его сатирико-дидактическая поэма «Дурацкій корабль», несмотря на непоэтичность своей формы, можетъ назваться великимъ созданіемъ, и нѣтъ ничего мудренаго, что она нашла себѣ бездну подражателей и переводчиковъ на всѣ образованные языки. Брандтъ строго казнитъ пороки и слабости всѣхъ вообще сословій въ тонѣ любимой тогда народной поэзіи, но при этомъ не щадитъ и ее; прежде всего возстаетъ онъ на новую литературу, возникшую подъ патронатомъ «св. Гробіана» (т. е. грубіяна), литературу, которая учитъ отвергать всѣ нравы и приличія образованнаго круга и давать полную волю необузданной естественности, что, по его мнѣнію, ведетъ прямо къ безумію и грѣху. Но онъ не хочетъ возврата и къ прежнимъ нравамъ, онъ не хвалитель стараго и не порицатель новаго, но онъ выставляетъ высшій нравственный принципъ въ практической доблести древняго міра и съ этой точки зрѣнія побораетъ всѣ противоположныя направленія. — Вотъ въ какомъ смыслѣ народная литература совпала тогда съ гуманистическими стремленіями передовыхъ образованныхъ людей.

здѣсь съ великимъ прилежаніемъ, какъ вдругъ боязненная забота о спасеніи души, внезапная смерть одного друга и опасность, которой подверглась собственная его жизнь во время страшной грозы, привели его къ рѣшенію вступить въ монахи. Въ послѣдній разъ погулялъ онъ съ друзьями подъ веселыя пѣсни, подъ музыку и за стаканомъ вина, а потомъ затворился въ тихую келью августинскаго монастыря въ Эрфуртѣ. Здѣсь онъ добросовѣстно принялъ на себя всѣ обязанности и службы нищенствующаго монаха, но ни самоуниженіе, ни самоотверженность, ни прилежное изученіе схоластиковъ не въ силахъ были облегчить душевную тоску его и тревожное, боязное порываніе твари къ соединенію съ своимъ Творцомъ; бездѣйственная жизнь въ одинокомъ затворничествѣ благопріятствовала его наклонности къ тяжкому раздумью, усиливала его уныніе и глубокія страданія души, пока онъ не успокоился на убѣжденіи, что человѣкъ не дѣлами своими обрѣтаетъ блаженство, а только вѣрою въ милосердіе Божіе о Христѣ. По рекомендаціи орденскаго начальника Штаупица, который умѣлъ снискать довѣріе Лютера и подкрѣплялъ его утѣшеніями и руководствомъ, въ 1508 г. перешелъ онъ въ Виттенбергъ, для преподаванія богословія въ новоучрежденномъ курфюрстомъ Фридрихомъ Мудрымъ университетѣ. Въ этомъ кругу дѣятельности, соотвѣтствовавшемъ его энергической натурѣ, онъ вскорѣ оказалъ ревность необыкновенную; трудился какъ проповѣдникъ и пастырь душъ, пекся о дѣлахъ своего монастыря, по которымъ въ 1511 г. побывалъ даже въ Римѣ; читалъ лекціи и занимался учеными трудами, имѣвшими цѣлію отчасти объясненіе св. Писанія, отчасти борьбу съ схоластикой и съ пустымъ, безсмысленнымъ ханжествомъ.

§ 451. Девяносто пять тезисовъ. Около этого времени курфюрстъ Альбрехтъ майнцскій велѣлъ, по порученію папы Льва X, открыть на постройку церкви св. Петра продажу индульгенцій (грѣхоотпускныхъ граматъ), въ которыхъ каждому покупщику обезпечивалось прощеніе въ грѣхахъ, возвращеніе благодати Божіей и избавленіе отъ каръ чистилища [1].

---

[1] Чистилищемъ (purgatorium) называется у католиковъ то переходное состояніе спасенныхъ душъ по смерти, въ которомъ онѣ, хотя и неосужденныя на вѣчную муку, но все же несвободныя отъ недостатковъ и заблужденій, подвергаются разнымъ карамъ и испытаніямъ для того, чтобы сдѣлаться вполнѣ достойными предназначеннаго имъ спасенія. — Такъ какъ сущность спора между Лютеромъ и папою сосредоточилась съ самаго начала на вопросѣ о возвращеніи благодати,

Альбрехтъ, удерживая половину дохода въ свою пользу выбралъ для сбыта индульгенцій въ Саксоніи доминиканца Тетцеля, который велъ дѣло такъ безстыдно, что Лютеръ, видя въ этомъ явный вредъ истинному покаянію и униженіе для исповѣди, не выдержалъ такого позора и въ 1517 году на канунѣ дня Всѣхъ святыхъ выставилъ у церкви виттенбергскаго зàмка 95 положеній (тезисовъ), вызываясь защищать ихъ противъ кого бы то ни было. Въ этихъ тезисахъ оспоривалъ онъ дѣйствительность отпущенія грѣховъ безъ раскаянія, и не признавалъ за папою права разрѣшать кого бы то ни было, кромѣ покаявшихся; индульгенція, по его словамъ можетъ только избавить отъ церковныхъ наказаній, а отнюдь не имѣетъ силы даровать благодать. Онъ указывалъ при этомъ на разницу между ложными подвигами покаянія и покаяніемъ истиннымъ, между внѣшними религіозными мнѣніями и внутреннею вѣрою, между мертвымъ ханжествомъ и истинно-добрыми дѣлами. Смѣлая выходка такого человѣка, въ которомъ нельзя было не признать глубокой, задушевной религіозности, нашла себѣ великое сочувствіе во всей Германіи, особенно у образованной молодежи, и сочувствіе это еще болѣе возрасло при видѣ слабыхъ доводовъ, какими Тетцель и другіе поборники папскаго всемогущества думали его опровергнуть. Курія вызывала Лютера къ отвѣту въ Римъ, но по предстательству расположеннаго къ реформатору курфюрста допросъ его принялъ на себя папскій нунцій, ученый доминиканецъ, кардиналъ Каетанъ, въ Аугсбургѣ (окт. 1518). Снабженный охраннымъ листомъ, Лютеръ явился въ Аугсбургъ въ бѣдномъ одѣяніи; гордый князь церкви думалъ, что ему легко будетъ опровергнуть смиреннаго монаха своею схоластической ученостью, но Лютеръ показалъ и болѣе глубины и болѣе начитанности, чѣмъ отъ него ожидалось. Послѣ кратковременнаго пренія, Каетанъ велѣлъ ему идти вонъ и не являться къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ не отступитъ отъ своего взгляда. Написавъ аппелляцію къ папѣ, въ чаяніи отъ

то и понятно какимъ образомъ новый вѣроучитель увлекся мало-по-малу до односторонняго воззрѣнія на этотъ предметъ, и пришелъ наконецъ къ догмату о роковомъ предопредѣленіи.

него болѣе основательнаго суда, Лютеръ поспѣшно бѣжалъ изъ Аугсбурга, при помощи нѣкоторыхъ друзей и пользуясь темнотою ночи. Тщетно Каетанъ требовалъ отъ курфюрста, чтобы онъ или выдалъ смѣлаго проповѣдника для отсылки его въ Римъ, или по крайней мѣрѣ выгналъ изъ своихъ владѣній; Фридрихъ отвѣчалъ, что желаніе Лютера стать передъ безпристрастнымъ судилищемъ кажется ему совершенно справедливымъ. Отчасти благоволеніе къ евангелическому духу реформатора, отчасти заботливость о процвѣтаніи новаго университета и уваженіе къ общественному мнѣнію, расположили доблестнаго государя въ пользу Лютера.

§ 452. Лейпцигское преніе. Въ январѣ 1519 скончался императоръ Максимиліанъ. Пока несогласные курфюрсты уговаривались между собой въ выборѣ ему преемника, Фридрихъ Мудрый управлялъ имперіей, и многіе желали даже увѣнчать его императорскою короной. Эти обстоятельства явились очень кстати для Лютера. Папа, опасаясь возобновленія идеи средневѣковаго императорства, если выборъ падетъ на могущественнаго и одареннаго политическимъ умомъ Карла, втайнѣ благопріятствовалъ искательству Франциска I и поэтому старался привлечь Фридриха на свою сторону. Онъ прислалъ къ курфюрсту своего камерарія, ловкаго саксонскаго дворянина Мильтица, съ золотою розой, особеннымъ знакомъ папскаго благоволенія. Мильтицъ пригласилъ къ себѣ Лютера на бесѣду, соглашался съ нимъ насчетъ злоупотребленій индульгенціями, которыя самъ открыто осуждалъ, и удостовѣривъ его, что непристойный торгъ будетъ прекращенъ, получилъ отъ него обѣщаніе, что онъ оставитъ дальнѣйшій споръ объ этомъ, если и противники будутъ хранить молчаніе. Лютеръ въ то же время далъ слово написать воззваніе ко всѣмъ вѣрующимъ, чтобы они благоговѣйно повиновались римской церкви, а папу удостовѣрить особеннымъ письмомъ, что онъ отнюдь не имѣлъ въ виду касаться правъ и преимуществъ римскаго престола. И то и другое исполнилъ онъ честно и по совѣсти. — Не долго спустя, ингольштадтскій профессоръ Іоаннъ Экъ, человѣкъ ученый и мастеръ спорить, вызвалъ на диспутъ виттенбергскихъ богослововъ, доктора Карльштадта (Боденштейна) и Лютера. Диспутъ

происходилъ въ Лейпцигѣ въ присутствіи герцога и многихъ знатныхъ слушателей (1519). Здѣсь Лютеръ оспоривалъ положеніе Эка, что главенство папы восходитъ черезъ Петра Апостола къ самому Христу, и доказалъ, что римскій епископъ сталъ главою церкви не по божественному праву, а въ силу человѣческихъ учрежденій въ позднѣйшіе вѣка. Экъ, не имѣя возможности опровергнуть доводы Лютера, заимствованные изъ св. Писанія и изъ Исторіи, заподозрилъ его въ гуситской ереси и тѣмъ увлекъ къ смѣлому признанію, что между положеніями Гуса есть нѣкоторыя существенно-христіанскія и евангелическія и что конечно трудно было бы доказать непогрѣшимость всѣхъ соборовъ.

§ 453. Меланхтонъ. Отрицаніемъ непогрѣшимости соборовъ Лютеръ подорвалъ укоренившееся вѣками благоговѣніе передъ римскою церковью. Теперь изученіе гуситскихъ сочиненій и писателей греческой церкви открыло ему совсѣмъ новые взгляды на предметъ; скоро въ лицѣ его совокупилась вся многовѣковая оппозиція, которая въ различныя времена возставала противъ церковной системы Рима, а это придало борьбѣ уже не частный, а гораздо болѣе величавый характеръ. Филиппъ Меланхтонъ, изъ Бреттена[1] (1497—1560), не задолго до диспута вызванный для преподаванія греческой и еврейской литературы въ Виттенбергѣ и сопровождавшій Лютера въ Лейпцигъ, шелъ къ той же самой цѣли спокойнымъ путемъ ученыхъ изслѣдованій. Этотъ богато-одаренный человѣкъ, который уже двадцатилѣтнимъ юношей извѣдалъ глубины современной науки и на котораго возлагали надежду всѣ гуманисты, особенно его родственникъ и учитель Рейхлинъ (§ 432), горячо примкнулъ къ Лютеру, питая глубокое уваженіе къ его энергіи и творческому одушевленію, и старался помочь ему въ его предпріятіяхъ, какъ совѣтодавецъ, посредникъ и истинный другъ. Лютерова рьяная и бурная сила сотворена была для того, чтобъ разрушать, тогда какъ кроткая и податливая натура Меланхтона способна была именно къ созиданію. «Я на то и родился, писалъ однажды Лютеръ, чтобы ратовать и расправляться съ шайками мошенниковъ и съ чертями; оттого и книги мои слишкомъ бурны и воинственны. Я долженъ

---

[1] Бреттенъ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, въ 18 верстахъ къ востоку отъ Карльсруэ. Настоящая фамилія Меланхтона — Шварцерде, а Меланхтонъ — греческій ея переводъ (по-русски чернозёмъ).

съ корнемъ выворачивать пни и коряги, обрубать шипы, подсѣкать заросли, заваливать мочевины; я грубый полѣсовщикъ, который долженъ проложить и угладить путь. А магистръ Филиппъ ѣдетъ себѣ (за мной) чистенько и спокойно, воздѣлываетъ и насаждаетъ, сѣетъ и поливаетъ въ волю, на сколько Господь надѣлилъ его къ тому обильными дарованіями.» Благодаря Меланхтону, и училищная и церковная часть истинно процвѣли въ Саксоніи; и гуманизмъ, и протестантское богословіе чтятъ въ немъ своего величайшаго подвижника. Во всей Европѣ прослылъ онъ «учителемъ Германіи» (praeceptor Germaniae).

§ 454. Булла отлученія. Между тѣмъ какъ Лютеръ и Меланхтонъ различными путями пришли оба къ убѣжденію, что папство учредилось не по божественному уставу, и что ни ему, ни соборамъ нельзя приписать непогрѣшимости, Экъ написалъ ученую книгу, въ которой изъ папскихъ декреталій и отцовъ западной церкви старался доказать противоположное воззрѣніе, и поспѣшилъ съ нею въ Римъ, гдѣ удостоился отличнаго пріема. По его ходатайству (16 іюня 1520) издана булла, въ которой цѣлый рядъ Лютеровыхъ мнѣній осужденъ за лжевѣріе, писанія его положено предать огню, а самого его анаѳемѣ, если въ теченіе шестидесяти дней онъ не отступится отъ своихъ новшествъ. Съ торжествомъ возвратился Экъ въ Германію, гдѣ въ качествѣ папскаго уполномоченнаго онъ высокомѣрно обнародовалъ буллу. Однакожь предписанное ею сожженіе Лютеровыхъ писаній исполнили только въ Кёльнѣ, Майнцѣ и Лувенѣ; въ Саксоніи булла вовсе не была допущена, и вся Германія вознегодовала на осужденіе, которое римскій дворъ рѣшился произнесть, не выслушавъ обвиненнаго, и только по настоянію злѣйшаго его врага. При этомъ настроеніи два сочиненія Лютера: «къ христіанскому дворянству нѣмецкой націи» и о «вавилонскомъ плѣненіи и христіанской свободѣ», произвели глубокое впечатлѣніе. Въ первомъ со всею силою своего могучаго языка безпощадно обличаетъ онъ притѣсненія и позоръ, какія Германія цѣлые вѣка терпѣла отъ Рима, и требуетъ устраненія закоренѣлыхъ злоупотребленій и разныхъ догматовъ и постановленій, противорѣчащихъ св. Писанію *. Во второмъ изъ помянутыхъ сочиненій заявляетъ онъ сомнѣнія относительно догмата о пресуществленіи, оспориваетъ (по примѣру Гуса) седмичное число

таинствъ, признаетъ за мірянами право причащаться крови Христовой въ таинствѣ евхаристіи и ставитъ ублажающее всемогущество вѣры превыше всѣхъ возможныхъ дѣлъ одного внѣшняго благочестія. Ободренный восторгомъ, съ какимъ были приняты эти труды, и воззваніемъ къ свободѣ, огласившимъ всѣ стогна Германіи и особенно звучавшимъ въ смѣлыхъ сатирахъ какого-нибудь Гуттена (§ 434), Лютеръ отважился на такой шагъ, который отдѣлилъ его непроходимой бездною отъ римской церкви. Въ главѣ всѣхъ студентовъ виттенбергскихъ вышелъ онъ за Эльстерскіе ворота и тамъ, въ отместку за сожженіе его собственныхъ писаній, бросилъ въ огонь буллу отлученія и книгу каноническаго права (10 дек. 1520).

* Здѣсь отрицается таинство священства, говорится между прочимъ, что въ сущности всякій христіанинъ есть священникъ [1], что священство не болѣе какъ служебная обязанность и что слѣдовательно клирики должны паравнѣ съ другими подлежать свѣтской власти; что необходимо поставить папство въ надлежащіе предѣлы и отнять у него свѣтскую власть; что Германія должна имѣть своего особаго духовнаго главу, передъ чьимъ судомъ окончательно рѣшались бы дѣла по аппелляціямъ на епископовъ, но только не на основаніи каноническаго права; что вынужденное безбрачіе священниковъ должно быть отмѣнено, обученіе юношества улучшено, число монастырей сокращено, устранена раболѣпная (къ папѣ) присяга епископовъ и т. д.

в) Вормскій сеймъ (апрѣль 1521).

§ 455. Когда въ началѣ 1521 года юный императоръ Карлъ V, послѣ коронаціи въ Ахенѣ, поднялся вверхъ по Рейну, Гуттенъ, Зикингенъ и другіе поборники національной независимости обратились къ нему съ теплыми увѣтами, стать во главѣ движенія и споспѣшествовать учрежденію національной (отечественной) церкви. Но Карлъ не понималъ ни языка, ни натуры народа, котораго царскій вѣнецъ онъ на себя возложилъ. Его собственное убѣжденіе и искусное

[1] Положенія эти, какъ далѣе увидимъ, привели въ своемъ послѣдовательномъ развитіи къ самымъ крайнимъ ученіямъ такъ-называемыхъ анабаптистскихъ сектъ.

краснорѣчіе папскаго посла Алеандера вооружили его съ самаго начала противъ реформаціи. Когда въ Вормсѣ устроено было новое управленіе имперіей, приведенъ въ лучшій порядокъ имперскій верховный судъ и австрійскія земли переданы меньшому брату Карла Фердинанду, — тогда перешли къ разсмотрѣнію церковныхъ дѣлъ и призвали Лютера передъ собраніе сейма, выдавъ ему напередъ охранный листъ отъ имени императора. Не безъ опасенія испытать жребій Гуса, но полный упованія на Бога и мужества, Лютеръ прибылъ въ Вормсъ при огромномъ стеченіи сочувствующаго народа (16 апрѣля). Блистательный сеймъ, на которомъ, кромѣ императора и нунція, присутствовало множество князей, господъ, прелатовъ и выборныхъ отъ городовъ, сначала привелъ его въ смущеніе (17 апр.). На вызовъ отступиться отъ своихъ положеній, онъ попросилъ дать ему подумать до слѣдующаго дня. Но при вторичномъ появленіи на сеймѣ (18 апр.) онъ выступилъ уже со всею своей энергіей и рѣшимостью. Полное надеждъ участіе многочисленнаго собора одушевило его. Свободно и открыто призналъ онъ себя авторомъ сочиненій, ему предъявленныхъ; вызовъ, отречься отъ своихъ мнѣній, онъ отвергнулъ, говоря, что «пока не убѣдятъ его въ заблужденіяхъ текстами Св. Писанія, онъ не можетъ и не хочетъ отступить отъ своихъ мыслей и чувствъ, потому что совѣсть его заполонена словомъ Господнимъ», и заключилъ восклицаніемъ: «Вотъ я, весь какъ есть, передъ вами; иначе дѣйствовать, я не могу, и Богъ да будетъ мнѣ помощникомъ! Аминь!» Всѣ попытки склонить его къ смягченію своего отзыва остались тщетны; но участіе и восторгъ дворянства и народа высказались столь явнымъ образомъ, что никто не отважился ни на какую насильственную мѣру. Лютеръ благополучно выѣхалъ изъ города (26 апр.); тоже сдѣлали многіе князья и земскіе чины; только тогда (26 мая) на Лютера и его приверженцевъ наложена имперская опала и сочиненія его велѣно предать огню. Карлъ V, отнынѣ въ тѣсномъ союзѣ съ папою, твердо рѣшился искоренить новую ересь. [1]

---

[1] Далѣе увидимъ, что это твердое рѣшеніе подчинялось у него разнымъ политическимъ соображеніямъ и разсчетамъ.

§ 456. **Вартбургъ.** Но Лютеръ былъ уже въ безопасности. На возвратномъ пути изъ Вормса курфюрстъ Фридрихъ велѣлъ захватить его и держать плѣнникомъ въ Вартбургѣ, подъ именемъ рыцаря Георга. Здѣсь прожилъ онъ около года, сначала оплакиваемый своими друзьями, до тѣхъ поръ пока смѣлыя сочиненія противъ устной исповѣди, противъ иноческихъ обѣтовъ и проч. и гнѣвное посланіе противъ Альбрехта майнцскаго, который опять взялся за продажу индульгенцій, не удостовѣрили ихъ, что онъ живъ и дѣятеленъ попрежнему. Альбрехтъ устыдился и прекратилъ свой торгъ. Но между тѣмъ какъ Лютеръ въ Вартбургѣ велъ дѣятельную жизнь, возмущенную не разъ припадками болѣзни и унынія, въ Виттенбергѣ произошли безпокойства, противъ которыхъ кроткій, миролюбивый курфюрстъ не принялъ съ самаго начала довольно рѣшительныхъ мѣръ. Человѣкъ, смутный въ своихъ мысляхъ и шаткій въ правилахъ, докторъ Карльштадтъ, вздумалъ совершенно устранить литургію, предлагалъ мірянамъ причащеніе изъ чаши и ратовалъ противъ иконъ и церковныхъ обрядовъ. Вскорѣ примкнули къ нему такъ-называемые цвикаускіе пророки, люди безъ образованія и увлекаемые фанатическими чувствами, которые возстали противъ крещенія малолѣтныхъ, говоря, что таинство безъ соотвѣтственной вѣры лишено значенія, и соединяя съ перекрещиваніемъ взрослыхъ (отсюда анабаптисты, т. е. перекресты) разныя мечтательныя мнѣнія о непосредственномъ вдохновеніи свыше. Въ нѣкоторыхъ церквахъ истреблены были иконы и облаченія, монахи и монахини стали бѣгать изъ монастырей, всѣ души пришли въ тревожное замѣшательство. Тутъ Лютеръ уже не могъ усидѣть въ Вартбургѣ. Онъ поспѣшилъ въ Виттенбергъ (мартъ 1522), проповѣдывалъ цѣлую недѣлю каждый день противъ торопливыхъ, безпощадныхъ нововведеній, отвергнулъ цвикаускихъ изувѣровъ и расположилъ умы къ спокойному развитію реформаціи. Все что не противорѣчило прямымъ и яснымъ словамъ Писанія, оставилъ онъ нетронутымъ, не настаивая впрочемъ на строгомъ соблюденіи обрядовъ.

Анабаптисты. Направленіе анабаптистовъ было демократически-республиканскою стороною реформаціи, — стороною, которая шла

революціоннымъ путемъ и, съ чисто-христіанскими догматами, соединяла такія положенія, которыя отчасти нарушали законы, нравы и обычаи, отчасти вдавались въ безпредѣльную область туманной мечтательности и мистицизма. Анабаптистскія секты стремились не только къ преобразованію христіанской церкви въ догматикѣ и богослуженіи, подобно Лютеранамъ, не только къ исправленію нравовъ и политическаго порядка, что составляло главную задачу Кальвинистовъ и Цвингліанъ, — цѣлію ихъ было общеніе святыхъ, — соединеніе всѣхъ истинно вѣрующихъ и возрожденныхъ изъ растлѣнія церковнаго въ новую, святую общину, призванную уготовить и осуществить водвореніе и прославленіе царства Божія на землѣ въ видимомъ (тысячелѣтнемъ) царствѣ политическомъ. Они развили Лютерово ученіе о всеобщемъ священствѣ христіанъ въ такой послѣдовательности, что хотѣли чтобы и церковныя дѣла рѣшались сборищами міранъ и чтобъ священники назначались прямо отъ общинъ. Въ этомъ союзѣ вѣрующихъ, въ который вступали путемъ перекрещенства, все мірское и грѣховное должно было устраняться христіанскимъ благочиніемъ и крещеніемъ, ученіе евангелія объ истинно-братской любви должно было осуществляться на дѣлѣ общеніемъ имуществъ, а также безоружною и безместною жизнію, такъ что никто изъ христіанъ, освященныхъ перекрещеніемъ, не могъ ни принять начальственнаго мѣста, ни употребить въ дѣло мечъ, ни дать кому-либо присягу, и т. д. Всего болѣе цѣнили анабаптисты божественное вдохновеніе, внутреннее слово и непосредственное откровеніе въ духѣ, въ ущербъ писанному слову Божію, почему отвергали какъ священническій санъ, такъ и вообще сословіе духовныхъ учителей, служащихъ проводниками слова Господня въ нѣдра общины; какъ союзъ избранныхъ и святыхъ, всѣ они почитали себя причастными равной благодати и, въ строгомъ отщепенствѣ, уклонялись отъ всякаго тѣснаго сближенія съ необращенными и всякаго вмѣшательства въ земныя и гражданскія дѣла. Отверженіе крещенія младенцевъ и перекрещиваніе новообращаемыхъ было общимъ символомъ всѣхъ этихъ сектъ, расходившихся впрочемъ въ разныхъ отдѣльныхъ догматахъ и направленіяхъ. Презрѣніе къ браку и допущеніе многоженства вовсе не было общимъ правиломъ, а принято изувѣрною Мюнстерскою сектою (§ 480, 481), которая извратила догматы анабаптистовъ перенесеніемъ на христіанскій міръ нѣкоторыхъ

отстраненныхъ имъ ветхозавѣтныхъ отношеній [1]. Такіе попиравшіе христіанскую нравственность и вредныя для гражданскаго общества наросты въ послѣдствіи особенно поставлялись на видъ противниками анабаптистовъ, въ оправданіе поднятымъ на нихъ гоненіямъ.

§ 457. Распространеніе реформаціи. Вормское постановленіе осталось неисполненнымъ, не смотря на всѣ усилія новаго папы Адріана VI, который обѣщалъ предпринять самъ отъ себя умѣренное преобразованіе церкви (1522). Новыя воззрѣнія утверждались болѣе и болѣе и пріобрѣтали все многочисленнѣйшихъ приверженцевъ. Виттенбергъ вскорѣ сталъ средоточіемъ нѣмецкаго образованія. Туда со всѣхъ концовъ отечества стекалась бойкая, любознательная молодежь; оттуда Лютеръ выпускалъ по временамъ то какую-нибудь часть Библіи въ своемъ переводѣ, то какой-нибудь полновѣсный полемическій памфлетъ; здѣсь Меланхтонъ положилъ начала новаго вѣроученія, своей далеко распространенною книгой Loci communes theologici. Лютеровъ переводъ Библіи, начатый въ Вартбургѣ и оконченный въ Виттенбергѣ, по тщательномъ обсужденіи въ дружескомъ кругу, явился вполнѣ 1534 г. Это было мастерское произведеніе нѣмецкаго языка и нѣмецкаго духа, послужившее основаніемъ библейской рѣчи и соотвѣтственному ей настроенію для многихъ поколѣній. — Стремленію Лютера сильно содѣйствовали гуманисты и вся образованная молодежь. Послѣдніе сообщили реформаціи характеръ борьбы за умственную и политическую свободу Германіи и предали противниковъ осмѣянію съ помощью остроумія и сатиры; народная литтература съ ея шуточными пѣснями и такъ-называемыми «карнавальными потѣхами» или комедіями (Fastnachtsspiele) [2],

---

[1] Къ такому униженію брака подалъ поводъ отчасти самъ Лютеръ своимъ слишкомъ матеріяльнымъ воззрѣніемъ на эту связь, въ которой онъ не видитъ ничего кромѣ законнаго удовлетворенія естественной потребности. Довольно указать на его объясненіе 7-й главы Посланія къ Коринѳянамъ. Въ извиненіе ему можно сказать только то, что такъ думало большинство передовыхъ людей его времени, заходившихъ слишкомъ далеко въ своемъ противодѣйствіи мечтательному направленію средневѣковой эпохи.

[2] Драматическая поэзія и драматическія представленія среднихъ вѣковъ ограничивались сначала литургическими мотивами, къ которымъ присоединились потомъ библейскіе сюжеты: такія представленія носили названіе мистерій; мало-по-малу, для большаго разнообразія, къ нимъ стали присовокуплять въ видѣ интермедій сцены веселаго содержанія, которыя въ теченіе карнавала чрезвычайно забавляли зрителей; изъ церквей, гдѣ сначала давались также представленія фокусниковъ, акробатовъ и минстрелей, онѣ перешли на площадь и сдѣлались достояніемъ общественной жизни. Не смотря на часто повторявшіяся запрещенія изъ Рима, духовныя лица продолжали при-

также взяла сторону Лютера, котораго Гансъ Саксъ прозвалъ виттенберскимъ соловьемъ, принесшимъ съ собою весеннюю пору. При такихъ обстоятельствахъ, чтожь удивительнаго, что и монахи и лица бѣлаго духовенства толпами обращались къ новому ученію, собирали вокругъ себя единомысленныхъ міранъ и учреждали богослуженіе по-нѣмецки? что сами государи увлекались силою движенія и подражали примѣру курфюрста Саксонскаго и рѣшительнаго, энергическаго Филиппа Гессенскаго? — Но ревностію къ дѣлу реформаціи особенно отличалось просвѣщенное и образованное среднее сословіе. Поэтому она рѣшительно восторжествовала тамъ, гдѣ, какъ въ имперскихъ городахъ, много значила воля народа; часто, собравшаяся въ церкви община по собственному побужденію вдругъ начинала пѣть псаломъ или церковный гимнъ по-нѣмецки и тѣмъ подавала поводъ къ устраненію латинскаго богослуженія. Тамъ, гдѣ приставшій къ евангелическому ученію народъ не получалъ доступа въ церковь, онъ стекался на молитву подъ открытымъ небомъ, на кладбищахъ, поляхъ и лугахъ. — Кому было мало религіознаго одушевленія, на тѣхъ дѣйствовали кромѣ того и другія побужденія. Государямъ реформація предлагала церковныя имущества, священникамъ женъ, народу освобожденіе. Поэтому новизна разливалась съ удивительной быстротою, и даже въ южно-германскихъ земляхъ (въ Баваріи, Австріи и друг.), гдѣ «лютерскую ересь» старались отстранить цензурою, гоненіями, выставкою къ позорному столбу, тюремнымъ заключеніемъ и казнями, не было возможности совершенно подавить реформаціонныя стремленья.

нимать участіе въ этихъ полуцерковныхъ, полусвѣтскихъ потѣхахъ.Въ средніе вѣка вся жизнь народа находилась въ разнообразнѣйшихъ соотношеніяхъ съ религіею и церковью и вслѣдствіе того терпѣла со стороны церковныхъ законовъ многія ограниченія и стѣсненія; за это народъ вымещалъ по временамъ на церковномъ благочиніи, давая волю шуткѣ и разгулу на его счетъ, но отнюдь не касаясь великихъ святынь религіи. Таковы, напримѣръ, были дурацкіе праздники, особенно развившіеся во Франціи; возникнувъ сначала въ видахъ осмѣянія языческихъ обрядовъ, они потомъ простерли свою шутку и гораздо далѣе. — Уже въ 15 вѣкѣ «карнавальныя потѣхи» отдѣлились отъ мистерій и сначала представлялись въ видѣ импровизаціи труппами переряженныхъ, ходившими по домамъ извѣстныхъ щедростью хозяевъ, а потомъ игрались уже по заранѣе сочиненнымъ текстамъ, написаннымъ въ народномъ духѣ какимъ-нибудь мейстерзенгеромъ. Въ реформаціонную эпоху такіе фарсы естественно приняли полемическій характеръ противъ римской церкви и противъ папъ, и особенно отличался въ этомъ родѣ бернскій живописецъ Ник. Мануэль (†1530). Знаменитый Гансъ Саксъ и Яковъ Айреръ также писали карнавальные фарсы для народа.

§ 458. **Начало церковнаго распаденія въ Германіи.** Папа Адріанъ VI (янв. 1522 — сент. 1523), бывшій прежде профессоръ въ Лувенѣ и наставникъ Карла V, человѣкъ ученый и благомыслящій, явился такимъ же противникомъ церковныхъ злоупотребленій, какъ и нововведеній Лютера. Онъ возсталъ на симонію, прекратилъ продажу индульгенцій, ограничилъ расходы пышнаго двора и проч. Но этимъ онъ возбудилъ неудовольствіе своихъ итальянскихъ царедворцевъ, которые не находили въ немъ великодушія и тонкой образованности его предмѣстниковъ и не отдавали справедливости его строгой, нравственной жизни. Къ общей радости легкомысленныхъ Итальянцевъ онъ умеръ въ слѣдующемъ же году, и въ преемники ему избранъ Климентъ VII, изъ рода Медичи (1523—34). Этотъ умный, просвѣщенный государь, который столько же пекся о расширеніи церковной области и о возвеличеніи своего дома, какъ и о благѣ церкви, думалъ остановить сильное церковное движеніе дипломатическою ловкостью и тонкими изворотами кабинетнаго человѣка. Но выигрывая этимъ съ одной стороны, онъ вдвойнѣ проигрывалъ съ другой. При посредствѣ его нунція (Кампеджіо) герцоги Баварскій, Фердинандъ Австрійскій и бо́льшая часть южно-германскихъ епископовъ заключили въ Регенсбургѣ (1524) союзъ для взаимной обороны и удаленія виттенбергскихъ нововведеній отъ своихъ подданныхъ. Напрасно склонные къ реформѣ государи, именно курфюрстъ Саксонскій Іоаннъ Постоянный и ландграфъ Гессенскій Филиппъ Великодушный, хотѣли склонить своихъ сочленовъ по сейму къ единодушному образу дѣйствій въ церковномъ вопросѣ и предложили собраться для этого въ Шпейерѣ. Союзный съ папою императоръ запретилъ это собраніе, и тѣмъ побудилъ означенныхъ князей обезпечить себя соотвѣтственнымъ Торгаускимъ союзомъ (1526), въ который вошли многіе единомысленные державцы (Люнебургскій, Мекленбургскій, Ангальтскій, Мансфельдскій) и имперскіе города, для оказанія другъ другу взаимной помощи въ случаѣ нападенія на кого-либо изъ нихъ по поводу новой вѣры. Хотя, поссорясь съ папою изъ-за итальянскихъ дѣлъ, Карлъ вслѣдъ за тѣмъ и разрѣшилъ съѣздъ въ Шпейерѣ, однакожь союзники вскорѣ убѣдились, что нечего и думать о преобразованіи всей германской церкви съ-обща и потому предоставили чинамъ имперіи «поступать относительно Вормскаго эдикта такъ, какъ кто признаетъ сообразнымъ съ своей совѣстью передъ Богомъ и отвѣтственностью передъ император-

скимъ величествомъ», разрѣшая такимъ образомъ каждому изъ областныхъ державцевъ устроивать у себя церковныя дѣла по собственному усмотрѣнію, пока свободно созванный соборъ не постановитъ общихъ опредѣленій. И вотъ въ Германіи стало господствующимъ то правило, что «по подданству и вѣра» (cujus regio ejus religio), и этимъ брошено сѣмя плачевнаго разъединенія въ ту самую минуту, когда свобода и независимость націи сдѣлались цѣлью стремленія благороднѣйшихъ ея умовъ.

г) Крестьянская война.

§ 459. Немощь свѣтской власти оставляла простолюдина беззащитною жертвой произвола и притѣсненія со стороны рыцарей и землевладѣльцевъ. Подъ игомъ тяжкаго крѣпостнаго права, подъ бременемъ повинностей, десятинъ и всякихъ лоборовъ, возраставшимъ вмѣстѣ съ роскошью и расточительностью господъ, терпя при всѣхъ войнахъ и частныхъ усобицахъ страшныя потери и обиды, крестьянское сословіе было въ самомъ бѣдственномъ положеніи и, можно-сказать, лишено всякихъ правъ. Не находя ни покровительства, ни заступленія передъ имперской властью, подвергалось оно и въ судахъ произволу грубаго дворянства, притѣсненіямъ и обманамъ корыстныхъ законниковъ и писцовъ. Крестьяне не могли ожидать ни какого облегченія своей участи отъ высшихъ сословій, питавшихъ къ нимъ глубокое презрѣніе, а потому и пришли наконецъ къ мысли, насильственно и своевольно захватить себѣ отнятыя у нихъ права. Уже въ девяностыхъ годахъ 15 вѣка они возстали въ Нидерландахъ многочисленными толпами, которыя выставили на своихъ знаменахъ «хлѣбъ и сыръ»; подданные кемптенскаго аббата выгнали своего несправедливаго владѣльца и пріобрѣли себѣ лучшее положеніе; въ началѣ 16 столѣтія союзъ, извѣстный подъ названіемъ «башмачнаго» [1], прибѣгнулъ къ самоуправству въ Шпейерѣ и прирейнскихъ областяхъ; въ Швабіи же бремя податей, обмѣръ и обвѣсъ, допущенные расточительнымъ герцогомъ Ульрихомъ Вюртембергскимъ и его бездушными

---

[1] Оттого, что на знамени его былъ изображенъ крестьянскій башмакъ.

совѣтниками, привели къ вооруженному возстанію другаго крестьянскаго союза, подъ именемъ «бѣдняка Конрада»; въ Австріи и Каринтіи также обнаружились грозныя волненія, а въ Венгріи народъ рѣшительно поднялъ бунтъ противъ дворянъ и духовенства. Хотя эти отдѣльныя возстанія и были потомъ усмирены, тѣмъ не менѣе въ нихъ выражалось далеко распространенное недовольство и ихъ можно было считать предвѣстіями великой угрожающей борьбы. Еще не изгладилось воспоминаніе объ этихъ бунтахъ, какъ общій кличь къ свободѣ и независимости, оглашавшій со времени Лютерова появленія всю Германію, возбудилъ смѣлыя желанія и надежды и въ крестьянскомъ сословіи, которое подъ «евангелическою свободой» разумѣло отмѣну всякихъ притѣсненій; желанія и надежды эти были тѣмъ сильнѣе, что они поддерживались разными побочными обстоятельствами.

Кажется, что Зикингенъ, Гуттенъ и друг. сперва благопріятствовали этому волненію, съ намѣреніемъ, стать во главѣ его и мечемъ добиться политическаго и религіознаго преобразованія Германіи. Усобица Зикингена съ архіепископомъ трирскимъ должна была завязать борьбу. Но какъ Лютеръ вооружился противъ всякаго насилія и не хотѣлъ ввѣрять Слово Господне защитѣ плотскаго оружія, то предпріятіе Зикингена не нашло себѣ желанной поддержки, и смерть его при осадѣ его замка Ландштуля (1523) замедлила взрывъ общаго возстанія на два года. Тогда толпы выгнанныхъ изъ Саксоніи анабаптистовъ, особенно изувѣрный Ѳома Мюнцеръ, стали бродить по южной Германіи, толковали объ отмѣнѣ духовной и свѣтской власти и объ устроеніи въ здѣшнемъ мірѣ царства небеснаго, гдѣ всѣ люди будутъ равны, исчезнетъ всякое различіе между бѣднымъ и богатымъ, большимъ и малымъ человѣкомъ. Ученія эти проникли также въ Шварцвальдъ и въ окрестности Боденскаго озера, гдѣ возбуждалъ къ подражанію примѣръ сосѣдней Швейцаріи, сломившей собственною силой иго деспотизма и жившей теперь свободною политическою жизнію, и гдѣ австрійское правительство мѣрами крайней строгости силилось все удержать по старинѣ, вызывая тѣмъ страшное раздраженіе. Не долго спустя, весь народъ,

отъ Вутаха до Дрейзама [1], собрался вокругъ Ганса Мюллера фонъ-Бульгенбаха, отставнаго солдата, предложившаго себя въ вожди крестьянамъ. Въ красномъ плащѣ и красной шапочкѣ переходилъ онъ изъ мѣстечка въ мѣстечко во главѣ своихъ приверженцевъ; знамя везли за нимъ на телѣгѣ, убранной лентами и зеленью. Эти люди предъявляли двѣнадцать статей, на исполненіи которыхъ всегда готовы были настоять силою оружія. Въ нихъ требовалось свободное пользованіе охотой, рыбною ловлей, лѣсами и проч., уничтоженіе крѣпостнаго права, повинностей и десятинъ, право выбора священниковъ и вольная проповѣдь Евангелія. Мюллеръ говорилъ именемъ христіанскаго союза и евангелическаго братства, къ которому всѣ должны были приставать.

§ 460. Примѣру ихъ послѣдовали вскорѣ крестьяне оденвальдскіе [2], при-некарскіе и франконскіе, подъ предводительствомъ отважнаго дворника (хозяина постоялаго двора), Георга Метцлера въ Болленбергѣ. Они заставили графовъ Гогенлоэ, Лёвенштейна, Вартгейма, Геммингена, старшинъ Нѣмецкаго ордена въ Мергентгеймѣ и друг. принять ихъ двѣнадцать статей и предоставить своимъ подвластнымъ всѣ права, въ нихъ означенныя; кто дерзалъ сопротивляться мятежникамъ (какъ наприм. графъ Гельфенштейнъ фонъ-Вейнсбергъ), погибалъ мучительною смертью. Съ огнемъ и опустошеніемъ проходили они весь тотъ край, отдаваясь необузданности своей природы, разоряя зàмки и монастыри и платя кровавою местью своимъ супостатамъ. Подъ начальствомъ храбрыхъ рыцарей, Флоріана Гейера и Гёца фонъ-Берлихингена съ желѣзною рукой (который сталъ предводителемъ ихъ волею и неволей), вторглись они въ вюрцбургскую область, между тѣмъ какъ другія толпы неистовствовали въ баденской, прогнали маркграфа Эрнста, не согласившагося на ихъ требованія, и разорили его зàмки. Скоро мятежъ разлился по всей Швабіи, Франконіи, Альзаціи и по обоимъ берегамъ Рейна. Духовные и свѣтскіе господа перепугались и

---

[1] Рѣчки, текущія въ Рейнъ въ нынѣшнемъ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.

[2] Оденвальдомъ (Одиновымъ Лѣсомъ) называется промежуточный горный кряжъ, идущій отъ сѣвера къ югу между Некаромъ, который отдѣляетъ его отъ Шварцвальда, и Мейномъ, отдѣляющимъ его отъ Шпессарта.

уступили бунтовщикамъ во всѣхъ ихъ желаніяхъ. Курфюрстъ Пфальцскій заключилъ съ ними договоръ; мѐньшіе города, которымъ приходилось много терпѣть отъ высокомѣрія и наглости хищнаго дворянства, держали ихъ сторону, и даже въ самыхъ большихъ городахъ замѣтно было волненіе въ томъ же смыслѣ; въ Гейльброннѣ у предводителей мятежа происходилъ совѣтъ о совершенномъ преобразованіи имперіи въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ. — Возстаніе въ Тюрингенѣ и по Гарцу было наиболѣе возбуждено религіознымъ фанатизмомъ. Въ Мюльгаузенѣ достигъ высокаго уваженія и прослылъ пророкомъ Ѳома Мюнцеръ [1]. Онъ отвергъ умѣренный взглядъ Лютера, препоясался «мечемъ Гедеона» [2] и хотѣлъ водворить царство Божіе на землѣ при свободѣ и равенствѣ всѣхъ членовъ. Разжигаемый его проповѣдью, народъ въ дикомъ неистовствѣ безпощадно разорялъ зàмки, монастыри и памятники древности.

§ 461. Сначала, пока возстаніе не приняло еще такихъ грозныхъ размѣровъ, Лютеръ старался водворить миръ добрымъ совѣтомъ; князьямъ и господамъ ставилъ онъ на видъ ихъ насилія, а крестьянъ въ то же время увѣщевалъ отстать отъ мятежа. Когда же опасность возрасла, когда къ церковному примѣшалось свѣтское и явились «пророки убійства и бѣсы разбойничьихъ шаекъ», тогда онъ издалъ громовое посланіе «противъ убійцъ и разбойниковъ крестьянъ», въ которомъ призывалъ начальства укрощать бунтовщиковъ мечемъ, не давая имъ ни какой пощады. Тутъ князья и рыцари двинулись со всѣхъ сторонъ на непокорныхъ. Курфюрстъ Іоаннъ Саксонскій, ландграфъ Филиппъ Гессенскій и друг. вступили въ Тюрингенъ и, (15 мая 1525) при Франкенгаузенѣ, одержали, благодаря своей артиллеріи и привычнымъ къ войнѣ наемникамъ, легкую побѣду надъ Ѳомою Мюнцеромъ и его дурно-вооруженными

---

[1] Онъ былъ прежде монахомъ подобно Лютеру, потомъ ревностно принялъ къ сердцу дѣло реформаціи, но думая опередить своего учителя, вдался во всѣ крайности религіознаго и политическаго фанатизма.

[2] Гедеонъ — храбрый судья израильскій, освободившій, по гласу Божію, свой народъ отъ ига идолопоклонныхъ Мадіанитовъ (1400—1300 до Р. Хр.).

толпами ослѣпленныхъ поселянъ, которые среди гимновъ и молитвъ ожидали себѣ помощи силъ небесныхъ. Подъ Мюльгаузеномъ воздвигнутъ былъ эшафотъ, на которомъ тюрингенскій «пророкъ» умеръ кровавою смертью послѣ мучительнѣйшихъ истязаній, а въ самомъ Франкенгаузенѣ солдатами избито все мужское населеніе. Вознагражденія и окупы, взысканные князьями и дворянствомъ съ Мюльгаузена, и учрежденіе надъ нимъ тройной опеки въ конецъ истребили благосостояніе этого древняго имперскаго города. — Въ то же время эльзасскіе крестьяне были разбиты конницей герцога Лотарингскаго; вопреки заключенному потомъ договору, на нихъ вторично напали при отступленіи и 17,000 положили на мѣстѣ. Въ Швабіи возстановилъ спокойствіе начальникъ швабскаго союза*, стольникъ фонъ-Вальдбургъ [1], а потомъ вмѣстѣ съ Прирейнскимъ пфальцграфомъ и воинственнымъ архіепископомъ трирскимъ онъ двинулся на мятежниковъ во Франконію, гдѣ они осадили стойко-защищаемый вюрцбургскій зàмокъ. И здѣсь военная опытность и лучшее вооруженіе одолѣли нестройную толпу. По кратковременной оборонѣ, крестьяне ударились бѣжать и большею частію погибли при преслѣдованіи; плѣнныхъ рубили безпощадно; тяжко наказаны были и граждане франконскихъ городовъ, державшіе сторону мятежниковъ. И долго послѣ этого топоръ палача работалъ еще въ вюрцбургской области. То же было и на среднемъ Рейнѣ, гдѣ соединенныя войска трирскія и пфальцскія разбили бунтовщиковъ и возстановили все по старому. Храбрый Вальдбургскій стòльникъ и знаменитый воинъ Георгъ фонъ-Фрундсбергъ встрѣтили гораздо болѣе сопротивленія въ Шварцвальдѣ и у истоковъ Дуная; но мечъ и огонь страшно очистили и здѣсь ряды непокорныхъ, и спокойствіе было наконецъ водворено. За пораженіемъ слѣдовали казни и контрибуціи. Въ бòльшей части мѣстностей поселянъ обложили опять прежнею обузой, и жестокосердые помѣщики говорили, какъ нѣкогда Ровоамъ: «отецъ мой наказа вы ранами, азъ же накажу вы скорпіонами». Только немногіе землевладѣльцы были на столько

---

[1] Владѣнія князя-стòльника Вальдбургскаго находились въ нынѣшнемъ Дунайскомъ округѣ Вюртембергскаго королевства.

справедливы, что дали своимъ людямъ нѣкоторое облегченіе. «Лютеране», которымъ приписывался мятежъ, особенно почувствовали на себѣ месть князей, прелатовъ и господъ, преданныхъ старому порядку. Цвѣтущіе, многолюдные края были тогда обращены въ пустыни.

* Швабскій союзъ, заключенный по настоянію императора Фридриха III въ февралѣ 1488 г., съ тѣхъ поръ значительно усилился приступленіемъ къ нему многихъ князей, господъ, прелатовъ и городовъ и распространился на всю Швабію и Франконію; въ 1519 г. этотъ мощный союзъ изгналъ герцога Ульриха Вюртембергскаго за нарушеніе земскаго мира (§ 479), а теперь онъ сильно опасался, что герцогъ съ помощью крестьянъ возвратится въ свои владѣнія и поэтому принялъ такія ревностныя мѣры къ подавленію мятежа.

д) Французско-итальянскія войны Карла V, 1521 — 1529.

§ 462. Завоеваніе Милана. Вслѣдствіе битвы при Мариньяно (§ 385) Францискъ I овладѣлъ Миланомъ, Генуей и большою частію Ломбардіи (1515). Но едва Карлъ V достигъ нѣмецко-императорской короны, какъ заявилъ лэнныя права имперіи надъ верхнею Италіей. Эта, а равно и другія причины (§ 445) повели къ кровопролитной войнѣ, въ которой Швейцарцы сражались на сторонѣ Франціи, тогда какъ ядро императорскаго войска составляли нѣмецкіе ландскнехты подъ начальствомъ храбрыхъ военачальниковъ Фрундсберга, Шертлина и друг. Въ то время войны велись только наемными войсками, и ни одинъ народъ не могъ поспорить храбростію такихъ войскъ съ Гельветами и Нѣмцами; передъ ихъ фузеями пала рыцарская тактика прежней эпохи, такъ же какъ крѣпкіе зàмки пали передъ силой артиллеріи. Папа, король Англійскій и Венеція держали сторону Карла. Этимъ соединеннымъ силамъ скоро должны были уступить Французы, всѣми ненавидимые за свое высокомѣріе и свой гнетъ. Миланъ былъ завоеванъ, и къ общей радости народа законный наслѣдникъ, Франческо Сфорца, поставленъ герцогомъ подъ верховно-лэнной властью императора. Вскорѣ досталась въ руки союзникамъ еще Генуа, и Французы были въ короткое время оттѣснены за Альпы.

Напрасно въ слѣдующемъ году (1522) Боннивѐ предпринялъ съ значительною силой завоеваніе прекраснаго края. Императорскія войска одолѣли еще разъ и преслѣдовали Французовъ въ самыя Альпы; при отступленіи ихъ, пуля одного нѣмецкаго стрѣлка сразила доблестнаго Баярда, «рыцаря безъ страха и упрека». Но счастливымъ исходомъ этой войны Карлъ былъ преимущественно обязанъ французскому же полководцу, храброму коннетаблю Бурбонскому. Этотъ принцъ, сильнѣйшій и богатѣйшій послѣ короля вельможа въ цѣлой Франціи, обладавшій двумя герцогствами и пятью другими маетностями и простиравшій честолюбивый взоръ даже на королевскую корону, былъ разобиженъ французскимъ дворомъ, опутанъ кознями со стороны королевы-матери, Луизы Савойской, и подвергался опасности лишиться всѣхъ своихъ владѣній. Раздраженный этимъ, онъ бѣжалъ въ Италію и предложилъ себя императору въ военачальники. Пылая местью, двинулся онъ съ дружинами изъ Нѣмцевъ, Испанцевъ и Итальянцевъ черезъ западныя Альпы во Францію и мечталъ уже завоевать эту страну, какъ вдругъ нападеніе его на Марсель встрѣтило себѣ храбрый отпоръ со стороны гражданъ и кончилось неудачей. Армія принуждена была осторожно отступить, а потомъ разсѣялась по всѣмъ возможнымъ направленіямъ.

§ 463. Битва при Павіи 1525 г. (24 февр.). Это было очень кстати для Французскаго короля, который перешелъ теперь за Альпы во главѣ отличнаго войска, снабженнаго вдоволь необходимыми потребностями. Въ короткое время онъ овладѣлъ всѣмъ краемъ до Тессина. Но такъ какъ онъ былъ долго задержанъ подъ стѣнами Павіи, гдѣ храбрый гарнизонъ изъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ вмѣстѣ съ гибеллинскимъ населеніемъ отсиживались отъ всѣхъ приступовъ, то дѣятельному Бурбону удалось притянуть къ себѣ изъ нѣмецкихъ земель новыя дружины наемниковъ и соединиться съ испанскимъ полководцемъ Пескарой. Однако недостатокъ въ деньгахъ и жизненныхъ припасахъ скоро довелъ союзную армію до великой нужды, тогда какъ богатый французскій лагерь плавалъ въ изобиліи. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались Бурбонъ и Фрундсбергъ, чтобы подстрекнуть ландскнехтовъ къ рѣшительному нападенію. Изъ ночной аттаки развился

кровопролитный бой, который, не смотря на выгодное положеніе и храбрость Французовъ, кончился для нихъ совершеннымъ пораженіемъ. Самъ Францискъ послѣ мужественной борьбы долженъ былъ сдаться военноплѣннымъ и отправиться въ Мадридъ. Десять тысячь отличныхъ воиновъ погибли на полѣ сраженія или въ волнахъ Тессина. Карлъ V принудилъ своего противника, которому долгій плѣнъ былъ невыносимъ, къ Мадридскому миру (1526), при чемъ Францискъ обѣщалъ подъ присягою (хотя и оговоренною тайнымъ протестомъ), отречься отъ своихъ притязаній на Миланъ, возвратить имперіи Бургундію и лишить враговъ императора своей защиты; но между тѣмъ, по настоянію папы Климента VII, составился уже союзъ для освобожденія Италіи отъ испанскаго владычества.

§ 464. Разграбленіе Рима. Лишь только Францискъ, давъ обоихъ сыновей своихъ въ заложники, успѣлъ ступить на французскую землю и вмѣстѣ съ атмосферой свободы вдохнуть въ себя чувство силы и чести Франціи, какъ къ нему обратился папа, разрѣшилъ его отъ данной присяги и заключилъ съ нимъ, съ Генрихомъ Англійскимъ и со многими итальянскими державцами такъ-называемый священный союзъ (лигу) противъ Испаніи (1527). Въ то же время Парижскій парламентъ объявилъ, что уступка Бургундіи проворѣчитъ кореннымъ законамъ королевства и что вынужденный мирный договоръ не имѣетъ ни какой правомѣрной силы.— Это было сигналомъ къ новому поднятію оружія. Въ Италіи опять завязалась свирѣпая борьба; опять по всѣмъ нѣмецкимъ городамъ загремѣлъ барабанъ для набора ландскнехтовъ. Такъ какъ дѣло шло о войнѣ противъ папы, то приверженцы Лютерова ученія стекались толпами; отважный Фрундсбергъ могъ въ короткое время привести за Альпы сильное войско и соединиться съ Бурбономъ. Но вскорѣ не достало денегъ на уплату наемникамъ; неудовольствіе ихъ перешло въ открытый бунтъ; угрозы этихъ раздраженныхъ людей такъ страшно подѣйствовали на Фрундсберга, что у него отъ удара отнялся языкъ и онъ вскорѣ потомъ умеръ. Они требовали, чтобы ихъ вели прямо къ Риму; Бурбонъ согласился на ихъ желаніе. 7 мая 1527 г. испанскіе и нѣмецкіе наемники безъ

труда овладѣли вѣчною столицей. Однимъ изъ первыхъ палъ на приступѣ Бурбонъ. Безъ предводителя, хищныя толпы разлились по улицамъ Рима и повторили сцены вандальскаго варварства. Богатые дворцы и лучшіе жилые дома были разграблены, изъ церквей забраны ихъ украшенія и сосуды; говорятъ, что цѣнность добычи простиралась до десяти милліоновъ золотомъ. Въ самомъ Ватиканѣ были разведены сторожевые огни; Нѣмцы издѣвались надъ папою и кардиналами, представляя ихъ, переряженные, въ шутовскихъ процессіяхъ, а Испанцы предавались самому необузданному распутству. Напрасно Климентъ въ зàмкѣ св. Ангела ожидалъ, чтобъ подоспѣло союзное войско. Онъ былъ вынужденъ купить себѣ свободу на тяжкихъ условіяхъ и воспользовался первымъ случаемъ для того, чтобъ убѣжать.

§ 465. Императоръ изъявилъ сожалѣніе и неудовольствіе, узнавъ какимъ обидамъ подвергся глава христіанства, хотя быть-можетъ въ глубинѣ души онъ и радовался уничиженію своего противника. Между тѣмъ Французы успѣли совершить завоеванія въ верхней Италіи и потомъ вступили въ Неаполь, чтобы отнять это королевство у Испанцевъ (1528). Но отпаденіе Генуэзца Андрея Доріи (§ 384) отъ Франціи къ императору и погибель большей части французскаго войска отъ чумы помѣшали имъ осуществить свое предпріятіе, а такъ какъ и число императорскихъ ландскнехтовъ, благодаря ихъ безпутству въ Римѣ, убыло на половину, то обѣ стороны поневолѣ жаждали мира. При посредствѣ матери Франциска и тетки императора враждующіе государи условились по такъ-называемому дамскому миру въ Камбрè (1529), что Францискъ отказывается отъ притязаній на Миланъ и выкупаетъ сыновей за два милліона, но при этомъ остается обладателемъ Бургундіи. Вскорѣ потомъ папа и итальянскіе государи также заключили съ императоромъ миръ на условіяхъ, обезпечивавшихъ господство его въ Италіи. Климентъ VII, озабоченный успѣхами Лютеровыхъ нововведеній въ Германіи и сердясь на Флоренцію за изгнаніе рода Медичи, примирился съ императоромъ, который обѣщалъ ему свою помощь для искорененія ереси и обузданія строптивыхъ республиканцевъ. Карлъ, проживъ съ Климентомъ довольно долго подъ одною

кровлей въ Болоньѣ и торжественно принявъ отъ него ломбардскую и римскую короны (24 февр. 1530), при чемъ иноземные государи несли императорскія регаліи, началъ съ того, что послѣ тѣсной осады, отнялъ у Флоренціи республиканское устройство и посадилъ тамъ герцогомъ члена фамиліи Медичи (§ 388), а затѣмъ, для прекращенія церковныхъ смутъ, указалъ собраться сейму въ Аугсбургѣ.

е) Развитіе лютеранскаго церквоустройства.

§ 466. Совокупная дѣятельность Лютера и Меланхтона. — Во время этихъ событій, отвлекавшихъ взоры императора отъ Германіи, реформація совершила значительные успѣхи. Дѣятельность Лютера росла съ размноженіемъ его противниковъ. За Генрихомъ VIII, королемъ Англійскимъ, вооружившимся противъ «вавилонскаго плѣненія» и отстаивавшимъ седмерицу таинствъ схоластическими доводами, но получившимъ крутую отповѣдь отъ виттенбергскаго монаха, слѣдовалъ Эразмъ (§ 433), поборникъ свободной воли противъ августиновскаго мнѣнія Лютера о совершенной ея несвободѣ, — споръ, повлекшій за собою полное распаденіе этихъ двухъ мужей, существенно различныхъ по своему характеру. Въ 1524 г. Лютеръ покинулъ совсѣмъ почти опустѣлый августинскій монастырь и женился въ слѣдующемъ году на Катеринѣ фонъ-Бора, также бывшей монахинѣ. Въ кругу вѣрныхъ друзей и товарищей по званію (Юста Іонаса и Іоан. Бугенхагена изъ Помераніи) велъ онъ отнынѣ счастливую семейную жизнь, столь соотвѣтственную его натурѣ. Энергія и бодрое упованіе на Бога не сокрушались и не возмущались въ немъ ни частыми болѣзнями, ни бѣдностью, какую онъ тогда переносилъ. — Не менѣе дѣятеленъ былъ Меланхтонъ. Когда церковное обслѣдованіе (Kirchenvisitation), произведенное по волѣ курфюрста Саксонскаго въ цѣломъ краѣ, обнаружило всѣ недостатки религіознаго образованія, Меланхтонъ по соглашенію съ Лютеромъ издалъ краткое руководство (Visitationsbüchlein) для евангелическихъ священниковъ съ правилами объ учрежденіи богослужебнаго порядка, завѣдываніи духовною паствой и о народномъ обученіи. Этотъ трудъ ввелъ единообразіе въ евангелическомъ церквоустройствѣ, а оба катехизиса Лютера (пространный для духовенства и краткій для начинающихъ), положили начало единообразному исповѣданію вѣры и правильному религіозному преподаванію

§ 467. Успѣхи реформаціи. Рядомъ съ выработкою церковныхъ догматовъ шло и пространственное расширеніе реформаціи. До 1530 г. евангелическое ученіе изъ Саксоніи перешло въ Гессенъ (гдѣ въ Марбургѣ учрежденъ первый евангелическій университетъ), во франконскую часть Бранденбургской мархіи (въ Ансбахъ, Байрейтъ и т. д.), въ Брауншвейгъ-Люнебургъ, въ восточную Фризландію, въ Шлезвигъ-Голштейнъ, въ разныя Силезскія княжества (не смотря на то, что этотъ край, въ качествѣ богемскаго лэна, состоялъ подъ верховной властью Австріи). Въ Кёнигсбергскомъ соборномъ храмѣ, въ день Рождества 1523 г., епископъ замландскій [1] возвѣстилъ мірянамъ великую радость, что Христосъ народился для нихъ вновь, а гохмейстеръ Нѣмецкаго ордена Альбрехтъ Бранденбургскій, по совѣту Лютера, отступилъ отъ имперіи и отъ церкви и подчинился лэнному владычеству Польши. Лэнная связь была впрочемъ весьма слаба. Этотъ край, воздѣланный руками Нѣмцевъ, гдѣ трудолюбіемъ ихъ расчищены лѣса и дикія захолустья превращены въ улыбающіяся нивы, гдѣ замки, города и села построены нѣмецкими поселенцами, удержалъ за собой свое самобытное устройство, свои собственные законы и права; онъ не платилъ Польшѣ ни какой дани, онъ не ставилъ ратниковъ для войнъ посполитой рѣчи, нѣмецкій языкъ остался въ немъ господствующимъ. Заботливо оберегалась въ Пруссіи нѣмецкая народность (§ 446). То же сдѣлалъ въ Лифляндіи гросмейстеръ Меченосцевъ Плеттенбергъ, и нѣсколько позже Кеттлеръ въ Курляндіи. Но величайшую ревность къ новой вѣрѣ оказали имперскіе города, отъ береговъ Балтики и Нѣмецкаго моря до предѣловъ Швейцаріи. Начало положили Магдебургъ и образованный, отличавшійся любовью къ искусству Нюрнбергъ; примѣру ихъ, подъ вліяніемъ Бугенхагена, послѣдовали Гамбургъ, Бременъ и Любекъ, потомъ Брауншвейгъ, Ростокъ, Госларъ, померанскіе города и проч., на югѣ — Страсбургъ, Ульмъ, Франкфуртъ и друг. Куда ни проникало церковное преобразованіе, вездѣ почти болѣе или менѣе опустѣвшіе монастыри подвергались секуляризаціи, или закрытію: монахи и монахини возвращались міру; одни опредѣлялись къ соотвѣтственнымъ ихъ званію дѣламъ, другіе просто обезпечивались въ безбѣдномъ существованіи назначеніемъ пожизненныхъ пенсій, а монастырскія имущества

---

[1] Одной изъ прежнихъ четырехъ областей Восточной Пруссіи.

отчасти употреблялись на улучшенное содержаніе священниковъ и на заведеніе училищъ, больницъ и т. п., отчасти же поступали во владѣніе государей и дворянства. Епископы должны были уступить свою мірскую власть земскимъ державцамъ; тамъ, гдѣ епископскій санъ остался и по введеніи новаго ученія, онъ получилъ характеръ чисто-церковнаго блюстительства.

§ 468. Отличительные догматы Лютеранизма. Главнѣйшія разности евангелическаго ученія отъ римско-католическаго, выработавшіяся какъ въ эту эпоху, такъ и въ позднѣйшія времена, были въ сущности слѣдующія: 1) Вѣроученіе. Одно священное писаніе, при свободномъ его изученіи и объясненіи составляетъ источникъ вѣры; всѣ церковныя положенія, основанныя на преданіи и твореніяхъ отцовъ церкви, равно какъ и постановленія Соборовъ, не согласныя съ прямыми и ясными словами Библіи, не имѣютъ обязательной силы. — Только вѣра, то-есть полное преданіе себя всѣмъ духомъ Іисусу Христу, Искупителю человѣчества изъ бѣдственнаго состоянія прирожденной грѣховности, имѣетъ силу благодати, а не добрыя дѣла; ибо истинно вѣрующій человѣкъ можетъ дѣлать только добро (совершать подвиги благочестія), а схоластическое ханжество (обнадеживаніе себя внѣшней набожностью) лишено всякой заслуги. — Изъ таинствъ лютеранство оставило только два, — крещеніе и соединенную съ покаяніемъ и отпущеніемъ грѣховъ евхаристію; прочія сочло установленіями позднѣйшаго времени и дѣломъ человѣческаго благоусмотрѣнія. — Между Богомъ и человѣкомъ единственный посредникъ Іисусъ Христосъ; всякое иное посредничество не дѣйствительно и обращеніе къ нему несовмѣстно съ благоговѣніемъ къ Спасителю. 2) Богослуженіе. Мѣсто латинской (символической) миссы заступило простое нѣмецкое богослуженіе съ проповѣдью, молитвою и пѣніемъ, а разноцвѣтныя ризы священнослужителей замѣнены однообразною черною мантіей. Нѣмецкій церковный гимнъ, обязанный своимъ происхожденіемъ музыкальной и поэтической натурѣ Лютера, явился главною составною частію евангелической литургіи. — Св. причастіе предлагалось вѣрнымъ въ обоихъ видахъ, отпущеніе грѣховъ совершалось безъ устной исповѣди; притомъ отмѣнено было множество обрядовъ, число праздниковъ ограничено, отмѣнены также разнаго рода обѣты, посты, богомольныя странствованія, вклады и раздача милостыни, почитаніе св. мощей и чудотворныхъ иконъ, церковные

ходы и проч.; дѣятельнымъ руководствомъ къ благочестію, какъ и къ вѣрѣ, оставлено единственно живое Слово Господне, распространяемое въ народѣ чтеніемъ священнаго писанія. — 3) Клиръ и строеніе церковное. Обильнѣйшею послѣдствіями новизною было измѣненіе отношеній церкви къ государству. Съ отверженіемъ папскаго главенства и законовъ каноническихъ рушились всѣ средневѣковые уставы и учрежденія, которые на нихъ основывались. Постановлено, что всѣ христіане имѣютъ равное право быть священниками; но, не ограничиваясь этимъ, отняли у послѣднихъ высшее ихъ значеніе, лишивъ ихъ таинственнаго посвященія и неразрывнаго преемства апостольской благодати, дозволили имъ вступать въ бракъ, а назначеніе ихъ на мѣста предоставили отчасти государству, отчасти самимъ общинамъ. Для надзора за церковнымъ порядкомъ и для поставленія (чрезъ простое рукоположеніе) клириковъ, способныхъ отправлять христіанскія требы, назначены были деканы, суперинтенденты (индѣ именовавшіеся епископами), и консисторіи, а напротивъ всѣ іерархическіе разряды римскаго духовенства, какъ-то званія кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ и проч. были совсѣмъ устранены. По отмѣнѣ каноническихъ законовъ временная власть и особый судъ духовенства перешли къ государству, такъ что клирики подобно всѣмъ прочимъ гражданамъ сдѣлались подданными или служащими правительства, должны были подлежать свѣтскимъ судамъ и законамъ и лишились всѣхъ своихъ исключительныхъ правъ. Поборы въ пользу Рима, разумѣется, прекратились, да и доходы за исправленіе требъ были значительно ограничены.

§ 469. Протестація (1529). Успѣхи реформаціи встревожили католическихъ государей, и духовныхъ, и свѣтскихъ. Въ Баваріи и Австріи, въ Кёльнѣ и Майнцѣ старались неослабнымъ наблюденіемъ за книжной печатью, строгими и позорными наказаніями нововводителямъ, даже сожиганіемъ евангелическихъ проповѣдниковъ (какъ еретиковъ) удержать общество при старомъ порядкѣ. Когда къ поборникамъ древней вѣры приступилъ сблизившійся съ папою императоръ, они естественно получили перевѣсъ и, на сеймѣ въ Шпейерѣ, настояли на слѣдующей отмѣнѣ въ прежнемъ постановленіи: «Державшіеся до сихъ поръ Вормсскаго эдикта, пусть остаются при немъ и на будущее время. Въ мѣстахъ же, отступившихъ отъ этого постановленія, ни какія дальнѣйшія новизны не допускаются,

и ни кому не должно препятствовать въ совершеніи миссы (по римскому обряду). Ни какой духовный чинъ не можетъ быть лишенъ принадлежащихъ ему правъ.» Противъ этого опредѣленія сейма, которое осудило бы реформацію на мертвенный застой, немедленно протестовали (19 апр.) курфюршество Саксонія, Гессенъ, Люнебургъ, Ангальтъ, маркграфъ Бранденбургскій и 14 имперскихъ городовъ, въ томъ числѣ Страсбургъ, Аугсбургъ, Нюрнбергъ, Ульмъ и друг., и апеллировали къ императору, къ рѣшенію всеобщаго или только германскаго церковнаго собора и къ приговору каждаго безпристрастнаго христіанскаго судьи. Отсюда, какъ помянутые члены сейма, такъ и вообще всѣ тѣ, кто отвергалъ главенство папы и постановленія римско-католической церкви, получили названіе протестантовъ. Императоръ не принялъ протеста, представленнаго ему въ Италіи, и потому тогда же могъ бы состояться оборонительный союзъ между протестовавшими государями и городами, еслибы Лютеръ и евангелическіе богословы не выставили, въ порывѣ самоотверженной добросовѣстности, начала страдательнаго повиновенія, не отвергли всякой защиты слова Божія мірскимъ оружіемъ и не отсовѣтовали своимъ сторонникамъ соединенія съ приверженцами Цвинглія (§472 и слѣд.), котораго крайній взглядъ на Евхаристію нашелъ себѣ доступъ во многихъ южно-германскихъ городахъ.

§ 470. Аугсбургское исповѣданіе (1530). Весною императоръ отправился черезъ Альпы для открытія сейма въ Аугсбургѣ, съ твердою рѣшимостью возвратить отщепенцевъ въ лоно церкви или «отмстить за позоръ, нанесенный ими Іисусу Христу». Собраніе было многолюдное и блистательное (25 іюня). Протестующіе чины вскорѣ представили свое исповѣданіе на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, сочиненное Меланхтономъ и одобренное Лютеромъ, въ которомъ они старались показать, что хотятъ не учрежденія новой церкви, а возстановленія старой въ очищенномъ видѣ. Исповѣдь эта, обработанная съ большой ясностью и умѣренностью, содержала въ первомъ своемъ отдѣлѣ евангелическіе догматы, изложенные какъ можно ближе къ католическимъ и съ строжайшимъ устраненіемъ взглядовъ Цвингліанъ (которыхъ собственное исповѣданіе, представленное Страсбургомъ, Линдау, Меммингеномъ и Констанцомъ,

не было принято); во второмъ отдѣлѣ говорилось о побораемыхъ злоупотребленіяхъ, но болѣе въ извинительномъ (апологетическомъ) тонѣ, нежели въ обличительномъ (полемическомъ). По прочтеніи этого Аугсбургскаго исповѣданія ревностнѣйшіе противники были того мнѣнія, что «къ нему слѣдуетъ сдѣлать красныя заголовки кровью»; но перевѣсъ остался за умѣреннымъ мнѣніемъ, что напередъ должно употребить всѣ средства къ соглашенію и начать съ опроверженія евангелической исповѣди. Однакожь обличеніе (Confutatio), которымъ Экъ, Кохлей и друг. пытались оправдать римскіе догматы и обряды, при слабости своихъ доводовъ, произвело мало впечатлѣнія; поэтому думали уладить полюбовную сдѣлку чрезъ совѣщаніе избранныхъ отъ каждой изъ двухъ сторонъ способныхъ людей. Относительно бо̀льшей части догматовъ въ самомъ дѣлѣ состоялось соглашеніе, но на обрядахъ и устройствѣ церкви не было ни какой возможности сойдтись. Одна сторона почитала всѣ церковные порядки божественными уставами, а другая видѣла въ нихъ только дѣло человѣка. Самъ папа былъ противъ соглашенія, да и Лютеръ, который, находясь подъ опалой, не могъ лично присутствовать на сеймѣ, а во время совѣщанія жилъ въ Кобургѣ, отсовѣтовалъ своимъ всѣ дальнѣйшія уступки. Итакъ казалось, что окончательное рѣшеніе долженъ положить мечь, и императоръ изъявлялъ уже готовность къ военнымъ дѣйствіямъ. Но какими опасностями ни грозило евангелическимъ чинамъ ихъ дальнѣйшее упорство, какъ ни тягостно было миролюбивому курфюрсту ослушаніе противъ императора, однакожь и важнѣйшіе государи и важнѣйшіе города (Страсбургъ, Ульмъ, Аугсбургъ, Франкфуртъ и Нюрнбергъ) отринули рѣшеніе сейма, воспрещавшее имъ распространеніе ихъ вѣры и называвшее ихъ сектою, которой исповѣданіе опровергнуто прямыми доводами изъ св. Писанія. Меланхтонова защита (апологія) исповѣданія доказала свѣту ложность этого утвержденія, и вслѣдъ за тѣмъ евангелическіе чины, заявивъ свой протестъ, покинули сеймъ до окончательнаго его закрытія. Состоявшееся безъ нихъ рѣшеніе (19 ноября), которое угрожало сектѣ скорымъ истребленіемъ и облагало опалою всѣхъ ея приверженцевъ, если въ опредѣленный срокъ они не отстанутъ отъ своихъ произвольныхъ

нововведеній, не устрашило ни государей, которые спокойствіе своей совѣсти ставили выше императорскаго благоволенія, ни виттенбергскаго реформатора, котораго свѣтлое упованіе на Бога никогда еще не достигало такой высоты, что̀ между прочимъ свидѣтельствуетъ и сочиненный въ эти бурные дни безсмертный гимнъ: «Твердыня крѣпкая — нашъ Богъ!»

§ 471. Нюрнбергскій религіозный миръ. — Опираясь на рѣшенія сейма, верховный имперскій судъ началъ противъ евангелическихъ чиновъ преслѣдованіе по законамъ за отобраніе ими духовныхъ имуществъ. Протестантскіе государи и города, видя въ этомъ начало борьбы за вѣру, заключили въ Шмалькальденѣ, что̀ въ Тюрингенскомъ Лѣсу, союзъ для взаимной обороны (1531), на случай если кто-либо изъ нихъ подвергнется нападенію ради Слова Господня. Курфюрстъ Саксонскій и ландграфъ Гессенскій признаны были военональниками союза. Это случилось въ то самое время, когда произвольное назначеніе Фердинанда въ Римскіе короли возбудило много неудовольствій и доставило союзу новыхъ членовъ, и когда Османы угрожали Венгріи и Австріи вторичнымъ нашествіемъ. Вотъ почему императоръ отложилъ на время мысль о насильственномъ искорененіи новоѣровъ и при посредствѣ курфюрстовъ Майнцскаго и Пфальцскаго заключилъ съ союзомъ Нюрнбергскій миръ (1532), которымъ обѣ стороны обязались не нападать другъ на друга, въ ожиданіи собора, о созваніи котораго императоръ ревностно настаивалъ у папы. Судебныя преслѣдованія положено между тѣмъ пріостановить, но распространяя условія мира только на тѣхъ, кто еще до заключенія его приступилъ къ Аугсбургскому исповѣданію. Этотъ договоръ связывалъ руки протестантамъ, ни мало не обезпечивая ихъ будущности. Вскорѣ послѣ этого скончался курфюрстъ Іоаннъ и оставилъ довершеніе начатой реформаціи своему единомысленному сыну Іоанну Фридриху (1532 — 54).

Примѣч. Составленное изъ воиновъ всѣхъ исповѣданій имперское войско противъ Османовъ было прекраснѣйшимъ, какое въ теченіе многихъ вѣковъ собиралось на христіанскомъ западѣ. При одномъ видѣ его, Турки поспѣшно отступили изъ Австріи. — Лютеръ до такой степени умѣлъ отдѣлять мірскіе интересы отъ духовныхъ, что за два года до этого, во время грознаго шпейерскаго сейма онъ ревностно поддерживалъ въ своей «Проповѣди ополченія на Турковъ» вызовъ императора, оказать имперскую помощь противъ Солимана, осадившаго вѣнскія укрѣпленія. Собранное тогда войско также побудило султана отступить (§ 415).

3. Цвингліева реформа въ Гельвеціи (1518 — 1531).

§ 472. Гульдрихъ Цвинглій (род. 1484 г.), классически-образованный, отличавшійся ясностью разсудка богословъ, еще будучи священникомъ въ Эйнзидельнѣ, проповѣдывалъ противъ того чрезмѣрнаго у католиковъ поклоненія Дѣвѣ Маріи, которымъ въ глазахъ народныхъ массъ совершенно заслонялось верховное значеніе Искупителя. Приглашенный на подставное священнослуженіе въ Цюрихъ (1519), старался онъ исправить тамъ по мѣрѣ силъ недостатки политическаго, церковнаго и частнаго быта. Онъ ратовалъ противъ обычая наниматься въ военную службу къ иноземнымъ государямъ, противъ пенсій, которыя получали отъ нихъ знатнѣйшія фамиліи за то, чтобъ своимъ вліяніемъ поддерживать этотъ торгъ христіанской кровью, ратовалъ противъ торга индульгенціями, открытаго францисканцемъ Самсономъ. Ревностное изслѣдованіе св. Писанія вскорѣ навело его духъ, исполненный республиканскаго свободомыслія и укрѣпленный тщательнымъ изученіемъ древнихъ, на такія воззрѣнія, которыя прямо противорѣчили господствующей церкви. Ему были чужды и Лютерова религіозная глубина и тяжкія внутреннія борьбы его духа; оттого онъ и не поставилъ, подобно ему, ближайшею цѣлью своей дѣятельности исправленіе догмата и вѣры, а обратился преимущественно къ исправленію нравовъ и образа дѣйствій, — стремленіе, болѣе соотвѣтственное его практичности, разсудительности и трезвому воззрѣнію на жизнь. При этомъ онъ взялся за дѣло несравненно радикальнѣе, пошелъ до корня. Между тѣмъ какъ Лютеръ оставался исключительно на церковной почвѣ и отмѣнялъ только то, что̀ противорѣчило словамъ Писанія, Цвинглій старался возстановить простѣйшій бытъ христіанства и хотѣлъ безпощадно уничтожить все, чего нельзя было прямо доказать изъ Библіи. По его мнѣнію церковная власть лежитъ въ самой общинѣ, которая однакожь заявляетъ свою волю не въ народныхъ собраніяхъ, а чрезъ представителей (не на мірскихъ сходкахъ, а черезъ выборныхъ); поэтому, заодно съ большимъ совѣтомъ въ

Цюрихѣ, онъ предпринялъ совершенное преобразованіе церковныхъ догматовъ и обрядовъ (1523), велѣлъ вынести изъ церквей всѣ иконы, кресты, свѣчи, алтари и органы; самую евхаристію, призналъ не болѣе какъ за символъ воспоминанія и духовнаго общенія, и совершеніе ея преобразовалъ въ подобіе древне-христіанскихъ трапезъ любви (которыя община совершала сидя).

§ 473. Споръ о евхаристіи. Разность въ ученіи о евхаристіи вовлекла Цвинглія въ роковую борьбу съ Лютеромъ, который хотя также отвергалъ догматъ пресуществленія, но при своемъ мистическомъ глубокомысліи, не могъ обойдтись безъ дѣйствительнаго присутствія Христова въ самомъ веществѣ таинства. Лютеръ отнюдь не хотѣлъ допустить того объясненія, какое Цвинглій и приверженецъ его Эколампадій (Хаусшейнъ) базельскій давали словамъ Христа: «сіе есть тѣло мое», толкуя ихъ въ смыслѣ: «сіе знаменуетъ тѣло мое». Напрасно Филиппъ Гессенскій старался уладить опасное разногласіе; Марбургское преніе (1529) не привело къ желаемой цѣли. Лютеръ видѣлъ въ ученіи своего противника отступничество отъ Христа и оттолкнулъ братскую руку, которую со слезами подавалъ ему Цвинглій. Поэтому-то верхнегерманскіе города (§ 470), согласные съ воззрѣніемъ послѣдняго, и не приступили къ Аугсбургскому исповѣданію; но какъ, при угрожавшемъ положеніи императора и католическихъ чиновъ, распаденіе могло быть гибельно для обѣихъ партій, то миролюбивый, податливый Буцеръ страсбургскій, успѣлъ наконецъ склонить ихъ къ соглашенію, послѣ чего цвингліанскіе города присоединились къ Аугсбургскому исповѣданію и къ Шмалькальденскому союзу.

§ 474. Раздвоеніе въ Швейцаріи. Въ Швейцаріи держались Цвингліева ученія. Прежде всего преобразовано было вполнѣ церковное устройство въ Цюрихѣ; этому примѣру вскорѣ послѣдовали Базель, гдѣ другъ Эразма, ученый, кроткій Эколампадій, дѣйствовалъ въ пользу нововведенія, и потомъ Бернъ, гдѣ проповѣди Галлера и «карнавальныя потѣхи» Мануэля лишили духовенство всякаго значенія. Въ то же время приняты были строгія мѣры противъ пороковъ и безнравственности, военное наймитство ограничено, и пенсіи, получаемыя за это отъ иноземныхъ державъ, отринуты. Столь рѣшительное противодѣйствіе застарѣлому злу породило у аристократическихъ фамилій, извлекавшихъ изъ наймитныхъ договоровъ свои выгоды, нерасположеніе

къ церковной реформѣ, которая пустила корни въ городскихъ цехахъ и въ простонародіи. Аристократы соединились съ прелатами для поддержанія стараго порядка, и въ Союзѣ произошла такая же рознь, какая существовала въ Германіи. Гдѣ новое ученіе одерживало верхъ, тамъ и правительство обыкновенно измѣнялось въ демократическомъ смыслѣ. Напрасна была надежда старовѣровъ остановить реформацію при помощи бойкаго на языкъ доктора Эка; баденское преніе (1526), въ которомъ Эколампадій оспоривалъ возношеніе даровъ, почитаніе святыхъ, иконы и чистилище, только дало еще большій ходъ этой новизнѣ. Апенцелль (Аусеръ-Роденъ [1]) грозилъ отнять всѣ доходы у тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя станутъ учить чему-либо, несогласному съ св. Писаніемъ; въ Санктъ-Галленѣ могущественный аббатъ бѣжалъ, узнавъ ближе настроеніе народа; въ Гларусѣ большинство было на сторонѣ реформаціи; въ Шафгаузенѣ, послѣ долгой борьбы, восторжествовала новизна; въ Граубюнденѣ каждому былъ предоставленъ свободный выборъ вѣры, и когда аббатъ въ Санктъ-Луци задумалъ измѣною одолѣть реформатовъ въ Курѣ, то лишился за это головы. Въ Золотурнѣ борьба между сопротивными партіями еще продолжалась, но въ Тургау и въ Рейнталѣ (рейнской долинѣ) нововѣріе одержало верхъ, благодаря вліянію Бернцевъ и Цюрихцевъ.

§ 475. Религіозная война въ Швейцарскомъ Союзѣ. Въ четырехъ первобытныхъ кантонахъ (Швицѣ, Ури, Унтервальденѣ, Луцернѣ) и въ Цугѣ новая вѣра встрѣтила себѣ рѣшительное сопротивленіе, отчасти потому, что гонимыя Цвингліемъ наймитныя пенсіи и поставка наемниковъ составляли здѣсь главную отрасль дохода (самъ намѣстникъ Христовъ ввѣрялъ свою личную безопасность и охрану своего дворца швейцарской гвардіи), отчасти потому, что попы и монахи имѣли на здѣшній народъ, жившій въ простотѣ патріархальныхъ отношеній и огражденный горами отъ сообщества сосѣдей, гораздо болѣе вліянія, чѣмъ на жителей другихъ, многолюдныхъ городовъ Союза. Эти пять кантоновъ послѣдовали примѣру Австріи и Баваріи. Они помѣшали распро-

[1] Кантонъ Апенцелль состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ республикъ: Аусеръ-Роденъ, къ сѣверо-западу, протестантская, обширнѣйшая часть, и Иннеръ-Роденъ, къ юго-востоку, католическая и гораздо мѣньшая.

страненію новой вѣры строгими постановленіями; на евангелическихъ проповѣдниковъ и ихъ послѣдователей наложены были позорныя наказанія, а тѣхъ, кого не пугали строгіе запреты, просто сожигали на кострахъ. Безпощадныя мѣры Бернцевъ и Цюрихцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя управлялись съ-обща всѣмъ Союзомъ, и гдѣ предавали огню монастыри, иконы и церковныя украшенія, усилили раздраженіе въ такой степени, что дѣло дошло до непріязненныхъ дѣйствій. Протестантскіе кантоны вступили въ союзъ съ Страсбургомъ и Констанцемъ (1529), а пять католическихъ заключили договоръ съ исконнымъ врагомъ края, Австріей, обязавшись къ защитѣ старой вѣры и взаимной помощи. Цюрихъ изготовился къ войнѣ. Самъ Цвинглій сопровождалъ войска и держалъ ихъ въ подчиненности и страхѣ Божіемъ. Но, прежде чѣмъ дошло до сраженія, условились на миръ, по которому первобытные кантоны отступили отъ союза съ Австріей и обѣщали наказывать за поруганіе реформаціи и не препятствовать свободной проповѣди новой вѣры.

§ 476. Цвинглій не совѣтовалъ идти на миръ. Онъ имѣлъ въ виду преобразовать политическій бытъ союза въ такомъ смыслѣ, чтобы два сильнѣйшіе кантона, Бернъ и Цюрихъ, получили въ немъ рѣшительное преобладаніе. Вскорѣ оказалось, что мнимое примиреніе ни къ чему не повело; поруганія реформатамъ продолжались попрежнему, и требованія Цюрихцевъ унять ихъ и допустить проповѣдь евангелическихъ ученій оставались втунѣ. Тогда Цюрихъ и Бернъ заперли торговые пути и задержали подвозъ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ. Это привело первобытные кантоны въ совершенную ярость. Вооружась въ тиши, они вторгнулись въ предѣлы Цюрихцевъ. Послѣдніе, застигнутые врасплохъ и не зная какъ быть, тѣмъ болѣе, что ревновавшіе къ нимъ Бернцы оставили ихъ безъ помощи, выступили съ отрядомъ въ 2000 человѣкъ противъ вчетверо сильнѣйшаго непріятеля и потерпѣли при Каппелѣ (1531) страшное пораженіе. Рядомъ съ городскимъ знаменемъ палъ горячій патріотъ Цвинглій и тутъ же погибли лучшіе люди реформатской партіи. Его трупъ, надъ которымъ разсвирѣпѣвшая толпа натѣшилась вдо-

воль, былъ наконецъ сожженъ, и прахъ развѣянъ по вѣтру. Такой исходъ наполнилъ католиковъ самонадѣянностью, а протестантовъ повергъ въ уныніе; тѣ стояли крѣпко заодно, тогда какъ Бернцы, ревнуя къ возрастающей силѣ Цюриха, усердствовали очень слабо. Наконецъ состоялся миръ, которымъ каждому кантону предоставлено было право свободно распоряжаться у себя дѣлами религіи, но въ общесоюзныхъ владѣніяхъ и въ мѣстностяхъ, гдѣ борьба оставалась еще нерѣшенною (въ Золотурнѣ), старая церковь была большею частію возстановлена. Такимъ образомъ и въ Швейцаріи произошелъ религіозный расколъ; первобытные кантоны и аристократическая партія сдѣлались съ тѣхъ поръ сильнѣе прежняго.

4. Время религіозной борьбы въ Германіи.

а) ВНѢШНІЯ ВОЙНЫ КАРЛА V.

§ 477. Высокое могущество Габсбургскаго дома повсемѣстно возбуждало опасенія. Францискъ I, отнюдь не отказавшійся отъ мысли возвратить себѣ обладаніе Миланомъ и старавшійся обезпечить это право по крайней мѣрѣ сыновьямъ своимъ, поддерживалъ связи со всѣми противниками императора, и (женивъ втораго сына на папской племянницѣ, Катеринѣ Медичи) особенно сблизился съ Климентомъ, который былъ въ полномъ разладѣ съ Карломъ, частію опасаясь преобладанія его въ Италіи, частію по неудовольствію на то, что императоръ требовалъ отъ него созванія собора, угрожавшаго папской власти. Въ томъ самомъ году (1535), когда Карлъ одною геройскою битвой завоевалъ Тунисъ, положилъ конецъ морскимъ разбоямъ вождя могаммеданскихъ корсаровъ Гайреддина Барбароссы и возвратилъ свободу 20,000 христіанъ, въ Миланѣ умеръ Франческо Сфорца (§ 462): тогда Французскій король возобновилъ свои притязанія на это герцогство и быстрымъ походомъ поспѣшилъ занять сосѣднюю область родственнаго и союзнаго императору герцога Савойскаго и Піэмонтскаго. Карлъ вступилъ съ хорошимъ вой-

скомъ въ Провансъ (1536), чтобы воевать съ своимъ врагомъ въ его собственномъ краѣ; но это предпріятіе не удалось частію вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ французскимъ полководцемъ, коннетаблемъ Монморанси, который опустошилъ всю равнину между Роною и Альпійскими проходами и тѣмъ произвелъ голодъ и болѣзни въ непріятельскомъ войскѣ, частію вслѣдствіе храбраго сопротивленія, оказаннаго императору городомъ Марселью. Потерпѣвъ большой уронъ, Карлъ былъ вынужденъ отказаться отъ борьбы. Но такъ какъ все христіанство негодовало на союзъ Французскаго короля съ Османами, совершавшими ужасныя опустошенія въ нижней Италіи и на греческихъ островахъ, то новый папа Павелъ III явился посредникомъ между воюющими, и эта третья война окончилась Ницскимъ перемиріемъ (1538), по которому обѣ стороны остались при своихъ прежнихъ владѣніяхъ. Личное свиданіе обоихъ государей при впаденіи Роны въ море, повидимому, должно было навсегда примирить ихъ; и Карлъ былъ такъ убѣжденъ въ рыцарскомъ благородствѣ своего противника, что въ слѣдующемъ году (1539), когда возстаніе въ Гентѣ потребовало скораго прибытія его въ Нидерланды, онъ поѣхалъ прямо на Парижъ.

§ 478. Но зависть и недовѣріе пустили слишкомъ глубокіе корни. Враги императора постоянно встрѣчали при французскомъ дворѣ поощреніе и поддержку, а опора, какую находилъ Султанъ во Франциске, дѣлала безполезными всѣ походы императора противъ Турковъ. Между тѣмъ послѣ заботы о прекращеніи церковнаго раздора, ничего такъ не лежало у Карла на сердцѣ какъ борьба съ этимъ врагомъ христіанства. Оттого-то занялся онъ такъ ревностно венгерскими походами и даже затѣялъ вторую африканскую войну (1541), чтобы окончательно истребить корсаровъ, разбойничавшихъ теперь изъ Алжира, какъ прежде изъ Туниса. Но бури и проливные дожди поздней осенью и страшно губительныя нападенія непріятеля на болотистой почвѣ помѣшали, на этотъ разъ, удачному исходу предпріятія. Потерпѣвъ тяжкій уронъ кораблями и людьми, императоръ, великодушно дѣлившій опасности и страданія послѣдняго солдата, долженъ былъ удалиться безъ успѣха. — Такая развязка вѣроятно наполнила Французскаго

короля надеждой, что ему удастся наконецъ одолѣть своего противника. Убіеніе двоихъ посланцевъ французскаго двора, отправленныхъ тайно чрезъ Ломбардію въ Венецію и Константинополь, дало королю желанный поводъ начать, въ союзѣ съ герцогомъ Клевскимъ и Султаномъ, четвертую войну (1542—44) противъ императора, въ пользу котораго вооружилась Англія. Порубежныя области Испаніи, Италіи и Нидерландовъ много потерпѣли; но когда Карлъ (побѣдивъ герцога Клевскаго и принудивъ его отречься отъ притязаній на Гельдернъ и Цютфенъ) проникъ въ Шампанью съ войскомъ, состоявшимъ большею частію изъ Нѣмцевъ, и былъ уже всего на два перехода отъ смятенной столицы Франциска, тогда послѣдній поспѣшилъ предложить миръ, который и былъ заключенъ въ Крепи (1544) подъ тѣмъ условіемъ, что всѣ завоеванныя области будутъ возвращены обѣими сторонами. Надежда на пріобрѣтеніе Милана для одного изъ сыновей короля была оставлена ему только для виду. Съ тѣхъ поръ Габсбурги безпрепятственно пользовались рѣшительнымъ перевѣсомъ въ Италіи.

Вскорѣ умеръ Францискъ I (31 марта 1547). Распутная жизнь свела его на 50 году въ могилу. Онъ обладалъ всѣми свойствами великаго государя, но страсть къ наслажденіямъ, деспотизмъ и безразсудство наводили его на ложный путь. Онъ былъ исполненный силъ красивый мущина, неуступавшій ни одному изъ своихъ современниковъ въ храбрости и рыцарской ловкости и любившій больше всего труды охоты и войны. Высокій ростъ, широкія плеча и грудь, густые темные волосы, свѣжій цвѣтъ лица придавали ему такую наружность, которая затмѣвала своимъ присутствіемъ всѣхъ и все. Ему, можетъ быть, недоставало нѣкоторой тонкости выраженія, но все существо его дышало мужествомъ и бодростью, вполнѣ сознающею себя царственностью. Онъ первый придалъ двору тотъ блескъ и тѣ изящныя формы, которыя съ того времени украшали его; онъ любилъ щеголеватое дамское общество и веселился въ немъ, одѣтый «въ шитый золотомъ камзолъ, изъ-подъ котораго виднѣлось тончайшее бѣлье, и въ плащъ съ узорочьемъ и золотыми кистями». Онъ поднялъ классическія занятія и университетъ (Collége de France); онъ поддерживалъ ученыхъ и поэтовъ, которые за это щедро расточали ему похвалы; онъ привлекалъ къ себѣ итальянскихъ художниковъ, напр. Леонардо да Винчи

и Бенвенуто Челлини, и заказывалъ имъ изящныя произведенія; онъ поощрялъ промышленность (шелкопрядильное производство въ Ліонѣ), положилъ основаніе морскимъ силамъ Франціи и способствовалъ улучшенію военнаго дѣла. Но онъ не имѣлъ никакого понятія о народной свободѣ, о гражданскихъ и человѣческихъ правахъ, и для своего чувственнаго наслажденія позволялъ себѣ всякій, даже несправедливѣйшій поступокъ. («Король тѣшится» [1]). Для покрытія расходовъ на возраставшую роскошь, при немъ все больше и больше укоренялся обычай продавать судейскія и другія должности. — «Францискъ I (такъ заключаетъ Ранке характеристику этого короля) любилъ удовольствія. Блистая своимъ прирожденнымъ достоинствомъ, обожаемый народомъ, онъ хотѣлъ проводить дни свои въ пышности и весельѣ, въ непрерывномъ, быстромъ и полномъ движеніи всѣхъ жизненныхъ силъ: но въ тоже время ему предлежало совершить великое дѣло, и онъ посвятилъ себя этому подвигу. Жизнь его была непрерывною битвой, политическимъ и военнымъ турниромъ. Онъ не получилъ высшей награды, манившей его въ юности, но отстоялъ независимость, достоинство и могущество своей короны въ борьбѣ съ умнымъ, спокойнымъ и неутомимымъ противникомъ, опутавшимъ міръ своими честолюбивыми и великими замыслами. Въ томъ, что онъ стремился къ этой цѣли и достигнулъ ея, заключается тайна оказаннаго ему повиновенія. Онъ жилъ, мыслилъ и чувствовалъ, какъ его народъ; его превратности, опасности и утраты, какъ и успѣхи, раздѣляла вся нація.»

б) Усиленіе розни въ Германіи.

§ 479. Возвращеніе герцога Ульриха въ Вюртембергъ (1534). Какъ Франція и папа опасались преобладанія императора въ Италіи, точно какъ же боялись и нѣмецкіе князья расширенія австрійскаго дома на югѣ и на востокѣ. Особенно тревожило это окруженныхъ австрійскими владѣніями герцоговъ Баварскихъ и нерѣдко побуждало ихъ стоять заодно съ протестантскими чинами противъ Габсбурговъ, хотя съ послѣдними у нихъ былъ общій церковный интересъ. Всего болѣе обнаружилось это отношеніе по поводу вюртембергскаго вопроса. Герцогъ Ульрихъ Вюртембергскій, человѣкъ бѣшенаго и тиранскаго нрава, убилъ изъ ревности собственною рукой одного изъ придвор-

---

[1] Le Roi s'amuse — извѣстная драма Виктора Гюго.

ныхъ своихъ рыцарей (Ганса фонъ-Гуттена, родственника рыцарственному поэту Ульриху фонъ-Гуттену § 424), жену свою, урожденную принцессу баварскую, принудилъ грубыми оскорбленіями къ побѣгу, притѣснялъ подданныхъ, захватилъ силою имперскій городъ Рейтлингенъ, навлекъ себѣ наконецъ за нарушеніе земскаго мира опалу и былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній (1519) Швабскимъ союзомъ (§ 461), къ которому принадлежалъ Рейтлингенъ и въ которомъ герцогъ Баварскій былъ главнымъ военачальникомъ. Въ теченіе 14 лѣтъ, которыя провелъ онъ бѣглецомъ за границей, его герцогство находилось подъ австрійскимъ управленіемъ, потому что Швабскій союзъ предоставилъ его императору въ залогъ за военныя издержки, а тотъ отдалъ этотъ край въ лэнное владѣніе брату своему, Фердинанду. Но когда послѣдній сталъ распоряжаться имъ какъ своей собственностью, то это возбудило недовѣрчивость князей, и особенно баварскихъ. Они благопріятствовали побѣгу сына Ульрихова изъ австрійскаго плѣна въ то самое время, когда расторженіе Швабскаго союза внушило ландграфу Филиппу Гессенскому мысль возвратить Вюртембергъ жившему при дворѣ его изгнанникомъ герцогу Ульриху. Подкрѣпленный французской помощью, Филиппъ двинулся съ хорошо вооруженнымъ войскомъ въ Швабію, разбилъ австрійскаго намѣстника подъ Лауфеномъ на Некарѣ и безъ труда водворилъ законнаго владѣльца въ завоеванномъ герцогствѣ. Фердинандъ, тщетно просившій у папы денежнаго вспоможенія, былъ вынужденъ (по Каданскому трактату 1534 г.) признать совершившійся фактъ. Въ короткое время церковь преобразилась въ цѣломъ Вюртембергѣ. Евангеліе, котораго утѣшительную силу испыталъ на себѣ Ульрихъ въ несчастіи, было сообщено въ лютеранскомъ смыслѣ народу, который забылъ подъ австрійскимъ управленіемъ прежній гнетъ и съ радостью принялъ своего природнаго государя. Проповѣдниками новой вѣры явились здѣсь Іоаннъ Бренцъ и Шнепфъ. Вскорѣ реформація проложила себѣ путь и въ другія мѣстности верхней Германіи, гдѣ евангелическое движеніе подавлялось прежде Швабскимъ союзомъ. Къ нововѣрію перешли маркграфъ Бернгардъ Баденскій, многія землевладѣльческія фамиліи и имперскіе города, также отчасти и Альзація. Учрежденный графомъ Эбергардомъ Бородатымъ тюбингенскій университетъ (1477) сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ разсадниковъ протестантской учености.

§ 480. Анабаптисты въ Мюнстерѣ (1533—1535). Во время крестьянской войны саксонскіе анабаптисты, принимав-

шіе разгаръ своихъ страстей за вдохновеніе свыше, были большею частію истреблены (§ 461); но ихъ изувѣрныя ученія, втайнѣ распространяемыя бѣглецами, обнаруживались тамъ и сямъ, сколько ни преслѣдовали ихъ установленныя власти, сколько ни встрѣчали они противоборства со стороны нѣмецкихъ и швейцарскихъ реформаторовъ. Въ Вестфаліи, во многихъ городахъ, каковы наприм. Зёстъ, Падерборнъ и друг., реформація, желаемая среднимъ сословіемъ и гонимая дворянствомъ и духовенствомъ, восторжествовала не безъ насилія, а въ Мюнстерѣ самъ епископъ съ канониками и нѣкоторыми изъ городскихъ ратмановъ, преданныхъ старой вѣрѣ, были выгнаны и впущены опять не иначе, какъ давъ обѣщаніе не препятствовать болѣе свободной проповѣди Евангелія. Но вскорѣ оказалось, что вліятельнѣйшій проповѣдникъ въ городѣ, Ротманъ, зараженъ анабаптистскимъ ученіемъ (§ 456). Напрасно противились ему умѣреннѣйшіе изъ ратмановъ и гражданъ; его талантъ и пріятное обращеніе снискали ему приверженцевъ, и когда изъ Нидерландовъ, гдѣ догматы анабаптистовъ нашли себѣ плодоносную почву въ многочисленномъ сословіи ремесленниковъ, явились въ Мюнстеръ кочующій пророкъ Янъ Матизенъ (хлѣбникъ изъ Лейдена) съ ученикомъ и землякомъ, портнымъ Іоанномъ Бокольдомъ (извѣстнымъ послѣ подъ именемъ Іоанна Лейденскаго), то партія ихъ скоро пріобрѣла такой перевѣсъ, что они низвергли городское управленіе, замѣстили совѣтъ и всѣ должности своими единовѣрцами и наконецъ, побуждаемые фанатизмомъ и алчностью, выгнали изъ города, середи зимы, безъ куска хлѣба, своихъ согражданъ, отвергавшихъ перекрещенство, и подѣлили между собой ихъ достояніе. Потомъ они учредили духовную республику, въ которой Матизенъ получилъ неограниченную власть, ввелъ общеніе имуществъ, разсылалъ въ другія мѣста пророковъ и руководилъ обороною богато снабженнаго всѣми припасами города противъ войскъ, съ которыми епископъ осадилъ его при помощи Кёльна и Гессена. Фанатизмъ достигъ высшей степени послѣ того какъ Матизенъ былъ убитъ при одной вылазкѣ, и Бокольдъ сталъ во главѣ осажденныхъ. По Божескому внушенію, откуда онъ будто бы почерпалъ всѣ свои заповѣди и распоряже-

нія, управленіе поручено имъ двѣнадцати старшинамъ, выбраннымъ изъ самыхъ отъявленныхъ изувѣровъ, между которыми главную роль игралъ Книппердоллингъ, какъ бургомистръ и палачъ. Затѣмъ установилъ онъ многоженство, и противниковъ этого нехристіанскаго обычая казнилъ безъ пощады. Когда фанатизмъ дошелъ до совершеннаго неистовства, пророкъ, по предложенію одного изъ своихъ приверженцевъ, также вдохновляемаго свыше какъ и онъ, принялъ титулъ царя новаго Израиля. Украшенный знаками верховной власти (короною и изображеніемъ земнаго шара, висящимъ на золотой цѣпи) и облачась въ великолѣпныя одежды, царь-портной чинилъ судъ и расправу на мюнстерской торговой площади, гдѣ сооруженъ былъ «престолъ Давидовъ», и управлялъ подданными съ изувѣрнымъ тиранствомъ, представлявшимъ самое отвратительное соединеніе духовной гордыни и плотскаго распутства, благочестивой преданности и самоотверженія съ кровожадной свирѣпостью и низкой корыстью.

§ 481. Долгое время сопротивлялись анабаптисты удачно и мужественно дурно-вооруженнымъ войскамъ осаждавшихъ. Вслѣдствіе этого въ городахъ по Рейну и въ разныхъ мѣстностяхъ нижней Германіи обнаружились также анабаптистскія движенія, признававшія за мюнстерскимъ «царемъ» міродержавство и чаявшія отъ его побѣдъ освобожденія изъ-подъ ига «поповъ и помѣщиковъ». Это крайне встревожило государей и начальствующихъ, и по ихъ ходатайству войско осаждавшихъ было усилено со стороны имперской власти. Въ городѣ, лишенномъ теперь всякаго подвоза, скоро начался страшный голодъ, но фанатики не отчаявались и упорствовали въ оборонѣ, надѣясь, что разосланные ими пророки подоспѣютъ съ помощью. Даже тогда, когда непріятель былъ уже внутри городскихъ стѣнъ, они защищались еще съ неодолимымъ мужествомъ и сдались только на уговорѣ, который былъ однакожь нарушенъ раздраженными ландскнехтами. Ротманъ палъ въ битвѣ; Іоаннъ Лейденскій, Книппердоллингъ и Крехтингъ были взяты, замучены до смерти и повѣшены въ желѣзныхъ клѣткахъ на башню; изъ остальныхъ, кто не погибъ при штурмѣ, всѣ были разсѣяны или казнены. Прежніе

изгнанники воротились въ Мюнстеръ, городъ лишился своихъ правъ и вольностей, власть іерархіи и дворянства была возстановлена вполнѣ, и католицизмъ водворенъ съ величайшей строгостью.

Такой исходъ дѣла отнялъ у анабаптистовъ уверенность въ ихъ непогрѣшимости и надежду на учрежденіе земнаго царства, въ которомъ имъ суждено быть «избранниками». Смирясь и не ладя между собою, разсѣялись они по разнымъ странамъ Европы, пока въ Нидерландахъ и сѣверной Германіи ихъ не собралъ въ нѣсколько малыхъ общинъ прежде-бывшій священникъ Меннонъ († 1561), отъ котораго они прозвались меннонитами (крещенцами). Строгое церковное благочиніе, простота одежды и образа жизни, отверженіе священства, крещенія дѣтей, присяги, военной службы, всякихъ вообще тяжбъ и проч., составляютъ донынѣ ихъ отличительныя черты, но противныя нравамъ и государственному порядку ученія первобытной эпохи откинуты ими совершено. Они ведутъ тихую жизнь, въ качествѣ кортомщиковъ и земледѣльцевъ. Секты баптистовъ (крещенцевъ) и квакеровъ (или друзей § 602) въ Англіи и Сѣверной Америкѣ (Пенсильваніи) держатся такихъ же правилъ. — Пораженіе анабаптистовъ въ Мюнстерѣ было вмѣстѣ и торжествомъ аристократіи сѣверно-германскихъ городовъ надъ достигшею владычества цеховою демократіей. Смѣлый бургомистръ Юргенъ Вулленвеберъ въ Любекѣ, хотѣвшій, во главѣ демократовъ и недовольныхъ, доставить ганзейскому союзу господство надъ Балтійскимъ моремъ, Даніею и Зундомъ и уже овладѣвшій Копенгагеномъ, былъ тогда лишенъ своего званія, какъ «падкій на нововведенія злодѣй», и отведенъ подъ стражей въ Вольфенбюттель, гдѣ послѣ разныхъ истязаній ему отсѣкли голову (24 сент. 1537); той же участи подвергся еще прежде товарищъ и единомышленникъ его, Марксъ Мейеръ. Главнѣйшею ошибкой этихъ предпріимчивыхъ патріотовъ было то, что «выродившееся поколѣніе того времени они вздумали мѣрить на аршинъ своей собственной силы.»

§ 482. Расширеніе Шмалькальденскаго союза. Не смотря на такіе уродливые наросты, какъ анабаптизмъ, настоящее, сообразное съ св. Писаніемъ протестантство, и пріобрѣтало болѣе силы внутри, и разросталось во внѣ. Чтобы оградить лютеранское ученіе отъ вторженія разрушительныхъ началъ, на основаніи Аугсбургскаго исповѣданія и древнѣйшихъ соборныхъ постановленій, были составлены такъ-называемыя символическія книги, и когда папа Павелъ III пови-

димому дѣйствительно хотѣлъ созвать всеобщій соборъ, то въ сочиненныхъ Лютеромъ Шмалькальденскихъ статьяхъ (1537) изложены были тѣ необходимыя условія, на какихъ соединеніе признавалось единственно возможнымъ: поэтому противоположность относительно къ римской церкви высказана въ нихъ самымъ рѣзкимъ образомъ. Да и можно ли было ожидать примиренія, когда задачею этого собора папа полагалъ искорененіе Лютеровской ереси? — Внѣшнее расширеніе Шмалькальденскаго союза шло въ уровень съ выработкою евангелическаго догмата. Хотя императорскій вице-канцлеръ Гельдъ и успѣлъ противопоставить протестанскому союзу заключенный въ Нюрнбргѣ (1538) католическій (къ которому приступили герцоги Баварскіе, архіепископы Майнцскій и Зальбургскій, Георгъ Саксонскій и Генрихъ Брауншвейгскій); но какъ императору связывали руки внѣшнія войны и ему нельзя было обойдтись безъ помощи князей имперіи, то онъ воспретилъ враждебныя дѣйствія и, постановленную въ Нюрнбергскомъ мирѣ, отсрочку всѣхъ судебныхъ разбирательствъ по имперскимъ дѣламъ распространилъ и на прибылыхъ съ тѣхъ поръ членовъ Шмалькальденскаго союза. Это «Франкфуртское распоряженіе» состоялось на пользу протестантизма въ благопріятную минуту. Около того же времени (1539) умеръ энергическій, строгій блюститель старой вѣры герцогъ Георгъ Саксонскій (альбертинской линіи), не оставивъ по себѣ потомства и католическихъ родственниковъ. Меньшой братъ его, Генрихъ, во всемъ противоположный Георгу, тотчасъ же ввелъ у себя реформацію, которой уже давно желалъ саксонскій народъ. Въ день сошествія Св. Духа (1539) Лютеръ говорилъ проповѣдь въ Лейпцигѣ, Мейсенъ и Дрезденъ послѣдовали общему увлеченію; полуопустѣвшіе монастыри были упразднены. Подобно Георгу, курфюрстъ Іоахимъ Бранденбургскій былъ также ревностнымъ поборникомъ старой церкви. Онъ вынудилъ къ бѣгству жену за то, что она хотѣла жить по своей вѣрѣ, и взялъ съ сыновей клятвенное обѣщаніе, что они будутъ твердо держаться католичества. Но изъ двоихъ его сыновей первый присталъ къ Шмалькальденскому союзу и къ евангелизму Іоаннъ Нёймаркскій (1539), а въ слѣдующемъ году и курфюрстъ Іоахимъ III, человѣкъ миролюбивый и веселый, принялъ въ Шпандау изъ рукъ епископа бранденбургскаго Причастіе подъ обоими видами. Весь край съ радостью послѣдовалъ примѣру своего государя. Однако Іоахимъ удержалъ за собою независимое положеніе, не приступивъ къ Шмалькальденскому союзу и сохранивъ не только санъ епископскій,

но и многіе обряды древней церкви. Переходъ Саксоніи и Бранденбурга рѣшилъ участь всей сѣверной Германіи. Ангальтъ, Мекленбургъ, разные духовные владыки примкнули къ новому ученію; даже архіепископъ майнцскій предоставилъ реформаціи полную свободу въ подвѣдомыхъ ему Магдебургѣ и Гальберштадтѣ, какъ скоро мѣстные чины приняли на себя уплату его долговъ. Вскорѣ потомъ упразднилось наумбургское епископство (1541). Капитулъ избралъ было ученаго и благодушнаго соборнаго іерея Юлія Пфлуга, но курфюрстъ Саксонскій назначилъ епископомъ виттенбергскаго богослова Амсдорфа, съ простымъ священническимъ окладомъ, а мірское управленіе поручилъ одному саксонскому чиновнику.

§ 483. Теперь древней церкви (въ сѣверной Германіи) держался еще одинъ только герцогъ Генрихъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій, да и тотъ не столько по убѣжденію, какъ изъ ненависти къ бывшему другу своей юности, ландграфу Гессенскому. Генрихъ былъ бѣшеный, нечестивый и жестокосердый человѣкъ; онъ всячески тѣснилъ городъ Брауншвейгъ и Госларъ и постоянно возбуждалъ католическихъ князей противъ членовъ Шмалькальденскаго союза. Изъ-за этого между Генрихомъ и обоими старшинами союза, къ которымъ примкнулъ и Лютеръ съ своимъ памфлетомъ «противъ Гансъ Вурста» [1], завязалась жаркая письменная перебранка, оскорблявшая не только царственное, но и всякое человѣческое достоинство. Отъ ругательствъ дошли до оружія. Саксонскія и гессенскія войска подступили къ Вольфенбюттелю (1542), принудили городъ къ сдачѣ, а герцога къ бѣгству, и подкрѣпили руководимую Бугенхагеномъ реформацію этого края. Попытка Генриха, по удаленіи враговъ, снова овладѣть своей землею, кончилась тѣмъ, что ландграфъ разбилъ его и взялъ въ плѣнъ (1545). — На югѣ и на западѣ Имперіи ученіе Лютера также пріобрѣтало болѣе и болѣе новыхъ исповѣдниковъ. Герцоги Баварскіе не помѣшали имперскому городу Регенсбургу пойдти по слѣдамъ Аугсбурга, и даже двоюродный ихъ братъ Оттонъ Генрихъ Оберъ-Пфальцскій (Нейбургъ, Зульцбахъ, Амбергъ) приступилъ, вопреки ихъ усиліямъ, къ Шмалькальденскому союзу и ввелъ въ своихъ церквахъ новое богослуженіе при помощи нюрнбергскаго проповѣдника, Озіандера. Въ Рейнскомъ Палатинатѣ давно распространенное между народомъ

---

[1] Комическое лицо нѣмецкой сцены, котораго характеръ и костюмъ взяты съ итальянскаго арлекина. Имя его, Гансъ Вурстъ, заимствовано отъ любимаго у Нѣмцевъ

евангелическое ученіе было окончательно водворено курфюрстомъ Фридрихомъ II, послѣ того какъ собравшіеся къ обѣднѣ прихожане церкви Св. Духа въ Гейдельбергѣ вдругъ запѣли лютеранскій гимнъ: «И вотъ спасенье къ намъ пришло!» 3 января 1546 Причастіе впервые сообщалось подъ обоими видами. Баденъ-Дурлахъ также приступилъ къ евангелическому исповѣданію. Всего болѣе перепугали староцерковную партію попытки нововведеній со стороны Кёльнскаго курфюрста (архіепископа) Германа фонъ-Вида, который предложилъ своимъ земскимъ чинамъ немного смягченный планъ реформаціи, обработанный Буцеромъ и Меланхтономъ, — тотъ самый, который нѣсколько времени спустя былъ осуществленъ въ Англіи (1543). Скоро въ Боннѣ, Андернахѣ и друг. мѣстахъ женатые клирики стали причащать подъ обоими видами, сколько ни возставали противъ этого нововведенія университетъ, капитулъ и магистратъ города Кёльна. Даже въ рядахъ австрійскаго дворянства явилось много приверженцевъ лютеранскаго ученія.

§ 484. Религіозная бесѣда въ Регенсбургѣ и смерть Лютера. При такомъ настроеніи умовъ естественна была новая попытка къ сближенію. На Регенсбургскомъ сеймѣ (въ янв. 1541 г.) устроили, на основаніи предложеннаго канцлеромъ Гранвеллою соглашенія, религіозную бесѣду между Меланхтономъ, благочестивымъ и умѣреннымъ легатомъ Контарени и нѣсколькими лицами подобнаго образа мыслей (Юл. Пфлугъ). И дѣйствительно, по четыремъ важнѣйшимъ предметамъ вѣры сошлись ближе чѣмъ когда-либо, такъ что умѣреннѣйшіе изъ членовъ сейма настаивали на окончательномъ соглашеніи, при которомъ рѣшенныя статьи намѣревались положить въ основаніе, съ тѣмъ, чтобы все нерѣшенное предоставить заключенію будущаго собора. Но ни папа, подозрѣвавшій измѣну въ уступчивости своего легата, ни Лютеръ съ своимъ курфюрстомъ, которые во всемъ этомъ планѣ видѣли нѣчто въ родѣ западни, не допустили такой сдѣлки. Послѣ этого Карлъ покинулъ всякую мысль о возможности полюбовнаго соглашенія. Договорами и уступками старался онъ под-

---

кушанья — калбасы (Wurst), точно также какъ имена Жакъ Потажъ (т. е. похлебка) у Французовъ, Джакъ Пуддингъ—у Англичанъ и т. д. Характеръ этотъ возникъ сначала въ импровизированныхъ представленіяхъ, а съ половины 16 вѣка вошелъ и въ писанныя тексты «карнавальныхъ потѣхъ».

держать спокойствіе въ Германіи, пока занимали его внѣшнія войны; когда же онъ заключилъ миръ съ Франціей и перемиріе съ Османами, то началъ принимать настойчивыя мѣры для подавленія церковной новизны. Прежде всего (1544) приступлено къ этому въ архіепископствѣ Кёльнскомъ и въ Клевскомъ герцогствѣ (съ Дюссельдорфомъ), откуда евангелическое ученіе легко могло проникнуть въ Нидерланды. Протестантскіе князья спокойно потерпѣли то, что герцогъ Вильгельмъ Клевскій (воспитанный Гересбахомъ на гуманистическихъ знаніяхъ), уже готовившійся приступить къ Шмалькальденскому союзу, былъ принужденъ остановить разлившуюся въ его области реформацію; что по жалобѣ кёльнскаго капитула въ Римѣ и въ Брюсселѣ, противъ архіепископа Германа начаты были судебныя преслѣдованія, и что въ Нидерландахъ протестантскихъ проповѣдниковъ сожигали на кострахъ, а приверженцевъ ихъ смиряли тяжкими наказаніями. — Съ глубокою тревогой ожидалъ Лютеръ исхода предстоящей великой борьбы. Благосклонная къ нему судьба избавила его однакожь отъ печали быть свидѣтелемъ, какая страшная гроза поднялась на дѣло всей его жизни и сколько оно отъ того потерпѣло. Испытавъ много тѣлесныхъ страданій, онъ умеръ 18 февраля 1546 г. въ своемъ родномъ городѣ Эйслебенѣ, куда былъ приглашенъ на рѣшеніе семейнаго спора между графами Мансфельдами. Тѣло его было перевезено въ Виттенбергъ среди великихъ погребальныхъ торжествъ и въ сопровожденіи безчисленной толпы стекшагося отовсюда народа.

в) ШМАЛЬКАЛЬДЕНСКАЯ ВОЙНА.

§ 485. Вооруженія и союзы. Съ небольшимъ за два мѣсяца до Лютеровой кончины папа Павелъ III созвалъ общій соборъ въ тирольскомъ городѣ Тридентѣ (13 дек. 1545). Но протестанты, предвидя заранѣе, что на такомъ соборѣ, составленномъ и дѣйствующемъ подъ вліяніемъ папы, ученіе ихъ будетъ осуждено, отвергли его, какъ несвободное и пристрастное судилище, и требовали исключительно германскаго собора. Это отняло у императора послѣднюю надежду

на мирный исходъ дѣла, и притомъ въ такое время, когда Шмалькальденскій союзъ ослабѣлъ болѣе чѣмъ когда-нибудь, благодаря взаимнымъ неудовольствіямъ, разладу и холодности составлявшихъ его членовъ, и когда въ ближайшемъ кругу императора получили большой вѣсъ мнѣнія ревностныхъ поборниковъ старой вѣры. Союзомъ съ папою императоръ доставилъ себѣ значительныя денежныя средства, которыя дозволили ему предпринять наборъ войскъ и вооруженія въ Италіи, Германіи и Нидерландахъ; герцога Баварскаго склонили видами на санъ курфюрста Палатина, духовные имперскіе князья и безъ того держали сторону императора, а теперь онъ склонилъ въ свою пользу еще и одного изъ важнѣйшихъ протестантскихъ князей, — герцога Морица Саксонскаго. Этотъ молодой, умный и свѣдущій въ ратномъ дѣлѣ государь, наслѣдовавшій съ 1541 г. отцу своему Генриху въ альбертинской Саксоніи, давно уже отсталъ отъ Шмалькальденскаго союза по непріязни къ своему двоюродному брату Іоанну Фридриху, съ которымъ онъ жилъ въ постоянной враждѣ, и примкнулъ къ императору, хотя Филиппъ Гессенскій былъ Морицу тестемъ. На регенсбургскомъ сеймѣ (28 марта 1546, гдѣ кромѣ Морица и Бранденбургскихъ маркграфовъ, Іоанна Кюстринскаго и Альбрехта Байрейтскаго, не присутствовало лично ни кого изъ протестантскихъ князей) честолюбиваго Морица склонили совершенно отступиться отъ своихъ родныхъ и отъ связей съ евангелическою партіей, видами на расширеніе его герцогства и дарованіемъ ему правъ верховнаго защитника епископствъ магдебургскаго и гальберштадтскаго (за которыя онъ долго ссорился съ курфюрстомъ). Въ договорѣ съ императоромъ онъ обѣщалъ ему послушаніе, преданность и признаніе тридентинскихъ постановленій съ однимъ условіемъ, чтобъ ему и обоимъ протестантскимъ его союзникамъ обѣщано было на словахъ, что въ ихъ владѣніяхъ новое ученіе останется неприкосновеннымъ по тремъ главнымъ вопросамъ, — объ оправданіи вѣрою, о чашѣ и, о бракѣ священнослужителей.

§ 484. Походъ на Дунаѣ. Императоръ былъ еще въ Регенсбургѣ, когда Шмалькальденскій союзъ, испуганный неопредѣленнымъ, угрожающимъ отвѣтомъ на запросъ свой

о цѣли вооруженій, быстро собралъ свои войска и двинулъ въ поле 40,000. Протестанты такъ мало подозрѣвали существованіе какого бы то ни было союза съ императоромъ, что курфюрстъ при выступленіи въ походъ поручилъ двоюродному брату Морицу свои земли въ управленіе, а военачальники союза, изъ уваженія къ мнимой нейтральности Фердинанда и герцога Баварскаго, отвергли умно-задуманные планы Себастьяна Шертлина фонъ-Буртенбаха, избраннаго въ полководцы отъ верхне-германскихъ городовъ. Шертлинъ хотѣлъ быстрымъ движеніемъ на Регенсбургъ, гдѣ императоръ находился съ небольшимъ числомъ войскъ, разомъ покончить дѣло; но военный совѣтъ, въ которомъ хозяйничали многіе, воспретилъ ему это, чтобъ не оскорбить Баварію. Тогда онъ двинулся на Тироль, внезапнымъ нападеніемъ захватилъ Фюсенскую тѣснину и готовился уже вступить въ предѣлы Тироля, чтобы отрѣзать путь итальянскимъ вспомогательнымъ войскамъ или разогнать церковный соборъ въ Тридентѣ, — но и этого ему не дозволили, чтобъ не обидѣлся Фердинандъ. Такимъ образомъ Карлу, который обложилъ (20 іюля 1546) курфюрста и ландграфа опалою за измѣну передъ императоромъ и имперіей, дано было время притянуть къ себѣ войска изъ Италіи и занять крѣпкую позицію въ Ингольштадтѣ. Опала вначалѣ многихъ привела въ недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что императоръ старался устранить всякую мысль о религіозной цѣли военныхъ дѣйствій; но когда перехваченное посланіе папы къ католическимъ чинамъ Швейцаріи открыло глаза протестантамъ насчетъ цѣли начатой войны, тогда въ протестантской арміи возникло сильное негодованіе противъ обмана. Защитительное письмо опровергло всѣ обвиненія, взведенныя манифестомъ объ опалѣ, и явился цѣлый рядъ сильныхъ памфлетовъ для возбужденія націи противъ такого государя, «который изъ верховнаго главы имперіи сдѣлался пособникомъ и клевретомъ папы» и противъ котораго поэтому оружіе поднято подѣломъ. Между тѣмъ курфюрстъ и ландграфъ сами приняли начальство надъ войскомъ и бились въ Ингольштадтѣ съ императоромъ, котораго они все-таки превосходили силой. Напрасно Шертлинъ и здѣсь совѣтовалъ предпринять рѣшительный приступъ; они

тратили время въ мелкихъ, безплодныхъ схваткахъ, а между тѣмъ къ императорской арміи успѣли подойдти нидерландскія войска, и Карлъ получилъ возможность дѣйствовать наступательно. Онъ двинулся въ Швабію. Силы съ обѣихъ сторонъ были еще равны, и какъ сырое и холодное время породило болѣзни между испанскими и итальянскими полками, то протестанты, не отстававшіе отъ императора ни на шагъ, могли еще надѣяться вскорѣ настоять на справедливыхъ условіяхъ, тогда какъ до сихъ поръ онъ требовалъ отъ нихъ безусловной покорности, — тогда-то вѣсть объ измѣнѣ Морица пришла въ лагерь подъ Гингеномъ и распространила ужасъ съ одной и ликованіе съ другой стороны.

§ 487. Морицъ, успокоивъ опасенія своихъ земскихъ чиновъ насчетъ перемѣны религіи и получивъ чрезъ Фердинанда съ которымъ онъ условился въ Богеміи о раздѣлѣ Саксонскаго курфюршества, императорское слово, что ему даны будутъ курфюршескій санъ и бо̀льшая часть владѣній его двоюроднаго брата, двинулся съ военною силой въ эти области за тѣмъ, какъ онъ говорилъ, чтобы предупредить занятіе ихъ императоромъ, и быстро бралъ одинъ городъ за другимъ. При этомъ извѣстіи Іоаннъ Фридрихъ поспѣшилъ въ свои земли, и какъ въ то же самое время союзное войско почувствовало недостатокъ въ продовольствіи, а верхне-германскіе города отказали въ дальнѣйшихъ пособіяхъ деньгами, и наемники толпами покидали знамя, то поздней осенью разстроилось все шмалькальденское ополченіе. Ландграфъ и прочіе предводители отправились по домамъ, чтобы къ веснѣ готовить новыя вооруженія. Императору открылся теперь свободный путь въ южную Германію. Благомыслящіе совѣтники уговаривали его отдать религію на полную волю вѣрующихъ и тѣмъ самымъ возвратить всѣ имперскіе чины къ преданности и послушанію. Но у Карла были въ головѣ обширнѣйшіе планы. Подчиненіемъ протестантовъ власти собора хотѣлъ онъ возвратить императорству прежній вѣсъ, поставить его не только выше областныхъ державцевъ, но и выше папы, и учредить новый порядокъ и въ церкви и въ государствѣ. Поэтому онъ и потребовалъ отъ верхне-германскихъ чиновъ безусловной покорности и полнаго

отреченія отъ Шмалькальденскаго союза. Устрашенные города, въ которыхъ перевѣсъ былъ на сторонѣ купцовъ, опасавшихся за свою торговлю и сокровища, тотчасъ сдались на самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Ульмъ выдалъ свои пушки и купилъ милость императора большими денежными пожертвованіями, такъ же точно Гейльброннъ, Эслингенъ, Рейтлингенъ и другіе. Аугсбургъ былъ такъ хорошо снабженъ артиллеріей и съѣстными припасами, что Шертлинъ предлагалъ магистрату держаться въ городѣ до тѣхъ поръ, пока протестантская Германія отдохнетъ и вооружится снова; но малодушный совѣтъ знатныхъ купцовъ (особенно Фуггеровъ) одержалъ верхъ; вмѣстѣ съ городомъ императору досталась отличная артиллерія и большія денежныя суммы; скоро этому примѣру послѣдовали Франкфуртъ и Страсбургъ. Старый герцогъ Ульрихъ Вюртембергскій смирился передъ императоромъ, заплатилъ контрибуцію и сдалъ важнѣйшія свои крѣпости Карловымъ войскамъ. Маститый курфюрстъ Германъ Кёльнскій, отлученный папою, тѣснимый испанскими силами и наконецъ покинутый своими земскими чинами, отрекся отъ своего званія и уступилъ мѣсто старовѣрному преемнику, который скоро вытѣснилъ нѣмецкое богослуженіе прежнею латинскою миссой. Къ веснѣ вся южная Германія безъ выстрѣла приведена была въ покорность.

§ 488. Походъ на Эльбу. Между тѣмъ Іоаннъ Фридрихъ отразилъ войска Морица, безъ труда снова занялъ свои земли и покорилъ бо̀льшую часть альбертинской Саксоніи, кромѣ Дрездена и Лейпцига. Вездѣ протестантское народонаселеніе привѣтствовало его съ восторгомъ. Въ Богеміи снова ожилъ духъ Гуситовъ; земскіе чины самовольно собрались въ Прагѣ, съ намѣреніемъ, лишить Фердинанда короны и соединиться съ курфюршескою Саксоніей; въ Силезіи и Лузаціи народъ взволновался противъ владычества Австрійцевъ; сѣверно-германскіе города держали себя строптиво въ отношеніи къ военачальникамъ императора; Франція и Англія вызывались на помощь, — но Іоанну Фридриху не доставало предпріимчивости; онъ взялся за оружіе только на защиту своей вѣры; въ его кроткой душѣ еще не угасло привычное благоговѣніе къ императору,

не смотря на изреченную ему опалу; иноземной помощи онъ не хотѣлъ. — Въ стѣсненномъ положеніи, Морицъ и Фердинандъ прибѣгли къ императору, который, не смотря на свои подагрическія страданія и болѣзненное тѣло, съ войскомъ изъ Итальянцевъ и Испанцевъ поспѣшилъ въ Богемію, соединился съ ними въ Эгерѣ и потомъ выступилъ противъ своего врага, стоявшаго съ 6000 человѣкъ на Эльбѣ. Послѣдовавшая въ то время смерть стараго противника его, Франциска I, повидимому благопріятствовала его планамъ. При приближеніи императора Іоаннъ Фридрихъ хотѣлъ съ своей малочисленною силой отступить въ укрѣпленный Виттенбергъ, пока соберутся къ нему разсѣянные его отряды, но императорская 27-ми-тысячная армія, ведомая однимъ крестьяниномъ, неожиданно перешла Эльбу; утромъ въ воскресенье, въ то самое время, какъ курфюрстъ былъ въ церкви на богослуженіи, настигла врасплохъ его отступавшую кавалерію и, на Лохаускомъ полѣ, въ битвѣ подъ Мюльбергомъ (24 апр. 1547) одержала легкую побѣду. Іоаннъ Фридрихъ, человѣкъ физически неспособный и неповоротливый, былъ раненъ въ лицо и взятъ въ плѣнъ послѣ мужественной обороны. Той же участи подвергся его товарищъ, герцогъ Эрнстъ Брауншвейгъ-Люнебургскій. — Въ плѣну, Іоаннъ Фридрихъ показалъ, какое душевное спокойствіе вселяетъ чистая совѣсть и твердое упованіе на Бога. Съ величайшимъ присутствіемъ духа, не прерывая даже своей шахматной игры, выслушалъ онъ смертный приговоръ, произнесенный надъ нимъ по волѣ императора. Однакожь Карлъ не рѣшился приступить къ исполненію; онъ предпочелъ обратить смертную казнь въ вѣчное заточеніе, съ условіемъ, чтобъ Іоаннъ Фридрихъ сдалъ ему свои крѣпости (между прочимъ Виттенбергъ, вполнѣ изготовивившійся къ оборонѣ), а свои земли и курфюршеское достоинство уступилъ Морицу (19 мая 1546). Третьяго условія, чтобъ онъ покорился Тридентинскому собору, плѣнный князь отнюдь не хотѣлъ принять. Такимъ образомъ санъ курфюрста въ Саксоніи перешелъ отъ эрнестинской на альбертинскую линію.

Однакожь Виттенбергскою капитуляціей Морицу вмѣнено въ обязанность предоставить сыновьямъ Іоанна Фридриха соотвѣт-

ственный ихъ сану доходъ. Изъ отведенныхъ на то приказовъ (амтовъ) Веймара, Іены, Эйзенаха, Готы, Орламюнде и друг., которые обращены въ новое княжество, въ послѣдствіи, когда Морицевъ преемникъ Августъ выдалъ обратно по Наумбургскому договору 1554 г. приказъ Альтенбургъ и нѣкоторыя другія мѣстности, возникли нынѣшнія саксонскія герцогства въ Тюрингенѣ. Учрежденный въ 1558 г. іенскій университетъ долженъ былъ служить вознагражденіемъ за утрату виттенбергскаго. Соименный Іоанну Фридриху сынъ его не могъ перенести претерпѣнной потери. Онъ послушался наущеній безпокойнаго рыцаря-разбойника Вильгельма фонъ Грумбаха изъ Франконіи, который подалъ ему надежду на французскую помощь для возвращенія утраченныхъ сана и областей. Это повело къ такъ-называемымъ Грумбаховскимъ смутамъ. Дѣло въ томъ, что когда Грумбахъ подвергся имперской опалѣ за умерщвленіе людьми его вюрцбургскаго епископа, то Іоаннъ Фридрихъ, вопреки волѣ императора, укрылъ его у себя. Тогда передъ Готою явилось экзекуціонное войско и захватило ихъ обоихъ; Грумбахъ былъ четвертованъ вмѣстѣ съ герцогскимъ канцлеромъ Брюкомъ, а герцогъ поплатился за свое легковѣріе вѣчнымъ заточеніемъ въ Штиріи (1566). Его благородная супруга Елисавета, дочь Фридриха III Палатина, добровольно дѣлила съ нимъ страданія тяжкой неволи по самую свою смерть (1594), которую герцогъ пережилъ только однимъ годомъ. Послѣ этого братъ его Іоаннъ Эрнстъ получилъ княжество Веймаръ въ потомственное владѣніе, а оба сына плѣннаго герцога подѣлили между собою 1572 г. остальныя земли, такъ что Іоанну Казимиру достался Кобургъ, а Іоанну Эрнсту — Эйзенахъ. Въ позднѣйшее время происходили еще разные другіе передѣлы, пока въ концѣ семнадцатаго столѣтія не ввелось мало-по-малу право первородства во всѣхъ линіяхъ [1].

§ 489. **Торжество Карла.** Теперь надо было наказать и ландграфа Гессенскаго. Морицъ и Іоахимъ Бранденбургскій (который также оставался покоренъ императору, но не принималъ участія въ войнѣ) ходатайствовали въ его пользу и получили завѣреніе, что «если онъ предастъ себя на гнѣвъ и на милость, вымолитъ прощеніе и выдастъ свои крѣпости,

---

[1] Такъ долго не укоренялось это мнимо-германское начало даже во владѣтельныхъ родахъ Германіи.

то не подвергнется ни тѣлесному наказанію, ни вѣчному заключенію въ тюрьмѣ». При дальнѣйшихъ изустныхъ переговорахъ условія эти были смягчены императоромъ въ такомъ смыслѣ, что ландграфъ, по изъявленіи имъ покорности, «не потерпитъ ущерба ни своему тѣлу, ни имуществу, равно не подвергнется ни урѣзкѣ своихъ земель, ни заточенію». Подъ этимъ условіемъ, за исполненіе котораго поручились Морицъ и Іоахимъ, Филиппъ принялъ проектъ капитуляціи и, снабженный отъ обоихъ курфюрстовъ «свободнымъ, вѣрнымъ, честнымъ и безопаснымъ прикрытіемъ», отправился въ Галле, гдѣ былъ тогда лагерь императора. Здѣсь, среди торжественнаго собранія, онъ вымолилъ себѣ прощеніе, стоя на колѣнахъ, но когда потомъ, приглашенный на ужинъ къ герцогу Альбѣ, явился въ замокъ, то, не смотря ни на какія возраженія, былъ задержанъ по распоряженію хозяина (19 іюня 1547). Императоръ предписалъ эту мѣру, вопреки совѣту Фердинанда; онъ не могъ отказать себѣ въ торжествѣ имѣть въ своей власти обоихъ знатнѣйшихъ своихъ противниковъ. Озадаченнымъ курфюрстамъ, которые на другой день приступили къ нему съ просьбами объ освобожденіи ландграфа, онъ возразилъ, что въ силу первоначальнаго своего обѣщанія и не задержитъ его въ плѣну вѣчно. Раздраженные такимъ двуязычіемъ, уѣхали они изъ Галле. Вскорѣ потомъ Карлъ отправился съ обоими плѣнниками въ верхнюю Германію для устроенія церковныхъ дѣлъ, между тѣмъ какъ Фердинандъ тяжело каралъ своихъ противниковъ въ Богеміи и Лузаціи, а императорскіе военачальники старались привести въ покорность ниже-саксонскіе города. Но крѣпкія стѣны Бремена и героизмъ евангелическихъ гражданъ сѣверной Германіи положили оплотъ побѣдамъ Карла. Здѣсь дѣло протестантизма одержало верхъ, и обложенный опалою Магдебургъ послужилъ для него пріютомъ.

Прага и другіе города Богеміи изъявили безусловную покорность, выдали свою артиллерію и взнесли требуемыя суммы денегъ. У нихъ были отняты важнѣйшія права, самые виновные изъ членовъ господскаго сословія подверглись тѣлеснымъ наказаніямъ и пенямъ, королевская власть освободилась отъ стѣснявшихъ ее преградъ и земскіе чины лишены были права избирать государей.

г) ВРЕМЯ АУГСБУРГСКАГО ЗАМИРЕНІЯ (Interim).

§ 490. Тридентинскій соборъ. Между тѣмъ Тридентинскій соборъ, открытый 13-го декабря 1545 года, держалъ свои совѣщанія. Предназначенный для Германіи, онъ однако былъ составленъ изъ однихъ Итальянцевъ и Испанцевъ. Доминиканцы и члены другихъ духовныхъ орденовъ составляли ядро собранія, засѣдавшаго подъ руководствомъ папскаго легата и подававшаго голоса поголовно. При такихъ условіяхъ совѣщанія должны были принять скорѣе враждебное, чѣмъ примирительное направленіе въ отношеніи къ протестантамъ. Это и обнаружилось при первыхъ же сужденіяхъ о Библіи и преданіи, при чемъ переводъ ея (Вульгата), признаваемый до сихъ поръ церковью какъ подлинникъ, былъ и на вѣчныя времена объявленъ единственнымъ текстомъ, имѣющимъ обязательную для всѣхъ силу, а преданію приписана одинаковая важность съ священнымъ Писаніемъ. Въ ученіи объ оправданіи была удержана необходимостъ добрыхъ дѣлъ; за іерархическимъ священствомъ признано божественное установленіе, семь таинствъ были сохранены и т. п. Это въ высшей степени не нравилось императору, который именно теперь надѣялся осуществить давно желанное единеніе исповѣданій; онъ сдѣлалъ свои замѣчанія и требовалъ, чтобы рѣшенія собора сохранялись въ тайнѣ. Но Павелъ III, конечно подозрѣвавшій, что императоръ имѣетъ въ виду ограничить папство и ввести въ католической церкви такія преобразованія, которыя могли бы привлечь въ нее протестантовъ, не только огласилъ постановленія собора, но даже, подъ предлогомъ заразы, перенесъ засѣданія его въ Болонью (1547), отозвалъ свои войска изъ императорской арміи и вступилъ въ союзъ съ Франціею. Меньшинство прелатовъ, по приказанію императора, осталось въ Тридентѣ, и такимъ образомъ самый соборъ распался надвое.

§ 491. При такомъ положеніи дѣлъ, для папы была чрезвычайна непріятна вѣсть о полной побѣдѣ императора въ Германіи. Къ церковнымъ причинамъ раздора присоединились политическія, еще усилившія его. 24-го февраля 1548 г. Карлъ держалъ блестящій сеймъ въ Аугсбургѣ. Здѣсь убѣдилъ онъ протестантскихъ князей обѣщать, что они подчинятся собору, если онъ будетъ снова переведенъ въ Тридентъ и рѣшенные имъ пункты подвергнутся новому обсужденію. Но какъ нельзя было склонить на это ни папу, ни

собравшихся въ Болоньѣ богослововъ, то императоръ, стоявшій теперь на высшей точкѣ своего могущества и окруженный нѣмецкими князьями, которые смиренно и почтительно ожидали его приказаній, рѣшился собственною властію предпринять реформу германской церкви и издать постановленіе о томъ, чего должно держаться впредь до окончательнаго рѣшенія собора. Это и было сдѣлано такъ-называемымъ аугсбургскимъ временнымъ положеніемъ (15-го мая 1548 г.), въ составленіи котораго дѣятельно участвовали Юлій Пфлугъ, съ католической стороны, и бранденбургскій богословъ Агрикола — съ протестантской.

По желанію императора, въ аугсбургскомъ временномъ положеніи папская власть была ограничена, но относительно епископской власти, іерархическаго устройства и всего богослуженія и обрядовъ постановлено было сохранить прежній обычай католической церкви; только чаша и бракъ священниковъ были уступлены протестантамъ, а въ вопросѣ объ оправданіи, литургіи и проч. сдѣлана попытка — нѣкоторыми неопредѣленными выраженіями по возможности сблизить оба воззрѣнія; обратную выдачу церковныхъ имуществъ положено было производить путемъ полюбовныхъ соглашеній.

§ 422. Это временное постановленіе назначалось для обоихъ исповѣданій. Но такъ какъ католическіе чины (имѣя во главѣ тѣсно связаннаго съ папою герцога Баварскаго) отвергли эту мѣру, то дѣйствіе ея и было ограничено одними протестантами. Но и съ этой стороны оно возбудило много возраженій, не столько между князьями (изъ которыхъ, кромѣ плѣннаго Іоанна Фридриха, только двое, пфальцграфъ Вольфгангъ Цвейбрюккенскій и маркграфъ Іоаннъ Кюстринскій, отказали въ своемъ согласіи), сколько между городами и проповѣдниками. Правда, Карлъ принудилъ къ повиновенію большинство верхне-германскихъ городовъ, такъ какъ уничтоженіе демократическаго устройства въ Аугсбургѣ (гдѣ цехи были упразднены и управленіе передано въ руки нѣсколькихъ знатныхъ негоціантовъ) и насильственное подчиненіе Констанца непосредственному австрійскому владычеству (слѣдствіемъ чего было и тамъ возвращеніе къ католической церкви) устрашило всѣ другіе. Но ни угрозы, ни преслѣдованія, ни заключеніе въ темницу, ни лишеніе имущества и должностей не могли понудить протестантскихъ проповѣдниковъ къ принятію религіознаго постановленія, противнаго ихъ совѣсти. Изгнанные,

они бросали отечество и семью, и спасались скрытыми путями въ сѣверно-германскіе города, рѣшительно отвергнувшіе «душепагубное» временное положеніе и хотѣвшіе во что бы то ни стало отстоять свою религіозную свободу. Около 400 проповѣдниковъ (въ томъ числѣ Іоаннъ Бренцъ) подверглись изгнанію; большинству изъ нихъ далъ убѣжище обложенный опалою городъ Магдебургъ. Изъ Саксоніи, колыбели реформаціи, тоже бѣжали многія духовныя лица по ненависти къ Лейпцигскому временному положенію, составленіе котораго навлекло Меланхтону упрекъ въ слабости и робости духа. Изъ Магдебурга выходило множество сильныхъ памфлетовъ, сатиръ, насмѣшливыхъ стиховъ и картинъ, которыми старались возбудить въ народѣ ярость и ненависть къ равно противному и католикамъ и протестантамъ, временному положенію.

Лейпцигское временное положеніе. Курфюрсты Бранденбургскій и Пфальцскій, герцогъ Эрихъ Брауншвейгскій и др. безусловно приняли временное положеніе; но Морицъ просилъ отсрочки на размышленіе, ибо обязался передъ своими чинами защищать ихъ религіозную свободу. Сначала онъ встрѣтилъ съ ихъ стороны рѣшительное сопротивленіе, но ему удалось уговорить Меланхтона, въ выдачѣ котораго императору Морицъ отказалъ, и уступчивый богословъ согласился на измѣненіе аугсбургскаго исповѣданія, даже принялъ самъ участіе въ дѣлѣ единенія церкви. Такъ возникло подъ его руководительствомъ Лейпцигское временное положеніе, въ которомъ относительно вѣроученія было устранено все не евангелическое, но допущена большая часть католическихъ обрядовъ, какъ нѣчто безразличное (adiaphoron). Власть папы и епископовъ положено признавать тогда, когда они употребляютъ ее «на созиданіе, а не на разрушеніе церкви». Этотъ законъ, послѣ сильнаго сопротивленія со стороны чиновъ и духовенства, былъ введенъ въ Саксоніи. Частію въ такомъ же измѣненномъ, частію въ первобытномъ видѣ, временное положеніе было потомъ принято въ Гессенѣ, Помераніи, Мекленбургѣ, Липпе и въ друг. мѣстахъ.

д) Морицъ.

§ 493. **Магдебургъ.** Въ то самое время, когда преданный императору папа Юлій III снова перенесъ засѣданія собора въ Тридентъ (1 сент. 1551), когда прибытіе туда членовъ какъ со стороны католическихъ курфюрстовъ, такъ и со стороны

многихъ евангелическихъ чиновъ (Саксоніи и Вюртемберга) повидимому клонились къ исполненію давнихъ желаній Карла, когда всѣ обстоятельства соединялись для того, чтобы поставить его мірскимъ главою христіанства въ средневѣковомъ значеніи, и онъ уже обдумывалъ планъ, какъ устроить, чтобъ сынъ его былъ избранъ ему въ преемники, и тѣмъ упрочить наслѣдственность обновленной императорской власти въ своемъ родѣ, — онъ неожиданно встрѣтилъ себѣ противоборца въ такомъ человѣкѣ, которому былъ преимущественно обязанъ рядомъ одержанныхъ доселѣ побѣдъ, — именно въ Морицѣ Саксонскомъ. Планы императора грозили Нѣмецкой имперіи преобразованіемъ къ явному ущербу власти земскихъ государей; постоянное присутствіе испанскихъ и итальянскихъ войскъ въ южной Германіи лежало на ней тяжкимъ гнетомъ; строгія наказанія за всякое нарушеніе католическаго обряда раздражили многихъ: казалось, Германію хотятъ сдѣлать испанскою провинціей. Негодованіе достигло высшей степени, когда Морицъ, ненавистный предатель протестантизма и его вождей, взялъ на себя за императора привести въ исполненіе опалу противъ Магдебурга (окт. 1550) и началъ осаду города, который еще одинъ изъ всѣхъ давалъ у себя прибѣжище открытой проповѣди слова Господня. Съ этимъ негодованіемъ могло сравниться лишь радостное торжество при вѣсти о геройскихъ подвигахъ магдебургскихъ гражданъ, которые воодушевляясь ободреніемъ духовныхъ лицъ, въ полномъ упованіи на Бога, чье дѣло вручено было ихъ твердости, и сильные обѣтомъ умереть всѣмъ заодно, мужественно отбивали всѣ приступы и нападенія осаждавшихъ. Въ Саксоніи господствовало сильное волненіе; земскіе чины уже обращали взоры на Морицова брата, Августа. Тогда-то молодой курфюрстъ взглянулъ ясно на свое положеніе. Его многократныя ходатайства объ освобожденіи его тестя, Филиппа, содержимаго подъ стражей въ Мехельнѣ (Malines), оставались до сихъ поръ безуспѣшны; со времени неудавшейся попытки плѣнника къ побѣгу, заточеніе его было даже еще стѣснено; ручательство курфюрста повидимому не имѣло передъ императоромъ ни какого вѣса. Честь Морица должна была невозвратно погибнуть, еслибъ онъ не искупилъ ее славнымъ

подвигомъ; а чѣмъ могъ онъ лучше склонить въ свою пользу общественное мнѣніе, къ которому не равнодушенъ ни одинъ значащій человѣкъ, какъ не возвращеніемъ вдругъ народу свободы имперской и свободы церкви? Для этого соединился онъ во-первыхъ съ ревностнымъ союзникомъ Магдебургцевъ, маркграфомъ Іоанномъ Кюстринскимъ, противъ котораго онъ не разъ уже бился въ полѣ. Іоаннъ уладилъ примиреніе между обѣими Саксонскими линіями и прекращеніе ссоры съ Магдебургомъ. Вскорѣ приступили къ союзу герцогъ Мекленбургскій, сыновья ландграфа Гессенскаго и другіе, а рыцарственный маркграфъ Бранденбургъ-Кульмбахскій и безъ того стремился къ тѣмъ же цѣлямъ. Онъ первый устроилъ соглашеніе съ Франціей. Въ договорѣ, который Морицъ заключилъ потомъ съ королемъ Генрихомъ II, послѣднему предоставлено, въ вознагражденіе за помощь протестантскимъ князьямъ, занять города Мецъ, Туль, Верденъ и Камбре, «безъ ущерба правамъ имперіи.»

§ 494. Инсбрукъ и Пассау. Во время этихъ переговоровъ Морицъ продолжалъ для вида осаду Магдебурга. Но лишь только заключенъ былъ трактатъ съ Франціей, онъ предложилъ городу милость и религіозную свободу, и тѣмъ побудилъ его въ покорности и признанію своихъ верховныхъ правъ (6 ноября 1551). Императоръ находился безъ войскъ въ Инсбрукѣ, занятый Тридентинскимъ соборомъ и своими замыслами. Тщетно доходили къ нему разныя предостереженія; лукавый, скрытный, мастерски притворявшійся Морицъ, умѣлъ изъ-дали разсѣять всякое подозрѣніе, зараждавшееся въ душѣ императора. Личиною внѣшней веселости прикрывалъ онъ свои глубокіе планы; его шумные пиры, его страсть къ охотѣ и любовныя похожденія часто служили ему то щитомъ, то средствомъ вывѣдать чужіе замыслы. Опытный во всѣхъ испанскихъ и итальянскихъ интригахъ, Карлъ считалъ невозможнымъ, чтобы Нѣмцу удалось перехитрить его. Вдругъ двинулись на югъ три отряда, подъ начальствомъ Морица, Альбрехта и Гессенскаго принца Вильгельма, ландграфова сына (мартъ 1552), заняли Аугсбургъ (апр.), возстановили тамъ старое, любезное народу цеховое устройство, и гоня передъ собой разсѣянные императорскіе гарни-

зоны, вступили въ Тироль, тогда какъ французскія войска взяли Мецъ и проникли чрезъ Лотарингію въ Альзацію и къ верхнему Рейну. Морицъ овладѣлъ уже съ боя Эренбергскою тѣсниной и приближался къ Инсбруку, чтобъ захватить въ плѣнъ императора, находившагося въ крайнемъ затрудненіи, какъ вдругъ бунтъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ представилъ для Карла удобный случай къ побѣгу. Соборъ разошелся еще прежде, внѣ себя отъ ужаса; Карлъ освободилъ плѣннаго курфюрста Іоанна Фридриха, а самъ, страдая подагрой и убитый нравственно, бѣжалъ ночью черезъ снѣжныя Тирольскія горы и Пустерталь въ Виллахъ, въ Каринтію. Трудное дѣло умиренія выпало теперь на долю брата его Фердинанда, не раздѣлявшаго ни видовъ, ни интересовъ императора и болѣе его расположеннаго къ Германцамъ. Заключивъ перемиріе, Фердинандъ немедленно вступилъ въ совѣщаніе съ шестью курфюрстами, съ герцогами Померанскимъ, Вюртемберскимъ, Баварскимъ, Брауншвейгскимъ и друг., вслѣдствіе чего и состоялся Пассаускій договоръ (31 іюля — 2 авг. 1552).

Въ Пассаускомъ договорѣ первымъ условіемъ положено возстановленіе прочнаго мира, такъ что все, препятствовавшее такому миру, рѣшено было или немедленно устранить, или покончить съ этимъ на ближайшемъ предназначенномъ сеймѣ. Прежде всего согласились насчетъ того, чтобы приверженцамъ Аугсбургскаго исповѣданія была дарована безусловная свобода вѣры, чтобы «временное положеніе» было отмѣнено, чтобы постановленія Тридентинскаго собора не распространялись на протестантовъ, и чтобы ландграфъ Гессенскій былъ немедленно освобожденъ; усмотрѣнію сейма положено предоставить всѣ жалобы о нарушеніи имперскихъ законовъ и всѣ мѣры къ возстановленію единовѣрія съ тѣмъ однакоже, что если и не состоится никакого законодательнаго акта на этотъ счетъ, то общій миръ все-таки долженъ оставаться нерушимымъ. Доступъ къ верховному суду рѣшено предоставить равно обоимъ исповѣданіямъ, а все совершившееся предать забвенію и покрыть обширною амнистіей. — Среди радостныхъ слезъ и ликованій народа воротились плѣнные князья, на которыхъ смотрѣли какъ на мучениковъ, въ свои прежнія владѣнія, а изгнанные проповѣдники въ свои прежніе приходы. Два года спустя

(въ мартѣ 1554) умеръ многоиспытанный курфюрстъ Іоаннъ Фридрихъ, доказавшій свое твердое упованіе на Бога въ плѣну и бѣдствіи и излившій его въ прекрасномъ церковномъ гимнѣ: Wie's Gott gefällt, so g'fällts mir auch! (Велитъ Господь, и я готовъ!)

§ 495. Смерть Морица. Императоръ, все еще заботясь о возстановленіи единовѣрія, отвергнулъ статью о безусловной ненарушимости мира; но французско-турецкая война, возгорѣвшаяся съ новой силою, отвлекла его вниманіе отъ германскихъ дѣлъ. Между тѣмъ какъ императорскія войска тщетно осаждали занятый Французами и храбро защищаемый герцогомъ Гизомъ городъ Мецъ, Морицъ и Фердинандъ бились съ Османами въ Венгріи, а французско-турецкій флотъ подходилъ подъ Неаполь, — въ то самое время маркграфъ Альбрехтъ Бранденбургскій, не приступившій къ Пассаускому договору, велъ хищническую войну противъ епископовъ Бамбергскаго и Вюрцбургскаго, стараясь вознаградить себя за военныя издержки грабежемъ монастырей и другихъ церковныхъ учрежденій или сборомъ съ нихъ окуповъ. Такъ какъ императоръ спокойно смотрѣлъ на его буйство и щадилъ его съ намѣреніемъ воспользоваться имъ противъ Французовъ, а при случаѣ и противъ нѣмецкихъ князей, то Морицъ для поддержанія земскаго мира соединился съ Фердинандомъ, съ Генрихомъ Брауншвейгскимъ (который послѣ битвы подъ Мюльбергомъ получилъ опять и свою землю и свободу, § 483) и съ тѣснимыми маркграфомъ духовными державцами, а сверхъ-того тайно возобновилъ союзъ свой съ Франціей. Чтобы помѣшать соединенію непріятельскихъ силъ, смѣлый и предпріимчивый воитель Альбрехтъ двинулся теперь на Генриха Брауншвейгскаго и погромилъ Нижнюю Саксонію страшнымъ разореніемъ и грабежемъ. Тогда выступилъ противъ него Морицъ. Близь деревни Сивергаузена, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ три вѣка спустя сооруженъ памятникъ, дошло у нихъ до кровопролитнаго сраженія (9 іюля 1553). Быстрый Морицъ одержалъ побѣду, но въ безпорядочной кавалерійской схваткѣ былъ раненъ пулею и черезъ два дня умеръ въ полномъ цвѣтѣ силъ. Это былъ человѣкъ рѣдкихъ качествъ: крайне осмотрительный и скрытный, но въ то же время необыкновенно предпріимчивый и энергическій, съ удивительной прозорливостью въ будущемъ онъ соединялъ мгновенную готовность къ дѣлу въ настоящемъ. Нося смертельную рану въ груди, онъ все еще занимался военными и политическими дѣлами Германіи. Мужественность и смѣлость характера сдѣлали его героемъ протестантскаго народа.

Паденіе его пробудило опять надежды въ Альбрехтѣ. Спустя нѣсколько времени онъ возобновилъ свое нашествіе на Брауншвейгъ, но вторично побѣжденный и обложенный опалою сперва со стороны верховнаго суда, а потомъ и отъ самого императора, онъ долженъ былъ уступить наслѣдственныя земли (Байрейтъ и Гофъ) своимъ врагамъ и, какъ бѣглецъ, искать прибѣжища во Франціи. Мало-по-малу на стогнахъ Германіи водворился миръ. Послѣ двухлѣтней отлучки Альбрехтъ воротился опять на родину, но умеръ раннею смертью (1557) въ Форцгеймскомъ замкѣ, гдѣ шуринъ его, маркграфъ Баденскій далъ ему защиту и пріютъ. Свои евангелическо-христіанскія чувства заявилъ онъ въ нѣсколькихъ церковныхъ гимнахъ.

Въ курфюршествѣ Саксонскомъ Морицу наслѣдовалъ братъ его Августъ (1553—1586), оставившій по себѣ у подданныхъ дорогое воспоминаніе, не смотря на разныя несправедливости, которыя онъ себѣ позволялъ для расширенія своихъ земель насчетъ сосѣдей. Заботою о сельскомъ хозяйствѣ, особенно о воздѣлкѣ овощей, старался онъ поднять благосостояніе народа, а благоразумная экономія, въ которой самъ онъ и его супруга, «матушка Анна», принцесса датская, служили лучшимъ образцомъ, доставляла ему средства учреждать полезныя заведенія, поощрять науку, оживлять торговыя предпріятія. Принявъ къ себѣ досужихъ Нидерландцевъ, онъ сильно двинулъ впередъ саксонскую промышленность, особенно суконное и хлопчато-бумажное производство. Но, по кратковременномъ правленіи его сына Христіана I (1586—91) и малолѣтняго внука Христіана II (1591 — 1611), многое изъ его созданій погибло въ буряхъ тридцатилѣтней войны при второмъ внукѣ Августа, Іоаннѣ Георгѣ (1611—1656). Онъ и три соименные ему преемника (Іоаннъ Георгъ II 1656—80, Іо. Георгъ III 1680—91 и Іо. Георгъ IV 1691—1694) постоянно были въ тѣсномъ союзѣ съ Австріей, и не всегда къ выгодѣ своего края и народа.

е) Аугсбургскій религіозный миръ и смерть Карла V.

§ 496. Обѣ религіозныя партіи тяжкими опытами убѣдились въ томъ, что миръ въ имперіи можно обезпечить только обоюднымъ признаніемъ свободы вѣроисповѣданія. Но такое признаніе навѣки разрушало всѣ планы и замыслы Карла относительно церкви и императорства; поэтому нему-

дрено, что ему наскучило заниматься германскими дѣлами и что предсѣдательство на сеймѣ, возвѣщенномъ Пассаускимъ договоромъ, онъ предоставилъ своему брату, не желая унизиться до публичнаго сознанія, что отнынѣ долженъ покинуть главную мысль всей своей жизни и дѣятельности. На этомъ достопамятномъ сеймѣ, созванномъ въ Аугсбургѣ, состоялся послѣ долгихъ и жаркихъ преній религіозный миръ (26 сент. 1555), по которому протестантскимъ чинамъ Аугсбургскаго исповѣданія обезпечена не только полная свобода совѣсти и вѣры, но и политическая равноправность съ католиками, а также дальнѣйшее обладаніе отобранными до тѣхъ поръ церковными имуществами. Для подданныхъ, не слѣдующихъ вѣрѣ своего государя, выговорены были право свободнаго переселенія, а для остающихся терпимость. Сильнѣйшій споръ завязался по поводу требованія старовѣровъ, чтобы духовные чины, которые впредь захотятъ перейдти на сторону новой церкви, лишались своихъ званій и доходовъ. Такъ какъ по этому вопросу спорящіе ни какъ не могли согласиться между собою, то императорскою декларацією постановлено и введено въ число имперскихъ законовъ такъ-называемое «оговорное условіе» (Geistlicher Vorbehalt), — зерно кровавой борьбы на будущее время.

Отъ этого религіознаго мира устранены приверженцы цвингліанскаго и кальвинистскаго исповѣданій. Для полнаго развитія земской (территоріальной) власти имперскихъ князей было весьма важно принятое здѣсь начало cujus regio ejus religio.

§ 497. Императоръ, для котораго религіозный миръ уничтожилъ цѣль всего существованія, именно — единство западной церкви, не чувствовалъ болѣе къ земнымъ дѣламъ прежняго участія и, разстроенный тѣлесными недугами, рѣшился отказаться отъ правленія и мірской дѣятельности и провести остатокъ дней въ тишинѣ и монастырскомъ покаяніи. Съ этой цѣлью, среди торжественнаго собранія въ Брюсселѣ, сначала передалъ онъ своему сыну Филиппу въ управленіе Нидерланды (25 окт. 1555), а черезъ нѣсколько времени королевства Испанію и Неаполь, равно какъ и Новый Свѣтъ (1556); австрійскія же владѣнія и верховное завѣдываніе

германскими дѣлами остались въ рукахъ брата его, Фердинанда. Затѣмъ, сложивъ съ себя 7 сент. 1556 г. и императорскую корону, онъ отправился въ западную Испанію, гдѣ приготовилъ себѣ жилище у монастыря Санъ-Хусте (св. Юста), подъ Пласенсіей, на миловидномъ скатѣ обрамленнаго рощами холма. Здѣсь прожилъ онъ еще два года въ тихомъ уединеніи, занимаясь ручной работой, религіозными подвигами и благочестивыми размышленіями, но не теряя совершенно изъ виду и государственныхъ дѣлъ, на которыя онъ все еще сохранялъ вліяніе. Чтобы вполнѣ сблизиться съ самою обстановкой смерти, не задолго до кончины отправлялъ онъ, лежа въ гробу, свои собственныя похороны (1558), при чемъ было совершено торжественное отпѣваніе его тѣла. Между тѣмъ, по избранію князей, Фердинанъ I получилъ нѣмецко-императорскую корону (1558), обязавшись напередъ хранить религіозный миръ, блюсти миръ земскій на основаніи новыхъ положеній о верховномъ судилищѣ (Kammergerichtsordnung) и отнюдь не управлять имперіей безъ совѣта и согласія чиновъ. Эту присягу Фердинандъ исполнялъ по совѣсти. Онъ, и еще болѣе кроткій сынъ его Максимиліанъ II, не полагали распространенію евангелическаго ученія ни какихъ препятствій.

5. Кальвино-реформатская церковь.

§ 498. Іоаннъ Кальвинъ въ Женевѣ. Новая вѣра проникла и въ романскую Швейцарію. Гильіомъ Фарель, пламенный исповѣдникъ евангелическаго ученія изъ Дофинѐ, и краснорѣчивый Вирѐ (Viret), были первыми неустрашимыми его провозвѣстниками; съ мужествомъ древнихъ искоренителей язычества ратовали они противъ суевѣрія и ханжества и смѣлыми проповѣдями въ полѣ и на рынкѣ, съ церковной каѳедры и на кладбищѣ, старались увлечь народъ къ изученію Евангелія. Ваадтъ, завоеванный Берномъ у Савойи, принялъ вѣру новаго владѣтеля; въ Эглѣ, Муртенѣ, Нёшателѣ и др. м. восторжествовало краснорѣчіе Фареля; Женева, гдѣ поставленные Савойскими герцогами епископы давно уже явились врагами городовой независимости, съ помощію Берна

освободилась отъ Савойи и привлечена была къ Швейцарскому Союзу и къ реформаціи (1536). Но политическое устройство еще колебалось, народъ одичалъ, нравы сдѣлались необузданны, когда Іоаннъ Кальвинъ, родившійся 1509 г. въ Нуойонѣ, въ Пикардіи (перешедшій отъ правовѣдѣнія къ богословію, но вскорѣ подвергшійся гоненію за свои преобразовательныя мысли), водворился въ Женевѣ (1536) и сдѣлался учредителемъ республиканскаго устройства, исправителемъ нравовъ и настоящимъ основателемъ реформатской церкви. Строгость его церковнаго благочинія сначала возбудила неудовольствіе и навлекла ему изгнаніе, но скоро Женевцы одумались. Онъ былъ призванъ назадъ и, подобно законодателямъ древности, имѣлъ до самой кончины своей (1564) величайшее вліяніе на политическое устройство, религію, нравы и образованіе города, который обязанъ ему всѣмъ своимъ значеньемъ. Благодаря Кальвину, Женева стала такимъ же средоточіемъ реформатской жизни для юга, какимъ Виттенбергъ былъ для сѣвера. Женевское училище, гдѣ развилъ свою многостороннюю дѣятельность вѣрный товарищъ Кальвина Теодоръ Беза̀ (1519—1605), французскій дворянинъ, одаренный всѣми преимуществами ума, наружности и рожденія, — это училище образовало ревностныхъ проповѣдниковъ, которые съ опасностію жизни разносили евангелическое ученіе на чужбинѣ (§ 447); женевскія типографіи (Эстьена [1]) снабжали бо̀льшую часть реформатскихъ церквей религіозными книгами; многіе гонимые за вѣру клирики и ученые всѣхъ (образованныхъ) націй искали въ Женевѣ защиты и убѣжища и не только содѣйствовали успѣхамъ образованія, но и возвышали значеніе республики. Уничтожая внутри себя все чуждое, привлекая къ себѣ все сродственное, лелѣя его и въ благопріятную пору высылая на новый духовный трудъ, Женева была какъ бы воинственно-религіозною украиной, учрежденною на рубежѣ враждебнаго міра, и для обороны и для нападенія. Самъ Кальвинъ, своими сочи-

---

[1] Знаменитый родъ ученыхъ французскихъ типографовъ, изъ которыхъ Робертъ I Эстьенъ, преслѣдуемый Сорбонною въ Парижѣ за свои образцовыя изданія Библіи, первый удалился въ Женеву и принялъ протестантизмъ.

неніями, своею обширною перепиской, своими совѣтами и мнѣніями, даваемыми по запросамъ, достигъ такой же многозначительной дѣятельности и такого же законодавческаго вѣса, какъ Лютеръ и Меланхтонъ. Это былъ человѣкъ, не одаренный фантазіей, но высокаго ума и безпощадно строгій и въ мысли и въ поступкахъ. Неумолимый къ другимъ, какъ и къ себѣ, но при этомъ не безъ глубокаго сердечнаго чувства, враждебный всякому земному наслажденію, не искавшій угождать народу, онъ властвовалъ надъ умами тѣмъ невольнымъ благоговѣніемъ, какое внушала твердость и чистота его воли.

§ 499. Кальвинизмъ. Ученіе Кальвина, такъ, какъ онъ развилъ его въ своемъ «Наставленіи къ христіанской вѣрѣ», носитъ характеръ своего основателя, — характеръ строгости и простоты. Въ вѣроученіи примыкаетъ онъ большею частію къ Цвинглію, однакожь относительно евхаристіи занимаетъ средину между Лютеромъ и имъ, а вразсужденіи благодати слѣдуетъ воззрѣнію, по которому поврежденная первороднымъ грѣхомъ воля человѣка не свободна и сама по себѣ не способна къ добру, — слѣдовательно, по божественному предопредѣленію, одна часть рода человѣческаго предназначена къ блаженству, а другая — къ вѣчному осужденію; такъ что спасеніе избранныхъ, хотя бы они заблуждались и падали, не можетъ утратиться для нихъ вполнѣ, тогда какъ отверженникъ, что̀ бы онъ ни дѣлалъ, невозвратно лишенъ небеснаго блаженства. — Въ богослуженіи и обрядахъ Кальвинъ, подобно Цвинглію, требуетъ всевозможнаго упрощенія [1]. Иконы, украшенія, органы, свѣчи и даже распятіе все изгнано имъ изъ церкви; богослуженіе состоитъ изъ молитвы, проповѣди и пѣнія Давидовыхъ псалмовъ, обработанныхъ Безòю и снабженныхъ Гудимелемъ хоральною музыкой; кромѣ строго соблюдаемаго воскресенья («субботы»), церковныхъ праздниковъ не допускается никакихъ.—Устройство кальвинистской церкви — синодально-республиканское (такое же, какое предполагалъ ввести въ Гессенѣ состоявшій при Марбургскомъ университетѣ бѣглый фран-

---

[1] Что̀ касается до его старанія о крайнемъ упрощеніи обрядовъ, то это вытекало преимущественно изъ положительнаго до сухости характера, которымъ онъ отличался такъ же какъ и Цвинглій.

цузъ Ламбертъ, но оно тамъ не состоялось). Церковная община, представляемая совѣтомъ старшинъ (пресвитеріонъ) управляетъ духовными дѣлами. Она избираетъ пастырей, наблюдаетъ черезъ старшинъ за нравами и завѣдываетъ церковнымъ благочиніемъ, церковными наказаніями и раздачею милостыни. Законодательная власть находится въ рукахъ синодовъ, состоящихъ изъ пастырей и старшинъ; эти синоды представляютъ собою или одинъ извѣстный край, или всю кальвинистскую церковь въ совокупности. Величайшую важность приписывалъ Кальвинъ церковному благочинію. Основаніемъ при этомъ служило начало, «что слѣдуетъ истреблять порокъ и грѣхъ, потому что оказываемая имъ терпимость неизбѣжно влечетъ за собой гнѣвъ и кару отъ Господа». Главнымъ наказаніемъ считалъ онъ исключеніе отъ причастія обществу вѣрныхъ (communio), которое по его мнѣнію «есть средоточіе не только церковной, но и всей частной и гражданской жизни». Строгость нравовъ доводила иногда кальвинистовъ до того, что они преслѣдовали и самыя позволительныя удовольствія, — театръ, танцы, развлеченія утонченной свѣтскости; поэтому ученіе ихъ не столько укоренялось въ высшихъ кругахъ, какъ въ среднемъ слоѣ общества. Всего лучше принимался кальвинизмъ у образованныхъ горожанъ этого класса, стремясь къ поощренію дѣятельной, трудолюбивой жизни, къ удаленію роскоши и всѣхъ излишнихъ наслажденій и къ водворенію строгаго порядка и благонравія.

§ 500. Распространеніе кальвинизма. Ученіе Кальвина стало господствующимъ во французскихъ кантонахъ Швейцаріи; оно распространилось и во Францію, особенно въ цвѣтущіе города юга, гдѣ за нѣсколько вѣковъ истреблены были мечемъ крестовыхъ воиновъ и изувѣрной ревностью доминиканскихъ монаховъ несчастные Альбигойцы (§ 341); полтора столѣтія боролись французскіе кальвинисты (гугеноты [1]) за свое существованіе; смертоубійство, гоненіе и гнетъ хотя и уменьшили число исповѣдниковъ, однакоже не въ силахъ были истребить реформатскую вѣру. Изъ Франціи и Швецаріи кальвинизмъ проникнулъ въ Нидерланды, гдѣ, послѣ кровавой борьбы, онъ одержалъ верхъ въ сѣверныхъ провинціяхъ (Голландскихъ). Слѣдствіемъ этого было введеніе свободныхъ республиканскихъ учрежденій и независимость отъ испанскаго господства. Пресвитеріанская цер-

---

[1] Полагаютъ, что это названіе произошло отъ нѣмецкаго Eidgenossen, т. е. «присяжные союзники или товарищи», какъ и донынѣ называютъ себя Швейцарцы.

ковъ Шотландцевъ выработала Кальвиновы воззрѣнія во всей ихъ демократической рѣзкости. Синодальное устройство возвысилось здѣсь на развалинахъ іерархіи и пересилило слишкомъ ослабѣвшій тронъ. Въ Англіи подобныя же начала пуританъ должны были уступить могуществу господствующей церкви; но они поддерживались тамъ и въ послѣдствіи многочисленными сектами, а самое полное развитіе получили на свободной сѣверо-американской почвѣ. Въ Германіи любой народу кальвинизмъ также нашелъ себѣ многочисленныхъ исповѣдниковъ. Фридрихъ III Пфальцскій ввелъ его въ своей области и, по его порученію, Урсинъ и Олевіанъ составили такъ-называемый Гейдельбергскій катехизисъ (1559), весьма распространенное руководство къ реформатскому исповѣданію. Однакожъ только благодаря Казимиру Кальвинова реформація одержала тамъ полную побѣду (1604). То же совершилось не безъ сильной борьбы и смуты въ Гессенѣ, стараніями ученаго ландграфа Морица, въ Ангальтской области (1596) и отчасти въ Бременѣ и въ Бранденбургѣ, гдѣ Іоаннъ Сигизмундъ, въ Берлинѣ, принялъ евхаристію по Кальвинову установленію (1613). Самъ Меланхтонъ и его приверженцы (Филипписты, тайно-кальвинисты) были душевно убѣждены въ истинѣ его воззрѣнія. Обнаруженіемъ такого взгляда Меланхтонъ до того отравилъ вечеръ своей жизни, что сошелъ въ могилу глубоко-огорченный и оклеветанный (1560), а послѣдователи его навлекли себѣ въ Саксоніи гоненіе и тюрьму. Формула соглашенія (§ 561) положила современемъ конецъ тайно-кальвинизму (1580), но вмѣстѣ и упрочила рознь кальвинистовъ съ лютеранами, разжигая между ними взаимную вражду. Канцлеръ Крелль, попытавшись еще разъ привести Саксонію къ кальвинизму (1601), послѣ десятилѣтняго заточенія умеръ отъ руки палача какъ предатель и измѣнникъ.

6. Основаніе англиканской и пресвитеріанской церквей.

§ 501. Генрихъ VIII (1509 — 47), государь, свѣдущій въ схоластикѣ, сначала выступилъ противъ Лютеровыхъ воззрѣній съ полемическимъ сочиненіемъ о семи таинствахъ, а приверженцевъ его преслѣдовалъ заточеніемъ и кострами. Но преданность Генриха папскому престолу, который въ награду за то даровалъ ему титулъ вѣрозащитника, обра-

тилась въ рѣшительную ненависть, когда Климентъ VII, изъ уваженія къ императору, не удовлетворилъ желанію короля расторгнуть бракъ его съ испанскою принцесой Катериной, хотя сначала и подавалъ ему надежды на разводъ. Отчасти сомнѣнія въ законности супружества съ Катериною, вдовой умершаго его брата, отчасти желаніе соединиться съ очаровательною Анною Болйнъ, привели наконецъ Генриха къ рѣшенію, разрывомъ съ римскою церковью, добиться желаннаго развода. Опираясь на цѣлый рядъ мнѣній, постановленныхъ туземными и иностранными университетами и учеными корпораціями о незаконности супружества съ братниной вдовой, онъ сперва женился на Аннѣ Болйнъ (1532), а потомъ велѣлъ собственною властію расторгнуть прежній бракъ возведенному имъ въ архіепископа кантерберійскаго Томасу Кранмеру [1] (1533). Далѣе онъ вынудилъ у духовенства признаніе его верховнымъ главою англійской церкви, а у раболѣпнаго парламента цѣлый рядъ постановленій, которыми папская власть въ Англіи была вполнѣ устранена [2] (1534).

---

[1] Кранмеръ былъ ему пособникомъ во всѣхъ переговорахъ, которые велись по этому дѣлу съ англійскими и иноземными богословами. Университеты Оксфордскій, Кембриджскій, Парижскій, и даже нѣкоторые италійскіе, торжественно признали незаконность Генрихова брака съ Катериною; Лютеръ, къ которому также обратились съ вопросомъ, не находилъ достаточнаго основанія къ разводу, но предложилъ королю имѣть, по примѣру патріарховъ и израильскихъ царей, двухъ супругъ. Вотъ новое подтвержденіе тому, что было уже замѣчено объ односторонности Лютерова взгляда на брачныя отношенія. Папа Климентъ былъ такъ же не прочь разрѣшить королю тайный бракъ съ его возлюбленной, но согласиться на явный разводъ съ теткою императора у него недоставало духа.

[2] Такая безграничная покорность парламента объясняется, кромѣ упомянутаго уже ослабленія и разоренія аристократіи во время войнъ алой и бѣлой розъ также и необыкновенной популярностью, какую успѣлъ пріобрѣсти себѣ въ народѣ еще самовластный Генрихъ VII, охотно стѣснявшій аристократическія привилегіи, чтобы дать вздохнуть низшимъ, рабочимъ классамъ и поднять торговлю и промыслы горожанъ. Въ его царствованіе почти вполнѣ совершилось личное освобожденіе крестьянъ, начавшееся въ концѣ 14 вѣка возстаніемъ Вата Тайлера (§ 376), и тамъ гдѣ уцѣлѣли еще остатки крѣпостнаго права, обязательный трудъ былъ замѣненъ денежнымъ оброкомъ или точно опредѣленнымъ сборомъ въ натурѣ. Такимъ образомъ крѣпостные и барщинные крестьяне сдѣлались вольными оброчниками, кортомщиками или, въ крайнемъ случаѣ, копигольдерами, которые пользовались землею по записи (сору), подробно исчислявшей лежащія на нихъ повинности. Но въ то время еще значительно было и число фригольдеровъ, свободныхъ хлѣбопашцевъ, которые за отведенную имъ въ собствен-

Тщеславный кардиналъ Вольсей, который до тѣхъ поръ былъ его канцлеромъ и безгранично управлялъ королемъ, умеръ въ немилости, потому что велъ бракоразводное дѣло слишкомъ вяло и ненастойчиво; мѣсто его занялъ Томасъ Кромвель, угодливый рабъ деспотическаго короля, и заодно съ Кранмеромъ далъ церковному преобразованію именно тотъ ходъ, какого желалъ Генрихъ.

Многочисленные монастыри были закрыты силою, монахи и монахини едва только обезпечены отъ голода, а богатыя монастырскія имущества отчасти отобраны въ казну, отчасти розданы придворнымъ или употреблены на благотворительныя учрежденія. Съ сокровищами древняго искусства и науки обходились при этомъ съ грубымъ вандализмомъ. — Кромѣ монастырей, король особенно преслѣдовалъ чудотворныя иконы и другіе предметы наружнаго поклоненія. Гробница Бекета (§ 372) съ находившимся при ней богатымъ иконостасомъ была ограблена и осквернена и память древняго святаго предана всенародному посмѣянію; деревянными образами разводили огни, на которыхъ сожигались равно паписты и лютеране. На первыхъ король-деспотъ негодовалъ за то, что они не одобряли его насилій противъ папства и церкви: таковы были достопочтенный епископъ Фишеръ и проникнутый классическою образованностью и эллинскимъ остроуміемъ Томасъ Моръ (§ 433); на лютеранъ онъ возставалъ въ качествѣ схоластика-богослова, который и въ послѣдствіи упорно держался мнѣній, высказанныхъ имъ однажды противъ Лютера. Поэтому онъ нетолько оставилъ нетронутыми всѣ догматы, обычаи, обряды и іерархическія учрежденія древней церкви, но и ограничилъ дозволенное сначала употребленіе англійской библіи, переведенной бѣжавшимъ потомъ Тиндалемъ (1539) [1], а «кровавымъ» шести-

---

ность землю исполняли только какую-нибудь ничтожную лэнную повинность королю, какъ верховному землевладыкѣ, или иному лорду, какъ его представителю. Генрихъ VII запретилъ аристократіи, подъ страхомъ тяжкихъ денежныхъ взысканій (которыя онъ такъ любилъ), держать, по старому обычаю, многочисленную дворню, и излишніе дворовые, чтобъ не умереть съ голоду, поневолѣ должны были обратиться въ дѣльныхъ, работящихъ людей; онъ разрѣшилъ продажу заповѣдныхъ имѣній и оказывалъ особенное покровительство торговлѣ, промысламъ и городамъ.

[1] Первый переводъ Тиндаля сожженъ въ 1530 г., послѣ чего онъ издалъ другой, который въ свою очередь возбудилъ негодованіе. Несчастный переводчикъ бѣжалъ, но въ 1536 г. былъ схваченъ въ Вильворденѣ, въ Брабантѣ, и сожженъ.

статейнымъ постановленіемъ предписалъ подъ страхомъ смертной казни соблюденіе церковнаго безбрачія, устной исповѣди, иноческихъ обѣтовъ, обычая совершать литіи, догмата пресуществленія и недопущенія мірянъ до чаши.

§ 502. Генрихъ VIII такъ же тираннически игралъ жизнію своихъ подданныхъ и своихъ женъ, какъ и религіознымъ сознаніемъ народа. Когда казнь Фишера и Мора и кровавое гоненіе картузіанцевъ и другихъ приверженцевъ папизма вызвало месть римскаго двора, и короля съ его клевретами поразила страшная анаѳема, которую обнародовалъ королевскій родственникъ, кардиналъ Реджинальдъ Поль, тогда Генрихъ велѣлъ схватить осьмидесятилѣтнюю его мать, послѣднюю отрасль славныхъ Плантагенетовъ, и всѣхъ друзей кардинала, и предать ихъ смерти, кого на плахѣ, кого на висѣлицѣ. Въ сѣверной части королевства неудовольствіе по поводу закрытія монастырей побудило сельскій людъ къ возстанію, и сами иноки явились во главѣ такъ-называемыхъ «дружинъ благодати»; король приказалъ сдавать аббатовъ и иноковъ во всемъ орденскомъ облаченіи на расправу палачу. Безпутный деспотизмъ Генриха особенно обнаружился въ поступкахъ его съ своими женами. Едва отвергнутая имъ Катерина умерла съ тоски и горя въ дали отъ двора, какъ и соперница ея Анна Болинъ, ставъ жертвою злобной клеветы, была обезглавлена въ Тоуэрѣ по приказанію своего ревниваго и уже пылавшаго новою страстью мужа (19 мая 1536). Третья супруга, юная, кроткая Іоанна Симоръ, умерла черезъ нѣсколько дней по разрѣшеніи отъ бремени слабымъ сыномъ Эдуардомъ (1537); тогда Генрихъ, уступивъ убѣжденіямъ канцлера своего Кромвеля и соблазнясь портретомъ работы живописца Гольбейна, посватался на нѣмецкой принцессѣ Аннѣ Клевской (1540). Но ни наружность ея, ни характеръ не понравились женолюбивому королю. Самый ничтожный предлогъ послужилъ къ разрыву и этого брака, вслѣдствіе чего Кромвель впалъ также въ немилость и лишился головы. Пятая жена Генриха, Катерина Ховардъ, сохранила и въ замужствѣ расположеніе къ своему прежнему возлюбленному и поплатилась за неосторожность на эшафотѣ, и если послѣдняя королева, Катерина Парръ (1542), не стала

жертвою своего усердія къ реформаціи, то этимъ она была обязана необыкновенно хитрому уму. Со времени Нерона и Домиціана едва ли какой-нибудь монархъ отдавался до такой степени внушеніямъ своей деспотической натуры, кровожадныхъ страстей и необузданнаго произвола [1]. На смертномъ одрѣ онъ отдалъ еще приказъ казнить вѣрнаго католицизму герцога Норфокскаго (Norfolk) и великодушнаго, рыцарственнаго его сына, графа Соррея.

§ 503. Эдуардъ VI (1547—53) былъ девятилѣтнимъ отрокомъ когда умеръ его отецъ; поэтому до наступленія его совершеннолѣтія Генрихъ поручилъ государственныя дѣла правительственному совѣту, въ которомъ преобладающій вѣсъ вскорѣ получили дядя Эдуарда по матери, герцогъ Сомерсетъ, и архіепископъ Кранмеръ. Первый, возведенный въ званіе протектора (блюстителя) Англіи, мало-по-малу присвоилъ себѣ всю власть и благопріятствовалъ церковной реформѣ, которую другъ его Кранмеръ вводилъ умѣренно и осторожно.

Парламентскимъ постановленіемъ отмѣненъ такъ-называемый «кровавый статутъ», но король вторично признанъ верховнымъ главою церкви и ему предоставлено назначеніе епископовъ. Распространеніемъ англійской библіи, книгою проповѣдей, сочиненныхъ самимъ Кранмеромъ, и катехизисомъ, по Лютерову образцу, постепенно пріучали народъ къ употребленію отечественнаго языка въ дѣлахъ вѣры, а между тѣмъ, подъ руководствомъ архіепископа, многими богословами составленъ былъ изъ старыхъ литургическихъ книгъ всеобщій молитвословъ и обрядникъ (book of common prayer), утвержденый парламентомъ и опредѣлившій литургическую часть богослуженія. Прежняя месса была вытѣснена причащеніемъ подъ обоими видами; устраненіе безбрачія священниковъ и сочиненное при содѣйствіи иноземныхъ богослововъ (каковы Мартинъ Буцеръ и Петръ Мàртиръ) исповѣданіе въ 39 статьяхъ водворило англиканскую церковь въ ряду протестантскихъ, хотя сохраненіе епископальнаго устройства и іерархіи духовныхъ чиновъ, равно какъ употребленіе многоцвѣтныхъ ризъ при богослуженіи, догматъ объ апостольскомъ преемствѣ епископовъ, соединенное съ епископскимъ саномъ

---

[1] Въ послѣднемъ Генрихъ превосходилъ даже Іоанна Грознаго.

право рукоположенія и другіе обряды и установленія напоминали еще древнюю церковь. Новое церковное право Англіи, равно какъ и вся англиканско-католическая церковь, заняли средину между римско-католическою и протестантскою церковью материка. — Хитрый прелатъ Гардинеръ, епископъ винчестерскій, досадовавшій на то, что ему не дали участія въ правленіи, и рьяный лондонскій епископъ Боннеръ оспоривали у правительственнаго совѣта право предпринимать церковныя преобразованія въ малолѣтство короля; за это они лишились своихъ мѣстъ и содержались подъ стражей.

§ 504. Марія Тюдоръ. Властолюбіе и крутость Сомерсета раздражили противъ него остальныхъ членовъ регентства, а стараніе его облегчить положеніе крестьянъ, страшно тѣснимыхъ новыми владѣльцами прежнихъ монастырскихъ имѣній, навлекло ему ненависть аристократіи. На него возстала сильная партія, которая кознями и заговорами сначала приготовила ему паденіе, а потомъ и смертную казнь (1552). Мѣсто его занялъ глава этой партіи честолюбивый Варвикъ, который съ титуломъ герцога Нортомберландскаго управлялъ и слабымъ королемъ и государствомъ такъ же неограниченно какъ и его предмѣстникъ. Для продленія своей власти онъ уговорилъ умирающаго Эдуарда отмѣнить распоряженіе, завѣщанное ему отцомъ, и вмѣсто католички, сестры своей, Маріи, назначить по себѣ наслѣдницей склонную къ реформѣ внуку Генриха VIII Іоанну Грей (9 — 20 іюля 1553), которая была замужемъ за Додлеемъ, сыномъ Нортомберланда. Но частію ненависть къ властолюбивому герцогу, частію привычное благоговѣніе къ законному престолонаслѣдію, подѣйствовали въ пользу Маріи (1553 — 58). Завѣреніемъ, что она никого не потревожитъ изъ-за религіозныхъ мнѣній, она тотчасъ привлекла на свою сторону народъ и овладѣла короной. Нортомберландъ умеръ на эшафотѣ; Додлей и благородная, классически образованная Іоанна Грей, столько же начитанная въ твореніяхъ Платона, какъ и въ Библіи, томились нѣсколько времени въ тюрьмѣ, пока и ихъ постигла та же участь. Іоаннѣ было только 17 лѣтъ, когда она сложила голову на плаху (1554). Среди житейскихъ страданій и заботъ душа ея стала чужда мягкимъ чувствамъ и нѣжнымъ впечатлѣніямъ. Ревность къ вѣрѣ наполнила ее такою силою, пе-

редъ которой смерть теряла свои ужасы, но она же внушила ей и глубокое озлобленіе противъ древней церкви. — Марія не сдержала своего первоначальнаго обѣщанія. Воспитанная въ католицизмѣ, за который терпѣла Катерина Арагонская, ея мать, и изъ-за котораго сама она провела безрадостную, полную лишеній молодость, мудрено ли что Марія жаждала доставить ему побѣду?

Она побудила парламентъ отмѣнить введенный при ея братѣ церковный порядокъ, лишила сана Кранмера и другихъ противившихся тому епископовъ и велѣла сжечь его въ Оксфордѣ вмѣстѣ съ двумя ревностнѣйшими его товарищами, Ридлеемъ и Латимеромъ. Ученый поборникъ папскаго главенства и заклятой врагъ ея отца, строившій противъ него ковы изъ Италіи, — однимъ словомъ кардиналъ Поль, былъ возведенъ на престолъ архіепископа кантерберійскаго и, въ союзѣ съ Гардинеромъ и Боннеромъ, которые получили опять свои мѣста, старался возвратить все къ прежнему порядку, возстановить папскую власть и искоренить ересь; во всѣхъ концахъ королевства запылали костры; толпы бѣглецовъ пустились за море и искали защиты у единовѣрцевъ въ Голландіи, Фрисландіи, Германіи (Страсбургѣ и Франкфуртѣ), Женевѣ и нѣмецкой Швейцаріи. Кто не являлся къ католическому богослуженію, тотъ подвергалъ опасности свою жизнь. Имя Боннера вписано кровавыми чертами въ религіозную исторію Англіи. Жестокое сердце его услаждалось страданіями и муками иновѣрныхъ. — Отобранныя въ казну церковныя имущества были возвращены назадъ, но розданное дворянамъ оставлено за ними, чтобы, въ противномъ случаѣ, они не помѣшали всему церковному возстановленію.

Когда Марія отдала руку строго-вѣрующему Филиппу Испанскому (1554), гоненіе еще болѣе возрасло. Но горесть при видѣ явнаго отвращенія къ ней супруга, меланхолія и ненависть къ людямъ вообще, сократили дни этой королевы. Она умерла въ то самое время, когда утѣшала себя тщетною надеждою, даровать народу католическаго наслѣдника престола (ноябрь 1558). Ненавистная ей сестра ея Елисавета, дочь злополучной Анны Болинъ, перешла теперь изъ прежняго жилища своего въ Тоуэрѣ, гдѣ среди горя и опасностей провела она кручинную молодость, прямо въ королевскій дворецъ; ей нельзя было оставить господства за той церковью, по правиламъ которой она считалась незаконною и не имѣю-

щею права на престолъ, и потому своимъ актомъ о церковномъ единообразіи она въ сущности опять возстановила реформацію, водворенную при Эдуардѣ (1562). Елисавета обладала повелительнымъ духомъ своего отца; поэтому кальвинисты-пуритане были у ней въ немилости.

§ 505. Шотландія. Вскорѣ по восшествіи на престолъ Елисаветы, новое ученіе одержало полную побѣду и въ сосѣдней Шотландіи. Долго стремившійся къ Евангелію народъ боролся съ дворомъ и духовенствомъ за драгоцѣнное благо свободы совѣсти. Король Іаковъ V вступилъ съ своимъ дядею Генрихомъ VIII въ открытую войну за папство и старую вѣру, и все счастіе жизни принесъ въ жертву своему убѣжденію. Потерявъ сраженіе, онъ умеръ въ мрачной тоскѣ, нѣсколько дней по рожденіи дочери своей, Маріи Стуартъ (1542), за которую управляла потомъ ея мать Марія Гизъ, отрасль знатнаго французскаго дома, ревностно преданнаго католичеству. Съ помощію Франціи дворъ и духовенство конечно могли подавить реформацію силой. Костры, тюрьмы и побѣги убавили ряды самыхъ мужественныхъ исповѣдниковъ и совершенно застращали робкихъ. Съ того дня, какъ погибъ въ пламени молодой вельможа Патрикъ Гамильтонъ (1527), ознакомившійся съ правилами новой вѣры во время ученыхъ занятій своихъ въ Германіи, до мученической смерти проповѣдника-ясновидца Вишарта, много кровавыхъ жертвъ пало за твердость въ старой вѣрѣ. Но мученичество служило самою могучею проповѣдью для суроваго, вдумчиваго и прямодушнаго народа. Кардиналъ Битонъ, первоначальникъ бо̀льшей части казней, палъ подъ ударами шайки заговорщиковъ въ своемъ собственномъ домѣ (1546), и хотя многіе изъ нихъ должны были поплатиться за это каторжною работой на французскихъ галерахъ, тѣмъ не менѣе, благодаря англійскому вліянію, Евангеліе, во время шаткаго регенства Маріи, успѣло и крѣпче укорениться и болѣе распространиться въ народѣ. Іоаннъ Ноксъ, примкнувшій къ убійцамъ Битона и раздѣлившій ихъ участь, воротился послѣ обильныхъ опытомъ странствованій на родину и соединилъ реформатовъ въ одну конгрегацію или общину Христову (1557). Началась трехлѣтняя, крайне переходчивая борьба. Регентша получала вспомогательныя войска изъ Фран-

ціи (гдѣ воспитывалась дочь ея, обрученная дофину, и гдѣ положено было основаніе роковой ея судьбѣ), а евангеликовъ поддерживала Англія съ тѣхъ поръ какъ Елисаветѣ пришлось оберегать отъ притязаній Маріи и корону свою и вѣру [1]. Равнодушный къ страданіямъ и радостямъ земной жизни, Ноксъ шелъ впереди ратующихъ дружинъ, подкрѣплялъ колеблющихся и вялыхъ силою своего суроваго краснорѣчія и самъ распоряжался поджогою монастырей и соборныхъ храмовъ. Наконецъ смерть регентши вручила нововводителямъ побѣду (1561). Парламентскимъ постановленіемъ въ Шотландіи водворены вѣроисповѣданіе, чинъ и синодальное устройство кальвинистской церкви, мисса и «идолослуженіе» католиковъ воспрещены подъ страхомъ лишенія жизни и собственности, и дворянству предоставлена бо̀льшая часть духовныхъ имуществъ, такъ что тронъ и новая церковь (названная въ послѣдствіи пресвитеріанскою по правильности своихъ старшинскихъ сборищъ) остались по прежнему бѣдны. Съ изувѣрнымъ вандальствомъ неистовствовали противъ монастырей, сокровищъ искусства и соборныхъ храмовъ.

7. Скандинавія. Польша. Венгрія.

§ 506. Послѣдній союзный король Христіанъ II. Христіанъ II (1512—23), государь хитрый и умный, но жестокосердый и мстительный, послѣ долгой борьбы былъ наконецъ признанъ союзнымъ монархомъ трехъ скандинавскихъ королевствъ (§ 403). Достигнувъ этой цѣли, онъ началъ стремиться къ утвержденію неограниченной власти королевской и къ пріумноженію своихъ коронныхъ доходовъ, и разомъ предпринялъ борьбу съ аристократіей, съ торговымъ владычествомъ ганзеатовъ и съ сильнымъ духовенствомъ.

Въ Швеціи, дѣйствуя заодно съ упсальскимъ архіепископомъ (Густавомъ Тролле) и опираясь на папское проклятіе, велѣлъ

---

[1] Марія Стуартъ была внукой Генриху VIII по отцу и, съ католической точки зрѣнія, имѣла болѣе правъ на англійскую корону, нежели Елисавета, дочь Генриха отъ непризнанной папою жены.

онъ казнить девяносто четырехъ вліятельнѣйшихъ членовъ знати,—что называется трехдневною стокгольмскою рѣзней (съ 8 ноября 1520),—и своими безпощадными кровопролитіями навелъ ужасъ всему краю. — Въ Даніи произвольными постановленіями нарушилъ онъ прежнія права дворянства, почтилъ своимъ королевскимъ довѣріемъ людей вышедшихъ изъ ничего (особенно бывшую зеленщицу Зигбриту[1], умную мать своей возлюбленной), но за то поднялъ изъ грязи среднее сословіе и крестьянство; чтобы сломить торговое преобладаніе Ганзы и дать ходъ туземной производительности, затруднилъ онъ привозъ и вывозъ товаровъ учрежденіемъ таможенныхъ преградъ, а для ослабленія духовенства благопріятствовалъ успѣхамъ реформы въ Даніи, въ то самое время какъ старался устранить ее отъ Швеціи, гдѣ духовенство было расположено къ господству Датчанъ.

Но вмѣсто того, чтобъ мѣрами такого рода утвердить свою власть и освободить ее отъ преградъ наложенныхъ избирательною капитуляціей, онъ только ускорилъ свое собственное паденіе и разрывъ Кальмарскаго союза. Побуждаемое Любчанами и опираясь на ихъ помощь, ютландское дворянство возстало противъ самовластнаго короля, избрало дядю его, Фридриха Шлезвигъ-Голштинскаго, и принудило Христіана бѣжать за границу (1523). Фридрихъ I былъ немедленно признанъ также Зеландомъ, Фюненомъ и Сканіей.

§ 507. Густавъ Ваза. Еще прежде рушилось кровавое господство Христіана въ Швеціи. Отважный юноша, Густавъ Эрихсонъ (т. е. Эриховичъ) Ваза, въ которомъ соединялись мужество и мудрость родственниковъ его, Стуровъ, былъ вопреки данному слову отправленъ заложникомъ въ Данію: вѣроятно Христіанъ II сообразилъ, что человѣка такихъ свойствъ не подклонить чужеземному игу. Вскорѣ однакожъ Густавъ нашелъ случай убѣжать въ Любекъ, гдѣ его не только взяли подъ защиту, но ободрили денежнымъ вспоможеніемъ и обѣщаніями освободить его отечество. Въ тотъ самый годъ 1520), когда стокгольмская рѣзня вездѣ распространила ужасъ, и владычество Датчанъ повидимому утвердилось проч-

---

[1] Зигбрита, родомъ Нидерландка, умѣла своими расказами о причинахъ и послѣдствіяхъ цвѣтущей торговли и промышленности на ея родинѣ, настроить деспотическаго короля къ покровительству рабочимъ классамъ.

нѣе чѣмъ когда-нибудь, Густавъ Ваза присталъ на купеческомъ кораблѣ къ родному берегу[1]. Среди тысячи опасностей и разнообразныхъ приключеній, благодаря своему личному безстрашію и вѣрной преданности своихъ земляковъ, избѣжалъ онъ преслѣдованій Христіана, хотя его клевреты гнались за нимъ по пятамъ, пока наконецъ нашелъ себѣ вѣрное убѣжище и помощь у суровыхъ Далекарловъ (обитателей сѣверной долины). Съ дружиною привычныхъ къ трудамъ и лишеніямъ крестьянъ овладѣлъ онъ Фалунью (1521), разбилъ войско архіепископа и его вѣрныхъ Датчанамъ союзниковъ, и взялъ Вестерѐсъ и Упсалу. Скоро слава его имени и обольстительный кличь свободы разлились по всему краю и привели къ нему многочисленныя толпы ратниковъ. Сеймъ въ Вадстенѣ назначилъ Густава Вазу правителемъ королевства и главнымъ воеводой; Любчане помогли ему войсками, артиллеріей, деньгами. Такимъ образомъ вѣсъ и власть его утвердились дотого, что датскій гарнизонъ въ Стокгольмѣ долженъ былъ покинуть Швецію и уступить поле сраженія сильному врагу. Въ то самое время какъ Христіанъ II искалъ на чужбинѣ помощи противъ Даніи, Густавъ Ваза, избранный на Стренгнесскомъ сеймѣ въ короли (6 іюня 1523), торжественно вступилъ въ свою столицу (23 іюня). Почти всѣ замки и крѣпости королевства добровольно отворили ему ворота, и въ Мальмё заключенъ между Даніею и Швеціею вѣчный миръ (1524) при посредничествѣ Любчанъ, которыхъ постоянную помощь Ваза пріобрѣлъ цѣною данныхъ имъ большихъ торговыхъ преимуществъ и льготъ. Кальмарскій союзъ былъ наконецъ совершенно расторгнутъ, но Швеція осталась покамѣстъ избирательною монархіей, и только двадцать лѣтъ спустя (1544) Вестересскій сеймъ установилъ наслѣдственность короны.

§ 508. Реформа въ Швеціи. Подъ слабымъ правленіемъ Датскихъ государей, коронныя имущества умалились дотого, что ежегоднымъ доходомъ едва покрывалась третья часть издержекъ по администраціи. Отъ дворянъ, которые съ завистью смотрѣли на внезапное возвышеніе ихъ ровни, Густава, нечего было ожидать помощи, а уси-

[1] Отецъ Густава погибъ въ стокгольмской рѣзнѣ.

лить налогъ съ бѣднаго крестьянскаго сословія было также невозможно. Чтожь оставалось (при отсутствіи значительнаго средняго класса), какъ не отнять излишекъ у могущественнаго духовенства, постоянно державшаго во время борьбы сторону Датчанъ [1], и введеніемъ реформаціи окончательно сокрушить духовную власть?Уставъ поступалъ при этомъ очень осмотрительно, чтобъ не вызвать ни какихъ народныхъ волненій. Онъ поручилъ братьямъ Олаву и Лаврентію Петровымъ (Петерсонамъ), которые учились въ Виттенбергѣ и такъ же взаимно дополняли другъ друга, какъ Лютеръ и Меланхтонъ, объяснять народу Евангеліе въ Лютеровскомъ смыслѣ, а на своего канцлера Лаврентія Андреева (Андерсона) возложилъ переводъ св. Писанія. Когда все было подготовлено къ рѣшительной перемѣнѣ, и преніемъ, открытымъ въ Упсалѣ подъ охраной короля (1526) показаны были основанія новой вѣры въ Писаніи, тогда на Вестересскомъ сеймѣ (1527), гдѣ присутствовали и выборные отъ городскаго и крестьянскаго сословій, церковныя имущества предоставлены въ распоряженіе короля. Дворянамъ польстили постановленіемъ, что они въ правѣ отыскивать судебнымъ порядкомъ тѣ имѣнія, которыя съ 1453 г. перешли изъ ихъ родовъ въ руки духовенства, и они сами содѣйствовали видамъ Густава. Опираясь на это опредѣленіе сейма, король началъ постепенно вводить реформацію въ цѣломъ краѣ, и отнявъ у церкви бо̀льшую часть доходовъ, присвоилъ ихъ казнѣ. Епископы, которые послѣ долгаго сопротивленія вынуждены были признать новый порядокъ, остались въ званіи земскихъ чиновъ и начальниковъ церкви, но въ зависимости отъ короля и ограниченные консисторіями. Возстанія въ пользу старой вѣры были подавлены силой. Частію церковныхъ колоколовъ выплачены долги Любчанамъ. Такимъ образомъ король успѣлъ смирить духовенство, но вскорѣ по его смерти гораздо сильнѣйшій противникъ трону явился въ лицѣ аристократіи, которой сила и богатство возрасли благодаря реформѣ.—Упрочивъ новую королевскую власть, Густавъ старался поднять положеніе всего края хорошими законами и учрежденіями. Онъ отмѣнилъ высокія преимущества Любчанъ (1536) и обложилъ ганзейскіе товары ввозною пошлиной; онъ развязалъ руки шведской торговлѣ, поощрялъ развитіе туземной производительности

[1] Едва ли нужно замѣчать, что такимъ антинаціональнымъ направленіемъ духовенство должно было уронить себя во мнѣніи народа и подготовить свое собственное паденіе. Иначе разсчетливый король не отважился бы на борьбу съ его властью.

призывомъ иностранныхъ мастеровъ и художниковъ и наконецъ заключилъ выгодный торговый трактатъ съ Англіей и Нидерландами. Въ благодарность за его заслуги шведскіе чины объявили корону наслѣдственною въ мужскомъ колѣнѣ Вазы. Но по несчастію любовь къ дѣтямъ соблазнила Густава нарушить недѣлимость королевства. Старшему сыну его Эриху XIV досталась корона, а прочимъ сыновьямъ даны были подъ его рукой обширные удѣлы въ видѣ княжествъ [1]. Іоаннъ получилъ великое княжество Финляндію, Магнусъ — Восточную Готландію, Карлъ — Зюдерманландію.

§ 509. Реформація въ Даніи. Изгнанный Христіанъ II прибѣгнулъ за помощью къ лютеранскимъ государямъ Германіи; но немногія наемныя войска, которыя были ему даны, оказались безсильны противъ Фридриха (1523—33), который подобно Густаву Вазѣ устроилъ постоянное ополченіе и получалъ всѣ возможныя пособія отъ ганзейскихъ городовъ. Тогда Христіанъ отступилъ опять къ старой церкви, чтобы добыть помощи у папы и императора, своего шурина, между тѣмъ какъ Фридрихъ, родственный съ Саксонскимъ домомъ, далъ реформѣ полную свободу въ Даніи. Но тутъ онъ дѣйствовалъ очень осторожно, такъ какъ въ силу рядной записи при его избраніи, епископамъ, дѣлившимъ съ дворянствомъ власть и богатство, формально обезпечены были ихъ права. Опираясь на склонный къ нововѣрію народъ, король настоялъ на сеймѣ въ Одензе (1527), чтобы протестантамъ предоставлено было гражданское равенство съ католиками, разрѣшенъ священническій бракъ и утверждена независимость епископскихъ выборовъ отъ Рима. Въ надеждѣ на возбужденныя этимъ опасенія датскаго духовенства и на негодованіе староверовъ въ Норвегіи, Христіанъ II предпринялъ оттуда новое нападеніе на Данію (1532), но попалъ въ плѣнъ и долженъ былъ томиться еще 16 лѣтъ въ темной башнѣ замка Зондерборга, не имѣя при себѣ ни кого, кромѣ одного норвежскаго карлика. Смерть Фридриха (1533) вызвала между двумя религіозными партіями сильную борьбу по поводу избранія новаго монарха. Наконецъ однакожь, съ помощью Густава Вазы, тронъ достался Фридрихову сыну, строгому лютеранину Христіану III (1534 — 59), послѣ того какъ рушился обширный планъ любскаго бургомистра

---

[1] Одна любовь къ дѣтямъ не навела бы Густава въ ту эпоху на подобную мысль, еслибъ выдѣлъ участковъ каждому изъ сыновей не былъ исконнымъ обычаемъ сѣверной Скандинавіи.

Юргена Вулленвебера, завоевать Данію ганзейскому союзу и запереть нидерландской торговлѣ Балтику (§ 481). Новый король завершилъ дѣло реформы. Епископы, взятые подъ стражу всѣ въ одинъ день (1536), купили себѣ свободу отказомъ отъ своихъ званій. Сеймъ, собравшійся въ Копенгагенѣ безъ участія духовенства, уничтожилъ политическія права церкви, а богатства ея подѣлили между собою дворяне и казна. Бугенхагенъ ввелъ церковное устройство, вполнѣ зависимое отъ правительства, однакожь съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ почетныхъ епископій. Въ Норвегіи (которая съ тѣхъ поръ, въ качествѣ провинціи, подчинена была датскому государственному совѣту) новая церковь водворена мирно самимъ свободнымъ крестьянствомъ той страны, послѣ того какъ архіепископъ дронтгеймскій убѣжалъ съ церковною казною (1537). Въ Исландіи епископская партія пала съ оружіемъ въ рукахъ (1550).

Благодаря реформаціи, дворянство дотого возрасло въ силѣ, богатствѣ и крайне стѣснительныхъ для королевской власти преимуществахъ, что преемники Христіана (Фридрихъ II 1559 — 88, Христіанъ IV — 1648, Фридрихъ III — 1670) были скорѣе исполнителями распоряженій аристократическаго государственнаго совѣта, нежели самостоятельными правителями независимаго королевства. Однакожь подъ ихъ энергическимъ вліяніемъ поднялись промышленность и благосостояніе края, торговое преобладаніе Ганзеатовъ было ограничено и ихъ республиканскому правленію въ Бергенѣ положенъ конецъ; въ крѣпости Кроненборгѣ (построенной Христіаномъ IV) всѣ проходившіе Зундомъ товары должны были платить пошлину. Голштинія расширилась покореніемъ Дитмарсовъ, но всѣ войны съ Швеціей оканчивались обыкновенно въ ущербъ Датчанамъ.

§ 510. Швеція при сыновьяхъ Густава Вазы. Подъ державою сыновей Густава Швеція пережила тяжкія времена. Эрихъ XIV (1560—68), пріобрѣтеніемъ Эстляндіи положившій начало господству Шведовъ на восточномъ берегу Балтики, былъ дотого запальчивъ и бѣшенъ, что наконецъ впалъ въ совершенное помѣшательство. Въ этомъ состояніи перебилъ онъ собственною рукой многихъ членовъ благороднаго дома Стуре и заставилъ всѣхъ вельможъ опасаться подобной участи. Братья его Іоаннъ и Карлъ, которыхъ жизнь и собственность подвергались посягательствамъ короля, терзаемаго мрачными подозрѣніями и завистью, наконецъ составили противъ

него заговоръ, вслѣдствіе котораго Эрихъ былъ низведенъ съ престола въ темницу, и тамъ послѣ многихъ претерпѣнныхъ оскорбленій умеръ отъ яда, поданнаго ему по приказанію брата и преемника его, Іоанна III (1568 — 92). Это былъ ограниченный государь, чрезвычайно шаткаго характера. Хотя онъ и принудилъ Данію Штеттинскимъ миромъ отказаться отъ притязаній ея на Швецію и утвердилъ свое господство на Балтійскомъ морѣ противъ Руси, однакожь безразсудною перемѣной вѣры навлекъ своему престолу сильныя бури внутри. Увлеченный своей супругою, польскою королевной, строго держашейся католичества, попытался онъ мало-по-малу возстановить древную форму вѣры, но попытка эта не удалась, встрѣтивъ въ народѣ сильную непріязнь къ католическимъ обрядамъ. Въ Стокгольмѣ жилъ подъ видомъ посла хитрый іезуитъ Поссевино и онъ-то окончательно убѣдилъ короля отступить отъ лютеранскаго исповѣданія и воспитывать своего сына въ правилахъ католицизма; но когда вторая жена Іоанна, преданная евангелическому ученію, начала дѣйствовать въ пользу протестантской церкви, король раскаялся въ прежнихъ своихъ поступкахъ, и іезуиты были изгнаны съ его согласія. — А чтобы при сынѣ и преемникѣ его, католикѣ Сигизмундѣ (1592—1600), который только что избранъ былъ на польскій престолъ, лютеранское исповѣданіе не подверглось новымъ посягательствамъ, собравшійся въ Упсалѣ синодъ (1593), по настоянію Карла Зюдерманландскаго, постановилъ, что введенное Густавомъ Вазою евангелическое ученіе есть господствующая въ краѣ вѣра. Сигизмундъ сталъ-было дѣйствовать вопреки этому, утвержденному имъ постановленію, но тогда состоялось новое рѣшеніе сейма, что евангелическо-лютеранская религія должна быть единою господствующею и исключительно терпимою въ Швеціи, и какъ въ то время Сигизмундъ возвратился уже въ Польшу, то правителемъ назначенъ былъ дядя его, Карлъ Зюдерманландскій. Недовольный этимъ распоряженіемъ, Сигизмундъ взялся за оружіе, но потерпѣлъ отъ дяди пораженіе при Стангебро (1598), послѣ чего собранный подъ вліяніемъ Карла сеймъ потребовалъ отъ короля, чтобъ онъ или отрекся отъ католичества и лично управлялъ своей отчиной,

или въ теченіе пяти мѣсяцевъ прислалъ въ Швецію своего сына для воспитанія его въ господствующей вѣрѣ края. Когда Сигизмундъ не исполнилъ этого требованія, то корона была вручена защитнику протестантизма, Карлу IX (1600 — 11), который домогался ея съ давнихъ поръ. Наслѣдіе престола обезпечили за потомствомъ Карла новымъ узаконеніемъ. Война съ Польшею, продолжавшаяся и при сынѣ его Густавѣ Адольфѣ, кончилась въ пользу Швеціи, которая къ своимъ балтійскимъ областямъ (Финляндіи, Эстляндіи и проч.) присоединила вскорѣ еще Ливонію и часть Пруссіи.

§ 511. Польша. Гонимые и спасавшіеся бѣгствомъ нововѣры разныхъ странъ находили убѣжище въ Польшѣ подъ покровительствомъ Сигизмунда-Августа II (1548—72) и нѣкоторыхъ вельможъ. Богемскіе братья (§ 366), Лютеране и реформаты основывали тамъ свои общины; въ Польшѣ терпимы были даже и тѣ, чьи воззрѣнія отвергались и Лютеромъ и Кальвиномъ (какъ наприм. Социніане, § 448). Послѣ продолжительной борьбы всѣ противники римско-католической церкви, обозначаемые именемъ диссидентовъ (отщепенцевъ, разномыслящихъ) согласились на сандомирскомъ синодѣ (1570) принять одно общее исповѣданіе вѣры, котораго неопредѣленныя формы предоставляли довольно простора мелкимъ разностямъ ихъ ученія. Послѣ Сигизмунда Августа II, съ которымъ пресѣклось въ Польшѣ мужское колѣно Ягеллоновъ, наступило бурное междуцарствіе, пока наконецъ согласились въ выборѣ короля, и этотъ выборъ палъ на французскаго принца, Генриха Анжуйскаго (§ 536). Во время этого междуцарствія состоялся религіозный договоръ (pax dissidentium), въ силу котораго между католиками и диссидентами положено быть вѣчному миру и обѣимъ сторонамъ пользоваться равными гражданскими правами, но епископствамъ и доходнымъ церковнымъ должностямъ оставаться за католическою партіей. Утвержденіе этого мира вошло однимъ изъ условій въ избирательную рядную запись, которую клятвенно обѣщалъ соблюдать Генрихъ Анжуйскій, а послѣ его тайнаго побѣга и послѣдовавшаго за тѣмъ смѣщенія, — Стефанъ Баторій Седмиградскій (1575). Но уже при Сигизмундѣ III Шведскомъ (1587—1632, § 510) католическая партія усилилась, благодаря тѣмъ приманкамъ, которыми корона и церковь могли завлекать особенно высшее дворянство, между тѣмъ какъ многіе диссиденты, недовольные общимъ исповѣданіемъ возобновили по прежнему внутреннія разногласія. Народъ,

погруженный въ грубое варварство мало принималъ участія во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ; поэтому реформація и не явилась здѣсь источникомъ высшаго образованія и обновленнаго политическаго устройства. Долговременное и слабое правленіе Сигизмунда было для Польши бѣдствіемъ. Раздѣленное крамолами дворянство забыло покорность и уваженіе къ закону и расширило свои привилегіи насчетъ существенныхъ правъ короны. Разорительныя войны съ Швеціей, Россіей и Турціей мѣшали успѣху всѣхъ попытокъ къ улучшеніямъ, и то, что Польша пріобрѣла отъ Русскихъ на востокѣ (Смоленскъ, Сѣверскія княжества и проч.), далеко не вознаграждало ее за утрату прибалтійскихъ областей, которыя она вынуждена была уступить Швеціи.

§ 511 б. Венгрія и Австрійскія владѣнія. Уже при Фердинандѣ I (1556—64), который подъ-конецъ не мѣшалъ распространенію новой вѣры въ своихъ владѣніяхъ, реформація нашла себѣ здѣсь приверженцевъ; но число ихъ значительно возрасло при кроткомъ, благомыслящемъ Максимиліанѣ II (1564—76), который предоставилъ полную свободу совѣсти и вѣры, какъ дворянству, особенно расположенному къ новому ученію, такъ и городамъ, не заботясь о неудовольствіи папы и клеветахъ католическихъ ревнителей, у которыхъ онъ прослылъ тайнымъ протестантомъ. Скоро въ Австріи, Каринтіи и Стиріи возникли протестантскія церкви. — Еще быстрѣе были успѣхи реформы въ Венгріи, куда рано проникло лютеранское ученіе, отчасти черезъ туземцевъ, воспитывавшихся въ Виттенбергѣ, отчасти черезъ нѣмецкія войска, поддерживавшія притязанія Габсбурговъ на венгерскую корону. Хотя избранный и коронованный (1527), но все еще не твердый въ обладаніи краемъ, Фердинандъ осторожно избѣгалъ пріумножить число своихъ противниковъ строгостью къ магнатамъ, склоннымъ къ нововѣрію. Онъ даровалъ дворянству и городамъ свободу совѣсти и церковныя права, которыя были еще распространены при Максимиліанѣ. Нѣмцы въ Венгріи держались большею частію Аугсбургскаго исповѣданія; между Мадьярами многочисленныхъ приверженцевъ находилъ себѣ кальвинизмъ къ великому ущербу добраго согласія и мира, которые и безъ того были чужды этой странѣ, раздираемой крамолами дикихъ партій и разоряемой полчищами проходившихъ здѣсь непріятельскихъ войскъ. — Въ Трансильванію Лютеровы сочиненія привезены германштадтскими купцами съ лейпцигской ярмонки (1521). Послѣ многихъ гоненій всѣ саксонскія общины того края пристали къ Аугсбургскому исповѣданію (1544). На Клаузенбург-

скомъ сеймѣ (1555) Трансильваніи дарована полная свобода совѣсти. Когда императоръ Рудольфъ II вздумалъ ее ограничить. воевода Трансильванскій, Стефанъ Ботскай, сильный союзомъ съ Турками, взялся за оружіе для возстановленія политической и религіозной свободы и завоевалъ себѣ Вѣнскій миръ (1606), по которому въ Венгріи и Трансильваніи допущено свободное распространеніе аугсбургскаго и гельветическаго исповѣданій. — Въ Богеміи Лютеране и утраквисты пережили поднятое на нихъ Фердинандомъ гоненіе (§ 489). При Максимиліанѣ число ихъ возрасло, и даже состоявшій подъ церковнымъ вліяніемъ Рудольфъ II (1576—1512), тѣсня евангеликовъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, ограничивъ свободу вѣры однимъ дворянствомъ и насильственно запрещая протестантское богослуженіе, былъ наконецъ вынужденъ, рескриптомъ отъ 11 іюля 1609 г., предоставить евангелическимъ чинамъ Богеміи религіозную свободу и равноправность съ католиками, и дать имъ особыхъ дефенсоровъ или защитниковъ для охраненія ихъ правъ (§ 561).

Б. ЭПОХА ПРОТИВОДѢЙСТВІЯ РЕФОРМѢ.

—

I. Католическія церковныя дѣла.

А) ОРДЕНЪ ІЕЗУИТОВЪ.

§ 512. Учрежденіе ордена. Иниго (Игнатій) де-Лойола, сынъ бѣднаго испанскаго дворянина изъ Баскскихъ горъ, при геройской оборонѣ Пампулуны отъ Французовъ (1521), получилъ тяжелую рану и долго лежалъ больной. Чтеніе Житій святыхъ во время медленнаго и мучительнаго леченія породило въ немъ внутренній призывъ, «подобно св. Франциску, путемъ земной скудости обрѣсти небесное богатство». Въ часовнѣ Пресвятой Дѣвы въ Монтсерратѣ, которой чистому служенію онъ посвятилъ себя какъ рыцарь, повѣсилъ онъ свой мечъ и кинжалъ, опоясался веревкою и пошелъ къ Святымъ Мѣстамъ на поклоненіе. Прося милостыни, совершалъ онъ этотъ путь среди лишеній и самоистязаній, которыя извели его тѣло; ежедневною семичасовою молитвой онъ поддерживалъ въ себѣ пылъ набожности и удалялъ

отъ себя всѣ соблазны. Утоливъ жажду сердца пламенною молитвой при гробѣ Господнемъ, онъ попалъ на мысль сдѣлаться учредителемъ новаго ордена. Съ неимовѣрною настойчивостью пріобрѣталъ онъ недостававшее ему образованіе сперва въ Саламанкѣ, а когда его потревожила здѣсь инквизиція, озабоченная его ревностными усиліями къ обращенію заблудшихъ, онъ переселился въ Парижъ. Прилежно изуучалъ онъ здѣсь богословскіе и философскіе предметы и, окончивъ университетскій курсъ (1534), поклялся съ шестью товарищами надъ освященными Дарами, не только соблюдать обычные иноческіе обѣты (нищету, цѣломудріе, послушаніе), но и съ безусловной вѣрою и покорностью стремиться именно къ той жизненной цѣли, какую предназначитъ имъ святой отецъ. На слѣдующій годъ Игнатій пустился черезъ Испанію, гдѣ чтили его какъ святаго, въ Италію, чтобы по уговору сойдтись съ товарищами въ Венеціи. Подвиги покаянія и проповѣди, уходъ за больными и успѣшныя обращенія доставили имъ великую славу прежде чѣмъ они успѣли броситься къ ногамъ папы въ Римѣ и просить его объ утвержденіи ихъ ордена. По нѣкоторомъ колебаніи Павелъ III согласился на ихъ мольбу и одобрилъ на представленныхъ ими основаніяхъ общество Іисуса (1540). Игнатій сдѣлался первымъ орденскимъ генераломъ; но не ему, а умному его преемнику, Испанцу Лейнесу († 1564), обязанъ іезуитскій орденъ своею хитро-разсчитанною организаціей. У Игнатія пылкая фантазія заполонила разсудокъ; въ своей религіозной возбужденности, онъ могъ сообразить только ближайшее; вся жизнь его была посвящена уходу за больными, обученію дѣтей, заботѣ о спасеніи душъ; духовные подвиги и умерщвленіе всѣхъ плотскихъ влеченій были средоточіемъ его порывовъ. Онъ скончался 1556 г. Первымъ нѣмецкимъ іезуитомъ былъ Петръ Канизій, ревностно преслѣдовавшій цѣли ордена въ Кёльнѣ и въ Вѣнѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1597 г.

§ 513. Устройство ордена было военно-монархическое. Главѣ этого рыцарства вѣры, генералу въ Римѣ, окруженному совѣтомъ ассистентовъ, подчинялись областные начальники, или провинціалы, а отъ нихъ, чрезъ старшинъ (superiores) и ректоровъ, шелъ цѣлый рядъ степеней въ точно-опредѣленномъ чиноначаліи, будто въ войскѣ, нисходя до послѣдняго изъ братьевъ ордена. Повиновеніе и строгая подчиненность были его душой. Всѣ чины находились подъ бдительнѣйшимъ надзоромъ. Поступавшіе въ орденъ выдерживали напередъ долгій и тягостный искусъ, въ теченіе котораго тщательно

изслѣдовались свойства и наклонности каждаго новобранца, для того чтобы назначить ему самый соотвѣтственный кругъ дѣятельности. Только немногіе избранные достигали степени профессовъ, изъ которыхъ выходили старшины; большинство дѣйствовало въ качествѣ коадъюторовъ (помощниковъ), не зная глубочайшихъ пружинъ великой машины, въ которой они играли роль колесъ. Вступавшій долженъ былъ разорвать всѣ узы, связывавшія его съ міромъ, считать орденъ за отечество и начальниковъ своимъ Провидѣніемъ. Этимъ достигалась та цѣль, что одна неизмѣнная воля управляла цѣлымъ союзомъ во всѣхъ частяхъ свѣта. — Общество іезуитовъ и ихъ дѣятельность въ короткое время сильно распространились. Папская курія не только даровала имъ всѣ привилегіи нищенствующихъ монаховъ, но и предоставила имъ пользоваться разрѣшеніями (dispensationes) отъ обязанностей всякаго рода, такъ что члены могли проникать во всѣ житейскія отношенія и дѣйствовать ни чѣмъ не стѣсняясь вездѣ и всегда, а чтобы цѣль союза отнюдь не могла потерпѣть ущерба отъ побочныхъ стремленій, то іезуиты сами лишили себя права занимать какія бы то ни было постоянныя церковныя должности. Занятія членовъ были разнообразны и распредѣлялись по способностямъ и направленіямъ каждаго лица. Одному предоставлялась благочестивая иноческая жизнь, другіе руководили обученіемъ юношества, самые хитрые и тонкіе искали вліятельной дѣятельности при дворахъ и въ чертогахъ, пламенные витіи дѣйствовали въ качествѣ проповѣдниковъ такъ-называемой внутренней миссіи, а ревнители вѣры отправлялись для обращенія язычниковъ въ другія части свѣта.

Языческая миссія. Въ Индіи, Китаѣ, Японіи (св. Ксаверій), на остр. Цейлонѣ, на другихъ Индійскихъ островахъ и въ Африкѣ завели они религіозныя учрежденія и доставили папѣ много новообращенниковъ; въ Южной Америкѣ они основали особое государство (Парагвай) и, кромѣ того, стали сильны числомъ и могуществомъ въ Бразиліи и Испанскихъ колоніяхъ. Вездѣ умѣли они искусно соединять духовное съ мірскимъ. Торговыми предпріятіями умножили они свое богатство, которое выставляли на показъ въ великолѣпныхъ, но далеко не изящныхъ храмахъ. Въ послѣдствіи эти мѣры къ распространенію католичества по ту сторону океана получили себѣ болѣе правильное руководство и всегдашній источникъ пособій въ конгрегаціи de propaganda fide (т. е. обществѣ для распространенія вѣры) въ Римѣ и въ коллегіи пропаганды.

§ 514. Правила и дѣятельность iезуитовъ. Главною цѣлью ордена были борьба съ протестантизмомъ и подавленiе той свободы мысли, которая проникла чрезъ реформацiю въ народъ. Къ этой цѣли iезуиты стремились различными путями: убѣжденiемъ и соблазнами старались они возвратить новохѣровъ къ древней церкви; исповѣдь и соединенныя съ ней увѣщанiя должны были направлять государей и другiя влiятельныя лица къ противодѣйствiю реформацiи и къ ограниченiю религiозной свободы, а забирая въ руки обученiе юношества они хотѣли влiять на вѣру молодыхъ поколѣнiй и сообщать извѣстное направленiе ихъ уму. Исповѣдальня и аудиторiя были главнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности: въ первой подвизались они для настоящаго, во второй для будущаго; отказы и дары, которые умѣли они выманивать на исповѣди, часто служили для основанiя учебныхъ коллегiй и семинарiй. Богатство ордена облегчало основанiе и поддержку iезуитскихъ заведенiй, которыя, при обильныхъ средствахъ, не щадили въ дѣлѣ обученiя ничего и такимъ образомъ привлекали къ себѣ многихъ нуждающихся и небогатыхъ. Если, въ противоположность нищенскимъ орденамъ среднихъ вѣковъ, они основывали свою дѣятельность не на одномъ монастырскомъ благочестiи и не на одномъ усердiи къ вѣрѣ, то здѣсь ихъ руководила та вѣрная мысль, что именно умственное отупѣнiе и невѣжество чернаго духовенства и содѣйствовали всего болѣе успѣху реформацiи, и что поэтому противъ новой вѣры и новаго сознанiя можно было успѣшно бороться только подъ условiемъ — соотвѣтствовать духовнымъ потребностямъ вѣка, но при этомъ давать образованiю иное, менѣе опасное направленiе и иную форму; вотъ почему iезуиты покинули устарѣвшiй схоластицизмъ, но съ другой стороны наложили на умъ новые, не менѣе стѣснительные путы. И точно такъ же, какъ по своимъ цѣли и стремленiю iезуитскiй орденъ явился нарушителемъ религiознаго мира, а по своему преподаванiю врагомъ свободы духа и просвѣщенiя народнаго, такъ точно съ своею опасною моралью онъ выступилъ губителемъ довѣрiя и вѣрности и распространителемъ коварныхъ и обманчивыхъ началъ. Выработанное въ 15 вѣкѣ отвратительное казуистическое ученiе, что цѣль освящаетъ средство и что данныя слова и клятвы не имѣютъ ни какой силы, если произносящiй ихъ держитъ при томъ иное на умѣ (такъ-называемая мысленная оговорка, reservatio mentalis), — это ученiе, возмутительное для всякаго человѣческаго и христiанскаго чувства и попирающее всякое уваженiе къ

правамъ, іезуиты примѣняли на дѣлѣ безсовѣстнѣйшимъ образомъ. Самое цареубійство, если черезъ него оказывалась услуга церкви, находило у нихъ оправданіе; вотъ почему современники и приписывали ихъ внушеніямъ смерть Генриха IV и Вильгельма Оранскаго, равно какъ и посягательства на жизнь королевы Елисаветы. Хитрость и насиліе, казни и измѣна, клеветы и свары считались у нихъ дозволенными средствами, если дѣло шло о томъ, чтобъ нанести ущербъ правамъ протестантовъ и возвратить въ лоно церкви слабыхъ или угнетаемыхъ. Мирное сожительство разныхъ исповѣданій было ими дѣйствительно возмущено; оттого и тяготѣла на нихъ ненависть народовъ, оттого и лежало на нихъ бремя проклятій тѣхъ семействъ, чье спокойствіе они подкопали. Ихъ великая всемірно-историческая дѣятельность властвовала надъ католическою Европой слишкомъ два вѣка, не смотря на зависть прочихъ духовныхъ орденовъ и на подозрѣнія нѣкоторыхъ правительствъ.

§ 515. Учебная и образовательная часть. Преподаваніе іезуитовъ имѣло цѣлію не развитіе юношескаго ума къ самостоятельному мышленію и не образованіе способности понять и обсудить все важное для человѣка, но лишь внѣдреніе познаній, приложимыхъ въ обиходѣ практической жизни. Это скорѣе была дрессировка, нежели образованіе. Питомцы іезуитовъ приспособлялись дѣйствовать въ томъ званіи и быту, которые были указаны имъ судьбою, занимать тотъ постъ, на который ихъ ставили, и удовлетворять своему назначенію въ качествѣ хорошихъ клириковъ, учителей, чиновниковъ или промышленниковъ, не заботясь о томъ, что было выше или внѣ этой спеціальной сферы. Свобода ума казалась имъ дѣломъ опаснымъ, да и безполезнымъ. Поэтому всѣ науки были втѣснены въ опредѣленную, строго-ограниченную форму; мысль, стремившаяся проникнуть далѣе, считалась грѣховною. Всѣ религіозные догматы, обряды и учрежденія римской церкви поставлялись выше всякаго сомнѣнія, какъ божественныя истины, которыхъ точное исполненіе — единственный путь, ведущій къ небу; философія была у нихъ формулистикой, опутывавшей умъ, вмѣсто того чтобъ возбуждать его къ размышленію; исторія являлась хронологическимъ сопоставленіемъ минувшихъ событій, а не живою картиной жизни народовъ; характеры людей, ихъ идеи и стремленія обсуживались здѣсь только по (одностороннему) масштабу римской церкви. Умѣнье говорить по латини было необходимымъ отличіемъ всякаго образованнаго; но чтобы при этомъ свободный духъ

древности не закрался какъ-нибудь въ юношеское сердце, классиковъ читали не вполнѣ, а только въ извлеченіяхъ или въ изувѣченномъ (очищенномъ) видѣ. Іезуиты основывали свою систему воспитанія на нечистыхъ побужденіяхъ и позывахъ человѣка. — на честолюбіи, эгоизмѣ, самомнѣніи; вмѣсто того чтобъ мягкое, воспріимчивое сердце юноши открывать человѣколюбивымъ стремленіямъ, они наполняли его узкой ненавистью сектаторства; вмѣсто того чтобъ поселять между воспитанниками чувства довѣрія, дружбы, братской любви, они, поощряя взаимное соглядатайство и ябедничество; расточая строгія замѣчанія и неумѣстныя похвалы, старались возбудить недовѣріе, зависть и злорадство. Ихъ дѣятельность была тѣмъ обширнѣе и вѣрнѣе, что, чуждые всего идеальнаго, они стояли на почвѣ дѣйствительной природы человѣка, которая, конечно, болѣе тяготѣетъ къ землѣ, чѣмъ стремится къ небу (т. е. къ свободѣ отъ всякаго невольнаго тяготѣнія). Кто для достиженія своей цѣли употребитъ въ дѣло человѣческія недостатки и слабости, тотъ конечно пойдетъ вѣрнѣе чѣмъ другой, разсчитывающій на доблесть и благородство; но воспитаніе, пользующееся этимъ печальнымъ обстоятельствомъ для того, чтобы воздѣлкою слабости человѣческой тѣмъ вѣрнѣе властвовать надъ питомцемъ, тѣмъ болѣе пріучить его къ безусловному повиновенію, — такое воспитаніе стоитъ на дурной основѣ. Какъ бы оно ни старалось помощію строгой дисциплины устранить всѣ наружныя шалости, сломить строптивое упорство молодежи, развить въ ней сноровку и податливость для всѣхъ возможныхъ отношеній и случаевъ — оно никогда не достигнетъ главной цѣли всякаго истиннаго воспитанія, оно не облагородитъ человѣка. Такимъ образомъ, именно въ воспитаніи, приведенномъ къ правильной и послѣдовательной системѣ педагогическимъ планомъ Аквавивы (1584), іезуитскій орденъ обнаружилъ болѣе чѣмъ во всѣхъ прочихъ своихъ предпріятіяхъ тонкое соображеніе обстоятельствъ и умѣнье пользоваться человѣческою природой съ ея слабой, недостаточной стороны.

б) ТРИДЕНТИНСКІЙ СОБОРЪ.

§ 516. Уже дважды открывался настойчиво требуемый церковный соборъ (1546—48, 1551—52), а все не достигалъ предположенной цѣли. Великія политическія событія заставили на нѣкоторое время позабыть о немъ; но по заключеніи Аугсбургскаго религіознаго мира и

по окончаніи французско-испанскихъ войнъ (1559) миромъ въ Шато-Камбрезй (§ 520) настоянія — довершить начатое дѣло возобновились еще неотступнѣе, такъ что папа Пій IV, преодолѣвъ свое внутреннее противоборство, указалъ еще разъ открыть засѣданія 8 января 1562 г. Этимъ начался третій періодъ Тридентинскаго собора. Дѣлопроизводство находилось въ рукахъ папскаго легата; рѣшенія постановлялись большинствомъ голосовъ присутствующихъ епископовъ и орденскихъ старшинъ, при чемъ многочисленнѣйшіе Итальянцы отстаивали папскіе интересы противъ оппозиціи испанскихъ и французскихъ епископовъ. Отчасти благодаря этому обстоятельству, отчасти чрезъ переговоры съ разными дворами и прелатами римская партія одержала полную побѣду. Послѣ 25 засѣданія соборъ внезапно былъ объявленъ закрытымъ; затѣмъ папа утвердилъ его постановленія, но толкованіе ихъ предоставилъ исключительно римскому престолу. Постановленія эти составляютъ съ тѣхъ поръ основаніе католической церкви. Они были безусловно приняты въ большей части итальянскихъ государствъ, также въ Португаліи, въ Польшѣ и въ императорскихъ владѣніяхъ; въ Неаполѣ, въ Испаніи и въ Бельгіи—съ оговоркою въ пользу неприкосновенности королевскихъ правъ, во Франціи — только по отношенію ихъ къ вѣрѣ. На ходъ Тридентинскаго собора (въ которомъ католики видѣли свою реформацію) несомнѣнно подѣйствовало то движеніе, изъ котораго возникъ протестантизмъ. Къ числу его вліятельнѣйшихъ ораторовъ принадлежали іезуитскій генералъ Лейнесъ и французскій кардиналъ Лотарингскій (Гизъ).

Въ постановленіяхъ о вѣрѣ Тридентинскій соборъ держался сохранившихъ свою силу догматовъ, выработанныхъ въ средніе вѣка; но подвергнулъ ихъ пересмотру и облекъ въ возможно широкія формы и неопредѣленныя выраженія, чтобы не вводить строгосовѣстливые умы въ неизбѣжныя сомнѣнія и соблазны. Такъ какъ на всѣ догматы положена была печать непогрѣшительности, то и присоединенная къ каждому изъ нихъ анаѳема всѣмъ тѣмъ, кто или отвергалъ ихъ или объяснялъ несогласно съ церковью, была естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ, хотя такая мѣра конечно еще болѣе усиливала рознь между различными вѣроисповѣданіями. При этомъ соборъ озаботился изложеніемъ очищеннаго нравоученія, о чемъ помышлялъ уже папа Адріанъ VI (§ 458), установилъ болѣе строгое церковное благочиніе, внушилъ епископамъ

обязанности ихъ сана, особенно надзоръ за подвѣдомыми клириками, возвратился кое въ чемъ къ древне-церковнымъ учрежденіямъ и устранилъ много злоупотребленій.

Тридентинскій соборъ былъ признанъ священнымъ знаменемъ католической церкви, а потому съ тѣхъ поръ уже не созывалось болѣе вселенскихъ соборовъ, и представительное устройство средневѣковой церкви должно было уступить мѣсто абсолютно-монархическому. Такимъ образомъ прегражденъ былъ путь всякому стремленію къ реформамъ и нововведеніямъ, и католицизму приданъ характеръ неизмѣняемости или нерушимаго постоянства (stabilitas), тогда какъ въ сущности протестантизма лежитъ начало дальнѣйшаго развитія и свободнаго изслѣдованія священныхъ книгъ. Католическая церковь имѣетъ за собой преимущество единства и неизмѣнности, она сохранила художественныя и поэтическія формы богослуженія и стоитъ въ независимомъ положеніи къ государству; церковь протестантская уступаетъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ старшей сестрѣ, но зато обладаетъ высокимъ благомъ свободы [1]; она господствуетъ въ области науки, и ей обязаны своимъ развитіемъ богословіе и философія новаго времени. Отъ католической церкви и ея главъ вышла идея абсолютной монархіи, тогда какъ протестантизмъ охотно дружился съ формами земскаго представительства.

в) РИМСКАЯ ІЕРАРХІЯ.

§ 517. Папы (ср. § 458). Между папами 16 вѣка были государи великихъ качествъ, отличавшіеся или стремленіемъ къ благу или дѣйствительно свершенными улучшеніями; только жестокосердіе ихъ къ отщепенцамъ помрачало эти достоинства. Павелъ III (1534 — 49), который своими денежными вспоможеніями въ Шмалькальденской войнѣ наложилъ бремя тяжкихъ долговъ на Церковную область и, потомъ, утвердилъ орденъ іезуитовъ, поручилъ однакожь нѣсколькимъ ученымъ и благочестивымъ кардиналамъ составить планъ преобразованія (1534), съ тѣмъ, чтобы устранить произволъ папской власти, искоренить неспособность и безнравственность клириковъ и исправить разное другое зло. Преждевременное оглашеніе этого плана и презрительныя Лютеровы насмѣшки на его счетъ остановили исполненіе. Послѣ Юлія

[1] То-есть, на сколько это совмѣстно съ ея зависимостью отъ государства.

III (1549 — 55) и кратковременнаго правленія Марцелла II, папская тіара досталась Павлу IV (1555 — 59). Въ лицѣ его на тронъ вступило мрачное воззрѣніе осьмидесятилѣтняго, сердитаго монаха. Его собственное жестокосердіе, и безпощадная строгость, съ какою инквизиціонный судъ каралъ по его волѣ всѣхъ подозрительныхъ, дотого раздражили народъ, что въ день смерти Павла, всѣ статуи его были изувѣчены и инквизиціонная палата сожжена. Жиды, которыхъ онъ заперъ въ Гетто (особую часть города) и страшно угнеталъ, примкнули къ разсвирѣпѣвшимъ толпамъ римской черни. Преемники его Пій IV (1559—65), завершитель Тридентинскаго собора, и Пій V (—1572) держались такихъ же мѣръ строгости относительно протестантовъ, а Григорій XIII (—1585), исправитель сборника каноническихъ законовъ и лѣтосчисленія (§ 550), получивъ извѣстіе о Варѳоломеевской ночи, приказалъ пѣть благодарственные молебны за истребленіе враговъ Спасителя. Знаменитѣйшимъ церковнымъ государемъ всего 16 вѣка былъ Сикстъ V (1585—90), который изъ бѣднаго мальчишки пастуха сдѣлался сперва францисканскимъ монахомъ, потомъ инквизиторомъ, кардиналомъ и наконецъ папою; этотъ энергически-властительный человѣкъ стремился не столько къ искорененію еретиковъ, сколько къ тому, чтобъ возвратить прежній блескъ значенію папства и поставить католическихъ государей въ ближайшую связь съ римскою куріей. Кромѣ того, онъ истребилъ бандитовъ, безпощадною, варварскою строгостью возстановилъ право и уваженіе къ закону, помогалъ бѣднымъ разумнымъ образомъ, оживилъ промыслы, далъ Ватиканской библіотекѣ ея обширные размѣры, напечаталъ разныя библейскія изданія (между прочимъ пересмотрѣнный, оффиціально признанный текстъ Вульгаты), извлекъ изъ развалинъ громадныя сооруженія древности (Колизей, Colosseo), на сколько они могли служить къ возвеличенію побѣды христіанства, и хотя рядомъ съ ними онъ возвелъ не совсѣмъ недостойныя ихъ постройки, хотя при этомъ онъ щедро надѣлялъ своихъ родныхъ (непотовъ [1]), но все-таки оставилъ по себѣ въ замкѣ св. Ангела большую казну, собранную посредствомъ займовъ и продажи должностей въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Его ненавидѣли и ругали, но ни современники, ни потомство не могли отказать ему въ своемъ удивленіи. Климентъ VIII (1592—1605) отличался болѣе кроткимъ нравомъ. Онъ даровалъ Франціи давно невѣдомый ей покой разрѣшеніемъ

[1] Отъ латинскаго nepos, племянникъ.

Генриха IV отъ анаѳемы[1], помирилъ его съ Испаніей и пріобрѣлъ Церковной области Феррару, гдѣ съ пресѣченіемъ дома Эсте угасъ и блескъ дворской жизни, облагороженной искусствомъ и наукою. Горделивый Павелъ V (1605 — 21) изрекъ анаѳему и интердиктъ Венеціи за то, что она отказала въ выдачѣ нѣкоторыхъ приговоренныхъ судомъ духовныхъ лицъ и не хотѣла отмѣнить законъ противъ пріумноженія церковной недвижимости. Монахъ Паоло Сарпи (§ 553) такъ успѣшно отстаивалъ права республики, что Римъ принужденъ былъ уступить. Григорій XV (1621 — 23) получилъ гейдельбергскую библіотеку въ вознагражденіе за суммы, которыми помогалъ онъ императору Фердинанду II въ войнѣ съ протестантами. Преемникъ его Урбанъ VIII (1623 — 44) видѣлъ не безъ удовольствія, что Шведы умалили преобладаніе австрійскаго дома въ Германіи, но отнюдь не терялъ при этомъ изъ виду интереса католической церкви.

§ 518. Новые ордены. Со времени Тридентинскаго собора въ римской церкви совершился великій поворотъ. Съ одной стороны были уничтожены многія злоупотребленія, и церковное благочиніе поддерживалось строже; зато съ другой всѣ свободнодышащія силы, которыя въ средневѣковой церкви достигали вольнаго проявленія, были теперь тщательно стрегомы и подавляемы. Недовѣріе легко высматривало себѣ опасныхъ враговъ вездѣ, и гдѣ два такихъ дѣятельныхъ учрежденія, какъ инквизиція и іезуитскій орденъ, наблюдали Аргусовскими глазами за каждымъ умственнымъ движеніемъ, тамъ не могло быть недостатка въ подозрительныхъ и виновныхъ. Гуманисты, которые недавно просвѣтили міръ изъ Италіи и можно-сказать вызвали новое время, были теперь ограничены въ своей свободной дѣятельности бдительнымъ надзоромъ іезуитовъ, и вскорѣ пламенное одушевленіе къ древности уступило мѣсто церковному направленію. Строгою цензурой и обширной росписью запрещенныхъ книгъ (index librorum prohibitorum) старались скрыть отъ католическаго міра плоды смѣлаго изслѣдованія и дерзостной критики. Противоборство иновѣрнымъ стало теперь главною цѣлью іерархіи; поэтому и новые духовные ордены были направлены въ противодѣйствіе протестантизму, на сколько бы впрочемъ религіозное одушевленіе, христіанская любовь и самоотверженность ни преобладали въ дѣлѣ ихъ учрежденія; даже и старѣй-

[1] Которую положилъ на него папа Сикстъ V въ 1590 г.

шія духовныя братства получили теперь отчасти болѣе строгій видъ съ явно-полемическимъ направленіемъ противъ религіозныхъ нововводительствъ. Изъ числа новыхъ орденовъ иные стремились къ возвышенію духовнаго сана путемъ образованія (таковъ былъ орденъ театиновъ, основанный при папѣ Павлѣ IV 1540 г. и прозванный по имени прежняго его епископства) или путемъ благочестія (какъ, напримѣръ, духовная община такъ-называемыхъ отцовъ-ораторійцевъ [1], основанная для взаимнаго назиданія и безъ всякаго обѣта благочестивымъ Филиппомъ Нерійскимъ, помышлявшимъ только о добрыхъ дѣлахъ, уходѣ за больными и покаяніяхъ); иные посвящали себя народному образованію и заботамъ о спасеніи душъ, какъ напримѣръ нищенскій орденъ капуциновъ (учрежденный въ 1528 г.), которому вмѣстѣ съ капуцею (капишономъ) былъ возвращенъ и первоначальный характеръ францисканцевъ, снискавшій имъ нѣкогда народную любовь; иные поставляли себѣ цѣлью призрѣніе бѣдныхъ и больныхъ (таковы были основанное бѣднымъ Португальцемъ Іоанномъ ди-Діо общество сердобольныхъ братьевъ и сильно распространившійся во Франціи и Германіи орденъ сердобольныхъ сестеръ (soeurs de charité), который вдова Ле Гра учредила 1624 г. при помощи св. Винкентія де Поля, столь близко знакомаго съ духовными и матеріальными нуждами народа); иные, наконецъ, избирали предметомъ дѣятельности воспитаніе (таковы были община урсулинокъ [2], основанная въ 1537 г. благочестивою Анджелою Брешіанской для воспитанія дѣвицъ, и учрежденное боговѣрнымъ Винкентіемъ де Полемъ братство лазаристовъ или священниковъ миссіи — для водворенія христіанства среди безпризорно ростущаго простонародія, и мног. друг.). Благочестивая дѣятельность причтеннаго къ лику святыхъ Карла Борромео († 1587) миланскаго направлена была отчасти къ обращенію еретиковъ, жившихъ по южному склону Альповъ, отчасти къ распространенію религіознаго чувства между

---

[1] Ораторійцами (молельниками) назывались молодые клирики (служки), которыхъ ставили у церквей для призыва народа на молитву. Такихъ клириковъ Филиппъ Нерійскій взялъ себѣ въ помощь при обученіи дѣтей. Отъ нихъ прозвана потомъ ораторійскою и самая община, основанная въ Римѣ (1548) подъ именемъ Братства св. Троицы, собственно для призрѣнія нуждающихся или страждущихъ богомольцевъ.

[2] Во имя св. Урсулы, принцессы Британской, замученной въ 452 г. отъ Гунновъ въ гор. Кёльнѣ вмѣстѣ съ одиннадцатью другихъ дѣвъ. Св. Урсула пользовалась великимъ уваженіемъ и была между прочимъ заступницею древней Сорбонны въ Парижѣ. Урсулинки назывались также Дѣвами христіанскаго ученія.

обитателями его родины а женевскій епископъ (жившій въ Аннеси) Францискъ де Саль († 1622), своими мистическими, но задушевно-популярными сочиненіями, старался обращать заблудшихъ на путь истины, вѣрующимъ же доставлять назидательную пищу. Рядомъ съ этой ревностью къ проповѣди и обращенію шли призрѣніе бѣдныхъ и больныхъ и полная любви заботливость о духовномъ и тѣлесномъ благѣ народа: два эти направленія были настоящими «свѣточами католичества». На поприщѣ ученой литературы продолжались еще попытки опроверженія или соедпненія разномыслящихъ, но онѣ были малоуспѣшны и обличали все менѣе и менѣе ревности въ поборникахъ противоположныхъ направленій.

ВРЕМЯ ФИЛИППА II (1556—1598) И ЕЛИСАВЕТЫ (1558—1603).

1. Испанія и Португалія.

§ 519. Филиппъ II. Три цѣли поставилъ мрачный, холодный и недовѣрчивый Филиппъ II задачею своей жизни: увеличеніе своего могущества, искорененіе протестантизма и уничтоженіе всѣхъ народныхъ правъ. Этому противочеловѣчному стремленію жертвовалъ онъ счастіемъ народовъ, благоденствіемъ своего государства и любовью не только своихъ подданныхъ, но и ближайшихъ родныхъ. Въ то время какъ онъ отправлялъ свой флотъ и войска противъ подвластныхъ ему протестантовъ и насылалъ опустошительныя войны на цвѣтущія государства и промышленные города, корсары своими дерзкими разбоями губили торговлю Средиземнаго моря и грабили прибрежныя области, а ослабленная Порта успѣла оправиться отъ потерь при Лепанто и продолжала угнетать христіанскія земли своимъ деспотическимъ владычествомъ. Его дорого обходившіяся войны (одна Нидерландская война стоила, говорятъ, не менѣе 500 милліоновъ,) и основанная на подкупѣ, ложная политика истощали страну; не смотря на всѣ сокровища Америки и Вестъ-Индіи, по смерти его финансы были въ самомъ печальномъ состояніи: въ то время государственное банкротство было остановлено только тѣмъ, что духовныя лица ходили по домамъ для сбора подаяній и что въ Кастиліи всѣ необходимѣйшія жизненныя

потребности были обложены тяжкими податями, для покрытія огромныхъ процентовъ государственнаго долга, которымъ обременилъ страну безкредитный король. На деспотизмѣ лежитъ печать проклятія: онъ неизбѣжно разрушаетъ самъ себя, высасывая питательные соки общественной почвы для того, чтобы украшать ими одну только безобразную свою вершину. И до чего доводила Филиппа пагубная его подозрительность къ людямъ самымъ близкимъ! Рыцарственный Донъ Жуанъ, послѣ побѣды при Лепанто (§ 416), нашелъ у своего завистливаго брата такую слабую поддержку въ предпріятіяхъ противъ Туниса и могаммеданскихъ корсаровъ Сѣверной Африки, что не могъ сдѣлать тамъ ровно ничего; когда же потомъ онъ создалъ себѣ въ Нидерландахъ кругъ дѣятельности, соразмѣрный своей энергіи, то Филиппъ опуталъ его такою сѣтью лицемѣрія, козней и шпіонства и до того парализовалъ всѣ его распоряженія, что съ горя и досады онъ преждевременно сошелъ въ гробъ (1578). Бурный, страстный сынъ Филиппа Донъ Карлосъ погибъ, вѣроятно, насильственною смертью (1568) въ тюрьмахъ инквизиціи, а такъ какъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, внезапно скончалась и супруга короля, добродѣтельная французская принцесса Елисавета, то возникла догадка или выдумка о какой-то таинственной, страшной связи между этою кончиной и смертью принца. Въ союзѣ съ духовною властью, Филиппъ выработалъ безчеловѣчное, основанное на доносахъ, шпіонствѣ и полицейскомъ деспотизмѣ, искусство управлять государствомъ, — искусство, которое съ того времени легло проклятіемъ на большую часть католическихъ странъ, а на полуостровахъ Пиренейскомъ и Апеннинскомъ породило мертвящую неподвижность. Филиппъ не прошелъ, подобно своему отцу, чуть не всей Европы во главѣ своей арміи; онъ скрывался за стѣнами своего мадридскаго дворца, управляя судьбами народовъ изъ Испаніи и черезъ Испанцевъ. Необыкновенно дѣятельный и трудолюбивый, онъ вникалъ во все и старался узнать и людей и дѣла; но лишенный при этомъ высшаго царственнаго духа и почерпая свое знаніе не изъ собственнаго наблюденія, а изъ чужихъ навѣтовъ, онъ часто впадалъ въ заблужденія и промахи. Послѣ 42-лѣтняго правленія, которое загубило испанскую свободу и не противупоставило проклятію народовъ ни одного благодѣтельнаго учрежденія, ни одного человѣколюбиваго дѣла, сломила его ужасная болѣзнь. Никѣмъ не оплаканный сошелъ онъ съ своей одинокой высоты въ холодный мраморный склепъ своего гордаго, великолѣпнаго храма въ Эскоріалѣ (1598). — Правда, еще не угасъ тотъ

блескъ, какого достигла Испанія во времена предшественниковъ Филиппа: испанское искусство и литература еще восхищали и поучали человѣчество; испанскій языкъ и мода еще проникали далеко за Пиренеи; но то былъ уже послѣдній отцвѣтъ; эта высокая образованность была посѣяна другими, а при немъ онъ постепенно высыхала въ самыхъ корняхъ своихъ. Могли ли процвѣтать наука и художества, эти созданія свободнаго духа, при государѣ, который покровительствовалъ инквизиціи и іезуитамъ, и находилъ удовольствіе въ ужасахъ ауто-да-фе? Пригнетенная чернымъ крыломъ инквизиціи, Испанія была разобщена съ тѣмъ свѣтомъ, который озарилъ остальную Европу въ 16-мъ столѣтіи и возбудилъ народы къ великимъ предпріятіямъ въ совокупной области знанія и силы. Геній народа былъ подавленъ, духъ его угасъ подъ злокачественнымъ вліяніемъ этого никогда не смыкавшагося ока и этой незримой, всегда занесенной на ударъ, руки.

§ 520. Миръ въ Шато-Камбрези 1559 г. Хотя Филиппъ II стремился возвратить Римской церкви утраченное господство со всею ревностью набожнаго инока и, по своему собственному признанію, «лучше хотѣлъ вовсе не быть королемъ, чѣмъ властвовать надъ невѣрными», однакожь главнымъ противникомъ ему явился именно верховный глава церкви, запальчивый Павелъ IV, который въ союзѣ съ Генрихомъ II, королемъ Французскимъ, старался вытѣснить Испанцевъ изъ Италіи и присвоить себѣ часть ихъ владѣній. Быстрое вторженіе Альбы въ церковную область хотя и помѣшало успѣху Павловыхъ замысловъ, однакожь твердый въ вѣрѣ Филиппъ II даровалъ папѣ выгодный миръ, тогда какъ еще три года продолжалъ войну съ королемъ Французскимъ, пока побѣды испанско-нидерландскихъ войскъ подъ начальствомъ Филиберта Савойскаго и Эгмонта (при Сенъ-Кантенѣ 1557 и Гравелингенѣ 1558) не побудили Французовъ къ заключенію мира въ Шато-Камбрези (1559), по которому они отдали назадъ всѣ свои завоеванія, именно Піэмонтъ и Савойю (§ 386, 477), но остались во владѣніи городомъ Кале, который въ эту самую войну успѣли отнять у Англичанъ, тѣсно связанныхъ съ Испаніей фамильными отношеніями, и сверхъ-того подтвердили за собой лотарингскіе города Мецъ, Туль и Верденъ (§ 493). Двойственное бракосочетаніе должно было скрѣпить этотъ мирный союзъ, но брачныя тор-

жества случайно принесли смерть рыцарственному королю Генриху II (§ 532).

По окончаніи внѣшней войны Филиппъ сталъ помышлять объ истребленіи еретиковъ. Ужасами инквизиціи (§ 394) и торжественныхъ ауто-да-фе удалось ему въ теченіе двадцати лѣтъ одолѣть и протестантскую ересь и невѣріе Мавровъ (§ 395); но такъ страшно было общее впечатлѣніе, произведенное этимъ способомъ религіозныхъ обращеній, что итальянскія области Филиппа воспротивились всѣми силами введенію испанской инквизиціи (чѣмъ навлекли себѣ ярмо инквизиціи римской), а Нидерландцы рѣшились лучше вступить въ борьбу на жизнь и смерть, нежели поддавшись этому погубному учрежденію лишиться права свободно дышать и мыслить. Но когда и Арагонцы, въ свою очередь, возстали противъ судебнаго произвола деспотическаго короля и любезной ему инквизиціи, тогда въ этотъ край вступили кастильскія войска, погасили возстаніе въ крови гражданъ и уничтожили послѣдній остатокъ древне-сословныхъ политическихъ правъ народа. Тогда мрачный деспотизмъ и убивающее духъ поповство налегло черной тучею на весь Пиренейскій полуостровъ. Людей судили уже не по поступкамъ, а по вѣроисповѣданію; различіе въ вѣрѣ порождало несравненно бо́льшую рознь, чѣмъ различіе племени, языка и матеріальныхъ интересовъ. Борьбы Испанцевъ съ европейскими народами приняли характеръ религіозныхъ войнъ, они сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ непрерывнаго крестоваго похода. Впрочемъ и во Франціи, по заключеніи мира, Генрихъ II поставилъ себѣ главною задачей искорененіе еретичества.

§ 521. Соединеніе Португаліи съ Испаніей. При Іоаннѣ III (1521—1557), сынѣ Эмануила Великаго (§ 419), продолжались открытія Португальцевъ въ Индіи, расширявшіе и землевѣдѣніе и торговлю. Но быстро пріобрѣтаемое богатство, съ которымъ не шла объ-руку промышленность (т. е. преобразовательный трудъ человѣка, развивающій и свойства его собственной личности), вскорѣ принесло недобрые плоды: между тѣмъ какъ сокровища Индіи скоплялись въ рукахъ немногихъ фамилій, масса народа погружалась въ лѣнь и нищету, а когда къ этому присоединилось еще вліяніе покровительствуемыхъ королемъ іезуитовъ и дѣятельно работающей инквизиціи, наложившихъ духовные путы на народъ и подорвавшихъ его силы, тогда въ теченіе

нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ цвѣтущаго состоянія Португаліи будто не бывало, древнія права и вольности сокрушились, такъ же какъ и въ Испаніи, передъ безусловной королевской властью и могущественной іерархіей, а народъ удерживали въ состояніи дѣтской незрѣлости, и онъ скоро утратилъ тотъ геройскій духъ, который внушалъ ему прежде великіе подвиги. Введенное Іоанномъ новое судоустройство и присвоеніе себѣ короною гросмейстерства всѣхъ рыцарскихъ орденовъ содѣйствовали къ расширенію королевскаго полновластья. — Въ малолѣтство Іоаннова внука Себастіана (1557—78) іезуиты пріобрѣли сильное вліяніе на правительственныя дѣла и, совершенно взявъ въ свои руки воспитаніе молодаго государя, старались дать ему такое направленіе, которое бы навсегда обезпечило ихъ господство. Послушаніе папѣ и борьбу съ невѣрными выставляли они первыми добродѣтелями христіанскаго монарха и внушали ему изувѣрный образъ мыслей какого-нибудь крестоносца среднихъ вѣковъ. Поэтому какъ скоро онъ вышелъ изъ отрочества, то пустился въ отважные крестовые походы, и когда какой-то изгнанный мароканскій князь прибѣгнулъ къ его помощи противъ одного родственника, юный король жадно схватился за случай выступить на невѣрныхъ Мавровъ и такимъ образомъ удовлетворить вмѣстѣ и свою ревность къ распространенію христіанства и страсть къ завоеваніямъ. Въ знойный августовскій день (1578) стремительно напалъ онъ на превосходную непріятельскую силу въ равнинѣ Алькасаръ, въ Африкѣ, и потерпѣлъ страшное пораженіе; 12,000 христіанскихъ воиновъ покрыли трупами поле битвы; между пропавшими былъ и король Себастіанъ, но нигдѣ не могли отыскать его тѣла. Это было роковымъ событіемъ для Португаліи. Когда два года спустя умеръ безъ наслѣдниковъ и братъ Іоанна III, престарѣлый кардиналъ Генрихъ (1578—80), которому корона досталась сверхъ всякаго чаянія, то явилось вдругъ три соискателя португальскаго престола (и въ числѣ ихъ Филиппъ II, сынъ старшей сестры Іоанна III). И дворянство и народъ, изъ племенной ревности, и вражды свойственной сосѣднимъ націямъ, возстали противъ соединенія съ Испаніей и благопріятствовали другому претенденту, мальтійскому пріору

Антоніо, выдававшему себя за законнаго внука Эмануилу Великому; но Филиппъ подкрѣпилъ свои притязанія арміей подъ начальствомъ герцога Альбы. Противникъ его былъ разбитъ и принужденъ бѣжать; Лиссабонъ сдался, и весь край послѣдовалъ примѣру столицы (1580). Послѣ того какъ сѣкира палача устранила вліятельнѣйшихъ противниковъ испанскаго господства, народъ съ трепетомъ покорился Филипповымъ велѣніямъ. Но нельзя было изгладить ненависть къ деспотическому гнету, лежавшему на Португаліи еще тяжеле вслѣдствіе возбуждаемаго ею недовѣрія. Съ горестью смотрѣли Португальцы на неудачный исходъ многократныхъ попытокъ, которыя Антоніо предпринималъ съ помощью Англіи и Франціи, и устремляли полные надежды взоры на разныхъ Лже-себастіановъ, обѣщавшихъ по временамъ освобожденіе отъ испанскаго владычества; когда же Антоніо, впавъ въ нищету и мучимый постояннымъ страхомъ смерти, умеръ въ Парижѣ (1595), а четвертый Себастіанъ, котораго многіе считали за настоящаго, погибъ въ испанской темницѣ (1598), тогда они покорились наконецъ неизбѣжной судьбѣ. Краю обезпечено было его государственное устройство, законодательство и особое управленіе, но постепенное уничтоженіе могущества знати и систематическая раздача коронныхъ земель обнаруживали ясно стремленіе испанскаго правительства сдѣлать невозможною независимость Португаліи подъ державой туземнаго государя. Но именно это стремленіе и пробудило снова національный духъ Португальцевъ и, при содѣйствіи богатаго и всѣми уважаемаго герцога Браганцскаго, привело къ освобожденію края (1640). Шестьдесятъ лѣтъ длилось пагубное испанское владычество, во время котораго морская сила Португаліи уничтожилась совсѣмъ, заморскія владѣнія перешли большею частію въ руки Голландцевъ, а складъ европейской торговли изъ Лиссабона перенесенъ въ Амстердамъ и въ Лондонъ.

2. Борьба Нидерландцевъ за независимость.

§ 522. Намѣстничество Маргариты. Уже Карлъ V не разъ возбуждалъ противъ себя жалобы Нидерландскихъ провинцій, ревниво стоявшихъ за свои вольности и права. Частые податные сборы, постои иноземныхъ войскъ, строгое приложеніе направленнаго противъ лютеранъ Вормскаго эдикта, вслѣдствіе чего сотни ихъ умирали въ темницахъ и на эшафотѣ, — все это многократно порождало ропотъ, а жителей Гента довело наконецъ и до мятежа, за который они тяжко были наказаны; но Карлъ былъ все-таки Нидерландецъ, у него сердце лежало къ народу, среди котораго онъ родился, онъ любилъ ихъ нравы и обычаи, снисходительно смотрѣлъ даже на ихъ шалости; онъ былъ равно привѣтливъ и довѣрчивъ къ дворянству и къ гражданамъ и льстилъ народной гордости Нидерландцевъ, предпочитая ихъ всѣмъ прочимъ своимъ подданнымъ. Совсѣмъ другое дѣло Филиппъ. Онъ былъ природный Испанецъ, съ Нидерландами и Итальянскими землями обходился какъ съ второстепенными провинціями, которыя хотѣлъ подчинить вѣдѣнію испанскихъ сановниковъ и охранять испанскими войсками. Его гордость и холодная сдержанность оскорбляли гражданъ, а его ненависть ко всѣмъ народнымъ правамъ дѣлали его естественнымъ противникомъ Нидерландцевъ, у которыхъ весь бытъ сросся съ политическими преимуществами. Въ числѣ этихъ преимуществъ главнѣйшими были право утверждать подати, независимость суда и устраненіе испанскихъ войскъ и чиновниковъ. — Когда Филиппъ, назначивъ двоюродную сестру свою Маргариту Пармскую — женщину съ твердымъ духомъ и рѣдкимъ благоразуміемъ — правительницею въ Брюсселѣ, подчинилъ государственный совѣтъ, составленный при ней изъ первыхъ магнатовъ края, иностранцу, сыну императорскаго канцлера, хитрому кардиналу Гранвеллѣ, и притомъ расположилъ тамъ испанскій гарнизонъ, то это въ самомъ началѣ породило ревность и зависть. Живые, раздражительные Нидерландцы не могли терпѣть холодныхъ и

высокомѣрныхъ пришлецовъ. Неудовольствіе возрасло еще болѣе, когда для охраненія чистоты вѣры и церковнаго порядка усилены были законы противъ еретиковъ и повелѣно учредить четырнадцать новыхъ епископствъ, съ подчиненіемъ ихъ возведенному въ мехельнскаго архіепископа кардиналу Гранвеллѣ и съ отобраніемъ нужныхъ для того денежныхъ суммъ отъ другихъ приходовъ и монастырей. Это пріумноженіе четырехъ прежнихъ епископій, рѣшенное безъ согласія чиновъ, произвело тѣмъ болѣе тревоги, что конечною его цѣлію представлялось введеніе падкой къ преслѣдованіямъ испанской инквизиціи, такъ какъ въ изданной при этомъ папской буллѣ на каждое изъ вновь учреждаемыхъ епископствъ полагалось по два инквизитора, а кардиналъ и безъ того уже носилъ великоинквизиторскій титулъ. Напрасно партія патріотовъ, озабоченная охраной туземныхъ учрежденій противъ пагубныхъ плановъ испанскаго правительства, старалась прошеніями и посольствами побудить короля къ перемѣнѣ такого противузаконнаго образа дѣйствій и къ отозванію ненавистнаго кардинала-архіепископа, — Филиппъ давалъ уклончивые отвѣты и согласился на просимое самимъ Гранвеллою увольненіе только тогда, когда Вильгельмъ Оранскій (намѣстникъ Голландіи), Ламораль графъ Эгмонтъ (намѣстникъ Фландрскій) и графъ Ф. Горнъ перестали присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и сама правительница настаивала на непремѣнномъ его удаленіи (1564). Но маккіавеллевскіе замыслы Гранвеллы нашли себѣ защитниковъ и по отозваніи его, а изъявленное королемъ въ то же время желаніе ввести въ Нидерланды постановленія Тридентинскаго собора доказывало ясно, что въ душѣ его глубоко залегла мысль о церковномъ единообразіи и что отъ него нечего ожидать ни смягченія законовъ противъ еретиковъ, ни религіозной свободы. То же было видно изъ отвѣта даннаго имъ Эгмонту, котораго государственный совѣтъ и правительница посылали къ нему въ Мадридъ (1565). «Я лучше соглашусь тысячу разъ умереть и лишиться послѣдней пядени земли въ моемъ государствѣ, нежели дозволить малѣйшее измѣненіе въ религіи», сказалъ при этомъ случаѣ Филиппъ. Истину

его словъ доказали строгія предписанія инквизиторамъ и все возрастающія гоненія, зеточенія и мучительныя казни. Вильгельмъ Оранскій, рожденный отъ лютеранъ, но воспитанный въ правилахъ римской церкви, былъ оскорбленъ до глубины души этой безпощадной строгостью, которая многихъ его согражданъ повергла въ изгнаніе или взвела на пылающій костеръ, такъ что съ досады онъ, около этого времени, и самъ приступилъ къ евангелическому исповѣданію, котораго держались близкіе ему люди.

§ 523. Союзъ гёзовъ и иконоборство. Новая церковь имѣла приверженцевъ почти только въ одномъ среднемъ сословіи; дворянство оставалось бо̀льшею частью вѣрнымъ католицизму, но твердо рѣшилось всѣми силами противиться инквизиціи, въ которой оно видѣло могилу отечественной свободы. Съ этой цѣлью около 400 дворянъ подписали (въ ноябрѣ 1565) такъ-называемый компромиссъ (или уговоръ) для сопротивленія инквизиціи и для вспоможенія другъ другу въ случаѣ религіозныхъ преслѣдованій, а потомъ составили прошеніе объ отмѣнѣ постановленій противъ еретиковъ и о прекращеніи инквизиціонныхъ слѣдствій. Когда они явились съ прошеніемъ къ дворцу правительницы (5 апр. 1566), Маргарита перепугалась видя значительное число просителей изъ самыхъ первыхъ фамилій. Тогда одинъ изъ стоявшихъ подлѣ нея совѣтниковъ (Барлемонъ) сказалъ ей, чтобъ она не боялась такой сволочи (gueux), и это слово, переданное сговорившимся дворянамъ, послужило девизомъ для ихъ союза. Они прозвались гёзами (сволочью) и носили съ тѣхъ поръ на шеѣ медаль съ изображеніемъ Филиппа и съ надписью: «Вѣрность королю до нищенской сумы!» Прошеніе осталось безъ послѣдствій. Епископы, которымъ передана была инквизиціонная власть, продолжали карать еретиковъ смертной казнью, изгнаніемъ и лишеніемъ имущества, и даже дарованная по совѣту правительницы амнистія была обращена въ обманъ тайнымъ протестомъ короля. Не смотря на то нововѣріе болѣе и болѣе распространялось въ краѣ; въ церквахъ пѣлись общимъ хоромъ псалмы, тысячами стекались слушать евангелическихъ пасторовъ, которые, проповѣдуя часто на открытомъ воздухѣ, говорили о положеніи церковныхъ дѣлъ

11*

въ сильно-возбуждающихъ выраженіяхъ; монахи, лики Св. Дѣвы и другіе священные предметы подвергались осмѣянію. Наконецъ въ Сентъ-Омерѣ и Ипернѣ, въ Антверпенѣ и Брюсселѣ, во Фландріи и во всемъ Брабантѣ, бурно разразилась долго подавляемая ярость народа противъ религіознаго стѣсненія. Толпа, изъ низшаго слоя черни, изуродовала многія распятія и лики святыхъ, стоявшія вдоль дороги (14 авг. 1566); вскорѣ число ея значительно возрасло и она стала нападать на монастыри и церкви, расхищала или истребляла священную утварь и облаченія, и предавалась разнымъ святотатственнымъ безчинствамъ. Въ три дня разорено было до 400 часовень и церквей. Улицы были усѣяны разбитыми иконами Богоматери и Спасителя и обломками священныхъ произведеній искусства. Происшествія эти породили разномысліе между передовыми людьми въ народѣ. Дворяне, преданные старой церкви, отдѣлились отъ тѣхъ, которые пристали къ новому ученію. Благодаря этому, умная, опытная въ искусствѣ притворяться правительница, успѣла прочнѣе возстановить спокойствіе,—строгостью къ однимъ, снисхожденіемъ къ другимъ. Съ помощью немногихъ наскоро собранныхъ войскъ привела она въ покорность разные мятежные города, въ томъ числѣ храбро защищаемый Валансьенъ и нѣсколько позже Антверпенъ, произнесла строгій судъ надъ иконоборцами и дерзкими нововводителями, а умѣренныхъ привлекла къ себѣ обѣщаніемъ смягчить законы противъ еретиковъ и все прошлое предать забвенію.

§ 524. Альба (1567 — 73). Но при мадридскомъ дворѣ рѣшено было иное. Послѣ долгаго размышленія о томъ, чѣмъ скорѣе и вѣрнѣе привести взволнованный народъ къ послушанію,—мѣрами ли кротости, предлагаемыми правительницей, или мѣрами насилія, какихъ требовалъ Альба, взглядъ послѣдняго одержалъ верхъ, и онъ, деспотическій слуга тирана-государя, двинулся съ отборнымъ испано-итальянскимъ войскомъ въ Нидерланды (авг. 1567). Предшествовавшій ему страхъ побудилъ жителей бѣжать отъ него толпами; до ста тысячь купцовъ и ремесленниковъ перенесли свои производительныя и денежныя средства въ чужія земли, особенно въ Англію. Глава патріотической партіи, Вильгельмъ Оран-

скій, человѣкъ умный, крайне осмотрительный, хотя еще и въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, энергическій, дѣятельный и при этомъ молчаливый, уклонился отъ грозы и отъѣхалъ на родину свою въ Германію, гдѣ вокругъ него собралось много дорогихъ друзей. Со слезами покинулъ онъ Эгмонта, котораго, при свиданіи въ деревнѣ Вильбрукѣ, между Брюсселемъ и Антверпеномъ, онъ тщетно старался уговорить также къ отъѣзду. Ясная душа Эгмонта не могла вообразить до чего доходитъ испанское коварство, сколько ни предостерегалъ его Вильгельмъ. Въ чувствѣ справедливости своихъ стремленій, въ упованіи на свои прошлыя заслуги и на испытанную свою преданность и вѣрность царствующему дому, онъ смѣло ожидалъ прибытія Альбы. Онъ не обладалъ дальновидностью своего друга и притомъ опасался покинуть свои фландрскія имѣнія. Но горделивый герцогъ, ѣхавшій черезъ верхнюю Италію, Бургундію и Лотарингію, едва прибылъ съ неограниченнымъ полномочіемъ въ Брюссель, какъ поручилъ своему побочному сыну, Фердинанду Толедскому, арестовать народнаго идола, простосердечнаго Эгмонта, въ его собственномъ дворцѣ, Кулемборгхаузѣ, схватить также и храбраго Горна; оба они были потомъ обвинены въ государственной измѣнѣ передъ вновь учрежденнымъ «Совѣтомъ о мятежахъ» и вмѣстѣ съ 18 другими вельможами обезглавлены на площади брюссельскаго рынка (5 іюня 1568). Истребленіемъ главныхъ дѣятелей надѣялись легко привесть къ безмолвной покорности лишенный всякаго руководительства народъ. Страшно свирѣпствовала теперь испанская сѣкира въ злополучномъ краѣ. Правительница, возмущенная ужасами деспотизма, отреклась отъ своего званія и отправилась въ Италію, напутствуемая подарками и сожалѣніями. Память ея осталась у Нидерландцевъ въ великомъ почетѣ. Съ неслыханною строгостью началъ тогда дѣйствовать учрежденный Альбою Совѣтъ о мятяжахъ, который Нидерландцы прозвали кровавымъ совѣтомъ; въ немъ предсѣдательствовалъ жестокосердый, безсовѣстный Испанецъ Варгасъ, не знакомый ни съ законами, ни съ обычаями подсудимыхъ, и безпощадно исполнялъ кровавыя повелѣнія герцога. Алчность, кровожадность и изувѣрство соперничали въ отыскиваніи себѣ новыхъ жертвъ. Вездѣ сооружены были

висѣлицы и колесовальные снаряды; вездѣ пылали костры для протестантскихъ пасторовъ и для упорныхъ исповѣдниковъ евангелическаго ученія; на балкахъ разоренныхъ часовень заодно съ иконоборствующими нововводителями вѣшали самыхъ миролюбивыхъ кальвинистовъ и лютеранъ. Исчезла вся житейская веселость, прежде такъ крѣпко укоренившаяся въ тѣхъ мѣстахъ; всѣ сердца наполнились ужасомъ, какъ бы при видѣ одной великой, всеобщей могилы. Антверпенскіе граждане принуждены были дать деньги на сооруженіе той самой цитадели, которою Альба хотѣлъ держать въ страхѣ и городъ и окрестныя селенія. Вильгельмъ Оранскій оставилъ малолѣтняго сына въ Люттихѣ; король велѣлъ прислать къ себѣ этого отрока въ Мадридъ и фанатическимъ воспитаніемъ внушить ему ненависть и къ новому ученію и къ отцу родному.

§ 525. Если кровавый совѣтъ грозилъ жизни и свободѣ каждаго, то податные планы Альбы подрывали цвѣтъ торговли и благосостояніе вообще. Недовольный постановленіемъ закона о томъ, что всѣ подати утверждаются чинами каждой области на короткіе сроки, а также раскладываются и взимаются по ихъ собственному усмотрѣнію, Альба потребовалъ высокаго постояннаго налога (1569) и распредѣлилъ его къ великому ущербу торговли и всѣхъ промышленныхъ оборотовъ *). Сколько чины ни протестовали противъ этого, герцогъ настаивалъ на своемъ требованіи; но этимъ произвольнымъ нарушеніемъ туземныхъ законовъ, которое равно грозило разореніемъ и помѣщику и купцу, и католику и протестанту, онъ снова пробудилъ подавленный духъ оппозиціи и снова сблизилъ между собою людей, разъединенныхъ религіей. Когда Альба силою хотѣлъ взыскивать установленный имъ акцизъ съ продажи, купцы въ Брюсселѣ заперли свои магазины, лавочники свои лавочки, булочники свои пекарни и т. д., и всѣ рѣшительно отказали въ уплатѣ незаконной подати. Тиранъ грозилъ уже перевѣшать непокорныхъ передъ ихъ собственными домами, какъ вдругъ пришла вѣсть, что дружина выходцевъ, скитавшаяся по морю, и потому прозванная морскими гёзами, захватила портовой городъ Бриль (1 апр. 1572), и что къ ней пристали многіе города Голландіи и Зеландіи; эта вѣсть ободрила угнетенныхъ, а

Испанцевъ сильно озадачила. Вслѣдъ за тѣмъ, возвратившемуся Вильгельму Оранскому удалось соединить подъ своей рукой сѣверныя провинціи. Онъ былъ признанъ правителемъ (статгаудеромъ) Голландіи, Зеландіи, Утрехта и Фризландіи; его снабдили деньгами и войсками. Сопротивленіе Нидерландцевъ приняло теперь болѣе серьёзный характеръ. Неистовства, произведенныя испанскими отрядами по приказанію Альбы въ нѣкоторыхъ непокорныхъ городахъ, наприм. въ Гарлемѣ, Нарденѣ и проч., гдѣ они перебили жителей, не разбирая ни пола, ни возраста, разграбили дома и насытившись вдоволь убійствомъ, хищеніемъ и скотскимъ развратомъ, бросили зажженные фитили въ опустѣлыя жилища и въ церкви Божіи (декабрь 1573), — эти ужасы распространили ярость и омерзѣніе по всему краю и побудили мадридскій дворъ рѣшиться наконецъ на отозваніе Альбы.

*) Кромѣ высокаго имущественнаго налога (именно въ одинъ процентъ всей стоимости), Альба требовалъ еще двадцатаго процента со всѣхъ недвижимыхъ и десятаго со всѣхъ движимыхъ имуществъ при каждой ихъ продажѣ.

§ 526. **Вильгельмъ Оранскій и Донъ-Жуанъ Австрійскій.** Преемникъ Альбы (Луисъ де Сунига и Рекезенсъ) хотя и оказалъ болѣе мягкосердечія упраздненіемъ «Совѣта о мятежахъ», но какъ онъ не могъ ни даровать свободы совѣсти, ни унять войска, которымъ много задолжали, ни отмѣнить гнетущія подати, то его ограниченная амнистія подѣйствовала такъ же мало, какъ и неоднократныя попытки къ примиренію со стороны благомыслящаго императора Максимиліана II; утраченное довѣріе не возстановилось, и мятежныя провинціи не согласились положить оружія. Намѣстникъ, правда, одержалъ побѣду на Мукерскомъ полѣ (близь Нимвегена, 1574 г.), гдѣ два брата Вильгельма Оранскаго пали смертью героевъ, но счастіе его сокрушилось о любовь къ независимости доблестныхъ гражданъ Лейдена. Когда томимый голодомъ и заразой, и страшно тѣснимый непріятелемъ, этотъ городъ не могъ долѣе держаться, онъ прорылъ ограждавшія его плотины, и напоромъ морскихъ волнъ, которыя надолго разрушили его благосостояніе, смылъ Испанцевъ со всѣми ихъ осадными работами. Наградою за

это самопожертвованіе былъ учрежденный здѣсь протестантскій университетъ. Ибо въ томъ же году сѣверныя области приняли на Дордрехтскомъ синодѣ Гейдельбергскій катехизисъ, объявили кальвинизмъ господствующею религіей и пріумножили свои военныя силы отобраніемъ церковныхъ имуществъ. Вскорѣ потомъ умеръ Сунига (1576), и до прибытія новаго намѣстника гражданскими и военными дѣлами управлялъ государственный совѣтъ. Но какъ онъ не былъ въ силахъ обуздать строптивость одичалыхъ, неполучавшихъ жалованья наемниковъ, а они между тѣмъ наводнили убійствомъ, грабежемъ и страшнымъ разореніемъ богатые города Мастрихтъ и Антверпенъ, то Вильгельму Оранскому, облеченному въ сѣверныхъ провинціяхъ обширной властью, удалось въ силу Гентскаго договора (1576) соединить всѣ области взаимнымъ обязательствомъ помогать другъ другу деньгами и людьми для изгнанія испанской военной силы и оставлять безъ исполненія всѣ уголовные приговоры по дѣламъ религіи до тѣхъ поръ, пока церковныя отношенія не будутъ окончательно устроены на всеобщемъ сеймѣ. Эти статьи послужили основаніемъ и такъ-называемому вѣчному договору, состоявшемуся между провинціями и новымъ испанскимъ намѣстникомъ Донъ-Жуаномъ (1576 — 78). Но неопредѣленная редакція статьи о вѣротерпимости, въ соединеніи съ появившеюся въ то же время грозною крестовою буллой папы, побудили штаты Голландію и Зеландію, не приступая къ вѣчному договору, продолжать войну. Вскорѣ и остальныя провинціи замѣтили въ свою очередь, что Донъ-Жуанъ дѣйствуетъ не совсѣмъ честно: при замѣщеніи должностей отдаетъ предпочтеніе Испанцамъ, подготовляетъ новыя религіозныя гоненія и старается насильно овладѣть непокорными городами. Поэтому брабантскіе чины отказали ему въ повиновеніи и избрали намѣстникомъ (рувартомъ) Вильгельма Оранскаго, но какъ мѣстное дворянство — изъ зависти, а староверы — изъ религіозной ревности, не взлюбили кальвиниста Вильгельма, то Брабантцы придали ему въ товарищи эрцгерцога Матѳія Австрійскаго, между-тѣмъ какъ говорящія по-французски валлонскія области (Геннегау и Артуа) заключили союзъ съ герцогомъ Франци-

скомъ Анжуйскимъ. Такимъ образомъ сила сопротивленія и число враговъ увеличились въ то самое время, когда Донъ-Жуанъ умеръ отъ огорченія, видя совершенную неудачу своихъ плановъ (1578).

§ 527. Александръ Фарнезе Пармскій (1578—92) Но разновластіе, раздѣлившее интересы и питавшее ревность и нелады между союзниками, доставило преемнику Донъ-Жуана возможность поддержать колеблющееся владычество Испаніи по крайней мѣрѣ въ южныхъ областяхъ. Этимъ преемникомъ былъ умный, одаренный отличными воинскими способностями сынъ правительницы Маргариты, герцогъ Александръ Фарнезе Пармскій. Онъ расшевелилъ зависть брабантскихъ вельможъ къ Вильгельму Оранскому и религіозную ревность католическаго юга къ реформатскому сѣверу. Это побудило Вильгельма устроить между сѣверными провинціями (Голландіей, Зеландіей, Гельдерномъ, Утрехтомъ, Фризландіей, Грёнингеномъ) Утрехтскій союзъ (1579), которымъ онѣ соединились еще тѣснѣе для дружной совокупной дѣятельности и для устраненія отъ себя всѣхъ религіозныхъ стѣсненій. Этотъ, въ первомъ своемъ очеркѣ, еще весьма неопредѣленный договоръ, легъ потомъ въ основаніе такъ называемымъ соединеннымъ штатамъ протестантскихъ Нидерландовъ. Два года спустя они формально отреклись отъ повиновенія королю Испанскому, въ силу того правила, «что народу и его земскимъ чинамъ всегда принадлежитъ естественное право отступаться отъ обязанностей своихъ въ отношеніи къ тирану, который самъ не исполняетъ своей обязанности, не смотря ни на какія обращенныя къ нему увѣщанія и просьбы». Совсѣмъ не такъ единодушно дѣйствовалъ югъ. Матѳій выѣхалъ изъ Брабанта, гдѣ онъ игралъ роль совершенно ничтожную (1581), а герцогъ Анжуйскій, своимъ стремленіемъ захватить власть съ помощью Французовъ, утратилъ до такой степени всякой вѣсъ, что наконецъ воротился во Францію, гдѣ вскорѣ и умеръ (1583). Пользуясь этими замѣшательствами, дѣятельный Фарнезе успѣлъ привести въ покорность многіе города. Возстаніе казалось близкимъ къ исходу, еслибъ только удалось сбыть съ рукъ Вильгельма Оранскаго. Противъ него сосредоточилась теперь

вся ярость Филиппа. Онъ уже объявилъ ему опалу, и всякому, кто выдастъ его живымъ или мертвымъ, посулилъ большое награжденіе и дворянскій титулъ. Слѣдствіемъ этихъ заманчивыхъ обѣщаній и козней католическихъ поповъ были разныя посягательства на жизнь Вильгельма. Одного изъ нихъ онъ едва избѣгнулъ, но пуля фанатика Жерара изъ Франшъ-Контѐ сразила его наповалъ у дверей его собственной столовой въ Дельфтѣ (10 іюля 1584). Убійца былъ схваченъ и, вмѣсто ожидаемой награды, получилъ мучительную казнь. Смерть основателя Нидерландской независимости не повела однакожь къ ея уничтоженію. Сѣверныя провинціи, не могшія даже и подумать о примиреніи съ королемъ, который упорно отказывалъ имъ въ вѣротерпимости, передали второму сыну Вильгельма, Морицу, и главное правительство и веденіе войны; внутренними дѣлами завѣдывалъ между тѣмъ государственный совѣтъ, въ которомъ всѣхъ болѣе вѣса имѣлъ осторожный и умный Ольденбарневельдъ. Удачныя предпріятія герцога Пармскаго, который покорилъ Гентъ, Брюссель, Мехельнъ, Нимвегенъ и наконецъ Антверпенъ, убѣдили Нидерландцевъ, что безъ иноземной помощи имъ не совладать съ Испанцами. Поэтому они предлагали верховную власть надъ собою сначала королю Французскому Генриху III, а когда тотъ отказался изъ религіозныхъ опасеній, они обратились къ Елисаветѣ Англійской. Послѣдняя также отказалась отъ предлагаемаго господства, но отправила къ нимъ вспомогательное войско подъ начальствомъ своего любимца, графа Лестера, котораго Нидерландцы облекли въ санъ генералъ-статгаудера съ весьма обширною властью (1585). Вскорѣ однакожь его двусмысленные и неловкіе поступки и его коварная политика возбудили подозрительность земскихъ чиновъ; они стали дѣлать ему затрудненія и тѣмъ побудили графа отказаться отъ своего высокаго сана (1587).

§ 528. Непобѣдимый флотъ. Не смотря на то, опасность, какою угрожала обоимъ государствамъ громадная испанская Армада, состоявшая изъ 130 большихъ кораблей, еще удерживала Англичанъ и Нидерландцевъ въ союзѣ. Этотъ непобѣдимый флотъ, котораго снаряженіе стоило, говорятъ, до 60 милліоновъ рубл. сер., предназначался нанести рѣши-

тельный ударъ всѣмъ врагамъ римской церкви, особенно главному вертепу ереси — Англіи и ея отлученной королевѣ, которая незадолго передъ тѣмъ велѣла отсѣчь голову католичкѣ Маріи Стуартъ, и оказывая помощь Нидерландцамъ и гюгенотамъ во Франціи, подкрѣпляла ихъ въ упорномъ сопротивленіи католическимъ властямъ. Однакожь это предпріятіе кончилось къ позору и ко вреду Испаніи. Флотъ, предводимый Мединой Сидоніей, не смотря на содѣйствіе герцога Пармскаго съ суши, погибъ жертвою во-первыхъ бурь, а потомъ ловкости и отваги англійскихъ мореходцевъ; то, что̀ успѣло уйдти отъ брандеровъ, утесовъ и непріятельскихъ рукъ въ Каналѣ, разбилось почти въ конецъ на берегахъ Гебридскихъ и Шетландскихъ острововъ, когда Сидонія на возвратномъ пути хотѣлъ обогнуть Шотландію, — такъ что отъ всего великолѣпнаго флота несчастный адмиралъ привелъ домой однѣ только слабыя развалины. Это былъ истинно роковой ударъ. Самъ Филиппъ понялъ его неотвратимость и, при первомъ свиданіи, успокоилъ трепетнаго предводителя словами: «Я посылалъ тебя противъ людей, а не противъ бурь и утесовъ». Такой исходъ дѣла положилъ конецъ испанскому господству на морѣ и тѣмъ болѣе обезпечилъ независимость Нидерландовъ, что вскорѣ потомъ Филиппъ принялъ дѣятельное участіе въ религіозныхъ войнахъ сосѣдней Франціи, и герцогъ Пармскій долженъ былъ дважды вводить туда свои полки. Отъ этого естественно потерпѣли его нидерландскія предпріятія, а Морицъ нашелъ удобный случай доказать свои военныя дарованія блистательными дѣлами и тѣмъ значительно поднять свой вѣсъ и свою власть. Фарнезе кончилъ жизнь, скорбя о разстройствѣ своихъ замысловъ (1592).

§ 529. Независимость Нидерландовъ. Что̀ не удалось предпріимчивому Фарнезе, того еще менѣе могли достигнуть бездарные его преемники. Вотъ почему незадолго до своей кончины Филиппъ задумалъ отдать Нидерланды и Франшъ-Контѐ въ лэнное владѣніе дочери своей Кларѣ Евгеніи, вышедшей за эрцгерцога Альбрехта Австрійскаго, съ условіемъ, что въ случаѣ бездѣтности этого брака, передаваемыя земли должны попрежнему отойдти къ Испаніи. Южныя области (Бельгія) покорились этому распоряженію и, когда

Альбрехтъ обезпечилъ ихъ права, приняли его въ свои правители (1598); но сѣверныя области (Голландія), которыхъ независимость признали уже нѣкоторые дворы, отвергли обманчивое соглашеніе, снова угрожавшее ихъ религіозной свободѣ, и не прекращали борьбы за свою независимость и самобытность, которыхъ благотворное вліяніе они успѣли уже испытать. Правда, испанскому полководцу Спинолѣ (родомъ изъ Генуи) удалось овладѣть городомъ Остенде, выморенныймъ и обезлюдѣвшимъ отъ трехлѣтней осады, и поддержать честь испанскаго оружія передъ искуснымъ Морицемъ Оранскимъ; за то соединенные нидерландскіе штаты совершили важнѣйшія завоеванія на морѣ и положили начало своему торговому величію.

Такъ какъ въ царствованіе слабаго Филиппа III, которымъ неограниченно управлялъ герцогъ Лерма, ввозъ на нидерландскихъ корабляхъ въ испанскія и португальскія гавани былъ запрещенъ и такимъ образомъ затрудненъ коммисіонный торгъ остъ-индскими товарами, на которомъ основывалось могущество и благосостояніе Голландіи, то Нидерландцы сами проложили себѣ дорогу въ Индію и такъ успѣшно повели прямыя торговыя связи, что вскорѣ учредили тамъ факторіи и присвоили себѣ многія изъ португальскихъ владѣній. Цѣною ежегодной подати, взносимой земскимъ чинамъ штатовъ, Остъ-индская компанія получила право исключительной торговли по ту сторону Мыса Доброй Надежды (1604). Голландскіе корабли господствовали теперь на морѣ и причиняли жестокій ущербъ торговлѣ Испанцевъ и Португальцевъ въ восточной и западной Индіи, а это нанесло послѣдній ударъ и безъ того уже подгнившей монархіи Филиппа II.

Поэтому, какъ король Испанскій, такъ и эрцгерцогъ Альбрехтъ, были оба рады, когда Французскому королю Генриху IV удалось своимъ посредничествомъ склонить Морица и нидерландскіе чины къ заключенію перемирія (1609), которое обезпечило Голландцамъ независимость, свободу вѣры и прямую торговлю съ Остъ-Индіей. Въ ихъ же пользу обращались и всѣ позднѣйшія войны съ Испаніей, такъ что когда Вестфальскій миръ окончательно призналъ независимость соединенныхъ голландскихъ штатовъ, они пріобрѣли уже не только обширныя владѣнія въ Индіи, но сверхъ-того и значительные участки Фландріи и Брабанта.

§ 530. Политическое устройство, торговля и колоніи. Въ теченіе войнъ за независимость политическое устройство соединенныхъ штатовъ развилось преимущественно стараніями великаго государственнаго мужа Ольденбарневельда, который съ 1586 г. былъ великимъ-пенсіонаромъ (т. е. земскимъ синдикомъ, или законоблюстителемъ) Голландіи. Законодательная и верховная политическая власть вмѣстѣ съ правомъ разрѣшать податные сборы находилась въ рукахъ генеральныхъ штатовъ, состоящихъ изъ выборныхъ семи независимыхъ другъ отъ друга областей; исполнительную власть имѣлъ верховный совѣтъ, во главѣ котораго былъ поставленъ статгаудеръ; все военное управленіе и предводительство сухопутными и морскими силами принадлежало статгаудеру одному. Внутренними дѣлами каждаго штата завѣдывали областные чины, состоявшіе изъ депутатовъ городскихъ и дворянскихъ; но тутъ все зависѣло отъ отдѣльныхъ городовъ, гдѣ главное направленіе дѣлъ находилось въ рукахъ среднесословной аристократіи. Могуществомъ, богатствомъ и вліяніемъ передъ всѣми провинціями отличалась Голландія. Вскорѣ республика генеральныхъ штатовъ достигла всесторонняго и великаго процвѣтанія. Торговля и мореплаваніе поднялись на рѣдко-виданную высоту; кораблестроительное искусство и городскіе промыслы развились необыкновенно; университеты блистали великими учеными: голландскіе филологи Юстъ Липсій, Іосифъ Скалигеръ, Гергардъ Воссій, Гроновъ, Дан. Гейнзій (Аристотелева поэтика), Гревій (римскія древности), нѣсколько позже — Гемстергёйсъ (род. 1685 въ Грёнингенѣ), глубочайшій знатокъ греческаго языка, которому онъ первый далъ твердыя научныя основанія (ученики его Рункенъ и Валькенаръ продолжали дѣйствовать въ его духѣ), далѣе Лейденскій профессоръ Перизоній (1651—1715), который въ своихъ «Историческихъ замѣткахъ» — трудѣ, исполненномъ самыхъ тонкихъ и остроумныхъ соображеній — первый научилъ смотрѣть на преданіе безпредубѣжденнымъ взглядомъ, относясь къ нему свободно и критически, и выяснять недостовѣрность древнѣйшей исторіи. Искусство книгопечатанія также поднялось (семья Элизевировъ въ Амстердамѣ и Лейденѣ), изящныя художества пришли въ цвѣтущее состояніе (§ 441). Но главнымъ нервомъ націи все-таки оставалась торговля. Остъ-индская компанія успѣшно продолжала борьбу съ Испанцами и Португальцами. Въ началѣ 17 вѣка Нидерландцы стали твердою ногой

на Амбоинѣ, одномъ изъ Молукскихъ острововъ и такъ удачно держались тамъ (хотя при этомъ не обошлось безъ жестокостей) противъ Англичанъ и Португальцевъ, что въ короткое время прибрали къ рукамъ весь торгъ гвоздикой. Средоточіемъ ихъ остъ-индской торговли стала новоучрежденная Батавія (1620) на остр. Явѣ; они отняли у Португальцевъ Цейлонъ и Малакку, а завоеваніемъ Негапатнама, Кочина и друг. мѣстъ, въ половинѣ 17 вѣка, присвоили себѣ прибыльную торговлю перцемъ. Благодаря усиліямъ Вестъ-индской компаніи, основанной при возобновленіи войны съ Испаніей (1621), успѣли они также утвердиться въ Бразиліи (хотя корыстолюбіе и раздоръ вскорѣ лишили ихъ этихъ владѣній) и учредили колоніи близь новооткрытаго Гудсонова залива. На мысѣ Доброй Надежды (Капѣ) основана ими земледѣльческая колонія. Но безчеловѣчная жестокость, съ какою старались они утвердить свою монополію, навлекла имъ ненависть вездѣ. Въ правилахъ торговли они руководились барышничествомъ, по крайней мѣрѣ на столько же, какъ Испанцы и Португальцы. Въ сѣверныхъ моряхъ они пріобрѣли себѣ сельдяной и китоловный промыслы, а чрезъ осушку отечественныхъ озеръ и болотъ умѣли выгадать земли подъ паству овецъ и подъ коноплянники, чѣмъ много усилили внутреннюю производительность края. Такимъ образомъ свобода и независимость, пробудившія въ жителяхъ досужество и увѣренность въ собственной силѣ, сдѣлали изъ незначительной области цвѣтущее государство. Только жаль, что корыстолюбіе и мелкій духъ торгашества оттѣснили мало-по-малу всѣ высшіе интересы и привели ихъ къ малодушной, узкосердой политикѣ.

§ 531. Дордрехтскій синодъ 1618 г. Едва состоялось перемиріе съ Испаніей, которому благопріятствовали Ольдебарневельдъ и республиканская партія и долго мѣшалъ статгаудеръ Морицъ Оранскій, какъ Нидерландская республика пришла въ сильное волненіе отъ одного религіознаго спора. Лейденскій профессоръ Арминій († 1609), приверженецъ Цвинглія, стремился къ тѣснѣйшему соединенію церкви съ государствомъ и старался по естественному чувству справедливости смягчить строгость Кальвинова ученія о предопредѣленной благодати. Мнѣніе его было принято республиканцами голландской провинціи, особенно достойнымъ Ольденбарневельдомъ и роттердамскимъ пенсіонаромъ (юрисконсультомъ), ученымъ Гугономъ де-Гротомъ (Гроціемъ). Образованіе и вѣротерпимость, торговые виды и разносторонность всемірныхъ сношеній, наконецъ — то

политическое правило, что церковь непремѣнно должна стоять подъ рукою верховной власти, все влекло патриціевъ къ этой партіи. Напротивъ того товарищъ Арминія, Гомаръ, горячо отстаивалъ кальвинизмъ, какъ въ догматѣ о предопредѣленной благодати, такъ и относительно независимости демократически-устроенной церкви отъ свѣтскаго правительства. Его воззрѣнія держалось большинство духовныхъ, образовавшихся преимущественно въ Женевѣ, а также и большинство руководимыхъ ими народныхъ массъ; къ нимъ примкнулъ сверхъ-того и статгаудеръ, не столько по убѣжденію, сколько изъ ненависти къ республиканцамъ, которые противились его стремленіямъ расширить свою власть. Напрасно утѣсненные арминіане просили о свободѣ вѣры въ поданномъ голландскимъ чинамъ представленіи (ремонстраціи, отчего они и прозваны ремонстрантами), могущественная партія Гомаристовъ вооружилась противъ ихъ прошенія отповѣдью съ своей стороны (контраремонстраціей, отсюда — контраремонстранты) и продолжала тѣснить ихъ по прежнему, что̀ побудило руководимые Ольденбарневельдомъ голландскіе чины дать гонимымъ арминіанамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охранительную стражу. Статгаудеръ объявилъ это нарушеніемъ принадлежащихъ ему правъ, и на Дордрехтскомъ синодѣ (1618), гдѣ положено было окончательно рѣшить богословскій споръ, велѣлъ захватить Ольденбарневельда, Гугона Гроція и двухъ другихъ коноводовъ противной партіи и, съ помощію пристрастнаго и несправедливаго суда, осудить ихъ, какъ нарушителей общественнаго спокойствія, пытавшихся произвесть разрывъ между соединенными штатами, одного — на смертную казнь, другаго — на пожизненное заключеніе. Прежде нежели составленный изъ гомаристовъ синодъ успѣлъ произнесть свой приговоръ надъ арминіанскимъ ученіемъ и возвелъ строгій кальвинизмъ на степень господствующей вѣры, пала отъ руки палача сѣдая голова достойнаго семидесятидвухлѣтняго старца Ольденбарневельда. Ремонстрантскіе проповѣдники и учители подверглись изгнанію, и распространеніе ихъ мнѣній было строго запрещено. Только уже въ послѣдствіи, когда поулеглись взволнованныя страсти, и когда, по смерти Морица (1625), республиканская партія усилилась опять, арминіанамъ предоставлена вѣротерпимость, и церковь ихъ скоро процвѣла свободнымъ направленіемъ своихъ ученыхъ изслѣдованій. Гугонъ Гроцій, историкъ борьбы Нидерландцевъ за независимость, основатель государственнаго и международнаго права на началахъ древнихъ писателей, равно замѣ-

чательный и какъ многосторонній ученый и какъ государственный человѣкъ, послѣ двухлѣтняго заточенія въ замкѣ Лёвестейнѣ, спасся оттуда, благодаря хитрости своей вѣрной жены, въ ящикѣ съ книгами, и съ того времени жилъ частію во Франціи, частію въ Швеціи, пользуясь уваженіемъ Ришльё и Оксенщерны, которые употребляли его иногда по государственнымъ дѣламъ.

За Морицемъ, въ санѣ статгаудера, слѣдовалъ братъ его Генрихъ (—1647), герой подобно ему, который во время тридцатилѣтней войны счастливо продолжалъ борьбу съ Испаніей съ помощію французскихъ субсидій и блистательныхъ подвиговъ морскаго героя Тромпа. Въ 1628 г. захваченъ былъ испанскій флотъ, нагруженный серебромъ, въ 1639 истреблены военные корабли Испаніи, а въ Остъ-Индіи и Америкѣ пріобрѣтено нѣсколько новыхъ владѣній. Сынъ Генриха, Вильгельмъ II (—1650), умеръ черезъ два года по заключеніи Вестфальскаго мира которымъ была окончательно упрочена независимость Голландіи.

3. Франція во время религіозныхъ войнъ.

§ 532. Партіи. Генрихъ II, столь же рыцарственный и храбрый, и столь же неутомимый на охотѣ и въ воинскихъ упражненіяхъ, какъ и отецъ его, былъ смертельно (§ 520) раненъ въ глазъ (1559), на турнирѣ во время свадебныхъ празднествъ по случаю обрученія двухъ французскихъ принцессъ (съ Филиппомъ Испанскимъ и Филибертомъ Савойскимъ). Въ правленіе слабаго, болѣзненнаго сына его, Франциска II (1559 — 60), большую силу при дворѣ получили герцоги Гизы, дяди шотландской Маріи Стуартъ, молодой, очаровательной супруги короля Франциска. Опытный въ военномъ дѣлѣ герцогъ Францискъ де-Гизъ и блестящій, краснорѣчивый и умный братъ его, кардиналъ Лотарингскій, были значительнѣйшими членами этой честолюбивой, стремившейся къ власти фамиліи. Они явились ревностными поборниками папскаго господства, на которомъ были основаны притязанія ихъ племянницы на англійскую корону. Костеръ, погубившій благороднаго парламентскаго совѣтника Дюбура, котораго тщетно старался спасти курфюрстъ Пфальцскій воз-

званіемъ къ Гейдельбергскому университету, былъ первымъ проявленіемъ той религіозной строгости, которой предстояло войдти въ обычай подъ ихъ вліяніемъ. Это возростающее вліяніе наполняло завистью, какъ родственную королевскому дому фамилію Бурбоновъ, во главѣ которой были перемѣнчивый Антонъ, титулярный король Наваррскій, и рыцарственный принцъ Кондѐ, такъ и благородныхъ Шатійоновъ (Chatillons), къ фамиліи которыхъ принадлежалъ энергическій адмиралъ де Колиньи. И какъ Гизы опирались на папу и католическую часть націи, такъ точно противники ихъ — имѣвшіе въ глазахъ народа, какъ туземцы, преимущество передъ чужестранцами изъ Лотарингіи — опирались на мощно возникавшее гражданство юга, и стали вождями гюгенотовъ. Составленный дворяниномъ-кальвинистомъ (Ла-Ренодѝ) амбруазскій заговоръ имѣлъ цѣлью захватить Гизовъ, овладѣть особой короля и преобразовать правительство чрезъ посредство земской думы. Замышленное дѣло не удалось; Ла-Ренодѝ палъ въ битвѣ, остальные вожди были обезглавлены. Вліяніе Гизовъ усиливалось, и лишь съ трудомъ могъ благоразумный и умѣренный канцлеръ Л'Опиталь, строгимъ постановленіемъ противъ еретиковъ, устранить введеніе испанской инквизиціи во Франціи. Созванному въ Орлеанъ земскому собору предстояло рѣшить религіозный вопросъ и устроить финансы, но Гизы употребили его какъ средство для низверженія Бурбоновъ, которымъ приписывали амбруазскій заговоръ. Кондѐ и Антонъ Наваррскій были арестованы; уже назначено было казнить перваго, какъ государственнаго преступника, а втораго держать въ заключеніи, какъ вдругъ смерть короля (5-го декабря 1560) вызвала ихъ изъ темницы къ могуществу и почету. Королева-мать Катерина Медичи, устраняемая прежде отъ дѣлъ, стала теперь во главѣ правительства на время несовершеннолѣтія Карла IX (1560 — 74); Антонъ, имѣвшій право на регенство, какъ ближайшій родственникъ, удовольствовался званіемъ главнаго королевскаго намѣстника и предсѣдателя совѣта. Въ досадѣ за свое удаленіе, Гизы отправились къ себѣ въ Лотарингію, откуда племянница ихъ (овдовѣвшая королева) Марія Стуартъ вскорѣ предприняла свое роковое

возвращеніе въ Шотландію. Съ грустью покидала она прекрасную страну, гдѣ нашла столько счастія и радости.

§ 533. Три первыя религіозныя войны (1562—1570). Катерина, провидя въ раздорѣ между вождями партій вѣрное средство для упроченія собственной власти, сначала приняла нейтральное положеніе въ религіозной распрѣ, хотя въ душѣ и оставалась ревностно преданною католической церкви. Оттого, послѣ религіознаго спора въ Пуасси (1561), гдѣ Теодоръ Беза и Петръ Мартиръ, два достойные и ученые мужа, благородные и по характеру и по образованію, защищали противъ кардинала Лотарингскаго и генерала іезуитовъ Лейнеса дѣло евангелическаго ученія, она согласилась (янв. 1562) по докладу Л'Опиталя, смягчить прежній суровый уставъ по дѣламъ вѣры и предоставить кальвинистамъ право проповѣди, молитвы и свободу богослуженія. Отъ нихъ требовали только обязательства, что они не будутъ проповѣдовать «никакого другаго ученія, кромѣ содержащагося въ книгахъ ветхаго и новаго завѣта и въ символѣ Никейскаго собора, подчинятся общимъ гражданскимъ законамъ и не станутъ созывать своихъ синодовъ безъ дозволенія королевскихъ чиновниковъ». Казалось, протестантизмъ долженъ получить перевѣсъ во Франціи и въ тоже время способствовать введенію болѣе свободныхъ политическихъ учрежденій. На Понтуазскомъ сеймѣ, созванномъ одновременно съ духовнымъ соборомъ въ Пуасси, свѣтскіе чины требовали: «смѣняемой, на основаніи выборнаго начала, магистратуры; продажи всѣхъ церковныхъ имуществъ въ пользу короля, дворянства и чиновъ; назначенія жалованья духовенству изъ государственной казны, и ограниченія королевской власти собраніями сословныхъ представителей, созываемыми чрезъ каждые два года.» Напуганное этимъ заявленіемъ преобразовательныхъ стремленій, духовенство предложило двору на шесть лѣтъ денежное вспоможеніе, слишкомъ въ полтора милліона ливровъ, и тѣмъ произвело благопріятное для себя впечатлѣніе. Въ тоже время трое сильнѣйшихъ католическихъ вельможъ соединили свои силы для дружнаго противодѣйствія движенію; герцогъ Гизъ заключилъ съ коннетаблемъ Монморанси, самымъ вліятельнымъ полководцемъ и совѣтни-

комъ Генриха II, и съ маршаломъ Сентъ-Андрè, тріумвиратъ для поддержанія старой вѣры. Вскорѣ, обѣщаніями и хитрымъ посредничествомъ испанскаго двора, склонили они на свою сторону шаткаго Антона Наваррскаго, къ крайнему смущенію жены его, протестантки Іоанны д'Альбрè, которая съ помощію Теодора Безà ввела реформацію въ своей области Беарнѣ и воспитывала своего сына Генриха въ новомъ ученіи. Поддерживаемый Испаніею и Римомъ, этотъ союзъ вскорѣ усилился до такой степени, что ему уже нечего было опасаться открытой борьбы. Рѣзня, которую Гизы и ихъ свита произвели (въ мартѣ) на возвратномъ пути своемъ въ Парижъ, напавъ на кальвинистовъ городка Вассй, собравшихся для богослуженія въ одномъ овинѣ, — это безпощадное кровопролитіе было сигналомъ къ первой религіозной войнѣ, за которою послѣдовали семь другихъ съ короткими промежутками (1562 — 63). Вопіющее нарушеніе дарованной религіозной свободы вызывало на отмщеніе. Вскорѣ вся Франція распалась на два враждебные стана, съ ожесточеніемъ ратовавшіе между собой. Фанатизмъ, разгаръ страстей и долго копившаяся непріязнь повели къ ужаснѣйшимъ неистовствамъ, особенно на югѣ. Религіозная идея совершенно вытѣснила тѣ нравственныя начала, на которыхъ основано всякое человѣческое общество; образовалось такое странное смѣшеніе преданности и вражды, религіи и ненависти, какихъ еще не видано въ мірѣ; то было нѣчто похожее на религіозное кровомщеніе, въ которомъ каждое исповѣданіе считало себя какъ бы за одну семью. Гдѣ побѣждали кальвинисты, тамъ они истребляли иконы и церковныя украшенія, ругались надъ мощами, низвергали распятія и алтари; побѣждала противная партія, и, въ свою очередь, сожигала Библіи и религіозныя книги, убивала евангелическихъ проповѣдниковъ и принуждала крещеныхъ и обвѣнчанныхъ къ возобновленію обряда по католическому уставу. Государство было потрясено до основанія. Для противовѣсія испанской и римской помощи, гюгеноты пріобрѣли содѣйствіе Англійской королевы Елисаветы. Германія и Швейцарія доставляли имъ наемныя войскà. — Война имѣла роковыя послѣдствія для вождей обѣихъ партій. Антонъ Наваррскій умеръ подъ Руаномъ; въ нерѣшительной битвѣ

при городѣ Дрё были взяты въ плѣнъ: Монморанси — гюгенотами, Кондѐ — католиками, а Сентъ-Андрѐ былъ убитъ; Францискъ Гизъ, подступивъ къ Орлеану, гдѣ расположились лагеремъ кальвинисты, погибъ отъ руки убійцы. Послѣдній (Польтрò) ложно обвинилъ находившихся въ Орлеанѣ гюгенотскихъ вождей, Колиньи и Безà, въ соучастіи по этому злодѣйству. Генрихъ Гизъ наслѣдовалъ отцу и въ его званіяхъ и въ его надеждахъ. По Амбуазскому миру (1563) кальвинистамъ предоставлена свобода исповѣданія во всѣхъ городахъ, гдѣ оно уже было введено, за исключеніемъ одной столицы; сверхъ того, положено было отвести имъ въ каждомъ округѣ особую мѣстность для богослуженія, и всѣмъ дворянамъ дано право жить съ подвластными имъ людьми каждому по его вѣрѣ.

§ 534. Видъ разрушенныхъ распятій и священныхъ предметовъ во время путешествія, предпринятаго Катериною съ молодымъ королемъ вскорѣ по заключеніи мира, совѣтъ герцога Альбы, съ которымъ они съѣхались въ Байоннѣ, и грозное положеніе, принятое католическимъ дворянствомъ и народомъ, произвели неблагопріятную для нововѣровъ перемѣну въ образѣ мыслей двора, который до тѣхъ поръ, не придерживаясь твердыхъ началъ, склонялся на сторону то одной, то другой партіи. Оттого Амбуазское постановленіе часто нарушалось, и ликованіе католиковъ по поводу насилій Альбы въ Нидерландахъ (§ 524) могло служить предвѣстіемъ того, что ожидаетъ религіозныхъ нововводителей во Франціи. Это побудило протестантовъ снова взяться за оружіе на защиту своей притѣсненной вѣры (2-я война, 1567 — 68). Планъ Кондѐ — овладѣть особою короля и его матери не удался и только усилилъ ненависть ихъ къ протестантамъ, а битва при Сенъ-Дени кончилась не въ пользу послѣднихъ, хотя въ ней и палъ Монморанси; но какъ католики не имѣли искуснаго вождя, то противникамъ ихъ снова было подтверждено прежнее религіозное постановленіе и дано обязательство уплатить нѣмецкимъ наемнымъ ратникамъ, которыхъ Казиміръ Пфальцскій привелъ на помощь своимъ единовѣрцамъ. Но и на этотъ разъ условія мира не были исполнены. Насильственные поступки съ одной стороны, со-

противленіе — съ другой, взаимныя обвиненія, все это снова привело къ раздору. Кальвинисты продолжали занимать Ла Рошель и другіе гюгеноттскіе города, а дворъ съ своей стороны далъ полную волю религіозной ревности парламентовъ, іезуитовъ и монаховъ, не допускалъ богослужебныхъ сборищъ протестантскихъ и поощрялъ преслѣдованіе и убійство. Голосъ кардинала Лотарингскаго, поддерживаемый убѣжденіями со стороны испанскаго короля и святаго отца въ Римѣ, опять получилъ большой вѣсъ въ королевскомъ совѣтѣ. Л'Опиталь, не одобрявшій строгихъ мѣръ, замышляемыхъ противъ гюгенотовъ, и особенно устраненія ихъ отъ государственныхъ должностей, былъ удаленъ изъ верховнаго совѣта, а управленіе военными дѣлами поручено любимому сыну Катерины, Генриху Анжуйскому. Послѣдній желалъ возобновленія войны, въ которой надѣялся пожать лавры, и снабженный деньгами отъ духовенства и римскаго двора, двинулся противъ Ла Рошели (3-я война 1569—70), которую гюгеноты избрали сборнымъ мѣстомъ для своихъ войскъ. Кондѐ, едва избѣжавшій плѣна, гдѣ ожидала его участь Эгмонта, снова сталъ во главѣ воинственныхъ кальвинистовъ, устремившихся со всѣхъ сторонъ въ Ла-Рошель на защиту свободы совѣсти. Елисавета доставила деньги и боевые снаряды; Вольфгангъ Цвейбрюккенскій привелъ съ собою наемныя войскà, — но превосходныя силы непріятеля одолѣли. Жарнакское дѣло (1569) кончилось не въ пользу гюгенотовъ. Сдавшійся на уговоръ Кондѐ былъ вѣроломно разстрѣлянъ. Во главѣ гюгенотскихъ ополченій стали теперь сынъ его и юный Генрихъ Беарнскій, котораго героиня-мать, Іоанна д'Альбрѐ (дочь остроумной Маргариты, сестры Франциска I), тоже укрывалась въ Ла-Рошели; но душою всего предпріятія былъ храбрый Колиньи, находившійся при Кондѐ въ качествѣ руководителя и совѣтника. Вторая битва при Монконтурѣ также рѣшилась противъ гюгенотовъ; но раздоры противной стороны, опасенія королевы по поводу преобладанія Испаніи и страхъ ея за прочность собственнаго положенія, все-таки дали счастливый для нихъ исходъ дѣлу. Сенъ-Жерменскій миръ даровалъ гюгенотамъ свободу вѣроисповѣданія въ болѣе широкомъ противъ

прежняго размѣрѣ и сверхъ-того доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ.

§ 535. Варѳоломеевская ночь, 24-го августа 1572. Карлъ IX, повидимому, искренно желалъ мира. Могъ ли онъ равнодушно видѣть распаденіе всѣхъ узъ порядка и законности, поврежденіе общественныхъ нравовъ опасною іезутскою казуистикой, по которой данное еретику слово ни для кого не было обязательно, упадокъ мирныхъ занятій, а съ ними и благосостоянія страны, и полное надеждъ злорадство, съ какимъ другія державы смотрѣли на самотерзаніе великой націи? Поэтому онъ старался точнымъ исполненіемъ условій мира разсѣять недовѣрчивость гюгенотовъ; онъ сблизился съ Нидерландами и Англійскою королевой, призвалъ Колиньи ко двору и окружилъ почетомъ, какъ совѣтника и чуть не какъ отца; обдумывалъ всѣ поводы къ войнѣ съ Испаніею въ пользу Нидерландовъ, и при каждомъ случаѣ показывалъ благосклонность къ вождямъ гюгенотовъ. А для того, чтобы крѣпче соединить обѣ религіозныя партіи, онъ устроилъ бракосочетаніе сестры своей Маргариты Валуà съ главою гюгенотовъ, Бурбономъ Генрихомъ Беарнскимъ. Но Катерина и герцогъ Анжуйскій, не раздѣляли мнѣній короля. Они ненавидѣли адмирала и считали войну съ Испаніей опасною для Франціи и для католической церкви. Катерина держалась своей фамильной морали, по которой «все было позволительно для сохраненія власти». Вѣрная ученію, преподанному ей герцогомъ Альбою и которое онъ, какъ казалось, съ успѣхомъ примѣнялъ въ Нидерландахъ, она старалась, заодно съ Гизами, избавиться отъ гюгенотскихъ вождей, чтобы послѣ тѣмъ легче одолѣть лишенныя начальства ополченія.—Іоанна д'Альбрè, искренняя послѣдовательница Кальвина и Безà, умерла незадолго до обрученія своего сына; подозрѣвали, что она была отравлена. Колиньи предстояло умереть отъ руки убійцы, но пуля только раздробила ему руку, и потому надо было замыслить новое убійство. Свадьба (18-го августа), для празднованія которой многіе знатные гюгеноты поспѣшили въ столицу, какъ бы сама собою представлялась удобнымъ случаемъ для нанесенія рѣшительнаго удара.

Катерина и Гизы составили планъ страшной Варѳоло-

меевской ночи, превратившей бракосочетаніе Генриха и Маргариты въ кровавый свадебный пиръ. Въ полночь, когда ударили въ набатъ съ колокольни Сенъ-Жерменъ-л'Осерруа, вооруженныя шайки наемныхъ убійцъ бросились на безоружныхъ кальвинистовъ. Маститый герой Колиньи былъ первою жертвой мстительной ненависти Гизовъ. На него напали въ его комнатѣ. Не смотря на его старость, подкупленные злодѣи ранили его смертельно и еще живаго выбросили въ окно. Говорятъ, онъ хотѣлъ удержаться лѣвою рукой за при-оконную колонну: тогда новыми ударами сбросили его на дворъ, гдѣ герцоги Гизъ и Ангулемскій приняли старика, испускавшаго въ ту минуту послѣднее дыханіе. Потомъ шайки убійцъ обошли всѣ части города, наполняя дома и улицы кровью и трупами, попирая ногами чувство, человѣколюбіе и законъ. Три дня продолжалась эта бойня, которой подражали во многихъ другихъ городахъ и которая, по самому умѣренному разсчету, свела въ могилу 25,000 гюгенотовъ. Словесныя повелѣнія, съ быстротою вѣтра переносимыя изъ города въ городъ, вездѣ спускали съ цѣпи фанатизмъ. И потомъ когда уже дѣйствительно хотѣли сдержать порывы разнузданной ярости, она безпрестанно возгаралась снова, живя уже собственною силою, требуя крови и питаясь ею; умы наполнились дикими фантазіями, среди которыхъ пугались и сами себя и стихій. Королю сообщили этотъ планъ незадолго до его исполненія, и лживымъ изображеніемъ угрожавшихъ трону опасностей представили какъ совершенную необходимость; этотъ слабый государь легко поддался влеченію страсти и врожденной дикости характера; онъ даже самъ стрѣлялъ въ бѣгущихъ изъ оконъ своего дворца. Не довольствуясь избіеніемъ значительнѣйшихъ вождей, которое, кажется, одно имѣлось въ виду первоначально, онъ распространилъ кровопролитіе на всѣхъ протестантовъ безъ разбора. И потомъ, когда общій голосъ указывалъ на Гизовъ, какъ на зачинщиковъ рѣзни и требовалъ ихъ къ отвѣту, Карлъ принялъ всю вину на себя и оправдалъ свершенныя злодѣйства выдуманнымъ заговоромъ кальвинистовъ.

Вѣсть о Вареоломеевской ночи произвела громкую радость въ Мадридѣ, а въ Римѣ всѣ церкви огласились благодарственнымъ молебствіемъ

за истребленіе еретиковъ. Съ ужасомъ покинули многіе французскіе протестанты напоенную кровью родную землю и искали защиты въ Швейцаріи, Германіи (Пфальцѣ) и Нидерландахъ; другіе укрылись въ южныхъ замкахъ и крѣпостяхъ, твердо рѣшась умереть за свою вѣру; слабѣйшіе сдѣлались добычею монаховъ и іезуитовъ. Генрихъ Наваррскій и Конде спасли жизнь свою вынужденнымъ отреченіемъ отъ ереси; но потомъ, находясь уже въ безопасности, возвратились къ прежней вѣрѣ. Вообще Варѳоломеевская ночь не имѣла ожиданныхъ послѣдствій. Страшное злодѣйство, возбудившее раздоръ въ войскѣ и отвращеніе во всѣхъ болѣе мягкихъ характерахъ, сверхъ того породило въ гюгенотахъ рѣшимость — лучше умереть въ честномъ бою, чѣмъ погибнуть отъ вѣроломной руки какого-нибудь безвѣстнаго убійцы. Въ Ла-Рошели, Монтобанѣ и Нимѣ доведенные до отчаянія кальвинисты защищались съ такимъ геройскимъ мужествомъ, что дворъ снова былъ вынужденъ даровать имъ свободу совѣсти и политическія права. Злоупотребленіе королевской власти при исполненіи криваваго дѣла естественно привело къ новой въ государственномъ правѣ идеѣ о народовластіи и о необходимости поставить законныя границы безусловному произволу трона. Ни какою исторической подмалевкой, хотя бы даже и геніально исполненной, не прикрыть ту нравственную бездну, въ какую пали тогда и французскій дворъ и господствующее сословіе.

§ 536. **Генрихъ III.** Два года послѣ Варѳоломеевской ночи (13 мая 1574) умеръ на 24 году отъ роду Карлъ IX, терзаемый угрызеніями совѣсти и напуганный страшными видѣніями и грезами. Вся радость жизни отравлялась для него сознаніемъ, что и у современниковъ и у потомства онъ оставитъ по себѣ память государя жестокосердаго и свирѣпаго до звѣрства. Братъ его Генрихъ (доселѣ герцогъ Анжуйскій), избранный всего только за годъ на польскій престолъ (§ 511), узнавъ о смерти Карла, бѣжалъ тайно съ суровыхъ береговъ Вислы и черезъ Италію отправился во Францію, гдѣ ожидали его и прекраснѣйшая корона, и столица, болѣе полная наслажденій. — Ставъ королемъ, Генрихъ III не обнаружилъ слѣда прежней энергіи. Изнѣженность, сластолюбіе и суетность удалили отъ него всякую серьёзную работу мысли. Запершись во внутреннихъ покояхъ дворца съ своими любимчиками (mignons) и собаченками, онъ забывалъ о буряхъ и бѣдствіяхъ государства; а когда находилъ на него страхъ за грѣховную жизнь, прово-

димую въ безпутствѣ и сладострастіи, онъ искалъ утѣшенія въ суевѣрной набожности, въ хожденіяхъ на богомолье, духовныхъ процессіяхъ, покаяніи и бичеваньяхъ.

Религіозный миръ, который, вскорѣ по его прибытіи (изъ Польши), вынудили у него съ мечемъ въ рукѣ партія такъ-называемыхъ политиковъ и соединенные съ ними гюгеноты, уничтожилъ плоды всѣхъ прежнихъ усилій и возмутилъ ревнителей старой вѣры. Подъ руководствомъ Генриха Гиза и въ согласіи съ Филиппомъ II, составили они священную лигу для охраненія нарушенныхъ правъ католичества (1576). Стараніями изувѣрныхъ поповъ, монаховъ и іезуитовъ, къ этому союзу приступили многіе. Озабоченный волненіемъ народа, малодушный и вѣроломный Генрихъ III сблизился съ ревностными католиками, объявилъ себя главою лиги и постановленіемъ земскихъ чиновъ ограничилъ условія послѣдняго религіознаго мира. Хотя это и повело къ возобновленію войны, однакожь нанесло рѣшительный ударъ могуществу лиги, которая имѣла въ виду не только истребленіе кальвинизма, но въ тайнѣ замышляла и ограниченіе королевской власти или по крайней мѣрѣ перемѣну правителя. Опасаясь господствовавшей тогда ярости партій, Генрихъ III старался какъ можно скорѣе окончить войну на справедливыхъ условіяхъ. Это и состоялось при заключеніи мира въ Пуатье (1577), гдѣ гюгенотамъ предоставлены свобода вѣроисповѣданія, доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ и образованіе при парламентахъ смѣсныхъ палатъ, съ нѣкоторыми только ограниченіями.

Первый миръ Генриха III. По первому религіозному миру гюгенотамъ были сдѣланы слѣдующія уступки: полная свобода вѣры и богослуженія, равноправность со всѣми другими гражданами, при каждомъ изъ осьми верховныхъ судилищъ (парламентовъ) смѣсная палата (chambre mipartie), составленная на половину изъ католиковъ и протестантовъ, для разбора и рѣшенія такихъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны интересы лицъ обоихъ исповѣданій, и сверхъ-того отдано имъ восемь крѣпостей. Братъ короля, Францискъ, герцогъ Алансонскій, бывшій вмѣстѣ съ Монморанси и братомъ его, лангедокскимъ губернаторомъ, Данвилемъ (Damville), главою партіи политиковъ, получилъ герцогство Анжу съ придачею Берри и много

разныхъ правъ и доходовъ. Данвиль требовалъ притомъ созыва національнаго духовнаго собора, на который прислали бы своихъ выборныхъ и гюгеноты, для того, чтобы «смягчить Божій гнѣвъ дѣйствительнымъ преобразованіемъ духовенства [1]».

§ 537. Лига. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ шаткаго мира, въ теченіе которыхъ, правда, не поднималось оружія, но ненависть и недовѣріе наполняли всѣ сердца, умеръ Францискъ (1584), послѣдній изъ братьевъ бездѣтнаго короля, пожалованный по восшествіи на престолъ Генриха III въ герцоги Анжуйскіе, и ближайшимъ наслѣдникомъ престола сталъ Бурбонъ Генрихъ Наваррскій (Беарнскій). Тогда Гизъ снова вызвалъ къ жизни священную лигу. Предстоящее воцареніе протестантскаго короля наводило ужасъ всей католической Франціи и придавало особенную силу внушеніямъ поповъ и кознямъ іезуитовъ. Образцомъ того, что угрожаетъ Французамъ, выставляли гоненіе на католиковъ въ Англіи, изображая его въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ. Гдѣ проповѣдь и исповѣдь безсильны были побудить къ возстанію, тамъ просто помогали деньги, а въ нихъ не было недостатка съ тѣхъ поръ, какъ къ лигѣ приступилъ Филиппъ II; дворянство, пренебреженное дворомъ и заслоненное низкими любимцами безъ заслуги и достоинства, охотно примкнуло къ такому союзу, который рядомъ съ поддержаніемъ католической вѣры

---

[1] Въ царствованіе слабодушнаго Генриха III, Франція возвратилась такъ-сказать къ тому политическому состоянію, какое имѣла въ 12 вѣкѣ: губернаторы областей сдѣлались чуть не такими же независимыми державцами, какими были нѣкогда графы Тулузскіе и герцоги Бургундскіе: въ Лангедокѣ Данвиль, въ Гвіэннѣ король Наваррскій, въ Шампаньи герцогъ Гизъ, въ Бургони герцогъ Майеннъ, въ Пикардіи герцогъ Омальскій, въ Бретани герцогъ Меркёръ (родной братъ королевѣ и двоюродный Гизамъ), собирали подати, держали на жалованьи войско, заключали союзы на полной своей волѣ, едва лишь соблюдая къ королю наружные знаки уваженія и васальства; ихъ слушались и любили въ провинціяхъ, которымъ они возвратили часть ихъ политическаго существованія. Точно такъ же и большіе города, среди безначалія междоусобныхъ войнъ, снова усвоили себѣ прежнее значеніе и независимость, управляясь сами собою и нисколько не разсчитывая на опору короля: Парижъ, Марсель, Тулуза, Бордо, Руанъ, съ одной стороны, Ла Рошель, Нимъ, Монтобанъ, съ другой, сдѣлались настоящими республиками съ одинаково-демократическимъ устройствомъ, не смотря на то, что послѣдніе держались протестантизма, а первые оставались вѣрны католичеству. Броженіе демократическихъ идей было въ то время обще молодому поколѣнію обѣихъ религіозныхъ партій. Отсюда вышла и партія политиковъ, хотѣвшая ограниченія королевской власти.

обѣщалъ отмѣну разныхъ закоренѣлыхъ злоупотребленій и манилъ притомъ богатымъ надѣломъ изъ имуществъ, отобранныхъ у гюгенотской партіи. Чтожь касается до опытныхъ въ военномъ дѣлѣ дружинъ, то Франція имѣла ихъ въ избыткѣ. Подъ водительствомъ умнаго и энергическаго Генриха Гиза, лига въ короткое время достигла страшнаго могущества. По неотступнымъ ея настояніямъ папа Сикстъ V отлучилъ отъ церкви Генриха Наваррскаго и объявилъ его недостойнымъ престола; слабый король, навлекшій себѣ общее презрѣніе своимъ безпутнымъ образомъ жизни и шаткостью въ политикѣ, долженъ былъ отмѣнить всѣ прежніе договоры съ гюгенотами, торжественно возвѣстить истребленіе еретиковъ и одобрить всѣ мѣры лиги. Всякое уклоняющееся отъ римской церкви исповѣданіе было запрещено подъ страхомъ лишенія имущества и жизни. «Война трехъ Генриховъ[1]» снова растерзала Францію междоусобіями, и сколь ни храбро защищали кальвинисты права своего вождя и свободу своей вѣры,— превосходство силъ на сторонѣ противниковъ одержало верхъ, и гюгеноты были вездѣ сбиты съ поля. Побѣда придала герцогу Гизу еще болѣе смѣлости. Сильный расположеніемъ народа, который видѣлъ въ немъ втораго Гедеона, сильнаго поборника вѣры прадѣдовъ, могъ онъ отважиться на все. Сначала наслѣдникомъ престола выставленъ былъ старый дядя Генриха Беарнскаго (кардиналъ Бурбонъ); теперь герцогъ Гизъ самъ простеръ руку къ коронѣ: слывя потомкомъ Каролинговъ, онъ могъ предъявить болѣе древнія права, нежели сама царствующая династія.

§ 538. Баррикады (1588). Въ Парижѣ самые ревностные и отважные лигисты, еще вскорѣ по возникновеніи лиги, составили тайный союзъ шестнадцати[2] (les Seize) и черезъ фанатическихъ площадныхъ ораторовъ поддерживали постоянное броженіе въ народѣ; теперь, подъ ихъ вліяніемъ, образовался тамъ заговоръ противъ свободы короля, а въ крайнемъ случаѣ — и противъ его жизни. Имѣлось въ виду такъ же

---

[1] Именно: Генриха III, Генриха Наваррскаго и Генриха Гиза.

[2] По шестнадцати частямъ города. Каждою завѣдывалъ одинъ изъ членовъ этого революціоннаго комитета, заступившаго потомъ мѣсто всѣхъ муниципальныхъ властей.

точно извести послѣдняго Валуа, какъ умеръ послѣдній изъ Меровинговъ (§ 269). Предупрежденный объ этомъ умыслѣ, Генрихъ III призвалъ въ защиту себѣ швейцарскіе полки. Заговорщики перепугались. Чтобы вдохнуть имъ болѣе мужества и предпріимчивости, явился въ Парижъ, вопреки королевскому запрещенію, самъ герцогъ Гизъ, и въ короткое время собралось вокругъ него до 30,000 союзниковъ. Разговоръ съ королемъ (при чемъ Гизъ поставлялъ необходимымъ условіемъ удаленіе его любимцевъ и принятіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ гюгенотской партіи) не привелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ, а броженіе между тѣмъ все продолжалось. Распространившаяся вдругъ молва, что хотятъ умертвить всѣхъ начальниковъ лиги, усилила волненіе до такой степени, что когда приходъ новыхъ войскъ повидимому подтвердилъ справедливость общаго слуха, народъ поднялся цѣлой массою (12 мая 1588), загородилъ баррикадами улицы и мосты и, напавъ на раздѣльные военные отряды, отчасти забралъ ихъ въ плѣнъ, отчасти перебилъ. Трепещущій отъ страха король убѣжалъ съ своими любимцами въ городъ Шартръ, предоставляя столицу своему противнику, а тотъ, возстановивъ спокойствіе, замѣстилъ всѣ начальственныя должности благонадежными людьми, овладѣлъ Бастиліей и другими вооруженными мѣстами и потомъ принудилъ короля дать ему неограниченное начальство надъ всѣми войсками и тѣмъ самымъ предоставить такое же положеніе, какое занималъ при Меровингахъ майордомъ. Но уступки не положили конца ни волненію народному, поддерживаемому происками тайныхъ зажигъ, ни чрезмѣрнымъ требованіямъ герцога и его приближенныхъ. Сеймъ, созванный въ Блуа (сент. 1588), гдѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи Гизовъ, имѣлъ въ виду не только ту цѣль, чтобы лишить Бурбоновъ престолонаслѣдія и истребить кальвинистовъ, но и измѣнить самое управленіе, до крайности ограничить королевскіе доходы и передать всю власть въ руки Гизовъ и ихъ приверженцевъ. Тогда Генрихъ III отважился на рѣшительный шагъ. Онъ велѣлъ умертвить герцога Гиза и его брата, кардинала Людовика, и захватить главныхъ предводителей этой партіи (24 дек. 1588). Боязнь за послѣдствія этого

поступка ускорила смерть больной Катерины Медичи (5 янв. 1589), на которую падаетъ вина всѣхъ бѣдствій этой роковой эпохи.

§ 539. Конецъ Генриха III. Убійство Гизовъ произвело въ цѣломъ краѣ страшное волненіе. Общимъ лозунгомъ стала месть безбожному королю, ниспровергшему столпы католицизма. Парижъ пришелъ въ лихорадочное состояніе; фанатическіе площадные ораторы поддерживали постоянное волненіе въ народѣ. Открыто проповѣдывали ученіе, «что тиранъ, оскорбившій религію и общественныя связи, можетъ быть умерщвленъ и частною рукой». Братъ Гиза, герцогъ Карлъ де-Майеннъ, человѣкъ ненасытнаго честолюбія, съ энергическимъ, рѣшительнымъ характеромъ, сталъ во главѣ лиги и союзныхъ войскъ; королю отказано въ повиновеніи; въ бо̀льшей части государства правительственная власть перешла отъ королевскихъ сановниковъ въ руки совѣта сорока̀, а въ Парижѣ—въ руки совѣта шестнадцати, который присвоилъ себѣ все городское управленіе. Тщетно Генрихъ III старался успокоить умы и укротить бурю, — отлученный папою, покинутый своими друзьями, позоримый народомъ, безъ денегъ и безъ войскъ, онъ не могъ придумать для своего спасенія ничего иного, кромѣ союза съ Генрихомъ Наваррскимъ и гюгенотами. Междоусобная война засвирѣпѣла кровополитнѣе чѣмъ когда-либо прежде (іюль 1589); но счастіе обернулось къ лигѣ спиной. Уже Генрихъ осадилъ столицу и угрожалъ обратить невѣрный городъ въ груду развалинъ, когда ножъ доминиканскаго монаха, фанатика Якова Клемана (Clement), внезапно отомстилъ за смерть Гизовъ. 1 августа 1589 г. погибъ отъ руки убійцы послѣдній Валуа̀, назначивъ по себѣ преемникомъ Генриха Наваррскаго и Беарнскаго, который происходилъ отъ четвертаго сына Людовика Святаго.

§ 540. Генрихъ IV (1589—1610). Но Генриху предстояла еще трудная борьба прежде чѣмъ корона Франціи увѣнчала его голову. Лигисты, предводимые Майѐнномъ, при содѣйствіи испанскихъ войскъ и опытнаго въ бою герцога Пармскаго, всѣми силами сопротивлялись наслѣднику престола, кальвинисту. Въ своей религіозной ненависти, они скорѣе приняли бы короля отъ руки Филиппа II и стали бы подъ покрови-

тельство Испаніи, нежели потерпѣть на престолѣ Франціи еретика, хотя и удивлявшаго ихъ своими рыцарскими качествами. Долго пытался Генрихъ пріобрѣсть свое наслѣдіе мечемъ; послѣ побѣды, одержанной надъ Майѐнномъ подъ Иврй, онъ обложилъ Парижъ тѣсною осадой (1590) и далъ гражданамъ почувствовать всѣ ужасы голода и войны. Но число враговъ его все умножалось; Испанія все смѣлѣе выступала съ своими замыслами; Майѐннъ открыто стремился къ престолу; цѣлыя области грозили отложиться отъ королевства и пріобрѣсть себѣ независимость подъ державою своихъ туземныхъ государей. Тогда Генрихъ IV пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что битвами и побѣдами ему никогда не достигнуть спокойнаго обладанія французскимъ престоломъ; онъ разсчелъ, по собственному его выраженію, «что корона Франціи стоитъ миссы». Въ соборномъ храмѣ Сенъ-Денй (23 іюля 1593) перешелъ онъ къ католическому исповѣданію и этимъ окончательно сокрушилъ могущество лиги. Парижъ отперъ ему свои ворота и принялъ миротворца съ радостнымъ торжествомъ; главы лиги поспѣшили сблизиться съ законнымъ государемъ, пока было еще время сдѣлать это на выгодныхъ условіяхъ; Сорбонна торжественно признала положеніе, что «каждый обязанъ повиноваться власти предержащей и что освященный царскій санъ воистину есть божественное учрежденіе»; папа разрѣшилъ Генриха отъ анаѳемы и заключилъ съ нимъ договоръ на умѣренныхъ условіяхъ; самъ Филиппъ II, лишась дальнѣйшаго вліянія на ходъ дѣлъ во Франціи и опасаясь неизбѣжной войны съ Генрихомъ IV, согласился на Вервенскій миръ (1598). Такъ законная власть короля преодолѣла наконецъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и во Франціи засіялъ великій день Бурбонской монархіи.

§ 541. Примиреніе. По возстановленіи внутренняго и внѣшняго мира во Франціи, король издалъ въ пользу бывшихъ своихъ единовѣрцевъ, съ которыми онъ такъ долго дѣлилъ и радость и горе, безотмѣнный Нантскій эдиктъ (13 апр. 1598), которымъ дарованы имъ свобода вѣры и богослуженія съ малыми только ограниченіями, полное право гражданства и разныя другія льготы, какъ напримѣръ смѣсныя палаты при парламентахъ (§ 536), многія укрѣпленныя мѣста со всѣми военными снарядами, въ видѣ обезпеченія (Ла Рошель,

Сомюръ, Монтобанъ, Нимъ и друг.); сверхъ-того были они изъяты отъ подсудности епископамъ, однакожь обязаны вносить десятину въ пользу католической церкви. За это король принималъ на свой счетъ нѣкоторую часть ихъ духовныхъ потребностей и расходовъ по содержанію гарнизона въ предоставленныхъ имъ крѣпостяхъ. Рядомъ съ церковными синодами для обсужденія духовныхъ дѣлъ, они держали по временамъ политическія собранія, гдѣ избирались депутаты для соблюденія общихъ интересовъ реформатскаго исповѣданія при королевскомъ верховномъ судѣ. Такимъ образомъ, послѣ многихъ бурь, гюгеноты пріобрѣли себѣ сверхъ чаянія выгодное положеніе. Но многія надежды ихъ не сбылись; изъ 2000 церквей, существовавшихъ передъ началомъ войны, уцѣлѣло не болѣе 750! Іезуиты дѣятельно старались о возможномъ уменьшеніи ихъ числа и не смотря на то, для совершеннаго умиротворенія Франціи, Генрихъ IV отмѣнилъ чрезъ нѣсколько времени даже судебный приговоръ, которымъ орденъ осужденъ былъ на изгнаніе послѣ того какъ на него пала тяжкая вина за покушеніе на королевскую жизнь со стороны фанатика Шателя.

«Молодой человѣкъ, запятнанный противоестественными пороками, по имени Жанъ Шатель (повѣствуетъ Ранке), увлекшись еще господствовавшею тогда, дикою безрядицей всѣхъ понятій, пришелъ къ мысли, что онъ можетъ смыть свои хрѣхи и избавиться отъ заслуженнаго имъ вѣчнаго осужденія только тѣмъ, если сбудетъ съ рукъ Генриха IV. Въ убійствѣ своего короля видѣлъ онъ благое религіозное дѣло. Однажды онъ умѣлъ найдти доступъ въ Луврскій дворецъ и напалъ на Генриха, окруженнаго многочисленнымъ обществомъ (1594); своимъ смертоноснымъ орудіемъ онъ поранилъ его въ ротъ. Изъ допроса оказалось, что онъ воспитывался у іезуитовъ; по его собственному признанію, отъ нихъ наслышался онъ мнѣнія, что доколѣ король Французскій не получитъ разрѣшенія отъ папы, онъ не болѣе какъ тиранъ, котораго позволительно умертвить и по человѣческому, и по божескому праву. При обыскѣ въ іезуитской коллегіи нашли записки, составленныя во время лиги совершенно въ томъ духѣ, какой въ ней господствовалъ, и повидимому вполнѣ подтверждавшія то, что думали и говорили о гнусности и опасности іезуитскихъ ученій, но о чемъ достовѣрно еще не знали. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ вся будущность Франціи зависѣла отъ жизни Генриха. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо, цареубійственныя правила, вызвавшія, если не прямо, то косвенно, покушеніе на эту дорогую жизнь, должны были

возбудить общее волненіе противъ ихъ первоначальниковъ и приверженцевъ. Шатель былъ приговоренъ къ смерти. Но парламентъ не удовольствовался казнію преступника; онъ хотѣлъ пресѣчь самый источникъ зла. По его постановленію орденъ іезуитовъ былъ изгнанъ изъ королевства; ученіе о томъ, что до папскаго разрѣшенія короля не должно почитать законнымъ государемъ, парламентъ обьявилъ не только гнуснымъ, но и еретическимъ, и строжайше запретилъ распространять его. — Вслѣдствіе этого іезуиты удалились, хотя не изъ всѣхъ областей Французской монархіи — въ судебныхъ округахъ обоихъ южныхъ порламентовъ они пользовались терпимостью, — но по крайней мѣрѣ изъ средоточія и большей части провинцій. Своими позднѣйшими усиліями возстановить спокойствіе и примирить главу церкви съ королемъ они проложили себѣ дорогу къ возвращенію. — Нантскій эдиктъ встрѣтилъ сначала упорное сопротивленіе со стороны парижскаго парламента. Чтобы преодолѣть его, Генрихъ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе знатнѣйшихъ членовъ и своими настойчивыми и благоразумными увѣщаніями довелъ до того, что передъ нимъ умолкли всѣ возраженія. Онъ принялъ ихъ одѣтый по домашнему, потому что хотѣлъ переговорить съ ними частнымъ образомъ и откровенно. Онъ началъ напоминаніемъ о кровавыхъ ужасахъ междоусобныхъ войнъ. «Если они намѣрены возобновить ихъ (говорилъ король), то пусть изготовятся какъ капуцины во время лиги, которые препоясали свои рясы смертоноснымъ мечемъ; онъ съ своей стороны намѣренъ быть царемъ мирнымъ, царемъ-пастыремъ, и не проливать крови подданныхъ своихъ. Что на него могутъ поднять мятежъ въ городѣ, онъ этого не боится; онъ пройдетъ черезъ парижскія баррикады, какъ прошелъ черезъ стѣны многихъ другихъ городовъ. Въ его глазахъ ревность къ вѣрѣ не оправдываетъ непокорности; необузданная ревность скорѣе заслуживаетъ наказанія: въ этомъ дѣлѣ самъ папа будетъ на его сторонѣ и наложитъ проклятіе на ослушныхъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что Франція не можетъ существовать безъ католической религіи, но очевидно и то, что безъ него (короля), которому самъ Богъ вручилъ правленіе по наслѣдственному праву, не устоятъ ни государство, ни религія! И всего менѣе должны противиться ему члены парламента, обязанные ему тѣмъ, что сидятъ на своихъ мѣстахъ: однимъ изъ нихъ онъ помогъ пріобрѣсть домà, другимъ сохранить свободу вѣроисповѣданія. Не силою можно обратить людей на путь истины, а между тѣмъ различіе между католиками и гюгенотами непремѣнно должно исчез-

нуть; всѣ они равно обязаны быть добрыми Французами; онъ уже давно занятъ мыслію, которую еще надѣется осуществить; онъ намѣренъ привесть въ исполненіе задуманное имъ преобразованіе церкви!»

Правленіе Генриха IV было истиннымъ благодѣяніемъ для Франціи. Народъ радовался наступленію давно желаннаго мира при государѣ, съ участіемъ смотрѣвшемъ на страданія и радости своихъ подданныхъ, — государѣ, чья истинно-французская натура, со всею ея привѣтливою веселостью, столько же возбуждала къ нему народную любовь, сколько его военная слава и царственныя дарованія льстили народному самолюбію. По этому то и остались безуспѣшны всѣ попытки недовольныхъ дворянъ возобновить междоусобіе, и предводитель ихъ, храбрый, рыцарственный Биронъ поплатился за свои крамолы головою (1602) [1]. Благодаря умному и осторожному управленію министра финансовъ, Максимиліана де-Бетюна, сеньёра де-Росни, награжденнаго титуломъ герцога Сюлли, который былъ много лѣтъ товарищемъ Генриху въ его несчастіи и пользовался совершеннымъ его довѣріемъ, государственная казна была полна, а народъ не имѣлъ причины жаловаться на чрезмѣрный гнетъ налоговъ [2]. Земледѣліе, промышленность и торговля пришли мало-по-помалу въ цвѣтущее состояніе. (Генрихъ, даже вопреки мнѣнію Сюлли, водворилъ между прочимъ шелководство въ обширныхъ размѣрахъ,

---

[1] Биронъ былъ прежде однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и полезныхъ слугъ Генриха IV; онъ получилъ тридцать двѣ раны, сражаясь за него съ лигистами. Получивъ въ управленіе Бургундію, онъ увлекся надеждами стать независимымъ державцемъ, привлекъ къ себѣ недовольныхъ дворянъ южной Франціи и вступилъ въ вѣроломные переговоры съ герцогомъ Савойскимъ.

[2] Современныя свидѣтельства, даже Записки самого Сюлли, удостовѣряютъ въ противномъ: народъ крѣпко жаловался на тягость податей, которыя, при всей бережливости и предусмотрительности министра финансовъ, возрастали вмѣстѣ съ государственными расходами, необходимыми для введенія благоустройства въ странѣ, такъ долго волнуемой и разоряемой междоусобными войнами. Возстановленіе порядка требовало сверхъ-того такихъ крайнихъ мѣръ строгости, которыя не могли нравиться большинству народа: въ Парижѣ не проходило ни одного дня безъ смертныхъ казней; парламентъ то и дѣлалъ, что осуждалъ убійцъ, разбойниковъ, воровъ, прелюбодѣевъ и другихъ преступниковъ, оскверненныхъ самыми противуестественными злодѣйствами; одни поединки истребляли каждый годъ по нѣсколько сотъ дворянъ. Величіе Генриха всего болѣе видно въ той неизмѣнно-благодушной твердости, съ какою онъ переносилъ незаслуженный ропотъ своего народа.

при содѣйствіи опытнаго хозяина Оливье де-Серра). Въ желѣзныхъ шкафахъ въ Арсеналѣ хранились сокровища казны. Единственная слабость Генриха, его чрезмѣрное женолюбіе, въ глазахъ Французовъ было скорѣй достоинствомъ, нежели порокомъ; твердая настойчивость Сюлли не дала водвориться вліянію королевскихъ фаворитокъ на политику; задуманному браку короля съ прекрасною Габріэлью д'Эстрè помѣшала внезапная смерть этой нѣжно-любимой имъ женщины (1599). Вскорѣ потомъ, съ согласія папы, объявившаго незаконнымъ супружество его съ (родственною Генриху) Маргаритою де Валуà, король женился во второй разъ на (племянницѣ папы) Маріи Медичи. Но фанатизмъ уснулъ еще не совсѣмъ; вѣротерпимость Генриха къ еретикамъ пробудила его снова. Въ то время, какъ онъ былъ занятъ обширнымъ планомъ, въ согласіи съ германскою Уніей (§ 563) и другими европейскими державами, учредить всемірно-христіанское государство, которое обезпечивало бы равноправность всѣхъ трехъ исповѣданій, и тѣмъ сокрушить преобладаніе Гагбсбургскаго дома, онъ палъ подъ ножемъ Равальяка (14 мая 1610). «Если Богъ за насъ, кто противъ насъ?» воскликнулъ кардиналъ Толедскій при вѣсти объ этомъ злодѣяніи и тѣмъ самымъ высказалъ, какое чувство было возбуждено имъ въ сердцахъ Испанцевъ.

«Генрихъ, говоритъ Ранке, родился съ самыми простыми наклонностями: волынку и свирѣль предпочиталъ онъ художественной музыкѣ, и любилъ водиться съ простонародьемъ. Какъ прежде на походахъ, сидя въ кругу простыхъ солдатъ, онъ насыщался съ ними ихъ чернымъ хлѣбомъ, такъ теперь на рѣчныхъ перевозахъ и въ шинкахъ, куда зачастую приводила его охота, любилъ онъ мѣшаться въ толпу, оставаясь какъ можно долѣе неузнаннымъ, заводилъ бесѣду съ мужиками и иногда слышалъ отъ нихъ такіе отзывы, что лучше бы и неслыхать. Онъ являлся также на ярмонки и базары и закупалъ тамъ нужное для себя, но при этомъ давалъ всегда самую дешевую цѣну, половину или даже треть спрошенной; всѣ замѣчали, что имѣя дѣло съ королемъ, продавецъ не наживаетъ ни какой пользы. Страсть послѣднихъ медичійскихъ Валуà блистать царской щедростью была ему совершенно чужда; скорѣе можно было упрекнуть его въ противномъ; онъ зналъ, что его зовутъ скупымъ и смѣялся этому. — Съ перваго взгляда поражала въ немъ противоположность сѣдинъ, преждевременно покрывшихъ его виски и

темя съ энергическими чертами его лица и его мужественною осанкой. Сѣдины были плодомъ бурь, несчастій и заботъ, тяготѣвшихъ надъ нимъ съ самой ранней молодости, а явные признаки бодрости показывали крѣпкое здоровье, закаленное трудами на охотѣ и въ военномъ лагерѣ. Лучшимъ средствомъ избавиться отъ подагры, мучившей его по временамъ, считалъ онъ удвоенную дѣятельность и напряженіе; тутъ онъ могъ перещеголять всякаго другаго. Это было олицетвореніе жизненной силы и молодечества, не безъ примѣси цинизма, обыкновеннаго спутника такихъ свойствъ, особенно въ отношеніяхъ къ другому полу; у него нечего было искать внѣшняго достоинства, приличнаго столь высокому положенію. Въ переговорахъ, ради увертки, онъ готовъ былъ ухватиться за всякое оправданіе; да онъ ни мало и не скрывалъ, если перемѣна обстоятельствъ вынуждала его отступиться отъ условленныхъ рѣшеній; кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, тотъ долженъ былъ держать ухо остро, чтобъ не дать ему обойдти себя или какъ-нибудь застращать. При всемъ простодушіи своей первобытной природы, онъ могъ поспорить въ хитрости съ самымъ ловкимъ дипломатомъ. Онъ былъ вкрадчивъ и привлекателенъ, но вмѣстѣ и заносчивъ до оскорбительности, язвителенъ и въ то же время добродушенъ; однакожь можно почти навѣрное сказать, что рѣзкость составляла одну внѣшнюю сторону его характера и проявлялась только въ отношеніи къ отдѣльнымъ личностямъ, а въ глубинѣ души онъ былъ полонъ доброты и благожелательства ко всѣмъ людямъ. Хотя по многимъ нравственнымъ свойствамъ онъ подходилъ къ другимъ личностямъ, однакожь тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, сдѣлало Генриха сознаніе его положенія и призванья, и это сознаніе никогда не выходило у него изъ головы. Вседневныя занятія и утѣхи никогда не потемняли у него чувства его назначенія, которое всегда было въ немъ живо и представлялось ему въ чертахъ истинно великихъ. Для того, чтобъ провести свою монархическую мысль, употреблялъ онъ въ дѣло и свое остроуміе, и бдительность, и ловкость, — употреблялъ, однимъ словомъ, всю энергію своего характера.»

4. Англія и Шотландія.

§ 542. Елисавета 1558—1903. Характеръ Елисаветы образовался въ школѣ бѣдствія въ царствованіе Маріи. Она обладала повелительнымъ духомъ и надменностью своего отца

и управляла настойчиво и строго, но не жертвовала, подобно ему, благомъ государства своимъ страстямъ и деспотическимъ прихотямъ; она заковала въ цѣпи политическую и религіозную свободу своего народа и подавляла всякое смѣлое противорѣчіе, проявлялось ли оно въ парламентѣ, на церковной каѳедрѣ или въ печати; но она дѣйствовала не произвольно, а на основаніи началъ, и уважала справедливость. Рано навыкнувъ къ дѣльному изученію и къ работѣ мысли, она возвела съ собой на тронъ образованный умъ и высокую разсудительность, что̀ явно и въ выборѣ ею совѣтниковъ (въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ умный Сесиль, лордъ Борлей) и въ самой ея политикѣ; но искусство притворяться, въ которомъ она также упражнялась съ первой молодости, наводило ее на извилистые пути обмана и на закулисные происки не совсѣмъ честныхъ государственныхъ соображеній. Умѣнье переносить лишенія, пріобрѣтенное ею въ Тоуэрѣ, внушало ей правила бережливости и мудраго экономическаго разсчета, благодаря которымъ ей тѣмъ легче было держать парламентъ въ своихъ рукахъ, чѣмъ она менѣе нуждалась въ его помощи. Въ высокихъ царственныхъ дарованіяхъ не отказывали ей даже сами ея враги, а основанное ею процвѣтаніе англійской торговли, промышленности, мореплаванія, земледѣлія и литературы (Шекспиръ, Ба̀конъ Веруламскій и друг.) доказываетъ какъ близко ея сердцу было государственное благоденствіе.

§ 543. Церковныя дѣла (сравни § 504). Такъ какъ право Елисаветы на престолъ утверждалось на протестантской религіи, то это и обязывало ее непремѣнно доставить побѣду новому исповѣданію. Она распорядилась, чтобъ парламентъ объявилъ ее верховною правительницей церкви (supreme governor of the church) и предоставилъ коронѣ высшую власть (supremacy) надъ ея устройствомъ, богослуженіемъ и догматами; вновь пересмотрѣнныя и исправленныя символическія книги (39 Статей и Всеобщій молитвенникъ) были утверждены парламентскимъ постановленіемъ, а всѣ слуги церкви и государства, равно какъ и всѣ члены парламента, должны были особою присягою (oath of supremacy) признать учрежденный ею церковный порядокъ. Такимъ образомъ Елисавета стала неограниченною вѣровладычицей, и какъ въ то же время ей принадлежало право

вручать свою церковную власть другимъ, изъ чего возникла такъ называемая высшая коммиссія, то не было такого духовнаго движенія въ сферѣ церкви, которое не подверглось бы извѣстнаго рода инквизиціи. Это возбудило прекословіе и со стороны католиковъ (папистовъ) и со стороны реформатовъ (пуританъ), которые вслѣдствіе того, какъ отщепенцы, или несогласные (нонконформисты), были гонимы и притѣсняемы, подвергаясь лишенію должностей, конфискаціи имуществъ и денежнымъ пенямъ, а потомъ, когда они стали посягать на насильственныя перемѣны, то навлекли себѣ плаху и костры. При слабости Елисаветы къ церковнымъ церемоніямъ и богослужебному велелѣпію, что̀ почитала она за дѣйствительное средство поддерживать въ народѣ благоговѣніе къ религіи и повиновеніе къ начальству, католики не подверглись бы отъ нея гоненіямъ, еслибъ гнѣвъ строгой властительницы не былъ пробужденъ заговорами, которые затѣвались и поддерживались со стороны заморскихъ семинарій въ пользу католички Маріи Стуартъ. Тѣмъ болѣе ненавидѣла Елисавета демократическія правила кальвинистской партіи, къ которой преимущественно принадлежали духовныя лица, подвергшіяся гоненію при Маріи Тюдоръ и воротившіяся теперь мучениками своей вѣры съ протестантскаго континента: они крайне оскорблялись новоучрежденною зависимостью церкви отъ государства, высокимъ положеніемъ и преимуществами епископовъ (особенно ихъ исключительнымъ правомъ рукоположенія, основаннымъ на ученіи о преемствѣ апостольской власти), наконецъ—близкими къ католицизму обрядами богослуженія и чиномъ церковнымъ. Эта партія, желавшая церкви, очищенной отъ всѣхъ накипей папизма, и потому прозванная пуританами (чистёнами), учредила пресвитеріальное и синодальное церквоустройство, въ подобіе шотландскому, простое богослуженіе безъ всякаго со̀участія искусства и поэзіи и такую церковную дисциплину, въ глазахъ которой всякая земная радость была уже грѣхомъ. Среди поднятаго на нихъ гоненія эти люди становились все строптивѣе и мрачнѣе и разрослись наконецъ въ многочисленную, грозную партію. Вскорѣ изъ нѣдръ самихъ пуританъ выдѣлилась радикальная партія — независимыхъ, индепендентовъ, которые отвергая централизующую синодальную власть, видѣли въ каждой отдѣльной общинѣ самостоятельную церковь и признавали за каждымъ право чествовать Бога по внушенію своей совѣсти.

§ 544. Марія Стуартъ въ Шотландіи. Очаровательная королева, два года послѣ воцаренія Елисаветы покинувшая

прекрасную Францію, чтобъ воротиться на чуждую ей съизмала отчизну, была по характеру, качествамъ и судьбамъ совершенною противоположностью своей соперницы-сосѣдки. Какъ одна изъ несчастій своей молодости вынесла съ собой на жизненную дорогу вовсе не любезную важность, лукавство и завистливость, такъ прекрасная Марія, послѣ счастливо и радостно проведенной юности, вступила на шотландскій тронъ съ ясною душой, откровеннымъ сердцемъ и полнымъ разгуломъ веселости; въ то время какъ судьба и надежды Елисаветы были тѣсно связаны съ протестантизмомъ, въ то время какъ папа облагалъ ее проклятіемъ, іезуиты поносили ее, а фанатики точили на нее ножи,—Марія по своей художнической, полной фантазіи, природѣ вся принадлежала католичеству, а по своимъ личнымъ интересамъ и видамъ своей фамиліи (Гизовъ) должна была опираться на папу. Елисавета возвела свое исповѣданіе на степень національной церкви и тѣмъ связала народный интересъ съ своимъ собственнымъ; Марія стояла съ своимъ католицизмомъ одиноко среди окружавшей ее грубой толпы, которая ненавидѣла миссу какъ идолослуженіе и налагала святотатственную руку даже на дворцовую церковь своей монархини; а когда она захотѣла продолжать при своемъ дворѣ веселыя, легкомысленныя забавы, какими услаждалась во Франціи, и тайными сношеніями съ Римомъ и своими дядями обнаружила свои задушевныя стремленія къ возстановленію папской власти, тогда противъ нее выступилъ строгій Ноксъ, какъ древле пророки возставали на отпадавшихъ царей Израиля, и обращался къ ней съ укоризнами и въ церкви и во дворцѣ, не трогаясь ея слезами, не смущаясь угрозами.

§ 545. Дарнлей. Риціо. Въ силу заключеннаго вельможами Шотландіи съ Англійскою королевой Эдинбургскаго договора (1560), Марія должна была отречься отъ правъ своихъ на англійскій престолъ и подтвердить реформацію въ Шотландіи; отказавшись подписать этотъ договоръ, она съ самаго начала поставила себя въ неблагопріятное отношеніе къ Елисаветѣ и къ своему собственному народу, сочувствовавшему Англіи. Хотя со временемъ отношеніе это нѣсколько улучшилось и, при выборѣ себѣ втораго мужа, Марія обратилась за совѣтомъ къ королевѣ Англійской; но лживое и двусмысленное

поведеніе Елисаветы, которая предложивъ ей кого-нибудь въ супруги, потомъ сама же отвергала его, породило новый раздоръ между ними, когда Марія отдала свою руку воспитанному въ Англіи молодому шотландскому дворянину Дарнлею (1565). Бракъ этотъ не былъ благополученъ. Суетный, безразсудный, сбиваемый съ пути ложными друзьями супругъ находилъ удовольствіе только въ охотѣ и попойкахъ, а потомъ негодовалъ на королеву за то, что отвернувшись отъ него, она отдала свое довѣріе пѣвцу Риціо изъ Турина, завѣдывавшему ея перепискою съ Гизами и съ папой. Снѣдаемый ревностью и оскорбленнымъ самолюбіемъ и пострекаемый неблагонамѣренными людьми, Дарнлей вступилъ въ заговоръ съ нѣсколькими дворянами, которые завидовали счастью Риціо и тревожились замышляемымъ ниспроверженіемъ реформатской церкви — и высокомѣрный любимецъ Маріи палъ бездыханенъ передъ глазами своей повелительницы въ ея собственныхъ покояхъ, пронзенный множествомъ кинжаловъ вдругъ (1566). Страшное это дѣло наполнило сердце королевы горькимъ озлобленіемъ противъ ея мужа, въ соучастіи котораго она была увѣрена, хотя онъ и отпирался отъ него. Она чуждалась его болѣе и болѣе, не покидала мысли о разводѣ и подарила своей благосклонностью только-что возвратившагося изъ Франціи шотландскаго дворянина, графа Ботвеля (Bothwell). Гнѣвъ ея смягчился повидимому только тогда, когда Дарнлей занемогъ тяжкою болѣзнью. Она ухаживала за нимъ съ величайшею заботливостью въ уединенномъ домѣ среди сада. Но въ одну ночь (10 февр. 1567), когда Маріи тамъ не было, жители Эдинбурга вдругъ пробудились отъ страшнаго грома: близь лежащій загородный домъ короля былъ взорванъ на воздухъ, и трупъ Дарнлея найденъ съ явными признаками насильственнаго задушенія. Общій голосъ обвинялъ въ этомъ Ботвеля, и спустя три мѣсяца послѣ того онъ сталъ супругомъ овдовѣвшей Маріи. Чрезвычайное и крайне поспѣшное судебное слѣдствіе кончилось его оправданіемъ, затѣмъ онъ развелся съ своей женой, увезъ королеву во время ея путешествія, и тутъ получилъ ея руку. Мудрено ли послѣ этого, что ее считали соучастницею въ злодѣйствѣ Ботвеля? Возмущенное преступнымъ бракомъ шотландское дворянство

взялось за мечъ. Ботвель бѣжалъ до сраженія, жилъ флибустьеромъ на Гебридахъ, и взятый въ плѣнъ Датчанами, кончилъ жизнь помѣшаннымъ, въ тюрьмѣ. Марію, среди проклятій цѣлаго народа, торжественно привезли въ Эдинбургъ и потомъ заперли въ уединенный замокъ острова Лохлевина, гдѣ она принуждена была отречься отъ короны и передать правленіе своему сведеному брату Моррею на время малолѣтства сына своего Іакова (VI). Марія, правда, спаслась бѣгствомъ, уничтожила свое отреченіе и нашла помощь у могущественнаго рода Гамильтоновъ, которые ревниво смотрѣли на регенство Моррея; но битва при Лонгсайдѣ (1568) рѣшила споръ противъ нея и вторично предала бы ее въ руки непріятелей, еслибъ она не удалилась поспѣшно въ Англію, молить о покровительствѣ Елисавету.

§ 546. Марія въ Англіи. Англійская королева отказала Маріи въ свиданіи до тѣхъ поръ, пока она не оправдается отъ лежащаго на ней обвиненія въ убійствѣ мужа; но обѣщала возстановить ее на престолѣ, если она опровергнетъ улики Моррея и другихъ обвинителей, прибывшихъ изъ Шотландіи съ документами въ рукахъ. Марія отвергла чуждый судъ, какъ независимая королева; самъ Моррей опасался нанести ущербъ самобытному положенію Шотландіи признаніемъ верховноленныхъ правъ Елисаветы; изслѣдованіе осталось поэтому безъ удовлетворительнаго заключенія, и взаимные навѣты обратились во вредъ обѣимъ сторонамъ. Марія была задержана въ Англіи; однакожь присутствіе ея скоро стало угрожать самой Елисаветѣ. Герцогъ Норфокъ старался пріобрѣсть руку Маріи; за это онъ былъ сначала лишенъ свободы, а потомъ и казненъ (1572). Въ сѣверныхъ провинціяхъ было еще много приверженцевъ старой вѣры; графы Нортомберландъ и Вестморландъ подняли знамя бунта, чтобы принудить свою королеву освободить Марію Стуартъ и назначить ее по себѣ наслѣдницей престола. Въ то же время провозгласили они возстановленіе католической церкви и для этого обратились къ помощи иноземныхъ державъ. Но предпріятіе ихъ не удалось; Нортомберландъ бѣжалъ и, выданный Шотландцами, умеръ на эшафотѣ (1569). Марія, заподозрѣнная въ томъ, что знала о его замыслѣ, была удалена изъ тѣхъ

мѣстъ и подверглась болѣе строгому наблюденію. Всѣ старанія иностранныхъ дворовъ исходатайствовать ей освобожденіе остались безуспѣшны. Дальнѣйшее заточеніе Маріи казалось необходимымъ при тревожномъ состояніи Шотландіи, гдѣ Моррей палъ жертвою мести Гамильтоновъ, преемникъ его, отецъ Дарнлея, былъ убитъ, и послѣдній регентъ, Мортонъ, опутанный со всѣхъ сторонъ роковыми судьбами шотландской династіи, умеръ на эшафотѣ. Отъ сына ея, Іакова, нечего было ожидать помощи. Онъ зналъ мать только какъ богоотступницу, обвиняемую въ убійствѣ роднаго его отца; онъ вошелъ въ дружескія отношенія съ королевой англійской, разсчитывалъ быть ея наслѣдникомъ, и съ недавняго времени принялъ отъ нея пенсіонъ. Между тѣмъ политическая атмосфера становилась все рѣзче и рѣзче, и общее вниманіе обращалось на старѣвшую въ плѣну Марію. Умерщвленіе Вильгельма Оранскаго, злокозненные происки іезуитовъ, страшныя религіозныя войны на материкѣ, — все это держало Англичанъ въ постоянномъ опасеніи заговоровъ. Довольно было малѣйшаго повода для того, чтобъ погубить Марію, которой зàмокъ считался притономъ всѣхъ злоумышленій. Этотъ поводъ подали Бабингтонъ и его соучастники, затѣявшіе умертвить Елисавету и, съ помощью испанскихъ войскъ, посадить на англійскій престолъ Марію Стуартъ. Намѣреніе ихъ было обнаружено; виновные погибли на эшафотѣ, и такъ какъ изъ слѣдствія открылось, что Марія знала о злоумышленіи, то суды признали ее виновною, и парламентъ просилъ Елисавету для охраны религіи и спокойствія въ государствѣ и для безопасности ея августѣйшей особы предоставить правосудію обычный его ходъ: королева и сама желала смерти своей соперницы, но боялась послѣдствій. Просьба сына и ходатайства иностранныхъ дворовъ были отвергнуты. Наконецъ внутренняя борьба Елисаветы пришла къ концу; смертный приговоръ былъ подписанъ ею, и Борлей велѣлъ поспѣшить его исполненіемъ: 8 февраля 1587 г., на 19 году ея плѣна и на 45 отъ роду, пала голова Маріи Стуартъ. Съ мужествомъ и твердою преданностью своей вѣрѣ умерла она въ зàмкѣ Фодерингеѣ (Fotheringay) въ Нортгамптонширѣ. Елисавета жаловалась, что министры распорядились исполне-

ніемъ приговора мимо ея воли и наказала секретаря своего Дависона лишеніемъ свободы и имущества, за то что онъ выпустилъ этотъ приговоръ изъ своихъ рукъ.

§ 547. Возвышеніе Англіи. Папа Сикстъ V и Филиппъ II, узнавъ объ этомъ событіи, ужаснулись. Первый объявилъ еретичку-королеву внѣ божескаго и человѣческаго закона, поручилъ испанскому монарху завоеваніе Англіи и обязался дать ему значительную денежную помощь. Филиппъ имѣлъ достаточный поводъ къ мщенію: Елисавета, при восшествіи на престолъ, отвергла его руку, она посылала помощь Нидерландцамъ, велѣла своимъ каперамъ захватывать его купеческіе корабли и нанесла ущербъ его флоту въ Кадиксѣ. Теперь, когда всѣ католики были возмущены казнью Маріи, не настала ли самая пора приступить къ завоеванію Англіи и къ учрежденію на западѣ Европы великой всекатолической монархіи? Покореніе Португаліи, яростныя междоусобія во Франціи, разорванность нидерландскихъ провинцій, — все повидимому благопріятствовало этому замыслу. Но погибель непобѣдимаго флота (§ 528) возвысила славу Англіи. Королева, которая появленіемъ своимъ на берегу ускорила вооруженіе, пробудила національное чувство и вдохнула своему народу мужество и одушевленіе, послѣ одержанной надъ непріятелемъ побѣды, торжественно вступила въ свою столицу на бѣломъ конѣ и съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ. Потокъ патріотическаго одушевленія пробѣжалъ по всей Англіи. Разрушитель армады, адмиралъ Говардъ, славный кругосвѣтный плаватель Франсискъ Дрекъ, привезшій въ Европу первый картофель, и многіе другіе герои открыли ту основную стихію, на которой слѣдуетъ сооружать зданіе могущества и славы Англіи; торговля и мореплаваніе, эти главные нервы народа, получили съ тѣхъ поръ сильное развитіе; съ помощію бѣглыхъ Фламандцевъ положено начало процвѣтанію внутренней фабрикаціи (между прочимъ тканью чулковъ); Остъ-индская компанія (основ. 1600) и пріобрѣтеніе Виргиніи въ сѣверной Америкѣ утвердили первыя основы англійской колонизаціи. Сэръ Вальтеръ Ралей (§ 551), этотъ духовный предокъ Соединенныхъ Штатовъ Новаго Свѣта, указалъ на связи и поселенія за моремъ и на поднятіе промышленности,

какъ на главный источникъ богатства и могущества націи. Протестантизмъ и морская сила одновременно выдержали свой тяжкій искусъ; ни тотъ, ни другая не могли уже стерпѣть попятнаго движенія.

§ 548. Конецъ Елисаветы. Дѣвственная королева ни какъ не рѣшалась подѣлить господство съ супругомъ; она отвергала всѣ предложенія на этотъ счетъ (иногда не безъ внутренней борьбы сама съ собою, какъ наприм. при сватовствѣ герцога Анжуйскаго) и не допускала ни какого вмѣшательства парламента въ свои домашнія дѣла. Зато двое англійскихъ вельможъ, графъ Лесстеръ, и потомъ пасынокъ его, рыцарственный Эссексъ, долго пользовались ея благосклонностью. Первый былъ тонкій, остроумный царедворецъ, но посредственный политикъ и воинъ, не отличавшійся благородствомъ чувствъ. Послѣдній болѣе заслуживалъ расположенія королевы, которой нравился его открытый, смѣлый нравъ; но звѣзда его померкла въ Ирландіи. Этотъ островъ, завоеванный уже нѣсколько вѣковъ, но ни когда вполнѣ не покоренный, возведенъ былъ Генрихомъ VIII въ особое королевство и подчиненъ англійскимъ религіознымъ установленіямъ. Однакоже только въ восточной трети, гдѣ было признано владычество Англичанъ, жители, состоявшіе изъ британскихъ переселенцевъ, приняли реформу; Ирландцы, столько же несвѣдущіе въ англійскомъ, какъ и въ латинскомъ языкѣ, крѣпко держались своей вѣры и духовенства. Елисавета попыталась тѣснѣе соединить островъ съ короною и преобразовать его въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ. Этому намѣренію воспротивился одинъ изъ воинственныхъ вельможъ Ирландіи, графъ Тайронъ, и въ надеждѣ на поддержку католическаго населенія и на помощь со стороны Испаніи и Рима, потребовалъ полнаго обезпеченія старой вѣры. Эссексъ желалъ намѣстничества въ Ирландіи и получилъ эту должность. Но вмѣсто того, чтобъ разбить Тайрона, онъ самъ былъ приведенъ въ такую крайность, что заключилъ съ нимъ постыдный договоръ, равно невыгодный и для англійскаго владычества, и для протестантизма. За это впалъ онъ въ немилость у королевы, и когда вмѣсто того, чтобъ спокойно ожидать для себя лучшей поры, онъ вошелъ въ заговоръ съ Іаковомъ

Шотландскимъ, чтобы принудить Елисавету къ увольненію ея совѣтниковъ и къ признанію правъ Шотландскаго короля на англійскій престолъ, то послѣ неудавшейся попытки къ возстанію онъ былъ взятъ и обезглавленъ въ Тоуэрѣ, на 33 году жизни (1601). Скорбь о смерти дорогаго любимца и открытіе, что ближайшіе къ ней люди, въ томъ числѣ довѣренный ея совѣтникъ Сесиль младшій (Борлей), вошли въ тайную связь съ королемъ Шотландскимъ, и что со времени казни Эссекса остыла къ ней любовь средняго сословія, отравили ей послѣдніе годы до того, что она дни и ночи проводила въ слезахъ и вздохахъ, лежа обыкновенно на подушкахъ, разложенныхъ по полу, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока смерть не положила конца такимъ горестямъ на 70 году ея жизни (24 марта 1603). Ревниво скрываемую тайну престолонаслѣдія Елисавета обнаружила только на смертномъ одрѣ: сынъ Маріи, Іаковъ Шотландскій, былъ назначенъ ею преемникомъ.

B. СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАННОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ ОТЪ РЕФОРМАЦІИ ДО ЭПОХИ ЛЮДОВИКА XIV.

1. Училища и университеты въ Германіи.

§ 549. Меланхтонъ и гуманисты пробудили въ сѣверной Германіи восторженную любовь къ твореніямъ классической древности, которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались средоточіемъ юношескаго образованія въ школахъ гуманистовъ. Своими лекціями и объясненіями, своею грамматикой и переводами, Меланхтонъ открылъ любознательной молодежи, стекавшейся отовсюда въ Виттенбергъ, высокій смыслъ греческихъ и латинскихъ писателей и развилъ въ ихъ душѣ стремленіе и интересъ къ высшему человѣческому образованію. Примѣръ его живительно дѣйствовалъ и на другихъ. Въ большихъ и небольшихъ городахъ протестантской Германіи возникли училища, гдѣ преподаваніе шло въ духѣ Меланхтона; въ Нюрнбергѣ, въ Аугсбургѣ, гдѣ жилъ великій филологъ Іеронимъ Вольфъ, въ Страсбургѣ, гдѣ дѣйствовалъ и трудился Штурмъ, находились многопосѣщаемыя образовательныя

заведенія, въ университетахъ лейпцигскомъ, эрфуртскомъ, тюбингенскомъ любовь къ благороднымъ знаніямъ поддерживали такіе ученые и благомыслящіе люди, какъ Іоахимъ Камераріи († 1574), Эобанъ Гессъ и друг., не сбиваясь съ толку бранью упрямыхъ богослововъ; безчисленное множество переводовъ сдѣлало творенія древности доступными и для народа. Такимъ образомъ, благодаря тихой дѣятельности скромныхъ людей, которыхъ имена конечно не увѣнчались такою блистательною славой, какъ имена современныхъ иностранныхъ ученыхъ, Французовъ Салмазія (Saumaise) и Казаубона (Casaubon), итальянскихъ уроженцевъ, обоихъ Скалигеровъ и проч., во всѣхъ сословіяхъ нѣмецкаго народа распространилось такое образованіе, какое не имѣло себѣ подобнаго нигдѣ. Чѣмъ Виттенбергъ былъ для лютеранскихъ земель, тѣмъ сталъ для кальвинистскихъ Гейдельбергъ, гдѣ дѣйствовали такіе люди, какъ Грутеръ, Зильбургъ и друг. Сокровища тамошней библіотеки привлекали ученыхъ со всѣхъ концовъ Европы; своими живыми сношеніями съ Женевой, Франціей и Нидерландами Гейдельбергскій университетъ служилъ посредникомъ между нѣмецкимъ и иноземнымъ образованіемъ. Для положительныхъ наукъ, особенно для оживленнаго Пурбахомъ и Регіомонтаномъ изученія астрономіи и математики, въ высшей степени важенъ былъ пражскій университетъ, которому благосклонствовали императоры Рудольфъ и Матѳій.

2. Астрономія.

§ 550. Коперникъ, Кеплеръ, Галилей[1]. Ревностныя разысканія въ сочиненіяхъ древнихъ писателей навели каноника Ник. Коперника (1473—1543) изъ Торна, подготовленнаго изученіемъ математики въ Германіи и Италіи, на мысль, что система міра Птолемея (§ 224), которой истина считалась неоспоримою въ теченіе полуторы тысячи лѣтъ, основана на неправильныхъ началахъ. Въ своемъ жилищѣ при Фрауэнбургскомъ соборѣ, наблюдалъ онъ высоты планетъ, мѣсяца, солнца и неподвижныхъ звѣздъ съ помощью весьма неудовлетворительныхъ инструментовъ, и рядъ точныхъ наблюденій и вычисленій надъ передвиженіями небесныхъ тѣлъ привелъ его къ убѣжденію, что солнце стоитъ въ средоточіи планетной системы и вращается только на своей собственной оси, а земля, подобно всѣмъ другимъ планетамъ,

[1] Собственно — Галилеи.

кромѣ вращенія на оси, совершаетъ еще весьма правильное круговое движеніе около солнца, съ мѣсяцемъ въ видѣ спутника. Коперникъ съ неимовѣрною силой пробилъ себѣ новый путь сквозь міръ кажущихся явленій, и при этомъ былъ однакожь такъ далекъ отъ славолюбія, что въ теченіе многихъ лѣтъ излагалъ свои идеи только изустно и лишь незадолго до кончины, уступивъ просьбамъ одного изъ своихъ учениковъ, рѣшился обнародовать свое открытіе письменно. Система его изумила свѣтъ, и многіе даровитые люди пошли тою же дорогой. Изъ нихъ всѣхъ болѣе прославился и пріобрѣлъ всѣхъ болѣе отличій датскій дворянинъ Тихо де Браге († 1601), приглашенный въ Прагу императоромъ Рудольфомъ II, хотя бѣдный Іоаннъ Кеплеръ (1571—1631), котораго дали ему въ выкладчики и помощники, далеко превосходилъ его талантомъ, геніальностью и знаніемъ. Тихо противопоставилъ открытой Коперникомъ истинной системѣ міра баснословную, основанную только на видимости и суевѣріи, и былъ, если не основателемъ, то обновителемъ астрологическихъ бредней, которыя имѣли цѣлью опредѣлять жребій человѣка по относительному положенію свѣтилъ: этимъ бреднямъ вѣрили однакожь величайшіе государи и государственные люди того времени. Только своими точными наблюденіями и вычисленіями небесныхъ явленій, изложенными въ «Рудольфовскихъ таблицахъ», оказалъ онъ пользу астрономіи; но высшій полетъ и философское основаніе получила она потомъ отъ Кеплера. Среди тяжкихъ заботъ о кускѣ хлѣба и чисто-механическихъ трудовъ надъ вычисленіями логариѳмовъ и солнечныхъ таблицъ, Кеплеръ изслѣдовалъ и опредѣлилъ законы теченія планетъ тремя извѣстными подъ его именемъ теоремами и старался, въ духѣ Платона, связать свои астрономическія открытія и выводы съ созданіями творческой фантазіи поэта. Къ этому стремился онъ особенно въ своей «Всемірной гармоніи» и въ «Кеплеровомъ сновидѣніи», гдѣ его поэтическая душа и творческій духъ высказали такія идеи, которые хотя и не всѣ чужды заблужденій и мечтательности, однакожь не смотря на то принадлежатъ къ числу величайшихъ и возвышеннѣйшихъ созданій человѣческаго духа. Кеплеръ, который лучше хотѣлъ голодать, чѣмъ отступить отъ Аугсбургскаго исповѣданія, былъ отлученъ отъ паствы Господней какъ чумная овца за то, что не согласился подписать приговора кальвинистамъ и сомнѣвался въ вездѣприсутствіи Тѣла Христова. Его мать, обвиненная какъ вѣдьма, умерла въ цѣпяхъ (сравни примѣч. къ § 562). Современникъ Кеплера, Галилей (1564—1642), родомъ

изъ Пизы, былъ однимъ изъ самыхъ изобрѣтательныхъ умовъ въ области физики, матиматики и астрономіи. Онъ открылъ законы качаній маятника и паденія тѣлъ, изобрѣлъ или усовершенствовалъ устройство термометра и былъ однимъ изъ основателей физики, какъ науки. Съ помощью телескопа, незадолго передъ тѣмъ изобрѣтеннаго въ Голландіи и впервые обращеннаго имъ къ небу, открылъ онъ Юпитеровыхъ спутниковъ и другія еще неизвѣстныя тогда явленія. Въ сочиненіи о планетной системѣ, изложенномъ въ формѣ разговора, онъ отдалъ предпочтеніе Коперникову ученію передъ Птолемеевымъ и тѣмъ подалъ поводъ къ жалобѣ завистливымъ приверженцамъ старины, которые и безъ того уже враждовали на него за его нападки на лже-аристотелевскую схоластику. Призванный инквизиціею къ отвѣту, Галилей долженъ былъ, на колѣнахъ, отречься отъ своихъ мыслей о движеніи земли, какъ совершенно ложныхъ и противныхъ св. Писанію, въ то самое время какъ земной шаръ быстро катился вмѣстѣ съ нимъ и его невѣждами судьями. Сочиненіе его было запрещено; самъ онъ томился нѣсколько времени въ тюрьмахъ инквизиціи, гдѣ заболѣли у его глаза, такъ что онъ въ послѣдствіи ослѣпъ совершенно. Не смотря на вынужденное отреченіе, онъ все-таки оставался при своемъ взглядѣ. Въ негодованіи отъ налагаемыхъ на него умственныхъ оковъ, онъ, говорятъ, произнесъ потихоньку: E pur si muove (а все же движется)! Что̀ оставили неконченнымъ Кеплеръ и Галилей, то довершилъ Англичанинъ Исаакъ Ньютонъ (1642—1726). Открытые имъ законы тяготѣнія, притяженія, свѣта и другихъ проблемъ положили твердое начало научной физикѣ, оптикѣ и ученію о цвѣтѣ.

Успѣхи астрономіи и математической географіи обнаружили недостатки Юліанскаго календаря (202), опредѣлявшаго годъ въ 365 дней и 6 полныхъ часовъ, слѣдовательно на 11 минутъ и 12 секундъ свыше настоящаго; такимъ образомъ составилось уже 10 лишнихъ дней, такъ что въ 1582 г. весеннее равноденствіе пришлось не на 21, а на 11 марта. Это побудило папу Григорія XIII прибѣгнуть къ совѣту надежнѣйшихъ астрономовъ и на этомъ основаніи предпринять исправленіе календаря, вслѣдствіе чего отъ 4 октября 1582 г. перешли прямо къ 15-му того же мѣсяца. Протестантскія государства долго не хотѣли принять папскаго нововведенія. Наконецъ, когда въ 1700 году нѣмецкіе протестанты рѣшились на эту перемѣну и вслѣдъ за 18 февраля поставили 1 марта, только тогда новый календарный стиль началъ мало-по малу распространяться во всей западной Европѣ, и теперь

одни приверженцы греко-восточной церкви держатся еще стараго лѣтосчисленія.

3. Прочія науки.

§ 551. Умственный прогрессъ, порожденный реформаціею и предшествовавшимъ ей ознакомленіемъ съ древнимъ міромъ, скоро обнаружился во всѣхъ наукахъ. Римское право, которое въ рукахъ глоссаторовъ исказилось и затемнилось чуждыми примѣсями, получило новый видъ и научную обработку съ тѣхъ поръ какъ молодой Нѣмецъ Галоандеръ (Гофманъ) издалъ (1529—31) выправленныя по итальйскимъ рукописямъ Пандекты и другія части Юстиніанова кодекса (§ 250). Ученые юристы, каковъ наприм. Французъ Куяцій (Cujas, 1522—1590) и друг., улучшили текстъ сравненіемъ его съ другими рукописями, объяснили темныя мѣста и положили начало систематическому правоученію. Воздѣлываемое и разработываемое по преимуществу, римское право входило съ тѣхъ поръ болѣе и болѣе въ самую жизнь и въ бо̀льшей части европейскихъ странъ прилагалось рядомъ съ туземнымъ законодательствомъ. Съ тѣхъ поръ народы утратили законодательную власть. Судопроизводство, въ которомъ преобладали доселѣ устность и гласность, перешло теперь въ руки ученыхъ и сдѣлалось тайнымъ и письменнымъ (даже и по уголовнымъ дѣломъ — со времени такъ-называемой Каролины, т. е. изданнаго Карломъ V уголовнаго уложенія). Только въ Англіи уцѣлѣло древнегерманское учрежденіе суда присяжныхъ, въ которомъ обвиняемый судится своими односословными. Пытка и средневѣковыя варварскія казни были смягчены, но процессы противъ вѣдьмъ продолжались съ своими страшными ужасами еще цѣлые два вѣка.

Въ Медицинѣ, Швейцарецъ Ѳеофрастъ Парацельсъ (†1541), выросшій въ горахъ, среди людей, знакомыхъ съ природою и дѣйствіемъ различныхъ травъ, отъ книжныхъ ученій, которыя изъ Греціи и Рима черезъ Арабовъ и Итальянцевъ проникли наконецъ въ германскіе университеты, возвратился къ непосредственному, нагляднному естествознанію, взялъ въ помощь себѣ химію и другія науки, но въ своемъ безпощадно-реформаторскомъ духѣ дѣйствовалъ слишкомъ разрушительно. Его глубокій, вдумчивый и вооруженный рѣдкими познаніями умъ сбился съ прямаго пути на фантастическія, мечтательныя идеи, которыя облекалъ онъ въ дикій, вычурный, полный естественныхъ

образовъ и алхимическихъ выраженій языкъ. Только тогда, когда Виттенбергскій профессоръ Корнаріусъ возстановилъ текстъ Гиппократа (1538) и перевелъ его на латинскій языкъ (1546—1558), — началась, по руководству древнихъ, ученая разработка медицины; тогда призвали на помощь и анатомію, которой начало положилъ лейбмедикъ Карлъ V, Везалій, своей книгою о строеніи человѣческаго тѣла, и воспользовались также свѣдѣніями въ ботаникѣ, которую основатель естественной исторіи, Конрадъ Геснеръ и друг., почерпали изъ древнихъ писателей и распространяли своими собственными наблюденіями. Любознательный нѣмецкій врачъ, Георгъ Агрикола[1], жившій среди горнопромышленниковъ въ Іоахимсталѣ, положилъ основаніе научной минералогіи.

Исторія, для которой, какъ и для другихъ наукъ, употребляли латинскій языкъ, получила теперь новый видъ также по образцу древнихъ. Исторія реформаціи была отлично обработана страсбургскимъ юристомъ и историкомъ Шмалькальденскаго союза, Іоа. Слейданомъ († 1556), а спустя цѣлое столѣтіе — ученымъ государственнымъ мужемъ, Зекендорфомъ († 1692). Французъ Де-Ту (de Thou, 1553—1617) написалъ по образцу Ливія подробную Исторію своего времени, обнимающую вторую половину 16 вѣка; войны за независимость Нидерландовъ нашли себѣ нѣсколько позже патріотическаго дѣеписателя въ Гугонѣ Гроціи (§ 531, 1583—1645), который въ слогѣ и способѣ изложенія подражалъ Тациту. Въ церковной исторіи первый свѣточь критики зажгли такъ-называемые магдебургскіе центуріаторы[2], тогда какъ Итальянецъ Бароній († 1607) составилъ свои обширныя церковныя лѣтописи въ духѣ папизма. — Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя первую всемірную исторію на природномъ языкѣ написалъ остроумный, свободномыслящій и дальновидный Англичанинъ сэръ Вальтеръ Ралей (§ 547, 1552—1618), прославившійся въ великое царствованіе Елисаветы какъ доблестный воинъ, первоначальникъ сѣверо-американскихъ поселеній и открытель отдаленныхъ странъ. Ученымъ трудомъ своимъ за-

---

[1] Родился 1494 въ Хемницѣ и сначала, по общему тогда обычаю, занимался алхиміей, написалъ даже книгу о философскомъ камнѣ. Позднѣйшее его сочиненіе о металлургіи (De re metallica) изумляетъ ясностью идей и точностью описаній.

[2] Такъ называются сотрудники церковной исторіи, предпринятой Флаціемъ въ 1552 г. на счетъ протестантскихъ государей и раздѣленной на столѣтніе періоды (центуріи).

нимался онъ во время 15-лѣтняго заключенія, которое навлекъ себѣ какимъ-то таинственнымъ заговоромъ противъ Іакова I. Въ послѣдствіи предпринятое имъ неудачное путешествіе для открытій въ Гвіану, при чемъ онъ позволилъ себѣ бомбардировать испанскій городъ, повело его на эшафотъ: тутъ только исполнили надъ нимъ смертный приговоръ, произнесенный еще гораздо прежде.

4. Философія.

§ 552. а) Возобновленіе древнихъ системъ. Борьба съ схоластикой была отличительною чертой философіи 16 вѣка. Въ началѣ ограничивались однакожь повтореніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ древнихъ системъ, пока Бàконъ Веруламскій не явился творцомъ утвержденной на опытѣ эмпирической философіи, а Картезій (Декартъ) — основателемъ независимаго (отъ опыта) умозрѣнія. — Сухой разсудочной философіи схоластиковъ противопоставили сперва идеальный платонизмъ и аристотелевскій реализмъ перипатетической школы. При юношескомъ энтузіазмѣ къ наукѣ и истинѣ и при господствующей вѣрѣ въ тайноученія, посредствомъ которыхъ думали постигнуть связь природы и міра съ царствомъ духовъ, вскорѣ обратились къ восточной философіи, какъ мнимому источнику платонизма и христіанскихъ догматовъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ Рейхлинъ (§ 432) пустилъ въ ходъ изученіе еврейскаго языка. Отъ неоплатонизма (§ 224) перешли къ каббалистикѣ, въ надеждѣ пособить недостаточности познавательной силы человѣка глубокомысленнымъ тайномудрованіемъ. Тайная эта мудрость была направлена то къ изслѣдованію дѣйствующихъ въ природѣ сокровенныхъ силъ (магія), какъ у Корн. Агриппы (1486 — 1535), то къ уразумѣнію царства духовъ и вліянія его, равно какъ и дѣйствія свѣтилъ, на земныя (подлунныя) сферы (ѳеософія, богомудріе), какъ у Парацельса и Вал. Вейгеля († 1688). — Сродни этому направленію, хотя и опираясь на вѣру и Библію, была мистическая философія, выработанная особенно въ Германіи гёрлицскимъ сапожникомъ, благочестивымъ, но мучимымъ религіозными сомнѣніями Яковомъ Бёме († 1624); глубокая мечтательность, погруженная въ созерцаніе божественнаго, привела его къ страннымъ представленіямъ о сущности Божества и происхожденіи изъ нея вещей сего міра, какъ божественныхъ откровеній. Изъ числа его трудныхъ, темныхъ писаній, значи-

тельнѣйшимъ была «Аврора или утренняя заря на восходѣ», которая навлекла ему гоненія со стороны духовенства.

Въ болѣе свободное отношеніе къ церковному догмату стали перипатетики (§ 99), а потому на нихъ особенно обрушивались гоненія духовенства, при чемъ дѣло доходило иногда до костровъ. Въ германскихъ училищахъ и университетахъ во весь 16 вѣкъ господствовалъ Аристотель, сближеніе съ которымъ значительно облегчили Меланхтонъ и Эразмъ; во Франціи Петръ Рамусъ (Pierre de la Ramée, убитый въ Варѳоломеевскую ночь по наущенію врага-товарища) старался вытѣснить аристотелевскую мудрость болѣ общедоступною (популярною) философіей, а въ Голландіи филологи Юстъ Липсій († 1606) и Дан. Гейнсій обратились къ стоицизму.

б) Новыя системы. Высоко образованная Италія была богата новыми созданіями по этой части, но, при необыкновенной живости народнаго характера, философія, равно какъ и богословіе, часто заходили здѣсь въ область безпредѣльнаго, несостоятельнаго, въ сферу мечты. Джордано Бруно († 1600), человѣкъ необыкновенныхъ способностей и обширнѣйшихъ познаній, испытавъ многія превратности судьбы въ Женевѣ, Парижѣ и Виттенбергѣ, былъ наконецъ сожженъ въ Римѣ инквизиціей. Ученіе его, что міръ (вселенная), то-есть созданная природа, составляетъ одно съ божествомъ, какъ творчествомъ, и что оба они вѣчны и безконечны, есть геніально развитое, сильно и пламенно изложенное обновленіе древне-эллинскаго панѳеизма. Разнообразіе возникшихъ теперь древнихъ и новыхъ системъ навело нѣкоторые умы, привыкшіе къ спокойному самостоятельному мышленію, на систему скептицизма (формальнаго сомнѣнія). Знаменитѣйшимъ изъ такихъ умовъ былъ геніальный Французъ Монтень (Montaigne, † 1592), который образовался изученіемъ древнихъ, собственнымъ опытомъ и глубокимъ знаніемъ людей; въ своихъ «Опытахъ» (Essays) онъ пришелъ къ недостовѣрности человѣческаго вѣдѣнія и шаткости ума вообще, какъ послѣднему выводу всякаго наблюденія и всякой мысли, а въ заключеніе успокоился на вѣрѣ въ небесное откровеніе. Когда такимъ образомъ были переиспытаны многоразличныя направленія философской мысли, а между тѣмъ выработались математика, астрономія, естествовѣдѣніе и философія природы, — тогда навыкшій къ мышленію умъ могъ уже предпринять рѣшеніе другой задачи, — энергически проложить себѣ самостоятельный путь среди безрядицы, господствовавшей въ области наукъ, и съ строгостью законодателя привести всю совокупность

наличныхъ знаній къ систематическому единству. Это совершилъ Бàконъ, лордъ Веруламъ († 1626), человѣкъ отличныхъ способностей, но не совсѣмъ чистаго характера. При королевѣ Іаковѣ служилъ онъ въ званіи лорда канцлера и другихъ высокихъ государственныхъ должностяхъ, но уличенный въ нарушеніи своихъ обязанностей, былъ наказанъ лишеніемъ имущества, чести и свободы. Его эмпирическая философія, основанная на опытѣ и наблюденіи (способъ наведенія или индукціи) и изложенная имъ въ двухъ главныхъ трудахъ — Энциклопедіи и Методикѣ (Органонѣ) наукъ, долго оставалась господствующею. Возбужденный Бàкономъ единоземецъ его Гоббсъ († 1697) выработалъ свою матеріалистическую систему философіи, обращенную къ одному чувствомъ постигаемому, тѣлесному, и тѣмъ навлекъ себѣ укоръ въ атеизмѣ, впрочемъ гораздо менѣе справедливый, нежели упрекъ въ абсолютизмѣ, который онъ вполнѣ заслужилъ тѣмъ, что, наперекоръ республиканскимъ началамъ своего времени, выставилъ въ своемъ государственномъ правѣ безусловную власть правителя и безусловное послушаніе подданныхъ необходимымъ условіемъ существованія государства.

в) Декартъ. Малебраншъ. Спиноза. Въ противоположность Бàкону и Гоббсу, глубокій мыслитель Декартъ (Картезій, † 1651), изъ Турена, создалъ философскую систему (идеализма), основанную на свободномъ умозрѣніи (спекуляціи). Исходя отъ самосознанія и мышленія, заключаетъ онъ о бытіи мыслящей субстанціи, души (cogito ergo sum, я мыслю, слѣдовательно я существую), и изъ того, что въ душѣ человѣческой коренится представленіе о всесовершенномъ существѣ, онъ выводитъ бытіе такого существа (Бога), безъ чего не было бы возможно подобное представленіе. Доказывая изъ прирожденной душѣ идеи бытіе Божіе, онъ точно такъ же и изъ другихъ идей о предметахъ, познаваемыхъ нами ясно и отчетливо, доказываетъ дѣйствительное существованіе самыхъ этихъ вещей. Всѣ тѣлесныя субстанціи развиваетъ онъ изъ одного первобытнаго вещества, которое есть не что иное какъ пространство въ чистой его дѣятельности. Душа, по его мнѣнію, свободна и безсмертна. Такимъ образомъ Декартъ выработалъ цѣлое ученіе, которое по своей противоположности самымъ распространеннымъ тогда взглядамъ философскихъ школъ, доктринамъ о сокровенныхъ свойствахъ, о конечныхъ причинахъ, о пустотѣ и т. д., по остроумію своей постройки и своему раціоналистическому направленію, явилось однимъ изъ самыхъ дѣятель-

ныхъ началъ умственнаго движенія новой эпохи. Бо̀льшую часть своихъ трудовъ Декартъ написалъ въ Голландіи, куда онъ удалился, покинувъ военное поприще, которому вначалѣ себя посвятилъ. Говорятъ, онъ по этому случаю сказалъ, что «парижскій воздухъ мѣшаетъ отвлеченной мысли»; достовѣрно по крайней мѣрѣ то, что въ Сорбоннѣ и въ правовѣрномъ дворѣ онъ нашелъ бы сильное противоборство свободѣ своего воззрѣнія. Въ позднѣйшіе года онъ по приглашенію Христины Шведской переселился въ Стокгольмъ, гдѣ и умеръ. Изъ противниковъ его значительнѣйшимъ былъ знаменитый математикъ и физикъ Гассенди († 1656), а изъ приверженцевъ — благочестивый Малебраншъ (1638 — 3715). Послѣдній усовершенствовалъ систему Декарта разработкою ея религіозной стороны: тѣлесныя и духовныя субстанціи, которыя Декартъ сопоставлялъ раздѣльно и независимо другъ подлѣ друга, Малебраншъ связываетъ между собою единымъ высшимъ существомъ, Богомъ, который представляется ему единствомъ видимыхъ вещей и мышленія. Богопознаніе есть по этому высочайшая мудрость, и прямымъ слѣдствіемъ ея должна быть нравственная жизнь. — Декартовскій идеализмъ явился въ своемъ полнѣйшемъ развитіи у амстердамскаго Еврея, Баруха (Бенедикта) Спинозы (1632 — 77). Отвергнутый своими единовѣрцами, но въ то же время незаслуженною славой атеиста возстановившій противъ себя и христіанъ, онъ развилъ въ тихомъ уединеніи свою обильную плодами систему, впервые выставившую пантеизмъ во всей безпощадной строгости его характера. Спиноза отвергъ противоположность бытія и мышленія, и дѣйствительное, безконечное бытіе признавалъ только за высшею субстанціей, Божествомъ, тогда какъ конечныя существа представлялись ему только кажущимися субстанціями, переходными видоизмѣненіями (modi) присущихъ Богу безконечнаго пространства и безконечнаго мышленія. Эта вѣчная субстанція есть причина самой себя и всякаго единичнаго, особнаго бытія, она — всеединое и всеобщее, проявляющее себя въ каждомъ частномъ и особномъ, какъ въ своихъ ближайшихъ видахъ и опредѣленіяхъ; въ основаніи каждой тѣлесной вещи лежитъ безконечное пространство, въ основаніи каждой конечной, ограниченной мысли — безусловное мышленіе; поэтому нѣтъ ничего случайнаго, все необходимо, и необходимость въ Богѣ неразлучна съ свободою, ибо Онъ единственная субстанція (единая истинная самосущность), которой свойство и дѣятельность не ограничено ни какою другою субстанціей. И Спиноза,

какъ Малебраншъ, полагаетъ высшее блаженство наше въ живомъ богопознаніи, а наше счастіе и нашу свободу единственно въ богоугодномъ житіи.

5. Италія.

§ 553. Исторіографія. Макіавѐлли. Дàвила. Сàрпи. Высокая образованность, которой Италія достигла въ 15 столѣтіи, продолжалась еще и въ 16. Это былъ золотой вѣкъ искусствъ и наукъ. Особенно процвѣтала исторіографія и поэзія. Флоренція все еще была средоточіемъ этого цвѣта жизни. (Сравни § 387 и слѣд.). Здѣсь жилъ и писалъ великій государственный мужъ и историкъ Николо Макіавѐлли († 1527), одинъ изъ геніальнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ людей всѣхъ временъ. Труды его можно раздѣлить на два разряда: на сочиненные имъ, какъ другомъ аристократо-республиканскихъ учрежденій, и на тѣ, которые написалъ онъ какъ политическій дѣятель и дипломатъ, посѣдѣвшій въ государственныхъ дѣлахъ своей богоотступной и вѣроломной эпохи (онъ былъ государственнымъ секретаремъ Флорентинской республики и часто употреблялся въ посольствахъ). Изъ первыхъ всего знаменитѣе его превосходныя рѣчи или бесѣды (discorsi) о Титѣ Ливіи, свободныя отъ всѣхъ формальныхъ условій, размышленія, въ которыхъ изъ древней исторіи Рима старается онъ вывесть рядъ общихъ началъ и политическихъ правилъ и при этомъ показать, что учрежденія древняго Рима были превосходнѣе всѣхъ, какія представляетъ намъ развитіе языческаго и христіанскаго міра, — сочиненіе, исполненное самыхъ тонкихъ и мѣткихъ наблюденій въ сферѣ политики, и его Флорентинская исторія (въ девяти книгахъ до 1494 г.), въ которой съ неподражаемымъ искусствомъ и великимъ знаніемъ свѣта и людей, изображаетъ онъ государственныя борьбы своей маленькой республики. Въ ряду политическихъ его произведеній первое мѣсто занимаетъ прославленная книга «Государь». Въ этомъ сочиненіи, написанномъ для Лоренцо де'Медичи, отца Французской королевы Катерины, Макіавѐлли выставляетъ образъ властителя (тиранна), который, подобно Цезарю Борджіи и друг., ухитряется однимъ умнымъ разсчетомъ и выдержанностью въ дѣйствіяхъ утвердить въ покоренномъ имъ государствѣ свое единовластіе и свою волю помимо всякихъ условій доблести, морали и религіи. Свобода и счастіе гражданъ такъ же мало принимаются здѣсь въ соображеніе, какъ вѣр-

ность слову и уваженіе къ правамъ человѣка: все держится на одной сноровкѣ и хитрости. Только неразуміе и превратность мѣръ, а вовсе не порочность, опасны для насильственнаго господства. Эти правила конечно возмущали многихъ, и не мудрено, что прусскій король Фридрихъ II и Вольтеръ приняли на себя ихъ опроверженіе; притомъ они повидимому такъ противорѣчатъ обычнымъ мнѣніямъ самого Макіавѐлли, что это подало поводъ къ предположенію, не хотѣлъ ли онъ такою страшною картиной предостеречь своихъ единоземцевъ отъ тиранніи и вдохнуть имъ привязанность къ республиканскимъ учрежденіямъ. Какъ бы то ни было, не льзя не сказать, что патріотизмъ преобладающая добродѣтель Макіавѐлли; эту добродѣтель старается онъ всячески пробудить въ своихъ соотчичахъ и всячески поощрить ихъ къ изгнанію властолюбивыхъ чужеземцевъ изъ Италіи. — Флорентинецъ Гвичардини (1482 — 1540), государственный дѣлецъ при Моденскомъ дворѣ, написалъ по образцу древнихъ, но на природномъ языкѣ, Исторію Италіи отъ перваго завоевательнаго похода Французовъ при Карлѣ VIII (1494) до изгнанія ихъ побѣдою при Павіи (§ 463). Это художественное произведеніе отличается глубокимъ знаніемъ людей и обстоятельствъ и истинно благороднымъ образомъ мыслей.—Изящнѣе и художественнѣе по формѣ, языку и обрисовкѣ характеровъ Исторія французскихъ междоусобныхъ войнъ (1559 — 1598), написанная Венеціанцемъ Дàвилою († 1631). Авторъ, жившій долго во Франціи, былъ коротко знакомъ съ дѣйствующими лицами, съ нравами и характеромъ народа и съ кознями полнаго интригъ двора: оттого такъ живы и привлекательны всѣ его описанія. Но слишкомъ точнымъ изслѣдованіемъ и изображеніемъ всѣхъ пружинъ и побужденій, которыми руководились дѣятели, Дàвила довелъ историческій прагматизмъ до опасной крайности.—Не такъ выдѣлана въ формѣ, за то глубже и полнѣе содержаніемъ Исторія Тридентинскаго собора венеціанскаго монаха Паоло Сарпи (1552—1623), человѣка, изучившаго равно основательно самыя разнообразныя области наукъ. Онъ зналъ всѣ отрасли физики, химіи и математики и былъ при этомъ глубочайшій знатокъ церковнаго права, чѣмъ въ одномъ спорѣ Венеціанской республики съ римскимъ дворомъ (§ 517) онъ столько же повредилъ послѣднему, сколько уронилъ его вѣсъ своимъ либеральнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ хода дѣлъ на соборѣ. Зато едва и удалось ему избѣгнуть кинжала бандитовъ, которымъ поручено было его умертвить. Языкъ и изложеніе у него серьёзны и полны достоинства, а обрисовка характе-

ровъ вѣрна и глубока. Исторія Тридентинскаго собора, написанная въ папскомъ интересѣ Паллавичиніемъ (Pallavicini, † 1667), далеко уступаетъ первой и въ силѣ и въ горячности убѣжденія.

§ 554. Поэзія. а) Новелла, Сатира. Въ Италіи, на ряду съ поэзіей, подражавшей древне-классическимъ стихотворцамъ, удержалась свободная, коренившаяся въ народной почвѣ поэзія, которая однакожь слагалась по образцу средневѣковыхъ эпическихъ произведеній. Такъ называемая классическая пора стихотворства началась съ Лоренцомъ де'Медичи (§ 387), послѣ котораго во весь 16 вѣкъ и въ бо̀льшую часть 17-го господствовала неимовѣрная дѣятельность у поэтовъ въ академіяхъ и при дворахъ. Изъ нихъ всѣхъ значительнѣе Джакопо Санназаро (1458—1530) изъ Неаполя, написавшій «Аркадію», — цѣлый рядъ нѣжныхъ идиллій въ прозѣ и стихахъ, и сверхъ того множество латинскихъ и итальянскихъ стихотвореній въ другомъ родѣ. Въ національной поэзіи (кромѣ безчисленнаго множества сонеттовъ, въ которыхъ по образцу Петрарки (§ 331) истинная лирика приносилась въ жертву пустой формѣ и гармоническому языку) ревностную обработку и великое сочувствіе нашли себѣ новеллы, — подражанія Бокаччіо, и народныя са̀тиры. Въ первыхъ легкомысленная насмѣшка надъ духовенствомъ, котораго безпутная жизнь рисуется часто очень грубыми чертами, а также надъ слабою стороной супружескихъ и гражданскихъ отношеній, лишь изрѣдка уступала мѣсто серьёзному изображенію доблестныхъ помысловъ и дѣлъ или какой-нибудь задушевно-благочестивой легендѣ. Въ са̀тирѣ выступило два направленія, ученое или классическое, которое не пошло дальше холоднаго подражанія Горацію и Ювеналу, и національное, обнаружившее много силы и свѣжести, но расточавшее ихъ по большой части на грязнопотѣшныя стихотворенія или на злобныя личныя нападки. Въ послѣднемъ родѣ, кромѣ даровитаго, но безнравственнаго Піэтро Аретино (т. е. изъ Ареццо), замѣчательны трое Тосканцевъ — Буккіэлло (15 вѣка), Грацциии и Берни (16-го).

Національная (отечественная) поэзія Итальянцевъ примыкаетъ не къ Данту, который принадлежа исходу періода первобытной силы, сталъ чуждъ позднѣйшимъ поколѣніямъ и возбуждалъ въ нихъ скорѣе удивленіе нежели плодотворную производительность, а къ Петраркѣ и Боккаччіо, которые и природу свою, и пищу для своей дѣятельности заняли отъ эпохи распаденія ихъ роднаго края. Распаденіе это влекло за собой рядъ внѣшнихъ и внутреннихъ золъ. Къ

числу первыхъ принадлежатъ: взаимная ревность одного города къ другому, нарочно поддерживаемая іерархіей, распаленныя этимъ унизительныя страсти и междоусобія, паденіе республикъ, постепенное ослабленіе дѣятельнаго средняго сословія, возникновеніе аристократій и деспотій, вызвавшихъ вслѣдъ за собой особое жалкое отродье придворныхъ стихотворцевъ. Важнѣйшимъ, донынѣ дѣйствующимъ, внутреннимъ зломъ было безпутство церкви и духовенства, загубившее нравственную силу и развившее главную черту въ характерѣ поэзіи,— вольнодумство, иронію и насмѣшку. Къ этому присоединился умственный и политическій гнетъ, который еще усилилъ наклонность къ сатирѣ, и такимъ образомъ вполнѣ національными сдѣлались только тѣ роды поэзіи, которые принимали въ себя сатирическій, вольнодумный и потѣшный элементы. Что касается Новеллъ, то конечно онѣ по большой части не итальянскаго происхожденія, а занесены съ Востока и перешли къ Итальянцамъ въ различныхъ формахъ черезъ Сицилію, Испанію и Францію. Но именно грязныя и легкомысленныя черты этихъ повѣстей и облегчили ихъ водвореніе на здѣшней почвѣ; стоило лишь перемѣнить имена лицъ и мѣстъ, чтобы сдѣлать ихъ совершенно итальянскими. Лучшими писателями Новеллъ были Саккети, Фирѐнцола, Банделло, Стракàрола, Базиле.

б) Эпосъ. Первые эпическіе стихотворцы Италіи предметомъ своихъ романтическихъ эпопей избирали преимущественно кругъ сагъ о Карлѣ Великомъ и Роландѣ. Прежде всѣхъ сдѣлали это благородный графъ Боярдо (1434—94), изобразившій въ своемъ «Влюбленномъ Роландѣ» идеалъ всѣхъ рыцарскихъ доблестей, съ серьёзнымъ взглядомъ на древнія сказанія и полною къ нимъ вѣрой, вслѣдъ за нимъ другъ Лоренцо Великолѣпнаго, геніальный Пульчи (1431—87), у котораго въ «Великанѣ Моргантѣ» видна смѣсь благочестивой вѣры съ ироніей, а затѣмъ Лодовико Аріосто (1474—1533), въ своемъ «Неистовомъ Роландѣ» вошелъ уже именно въ тотъ тонъ, который былъ всего болѣе по душѣ его единоземцамъ. Въ 46 пѣсняхъ этой эпопеи, служащей продолженіемъ Боярдовой, даровитый стихотворецъ (жившій милостями герцога Феррарскаго и платившій ему лестью, не безъ чувства гнетущей зависимости) изложилъ саги о Карлѣ Великомъ и Роландѣ въ поэтическихъ разсказахъ, украшенныхъ очаровательными описаніями и картинами. Съ тонкою, свѣтлою иронiей, разливающеюся какимъ-то свѣжимъ благоуханіемъ надъ всей его поэмой, нанизываетъ онъ легкимъ, изящнымъ языкомъ и прекрасными стихами (подобно

Овидію, § 209, котораго онъ прилежно изучилъ) цѣлую вереницу вольно связанныхъ чудесъ, которыя онъ не выдаетъ за истину, но и не заподозриваетъ во лжи. Заманчивое разнообразіе содержанія и граціозная легкость формы сдѣлали эту поэму, въ которой сила и смѣлость фантазіи соединяется съ нѣжностью чувства, такимъ общелюбимымъ чтеніемъ, что въ теченіе одного 16 вѣка явилась она въ 80 изданіяхъ.

Замѣчательно, что Итальянцы, находясь подъ непосредственнымъ преобладаніемъ христіанской церкви и воспитавшись среди фантастической обстановки легендъ и чудесъ, не смотря на то приняли такъ мало средневѣковаго духа въ свою литературу и такъ мало сдѣлали для развитія христіанской поэзіи. Явленіе это объясняется только тѣмъ, что будучи прямыми наслѣдниками перезрѣвшей (римской) образованности, они вовсе не имѣли поры полнаго силы дѣтства и юношества. Такимъ образомъ и утонченія достигли они раньше всѣхъ другихъ народовъ, прежде всѣхъ изнѣжились цвѣтущею торговлей и роскошью; одушевляющія, возбудительныя мечты юности исчезли для нихъ скорѣе обыкновеннаго; у церкви заимствовали они не нравственную высоту, а хитрое умѣнье пользоваться дѣятельностью другихъ народовъ и шутить ихъ энтузіазмомъ: и вотъ отчего жизнь и духъ рыцарства прошли для нихъ мимо, не оставивъ за собой почти ни одного слѣда. По этому и стихотворцы Италіи не приняли ни какого добросовѣстнаго участія въ общей разработкѣ великихъ цикловъ средневѣковаго эпоса. Они заимствовали ихъ у сосѣдей, какъ совершенно чуждый элементъ, удержавъ чуждыя лица, характеры, положенія и чуждое мѣсто дѣйствія; эти эпопеи стали итальянскими только тѣмъ, что весь составъ ихъ проникся тономъ ироніи, а иногда и площадной потѣхи. Одинъ только графъ Боярдо, человѣкъ, одаренный всѣми рыцарскими качествами и весьма начитанный въ древней и романтической литературѣ, сжился добросовѣстно и на вѣру съ давно исчезнувшимъ рыцарскимъ временемъ и, въ своемъ «Влюбленномъ Роландѣ» (Orlando inamorato), который остался недоконченнымъ, хотѣлъ выставить образецъ истинно-рыцарской доблести. Но это было такъ чуждо духу Итальянцевъ, что поэма его, хотя и доставившая бо̀льшей части позднѣйшихъ итальянскихъ стихотворцевъ сюжеты, форму и имена, никогда не сдѣлалась народною, и Итальянцы наслаждаются ею только въ ироническомъ и потѣшномъ переложеніи поэта Берни. Первый попалъ на чисто-итальянскій тонъ — Луиджи Пульчи въ своемъ «Великанѣ Моргантѣ» (Morgante maggiore). Отъ старыхъ эпопей, воспроизводившихъ еще съ полной

вѣрою чуждыя сказанія, въ смыслѣ прославленія церкви, онъ служилъ переходомъ къ позднѣйшей иронической поэзіи. Оттого онъ направляетъ свою насмѣшку болѣе противъ церковныхъ элементовъ и серьёзно относится къ героямъ своей эпопеи, особенно къ великану Морганте, котораго прямодушный нравъ и поступки, хотя порою и переходятъ въ область комически-удалаго, обрисованы у него твердою рукой и съ животрепещущею пластичностью. Пульчи, во всякомъ случаѣ, своеобразнѣйшій изъ итальянскихъ эпиковъ. Самый прославленный поэтъ Италіи, и прославленный особенно за привлекательную выдѣлку формы, есть конечно Лодовико Аріосто. Въ легкой насмѣшливой манерѣ онъ далеко оставилъ за собою всѣхъ прочихъ эпическихъ стихотворцевъ. Но рядомъ съ великими преимуществами находятъ у него много погрѣшностей и недостатковъ, особенно недостатокъ геніальной изобрѣтательности и самороднаго творчества, безсовѣстное присвоеніе чужихъ произведеній и пользованіе поэтическими созданіями чужой фантазіи. Сюжетъ и дѣйствующія лица своей поэмы, чудно сплетенныя приключенія и льстивые намеки на феррарскій дворъ, заимствовалъ онъ у Боярдо; шутливый, ироническій тонъ — у Пульчи; при описаніяхъ природы имѣлъ онъ въ виду старыхъ итальянскихъ и французскихъ стихотворцевъ, и почти всѣ эпизоды его — испанскіе или провансальскіе романсы, старинныя новеллы или сцены изъ древнихъ поэтовъ, — особенно изъ Виргилія, Лукана и Овидія. Въ характеристикѣ рыцарей и женщинъ не видно ни разнообразія, ни глубины. Но если Аріосту не было дано представить величавую картину глубоко понятой эпохи, полной жизни и дѣйствія, если ему было не по силамъ изображеніе великаго цѣлаго, зато рѣшительный талантъ его обнаруживается въ живописи отдѣльныхъ моментовъ, въ отработкѣ подробностей, частностей, положеній,—все это воспроизводитъ онъ такъ наглядно и живо, какъ удается только истинному мастеру. Вся поэма его — рядъ геніальныхъ образовъ, которые очаровываютъ читателя не только сами по себѣ, но и тѣмъ, что на васъ самихъ переходитъ та веселость и то истинное довольство, съ какими они нарисованы. Эта живописность сообщается и языку, который своей мягкостью, изяществомъ и гармоніей придаетъ всѣмъ картинамъ Аріоста какой-то совершенно особый, неподражаемый тонъ и чарующій колоритъ и до того увлекаетъ своей граціей и наивностью, что за такой блестящей обстановкой охотно позабываешь все остальное и не ищешь глубины.

Въ рукахъ многочисленныхъ подражателей Аріоста (изъ которыхъ всѣхъ извѣстнѣе Николо Фортигверра, 1674—1735, своимъ Рикардеттомъ, такъ-сказать продолженіемъ Неистоваго Роланда, страдающимъ отъ преувеличеннаго комизма и чрезмѣрной ироніи) романтическій эпосъ становился все площе и бѣднѣе содержаніемъ, потому что предметъ его, рыцарство, дѣлался болѣе и болѣе чуждымъ Италіи, способность къ вѣрѣ ослабѣвала съ каждымъ днемъ, а съ другой стороны уже крайне износилась и иронія. По этому весьма естественнъ и сподручень былъ переходъ къ комической эпопеѣ, совершенный Ал. Тассони (1565—1635) въ его поэмѣ «Похищенное ведро». Наступила еще одна пора въ Италіи, когда рыцарство можно было взять съ серьёзной стороны, и притомъ въ смыслѣ строгаго служенія іерархіи въ отпоръ невѣрнымъ, — избравъ для этого не національный сюжетъ, а всеобщій христіанскій. Пора эта была именно конецъ 16 вѣка, когда римская іерархія одержала рѣшительную побѣду надъ занесенными отъ Нѣмцевъ и Швейцарцевъ реформистскими стремленіями въ Италіи и снова подчинила своему игу и умы и сердца. Среди этой борьбы и еще прежде чѣмъ жалкій 17 вѣкъ успѣлъ завершить полноту подготовленной побѣды, выступилъ на поприще поэзіи Торквато Тассъ (†1595), родомъ изъ Сорренто. Онъ жилъ при блистательномъ феррарскомъ дворѣ среди рыцарскихъ потѣхъ, великолѣпія, роскоши и честолюбивыхъ стремленій. Постоянныя нападки извнѣ вмѣстѣ съ внутреннею борьбой и съ раздумчивымъ сомнѣньемъ его духа, питаемымъ всею этой обстановкой и безконечною плетеницей придворныхъ интригъ, довели наконецъ его мягкій, болѣзненно чувствительный и неспособный къ твердой рѣшимости нравъ до полнаго умопомѣшательства. Едва ли не позднѣйшею романтическою придумкой оказывается исторія о нѣжныхъ отношеніяхъ его къ принцессѣ Элеонорѣ д'Эсте, за которыя будто бы его посадили въ тюрьму и трактовали какъ сумасшедшаго.

Главное произведеніе Тасса, Освобожденный Іерусалимъ (Jerusalemme liberata), было не созданіемъ настоящаго вдохновенія, а плодомъ продолжительнаго изученія всѣхъ правилъ стихотворства и всѣхъ условій рыцарскаго эпоса. Онъ воспѣваетъ въ немъ, тщательно держась бытописанія, исторію перваго крестоваго похода, въ которую, по образцу Виргилія и Гомера, онъ вплетаетъ нѣсколько прекрасныхъ эпизодовъ съ чудесными приключеніями и внутреннимъ противоборствомъ благородныхъ страстей съ чувствомъ долга и чести. Тассо былъ

скорѣе лирикъ, нежели эпикъ; это замѣтно не только по тѣмъ сценамъ, гдѣ онъ слѣдитъ нѣжнѣйшую любовь во всѣхъ ея счастливыхъ и опасныхъ направленіяхъ, но и по самому его языку, чрезвычайно мягкому и гармоническому. Преобладающая лирика и смиренное настроеніе покорнаго чужевластью христіанства весьма часто дѣлаютъ его рыцарскій эпосъ слабымъ и натянуто-чувствительнымъ.

Та же лирика и сентиментальность вредятъ Тассовой пастушеской драмѣ Аминта. Этотъ родъ сценическихъ произведеній очень нравился его изнѣженному, истощенному и чрезмѣрно раздраженному времени; ихъ ставили съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ и роскошью, стараясь разнообразить промежуточными аріями, и вотъ почему при тождевременномъ развитіи многоголосной музыки, онѣ скоро повели къ образованію Оперы, которая съ начала 17 вѣка воцарилась на итальянскомъ театрѣ. Извѣстнѣйшимъ соперникомъ Тасса въ пастушеской драмѣ былъ Гварини (†1612), жившій также при феррарскомъ дворѣ. Въ его «Вѣрномъ пастухѣ» (Pastor fido) больше дѣйствія и завязки нежели въ Аминтѣ; но обѣ драмы, равно какъ и многочисленныя подражанія имъ, не болѣе какъ карикатуры человѣческихъ страстей, добродѣтелей и недостатковъ, въ формѣ какого-то неестественно-чувствительнаго пастушескаго быта.

Послѣдній эпикъ, пріобрѣтшій себѣ необыкновенную извѣстность, но и загубившій своимъ вліяніемъ эту отрасль поэзіи, былъ Неаполитанецъ Марини (1569—1625), который написалъ огромную полуидиллическую, полуэпическую и миѳологическую поэму Адонисъ. Эта пастушеская поэма въ 20 пѣсняхъ принята была въ Италіи и другихъ странахъ съ безпредѣльнымъ одобреніемъ и чуть ли не болѣе всего содѣйствовала къ испорченному направленію вкуса въ 17 столѣтіи. Плодовитая фантазія, живой разсказъ, легкое теченіе рѣчи, дивное благозвучіе стиха сдѣлали Марини кумиромъ цѣлой массы поклонниковъ и подражателей, такъ что его любимая манера часто употреблять преувеличенныя метафоры, фальшивую игру мыслей и словъ, его страсть изображать полныя нѣги, чувственныя положенія и дѣйствія, сдѣлались закономъ въ поэзіи, въ то время какъ лучшее общество Италіи и другихъ странъ дошло уже до такого нравственнаго упадка, что и не замѣчало въ поэмѣ Марини совершеннаго отсутствія энергическихъ картинъ, возвышающихъ мыслей и поступковъ.

в) Драматическая литература. И въ драмѣ замѣчаемъ мы съ самаго начала несчастное обособленіе ученыхъ стихотворцевъ, пишу-

щихъ только для академій и высшаго общества, отъ народныхъ поэтовъ; этому обособленію должно преимущественно приписать то, что Итальянцы никогда не могли подняться на высоту истинной трагедіи, а въ комедіи постоянно держались вкуса простонародья. — Въ трагедіи ученые подражали только древнимъ, особенно Сенекѣ, и въ этомъ раболѣпномъ труженичествѣ дошли вскорѣ до крайняго преувеличенія и уродства. Убійство и самыя возмутительныя гнусности, измѣна и грязный порокъ, которымъ многословныя сентенціи и разукрашенныя тирады должны были придавать характеръ возвышенности, — вотъ что было обыкновенно предметомъ этихъ драмъ, а потому и не удивительно, что уже съ начала 17 вѣка трагедіи пришлось уступить мѣсто оперѣ, въ которой главнымъ дѣломъ была музыка и блистательная обстановка и которая не могла ничего выиграть со стороны внутренняго содержанія отъ плоскости мысли и сухости души какого нибудь Метастазіо (1693—1782). Много шуму своими трагедіями надѣлалъ въ концѣ 18 вѣка Альфіэри (1749—1803) изъ Асти. Онъ не былъ рожденъ ни поэтомъ, ни тѣмъ менѣе трагикомъ, но сдѣлался и тѣмъ и другимъ, благодаря воспитанію, своему прилежному труду и наконецъ общему броженію той эпохи. Возстаніе противъ всѣхъ злоупотребленій власти, противъ всякихъ тиранствъ, пламенное одушевленіе къ свободѣ, глубокое негодованіе на разслабленность своего народа, безсильнаго дать отпоръ гнету какъ внутри, такъ и внѣ, — вотъ главныя черты, опредѣлявшія характеръ Альфіэри съ-издѣтства и составлявшія потомъ душу его трагедій. Но у него вовсе не было сердечной теплоты, знанія человѣческой природы и полнаго къ ней участія; оттого и не могъ онъ представлять живыхъ людей въ борьбѣ съ страстями и рокомъ; характеры его только холодные, сухіе облики отвлеченныхъ идей, воплощаемыхъ въ какомъ-нибудь едва движущемся, натянутомъ дѣйствіи. Къ лучшимъ піэсамъ его принадлежатъ Саулъ и Филиппъ II. На скандинавскомъ сѣверѣ умѣлъ онъ понять мрачную меланхолію Оссіана, политическая и религіозная обстановка Англіи впервые освѣтила для него положеніе его родной земли, онъ познакомился съ Шекспиромъ и близко принялъ его къ сердцу, хотя и избѣгалъ подражать ему изъ итальянскаго презрѣнія къ сѣверному варварству. Съ этимъ преднамѣреннымъ упрямствомъ остался онъ при французскихъ формахъ и былъ вѣрнымъ исповѣдникомъ лже-классицизма, въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ направленіемъ и цѣлями своей поэзіи.

Комедіи слагались вначалѣ по латинскимъ образцамъ Плавта и

Теренція, но вскорѣ вышли изъ рукъ ученыхъ писателей и приняли въ себя болѣе народныхъ элементовъ изъ такъ-называемыхъ потѣшныхъ комедій (Commedie dell'arte), которыя импровизировались типическими масками только по какому-нибудь легко набросанному плану (сравни § 457, примѣч. 2). Благодаря этому слiянiю, комедіи въ 16 вѣкѣ становятся чисто-національными, живыми, забавными, язвительными, но вмѣстѣ необузданными и грязными. Знаменитѣйшими комическими писателями того времени были Аріосто, Маккіавелли и Піэтро Аретино. Послѣдующій періодъ, сопровождавшійся гнетомъ іерархіи, суевѣріемъ и нравственнымъ растлѣніемъ народа, не былъ благопріятенъ и для комедіи, и рядомъ съ оперой господствовала только «потѣшная комедія» съ ея паясничествомъ, вытѣсненная въ половинѣ 18 вѣка произведеніями ловкаго знатока сцены, Венеціанца Гольдони (1707—1793). Онъ безспорно обладалъ великимъ комическомъ талантомъ и умѣлъ естественно и вѣрно изображать нравы и различныя положенія своего народа. Но въ этихъ нравахъ обнаруживается такое безсиліе, такое полное отсутствіе достоинства, возвышенности и благородства, что они не способны интересовать насъ ни съ моральной, ни съ художественной стороны; у Гольдони не было того генія, который возвышаетъ поэта надъ его эпохой, ему самому было такъ уютно и хорошо среди изображаемаго имъ быта, что онъ не могъ прибѣгать къ громкимъ фразамъ для облеченія окружавшей его низкой пошлости въ тогу чести и добродѣтели. Современникомъ и противникомъ его былъ остроумный, бойкій, часто фантастическій писатель, графъ Гоцци (1722—1806), почерпавшій свои на эффектъ разсчитанныя комедіи преимущественно изъ волшебныхъ сказокъ (наприм. Турандотъ). Довольно счастливымъ соперникомъ Гольдоніевыхъ успѣховъ явился въ наши дни Туринецъ Альберто Нота, но новѣйшее время было не таково, чтобы освободить поэтовъ Италіи отъ общей всѣмъ усталости и, при нынѣшнемъ броженіи идей, надобно предоставить будущности рѣшеніе вопроса, воскреснетъ ли еще разъ энергическій духъ 16 столѣтія, но въ сопровожденіи болѣе чистыхъ и твердыхъ нравовъ. (Сравни § 800 б. А.).

6. ИСПАНІЯ И ПОРТУГАЛІЯ.

§ 555. Сервантесъ. Лопе де Вега. Кальдеронъ. Средневѣковая національная поэзія Испанцевъ, эпическій романсъ и лирическая народная пѣсня, идущая отъ провансальскихъ труба-

дуровъ, въ 16 вѣкѣ были устранены искусственною поэзіей, подражаніемъ частію античнымъ, частію итальянскимъ образцамъ. Но только въ лирической поэзіи, въ прелестныхъ идилліяхъ Гарсиласо де ла Веги (храбраго бойца въ войскахъ Карла V) и въ энергическихъ стихахъ Герреры и Понсе де Леона подражаніе чужеземному и классическому шло удачно, въ остальныхъ видахъ поэзіи оно не сопровождалось большимъ успѣхомъ.

Первый изъ испанскихъ поэтовъ, взявшій въ образецъ произведенія древнихъ и Итальянцевъ и сдѣлавшійся преобразователемъ лирической поэзіи и творцомъ испанскаго сонетта, былъ Х. Босканъ Альмогаверъ (ок. 1530). Онъ занималъ при Карлѣ V многія важныя должности и пріобрѣлъ ученіемъ и путешествіями многостороннее образованье. — Поощряемый Боcканомъ, храбрый Гарсиласо де ла Вега толедскій (1503—36) написалъ среди шума оружія и военныхъ тревогъ свои эклоги, въ подражаніе Виргилію, равно какъ и нѣжныя, исполненныя чувства элегіи, сонетты, кансоны и другія лирическія стихотворенія, для которыхъ его краткая, треволненная жизнь дала ему только очень мало досуга. «Кансону къ Дунаю» сочинилъ онъ во время непродолжительнаго плѣна на одномъ изъ дунайскихъ островов. Къ числу знаменитѣйшихъ лириковъ Испаніи принадлежитъ Хернандо до Герерра († ок. 1598), процвѣтавшій въ первой половинѣ 16 столѣтія въ своемъ родномъ городѣ Севильѣ. Изъ стихотвореній его всѣхъ болѣе славится благодарственный гимнъ за морскую побѣду при Лепанто (§ 416) и граціозная «Ода къ Сну». — Мендоса (1503-75), одинъ изъ геніальнѣйшихъ, ученѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ людей Испаніи, славится болѣе своими сочиненіями въ прозѣ (Романами и Исторіей, § 343. 1), нежели лирическими стихотвореніями. Единоземецъ его, Луисъ Понсе де Леонъ († 1591), изъ любви къ поэзіи и къ жизни, посвященной наукамъ и созерцательности, отказался отъ всѣхъ преимуществъ своего званія и вступилъ въ августинскій орденъ въ Саламанкѣ. Свѣтлое спокойствіе души его не помутилось даже и долгимъ заключеніемъ въ тюрьмахъ инквизиціи за противузаконно предринятый и безъ его вѣдома оглашенный переводъ «Пѣсни пѣсней». — Знаменитый пастушескій романъ «Діана», который былъ начатъ португальскимъ переселенцемъ Монтемайоромъ († ок. 1562) и продолжаемъ младшимъ его современникомъ Хиль Полемъ, замѣчателенъ болѣе по разсыпаннымъ въ немъ лирическимъ піэсамъ и граціознымъ кан-

сонамъ, нежели по содержанію повѣсти. — Мануэль де Вильегасъ († 1669) — первый эротическій поэтъ Испаніи, котораго пѣснямъ и одамъ отдали однакожь справедливость только въ послѣдствіи. — Франсиско де Ріоха († 1659), изъ Севильи, отличался задушевной нѣжностью своихъ стихотвореній, но отъ него осталось лишь немного сонеттовъ и кансонъ. Будучи генералъ-инквизиторомъ и библіотекаремъ, онъ навлекъ себѣ немилость сатирою на короля Филиппа IV.

Эпопеею мало занимались въ Испаніи; зато высокаго совершенства достигли здѣсь романъ, т. е. переложенный въ прозу эпосъ, и повѣсть или новелла. — Послѣ того какъ многосторонній Діэго Хуртадо де Мендоса, гранадскій († 1575), извѣстный какъ поэтъ, историкъ и государственный дѣятель, положилъ основаніе особому роду плутовскихъ романовъ своимъ Ласарильіо де Тормесъ, водворителемъ новаго вкуса явился Михаилъ Сервантесъ де Сааведра (1547—1616) съ безсмертнымъ комико-сатирическимъ романомъ Донъ Кихотъ. Благодаря тревожной, многоопытной военной жизни, въ теченіе которой онъ лишился при Лепанто (§ 416) руки, а потомъ нѣсколько лѣтъ провелъ невольникомъ въ плѣну у одного алжирскаго корсара, Сервантесъ пріобрѣлъ много чести и знанія людей, но не нажилъ накакого состоянія, такъ что бился изъ-за куска хлѣба до могилы. Первая часть его замѣчательной книги: «Жизнь и дѣянія благороднаго, многоумнаго рыцаря Донъ Кихота Ламанчскаго» явилась въ 1605 г., а десять лѣтъ спустя вышла слѣдующая, тогда какъ другой писатель успѣлъ уже выдать продолженіе первой, полное насмѣшливыхъ выходокъ противъ самого Сервантеса. Въ Донъ Кихотѣ, помѣшанномъ на нелѣпыхъ рыцарскихъ романахъ и продолжающемъ среди совершенно измѣнившейся общественной обстановки жизнь странствующаго рыцаря, исполненнаго благороднѣйшихъ намѣреній, изображенъ человѣкъ, который изъ-за вызваннаго имъ міра грезъ смотритъ совсѣмъ превратно на окружающую его дѣйствительность и готовъ на всякомъ шагу ратовать за такое дѣло, которое существуетъ только въ его воображеніи. Противоположность его идеальнаго міра съ міромъ трезвой, вседневной дѣйствительности и трогательна и смѣшна. Этому тощему герою доблести на ободраной клячѣ, который при всей высотѣ своихъ стремленій вѣчно попадаетъ въ просакъ и въ бѣду, получая вмѣсто благодарности удары и терпя горе, противопоставленъ толстый, думающій только о своемъ собственномъ довольствѣ слуга Санчо Пан-

са, какъ представитель пошлой вседневности. Въ этой комико-сатирической рамѣ Сервантесъ умѣлъ заключить картину богатой, разнообразной южной жизни, — неподражаемую по живости представленія и дивной художественности языка.—Исторія о страданіяхъ Персилеса и Сигисмунды (полный приключеній сѣверный разсказъ) явилась только уже по кончинѣ Сервантеса.

Сервантесъ отличался и въ драмѣ (укажемъ на его Разрушеніе Нуманціи), но тутъ онъ былъ затменъ своимъ современникомъ Лопе де Вегою (1552—1635), который, бывъ сначала солдатомъ на армадѣ, перешелъ потомъ въ духовное званіе. Нѣтъ писателя, который сравнялся бы съ нимъ въ плодовитости; сочиненія его простираются до 133,225 листовъ. Онъ испытывалъ свои силы во всѣхъ отрасляхъ словесности и вездѣ съ успѣхомъ, но драма была настоящимъ его поприщемъ, и сколь ни мало времени давали ему актеры на сочиненіе піэсъ,—духовнаго, аллегорическаго, историческаго и житейскаго содержанія, —онъ никогда не становился ни однообразнымъ, ни скучнымъ. Быстрота дѣйствія, разнообразіе событій, искусное расположеніе завязокъ въ соединеніи съ картиннымъ языкомъ и игривымъ остроуміемъ, не допускаютъ ослабленія интереса ни на одинъ мигъ. Извѣстнѣйшая изъ его драмъ—Севильская звѣзда переведена и понѣмецки.—Сходенъ съ нимъ по жизненнымъ путямъ, по всѣми признанной славѣ, таланту и стремленію былъ младшій современникъ его, Кальдеронъ де ла Барка (1600—81), величайшій драматургъ Испаніи, не обладавшій такой плодовитостью и творчествомъ, какъ Лопе, но превосходившій его единствомъ геніальнаго изобрѣтенія и изящнымъ, стройнымъ развитіемъ своихъ драмъ. Въ числѣ его піэсъ раздѣляемыхъ на духовныя, историческія, миѳологическія и житейскія, всѣхъ извѣстнѣе (въ Германіи): Жизнь только сонъ, Непоколебимый принцъ, Домова́яили Дама-привидѣніе (La dama duende), Явная тайна. Въ свѣтскихъ піэсахъ все вращается у него на понятіяхъ о любви и чести; въ духовныхъ, прославляющихъ христіанскій героизмъ, вѣра составляетъ главный мотивъ дѣйствія. Рѣзкая обрисовка характеровъ, чистый, благородный языкъ, искусное, сподручное для сцены расположеніе и удачное изображеніе многоподвижной жизни юга—все на каждомъ шагу обличаетъ въ немъ истиннаго мастера. Его забавныя піэсы простотою своихъ темъ и художественностью постройки напоминаютъ древнюю комедію. Драмы Кальдерона, которыхъ насчитывается болѣе ста, остались образцомъ и для всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ поэтовъ; изъ нихъ

всѣхъ извѣстнѣе Морето († 1669) своею комедіей Донна Діана, или Гордость и любовь.

§ 556. Камоэнсъ. Въ то же самое время явился въ Португаліи поэтъ, собокупившій въ душѣ своей все великое своего народа, всѣ благородныя стремленія, какія когда-либо наполняли сердце его. Этотъ поэтъ былъ Камоэнсъ (1524—69), сынъ заслуженаго моряка. Чтобы побороть въ себѣ скорбь несчастной любви къ одной придворной дамѣ, вступилъ онъ также въ морскую службу, въ сраженіи съ Маврами подъ Сеутой лишился глаза и потомъ, оскорбленный непризнаніемъ заслугъ своихъ отечествомъ, пустился въ Индію забыться и искать счастья. Въ Гоа возмутили его злоупотребленія тамошняго правительства; онъ излилъ свои чувства въ ѣдкихъ сатирическихъ стихахъ и тѣмъ навлекъ себѣ ссылку въ Макао. Здѣсь, среди всѣхъ очарованій восточной природы, положилъ онъ начало своей безсмертной эпопеѣ Лузіада, гдѣ съ необыкновеннымъ метрическимъ и поэтическимъ совершенствомъ описываетъ онъ первое плаваніе вокругъ Африки и открытіе Васко де Гамой морскаго пути въ Индію. За великими подвигами Португальцевъ (Лузитанъ), которые поэтъ изображаетъ съ патріотическимъ жаромъ и съ свѣжестію нагляднаго знакомства и личнаго опыта, исчезаютъ его собственныя страданія, однакожь они все-таки замѣтны по той грустной струѣ, которая сквозитъ у него даже въ самыхъ очаровательныхъ картинахъ. Въ поэмѣ воспѣто не одно открытіе Индіи и слѣдовавшія за нимъ славныя дѣла; въ нее искусно вплетено все, что ни есть прекраснаго, благороднаго и великаго въ цѣлой исторіи народа, она обнимаетъ все національно-поэтическое его достояніе и потому сдѣлалась народною въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова. — Чрезъ нѣсколько лѣтъ Камоэнсъ возвратился въ Португалію, но на обратномъ пути, во время кораблекрушенія лишился онъ всего, что̀ нажилъ тяжкимъ трудомъ, и спасъ только жизнь да свою поэму, которую, плывя, держалъ въ зубахъ. Бѣднякомъ явился онъ на родину. Маленькая пенсія, которую назначилъ ему король Себастіанъ, прекратилась послѣ трагической смерти этого государя (§ 521), и поэтъ впалъ въ такую нищету, что слуга-Индѣецъ ходилъ ночью по міру и вымаливалъ для него хлѣбъ, чтобы господинъ не умеръ съ голоду. Сокрушенный своей собственной печальной судьбой и горемъ объ упадкѣ величія и свободы Португальцевъ; онъ умеръ въ госпиталѣ, окруженный нѣсколькими монахами. Высокимъ патріотическимъ чув-

ствомъ проникнута его Лузіада, эта лебединая пѣснь героической нѣкогда націи, обратившейся потомъ въ ничто.

7. Англія.

§ 557. Оссіанъ. Драма. Древнѣйшіе (кельтійскіе) обитатели Британіи были народъ, богатый сагами и поэзіей, народъ съ особеннымъ сословіемъ бардовъ или пѣвцовъ, который долго держался въ краяхъ, непокоренныхъ англосаксонскими и норманскими поселенцами (въ Валлисѣ, Ирландіи, шотландскомъ нагорьѣ). Такія устно-переданныя пѣсни бардовъ лежатъ, повидимому, въ основаніи Оссіановыхъ поэмъ, обнародованныхъ Шотландцемъ Макферсономъ (въ 1762 и слѣд. годахъ), сколько бы ни былъ искаженъ ихъ первоначальный видъ позднѣйшими прибавками и произвольными измѣненіями. Эти поэмы, встрѣтившія столько же похвалъ, сколько и порицаній, содержатъ въ себѣ героическія пѣсни, въ которыхъ подвиги Оссіанова отца (миѳическаго царя Фингала) и рано умершаго сына его, Оскара, воспѣваются слѣпымъ бардомъ Оссіаномъ. Грустное, меланхолическое настроеніе, которымъ дышатъ всѣ эти пѣсни, томительная жажда освободиться отъ земныхъ оковъ и соединиться съ парящими на облакахъ духами павшихъ героевъ, представляютъ много чарующаго для мягкихъ, сентиментальныхъ характеровъ, и потому въ 18 вѣкѣ онѣ производили сильное впечатлѣніе въ Германіи.

Въ Англіи первобытная народная поэзія смолкла при звукѣ оружія; смѣсь языковъ, плодъ чуждыхъ завоеваній, долго мѣшала возникновенію общепонятной поэзіи. Только въ 14 вѣкѣ, когда другъ Виклифа, Чосеръ (1328 — 1400), положивъ начало англійскому стихотворному языку и стихотворной формѣ, сталъ отцомъ британской поэзіи (Кантерберійскіе разсказы, въ трехъ частяхъ, подражаніе Боккаччіо), — только тогда открылся для нея путь къ дальнѣйшему усовершенствованію. Но пора такихъ успѣховъ настала лишь гораздо позже: это было время, когда послѣ реформаціонныхъ бурь достославное правленіе Елисаветы утвердило основы внутренняго и внѣшняго величія Англіи, и Лондонъ сталъ сборищемъ всѣхъ талантовъ и средоточіемъ всѣхъ искусствъ. Придворный поэтъ Спенсеръ († 1596), издавъ свой «Пастушескій мѣсяцословъ», отличавшійся благозвучіемъ языка и кроткой мягкостію тона, сталъ творцомъ милой пастушеской и натуральной поэзіи.

Но блистательнѣйшія произведенія явились на поприщѣ драматургіи; по этой отрасли, во второй половинѣ 16 и въ первой 17-го вѣка, Англія достигла такой высоты и совершенства, и такой обильной производительности, что ничего равнаго этому не находимъ мы нигдѣ. Подобно свободнымъ государственнымъ учрежденіямъ англійская драма развилась безъ чуждаго вліянья; возвысясь помимо служенія двору и церкви, явилась она самороднымъ выраженіемъ той славной и свѣтлой поры, бодрой духомъ и кипящей дѣятельностью. При крайне несовершенной сценической обстановкѣ, цѣлый рядъ драматическихъ поэтовъ проявилъ здѣсь разнообразнѣйшіе таланты и открылъ разнообразнѣйшія направленія, которыя и навели потомъ великаго Шекспира на путь истиннаго искусства. Сначала Лейли своими придворными комедіями пустилъ въ ходъ остроуміе и игривость свѣтскаго тона, а во всемъ чрезмѣрный Марло († 1593), сбивавшійся съ пути и въ жизни и въ поэзіи, довелъ до преувеличенія и трагедію (хотя его Фаустъ дѣйствительно богатъ энергическими и величавыми чертами); затѣмъ крайне даровитый, но разстроенный безпутствомъ Робертъ Гринъ († 1582) принялъ уже болѣе благородное и естественное направленіе въ своей веселой піэсѣ «Патеръ Бàконъ», а ясный, плодовитый талантъ Гейвуда († 1565) обработывалъ съ большимъ театральнымъ эффектомъ самые разнообразные сюжеты (напр. «Убитая добротой жена»).

§ 558. Шекспиръ. Послѣ такихъ предшественниковъ, одинъ изъ величайшихъ геніевъ всѣхъ временъ, Вѝльямъ Шѐкспиръ (1564—1616), посвятилъ свой талантъ сценическому искусству (на театрѣ Глобусъ) и драматической поэзіи. Онъ стоитъ на грани двухъ міровыхъ эпохъ и обозрѣваетъ одинаково вѣрнымъ взглядомъ пышность, величіе и силу отходящаго феодализма и исчезающаго рыцарства, обнимая въ то же время истинно-протестантскимъ духомъ развивающійся изъ реформаціи новый міръ самосознательной нравственности, разсудка и практическаго благоразумія. Шекспиръ равно великъ и въ комедіи и въ трагедіи, а въ сонеттѣ онъ раскрываетъ передъ нами глубину своего личнаго чувства и даетъ намъ заглянуть въ свою жизнь, искаженную многими грѣхами юности. Дѣйствительность представлялась ему свѣтлымъ міромъ мимолетныхъ явленій, имѣющихъ однакожъ твердое, незыблемое основаніе, и подобно тому какъ въ ней онъ видѣлъ всегдашнюю смѣсь ужаснаго и печальнаго съ забавнымъ, такъ точно и въ своихъ піэсахъ (которыхъ имѣемъ мы 35, несомнѣнно ему принадлежащихъ) онъ обыкновенно мѣшалъ трагическое съ ко-

мическимъ; бо̀льшая часть его веселыхъ піэсъ заключаютъ въ себѣ какую-нибудь великую идею съ трагическимъ оттѣнкомъ, или отзвукомъ, но всегда сводятся подъ конецъ къ отрадному, утѣшительному исходу. Такъ въ «Зимней сказкѣ» и въ «Какъ вамъ угодно» идеальная основа — любовь, въ «Венеціанскомъ купцѣ» (гдѣ трагическая важность завязки и мрачное настроеніе главнаго лица находятъ себѣ противовѣсіе въ веселыхъ второстепенныхъ сценахъ и въ неожиданности развязки) эту роль играетъ благородная дружба, въ Цимбелинѣ — вѣрность, и т. д; другія піэсы, какъ напримѣръ «Укрощеніе строптивой» или «Мѣра за мѣру», содержатъ въ себѣ опредѣленное поученіе или мораль. Къ самымъ удачнымъ комедіямъ принадлежатъ: «Сонъ въ лѣтнюю ночь», гдѣ царствующая въ сценахъ эльфовъ роскошь воображенія сливается самымъ граціознымъ образомъ съ плутовствомъ и юморомъ, какими оживлены проказы незатѣйливыхъ мѣщанъ; потомъ — «Тщетный трудъ любви» съ ея добродушною ироніей, и наконецъ «Буря» съ ея живописнымъ и всегда неожиданнымъ разнообразіемъ.

Трагедіи или имѣютъ предметомъ историческія событія, или берутъ природу человѣка и ея судьбы со всеобщихъ точекъ зрѣнія. Здѣсь въ обрисовкѣ характеровъ Шекспиръ является мастеромъ неодолимой силы; дѣйствіе развивается у него естественно изъ свойствъ, образа мыслей и страстей дѣйствующихъ лицъ; то, что̀ таится въ сокровеннѣйшей глубинѣ сердца человѣческаго, выступаетъ у него на свѣтъ и поражаетъ васъ вѣрностію истинѣ. — Въ гордомъ патриціи «Коріоланѣ» наглядно представлена борьба сословій римской республики; въ «Цезарѣ», «Антоніи и Клеопатрѣ» имѣемъ мы вѣрную картину сильныхъ крамолъ, изъ которыхъ возникла монархическая эпоха императоровъ, а въ «Титѣ Андроникѣ» изображается со всѣми ужасами самое это время. Изъ Англійской исторіи Шекспиръ преимущественно обработалъ кровавый, полный событій періодъ междоусобныхъ войнъ, начинающійся трагическою смертью Ричарда II (§ 378. 382). Злодѣйства его умнаго преемника и убійцы Генриха IV, не вполнѣ искупленныя кратковременной жизнью героическаго, великодушнаго Генриха V, вымещаются на добросердечномъ, слабомъ Генрихѣ VI: здѣсь (въ трехъ различныхъ піэсахъ) представлены страшныя борьбы бѣлой и красной розы. Но побѣдоносный родъ взростилъ въ своихъ нѣдрахъ безчеловѣчнаго Ричарда III, который караетъ однокровныхъ за ихъ неправды въ отношеніи

къ другимъ. Своевольный феодализмъ гибнетъ невозвратно, и въ правленіи отца Елисаветы, Генриха VIII, Шекспиръ видитъ уже зарю новаго времени, когда господство переходитъ въ руки доблести и заслуги. — Благородство души Генриха V, хотя и соединенное съ легкомысліемъ, возвышается противоположностью его товарищей, между которыми толстый Фальстафъ выступаетъ образцомъ неподражаемаго комизма; онъ же въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» играетъ уморительную роль проведеннаго вздыхателя. — Въ числѣ трагическихъ піэсъ, основанныхъ на общемъ жребіи человѣчества, первое мѣсто занимаетъ Гамлетъ, принцъ датскій, раздумчивый, нерѣшительный характеръ, отмщающій (послѣ многихъ колебаній) смерть отца на королѣ, его убійцѣ, но при этомъ погибающій и самъ. Противоположностью ему является скорый на руку Макбетъ шотландскій, честолюбивый цареубійца, подстрекаемый своею страстною женой; въ королѣ Лирѣ потрясающими чертами изображена безконечная скорбь, въ какую ожесточеніе злыхъ дѣтей можетъ повергнуть маститаго отца, избаловавшаго ихъ ослѣпленною любовью; въ Ромео и Юліи, умирающихъ оба отъ роковой ошибки, выставлены увлекательно и страшно, съ одной стороны, блаженство любви, съ другой ужасныя послѣдствія непримиримой родовой ненависти; въ «Отелло» мы видимъ поразительно-живую картину того, какъ ревность, питаемая ложными навѣтами, доводитъ великодушнаго, но пылкаго Мавра до убійства своей добродѣтельной жены. Къ позднѣйшимъ годамъ поэтической дѣятельности Шекспира принадлежитъ Тимонъ нелюдимъ, бѣгущій отъ лживаго свѣта въ пріютъ одиночества. — Въ умѣньи владѣть языкомъ Шекспиръ истинно-великій мастеръ: онъ всегда находитъ приличное выраженіе какъ для сильнаго и высокаго, такъ и для граціознаго и нѣжнаго; въ рѣчахъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ тотчасъ видны и его общественное положеніе, и образованье, и характеръ, и душевное настроеніе. Въ стихахъ онъ обыкновенно употребляетъ шестистопный ямбъ безъ риомъ, но допуская при этомъ разныя видоизмѣненія. Шекспира можно назвать «поэтомъ человѣческаго достоинства», потому что онъ всегда ставилъ поэзію въ тѣснѣйшую связь съ нравственнымъ началомъ, ни когда не прикрывалъ ея цвѣтами гниль порока, и не набрасывалъ легкой пелены грацій на гнусную образину зла.

Въ числѣ современниковъ Шекспира должно упомянуть еще о слѣдующихъ драматургахъ: Бомонъ (Beaumont 1585—1616) и Флетчеръ (1576—1625) работали для сцены вмѣстѣ, по Шекспирову

образцу, но въ своемъ стремленіи обогнать его и угодить избалованному вкусу публики, они впадали въ преувеличеніе и явно били на театральный эффектъ. У Флетчера преобладали повидимому фантазія и изобрѣтательность, а у Бомона даръ распредѣленія и сценической обстановки. Далѣе—остроумный, классически образованный писатель Бенъ-Джонсонъ (†1637), который послѣ многотревожной жизни обратился къ драматической поэзіи и, подобно Флетчеру, блисталъ болѣе въ комедіи («Каждый въ своей тарелкѣ», Every man in his humour), нежели въ трагедіи. Онъ не столько отличается чувствомъ, и богатствомъ воображенія, сколько остроуміемъ и удачною обработкою забавныхъ положеній; недостатокъ собственной изобрѣтательности старался онъ восполнить изученіемъ древнихъ. — Послѣдовавшая за тѣмъ революція и владычество пуритановъ, закрывшихъ всѣ театры, остановили дальнѣйшее развитіе драматической поэзіи.

§ 559. Мильтонъ (1608—1674). Одушевленіе къ новой вѣрѣ и ея церковному утвержденію выступило теперь на первый планъ и завладѣло поэзіей точно такъ же какъ и жизнью. Джонъ Мильтонъ, республиканецъ пуританской строгости, бывшій нѣкоторое время Кромвелевымъ секретаремъ (§ 602), а потомъ ослѣпшій, изобразилъ въ религіозной эпопеѣ: «Потерянный рай», грѣхопаденіе нашихъ праотцевъ, откуда пришло въ міръ всякое зло. Такое грозное время, какъ его, когда народъ держалъ судъ надъ своимъ властителемъ и по волѣ Неба грѣхи отцовъ вымещались на позднихъ потомкахъ, — это время было такъ же близко божественной строгости «Потеряннаго рая», какъ эпоха гуманности и космополитства въ 18 столѣтіи была сродни тому милосердому примиренію, которое возвѣстила тогда «Мессіада» Клопштока. Вторая, позднѣйшая часть Мильтоновой поэмы, «Возвращенный рай», описывающая искушеніе Христа въ пустынѣ, значительно уступаетъ первой. Мильтонъ мастерски изобразилъ цвѣтущую природу рая, дѣтское довольство Адама и Евы, счастіе супружества, и, въ особенности, сатану,—владыку ада. Въ противуположность средневѣковому времени, когда діаволъ былъ предметомъ одной насмѣшки, здѣсь выступаетъ онъ въ первый разъ, какъ потомъ у Клопштока и Гёте, настойчивымъ, лукавымъ и злораднымъ соблазнителемъ, который, враждуя за утрату прежняго величія, силится портить и истреблять дѣло сокрушившей его Всесильной десницы.

Какъ въ республиканцѣ Мильтонѣ отражается набожная строгость его эпохи, такъ у Ботлера (Butler 1612—73), жившаго при Карлѣ

II, видна во всемъ насмѣшка роялиста надъ разными преувеличеніями пуританской и пресвитеріанской ревности. Комическая эпопея «Гудибрасъ» есть сатирическое осмѣяніе религіознаго и политическаго фанатизма. — Съ Стуартами воротились ко двору безхарактерность, вольнодумство и французское легкомысліе. Это замѣтно по произведеніямъ льстиваго, вылощеннаго придворнаго поэта Драйдена (1631—1701), который сперва хотѣлъ угодить хвалебною одой Кромвелю, потомъ прославлялъ Карла II, а наконецъ съ Іаковомъ II перешелъ къ католицизму и издѣвался надъ протестантскими сектами. Во множествѣ его драматическихъ и лирическихъ стихотвореній щегольской слогъ, остроумные обороты и выглаженная, обточенная форма не вознаграждаютъ за недостатокъ фантазіи, одушевленія и глубины.

§ 560. Осьмнадцатый вѣкъ былъ болѣе обращенъ къ философіи, чѣмъ къ поэзіи: остроумный и ловкій стихотворецъ Попъ (1688—1744), который своимъ вольнымъ риѳмованнымъ переводомъ познакомилъ англійскій народъ съ Гомеромъ и удачно писалъ сàтиры, дидактическія, комико-героическія піэсы («Похищеніе локона») и разныя другія стихотворенія, былъ скорѣе философъ нежели поэтъ, что̀ онъ и доказалъ своимъ Опытомъ о человѣкѣ; только у Томсона (1700—48), во «Временахъ года», находимъ мы истинно поэтическія картины природы, обнаруживающія въ стихотворцѣ задушевность и воспріимчивость. Юнговы (1681—1765) Ночныя думы, или сѣтованія на жизнь и смерть, суть философскія размышленія въ заунывномъ тонѣ старыхъ народныхъ стихотвореній. — Напротивъ, легкая проза доведена была до высокаго совершенства въ книгахъ, назначаемыхъ для занимательнаго чтенія. Съ неподражаемымъ юморомъ обличилъ Свифтъ (1667—1745) въ своихъ сатирическихъ разсказахъ (Гулливеровы путешествія по Лилипуту; Сказка о бочкѣ) всѣ противорѣчія и нелѣпости того времени въ различныхъ сферахъ быта; Аддисонъ (1672—1719) образцовымъ по слогу журналомъ «Зритель» старался привести своихъ читателей къ внутреннему самонаблюденію, а великіе романисты, сильнымъ изображеніемъ идеальныхъ характеровъ и ихъ вымышленныхъ судебъ, пробудили огрубѣлыя сердца къ чувствительности. Въ ряду писателей сентиментальныхъ романовъ, которымъ такъ много удивлялись и такъ часто подражали въ Германіи, особенно должно отличить Ричардсона (†1671), прославившагося своей «Клариссой», «Грандисономъ», и другими произведеніями,

гдѣ выставлены идеалы женщинъ и мужчинъ, обладающихъ всѣми добродѣтелями и совершенствами своего пола; Фильдингъ (†1754), который въ своихъ семейныхъ картинахъ (Томъ-Джонсѣ и другихъ) выводитъ добрыхъ и злыхъ людей въ естественномъ ихъ видѣ, не ангелами и не чертями, и особенно Стернъ (1713—68), который въ своемъ «Сентиментальномъ путешествіи» и въ «Тристрамѣ Шанди» изображаетъ съ самымъ добродушнымъ юморомъ различныя свойства людей въ ихъ привычкахъ, странностяхъ и проч., отстаивая эти индивидуальныя черты какъ необходимую принадлежность той или другой личности. Знаменитый Векфильдскій священникъ» Оливера Гольдсмита († 1774)—трогательный семейный романъ, въ которомъ полныя любви, нѣжныя отношенія изображены со всей вѣрностью природѣ, и который тѣмъ болѣе долженъ былъ казаться увлекательнымъ, что въ основѣ его лежала собственная тревожная жизнь автора, полная жестокой борьбы между поэтическою его природой и практической дѣйствительностью, при чемъ однакожь страданія и скорби бѣдности и уничиженія все-таки безсильны были подавить свойственный ему добродушный юморъ. Смоллетъ (†1771) въ своемъ «Гомфри Клинкерѣ» рисуетъ житейскій бытъ въ тонѣ веселаго комизма. Съ тѣхъ поръ романъ остался главною отраслью англійской литературы вплоть до новѣйшаго времени, когда знаменитый Вальтеръ Скоттъ создалъ новый его родъ—романъ историческій. (См. § 800 б. Б.)

III. СЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

А. ВРЕМЯ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ И АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

I. *Тридцатилѣтняя война* (1618—48).

1. УСИЛЕНІЕ РАЗЛАДА ВЪ НѢМЕЦКОЙ ИМПЕРІИ.

§ 591. Рудольфъ. Въ то время какъ Западъ Европы терзался кровавою религіозною борьбой, Германія подъ кроткою державой Фердинанда I (1556—64) и Максимиліана II отдыхала отъ военной тревоги. Тѣмъ громче раздавались богословскіе споры, которыхъ не могла остановить Формула согласія [1]. Произведенный ими разладъ въ протестантскомъ мірѣ способствовалъ іезуитамъ къ расширенію ихъ дѣятельности, къ соединенію и усиленію католической церкви, къ повсемѣстному учрежденію іезуитскихъ училищь. — Оба государя справедливо и безпристрастно охраняли религіозный міръ. Оттого протестантизмъ безпрепятственно распространялся въ Нѣмецкой имперіи и пріобрѣлъ многочисленныхъ послѣдователей даже въ австрійскихъ наслѣдственныхъ областяхъ (§ 511. б.). Максимиліанъ II (1564—76) былъ не только добрый и справедливый, но и дальновидный государь, украшенный семейными добродѣтелями и царственными дарованіями. Финансы и церковныя дѣла были при немъ въ наилучшемъ положеніи, такъ что императорское оружіе не только быстро прекращало случайныя нарушенія мира въ имперіи

[1] См. ниже.

завѣтъ (споръ антиномистическій [1]). Для разрѣшенія этихъ споровъ, тюбингенскимъ канцлеромъ Андреэ была предначертана формула согласія и по настоянію курфюрста саксонскаго окончательно составлена въ Бергенскомъ монастырѣ близь Магдебурга. Въ этомъ актѣ соглашенія, подписанномъ въ 1580 году 96-ю лютеранскими чинами имперіи, священное писаніе признано единственною нормой вѣроученія, и рядомъ съ Евангеліемъ, которое одно признано ведущимъ къ спасенію, преподаваніе ветхаго закона объявлено способствующимъ къ нравственному порядку, назиданію и удаленію отъ грѣха; допуская адіафоры (т. е. несущественныя установленія), актъ соглашенія объявляетъ однакожь, что во времена гоненій бываетъ важно и несущественное; добрыя дѣла, гласитъ онъ, необходимо вытекаютъ изъ истинной вѣры, но не требуются для спасенія; ученіе о первородномъ грѣхѣ признано наравнѣ со всеобщностью благодати Божіей, кальвинизмъ вслѣдствіе того осужденъ и вездѣприсутствіе тѣла Христова положено въ основаніе лютеранскаго ученія о евхаристіи. Въ лютеранскихъ областяхъ, принявшихъ эту формулу согласія (отвергнутую въ Гессенѣ, Ангальтѣ, Помераніи, Голштиніи, Брауншвейгѣ, Бременѣ, Нюрнбергѣ, Страсбургѣ и др. мѣстахъ, за слишкомъ строгую замкнутость), она была включена въ число символическихъ книгъ, къ которымъ причислены еще, кромѣ того, три древнѣйшія (православныя) исповѣданія вѣры (апостольское, никейское и Аѳанасіево), Аугсбургское исповѣданіе, Апологія, Шмалькальденскія статьи и Лютеровы катехизисы.

§ 562. Жалобы. Между тѣмъ какъ бездѣйственный Рудольфъ забывалъ государственныя дѣла за своими конюшнями, картинами и древностями, и тратилъ свои силы и время на астрологическія и алхимическія бредни, государство пришло въ величайшее волненіе и смуту подъ вреднымъ вліяніемъ іезуитовъ, повсюду сѣявшихъ религіозный раздоръ. Религіозный миръ нарушался, постановленія сейма, которымъ не умѣлъ придать вѣса безсильный императоръ, равно какъ и рѣшенія верховнаго суда, не имѣли никакого дѣйствія. Постоянно усиливавшееся распространеніе реформаціи влекло за собою новыя конфискаціи церковныхъ имуществъ, что̀ и подавало католическимъ чинамъ поводъ жаловаться на ущербъ, причиняемый церкви, и настой-

---

[1] То-есть, о противоположеніи одного закона другому.

чиво требовать всего церковнаго имущества, отобраннаго со времени Аугсбургскаго религіознаго мира. Напротивъ, евангелическіе чины жаловались на многократное нарушеніе религіознаго мира. Когда архіепископъ кёльнскій Гебгардъ перешелъ въ реформатскую церковь (1583), чтобы жениться на пригожей графинѣ Мансфельдъ, и вопреки кёльнскимъ соборному капитулу и сенату ввелъ новое ученіе въ большей части городовъ своего архіепископства, тогда папа лишилъ его сана; оставленный протестантами, онъ умеръ каноникомъ въ Страсбургѣ, между тѣмъ какъ прелатъ изъ Баварской династіи занялъ архіепископскую каѳедру и при помощи Испанцевъ принудилъ ослушные города (Боннъ, Рейсъ и друг.) къ покорности, а религіозныхъ нововводителей къ бѣгству или къ возвращенію въ старую церковь—мѣра, подорвавшая въ самомъ корнѣ эти нѣкогда столь цвѣтущіе города. Въ Страсбургѣ, при одномъ спорномъ выборѣ епископа, вопросъ о такъ называемой «духовной оговоркѣ» (§ 496) былъ рѣшенъ въ ущербъ протестантамъ (1592). Въ Стиріи, Каринтіи и Крайнѣ, воспитанный и руководимый іезуитами эрцгерцогъ Фердинандъ (внукъ императора Фердинанда) отнялъ у многочисленныхъ протестантовъ религіозную свободу, которою они пользовались до тѣхъ поръ, велѣлъ сломать евангелическія церкви и школы и сжечь библіи, и безпощадно изгонялъ всѣхъ тѣхъ, кто отказывался посѣщать католическую обѣдню, причемъ нововѣры потерпѣли большой ущербъ въ своемъ достояніи. Въ имперскомъ городѣ Ахенѣ протестантскій магистратъ былъ вытѣсненъ католическимъ (1596) и началось насильственное противодѣйствіе реформаціи. Имперскій городъ Донаувёртъ, большею частію населенный протестантами, былъ объявленъ опальнымъ за нарушеніе одной процессіи (1606), взятъ герцогомъ Максимиліаномъ I Баварскимъ и лишенъ своей религіозной свободы (1607).

Изгнаніе Кеплера изъ Граца. При этомъ случаѣ и великій Кеплеръ (§ 550) долженъ былъ покинуть Грацъ, гдѣ проживалъ до того времени; слѣдующее письмо къ другу, писанное имъ 9-го сентября 1610 года, вскорѣ послѣ мѣръ, направленныхъ противъ грацскихъ протестантовъ, даетъ ясное понятіе о томъ, до чего дошло гоненіе: «Въ началѣ августа болѣе 1000 жителей, и въ томъ числѣ я самъ, были на вѣки изгнаны изъ Граца. Тихо пригласилъ меня къ себѣ въ Прагу, для устныхъ переговоровъ объ условіяхъ, и я намѣреваюсь отвезти свое семейство въ Линцъ и оттуда одинъ ѣхать

въ Прагу чтобы лично съ нимъ условиться. Если представится слишкомъ много затрудненій, то я возвращусь за семьей въ Линцъ и отправлюсь къ вамъ. Я желалъ бы заняться медициной, и можетъ быть у васъ найдется мѣстечко (proffessiuncula) для меня. Видитъ Богъ, я очень обѣднѣлъ. Жена моя изъ достаточной семьи, но все состояніе ея въ недвижимой собственности, которая теперь не имѣетъ никакой цѣны и не можетъ быть продана, потому что намъ запрещено отдавать даже въ аренду католикамъ тѣ имѣнія, которыя остались непроданными въ теченіе назначеннаго намъ, сорока-пяти-дневнаго срока. Это тяжкое несчастіе, но я извѣдалъ теперь, какъ отрадно съ горстью братьевъ терпѣть зло и поношеніе за вѣру, во славу Божію, и покидать родной кровъ, друзей и отчизну. Когда мученичество и лишеніе жизни таковы, что вмѣстѣ съ несчастіемъ ростетъ и самая бодрость, тогда за вѣру легко идти на смерть. Но я не уступлю безъ борьбы, хотя бы она соединялась для меня съ потерями, не уступлю, основываясь на условіяхъ прежняго моего возврата, чтобы не потерпѣть отъ него по-крайней мѣрѣ болѣе вреда, чѣмъ сколько онъ обѣщалъ мнѣ пользы. Ибо еслибъ я не возвратился два года тому назадъ, то могъ бы избѣгнуть запрещенія, наложеннаго теперь на имѣніе жены моей. Будь здоровъ и молись за насъ».

§ 563. Унія и лига. Такъ какъ жалобы протестантовъ на нарушеніе религіознаго мира не нашли себѣ никакой поддержки у слабаго, равнодушнаго императора, а Максимиліанъ продолжалъ занимать лишенный протестантскаго богослуженія городъ Донаувёртъ какъ залогъ за свои военные расходы и замышлялъ присоединить его къ своимъ владѣніямъ, то кальвинистскіе чины (пфальцскіе, ангальтскіе, гессенъ-кассельскіе и другіе), по совѣту курфюрста Палатина, заключили протестантскую унію съ лютеранскими владѣтельными князьями вюртембергскимъ, баденъ-дурлахскимъ, пфальцъ-нейбургскимъ, бранденбургскими маркграфами во Франконіи и 15 имперскими городами (въ томъ числѣ съ Страсбургомъ, Ульмомъ, Нюрнбергомъ), для взаимной помощи противъ нападеній и насилія (1608). Этому союзу вскорѣ противустала католическая лига (1609), составленная Максимиліаномъ Баварскимъ, въ началѣ съ епископами вюрцбургскимъ, зальцбургскимъ, регенсбургскимъ, аугсбургскимъ и пассаускимъ, а потомъ съ тремя духовными курфюрстами

(Майнцскимъ, Трирскимъ, Кёльнскимъ). Послѣдовавшая вскорѣ смерть слабоумнаго и бездѣтнаго герцога Клевскаго, Юлихскаго и Бергскаго дала первый поводъ къ враждебному столкновенію между обѣими религіозными партіями. Такъ какъ наслѣдство было спорное, то императоръ хотѣлъ оставить владѣнія умершаго за собой впредь до рѣшенія дѣла, но оба владѣтельные князя имѣвшіе право на наслѣдство: курфюрстъ Бранденбургскій и пфальцграфъ Вольфгангъ Нейбургскій, согласились между собою и поспѣшили вступить во владѣніе краемъ съ-обща. Терзаемой и взволнованной имперіи уже теперь угрожала кровавая война, такъ какъ Испанцы подъ начальствомъ Спинолы (§ 529) именемъ императора заняли Везель, лига вооружалась, а «завладѣвшіе князья» призвали на помощь унію, которая была въ союзѣ съ Генрихомъ IV Французскимъ и Голландцами. Генрихъ уже изготовился къ войнѣ, которая должна была преобразить систему европейскихъ государствъ и навсегда сокрушить могущество Габсбургскаго дома (§ 541), когда рука убійцы Равальяка помѣшала исполненію этого предпріятія и отдалила еще на нѣсколько лѣтъ обще-европейскую схватку. Унія заключила съ лигою міръ, по которому обѣ стороны отказались отъ вооруженнаго вмѣшательства въ споръ о наслѣдствѣ.

Война за это наслѣдство должна была разрѣшиться полюбовно бракомъ пфальцграфа Вольфганга Нейбургскаго съ дочерью курфюрста Бранденбургскаго. Но на одномъ пиру, сонаслѣдники до того разгорячились, что курфюрстъ далъ пощечину своему будущему зятю, вслѣдствіе чего послѣдній разорвалъ обязательство, женился на дочери герцога Баварскаго, перешелъ къ католической церкви (1614) и при помощи испанскихъ войскъ старался завоевать себѣ обладаніе своимъ наслѣдствомъ. Напротивъ курфюрстъ Бранденбугскій, къ ужасу своихъ лютеранскихъ подданныхъ, перешелъ къ кальвинскому ученію, чтобы получить помощь Голландцевъ. Долго воевали между собою обѣ партіи посредствомъ чужихъ войскъ, пока бѣдствія тяжко изнуреннаго войною народа не привели ихъ къ заключенію договора о раздѣлѣ, по которому Клеве, Маркъ и Равенсбергъ [1] отошли къ Бранденбургіи, а

[1] Маркъ и Равенсбергъ — графства нынѣшней прусской области, Вестфаліи.

Юлихъ-Бергъ съ Дюссельдорфомъ — къ Пфальцъ-Нейбургу. Но ненависть и религіозный гнетъ продолжались по прежнему. Донаувёртъ остался баварскимъ.

2. Богемская война.

§ 564. Матѳій (1612—19). Матѳій имѣлъ такъ же мало энергіи и способности къ управленію, какъ и Рудольфъ, котораго короны онъ себѣ присвоилъ, и будучи притомъ старъ и бездѣтенъ, съ согласія братьевъ назначилъ своего двоюроднаго брата Фердинанда наслѣдникомъ по себѣ въ Австріи, Венгріи и Богеміи. Избраніе государя, который доказалъ въ Стиріи и Каринтіи, что онъ считаетъ торжество католицизма главною обязанностію правителя, и отъ рѣшительности и твердости котораго протестантизмъ могъ опасаться всего худшаго, сильно встревожило богемскихъ утраквистовъ и лютеранъ, тѣмъ болѣе, что католическая партія, въ надеждѣ на такую поддержку, гордо подняла голову, и іезуиты провозгласили правило: novus rex, nova lex! [1] По поводу построенія двухъ протестантскихъ церквей на землѣ Браунаускаго аббата и Грабскаго монастыря (близь Теплица) былъ поднятъ спорный вопросъ о томъ, имѣютъ ли и евангелическіе подданные духовныхъ чиновъ право свободнаго богослуженія, или это право предоставлено королевскою граматой только высшему и низшему дворянству и королевскимъ городамъ и владѣніямъ, согласно буквѣ этого акта. Рѣшеніе, состоявшееся въ ущербъ евангелическимъ подданнымъ и вслѣдствіе котораго одна церковь была закрыта, а другая сломана, еще усилило волненіе. Выставленные протестантами, для охраны своихъ правъ, защитники (дефенсоры) собрались на совѣщаніе и составили жалобу на имя находившагося тогда въ Венгріи Матѳія. Но императоръ отвѣчалъ отказомъ и запретилъ подобныя собранія на будущее время. Тогда представители утраквистскихъ чиновъ, подъ предводительствомъ графа Турна, явились вооруженные въ дворцовую канцелярію, чтобы потребовать объясненій у знакомыхъ съ правительственными

[1] Новый государь! новый законъ!

дѣлами Богеміи императорскихъ совѣтниковъ, которыхъ считали виновниками рѣзкаго отвѣта императора. Послѣ непродолжительнаго спора, разгоряченные протестанты схватили двоихъ присутствовавшихъ тутъ намѣстниковъ, Мартиница и Славату, особенно ненавистныхъ за ревность къ католичеству, и выкинули ихъ вмѣстѣ съ тайнымъ секретаремъ Фабриціусомъ за окно (23-го мая 1618). Но не смотря на высоту и на сопровождавшіе выброшенныхъ сановниковъ выстрѣлы, всѣ трое, къ удивленію, остались живы.

§ 565. Фердинандъ II. Чтобы избѣжать наказанія за это дѣло, утраквистскіе чины захватили въ свои руки правленіе, привели чиновниковъ къ присягѣ, изгнали іезуитовъ и устроили ополченіе подъ главнымъ начальствомъ Турна. Вѣсть объ этихъ событіяхъ наполнила душу хилаго императора страхомъ и заботою; но кроткія и уступчивыя предложенія его были отвергнуты Фердинандомъ. Когда повелѣніе распустить новое правительство и ополченіе не было тотчасъ же исполнено, въ Богемію вступило императорское войско. Но Турнъ, съ помощью храбраго военачальника Эрнста Мансфельда, отразилъ непріятельскую армію (20-го мая 1619) и потомъ ободренный вѣстью о смерти Матѳія и страхомъ протестантовъ къ новому государю Фердинанду II, вступилъ въ Брюннъ; моравскіе чины, какъ прежде силезскіе и лузацкіе, пристали къ Чехамъ и изгнали іезуитовъ. Вскорѣ Турнъ явился у воротъ Вѣны (6-го іюня 1619), гдѣ твердо и мужественно оставался Фердинандъ, вполнѣ сознавая, что слѣдствіемъ его бѣгства было бы сочувствіе Австріи къ Богеміи и поколебаніе могущества Габсбургскаго дома. Угнетенные австрійскіе протестанты вступили въ сношенія съ Турномъ; ихъ повѣренные проникли въ императорскій замокъ и грозно требовали уравненія обѣихъ религіозныхъ партій и другихъ важныхъ уступокъ. Настойчивое упорство Фердинанда поставило бы его въ опасное положеніе, еслибъ въ это самое время не прискакали на дворъ замка Дампьерровы [1] всадники и не освободили его изъ стѣсненнаго положенія. Неблагопріят-

---

[1] Генрихъ Дюваль, графъ Дампьерръ, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ военачальниковъ императора, не смотря на частыя свои неудачи.

ная погода и недостатокъ въ деньгахъ и жизненныхъ припасахъ вынудили Турна къ отступленію. — Вскорѣ послѣ того Фердинандъ (1619—37) былъ избранъ Нѣмецкимъ императоромъ во Франкфуртѣ; но еще прежде чѣмъ совершилось коронованіе, чины Богеміи, Моравіи и Силезіи отложились отъ Австрійскаго дома и на основаніи стараго избирательнаго права, отнятаго у нихъ Фердинандомъ I послѣ Мюльбергской битвы (§ 489), избрали королемъ вождя протестантской уніи, курфюрста Фридриха V Палатина. Напрасно совѣтовали ему другіе курфюрсты, короли Англійскій и Французскій и даже собственная его мать, дочь Вильгельма Оранскаго, не принимать такого опаснаго подарка: голосъ гордой жены его Елисаветы, бывшей принцессы англійской, внушенія его придворнаго проповѣдника Скультетуса, убѣжденія Христіана Ангальтскаго, одного изъ самыхъ значительныхъ членовъ уніи, и его собственное желаніе превозмогли все. Тщеславный, слабодушный человѣкъ принялъ опасную корону (ноябрь 1619) и поспѣшилъ въ Прагу для присяги и коронованія.

§ 566. Фридрихъ V и Максимиліанъ. Но между тѣмъ какъ Фридрихъ въ Богеміи тратилъ время въ пустыхъ великолѣпныхъ торжествахъ, беззаботно предавался своей склонности къ роскоши и, своимъ кальвинистскимъ рвеніемъ, которое довело его до святотатственнаго истребленія образовъ и священныхъ предметовъ, оскорбилъ чешскихъ утраквистовъ и лютеранъ, и смутилъ евангелическихъ членовъ уніи, Фердинандъ успѣлъ заключить договоръ съ хорошо вооруженною и сильною своимъ согласіемъ лигою (склонивъ въ свою пользу, обѣщаніемъ курфюршескаго сана и земельныхъ пріобрѣтеній, вождя лиги, Максимиліана, его друга и школьнаго товарища въ Ингольштадтѣ, и умѣвъ искусно связать дѣло католицизма съ собственными выгодами), вступилъ въ союзъ съ Испаніею и привлекъ на сторону Австріи руководимаго своимъ придворнымъ проповѣдникомъ (Гоэ фонъ Гоэнеггомъ) лютеранскаго курфюрста Іоанна Георга Саксонскаго, который, завидуя положенію кальвиниста-пфальцграфа въ уніи и его королевской коронѣ, скоро соблазнился на обѣщанную ему Фердинандомъ Лузацію. Тщетно Турнъ, въ союзѣ съ Седмиградскимъ княземъ Бетленъ Габоромъ, домогавшимся венгерской короны, вторично подошелъ къ стѣнамъ Вѣны: онъ опять принужденъ былъ отступить, ничего не сдѣлавъ, и Фер-

динанду открылась возможность принудить къ покорности мятежные чины Австріи, между тѣмъ какъ Спинола приближался съ испанскимъ войскомъ къ Палатинату. Несогласная унія безпечно дала связать себѣ руки договоромъ съ лигою и такимъ образомъ лишила своей помощи Богемскаго короля.

Максиміліанъ, въ службѣ котораго находился мастеръ военнаго дѣла, Нидерландецъ Тилли, вступилъ теперь съ хорошо вооруженною силою лиги въ Богемію и, подкрѣпленный войсками Фердинанда, пошелъ прямо на Прагу, не вступая въ переговоры. Вскорѣ послѣдовала битва при Бѣлой Горѣ (7-го ноября 1620), гдѣ утомленные ратники, предводимые Христіаномъ Ангальтскимъ и Турномъ, должны были уступить превосходнымъ силамъ непріятеля и искать спасенія въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Одинъ часъ рѣшилъ судьбу Богеміи. Фридрихъ до того потерялъ голову и утратилъ всякую бодрость, что на слѣдующее же утро поспѣшно бѣжалъ въ Силезію, хотя Мансфельдъ и Бетленъ Габоръ находились неподалеку съ значительными силами, а пражское гражданство вооружилось для собственной защиты. Въ своемъ стремительномъ бѣгствѣ поспѣшилъ онъ изъ Бреславля въ Берлинъ, а оттуда въ Нидерланды, преслѣдуемый императорскою опалой, которая лишала его родовыхъ земель въ Палатинатѣ. Богемія, Моравія и Силезія въ нѣсколько мѣсяцевъ были снова покорены Австрійскому дому.

Фердинандъ собственноручно разрѣзалъ королевскую грамату; 27 знатнѣйшихъ протестантскихъ дворянъ погибли на плахѣ; сотни поплатились за свою вину всѣмъ достояніемъ; отобранныя имѣнія были отданы возвратившимся іезуитамъ; лютеранское духовенство должно было уступить мѣсто монахамъ и католическимъ священникамъ. Фанатическій духовникъ Фердинанда II, Леммерманъ, собралъ обильную жатву. Насиліе, угнетеніе и соблазнъ въ нѣсколько десятилѣтій доставили католической религіи полную побѣду, послѣ того какъ 30,000 протестантскихъ семействъ выселились изъ страны. Іезуитская сноровка оказалась болѣе дѣйствительнымъ средствомъ обращенія нежели мечь, которому храбро сопротивлялись утраквисты. Съ тѣхъ поръ Богемія навсегда утратила цвѣтущее состояніе и политическое значеніе. Вскорѣ распалась унія, презираемая народами, и самъ Бетленъ Габоръ склонился на миръ.

3. ВОЙНА ВЪ РЕЙНСКОМЪ ПАЛАТИНАТѢ.

§ 567. Тилли и Мансфельдъ. Между тѣмъ какъ императоръ придумывалъ способы, чтобы повсемѣстно доставить господство католической церкви, наградить своихъ друзей и отомстить своимъ противникамъ, три владѣтельные князя не убоялись выйти въ поле за дѣло опальнаго курфюрста и за утѣсняемый протестантизмъ; это были: герцогъ Христіанъ Брауншвейгскій, Эрнстъ Мансфельдъ и маркграфъ Георгъ Фридрихъ Баденъ-Дурлахскій.

Христіанъ Брауншвейгскій, суровый воинъ, частію по природной любви къ войнѣ, частію изъ опасенія, что императоръ отниметъ у него гальберштадское епископство, которымъ онъ управлялъ, выступилъ ратоборцемъ несчастной Богемской королевы Елисаветы, перчатку которой онъ носилъ съ рыцарскою любезностію на своей шляпѣ. Въ то время какъ онъ вторгнулся въ Вестфалію съ навербованнымъ отрядомъ, грабилъ монастыри и духовныя учрежденія и пронесъ губительный мечь войны до самаго Майна, храбрый, опытный въ военномъ дѣлѣ Мансфельдъ проникъ изъ Верхняго Палатината (который Максимиліанъ тотчасъ же захватилъ и предалъ для обращенія къ католичеству въ руки іезуитовъ) чрезъ Франконію въ Рейнскій Палатинатъ. Военная слава его отвсюда привлекала къ нему жадныхъ къ добычѣ ратниковъ; грабежи и контрибуціи давали ему средства содержать войско. Епископства и духовныя учрежденія на Майнѣ и Рейнѣ, и монастыри въ Альзаціи, особенно почувствовали гнетъ его полчищъ. Въ короткое время могущество Мансфельда возросло до того, что бѣглый пфальцграфъ дерзнулъ возвратиться подъ его защитою въ свои родовыя владѣнія.

Вмѣстѣ съ Георгомъ-Фридрихомъ Баденскимъ, Мансфельдъ далъ вступившему въ Палатинатъ Тилли побѣдоносное сраженіе (29-го апрѣля 1622) при Вислохѣ (Мингольсгеймѣ). Но какъ побѣдители вскорѣ разстались, то Георгъ-Фридрихъ въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (6-го мая) проигралъ Тилли битву при Вимпфенѣ и даже самъ попался бы въ плѣнъ, еслибъ 400 пфорцгеймскихъ гражданъ не завоевали ему отступленія своею геройскою смертью. Нѣсколько недѣль спустя, Христіанъ Брауншвейгскій тоже потерпѣлъ пораженіе отъ испытанныхъ войскъ католическаго

вождя при Гёхстѣ (19-го іюня 1622). Съ остатками своей разбитой арміи, онъ пресоединился къ Мансфельду, и такъ какъ около того же времени курфюрстъ, обманутый пустыми надеждами на миръ и соглашеніе, уволилъ обоихъ полководцевъ изъ своей службы и возвратился въ Голландію, то они съ своими наемными войсками вступили въ Лотарингію и оттуда въ Нидерланды, а Тилли между тѣмъ взялъ приступомъ Гейдельбергъ, Мангеймъ и Франкенталь и тяжко наказалъ ихъ грабежомъ и убійствомъ.

При этомъ случаѣ, знаменитая гейдельбергская библіотека, состоявшая изъ драгоцѣннѣйшихъ рукописей была вывезена по повелѣнію Максимиліана и доставлена римскому двору, въ отплату за оказанное имъ содѣйствіе. Только лишь по заключеніи Парижскаго мира (1814) небольшая часть похищенныхъ сокровищъ была возвращена изъ ватиканской библіотеки.

Упрочивъ за собою Палатинатъ гарнизонами, Тилли вторгнулся въ Вестфалію, гдѣ снова началъ опустошительную войну возвратившійся изъ Нидерландовъ Христіанъ Брауншвейгскій. Кровопролитное сраженіе при Штадтлонѣ (6-го августа 1623), къ которому Христіанъ былъ вынужденъ прежде задуманнаго имъ соединенія съ Мансфельдомъ, находившимся въ восточной Фризландіи, сокрушило послѣднюю надежду протестантовъ. Оба, объявленные опальными, вождя удалились за границу. Императоръ, на сеймѣ въ Регенсбургѣ, вопреки всѣмъ представленіямъ передалъ санъ курфюрста-палатина Максимиліану Баварскому; гоненія на протестантовъ въ австрійскихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ и въ другихъ мѣстахъ, доказывали, что императоръ весьма серьёзно задумалъ воспользоваться своими побѣдами для возстановленія католической церкви. Проникнутый тѣмъ убѣжденіемъ, что міръ можетъ быть спасенъ однимъ только римскимъ вѣроученіемъ, онъ не отступалъ передъ мыслію — возвратиться къ единству церкви по грудамъ труповъ.

4. НИЖНЕГЕРМАНСКАЯ И ДАТСКАЯ ВОЙНА.

§ 568. Валленштейнъ. Возрастающее могущество Австріи, подѣйствовавшее и на Испанію, такъ же тревожило французскій дворъ, руководимый мудрымъ политикомъ Ришльё, и Нидерландскую респу-

блику, какъ успѣхи католицизма въ Вестфаліи, гдѣ Тилли отдалъ католикамъ уже давно принадлежавшія протестантамъ духовныя учрежденія, встревожили евангелическіе чины нижней Германіи. Англійскій король Іаковъ, котораго до сихъ поръ удерживали отъ энергической помощи стѣсненному его зятю (§ 591. 2) виды на бракосочетаніе его сына съ испанскою инфантой, теперь перемѣнилъ свой образъ мыслей, и подкрѣпивъ предпріимчиваго Эрнста Мансфельда войсками и деньгами, далъ ему возможность снова выступить въ походъ. Христіанъ Брауншвейгскій тоже нашелъ себѣ помощь, и его дикій способъ вести войну привлекалъ къ нему безумно-отважную молодежь, жаждавшую добычи.

Вскорѣ явился новый защитникъ протестантскаго дѣла, Датскій король Христіанъ IV, родственникъ Фридриху V. Религіозное рвеніе и надежда пріобрѣсти земли въ сѣверной Германіи вывели его въ поле, Англія и Голландія заключили съ нимъ договоры, и Ришльё обѣщалъ денежную помощь. Поднялась новая военная буря. Тогда императоръ, тяготившійся зависимостью отъ лиги и высокимъ почетомъ Максимиліана, въ руки котораго все болѣе и болѣе переходило управленіе судьбами Германіи, рѣшился выставить собственное войско. Тутъ предложилъ ему свои услуги Альбрехтъ Валленштейнъ (Вальдштейнъ), богемскій дворянинъ, показавшій въ войнѣ противъ Чеховъ и Турковъ свои полководческія дарованія и умѣнье повелѣвать солдатами и привязывать ихъ къ себѣ. Имѣя большое состояніе, частію полученное въ наслѣдство, частію взятое за женой, и весьма пріумноженное покупкою конфискованныхъ имѣній, Валленштейнъ явился къ Фердинанду съ предложеніемъ содержать на свой собственный счетъ 50,000 человѣкъ войска, если ему будетъ предоставлено неограниченное главное начальство и если въ послѣдствіи вознаградятъ его изъ завоеванныхъ земель. По нѣкоторомъ размышленіи, Фердинандъ согласился на предложеніе отважнаго искателя приключеній. Онъ еще прежде пожаловалъ Валленштейну, за его заслуги въ богемской войнѣ, помѣстье Фридландъ на сѣверной границѣ Богеміи, съ герцогскимъ достоинствомъ, а теперь возвелъ его въ санъ имперскаго князя.

Повсемѣстно загремѣлъ призывный барабанъ вербовщиковъ; имя Валленштейна и заманчивыя обѣщанія привели подъ его знамя толпы

дюжихъ ополченцевъ. Въ такой войнѣ, гдѣ невозбранно допускались грабежъ и поджогъ, солдатъ находилъ и удовольствія жизни и богатство, между тѣмъ какъ горожанинъ и селянинъ чуть не умирали съ голоду и не могли ручаться ни за свою жизнь, ни за свою собственность. — А чего не могъ ожидать военный человѣкъ подъ начальствомъ полководца, безжалостнаго къ народу и щедраго къ солдатамъ?

§ 569. Побѣды Валленштейна и Тилли. Весною 1624 года Христіанъ IV, избранный нижнегерманскими чинами въ главнокомандующіе, открылъ на Везерѣ военныя дѣйствія противъ Тилли, но не совершилъ ничего замѣчательнаго. Когда же Валленштейнъ съ своими дикими полчищами занялъ доселѣ нетронутый войною при-эльбскій край и соединился съ Тилли, тогда арміи императора и лиги вскорѣ получили перевѣсъ надъ разрозненнымъ и несогласнымъ Сѣверомъ и надъ ослабленными силами протестантскихъ полководцевъ. Мансфельдъ потерпѣлъ отъ Фридландцевъ [1] при Дессаускомъ мостѣ, страшное пораженіе, въ которомъ потерялъ всю артиллерію и большую часть своихъ войскъ.

Преслѣдуемый Валленштейномъ, неутомимый герой направился съ остатками своей рати, весьма трудными переходами, въ Венгрію, для соединенія съ Бетленъ Габоромъ; но такъ какъ этотъ измѣнчивый князь около того же времени заключилъ миръ съ Фердинандомъ, то Мансфельду пришлось идти далѣе. Онъ пошелъ черезъ Боснію въ Венецію (ноябрь 1626), но дорогою умеръ лихорадкой отъ чрезмѣрнаго напряженія. Въ военной одеждѣ и опоясанный мечемъ, ожидалъ онъ на ногахъ, поддерживаемый двумя офицерами, приближеніе смерти. Тѣло его погребено въ Спалатро.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ (въ маѣ 1626) умеръ и храбрый Христіанъ Брауншвейгскій на 27-мъ году жизни, а въ августѣ (27-го) этого, богатаго событіями, года Христіанъ IV послѣ геройской битвы съ Тилли потерпѣлъ при Луттерѣ у Баренберга такое пораженіе, что самъ едва избѣжалъ плѣна. Вся нижняя Германія была въ рукахъ войскъ лиги, и евангелическіе чины поспѣшили заключить миръ съ императоромъ, хотя и на тяжкихъ условіяхъ. Правда, Хрістіанъ IV, соединясь съ маркрафомъ Баденскимъ и съ подмо-

[1] Такъ назывались Валленштейновы воины.

гой изъ Англіи, опять явился на Эльбѣ; но когда Тилли примкнулъ къ Валленштейну, который между тѣмъ завоевалъ Силезію и изгналъ герцоговъ Мекленбургскихъ, державшихъ сторону Даніи, изъ ихъ владѣній, тогда датско-нѣмецкое войско должно было уступить превосходнымъ силамъ непріятеля. Въ короткое время Голштинія, Шлезвигъ и Ютландія, потерпѣвъ страшное опустошеніе, были завоеваны императорскою арміею. Валленштейнъ замышлялъ отнять эти земли у наслѣдственныхъ князей и подчинить ихъ непосредственно Фердинанду. Только опасеніе жестокой войны со всѣми государствами при Нѣмецкомъ и Балтійскомъ морѣ, въ которую эта мѣра вовлекла бы императора, и геройство Стральзундцевъ (§ 571), заставили его отказаться отъ такого намѣренія. По Любекскому миру (1629) Христіанъ IV получилъ назадъ свои опустошенныя земли, но долженъ былъ обѣщать, что воздержится на будущее время отъ всякаго вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла.

§ 570. Преобладаніе Австріи. Послѣ битвы при Луттерѣ, полновластіе Фердинанда было повидимому такъ же упрочено въ Германіи, какъ и въ родовыхъ его владѣніяхъ. Несогласные между собою протестанты были частію побѣждены, частію подкуплены, частію запуганы: въ коллегіи курфюрстовъ, со времени возведенія въ этотъ санъ Максимиліана, на пять католиковъ приходилось только два (и то равнодушныхъ) протестанта (курфюрсты Саксонскій и Бранденбургскій). Еслибъ императоръ подалъ теперь руку примиренія, то могущество Габсбурговъ въ Германіи достигло бы небывалой высоты. Но религіозная исключительность Фердинанда не допускала великодушной политики. Его побѣда должна была вмѣстѣ обратиться и въ торжество католицизма надъ отпавшими исповѣданіями; оттого въ Богеміи и Австріи постоянно возрастали насилія противъ еретиковъ, и только поспѣшное бѣгство, съ утратою всего достоянія, спасало твердаго въ вѣрѣ протестанта отъ необходимости посѣщать католическую обѣдню. Такимъ же образомъ поступалъ Максимиліанъ въ Верхнемъ Палатинатѣ, который былъ отданъ ему императоромъ сначала въ лэнъ, а потомъ и въ наслѣдственную собственность; іезуиты усердно обращали къ католичеству даже въ той части Нижняго Палатината, которая временно была предоставлена ему въ вознагражденіе за издержки. Подобная участь угрожала и сѣверу съ тѣхъ поръ какъ Валленштейнъ получилъ отъ

императора, въ лэнное владѣніе, герцогство Мекленбургское и старался расширить его завоеваніемъ померанскаго восточнаго побережья. Примѣръ Померанскаго герцога, который долженъ былъ уступить свои владѣнія опустошающимъ войскамъ Фридландца, и примѣръ доселѣ неизмѣнно преданнаго императору курфюрста Бранденбургскаго, во владѣніяхъ котораго тоже былъ поставленъ императорскій гарнизонъ, напугали всѣхъ протестантскихъ государей. Было ясно, что Валленштейнъ стремится высвободить императорское полновластіе изъ прежнихъ ограниченій и подавить вѣковую самостоятельность областей. А когда онъ сталъ принимать мѣры къ основанію нѣмецкой морской силы на Балтикѣ съ цѣлью отнять у враговъ императора торговлю на этомъ морѣ, то сильно встревожилъ этимъ не только Ганзейскіе города и всѣ при-балтійскія государства, но и Нидерландцевъ съ Англичанами.

§ 571. Реституціонный эдиктъ и отрѣшеніе Валленштейна. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ городъ Стральзундъ явилъ высокій примѣръ патріотизма и геройскаго мужества. Граждане упорно отказывались допустить къ себѣ Валленштейновъ гарнизонъ. Тогда Валленштейнъ подошелъ къ городу съ своими страшными полчищами и клялся взять его, хотя бы онъ былъ прикованъ цѣпями къ самому небу. Но всѣ приступы оказались тщетны, благодаря крѣпкой позиціи и геройству горожанъ, которые въ свою очередь поклялись пожертвовать достояніемъ и жизнію для сохраненія своей вѣры и старинныхъ вольностей и правъ. Съ помощью Даніи и Швеціи, Стральзундъ цѣлыя шесть недѣль отбивалъ всѣ приступы; 12,000 человѣкъ положилъ здѣсь безъ всякой пользы императорскій полководецъ. То было послѣднее проявленіе свободнаго гражданскаго духа имперскихъ городовъ. Примѣръ Стральзунда ободрительно подѣйствовалъ на Магдебургъ. По совѣту духовныхъ курфюрстовъ и разсчитывая на достигнутое уже преобладаніе, императоръ издалъ (6-го марта 1629) реституціонный (возстановительный) эдиктъ, въ силу котораго всѣ духовныя учрежденія и церковныя имущества, отобранныя у католической церкви послѣ Пассаускаго договора (§ 494), возвращались ей, кальвинисты вовсе исключались изъ религіознаго мира, и сверхъ-того запрещалось препятствовать католическимъ чинамъ въ дѣлѣ обращенія ихъ

подданныхъ. Этотъ эдиктъ, грозившій отнять три архіепископства, пятнадцать епископствъ и почти всѣ сѣверно-германскія штифты и аббатства у ихъ настоящихъ владѣльцевъ продлилъ бѣдственную войну, заставивъ императора имѣть всегда войско на готовѣ, чтобы требовать исполненія эдикта. Жалобы чиновъ не были уважены; тамъ, гдѣ католики имѣли перевѣсъ, они завладѣли духовными имуществами; протестантская часть Германіи оцѣпенѣла отъ ужаса. Тогда-то Магдебургъ, котораго гражданство нѣкогда отвергло Временное замиреніе (§ 492), воспротивился исполненію реституціоннаго эдикта и впуску императорска гогарнизона. Одинъ изъ отважнѣйшихъ военачальниковъ Валленштейна, страшный Паппенгеймъ, уже подступилъ къ городу, но буря, вскорѣ разразившаяся надъ головою Валленштейна, спасла на короткое время Магдебургъ. Именно, когда на первомъ Фердинандовскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ (1630) князья стали единогласно жаловаться на страшное опустошеніе земель и варварскій образъ войны герцога Фридландскаго, а Максимиліанъ настойчиво потребовалъ удаленія дерзкаго и повелительнаго соперника, тогда Фердинандъ, имѣя въ виду, по поводу предстоящаго избранія своего сына въ императоры, пріобрѣсть расположеніе князей, нашелся вынужденнымъ отрѣшить Валленштейна и уменьшить свою армію. Полководецъ занимался астрологическими изслѣдованіями, когда получилъ въ Меммингенѣ этотъ приговоръ. Вопреки ожиданію, онъ покорился и уѣхалъ въ свои богемскія помѣстья, гдѣ въ гордомъ спокойствіи и среди истинно-царскихъ богатствъ выжидалъ той минуты, когда опять понадобится его мечь.

5. ВМѢШАТЕЛЬСТВО ШВЕЦІИ.

§ 572. Густавъ Адольфъ. Когда протестантскіе чины Германіи, трепеща отъ страха и не зная что̀ начать, боязненно ожидали отсроченнаго исполненія реституціоннаго эдикта, явился на нѣмецкой почвѣ чужеземный государь, который своимъ преобладающимъ вліяніемъ соединилъ разрозненныя и несогласныя стороны единовѣрныхъ: это былъ Шведскій король Густавъ Адольфъ.

Оскорбленный смѣщеніемъ родственниковъ его, герцоговъ Мекленбургскихъ, и вспомогательнымъ войскомъ, которое императоръ прислалъ враждебнымъ Швеціи Полякамъ, и вмѣстѣ опасаясь за свое господство на Балтикѣ, которому угрожали планы Валленштейна, Густавъ Адольфъ рѣшился вступиться въ германскую войну, отчасти для поддержки тѣснимой въ томъ краѣ евангелической вѣры, отчасти для обезпеченія могущества Швеціи и для распространенія его по всему балтійскому поморью (гдѣ онъ овладѣлъ уже Эстляндіей и Лифляндіей). Сокрушитель французскихъ гюгенотовъ, кардиналъ Ришльё, не усомнился заключить союзъ съ Густавомъ Адольфомъ для обороны нѣмецкихъ протестантовъ и дѣлать ему денежныя вспоможенія въ борьбѣ съ безпрестанно усиливающимся въ Германіи и Италіи Габсбургомъ, ни мало не заботясь о негодованіи и угрозахъ папы. Стремленіе французской и шведской политики къ одной и той же цѣли значительно ускорило союзъ. — Надо замѣтить, что въ то самое время испанско-австрійскій домъ оспоривалъ въ Италіи законныя наслѣдственныя права поддерживаемаго Франціей герцога Неверскаго (изъ дома Гонзаги) на выморочное герцогство Мантуу. Австрійскія войска заняли терзаемый страшными религіозными усобицами и оттого ослабленный Граубюндтенъ, заняли также Вальтелину, взяли приступомъ Мантуу и совершали тамъ обычные свои ужасы; не смотря на то война за мантуанское наслѣдство (1627—30) кончилась по желанію Ришльё. Императоръ отдалъ въ лэнъ французскому претенденту Мантуу съ Монферратомъ; Граубюндтенъ былъ очищенъ отъ испанскихъ войскъ, и Ришльё, который въ рѣшительную минуту самъ отправился военачальствовать въ Италіи, пріобрѣлъ для Франціи важную крѣпость Пиньероль.

По заключеніи, при французскомъ посредничествѣ, перемирія между Швеціею и Польшей, Густавъ Адольфъ высадился на померанскомъ берегу (24 іюня 1630). Престарѣлый герцогъ этого края, страшно разореннаго цесарскими войсками, заключилъ со Шведами договоръ, послѣ чего они заняли Штеттинъ, выгнали непріятеля и овладѣли всею Помераніею и Рюгеномъ. Благочестіе Густава и строгая дисциплина его солдатъ, собиравшихся дважды въ день для молитвы вокругъ полковыхъ священниковъ, составляли рѣзкую противоположность съ опустошительнымъ способомъ войны Тилли и Валленштейна; оттого-то Шведовъ и ихъ великодушнаго короля народъ вездѣ привѣтствовалъ какъ избави-

телей. Не такъ смотрѣли на нихъ князья; боясь мести императора, они отвергли союзъ, предлагаемый Густавомъ, и на лейпцигскомъ съѣздѣ (6 февр. 1631) постановили соблюдать нейтральное положеніе, но исполненію реституціоннаго эдикта препятствовать силою оружія; только Магдебургъ, герцоги Люнебургскій, Саксенъ-Веймарскій и Лауэнбургскій и ландграфъ Гессенъ-Кассельскій присоединились къ королю.

§ 573. Разрушеніе Магдебурга и битва подъ Лейпцигомъ. Между тѣмъ какъ Шведы шли вверхъ по Одеру и взяли приступомъ Франкфуртъ, Тилли, которому теперь ввѣрено было главное начальство надъ цесарскими войсками, двинулся къ Магдебургу, гдѣ состоявшій въ шведской службѣ полковникъ Фалькенбергъ распоряжался обороной. Густавъ обѣщалъ городу скорую помощь. Но чтобы прикрыть свой тылъ онъ долженъ былъ напередъ склонить къ союзу Саксонію и курфюрста Бранденбургскаго, его свойственника, который былъ до тѣхъ поръ въ мирѣ съ императоромъ. Этотъ курфюрстъ, послѣ нѣкотораго колебанія, уступилъ Шведамъ для сборнаго мѣста Шпандау; напротивъ курфюрстъ Саксонскій упорно отказывалъ имъ въ пропускѣ чрезъ свои земли и задерживалъ Шведскаго короля переговорами, вслѣдствіе чего Магдебургъ послѣ нѣсколькихъ приступовъ былъ взятъ и разоренъ Тилли и Папенгеймомъ (10 мая 1631). Горя жаждой мести и хищничества и воспламененные обѣщаннымъ имъ трехдневнымъ грабежемъ, ворвались одичалыя полчища въ несчастный городъ, ставшій теперь позорищемъ неслыханныхъ ужасовъ, пока пожаръ, который разлился неудержимо во всѣ стороны, не превратилъ его наконецъ въ груду пепла. Соборный храмъ, въ которомъ побѣдитель велѣлъ совершить благодарственное молебствіе, монастырь Пречистой Богоматери и нѣсколько рыбачьихъ хижинъ — вотъ все что̀ осталось отъ цвѣтущаго имперскаго города. Самъ Фалькенбергъ былъ убитъ. Пока Густавъ Адольфъ занималъ край между Одеромъ и Эльбой и возстановлялъ герцоговъ Мекленбургскихъ въ ихъ владѣніяхъ, Тилли двинулся на Гессенъ и Веймаръ, чтобы наказать ихъ владѣтелей за союзъ съ Шведскимъ королемъ, а потомъ

направилъ свое оружіе противъ курфюрста Саксонскаго, главы Лейпцигскаго союза. Уже Галле, Мерзебургъ, Наумбургъ и друг. города были въ рукахъ цесарцевъ, когда тѣснимый курфюрстъ заключилъ союзъ съ Густавомъ Адольфомъ и прибѣгнулъ къ его помощи противъ губительныхъ полчищъ Тилли. Тогда дошло дѣло до кровавой битвы при Лейпцигѣ и Брейтенфельдѣ (7 сент. 1631), гдѣ привычные къ войнѣ цесарцы, благодаря полководческому генію короля и непоколебимой стойкости его войска, потерпѣли тяжкое пораженіе. Тилли, подвергавшій опасности собственную жизнь, потерялъ 7000 лучшихъ своихъ ратниковъ и долженъ былъ поспѣшно отступить на югъ, тогда какъ Саксонцы вошли въ Богемію, а Густавъ Адольфъ, которому теперь была открыта вся Германія, направился къ Майну и Рейну, чтобы стать ближе къ своимъ союзникамъ, Французамъ. Еще до исхода зимы Вюрцбургское епископство и бо̀льшая часть Нижняго Палатината были въ рукахъ Шведскаго короля. Епископъ Филиппъ шпейерскій и трирскій, ревностный другъ іезуитовъ и жестокосердый мучитель народа, поспѣшилъ отдать обѣ свои крѣпости, Филиппсбургъ и Эренбрейтштейнъ, подъ покровительство Франціи, чтобы обезпечить ихъ отъ Шведовъ.

§ 574. **Побѣды Густава.** Покинутая своимъ епископомъ вюрцбургская область должна была покориться королю и получила шведское управленіе. Богатая іезуитская библіотека отправлена въ Упсалу. Затѣмъ Густавъ двинулся черезъ Ганау къ мѣсту императорскаго вѣнчанія, городу Франкфурту, при Оппенгеймѣ совершилъ трудный переходъ чрезъ Рейнъ (тутъ погибло до 500 Испанцевъ), занялъ Майнцъ, Вормсъ, Мангеймъ, Шпейеръ и многіе города Палатината. Этотъ блистательный успѣхъ повидимому пробудилъ въ душѣ Густава разные высокомѣрные планы. Онъ во многихъ мѣстахъ требовалъ ленной присяги; опаснаго курфюрста-палатина, который явился къ нему во Франкфуртъ, онъ хотя и принялъ съ великимъ отличіемъ и потомъ оставилъ при себѣ, однакожь не возстановилъ въ его владѣніяхъ; онъ поощрялъ германскихъ князей вступать въ шведскую службу (наприм. храбраго Бернгарда Веймарскаго и друг.): все это едва ли не обличало въ Густавѣ затаенной мысли стать твердою ногой въ Германіи и можетъ-быть возложить на себя императорскую

корону. Еслибъ ему удалось возстановить Пфальцскій домъ какъ въ Рейнскомъ курфюршествѣ, такъ и въ Богеміи, а Баварію лишить новопріобрѣтеннаго ею сана, тогда протестантскіе князья имѣли бы большинство въ верховной имперской коллегіи и Шведскій король могъ бы законнымъ образомъ достигнуть императорской короны. У курфюрста Саксонскаго скоро возникло подозрѣніе на этотъ счетъ, и онъ повелъ войну въ Богеміи, явно щадя католическую церковь и императорское правленіе, чтобы не затруднить себѣ на всякой случай возвращеніе Фердинандовой милости. Другіе князья также поубавили рвенія. Напротивъ, одаренный всѣми тѣлесными и духовными преимуществами король болѣе и болѣе привлекалъ къ себѣ сердца народа. Своимъ привѣтливымъ, кроткимъ нравомъ и искреннимъ благочестіемъ онъ столько же внушалъ любовь, сколько своей правительственной мудростью, своимъ мужествомъ и полководческимъ талантомъ возбуждалъ къ себѣ благоговѣйное удивленіе.

Весною Густавъ Адольфъ прошелъ чрезъ Нюрнбергъ, гдѣ его приняли съ восторгомъ и богато одарили, и двинулся на Дунай, чтобы перенести войну въ нетронутую до сихъ поръ Баварію и снова помѣриться съ Тилли, занявшимъ между тѣмъ крѣпкую позицію при впаденіи Леха въ Дунай. Онъ силою проложилъ себѣ путь чрезъ Лехъ, не смотря на крѣпкую оборону. При взятіи непріятельскаго редута Тилли былъ такъ тяжело раненъ картечью, что умеръ черезъ двѣ недѣли въ Ингольштадтѣ (20 апр. 1632), занятый еще и въ самую минуту кончины воинственными помыслами. Война наполняла всю душу героя. Простой и умѣренный въ своемъ образѣ жизни, пренебрегалъ онъ деньгами, богатствомъ, титулами и достоинствами. Онъ также былъ далекъ чувственныхъ наслажденій, какъ, съ другой стороны, потребностей высшаго образованія и порывовъ благородной души. По занятіи Аугсбурга, гдѣ Густавъ Адольфъ велѣлъ себѣ присягнуть, возстановилъ опять лютеранское богослуженіе и возвратилъ муниципальную власть протестантамъ, Шведы сдѣлали напрасную попытку взять силою Ингольштадтъ и вступили потомъ въ самое сердце Баваріи, тогда какъ Максимиліанъ поспѣшилъ въ Регенсбургъ распорядиться защитой этого важнаго города. Въ маѣ Густавъ Адольфъ вступилъ въ покинутый дворомъ Мюнхенъ и оказалъ ему милосердую пощаду. Денеж-

ная пеня и увозъ 140 скрытыхъ отъ него пушекъ были единственнымъ наказаніемъ, какое онъ наложилъ на трепещущихъ Баварцевъ.

§ 575. Возвращеніе Валленштейна. Между тѣмъ императоръ Фердинандъ, доведенный до крайности, снова прибѣгнулъ къ Валленштейну. Гордый герцогъ заставилъ себя долго упрашивать прежде чѣмъ выслалъ своихъ вербовщиковъ на добычу; когда же имя герцога Фридланскаго, высокая обѣщанная имъ плата, общее бѣдствіе того времени и надежда вѣрной наживы собрали подъ его знамена многочисленныя толпы войнолюбивыхъ ратниковъ всѣхъ націй, сословій и исповѣданій, онъ принялъ начальство только на такихъ условіяхъ, которыя предоставляли ему почти неограниченную власть *). Всѣ ожидали, что Валленштейнъ немедленно прогонитъ Шведовъ изъ Баваріи; но изъ злобы ли на Максимиліана, главнаго виновника его отставки, или потому, что онъ имѣлъ въ виду другіе военные замыслы, Валленштейнъ двинулся въ Богемію, гдѣ Саксонцы, по взятіи Праги, оставались въ бездѣйствіи и какомъ-то двусмысленномъ отношеніи къ Густаву Адольфу. Только завоевавъ опять Прагу и легко освободивъ весь край отъ непріятеля, уважилъ онъ настоятельныя просьбы Максимиліана и увѣты императора: онъ приблизился къ баварскимъ границамъ и, соединясь съ войсками курфюрста, пошелъ во Франконію вслѣдъ за Шведскимъ королемъ, занявшимъ въ это время крѣпкую позицію вблизи дружественнаго ему Нюрнберга. Съ пожаромъ и опустошеніемъ надвигали Валленштейновы полчища, стали крѣпкимъ лагеремъ на высотѣ въ двухъ часахъ отъ Нюрнберга и отрѣзали непріятелю всѣ подвозы. Напрасно Густавъ Адольфъ, стянувъ къ себѣ разсѣянные отряды, предлагалъ противнику сраженіе; Валленштейнъ цѣлые мѣсяцы не трогался съ мѣста. Вскорѣ весь край на семь миль въ окружности былъ истощенъ и опустошенъ въ конецъ; богатые запасы Нюрнберга, удовлетворявшіе до сихъ поръ потребностямъ шведской арміи, видимо исчезали. Это побудило Густава напасть на Валленштейновъ лагерь; но ряды отважныхъ его воиновъ тщетно валились подъ страшными жерлами пушекъ, сѣявшими смерть. Послѣ тяжкихъ потерь пришлось отказаться отъ этого плана,

а затѣмъ Шведы, обезпечивъ Нюрнбергъ хорошимъ гарнизономъ, опять потянулись къ Дунаю, въ надеждѣ увлечь за собой непріятеля.

*) Условія были слѣдующія: «Герцогу Фридландскому, въ качествѣ императорскаго генералиссимуса, поручается главное начальство въ самой безусловной формѣ, съ правомъ миловать и налагать конфискаціи во всей имперіи по собственному усмотрѣнію. Въ видѣ обыкновенной награды получитъ онъ одну изъ австрійскихъ наслѣдственныхъ земель, въ видѣ награды чрезвычайной предоставляется ему верховнолэнное право надъ всѣми краями, которые будутъ завоеваны имъ впредь. При заключеніи мира ему снова отданъ будетъ Мекленбургъ.»

§ 576. Люценская битва. Но у Валленштейна были совсѣмъ другіе замыслы. Предавъ свой лагерь огню, онъ двинулся среди страшныхъ опустошеній черезъ Бамбергъ (гдѣ покинулъ его Максимиліанъ съ свой арміей) въ Саксонію, взялъ Лейпцигъ и соединился съ Паппенгеймомъ. Тѣснимый курфюрстъ неотступно молилъ Густава о помощи, и король снова пошелъ къ берегамъ Саалы спасать двусмысленнаго союзника. Тутъ, въ одинъ туманный ноябрьскій день (6 ноября 1632), произошла обильная послѣдствіями Люценская битва, въ которой Шведы остались побѣдителями, но король ихъ палъ смертью героя.

Проигравъ на трубахъ гимнъ: «Твердыня крѣпкая нашъ Богъ!» шведскіе воины мужественно двинулись впередъ, подъ предводительствомъ безстрашнаго короля, и успѣшно начали нападеніе. Когда же конница Паппенгейма сбила съ поля утомленное лѣвое крыло Шведовъ, то Густавъ Адольфъ поспѣшилъ туда возстановить сраженіе, но при своей близорукости почти наткнулся на непріятеля и упалъ пронзенный двумя пулями вдругъ.

Цесарцы надѣялись одержать побѣду, но вѣсть о смерти короля наполнила Шведовъ чувствомъ мщенія. Подъ начальствомъ храбраго Бернгарда Веймарскаго бурно ринулись они на врага; вскорѣ правая рука цесарскаго полководца, отважный Паппенгеймъ, былъ унесенъ съ поля битвы смертельно раненный, а Валленштейну пришлось уступить побоище Шведамъ и съ разбитымъ войскомъ удалиться въ Богемію.

Шведы отыскали въ грудѣ убитыхъ ограбленное и обезображенное ранами и ступнями конскихъ копытъ тѣло своего доблестнаго предводителя и отправили его схоронить въ родную землю. Густавъ Адольфъ сошелъ съ кроваваго поприща на 38 году своей обильной дѣлами жизни. Онъ былъ столпомъ протестантской религіи; оттого смерть его наполнила страхомъ и горестью всѣхъ друзей этой вѣры. Благородство мыслей и чувствъ, непритворная набожность, и сердце, сострадательное къ бѣдствіямъ народа,—вотъ качества, которыя признавали за нимъ даже его враги. Онъ былъ украшеніемъ престола, чистѣйшій изъ характеровъ въ это смутное, многотревожное время. Ревнители католицизма были въ торжествѣ, но самъ Фердинандъ не могъ воздержаться отъ глубокаго потрясенія при видѣ окровавленнаго колета своего противника. Для единства и независимости Германіи, равно какъ и для собственной славы Густава, ранняя смерть его была счастьемъ. Изъ освободителя онъ вѣроятно сталъ бы завоевателемъ, и этимъ омрачилъ бы тотъ лучезарный блескъ, которымъ сіяетъ теперь его имя. Черезъ одиннадцать дней послѣ Густава умеръ курфюрстъ Фридрихъ V; кончину его едва замѣтили, и никто по немъ не тужилъ.

§ 577. **Гейльбронскій союзъ.** Шведскій государственный совѣтъ, управлявшій въ малолѣтство Христины, дочери Густава Адольфа, положилъ продолжать войну въ Германіи и веденіе ея возложилъ на канцлера Акселя Оксенщерну, государственнаго мужа, полнаго высокихъ идей, притомъ осторожнаго и вмѣстѣ энергическаго. Такъ какъ нижне-германскіе чины (особенно Саксонія, которая охотно стала бы сама въ челѣ протестантизма, и Бранденбургъ, озабоченный Помераніей, къ завладѣнію которой видимо стремились Шведы) старались уклониться отъ шведскаго преобладанія, то Оксенщернѣ удалось соединить Гейльбронскимъ союзомъ (13 апр. 1633) только протестантскіе чины Франконіи, Швабіи, Верхняго и Нижняго Рейна. Въ договорномъ актѣ было постановлено, что канцлеру, какъ директору союза, одному принадлежитъ рѣшеніе по чисто военнымъ дѣламъ; во всемъ прочемъ обязанъ онъ спрашивать мнѣнія союзнаго совѣта. Верховное начальство надъ главною арміею предоставлено Бернгарду Веймарскому, получившему въ лэнъ герцогство Франконію съ епископствами бамбергскимъ и вюрцбургскимъ; но ему приданъ былъ шведскій генералъ Горнъ,

стоявшій съ нимъ на равной ступени власти. Теперь война на сѣверѣ и югѣ запылала съ новой яростью. Баварія страшно потерпѣла отъ Шведовъ, которые съ кончины Густава не уступали противникамъ въ опустошительности военныхъ дѣйствій, и такъ какъ, изъ вражды къ Максимиліану, Валленштейнъ не захотѣлъ идти на помощь разоренному краю, то наконецъ и важный городъ Регенсбургъ достался въ руки Бернгарда (5 ноября 1633). Въ Силезіи фридландскія войска хозяйничали такъ безпощадно, что благосостояніе края надолго исчезло безъ слѣда.

§ 578. Конецъ Валленштейна. Со времени Люценской битвы предпріятія Валленштейна были уже не такъ энергичны и величавы какъ прежде. Сначала онъ долго стоялъ бездѣйственъ въ Богеміи, а потомъ, когда наконецъ двинулся въ Силезію и Лаузицъ, то заключилъ перемиріе съ непріятелемъ и вступилъ съ курфюрстами Саксонскимъ и Бранденбургскимъ и даже съ Оксенщерною въ переговоры, возбуждавшіе подозрительность Вѣнскаго двора. Заклятому врагу Габсбурговъ, плѣнному графу Турну, возвратилъ онъ свободу и вмѣсто того, чтобъ выгнать Шведовъ изъ Баваріи, съ началомъ зимы опять отступилъ въ Богемію и угнеталъ австрійскія родовыя владѣнія тягостнымъ для нихъ постоемъ. Напрасно старались побудить его къ выводу войска въ непріятельскіе края, — Валленштейнъ остался на мѣстѣ, оправдываясь позднимъ временемъ года. Тогда многочисленные завистники и враги стали обвинять его въ намѣреніи соединиться съ Шведами и возложить себѣ на голову богемскую корону; они говорили, что Франція уже предлагала ему на это денежное вспоможеніе (что впрочемъ было и не безъ основанія), и что договоръ заключенный при посредничествѣ Илло (Илоу) между Валленштейномъ и разными отрядными начальниками о томъ, чтобы имъ оставаться всѣмъ вмѣстѣ въ Пильзенѣ, имѣлъ цѣлію общее отпаденіе и измѣну. Монахи и іезуиты ненавидѣли герцога за его религіозное вольномысліе, Испанцы и друзья Максимиліана также старались погубить его. Императоръ, тревожась высокой властью, какую онъ такъ неосторожно предоставилъ честолюбивому, высокомѣрному подданному, чувствовалъ невольное подозрѣніе, и такъ какъ вторичная отставка Валленштейна казалась слишкомъ опасною, то на этотъ разъ Вѣнскій дворъ распорядился съ нимъ такъ, какъ Турецкій султанъ распоряжается съ непокорными пашами. Противъ дѣйствительной или вымышленной измѣны Валленштейна затѣяли склонить на измѣну близкихъ къ нему людей.

Обезпечивъ себѣ содѣйствіе важнѣйшихъ военачальниковъ Галласа, Пикколòмини и Альтрингера, императоръ предписалъ увольненіе Валленштейна, и когда герцогъ съ остаткомъ преданныхъ ему войскъ изъ Пильзена двинулся въ Эгеръ, чтобы быть ближе на случай соединенія съ Шведами, то былъ убитъ Ирландцемъ Боттлеромъ и нѣкоторыми соумышленниками, вмѣстѣ съ преданнѣйшими изъ своихъ приверженцевъ, Илло, Терцкимъ (Trczka) и Кинскимъ (25 февр. 1634). Обширныя помѣстья герцога и его друзей были конфискованы и розданы его измѣнникамъ и убійцамъ. Достоинства, почести и богатства служили наградою злодѣямъ.

Такъ умеръ Валленштейнъ, страхъ народовъ, кумиръ солдатъ. Онъ обладалъ отчаянно-смѣлымъ, предпріимчивымъ духомъ, имѣлъ повелительный нравъ, котораго вліяніе еще болѣе усиливалось мрачной важностью его лица и всегдашней его молчаливостью, и отличался безмѣрнымъ честолюбіемъ и неприступною гордыней. Когда его высокая фигура шагала по лагерю въ червленой мантіи съ красно-огненнымъ перомъ на шляпѣ, на воиновъ нападалъ непостижимый страхъ. Таинственное и необычайное во всемъ казалось ему душою власти. Онъ былъ вѣротерпимъ или равнодушенъ къ религіи, но при этомъ преданъ астрологическому суевѣрству.

§ 579. Бой подъ Нёрдлингеномъ. Теперь главное начальство было поручено сыну императора, Фердинанду, подъ руководствомъ опытнаго въ военномъ дѣлѣ Галласа. Соединенными силами двинулись цесарцы въ Баварію, снова овладѣли храбро защищаемымъ Регенсбургомъ и въ соединеніи съ баварскою арміей (подъ начальствомъ Іоанна де-Верта) побѣдили ослабленное шведское войско въ кровопролитной битвѣ подъ Нёрдлингеномъ (6 сент. 1634). Это сраженіе, данное Бернгардомъ Веймарскимъ наперекоръ опытному въ бояхъ Горну, уничтожило перевѣсъ Шведовъ. Самъ Горнъ попалъ здѣсь въ плѣнъ; вся артиллерія и обозъ достались въ руки непріятеля, который занялъ теперь Швабію и Франконію, принудилъ герцога Вюртембергскаго и маркграфа Баденскаго къ поспѣшному бѣгству въ Страсбургъ, и жестоко отмстилъ членамъ Гейльбронскаго союза. Бернгардъ Веймарскій ушелъ въ Лотарингію искать помощи у Французовъ. Между тѣмъ курфюрстъ Саксонскій вторично по-

кинулъ дѣло своихъ единовѣрцевъ и заключилъ съ императоромъ, увидѣвшимъ необходимость отмѣнить реституціонный эдиктъ, отдѣльный (сепаратный) миръ въ Прагѣ (30 мая 1635), которымъ, сверхъ подтвержденія Пассаускаго договора и Аугсбургскаго религіознаго мира, ему предоставлено на 40 лѣтъ спокойное обладаніе церковными имуществами, отобранными до 1627 г., а верхняя и нижняя Лузація отданы его дому въ мужской лэнъ [1]. Къ этому миру приступили мало-по-малу Веймаръ, Люнебургъ, Ангальтъ, Бранденбургъ и другіе князья и чины имперіи, кромѣ Гессенъ-Касселя, Бадена и Вюртемберга, которые остались вѣрны Шведамъ.

6. Открытое участіе Франціи.

§ 580. Военныя бѣдствія. Такимъ образомъ императоръ снова одержалъ верхъ. Шведскія войска́ были оттѣснены къ балтійскому берегу и на верхнемъ Рейнѣ Бернгардъ Веймарскій долженъ былъ отступать передъ цесарскою арміей; тогда-то союзъ, заключенный кардиналомъ Ришльё съ Оксенщерною и Бернгардомъ, возстановилъ опять равновѣсіе. Этотъ великій государственный мужъ, только что окончивъ войны съ гюгенотами (§ 609), снова началъ стремиться къ прежней цѣли французской политики, — къ умаленію могущества Габсбурговъ и расширенію границъ королевства къ Рейну, и не только обѣщалъ энергическую помощь прибывшему въ Парижъ канцлеру Оксенщернѣ, но по договору съ Бернгардомъ дѣйствительно принялъ на себя расходы по содержанію его арміи и сверхъ-того заключилъ съ Голландцами оборонительный и наступательный союзъ противъ Испаніи (1635). Вскорѣ перевѣсъ склонился опять на сторону Шведовъ. Побѣда полководца ихъ, Банера, надъ австро-саксонскимъ войскомъ при Витстокѣ (4 окт. 1636), въ Бранденбургіи, отдала въ руки непріятеля Померанію, Тюрингенъ и Саксонію. Страшно наказали Шведы тамошній народъ за отпаденіе государей. Плодоносныя, покрытыя цвѣтущими селами поля между Одеромъ и Эльбой превратились въ совершенныя пу-

---

[1] То-есть, наслѣдственный только по мужескому колѣну.

стыни, цѣлые города обезлюдѣли отъ голода и повальныхъ болѣзней. Страшное бѣдствіе отяготѣло надъ германскимъ народомъ. Продолжительная война съ ея кровопролитіями и всѣми ужасами грубаго насилія искоренила въ дикой солдатчинѣ всѣ человѣческія чувства; своими жестокостями и звѣрствомъ Шведы довели до того, что отнынѣ имя ихъ упоминалось въ Германіи не иначе какъ съ ужасомъ. Въ это время умеръ императоръ Фердинандъ II (15 февр. 1637). Пусть ревностные католики хвалятъ настойчивость, съ какою онъ стремился къ цѣли своего существованія, не измѣняя ей ни въ счастливые, ни въ черные дни, пусть они ставятъ ему въ высокую доблесть то, что онъ доставилъ римской церкви побѣду въ своихъ родовыхъ владѣніяхъ, — жалкая участь Богеміи, которой населеніе убыло съ 3 милліоновъ менѣе чѣмъ до 800,000, исчезнувшее благосостояніе его наслѣдственныхъ земель и всеобщая нравственная одичалость цѣлой Германіи страшно вопіютъ противъ его близорукаго ожесточенія и истинно-пагубнаго изувѣрства. Преемникомъ ему былъ избранъ сынъ его, Фердинандъ III (1637—57), управлявшій въ духѣ отца, только съ меньшею энергіей.

§ 581. Бернгардъ Веймарскій и Банеръ. Фердинандъ III послалъ Галласа съ главною австрійскою арміей противъ Шведовъ въ сѣверной Германіи. Это доставило успѣхъ дѣйствіямъ Бернгарда на верхнемъ Рейнѣ. Разбивъ и взявъ въ плѣнъ при Рейнфельденѣ генерала католической лиги Іоанна де-Верта, онъ захватилъ Фрейбургъ и выморенный голодомъ крѣпкій Брейзахъ и уже замышлялъ основать себѣ независимое владѣніе по обоимъ берегамъ Рейна и соединиться съ отважною ландграфинею Амаліей Гессенской. Это вскорѣ вовлекло его въ непріятные переговоры съ французскимъ дворомъ, который хотя и сулилъ ему прежде обладаніе Альзаціей, но теперь самъ искалъ присвоить себѣ этотъ сподручный для него край. Поэтому, когда Бернгардъ скоро потомъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ скоропостижно (5 іюля 1639), то многіе подозрѣвали тутъ отравленіе. По крайней мѣрѣ Франція съумѣла какъ нельзя лучше воспользоваться обстоятельствами: она тотчасъ завладѣла Альзаціей, а Бернгардову армію увлекла лестными обѣ-

щаніями и взяла къ себѣ на жалованье. Въ соединеніи съ французскими войсками, эта армія, сперва подъ начальствомъ маршала Гебріана, а потомъ герцога Ангіэнскаго (въ послѣдствіи знаменитаго принца Кондѐ) и Тюренна, продолжала въ южной Германіи войну противъ императорскихъ и баварскихъ войскъ, между тѣмъ какъ смѣлый Банеръ удачно боролся съ непріятелемъ на сѣверѣ и снова обрушилъ на злополучную Богемію потокъ страшныхъ бѣдствій. Дерзновенный Банеровъ планъ, внезапно двинуться съ своихъ зимнихъ квартиръ на югъ и соединясь съ французской арміей захватить князей имперіи и самого императора на регенсбургскомъ сеймѣ (въ янв. 1641), не имѣлъ ожиданнаго успѣха. Оттепель и быстрота подоспѣвшаго непріятеля вынудили шведскаго генерала къ отступленію, на которомъ онъ и умеръ въ полнотѣ силъ, вслѣдствіе крайняго напряженія и неумѣреннаго образа жизни. — Въ то же время Французы подъ предводительствомъ Кондѐ совершали удачные походы въ испанскихъ Нидерландахъ, выиграли блистательную битву подъ Рокруа (май 1643) надъ побѣдоноснымъ полководцемъ де ла Фуэнтой и взяли важную крѣпость Тіонвиль. Въ союзѣ съ Голландіей, спустя три года, овладѣли они Дюнкирхеномъ, отняли у испанскаго флота его прежній перевѣсъ и тогда уже зарились на Фландрію и испанскую часть Франшконтѐ.

§ 582. Торстенсонъ и Врангель. Преемникомъ Банера былъ Торстенсонъ, даровитѣйшій изъ питомцевъ Густавовской школы; сильный ревматизмъ мѣшалъ ему и ѣздить, и ходить, такъ что его обыкновенно носили въ портшезѣ, и не смотря на то онъ удивлялъ міръ быстротою своихъ движеній. Онъ завоевалъ Силезію, перенесъ войну въ австрійскія наслѣдственныя земли, одержалъ надъ преслѣдовавшимъ его при отступленіи Пикколомини славную побѣду подъ Лейпцигомъ (2 ноября 1642), а когда солдаты его отдохнули въ этомъ городѣ, двинулся опять въ Моравію (откуда вывезъ ольмюцскую библіотеку) и навелъ на императора страхъ въ его собственной столицѣ. Внезапно явился онъ потомъ на нижней Эльбѣ, занялъ Голштинію и Шлезвигъ, и принудилъ Датскаго короля Христіана IV, ставшаго къ Швеціи въ враждебное по-

ложеніе, заключить невыгодный миръ въ Брёмзебро, по которому Швеція пріобрѣла нѣкоторыя земли и острова (Готландъ) и настояла на освобожденіи всѣхъ ея подданныхъ отъ тягостнаго платежа Зундской пошлины. Противъ такого непріятеля императорскій полководецъ не смогъ удержаться въ полѣ. Послѣ побѣды при горѣ Таборъ въ Богеміи, Торстенсонъ въ третій разъ проникъ въ Моравію, осадилъ Брюннъ и угрожалъ вторженіемъ самому сердцу австрійскихъ владѣній; но недостатокъ въ присылкѣ вспомогательныхъ войскъ вынудилъ его отступить въ Богемію, гдѣ, истомленный болѣзнью и полный негодованія, онъ сложилъ съ себя главное начальство. Храбрый Врангель явился достойнымъ его преемникомъ. Сначала онъ довелъ до перемирія Саксонію и Бранденбургъ, а потомъ перенесъ войну въ Баварію, соединясь съ герцогомъ Ангіэнскимъ и Тюренномъ, которые, послѣ кроваваго боя подъ Фрейбургомъ (1644) съ осторожнымъ фельдмаршаломъ Мерси, овладѣли между тѣмъ большею частію рейнскихъ крѣпостей до самаго Майнца. Смерть и пораженіе Мерси подъ Аллерсгеймомъ (1645) недалеко отъ Нёрдлингена [1], открыли Французамъ путь въ южную Германію. Опасаясь за свои владѣнія, Максимиліанъ заключилъ въ Ульмѣ перемиріе съ непріятелемъ, но какъ скоро Тюреннъ и Врангель удалились, онъ тотчасъ же перешелъ опять на сторону Австріи (1647). Въ отмщеніе за такое вѣроломство, оба полководца снова вступили въ Баварію, принудили курфюрста бѣжать въ Зальцбургъ и наказали край страшнымъ опустошеніемъ. Такова была роковая судьба Германіи, что ни одна ея область не миновала безпощаднаго разоренія; каждая изъ враждующихъ сторонъ силилась вконецъ опустошить покидаемую ею мѣстность, чтобы не оставить ни какихъ средствъ существованія непріятелю. Врангель помышлялъ уже о новомъ походѣ въ Богемію, гдѣ шведскій генералъ Кёнигсмаркъ одержалъ между тѣмъ счастливые успѣхи и овладѣлъ Малой Прагою, когда вѣсть о заключеніи Вестфальскаго мира (24 окт. 1648) положила конецъ военнымъ дѣйствіямъ. Въ Прагѣ началась борьба, тамъ ей суждено было и кончиться.

[1] Французы обыкновенно придаютъ этой битвѣ названіе Нёрдлингенской.

7. ВЕСТФАЛЬСКІЙ МИРЪ И ПОСЛѢДСТВІЯ ВОЙНЫ.

§ 583. Уже съ 1643 г. шли мирные переговоры въ Оснабрюкѣ (между императоромъ и католиками съ одной стороны, и между Швеціею и евангеликами — съ другой) и въ Мюнстерѣ (между Германіею и Франціей). Но отчасти чрезмѣрныя притязанія Французовъ и Шведовъ, отчасти переходчивость военной удачи, постоянно усиливавшей требованія одолѣвающей стороны, отчасти мелочные споры изъ-за внѣшняго первенства, титуловъ и этикета, препятствовали заключенію мира, котораго истомленные войной народы требовали съ угрожающимъ отчаяніемъ. Когда же, наконецъ, устранены были всѣ препоны, полагаемыя алчностью, честолюбіемъ, страстями и ложною политикой, то переговаривающіеся согласились въ слѣдующихъ статьяхъ:

а) Поземельныя соглашенія. Франція, кромѣ подтвержденія за нею пріобрѣтенныхъ по Шмалькальденскому миру епископствъ Меца, Туля и Вердёна (§ 493), получила австрійскую часть Альзаціи, Зундгау, Брейзахъ, и право держать гарнизонъ въ Филиппсбургѣ, но должна была обезпечить имперскимъ городамъ (къ числу которыхъ принадлежалъ важный Страсбургъ) и другимъ непосредственнымъ чинамъ альзацскимъ ихъ прежнія вольности и отношенія къ Нѣмецкой имперіи.—Швеція получила Верхнюю Померанію, а изъ Нижней — Штеттинъ и другіе города, островъ Рюгенъ, городъ Висмаръ и епископства Бременъ и Верденъ, но подъ верховною властью Нѣмецкой имперіи, и сверхъ-того пять милліоновъ талеровъ вознагражденія за убытки.—Восточная часть Нижней Помераніи уступлена Бранденбургу, который вознагражденъ еще епископствами Магдебургомъ, Гальберштадтомъ, Минденомъ и Каминомъ. — Мекленбургъ за утрату Висмара получилъ епископства Шверинъ и Ратцебургъ; Саксонія — Лузацію и четыре Магдебургскихъ приказа; Гессенъ, кромѣ денежнаго вознагражденія, — аббатство Герсфельдъ и нѣкоторые приказы Минденскаго епископства (Шаумбургъ).—За Баваріей остались Верхній Палатинатъ и курфюршеское достоинство; Нижній Палатинатъ съ новоучрежденнымъ осьмымъ саномъ курфюрста возвращенъ сыну опальнаго Фридриха, Карлу Людвигу. Остальные князья и имперскіе чины водворены въ ихъ прежнихъ владѣніяхъ, а Швейцарія и Нидерланды признаны независимыми державами.

Дѣлами Франціи завѣдывалъ на конгрессѣ ловкій, тонкообразованный графъ д'Аво̀, и геніальный, но высокомѣрный Сервіенъ (Servien). Представителями Швеціи были Іоаннъ Оксенщерна, сынъ канцлера, и вкрадчивый Сальвіусъ; Австрія избрала своимъ агентомъ умнаго и разсудительнаго графа Траутмансдорфа, а папскіе интересы представлялъ князь Киджи (впослѣдствіи папа Александръ VII). Франція держалась такой себялюбивой и вѣроломной политики, что д'Аво̀ совѣтовалъ однажды, «не оканчивать религіозныхъ споровъ въ Германіи для того, чтобы слабостью ея навсегда обезпечить себѣ возможность вмѣшательства и дальнѣйшихъ завоеваній». Максимиліанъ примыкалъ къ Франціи, считая силу ея менѣе опасною, нежели преобладаніе протестантовъ и Шведовъ.

§ 584. б) Юридическій бытъ и церковныя дѣла. Относительно государственнаго права было постановлено: право законодательства, сбора податей, веденія войны, заключенія мира, наложенія опалы и проч. принадлежитъ имперскимъ сеймамъ, состоящимъ изъ императора и чиновъ; князья пользуются въ своихъ земляхъ верховнымъ правомъ и могутъ вступать въ союзы между собою и съ другими державами, только не противъ императора и имперіи; имперскій верховный судъ (Reichskammergericht), рѣшающій дѣла по спорамъ чиновъ между собою и съ ихъ подданными, составляется изъ судей обоихъ вѣроисповѣданій поровну; на сеймахъ имперскіе города имѣютъ голосъ наравнѣ съ князьями, и если при какомъ нибудь совѣщаніи обѣ религіозныя стороны разойдутся во мнѣніяхъ, то ни какое рѣшеніе не постановляется большинствомъ голосовъ, а только лишь въ силу полюбовной сдѣлки. — Вразсужденіи церковныхъ дѣлъ послѣ долгихъ споровъ согласились на томъ, чтобы подтвердить протестантамъ Пассаускій договоръ и постановленія Аугсбургскаго религіознаго мира, отмѣнить такъ-называемое «оговорное условіе» (Geistlicher Vorbehalt) и распространить миръ даже на исповѣдниковъ гельветическаго закона. Для опредѣленія границъ дѣйствительнаго владѣнія церковными имуществами, равно какъ и для права свободнаго исповѣданія вѣры, принятъ за норму 1624-й годъ. Какъ что̀ было тогда, при томъ положено и остаться, а въ случаѣ какой либо послѣдовавшей за тѣмъ перемѣны, — возвратиться къ тогдашнему положенію. Такимъ образомъ положенъ конецъ реформаціонному праву государей, а тремъ христіанскимъ исповѣданіямъ обезпечены свобода вѣры и богослуженія и политическая

равноправность. Исповѣдникамъ другихъ вѣръ предоставлены богослуженіе на дому, свобода совѣсти и право невозбраннаго переселенія. Съ той поры религіозный интересъ видимо отступилъ за политическій.

§ 585. Послѣдствія войны. а) Политическое состояніе Германіи со времени Вестфальскаго мира. Благодаря выше упомянутымъ узаконеніямъ императорская власть превращалась болѣе и болѣе въ совершенный призракъ, тогда какъ каждый областной владѣтель достигъ полнаго самодержавія и всѣ важнѣйшія имперскія дѣла были подчинены рѣшенію сейма, котораго дѣлопроизводство становится съ этихъ поръ все медлительнѣй, благодаря пріумноженію имѣющихъ голосъ членовъ. (Со включеніемъ 8 курфюрстовъ на сеймѣ считалось уже 244 голоса, изъ которыхъ духовнымъ князьямъ принадлежало 69, свѣтскимъ — 96, и имперскимъ городамъ — 61; неокняженные прелаты имѣли вмѣстѣ 2 голоса, а всѣ графы и господа — 4; протестантскіе епископы засѣдали на сеймахъ съ правомъ голоса наравнѣ съ католическими). — Результатомъ войны было чрезмѣрное расширеніе правъ областныхъ державцевъ. Такъ какъ во все продолженіе ея земскіе чины привыкли къ постоянному облаганію податьми безъ предварительнаго ихъ согласія, то такъ оно теперь и осталось; наемныя войска́ набранныя областными державцами по случаю войны были удержаны и на будущее время, а при такомъ порядкѣ дворянство и граждане отвыкли отъ оружія, и властителямъ стало очень легко подавлять всякое сопротивленіе ихъ волѣ. Ближайшимъ слѣдствіемъ княжескаго полновластія явились разные гофраты, канцеляріи, надворные суды и цѣлыя толпы чиновниковъ и писцовъ, необходимо вызвавшіе съ одной стороны умноженіе податей и налоговъ, съ другой еще бо̀льшее расширеніе верховныхъ правъ [1]. Секуляризація церковныхъ маетностей (т. е. обращеніе ихъ въ гражданское вѣдомство), состоявшаяся преимущественно въ пользу областныхъ державцевъ, существенно содѣйствовала къ развитію и возвышенію ихъ территоріальной власти; такъ что Германская имперія вскорѣ превратилась въ слабосвязанную федерацію независимыхъ территоріальныхъ владѣній. Начиная съ курфюршествъ и княжествъ духовнаго и свѣтскаго происхожде-

[1] Или, точнѣе, распространеніе ихъ безъ нужды на неподлежащія и вовсе несподручныя имъ сферы частной дѣятельности.

промышленная дѣятельность еще значительно усилились въ то самое время какъ религіозная ревность Филипа II наводнила кровопролитною войной весь западъ Европы. Ганза держала въ своихъ рукахъ сѣверную торговлю до тѣхъ поръ, пока принуждена была уступить Англіи и Голландіи, вызванныхъ къ новой жизни реформаціей; переселясь къ Антверпепъ, аугсбургскіе купцы Фуггеръ и Вельзеръ, сдѣлали этотъ городъ счастливымъ соперникомъ Лиссабона и посылали корабли въ Остъ-Индію и Америку до тѣхъ поръ, пока жестокія мѣры Альбы не уничтожили благоденствія Антверпена и не вынудили торговлю пріютиться въ Амстердамъ. Большіе торговые пути пересѣкали Германію отъ Данцига до Генуи, отъ Нюрнберга до Ліона; силезское полотно, сукна и шелковыя ткани выдѣлывались въ Германіи и вывозились за границу съ неимовѣрнымъ барышомъ. Слѣдствіемъ этого было общее благосостояніе [1]. Рядомъ съ промышленною дѣятельностью шло и умственное движенье. Все это было загублено тридцатилѣтнею войной. Ганзейскій союзъ вскорѣ ограничился Любекомъ, Гамбургомъ и Бременомъ, а кромѣ ихъ живую торговлю вели еще только Франкфуртъ да Лейпцигъ; бо́льшая часть имперскихъ городовъ мало-по-малу уступила первенство княжескимъ резиденціямъ и утратила свое значенье; многіе изъ нихъ потеряли даже свою независимость и вполнѣ подчинились областнымъ державцамъ. Прежніе торговые пути стали непроѣзжи отъ опасностей, вслѣдствіе чего рынки и товарные склады были переведены въ другія мѣста; наличныхъ денегъ было мало, а пока язвы войны шли медленно къ исцѣленію, Нидерланды, Англія и Франція успѣли уже далеко опередить Германію. — Прекрасная культура реформаціонной эпохи также погибла. Искусство исчезло безъ слѣда, а въ литературѣ собственная производительность смѣнилась подражаніемъ чужой неестественной манерѣ. Отнынѣ языкъ, литература и моды Франціи стали господствовать въ Германіи и въ остальной Европѣ. Одежды безъ вкуса, пудреные волоса и парики и тысячи причудъ натянутой условности сдѣлались отличительными признаками тонкаго образованья. Испанскія

---

[1] Исторія всего міра подтверждаетъ то теоретически-вѣрное положеніе, что для общаго благосостоянія народа необходимо, многостороннее развитіе его силъ въ разнообразныхъ отрасляхъ фабричной, заводской и ремесленной промышленности; что только рядомъ съ ними и благодаря имъ могутъ достичь процвѣтанія самое земледѣліе и скотоводство.

моды уступили мѣсто французскимъ, но при этомъ и старогерманская народность принесена была въ жертву иноземному вліянію.

2. Сѣверная Европа.

§ 568. Христина Шведская (1632—54). Благодаря царственнымъ способностямъ и полководческому величію Густава Адольфа Швеція сильно возвысилась внутри и внѣ. Въ малолѣтство дочери его, Христины, государственными дѣлами управляли въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (1632—44) пятеро высшихъ сановниковъ (въ числѣ которыхъ важнѣйшее вліяніе имѣли Аксель Оксенщерна и два его родственника) въ качествѣ старшинъ государственнаго совѣта.

Подъ этимъ правительствомъ дворянство пріумножило свои, и безъ того уже важныя, преимущества, такъ что съ тѣхъ поръ сильная аристократія была въ постоянной борьбѣ съ королевской властью. Къ числу ея привилегій принадлежали свобода отъ податей к пошлинъ, право охоты и рыбной ловли и исключительное замѣщеніе всѣхъ доходныхъ должностей. Крестьянское сословіе было угнетено и бѣдно; корона пользовалась небольшимъ доходомъ, который при Христинѣ еще уменьшился, потому что эта государыня продала много коронныхъ имуществъ для удовлетворенія своей любви къ искусствамъ и наукамъ и своей склонности къ блестящимъ придворнымъ празднествамъ и къ расточительной щедрости. Напротивъ, жалованье членамъ государственнаго совѣта положено было огромное. — Должно впрочемъ сказать, что поощреніемъ искусствъ и наукъ Христина сообщила своему отечеству много блеска. Обладая сама многосторонними, основательными познаніями, она любила общество ученыхъ. Поэтому и приглашала она ихъ въ Стокгольмъ изъ разныхъ странъ Европы (Сальмазій, Декартъ, Гейнзій, Гугонъ Гроцій и друг.). По образованію, какъ и по характеру она скорѣе была мужчиной; однакожь, не смотря на то, ей всегда было жутко на суровомъ протестантскомъ сѣверѣ.

Послѣ десятилѣтняго самостоятельнаго правленія, Христина отказалась отъ шведской короны въ пользу своего двоюроднаго брата Карла Густава (1654), выговорила себѣ значительный пожизненный доходъ и покинула страну своихъ предковъ. Въ Инсбрукѣ торжественно приняла она като-

лическое исповѣданіе, потомъ путешествовала по Нидерландамъ, Франціи, Италіи и наконецъ осталась на постоянное жительство въ Римѣ, гдѣ были собраны всѣ сокровища искусствъ и гдѣ художники и стихотворцы наперерывъ сыпали ей лесть и восхваленія. Такъ какъ доходы ея со временемъ пріостановились, то подъ старость она вытерпѣла много горькихъ заботъ. Смерть постигла ее 1689 года. Тѣло ея покоится въ храмѣ св. Петра. Тщеславіе было кореннымъ недостаткомъ этой замѣчательной женщины

§ 587. Карлъ X (1654—60). Распространеніемъ льготы отъ налоговъ на пріобрѣтаемыя вновь дворянствомъ, прежде податныя, имущества и значительнымъ уменьшеніемъ коронныхъ владѣній, королевскіе доходы, при отреченіи Христины, умалились до того, что не возможно было покрывать издержекъ правительства безъ чрезмѣрнаго отягощенія и безъ то уже угнетенныхъ земледѣльцевъ. Поэтому дворянство должно было покориться необходимости и возвратить коронѣ, частію съ вознагражденіемъ, частію безъ онаго, всѣ тѣ имущества, которыя оно пріобрѣло отъ нея съ кончины Густава Адольфа куплею, хитростью или въ видѣ подарковъ. Возвращеніе это было однакожь весьма неполно, такъ что слѣдующему правительству пришлось настоять на отобраніи всѣхъ коронныхъ имуществъ безъ утайки.

а) Польская война. Чтобы придать ограниченной королевской власти по крайней мѣрѣ внѣшній блескъ, новый король Карлъ Густавъ (X) Пфальцъ-Цвейбрюккенскій (Клеэбургъ) старался обновить военную славу Швеціи. Внявъ наущеніямъ вѣроломнаго польскаго вице-канцлера, онъ пошелъ на Польшу, которой грозили внѣшніе враги и которую въ то же время терзали внутреннія крамолы. Слабымъ предлогомъ къ этой войнѣ долженъ былъ служить отказъ Яна Казимира Польскаго признать новаго Шведскаго короля и отречься отъ притязаній на корону Швеціи, унаслѣдованныхъ имъ отъ отца своего Сигизмунда (§ 510).

Сыновья Шведскаго короля Сигизмунда, Владиславъ IV (1632—48) и братъ и преемникъ его Янъ Казимиръ (1648—69) вели кровопролитную борьбу съ народомъ ловкихъ наѣздниковъ, козаковъ, которые жили смѣлыми разбоями у черноморскаго берега, подчиняясь только по имени покровительству Польши, а на дѣлѣ слѣдуя порывамъ своей необузданности, подъ начальствомъ выборныхъ вождей или

гетмановъ[1]. Тогда польскій сеймъ положилъ отнять у козаковъ свободный выборъ этихъ начальниковъ и вручить управленіе надъ ними своему намѣстнику (коронному гетману). Гнетъ чуждыхъ правителей въ соединеніи съ гнетомъ религіознымъ вскорѣ довелъ полудикій, воинственный народъ до мятежа. Съ помощью Татаръ и России они долго боролись за свою независимость и отдались наконецъ подъ покровительство Московскаго царя. Будучи исповѣдниками греко-восточной религіи, они во всякомъ случаѣ были ближе къ Русскимъ чѣмъ къ католикамъ - Полякамъ. Напрасно польское дворянство обращало свой мечь противъ врага, столь часто побѣждаемаго прежде; Русскіе и новые ихъ союзники одержали верхъ надъ Владиславомъ, который еще до окончанія «козацкой войны» (1647—54) съ горестію сошелъ въ могилу; непріятель завоевалъ Смоленскъ и Кіевъ и угрожалъ Польшѣ съ востока въ то самое время какъ король Шведскій съ своими закаленными къ бою войсками и образовавшимися въ тридцатилѣтней войнѣ полководцами побѣдоносно наступалъ на нее съ сѣвера и запада.

Вѣроломные намѣстники (воеводы) познаньскій и калишскій выдали ввѣренныя имъ области шведскому генералу Виттенбергу. Жаждя военной славы, Карлъ Густавъ лично овладѣлъ Варшавою и Краковомъ, принудилъ короля Яна Казиміра бѣжать въ Силезію, завоевалъ Мазовію и другія области, и когда тѣснимая Русскими Литва, также предпочла покориться Шведамъ, онъ могъ считать себя полнымъ властелиномъ Польской республики. Чтобы вѣрнѣе обезпечить себѣ свои пріобрѣтенія, онъ заключилъ договоръ въ Лабіау, 1656 г.) съ великимъ курфюрстомъ Фридрихомъ

---

[1] Первое основаніе правильному устройству Сѣчи Запорожской положилъ при Сигизмундѣ I (1506—48) шляхтичь Остафій Дашкевичь, которому король далъ города Каневъ и Черкасы, а новоустроенному войску земли по берегамъ Днѣпра между рѣками Синюхою, Самарою, Ташлыкомъ и Бугомъ. При Сигизмундѣ Августѣ введеніе Уніи, (1569), отдѣленіе русскихъ областей (Кіевской Украйны, Подоліи и Волыни) и присоединеніе ихъ къ Польской коронѣ, а, главное, стремленіе королей подчинить козацкую вольницу государственнымъ цѣлямъ Польши поставили привыкшихъ къ независимости козаковъ во враждебное отношеніе къ покровительственной державѣ. Вопреки мирнымъ договорамъ Польши съ сосѣдями, козаки позволяли себѣ грабежи въ пограничныхъ областяхъ, нападенія на проѣзжихъ купцовъ, бунты и безпокойства всякаго рода. Все это, въ соединеніи съ религіозною и племенною ненавистью, естественно привело къ упорной, ожесточенной борьбѣ, кончившейся отдѣленіемъ козаковъ отъ слабѣющей Польши и соединеніемъ ихъ съ усилившимся между тѣмъ Московскимъ государствомъ, которое было имъ ближе и по вѣрѣ и по языку.

Вильгельмомъ Бранденбургскимъ и Прусскимъ, обязавшимся оказывать ему помощь съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ отступился отъ лэнной зависимости, въ какой Пруссія стояла до тѣхъ поръ къ Польшѣ. Самостоятельность послѣдней была въ опасности. Шведы смотрѣли на этотъ край какъ на завоеванный и тяжко его угнетали. Дворянство взялось за мечь; къ нему примкнулъ и народъ, возбуждаемый іезуитами противъ непріятелей-протестантовъ; съ Русскими и козаками заключенъ былъ миръ; императоръ, Саксонія и Данія, страшась возрастающей силы Шведовъ, обѣщали помощь. Воротился бѣглецъ Янъ Казимиръ и сталъ въ челѣ арміи. Теперь-то выказались въ полномъ блескѣ военная доблесть и полководческій талантъ Карла X. Вмѣстѣ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ двинулся онъ на встрѣчу соединеннымъ Полякамъ и, съ небольшими силами, одержалъ въ трехдневной битвѣ подъ Варшавою (іюль 1656) славную побѣду. Вторично сталъ онъ властелиномъ всей страны. Но тутъ вторженіе Датчанъ въ Шведскіе предѣлы на Везерѣ и грозное положеніе, принятое императоромъ и союзниками, вызвали его на другой театръ дѣйствій. По удаленіи его шведскіе гарнизоны не могли держаться противъ превосходной силы враговъ. Польша снова пріобрѣла свою самобытность, но, для обезпеченія себѣ помощи Фридриха Вильгельма, она должна была признать Велаускимъ трактомъ (1657) полную независимость (самодержавность) Пруссіи. Три года спустя, при заключеніи мира въ Оливѣ, близь Данцига (23 апр. 1660), Янъ Казимиръ отказался отъ всѣхъ притязаній на шведскую корону, также на Эстляндію и Лифляндію, а за то получилъ обратно Курляндію, Маріэнбургъ и Эльбингъ. Напротивъ война съ Россіей запылала опять и продолжалась еще семь лѣтъ до заключенія мира въ Андрусовѣ (1667), по которому Россіи уступлены Смоленскъ, Сѣверская земля и другія завоеванныя мѣстности. Съ козаками пограничною рѣкою принятъ Днѣпръ.

Въ слѣдующемъ году (1668) Янъ Казимиръ сложилъ съ себя корону, чтобы кончить жизнь въ одномъ французскомъ монастырѣ. Онъ былъ послѣдній мужескій отпрыскъ Вазъ и послѣдній, въ чьихъ жилахъ текла еще кровь Ягелла. Отреченіе его влекло за собой семи-

мѣсячную избирательную бурю, пока въ преемники ему былъ назначенъ одинъ литовскій магнатъ (Михаилъ Вишневецкій, 1669—73). Несчастная, сопровождавшаяся потерями война съ Турками наполнила все слабое его царствованіе, а затѣмъ достигъ трона доблестный коронный гетманъ Янъ Собѣскій (1674—96). — Сколь ни безсильна была польская корона вслѣдствіе того, что дворянство пользовалось выборомъ каждаго новаго государя для расширенія своихъ правъ и для ограниченія королевской власти и коронныхъ доходовъ, однакожь по упраздненіи престола всегда являлось по нѣсколько соискателей, повергавшихъ злополучный край въ бездну самыхъ яростныхъ крамолъ. Выборъ короля на равнинѣ Воля подъ руководствомъ архіепископа Варшавскаго очень часто сопровождался цѣлымъ рядомъ жестокихъ схватокъ. При Янѣ Казимирѣ дворянство пріобрѣло пагубное право Liberum veto, въ силу котораго любой дворянскій депутатъ могъ остановить всѣ опредѣленія сейма однимъ словомъ: не позволяю (veto)! — и потомъ уйдти. Въ противодѣйствіе этому прибѣгли къ такъ называемымъ конфедераціямъ (стачкамъ и заговорамъ депутатовъ той или другой партіи подъ руководствомъ кого-либо изъ знатныхъ вельможъ), но этимъ только усилили внутреннія распри и междоусобія.

§ 588. б) Датская война. Карлъ Густавъ стоялъ въ Литвѣ, когда пришла къ нему вѣсть о вторженіи Датчанъ въ шведскіе предѣлы на Везерѣ (1658). Съ небольшимъ, но привычнымъ къ бою войскомъ покинулъ онъ тотчасъ же Польшу и, безъ отдыха, быстрыми переходами, поспѣшилъ по берегу Балтійскаго моря къ Эльбѣ. Датчане не оказали ему ни какого сопротивленія, такъ что до начала зимы Шлезвигъ и Ютландія, кромѣ крѣпости Фридериціи, были уже въ рукахъ Шведовъ. Да и этотъ пунктъ, въ теченіе зимы, Врангель ухитрился взять такимъ смѣлымъ ударомъ, что возбудилъ этимъ ревность короля, и Карлъ Густавъ положилъ затмить дѣло своего полководца еще отважнѣйшимъ подвигомъ. Съ арміей, снабженной всѣми военными запасами, пустился онъ въ январѣ мѣсяцѣ по льду черезъ Малый Бельтъ на остр. Фюненъ, а нѣсколько дней спустя перешелъ Большимъ Бельтомъ на Зеландъ (при чемъ двѣ роты утонули передъ глазами Карла Густава). Здѣсь внезапное появленіе непріятеля распространило такой ужасъ, что объ оборонѣ почти ужь и не помышляли, а немедленно приступили

къ мирнымъ переговорамъ въ Роскильдѣ. Тѣснимый Карломъ, который стоялъ всего въ двухъ миляхъ отъ Копенгагена, Фридрихъ III долженъ былъ согласиться на уступку датскихъ областей въ южной Швеціи (Сканіи, Блекингена, Галланда), норвежскаго приказа Дронтгеймъ и острова Борнгольма и на возстановленіе во всѣхъ правахъ изгнаннаго датскаго дворянина Корфица Ульфельда, который игралъ при Карлѣ роль измѣнника своему отечеству. Но сколь ни выгодны были условія Роскильдскаго мира для Швеціи, они не удовлетворили ненасытнаго къ завоеваніямъ короля. Онъ носился съ мыслію покорить своей власти всѣ три скандинавскія державы и сдѣлаться повелителемъ сѣвера. По этому черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова началъ войну. Себялюбивое датское дворянство совѣтовало покориться необходимости, но король Фридрихъ III и граждане Копенгагена рѣшительно объявили, что они лучше хотятъ пасть въ честномъ бою, нежели спокойно смотрѣть на постыдную гибель отечества. Такой образъ мыслей, въ соединеніи съ наградами, обѣщанными королемъ всѣмъ воинамъ, произвелъ то, что Шведы, приступивъ къ осадѣ Копенгагена, встрѣтили сильное сопротивленіе. Всѣ граждане, безъ различія сословій, пола и возраста, приняли участіе въ оборонѣ, и охотники спѣшили къ нимъ на помощь со всѣхъ сторонъ. Голландія, не желавшая паденія Даніи, снабдила городъ припасами. Взятіе осаждаемой болѣе года столицы замедлилось и неожиданною стойкостью Датчанъ, и открытіемъ въ то же время противъ Шведовъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны бранденбургскихъ, польскихъ и австрійскихъ силъ въ нижней Германіи, что̀ неизбѣжно повело къ раздѣленію шведскаго войска. Война грозила затянуться надолго, когда скоропостижная смерть Карла X (1660) произвела быстрый поворотъ въ ходѣ дѣлъ. Но какъ великъ былъ вѣсъ военнаго искусства Шведовъ, видно изъ того, что новый Копенгагенскій миръ (27 мая 1660), заключенный при посредствѣ Франціи, Нидерландовъ и Англіи, былъ почти одинаковъ съ Роскильдскимъ: Швеція отступилась только отъ Дронтгейма и Борнгольма. Корфицъ Ульфельдъ, снова замысливщій измѣну, кончилъ жизнь бѣглецомъ въ чужихъ земляхъ.

§ 589. Перемѣны въ государственномъ устройствѣ. Смерть Карла X повела въ обѣихъ скандинавскихъ державахъ къ внутреннимъ перемѣнамъ совсѣмъ противоположнаго характера. Въ Швеціи, какъ и по кончинѣ Густава Адольфа, явилось опять опекунское правительство пяти первыхъ коронныхъ сановниковъ и государственнаго совѣта, тогда какъ въ Даніи, благодаря безкровному перевороту, самый ограниченный монархъ Европы превратился въ самаго неограниченнаго, а могущественное дворянство лишилось своихъ правъ.

До сихъ поръ, при избраніи своемъ, Датскіе короли должны были подписывать капитуляцію, которою вся правительственная власть предоставлялась аристократическому государственному совѣту, а землевладѣльческое дворянство, котораго голосомъ обыкновенно рѣшался выборъ короля, постепенно пріобрѣло бездну преимуществъ, каковы свобода отъ податей и пошлинъ, право исключительнаго засѣданія въ государственномъ совѣтѣ, взносъ малой арендной платы за пользованіе коронными имуществами, предпочтеніе во всѣхъ судахъ и т. д. Когда по окончаніи войны, въ которой дворянство обнаружило столько же эгоизма и равнодушія, сколько среднее сословіе самопожертвованія и ревности, сеймъ земскихъ чиновъ долженъ былъ разложить на всѣ классы сборъ суммъ, необходимыхъ для уплаты долговъ и покрытія военныхъ издержекъ, то дворянство хотѣло взвалить всѣ тягости на горожанъ. Отъ этого произошло неудовольствіе, которымъ королева и хитрый кабинетъ-секретарь Габель умѣли отлично воспользоваться для того, чтобы ниспровергнуть существовавшую конституцію. Съ помощью вліятельнаго епископа зеландскаго (Сване) и всѣми уважаемаго копенгагенскаго бургомистра Нансена, а также при содѣйствіи бывшихъ въ столицѣ военныхъ силъ, придворной партіи удалось склонить земскіе чины къ рѣшенію (октябрь 1660), «что избирательность королей и основанная на ней капитуляція въ Даніи отмѣняются и что корона должна отнынѣ наслѣдственно принадлежать потомкамъ Фридриха III въ мужскомъ и женскомъ колѣнахъ». Но вмѣсто того, чтобъ начертать самимъ новое государственное уложеніе, земскіе чины изъявили безусловную покорность королю и съ полнымъ довѣріемъ предоставили ему изданіе кореннаго закона, въ замѣну уничтоженной капитуляціи (въ янв. 1661). Такимъ образомъ они привели не только къ ослабленію аристократіи, но и къ ниспроверженію всего сословно-представи-

тельнаго устройства. Начертанный Габелемъ актъ самодержавія приписалъ монарху неограниченную власть, а на этомъ актѣ основанъ и позднѣйшій королевскій законъ, нѣсколько лѣтъ спустя выработанный или исправленный умнымъ секретаремъ королевской канцеляріи, Шумахеромъ. Однакожь въ дѣлѣ преобразованія всей общественной жизни своего народа Фридрихъ III поступалъ осторожно. Новая система податей, постоянное войско, возвышеніе чинша съ государственныхъ имуществъ и обращеніе государственнаго совѣта въ совѣщательный приказъ, были важнѣйшими его распоряженіями. Новый образъ правленія былъ организованъ вполнѣ только при преемникѣ его Христіанѣ V (1670—99) по совѣту Петра Шумахера, возведеннаго въ великіе канцлеры и графы, подъ именемъ Грейфенфельда. Новоучрежденноеословіе графовъ и бароновъ, надѣленное извѣстными преимуществами, и установленіе ордена Данеброга (1671) [1], вполнѣ уничтожили древнее могущество дворянъ. Суетность жадно бросилась на новую игрушку, для нее придуманную, и поспѣшила прикрыть свое безсиліе блескомъ, исходящимъ отъ престола. — Самому Грейфенфельду пришлось испытать всю тягость деспотической власти своего монарха. Двадцать три года томился онъ въ тѣсномъ заточеніи, потому что одной изъ аристократическихъ партій удалось обойдти короля и возстановить его противъ канцлера.

Событія эти не остались безъ вліянія и на Швецію, гдѣ между тѣмъ принялъ бразды правленія (достигшій совершеннолѣтія) Карлъ XI (1660—97), умный, бережливый и строгій государь. Безпощадно выполненнымъ отобраніемъ всѣхъ отчужденныхъ дотолѣ коронныхъ имуществъ, при чемъ многіе изъ дворянъ лишились всего своего достоянія, король дотого возвысилъ государственные доходы, что могъ уменьшить бремя долговъ и облегчить подати. Онъ отнялъ у государственнаго совѣта непринадлежащую ему власть и принудилъ его остаться въ предѣлахъ совѣщательнаго учрежденія, но сохранилъ земскій сеймъ и призналъ за нимъ право утверждать податныя смѣты. Карлъ XI царствовалъ почти такъ же неограниченно, какъ и Датскіе короли; но сохраненныя имъ установленія подали въ послѣдствіи дворянству удобный случай присвоить себѣ снова всю прежнюю власть свою.

---

[1] Въ память военной хоругви Датчанъ, учрежденной въ 1219 г. Вальдемаромъ II.

3. Англійская революція.

1. ДВА ПЕРВЫЕ СТУАРТА.

§ 590. Іаковъ I (1603—25). Его характеръ и правила. Сынъ Маріи, Іаковъ I, былъ обиженъ природою тѣлесно и нравственно. Съ безобразною наружностью и непріятною манерой онъ соединялъ ограниченный умъ, безпредѣльное высокомѣріе и превратное образованье. Выросши среди споровъ пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ, онъ былъ особенно свѣдущъ въ богословіи, и охотно занимался церковными спорными вопросами. Умъ его принялъ одностороннее педантическое направленіе; являясь въ своихъ сочиненіяхъ и разговорахъ человѣкомъ глубоко-ученымъ, онъ оставался, какъ правитель и какъ государственный мужъ, въ самомъ близорукомъ ослѣпленіи. Миролюбивый изъ трусости, онъ приносилъ честь своего государства въ жертву одному внѣшнему спокойствію. Недостойные любимцы (особенно, возведенный въ достоинство герцога Сомерсета, Робертъ Карръ, и Джоржъ Вилльерсъ, извѣстный подъ именемъ герцога Бокингама), умѣвшіе очаровать слабаго монарха одною только наружною красотой, были осыпаны почестями и богатствами, и по смерти осторожнаго Роберта Се́силя (лорда Бо́рлея) предпочтены людямъ достойнѣйшимъ при замѣщеніи государственныхъ должностей. Домашняя и нравственная сторона его жизни были безукоризненны, если только исключить его наклонность къ расточительности и къ вину; но за то ему недоставало благородства въ образѣ мыслей, точно такъ же, какъ и практическаго ума въ дѣлахъ жизни и управленія. Относительно королевской власти онъ твердо вѣрилъ, что она непосредственно проистекаетъ отъ Бога и не подлежитъ уже затѣмъ никакому ограниченію. За доказательствами такого воззрѣнія онъ обращался къ Ветхому Завѣту. Но напрягая все свое краснорѣчіе, чтобъ доказать неограниченное право королей, онъ тѣмъ самымъ напоминалъ англійской націи объ ея собственномъ правѣ. Онъ отъ души ненавидѣлъ шотландско-пресвитеріанскую церковь въ которой воспитывался, потому что по ея демократическимъ правиламъ о равенствѣ всѣхъ людей передъ Богомъ, король приравнивался къ послѣднему члену церковной общины; противъ католической вѣры не имѣлъ онъ въ сущности ничего, кромѣ лишь того, что «она возводитъ папу на то самое мѣсто, которое подобаетъ ко-

ролю». За то тѣмъ болѣе приходилась ему по нраву англиканская епископальная церковь, по ученію которой король есть источникъ всякой духовной власти. Эту наклонность тщеславнаго монарха немало усиливали англійскіе епископы своею лестью и безусловною преданностью. Они именовали его «вторымъ Соломономъ» и чтили слова его какъ изреченія свыше. «Нѣтъ епископа, нѣтъ короля!» сдѣлалось съ тѣхъ поръ девизомъ всѣхъ Стюартовъ, и борьба съ противоположными понятіями пресвитеріанъ и пуританъ составила какъ бы средоточіе ихъ исполненной событіями исторіи. Іаковъ началъ эту борьбу тѣмъ, что въ Англіи отрѣшилъ отъ мѣстъ всѣ пуританскія духовныя лица, отказавшіяся присягнуть королю, какъ главѣ церкви; а въ Шотландіи даровалъ епископскій титулъ тринадцати проповѣдникамъ и назначилъ ихъ предсѣдателями синодовъ и пресвитерій, посвятивъ ихъ чрезъ англійскихъ епископовъ. Вскорѣ получили они большое содержаніе, и когда шотландскій парламентъ присвоилъ имъ духовно-судебную власть (1618) и постановилъ закономъ, что священнослужители должны присягать королю, какъ главѣ церкви, а епископамъ, какъ своимъ властямъ, епископальная система въ Шотландіи, казалось, одолѣла кальвинистскую церковь суроваго Нокса (1618). Іаковъ, впервые принявшій титулъ короля Великобританіи и Ирландіи, старался точно такъ же безусловно подчинить англійскому правительству Ирландію, лишившуюся съ покореніемъ Тайрона всякой защиты. Введеніемъ англійскаго судопроизводства, отобраніемъ въ казну недвижимой собственности вождей ея, возмутившихся и побѣжденныхъ, и продажею этой собственности англійскимъ переселенцамъ, онъ ослабилъ ирландское дворянство и обогатилъ свою казну. Большая часть угодьевъ въ Ульстерѣ и по морскому берегу отъ Дублина до Ватерфорда были конфискованы и, къ величайшему ущербу прежнихъ владѣльцевъ, проданы англійскимъ протестантамъ. Эти новые помѣщики стали съ тѣхъ поръ главнымъ предметомъ народной ненависти.

§ 591. Царствованіе Іакова. Въ царствованіе Іакова особенно замѣчательны три событія: пороховой заговоръ, сватовство принца Вельсскаго и возрастающее противленіе парламента. 1) Чтобы расположить въ свою пользу англійскихъ католиковъ при воцареніи своемъ, Іаковъ обѣщалъ имъ вѣротерпимость (1605). Но едва успѣлъ онъ утвердиться на престолѣ, какъ принялся безпощадно взыскивать съ разновѣрцевъ (нонконформистовъ или рекузан-

товъ) установленный Елисаветою высокій поголовный сборъ для обогащенія своихъ любимцевъ и покрытія расходовъ на придворные праздники. Противъ такой мѣры возстали обманутые въ своихъ ожиданіяхъ католики. Многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ люди знатные и богатые, составили заговоръ въ сообществѣ съ однимъ іезуитскимъ миссіонеромъ. Цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы порохомъ, подложеннымъ въ подвалы парламентскаго зданія, взорвать на воздухъ, при открытіи парламента, короля со всѣми членами Верхней и Нижней палатъ, и потомъ перемѣнить правленіе. Этотъ умыселъ былъ отвращенъ письменнымъ предостереженіемъ одному католическому лорду;—заговоръ былъ открытъ предъ самымъ его исполненіемъ и тотчасъ уничтоженъ. Главный преступникъ Гай Фоксъ былъ схваченъ и казненъ смертью; другіе соучастники бѣжали. Многіе изъ нихъ искали смерти и нашли ее, оказавъ сопротивленіе вооруженной силѣ; другіе были пойманы и поплатились жизнію за свой замыселъ. Всѣ остальные католики въ Англіи подверглись, кромѣ тяжкой денежной пени, наложенной королемъ по требованію общенароднаго голоса, необходимости дать новую «присягу на вѣрность», которою обязывались оставаться преданными королю, не взирая ни на какія повелѣнія и даже отлученія отъ церкви, исходящія отъ папскаго престола.

Англійскій народъ донынѣ празднуетъ 5-го ноября память открытія пороховаго заговора насмѣшливыми процессіями по улицамъ съ кукольнымъ изображеніемъ Гай Фокса.

2) Іаковъ съ своемъ тщеславіи полагалъ, что только дочь первостепеннаго короля можетъ быть супругою его сына и потому началъ искать для него руки испанской принцессы. Но мысль о королевнѣ-католичкѣ была не выносима для Англичанъ того времени и потому королевское намѣреніе породило въ народѣ сильное негодованіе, усиленное тѣмъ еще, что продолжительные переговоры объ устраненіи всѣхъ затрудненій по этому дѣлу мѣшали Англійскому королю оказать помощь его зятю-протестанту, Фридриху V Пфальцскому, вынужденному бѣжать изъ своего отечества. Миролюбивый Іаковъ довѣрился испанскому лицемѣрію и поддался обманчивой надеждѣ на мирное окончаніе пфальцскаго дѣла; онъ со-

гласился не только на то, чтобы будущая королева и ея свита пользовались полною свободою вѣры, но и обѣщалъ не взыскивать наложенную на католиковъ пеню и склонить парламентъ къ ея отмѣненію.

Папа и испанскій дворъ изъявили согласіе на бракъ и ничто повидимому уже не препятствовало брачному союзу. Честолюбивый Бокингамъ склонилъ принца Карла предпринять путешествіе въ Мадридъ (1623), и король охотно на это согласился, потому что самъ въ своей молодости подобнымъ же образомъ явился совсѣмъ неожиданно къ своей невѣстѣ, принцессѣ датской. Оба путешественника подъ вымышленными именами прибыли въ Мадридъ, гдѣ ихъ узнали и приняли съ особеннымъ отличіемъ; но легкомысленное и своевольное поведеніе Бокингама оскорбляло испанскій дворъ, державшійся строгаго этикета. Герцогъ поссорился съ графомъ Оливаресомъ, отъ котораго все зависѣло въ Испаніи и, предвидя свое паденіе въ томъ случаѣ, еслибъ инфанта сдѣлалась супругою Карла, разстроилъ равно ненавистный англійскому и испанскому народу бракъ, для котораго все уже было готово. Вскорѣ послѣдовалъ разрывъ; старинная вражда возобновилась, и Іаковъ незадолго до своей смерти сталъ вооружаться для дѣятельнаго участія въ тридцатилѣтней войнѣ.

Генріэтта французская, сестра Людовика XIII, сдѣлалась супругою Карла. Король дозволилъ ей и всей ея свитѣ свободное отправленіе вѣры и обѣщалъ не подвергать болѣе денежнымъ пенямъ англійскихъ католиковъ и не препятствовать ихъ домашнему богослуженію.

3) Тюдоры умѣли сдѣлать изъ парламента покорное орудіе деспотизма. Іаковъ, проникнутый мыслію о всемогуществѣ и величіи королевской власти, проистекающей отъ Бога, былъ далекъ отъ того, чтобъ расширить съ своей стороны кругъ дѣйствій парламента; но онъ не обладалъ властительскою энергіей Елисаветы, чтобъ обуздать пробуждавшійся въ народѣ духъ непокорства, и не могъ подобно ей прикрывать свой деспотизмъ блескомъ и славою правленія. Притомъ строгая государственная экономія Елисаветы давала ей возможность рѣдко прибѣгать къ помощи парламента; а расточительный Іаковъ постоянно нуждался въ деньгахъ.

Эту нужду онъ старался устранить различнымъ образомъ: онъ вымогалъ у богатыхъ гражданъ подарки и ссуды, никогда не думая возвращать ихъ; онъ продавалъ права на монополіи и учредилъ низшее, жалованное дворянство (баронетовъ), на которое можно было покупать патентъ (грамату). Когда же и этого недоставало, а между тѣмъ парламентъ скудно разрѣшалъ суммы, то не прибѣгая къ парламентскому разрѣшенію, онъ облагалъ произвольными пошлинами всѣ ввозные и отпускные товары.

Чины объявили такое своевольное наложеніе пошлинъ нарушеніемъ своихъ правъ. Тщетно король грозилъ имъ, въ порывѣ гнѣва неоднократно распускалъ парламентъ, приказывалъ сажать смѣлыхъ ораторовъ въ тюрьму (1614); все было напрасно—въ каждомъ парламентскомъ засѣданіи слышалась одна и та же рѣчь, члены стояли упорно противъ всякаго посягательства на свои старинныя права и во всеуслышаніе говорили противъ испанскаго сватовства и противъ отказа въ помощи протестантскому курфюрсту. Король дѣлалъ выговоры парламенту за вмѣшательство въ дѣла, которыя далеко превышаютъ понятіе его членовъ, и наконецъ объявилъ, что ихъ воображаемыя права не что иное какъ только привилегіи, которыми они обязаны королевской милости (1621). Противъ этого члены Нижней Палаты занесли протестъ въ свой протоколъ, объявляя въ немъ вольности парламента несомнѣннымъ родовымъ правомъ и наслѣдіемъ вѣрноподданныхъ Англіи, приписывая себѣ не только участіе въ законодательствѣ и разрѣшеніи податей, но и право подавать свой совѣтъ и входить съ жалобами при всѣхъ трудныхъ и нетерпящихъ отлагательства случаяхъ. Кромѣ того они заявили притязаніе на полную свободу слова и личную безопасность всѣхъ членовъ парламента отъ всякаго произвольнаго ареста. Разгнѣванный такою смѣлостью, король собственноручно вырвалъ протестъ изъ книги протоколовъ, распустилъ парламентъ и заключилъ нѣкоторыхъ депутатовъ въ тюрьму; но духъ сопротивленія остался въ народѣ и обнаружился еще сильнѣе, когда на престолъ вступилъ Карлъ I, государь гордый и своенравный.

§ 592. Карлъ I (1625—49). Усиливающееся раздраженіе. Царствованіе Карла началось такою ожесточенною борьбой противъ парламента, что послѣдній въ первые же

два года былъ распущенъ два раза. Гордое властолюбіе короля не хотѣло подчиниться духу времени, требовавшему участія образованнаго средняго сословія въ управленіи государствомъ. Щедрый характеръ Карла оскорблялся скупостью парламента, который желалъ воспользоваться нуждою его въ деньгахъ чтобы упрочить народныя права, и потому былъ не только въ высшей степени разсчетливъ въ назначеніи суммъ, но даже не разрѣшилъ ему, какъ водилось прежде, сбора ластовыхъ и вѣсовыхъ денегъ, этой обычной таможенной пошлины со всего привознаго и отпускнаго товара.

Карлъ смотрѣлъ на такое ограниченіе тѣмъ съ большимъ неудовольствіемъ, что неудачная война съ Испаніею и денежныя пособія военачальникамъ въ Германіи причиняли ему большіе расходы (а то и другое было вызвано требованіями народа и порламента). Поэтому онъ сталъ взимать ластовыя и вѣсовыя деньги безъ согласія государственныхъ чиновъ, вымогалъ подарки и ссуды у своихъ подданныхъ и продавалъ государственныя земли и монополіи. Вмѣсто того, чтобъ стараться о прекращеніи войны съ Испаніею, онъ далъ легкомысленному Бокингаму вовлечь себя въ войну съ Франціей подъ видомъ защиты гюгенотовъ (§ 609), дѣйствительно же потому, что его тщеславный любимецъ желалъ отомстить французскому двору за обиду, нанесенную ему кардиналомъ Ришльё? [1]

Такъ какъ война противъ Франціи тоже принимала неблагопріятный оборотъ, и англійская кровь и честь постыдно приносились въ жертву, то въ третьемъ парламентѣ (1628) поднялась столь сильная буря противъ Бокингама, что король вынужденъ былъ утвердить поданное ему отъ обѣихъ Палатъ «Прошеніе о правѣ» (Petition of right), дабы этимъ спасти своего любимца отъ грозившаго ему обвиненія. Въ этой прозьбѣ такъ ясно были опредѣлены всѣ старинныя права личной и имущественной безопасности, что всякое произвольное взятіе подъ стражу парламентскихъ членовъ, какъ это водилось при Іаковѣ и Карлѣ, и всякое самовластное

---

[1] Дѣло въ томъ, что когда Бокингамъ былъ отправленъ за Генріэттою французской, онъ дозволилъ себѣ обратить свой чарующій взоръ на супругу короля Людовика XIII, Анну Австрійскую, и едва воротившись въ Англію, потребовалъ чтобъ его назначили посломъ въ Парижъ; но Ришльё предупредилъ Людовика XIII, и тотъ не захотѣлъ имѣть при своемъ дворѣ такого въ высшей степени опаснаго человѣка.

обложеніе податьми долженствовали впередь считаться нарушеніемъ государственнаго уложенія и закона. Парламентъ однакоже и теперь не сдѣлался уступчивѣе. Въ Бокингамѣ все еще видѣли причину всѣхъ бѣдствій народа, и потому убіеніе его Фельтономъ (1629) можно считать не только дѣломъ частной мести, но и дѣйствіемъ всеобщаго раздраженія. Въ народѣ проявился новый духъ; третій парламентъ тоже былъ распущенъ, послѣ того какъ въ бурномъ засѣданіи онъ объявилъ всякое (неразрѣшенное парламентомъ) взиманіе пошлинъ незаконнымъ, и каждаго, кто заплатитъ такой налогъ — измѣнникомъ. Девять членовъ, въ томъ числѣ Голлисъ, были взяты подъ стражу.

§ 593. Страффордъ и Лодъ. Такую насильственную мѣру присовѣтовалъ королю Томасъ Вентвортъ, котораго честолюбіе побудило перейдти изъ рѣзкой оппозиціи Нижней Палаты въ королевскій совѣтъ и который быстро достигнулъ должности намѣстника въ Ирландіи и титула графа Страффорда. Онъ былъ человѣкъ жесткій, но энергическій, готовый на все, чтобъ только усилить королевское могущество. Онъ желалъ неограниченной власти, но съ тѣмъ, чтобъ ею пользовались для народнаго блага. Поэтому онъ совѣтовалъ королю попытаться править безъ парламента и предложилъ учредить для защиты трона постоянное войско, которое могло бы подавить всякое сопротивленіе. Чтобы уменьшить издержки, поспѣшно былъ заключенъ миръ съ Испаніею и Франціею, и совершенно оставлено дѣло пфальцграфа и гюгенотовъ. Для покрытія же необходимыхъ текущихъ расходовъ, правительство частью взимало безъ разрѣшенія парламента прежнія подати, частію наложило новыя, частью возобновило разныя давнишнія и забытыя притязанія короны.

Такимъ образомъ король продолжалъ взимать ластовый и вѣсовой сборъ и широко пользовался продажею монополій ко вреду промышленности, торговли и дешевизны продуктовъ. Онъ вымогалъ огромныя суммы у владѣльцевъ прежнихъ государственныхъ и церковныхъ имуществъ подъ предлогомъ недостаточности ихъ правъ на обладаніе ими; онъ объявилъ многіе лѣса собственностью короны и обложилъ денежнымъ штрафомъ домовладѣльцевъ, строившихъ безъ дозволенія новыя жилища въ окрестностяхъ Лондона (что̀ дѣйствительно было

воспрещено однимъ плохо исполнявшимся закономъ). Кромѣ того, всѣ важнѣйшія потребности жизни: свѣчи, вино, соль, мыло, кожа и проч., были обложены пошлиною и наконецъ, въ силу стариннаго закона, для постройки и поддержки флота, стали ежегодно собирать въ королевскую казну корабельныя деньги.

Между тѣмъ какъ сборъ корабельныхъ денегъ возбудилъ общій ропотъ, и судебное преслѣдованіе дѣльнаго и стойкаго Джона Гампдена, отказавшаго въ уплатѣ подати, взволновало всю страну, строгость, съ какою правительство старалось утвердить англиканскую церковь и подавить усиливающійся пуританизмъ, въ свою очередь вызвало сильное негодованіе. Многіе члены сопротивной партіи (оппозиціи) начали придерживаться демократическихъ началъ пуританъ и пресвитеріанъ, и чѣмъ большій отзывъ въ народѣ находили ихъ политическія стремленія, тѣмъ больше распространялись и религіозныя ихъ мнѣнія. Карлъ рѣшительно выступилъ противъ этихъ двухъ направленій, и подобно тому, какъ во всѣхъ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ онъ подчинялся вліянію Страффорда, такъ въ религіозныхъ слѣдовалъ внушеніямъ лондонскаго епископа Лода, котораго ученіе о божественномъ правѣ королей и онеобходимости безусловнаго имъ повиновенія народовъ было столько же по душѣ властолюбивому Карлу, сколько приверженность епископа къ церковнымъ обрядамъ и торжественному богослуженію льстила тайной наклонности короля къ католицизму.

Верховная коммиссія и судьи Звѣздной палаты[1] налагали тяжкія денежныя пени на разновѣрцевъ; ревнитель пуританизма, Приннъ, былъ присужденъ къ отсѣченію ушей, къ выставкѣ у позорнаго столба, къ огромному денежнему взысканію и къ пожизненному заключенію за то, что въ изданной имъ толстой книгѣ онъ называлъ дьявольскимъ наважденіемъ танцы, маскарады и театральныя представленія, забавлявшія дворъ. Позорнымъ столбомъ, тюремнымъ заключеніемъ, отсѣченіемъ членовъ и другими жестокими казнями надѣялись переломить пуританское упорство. Но преслѣдованія порождали

---

[1] Судилище, состоявшее изъ лорда канцлера и королевскихъ судей, которому подлежали дѣла о государственныхъ преступленіяхъ знати. Названіе свое получило оно отъ звѣздъ, нѣкогда украшавшихъ потолокъ присутственной камеры.

новыхъ мучениковъ; изъ презираемыхъ сектантовъ пуритане сдѣлались прославленными поборниками религіозной и политической свободы. Когда же ненавистный Лодъ получилъ санъ архіепископа кантерберійскаго, и новымъ освященіемъ церкви св. Павла, допущеніемъ во многіе храмы алтарей, иконъ и разныхъ украшеній, и введеніемъ въ богослуженіе новыхъ обрядовъ, свойственныхъ римской церкви, какъ бы подтвердилъ слухи о задуманномъ возстановленіи католичества, тогда волненіе народа, озабоченнаго своею гражданской и религіозной свободой, дошло до крайней степени. Тайная наклонность Стуартовъ къ католицизму и вліяніе католической королевы, окруженной одними только католиками и новообращенными, которые имѣли сношенія съ римскимъ дворомъ чрезъ священниковъ и тайныхъ іезуитовъ подозрительнаго свойства, еще болѣе усиливали общее недовѣріе. Пуританскіе проповѣдники, немилосердо лишенные своихъ мѣстъ ревностными прелатами и ввергнутые въ нищету, ходили по странѣ и фанатическими рѣчами сильно волновали умы народа. Въ этотъ періодъ гоненія многіе пуритане оставили свое любезное отечество и водворились въ дикихъ пустыняхъ Америки, чтобъ насладиться тамъ гражданскою и религіозною свободой. То были предки англо-саксонскаго населенія нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ.

§ 594 Шотландія. Карлъ не замѣчалъ, что тронъ его стоитъ на разгарающемся волканѣ, пока ревностная къ вѣрѣ Шотландія не подняла знамени мятежа.

И здѣсь невполнѣ упроченный Іаковомъ епископскій судъ и неразлучная съ нимъ верховная коммиссія, должны были замѣнить демократическіе синоды и пресвитеріи; новымъ духовнымъ законодательствомъ хотѣли положить конецъ законодательной власти церковнаго собранія; общимъ молитвенникомъ — вытѣснить свободныя и смѣлыя проповѣди, а іерархическимъ чиноначаліемъ — сломить гордыню равенства и вызвать у священниковъ честолюбіе, эгоизмъ и другія человѣческія слабости.

Когда въ эдинбургскомъ соборномъ храмѣ въ первый разъ совершалось богослуженіе по новымъ обрядамъ (23-го іюля 1637), то поднялся шумъ противъ «служенія Ваалу».—Толпа кричала: «Папа! Антихристъ! Побейте его каменьемъ!» бросала стульями въ священника и выгнала его изъ церкви. Среди поста и молитвы былъ возобновленъ старый союзъ (ковенантъ) на защиту истинной вѣры и церкви противъ папскихъ лжеученій

и соблазновъ (1638). Учрежденное помимо установленныхъ властей народное представительство (такъ-называемые четыре стола) управляло дѣломъ вооружившейся націи. Епископатъ и всѣ введенныя Стуартами іерархическія учрежденія были разомъ ниспровернуты собравшимся въ Гласго, наперекоръ королевскому запрещенію, генеральнымъ синодомъ подъ предсѣдательствомъ отважнаго Гендерсона. Тутъ Карлъ рѣшился начать войну и, чтобы получить нужныя для того деньги, созвалъ послѣ одиннадцатилѣтняго промежутка парламентъ. Но когда Нижняя Палата, вмѣсто того, чтобъ разрѣшить требуемыя субсидіи, начала громко жаловаться на деспотизмъ въ церкви и въ государствѣ, то послѣдовало новое распущеніе парламента и заключеніе въ тюрьму отважнѣйшихъ ораторовъ въ то самое время, какъ Шотландцы перешли съ военною силою англійскія границы. Король напрасно искалъ помощи у дворянства — Верхняя Палата не смѣла воспрепятствовать грозному народному требованію свободы парламента; она соединила свой голосъ съ общимъ голосомъ народа. И когда королевскія войска малодушно отступили передъ шотландскою ратью, проникнутою религіознымъ рвеніемъ и двинувшеюся въ поле съ пѣніемъ молитвъ и псалмовъ, то для Карла не оставалось другаго исхода какъ опять-таки вновь созвать парламентъ (1640).

§ 595. Долгій Парламентъ. При общемъ недовѣріи къ двору выборъ народа палъ по большей части на противниковъ правительства и епископальной церкви. Наряду съ людьми осторожными и умѣренными въ дѣлѣ возстановленія кореннаго народнаго права, каковъ былъ Джонъ Гампденъ, стояли крайніе поборники политической и церковной свободы, какъ наприм. Пимъ и Голлисъ; религіозные ревнители, какъ Генри Венъ, Гаслеригъ и ученый Сельденъ, и угрюмые фанатики, какъ Оливеръ Кромвель. Послѣдній (род. въ 1599), потомокъ Томаса Кромвеля, успѣшно дѣйствовавшаго при утвержденіи реформаціи въ царствованіе Генриха VIII, явился съ самаго начала парламентской борьбы замѣчательнымъ приверженцемъ религіозной и гражданской свободы и своею примѣрною домашнею жизнію, благотворительностью, щедростью и строгою нравственностью заслужилъ такое всеобщее уваженіе въ своей родинѣ, Гонтингдонѣ, что былъ избранъ представителемъ этого графства въ парламентъ, гдѣ скоро и за-

нялъ весьма видное мѣсто. Отличаясь однообразіемъ одежды и простотою деревенскаго обращенія, и не обладая блестящимъ краснорѣчіемъ, онъ господствовалъ надъ своими современниками только превосходствомъ своего ума, силою воли и своимъ рѣшительнымъ, твердымъ характеромъ. Пылкость души своей умѣлъ онъ прикрывать внѣшнимъ смиреніемъ, благочестивыми рѣчами и поступками. Большая часть членовъ новаго перламента были или сдѣлались пуританами, и ихъ демократическое стремленіе къ свободѣ въ скоромъ времени перешло отъ церкви на политику и породило республиканскія идеи. Они желали имѣть въ государствѣ и въ церкви, вмѣсто монархическаго правленія епископовъ и королей, народную власть синода и парламента. По неисповѣдимой волѣ Промысла, нѣкоторые изъ этихъ людей были, за три года до этого, удержаны королевскимъ повелѣніемъ отъ переселенія въ Америку.

Вмѣсто того, чтобъ согласно съ требованіемъ выраженнымъ въ тронной рѣчи, тотчасъ же разрѣшить деньги для войны съ шотландскими «бунтовщиками», парламентъ тайно вступилъ въ соглашеніе съ ними и, обѣщаніемъ значительныхъ суммъ на потребности войска, способствовалъ удержанію ихъ въ сборѣ на границѣ. За тѣмъ онъ направилъ свои нападенія на произвольныя распоряженія въ дѣлахъ церкви и государства; Приннъ и пострадавшіе вмѣстѣ съ нимъ товарищи, по пересмотрѣ ихъ процесса, были объявлены невинными, а судьи Звѣздной палаты приговорены къ денежной пенѣ. «Великій богоотступникъ» Страффордъ, призванный королемъ изъ Ирландіи, и архіепископъ Лодъ были преданы суду и посажены въ Тоуэръ. Чтобъ спасти ихъ обоихъ, король сдѣлался уступчивѣе: онъ составилъ новое министерство изъ членовъ оппозиціи, одобрилъ законъ, по которому впредь ластовыя и вѣсовыя пошлины могутъ быть взимаемы только съ согласія парламента, и утвердилъ билль о томъ, что на будущее время парламентъ будетъ созываться по меньшей мѣрѣ чрезъ каждые два года въ третій. Нижняя Палата, однакожь, не отказалась отъ своего намѣренія отомстить заключеннымъ въ Тоуэрѣ. Страффордъ былъ отданъ на судъ Верхней Палаты за государственную измѣну. Семнадцать дней защищался онъ съ достоинствомъ и хладнокровіемъ, и доказалъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что ни одного изъ приведенныхъ про-

тивъ него обвинительныхъ пунктовъ нельзя понимать въ смыслѣ государственной измѣны. Его доводы смутили перовъ; защитительная рѣчь его произвела такое впечатлѣніе, что всѣ ожидали его оправданія. Тогда Нижняя Палата прибѣгла къ деспотической мѣрѣ; такъ называемымъ Bill of attainder (обвиненіемъ по подозрѣнію) она объявила, что Страффорда должно считать изобличеннымъ въ покушеніи уничтожить свободу края. Большинство Верхней Палаты примкнуло къ этому биллю, а король имѣлъ слабость утвердить его и тѣмъ предать вѣрнѣйшаго слугу своего въ жертву народному гнѣву. «Не надѣйтесь на князи и сыны человѣческіе: у нихъ не найдете спасенья!» воскликнулъ Страффордъ. Съ великой твердостью умеръ онъ на эшафотѣ (11 мая 1641). Пострадавшій вмѣстѣ съ нимъ Лодъ пробылъ въ заключеніи еще три года; но упраздненіе Звѣздной палаты и Верховной коммиссіи, и потомъ, нѣсколько позже, исключеніе епископовъ изъ Верхней Палаты парламента были предвѣстниками паденія іерархической епископальной церкви. Вслѣдъ за тѣмъ Карлъ предпринялъ поѣздку въ Шотландію съ тою цѣлью, чтобъ отыскать доказательства измѣнническаго соглашенія парламента съ распущеннымъ уже въ то время шотландскимъ войскомъ. Пуританскіе вожди встревожились. Въ это время англійская нація была приведена въ ужасъ и негодованіе полученнымъ изъ Ирландіи извѣстіемъ о поголовномъ избіеніи протестанскихъ поселенцевъ туземными католиками. Въ этомъ событіи, вызванномъ насиліями Іакова (§ 590) и потомъ жестокостью Страффорда, обвиняли дворъ и въ особенности королеву, и пуритане воспользовались имъ, чтобы возбудить лихорадочное волненіе въ народѣ молвою о союзѣ папистовъ, епископовъ и двора для уничтоженія новой вѣры и свободы. Составились вооруженныя общества для защиты парламента, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, многіе сельскіе дворяне и офицеры стали вокругъ короля, котораго всѣ права подвергались опасности. Народъ называлъ ихъ кавалерами; они же придали своимъ противникамъ насмѣшливое прозвище круглоголовыхъ по особенной, короткой стрижкѣ ихъ волосъ. Летучіе листки и газеты, новыя созданія свободной печати, возбудительныя рѣчи въ церквахъ и собраніяхъ поддерживали

въ народѣ постоянное раздраженіе и производили неописанное дѣйствіе. Ежедневно повторявшіяся бурныя сцены были предвѣстниками неминучей междоусобной войны. Поводъ къ ней подало внесеніе билля, въ силу котораго на будущее время наборъ войска и назначеніе главнокомандующихъ должны были зависѣть отъ согласія парламента. Король рѣшился арестовать во время засѣданія пятерыхъ членовъ оппозиціи (Гампдена, Пима, Голлиса, Гасльрига и Строуда) и обвинить ихъ въ государственной измѣнѣ. Они бѣжали, нѣсколько дней скрывались и потомъ были съ торжествомъ введены въ парламентъ гражданскою милиціею и безчисленною толпою народа. Этого Карлъ не могъ вынести. Онъ удалился въ Іоркъ и рѣшился начать войну.

§ 596. Междоусобная война (1642—1646). Прежде самъ король, нарушая народныя права, подалъ поводъ къ основательнымъ жалобамъ, а теперь, въ свою очередь, парламентъ провинился въ такомъ же нарушеніи правъ короля. Недовольствуясь тѣмъ, что ввелъ королевскую власть въ законные предѣлы, онъ приписалъ одному себѣ законодательство въ дѣлахъ государства и церкви, захватилъ въ свои руки всю правительственную власть, присвоивъ себѣ право назначать и увольнять высшихъ государственныхъ сановниковъ и начальниковъ войска и желая подчинить себѣ сухопутныя и морскія военныя учрежденія, даже поставить въ зависимость отъ себя воспитаніе и бракосочетаніе королевскихъ дѣтей. На эти требованія король очевидно не могъ согласиться. Онъ собралъ въ Іоркъ преданныхъ ему членовъ верхней и нижней палаты и вооруженную силу; королева, между тѣмъ, бѣжала въ Голландію, искать чужеземной помощи. Но такъ какъ всѣ ратныя силы на материкѣ были заняты тридцатилѣтнею войною, то и нельзя было найти помощи извнѣ, да и гдѣ могло бы высадиться иностранное войско, когда всѣ пристани и весь флотъ находились въ рукахъ парламента? Такъ началась война между весьма неравными силами. Король нуждался въ деньгахъ, войско его терпѣло во всемъ недостатокъ; тогда какъ парламентъ располагалъ не только всѣми государственными доходами, но и былъ сверхъ того щедро поддерживаемъ частными приношеніями. По первому требо-

ванію граждане отдавали свою серебряную посуду, женщины свои драгоцѣнныя украшенія, и охотно вносили парламенту всѣ налоги и подати, въ которыхъ такъ упорно отказывали королю. При всемъ томъ, небольшое, но изъ опытныхъ солдатъ составленное войско Карла имѣло въ началѣ перевѣсъ надъ новобранцами парламента, съ которыми графъ Эссексъ выступилъ въ поле. Въ двухъ схваткахъ побѣда осталась на сторонѣ королевской конницы, подъ предводительствомъ пылкаго племянника Карлова — Рупрехта Пфальцскаго. Второй годъ начался для парламента такъ же потерями, изъ которыхъ чувствительнѣйшею была смерть честнаго и храбраго Джона Гампдена, погибшаго въ сраженіи подъ Оксфордомъ. Но когда ревностный пуританинъ Оливеръ Кромвель образовалъ изъ своихъ благочестивыхъ друзей отрядъ отважныхъ всадниковъ, которые, не щадя ни себя, ни другихъ, и не страшась лишеній и опасностей военной жизни, слѣпо шли въ битву за дѣло Божіе, и когда парламентъ заключилъ союзъ съ Шотландцами, вслѣдствіе чего фанатическая рать послѣднихъ еще разъ переступила границу, тогда дѣла приняли другой оборотъ. Въ сраженіи при Марстонмурѣ (3-го іюля 1644) пфальцграфъ Рупрехтъ, увлеченный своимъ воинственнымъ жаромъ, проигралъ битву угрюмымъ конникамъ Кромвеля. Десять тысячъ роялистовъ покрыли своими тѣлами поле битвы. Вѣрный городъ Іоркъ достался въ руки пуританъ. Съ тѣхъ поръ имя Кромвеля стало въ войскѣ выше всѣхъ прочихъ, тѣмъ болѣе что Пимъ умеръ, а Эссексъ былъ рѣшительно несчастливъ въ бою.

Пуритане. Маколей изображаетъ эту религіозную и политическую партію въ слѣдующихъ чертахъ: Пуритане были люди, которыхъ духовное настроеніе получало совсѣмъ особенный характеръ отъ ежедневныхъ помысловъ о неземныхъ предметахъ и высшихъ интересахъ человѣка. Не довольствуясь признаніемъ, въ общихъ выраженіяхъ, всевластнаго Провидѣнія, они обыкновенно приписывали каждое событіе волѣ Высшаго Существа, передъ чьимъ могуществомъ ни что не велико, и отъ чьего всевидѣнія не укрыться ничему. Познавать его, служить ему, радоваться о немъ было великою цѣлью ихъ существованія. Отсюда простекало ихъ презрѣніе ко всѣмъ земнымъ отличіямъ. Разница между величайшимъ и самымъ жалкимъ изъ людей

исчезала для нихъ при сравненіи съ безпредѣльнымъ пространствомъ, отдѣляющимъ весь родъ человѣческій отъ Того, къ кому постоянно были обращены ихъ взоры. Произведенія философовъ и поэтовъ были неизвѣстны имъ; за то они глубоко изучали священное писаніе. Имена ихъ не стояли въ геральдическихъ спискахъ, за то они были внесены въ книгу жизни. Ихъ не сопровождала блестящая свита, за то надъ ними бодрствовали легіоны ангеловъ-хранителей. Чертоги ихъ были построены не человѣческими руками; діадемами ихъ были — нетлѣнные вѣнцы славы. Они презирали богатыхъ и краснорѣчивыхъ, дворянъ и священниковъ, ибо считали себя богатыми болѣе драгоцѣннымъ сокровищемъ и краснорѣчивыми болѣе возвышеннымъ словомъ, облагороженными отъ вѣчности и священнослужителями по рукоположенію отъ Вышняго. Малѣйшій изъ нихъ былъ такимъ существомъ, котораго судьба имѣла таинственное и страшное значеніе; существомъ, на чьи малѣйшія дѣйствія духи свѣта и тьмы взирали съ трепетнымъ вниманіемъ, которому, еще прежде чѣмъ созданы были небо и земля, было предназначено блаженство долговѣчнѣе видимаго міра. Для него возникали царства, для него они процвѣтали и разрушались. Для него Всемогущій возвѣстилъ свою волю перомъ Евангелиста и гуслями Пророка. Онъ былъ искупленъ дорогою цѣной,—не обыкновеннымъ смертнымъ подвигомъ, а кровью неземной, высшей жертвы. Для него помрачалось солнце, разрывались скалы, мертвые возставали изъ гробовъ; для него содрогнулась вся природа во время предсмертныхъ страданій Господа. Такимъ образомъ пуританинъ совмѣщалъ въ себѣ двухъ различныхъ людей: одинъ изъ нихъ былъ олицетвореніемъ скорби, покаянія, признательности, терпѣнія; другой былъ весь гордость, спокойствіе, непреклонность, проницательность. Онъ падалъ ницъ предъ своимъ Создателемъ; но попиралъ ногою королей. Въ своемъ набожномъ уединеніи онъ молился судорожно, со стонами и слезами. Онъ приходилъ въ состояніе близкое къ помѣшательству передъ видѣніями славы или ужаса. Ему слышались и псалмопѣнія ангеловъ и искусительный шопотъ злаго духа. Но занявъ мѣсто въ совѣтѣ или опоясавшись мечемъ на войну, онъ уже не сохранялъ замѣтныхъ слѣдовъ своей бурной душевной работы. Эти фанатики вносили въ гражданскія и военныя дѣла холодность разсудка и непреклонность воли, которыя иные писатели считали несовмѣстными съ ихъ религіознымъ рвеніемъ, но которыя въ дѣйствительности были неизбѣжнымъ его слѣдствіемъ: сильная сосредоточенность чувства на одномъ предметѣ дѣлала ихъ равнодушными ко всему другому.

§ 597. Побѣда индепендентовъ. Военныя удачи внушили пуританамъ смѣлость приступить къ ниспроверженію ненавистной имъ господствующей церкви и раздѣлить старое время отъ новаго непроходимою бездною, хотя они и понимали, что тѣмъ самымъ вконецъ удалятъ отъ себя и безъ того уже значительно уменьшившуюся Верхнюю Палату. Общій молитвенникъ и англиканская литургія вскорѣ были замѣнены богослуженіемъ, составленнымъ по образцу пресвитеріанскаго; а іерархическая епископальная система — пресвитеріанскимъ управленіемъ посредствомъ синодовъ; иконы, украшенія, органы и проч. исчезли въ церквахъ, росписныя стекла были выбиты, памятники, казавшіеся проявленіями суевѣрія и идолопоклонства, разрушены, и праздники запрещены. Пуританскія духовныя лица, удаленныя Лодомъ, опять заняли свои мѣста и поддерживали фанатизмъ своими долгими проповѣдями; между тѣмъ какъ самъ архіепископъ (въ январѣ 1645) кончилъ жизнь на эшафотѣ, а англиканскія духовныя лица, непризнавшія новой церковной формы и нехотѣвшія отказаться отъ церковнаго облаченія, лишились своихъ приходовъ. Нѣкогда гонимые пуритане теперь сами вооружились бичемъ преслѣдованія на прежнихъ своихъ гонителей, и изъ притѣсненныхъ стали притѣснителями. Явленія были тѣже, но дѣйствующія лица обмѣнялись ролями на сценѣ жизни. — Вскорѣ однакоже произошелъ раздоръ въ лагерѣ самихъ побѣдителей. Индепенденты, своимъ энтузіазмомъ, ревностью и энергіею все болѣе и болѣе пріобрѣтая уваженіе парламента, войска и общества, и вовсе не желая подчинить достигнутую свободу и независимость чужому церковному порядку, роптали, говоря, что церковный деспотизмъ принялъ только другую форму и что теперь, вмѣсто немногихъ епископовъ, цѣлая толпа пресвитеріанскихъ духовныхъ властвуетъ въ синодахъ. Они требовали, чтобы каждая церковная община имѣла законодательную власть въ дѣлахъ вѣры, обрядовъ и церковнаго управленія, чтобы всѣ такія общины, составившіяся чрезъ добровольное сближеніе единомыслящихъ о вѣрѣ, были равноправны, и чтобъ никто не былъ принуждаемъ подчинять свою совѣсть общему закону, но каждый могъ поклоняться Богу по своему собственному разумѣнію; чтобы, поэтому, допущено было различіе вѣры и обрядовъ и вѣротерпимость считалась священною обязанностью. Духовная свобода какъ въ области религіи, такъ и въ области мышленія, рѣчи и печати была мощнымъ лозунгомъ индепендентовъ.

Пресвитеріане, опасаясь возрастающей силы индепенден-

товъ старались примирить парламентъ съ Карломъ. Однакожь переговоры въ Оксбриджѣ не удались, когда пресвитеріане потребовали отмѣны епископальнаго устройства и передачи распоряженія сухопутными и морскими силами Нижней Палатѣ. Тѣмъ смѣлѣе подняли голову индепенденты. Они настояли на изданіи акта самоотреченія (февр. 1645), по которому ни одинъ членъ обѣихъ Палатъ не долженъ былъ занимать мѣсто военачальника или какую-либо должность. Это заставило Эссекса сложить съ себя военный санъ, и вмѣсто его во главѣ всего войска явился Фéрфаксъ, талантливый, но совершенно отъ Кромвеля зависѣвшій полководецъ. Кромвель, глава индепендентовъ, всѣхъ ревностнѣе поддерживалъ актъ самоотреченія. Онъ отправился въ армію, чтобъ сдать свое начальство Ферфаксу. Но послѣдній вскорѣ донесъ парламенту, что Кромвель для него необходимъ; что только онъ одинъ можетъ начальствовать конницею, ибо гдѣ онъ съ своимъ богобоязненнымъ войскомъ бьется во имя Господне, тамъ всегда побѣда. Парламентъ согласился на это, и сраженіе при Незби (14 іюня 1645), гдѣ былъ разсѣянъ остатокъ королевской арміи и уничтожена послѣдняя надежда Карла, доказало, какую силу придала дѣлу энергія индепендентовъ.

§ 598. Карлъ у Шотландцевъ. Съ этого времени борьба приняла болѣе страстный характеръ. Индепенденты перенесли свои республиканскія воззрѣнія съ церкви на государство и боролись противъ королевской власти съ такою же рѣшимостью, какъ и противъ іерархизма господствующей церкви. Письма Карла, въ которыхъ онъ просилъ помощи у иноземныхъ государей, попали въ руки его непріятелей; обнародованіе ихъ окончательно лишило короля всякаго уваженія въ народѣ. Разнеслась молва, что онъ пытался щедрыми обѣщаніями возбудить Ирландцевъ къ новому возстанію, вслѣдствіе чего парламентъ повелѣлъ впредь не давать пощады забираемымъ въ плѣнъ Ирландцамъ королевской арміи. Ихъ разстрѣливали цѣлыми сотнями безъ всякаго милосердія, и всѣхъ роялистовъ наказывали лишеніемъ собственности. Кровавая война за мнѣнія распространилась отъ оконечности Корнваллиса вплоть до горной Шотландіи, но энергія фанати-

ковъ и республиканцевъ одолѣла. Напрасно униженный король протянулъ теперь руку примиренія; ему не вѣрили, и Кромвель съ Ферфаксомъ готовились окружить его своими войсками въ Оксфордѣ. Тогда Карлъ рѣшился на отчаянное дѣло: переодѣтый въ слугу онъ бѣжалъ изъ Оксфорда съ двумя провожатыми въ лагерь Шатландцевъ, въ надеждѣ возбудить въ своихъ соотечественникахъ ослабѣвшее чувство приверженности и вѣрности. Но въ Шотландцахъ, находившихся подъ вліяніемъ суровыхъ проповѣдниковъ, было уже погашено все благоговѣніе къ павшему величію. Они содержали его подъ бдительнымъ присмотромъ, заставляли его выслушивать длинныя пресвитеріанскія проповѣди, предметомъ которыхъ были его собственныя преступленія и грѣхи его предковъ, и вступили въ переговоры съ англійскимъ парламентомъ о томъ, какъ съ нимъ порѣшить. Не успѣвъ склонить Карла къ подписанію ковенанта, къ отмѣнѣ епископата, къ предоставленію на двадцать лѣтъ въ распоряженіе парламента всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ и къ выдачѣ своихъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ мести враговъ ихъ, Шотландцы позорно предали своего государя. За огромную сумму денегъ Карлъ былъ выданъ парламентскимъ коммиссарамъ и отведенъ въ крѣпкій замокъ Голмби, послѣ чего шотландское войско было распущено (январь 1647).

§ 599. **Раздоръ между индепендентами и пресвитеріанами.** Война казалась оконченною, и парламентъ, состоявшій по большей части изъ пресвитеріанъ, хотѣлъ уменьшить армію, въ которой преобладали индепенденты, или по крайней мѣрѣ избавиться отъ ея присутствія высылкою ея въ Ирландію. Войско, однакожь, этому воспротивилось и стало настойчиво требовать недоплаченнаго жалованья; образовались общества офицеровъ и солдатъ, ставшія въ непріязненное отношеніе къ пресвитеріанамъ. Кромвель и его друзья были душою этого движенія; но онъ такъ умѣлъ прикрыть свое внутреннее лукавство наружнымъ ханжествомъ, что Нижняя Палата поручила ему возстановить порядокъ въ возмутившемся войскѣ. Вскорѣ Кромвель пріобрѣлъ болѣе вѣса у солдатъ, нежели самъ Ферфаксъ. По его тайному приказанію фанатикъ-портной, Корнетъ Джойсъ, во главѣ

отряда всадниковъ, похитилъ Карла изъ замка Голмби и перевезъ плѣннаго короля въ Гамптонкортъ, въ распоряженіе войска. Пресвитеріане ужаснулись и поспѣшили примириться съ королемъ. Но армія уже приближалась къ воротамъ Лондона и требовала исключенія одиннадцати пресвитеріанъ изъ парламента. Нижняя Палата повиновалась; исключенные же, между которыми находился Голлисъ, возбудили лондонскихъ гражданъ къ мятежу. Съ оружіемъ въ рукахъ начали они требовать возврата короля и грозить парламенту индепендентовъ. Тогда многіе члены вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Палаты бѣжали въ армію и тѣмъ самымъ дали ей поводъ вступить въ столицу и торжественно возстановить бѣжавшихъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ. Съ трепетомъ подчинились противники всесильному могуществу индепендентовъ, имѣвшихъ въ это время перевѣсъ какъ въ парламентѣ, такъ и въ арміи.

§ 600. Тщетная надежда Карла. Въ теченіе этихъ роковыхъ дней Кромвель, казалось, былъ не чуждъ мысли, возвратить тронъ королю и вмѣстѣ упрочить себѣ высокое положеніе. Въ арміи уже возникли подозрѣнія: его благочестивцы роптали, между солдатами составлялись грозные кружки противъ измѣны Господу. Фанатическая секта, левеллеры, требовала равенства сословій и имуществъ, такого государственнаго устройства, при которомъ народъ могъ бы править самъ собою, и полной религіозной свободы безъ церковнаго единства и опредѣленнаго богослуженія. Но вскорѣ Кромвель убѣдился изъ одного перехваченнаго письма въ лукавствѣ короля, тотчасъ прервалъ съ нимъ всѣ переговоры, поспѣшилъ вновь пріобрѣсти прежній свой вѣсъ и рѣшительно положилъ конецъ обществу левеллеровъ, равно страшныхъ для пресвитеріанъ и для индепендентовъ. Съ этого времени возникла непримиримая вражда между Кромвелемъ и королемъ. Послѣднему, казалось, еще разъ улыбнулась надежда. Онъ успѣлъ убѣжать на островъ Вайтъ (ноябрь 1647), въ то самое время, когда Шотландцы, устыдясь что продали своего монарха за сребренники, взялись для его спасенія за оружіе, а въ Валлисѣ и въ Ирландіи обнаружилось грозное броженіе. Однакожь энергія Кромвеля побѣдила опасность. Съ небольшимъ войскомъ онъ отразилъ Шотландцевъ, проникъ за ихъ границу

и принудилъ ихъ возобновить союзъ съ Англіею. Съ затаеннымъ страхомъ узналъ англійскій парламентъ о побѣдѣ Кромвеля, ибо Карлъ, ожидая спасенія изъ Ирландіи и изъ чужи, отвергъ и послѣднюю попытку на миръ со стороны пресвитеріанъ.

§ 601. Смерть Карла. Кромвель, побуждаемый своимъ фанатическимъ зятемъ Айертономъ, уже рѣшился погубить Карла, хотя въ парламентѣ онъ все еще лицемѣрно выказывалъ христіанское смиреніе и благочестивые помыслы. По тайному его приказу армія захватила короля и перевезла его въ пустынный мрачный зàмокъ, среди утесовъ, на берегу моря (декабрь 1648). За тѣмъ полковникъ Прайдъ окружилъ зданіе парламента войсками, и силою выгналъ оттуда восемьдесятъ одного пресвитеріанскаго члена; въ томъ числѣ былъ и Принпъ, который въ борьбѣ съ деспотизмомъ поплатился личною свободой, достояніемъ и честью. Послѣ этого дѣла, извѣстнаго подъ именемъ «Прайдовой очистки», Кромвель поселился въ королевскихъ покояхъ Вайтголла: ибо отнынѣ онъ былъ господиномъ и повелителемъ, а мнимый парламентъ[1], состоявшій изъ однихъ индепендентовъ, былъ только безотвѣтнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Рѣшено было предать плѣннаго короля чрезвычайному суду за измѣну, такъ какъ онъ велъ войну противъ парламента. Когда же Верхняя Палата, сокращенная до того, что состояла всего изъ 12 членовъ, воспротивилась такому требованію, то индепенденты объявили, «что только ихъ воля законъ, ибо первоначальнаго источника всякой законной власти должно искать въ народѣ, и что одни они его представители.» Вслѣдствіе этого, «Карла Стуарта» четыре раза приводили предъ судилище, составленное изъ 135 человѣкъ, частью членовъ Нижней Палаты, частью офицеровъ, частью судей, подъ предсѣдательствомъ законовѣда Брадшо, и осудили на смерть какъ тирана, измѣнника, убійцу и врага страны. Ему дано было три дня, приготовиться къ казни и проститься съ своими дѣтьми. Потомъ взвели его на покрытый чернымъ сукномъ эшафотъ, устроенный подлѣ

---

[1] Этотъ парламентъ извѣстенъ подъ насмѣшливымъ прозвищемъ rumpparliament. Rump значитъ охвостье.

дворца Вайтголла, гдѣ два переряженные палача въ матросскомъ платьѣ совершили надъ нимъ казнь. Безмолвно смотрѣли несмѣтныя толпы народа на страшное зрѣлище. Только тогда, когда палачь взялъ окровавленную голову за волосы и прокричалъ: «Вотъ голова измѣнника!» — только тогда собравшійся народъ облегчилъ свое стѣсненное сердце глухимъ стономъ (30 января 1649).

2. РЕСПУБЛИКА.

§ 602. Побѣды Кромвеля. Парламентъ, число членовъ котораго уменьшилось до 80-ти, былъ увеличенъ 150-тью новыми выборами и призывомъ исключенныхъ членовъ, и по упраздненіи Верхней Палаты облеченъ высочайшею властью подъ именемъ Парламента Англіи (Національнаго Конвента). Каждый Англичанинъ, имѣвшій болѣе семнадцати лѣтъ отъ роду, обязанъ былъ присягнуть въ вѣрности новому правительству «безъ короля и Верхней Палаты.» Исполнительная власть возложена была на государственный совѣтъ, состоявшій изъ 42 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Брадшо; въ числѣ секретарей его былъ поэтъ Мильтонъ (§ 559). Послѣдній, своими сильными памфлетами, направленными противъ прелатства и неограниченной королевской власти, лично содѣйствовалъ побѣдѣ своихъ единомышленниковъ и, въ своихъ оправдательныхъ сочиненіяхъ, одушевленныхъ любовью къ свободѣ, такъ самоотверженно защищалъ дѣло республиканскихъ друзей своихъ, что отъ напряженной работы лишился зрѣнія. Верховное судилище вѣдало преступленія противъ государства, подобно прежней Звѣздной палатѣ, и строго наказывало какъ роялистовъ, такъ и радикаловъ въ религіи и въ политикѣ. Пресвитеріанская форма церкви осталась господствующею; но при религіозномъ броженіи возникло множество сектъ, въ числѣ которыхъ большаго значенія достигло Общество Друзей, основанное сапожникомъ Джоржемъ Фоксомъ (1649) и получившее въ народѣ названіе квакеровъ (трясучекъ [1]). Одѣтый въ овчину, Фоксъ скитался по Англіи, проповѣдывалъ на улицахъ и въ домахъ покаяніе и Евангеліе, сѣтовалъ о грѣхахъ христіанъ и возвѣщалъ имъ новое царство Господне.

[1] Это прозвище было имъ дано въ насмѣшку, потому что, при первомъ своемъ появленіи, они, какъ бы вдохновенные и трепеща отъ восторга, проповѣдывали о величіи и блескѣ божественнаго свѣта, озарившаго ихъ духъ.

Квакеры вѣруютъ, «что религіозное сознаніе пробуждается подъ непосредственнымъ вліяніемъ божественнаго духа, что каждый кто чистосердечно ищетъ послѣдняго, можетъ чрезъ спокойное созерцаніе и набожное углубленіе въ самого себя, сдѣлаться причастнымъ божественнаго откровенія и возжечь съ себѣ внутренній свѣтъ. Внутреннее слово — такъ называютъ они этотъ свѣтъ — ставятъ они по этому на ряду и даже отчасти выше внѣшняго слова, или Библіи.— Они считаютъ таинства только прообразованіями внутреннихъ состояній, внѣшнее проявленіе которыхъ за тѣмъ уже не нужно, отвергаютъ священническій санъ со всею теологіей, какъ дѣло человѣческое, и допускаютъ одну только духовную церковь. Ихъ религіозная исключительность отрицаетъ военную службу, присягу, десятины и условныя формы общественной жизни. Долго преслѣдуемые въ Англіи, они наконецъ нашли себѣ мѣсто успокоенія въ сѣверной Америкѣ, гдѣ Вилльямъ Пеннъ († 1718) купилъ земли на Делаварѣ и основалъ штатъ Пенсильванію, «колыбель свободы для негровъ и для всего міра», наполовину изъ колонистовъ-квакеровъ. Наконецъ они добились терпимости въ Англіи, послѣ того какъ Робертъ Ба́ркдей († 1690) систематически разработалъ ихъ ученіе.

а) Ирландія. Вѣсть о смерти короля произвела страшное волненіе въ Шотландіи и Ирландіи. Въ Шотландіи благородный Монтрозъ долго поддерживалъ королевское знамя въ нагорномъ краѣ; наконецъ онъ не устоялъ передъ войскомъ ковенантеровъ и за преданность свою къ королевской власти долженъ былъ умереть страшною смертью (1650). Его голова и члены были выставлены, какъ грозное предостереженіе, надъ воротами четырехъ самыхъ большихъ городовъ Шотландіи. Не смотря на это, спустя нѣсколько времени былъ призванъ принцъ Валлисскій, находившійся въ Голландіи, и провозглашенъ королемъ подъ именемъ Карла II, но предварительно долженъ былъ подписать ковенантъ и перейдти въ пресвитеріанскую церковь, какъ ни противенъ былъ этому легкомысленному и сластолюбивому государю холодный фанатизмъ шотландскихъ проповѣдниковъ, какъ ни отравляли ему жизнь, длившіяся по цѣлымъ часамъ молитвы и строгія проповѣди о грѣхахъ и преступленіяхъ его дома. Ирландія такъ же признала новаго короля и взялась за оружіе (1649). Тогда Кромвель, во главѣ своего на все готоваго республиканскаго вой-

ска, выступилъ противъ непокорнаго острова. Городъ Дрогеда былъ взятъ имъ послѣ трехъ приступовъ, и гарнизонъ его, состоявшій изъ роялистовъ, избитъ до послѣдняго человѣка. По трупамъ и крови пролагалъ себѣ путь побѣдитель. Зять Кромвеля Айертонъ шелъ тою же дорогой, а по смерти его, вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшей, Флитвудъ докончилъ начатое дѣло въ томъ же духѣ. Въ три года былъ подавленъ опаснѣйшій мятежъ; но Ирландія обратилась въ пустыню, населенную безправными нищими.

Когда кончилась война, Верховное Судилище принялось свирѣпствовать сѣкирою и изгнаніемъ противъ главныхъ участниковъ возстанія; тысячи людей покинули страну своихъ дѣдовъ и искали новаго отечества въ католическихъ земляхъ Европы и въ Америкѣ; всѣ военноплѣнные и множество женщинъ и дѣтей были отправлены въ Вестъ-Индію и употреблены въ Ямайкѣ для воздѣлки сахарныхъ плантацій. Оставшіеся лишились большей части своего имущества въ пользу англійскихъ колонистовъ, и населеніе цѣлыхъ округовъ было переведено въ другія области. Всѣ духовныя лица католическаго исповѣданія должны были покинуть страну. Римское богослуженіе было запрещено, и его приверженцы объявлены недостойными занимать какія бы то ни было должности. Не смотря однакожь на такую жестокость и насиліе, католическое народонаселеніе въ семь разъ превышало число протестантовъ. Гонимые укрывались въ лѣсахъ и болотахъ, со скрежетомъ ярости внимали словамъ своихъ проповѣдниковъ, и нападали на владѣнія новыхъ поселенцевъ, предаваясь убійству и грабежу.

б) Шотландія. Ферфаксъ отказался вести войну противъ Шотландцевъ и сложилъ съ себя предводительствованіе войскомъ. Тогда Кромвель, облеченный главнымъ начальствомъ надъ всею арміею, началъ борьбу и противъ этой страны. Шотландскія силы заняли крѣпкую позицію, куда не могъ проникнуть Кромвель. Вскорѣ голодъ и болѣзни вторглись въ ряды англійской арміи и уменьшили число ея ратниковъ. Кромвель помышлялъ уже объ отступленіи. Тогда находившіеся при шотландскомъ войскѣ члены парламента и проповѣдники, оскорбляясь воинственною самоувѣренностью роялистовъ и веселымъ образомъ жизни короля и его свиты, склонили военачальника къ нападенію. Кромвель увидѣлъ движеніе пресвитеріанскаго войска, и воскликнулъ: «Вотъ, они идутъ съ горъ! самъ Го-

сподь предаетъ ихъ намъ въ руки»; и сраженіе при Дёнбарѣ, (1650) въ день рожденія Кромвеля (3 сентября), кончилось не въ пользу Шотландцевъ. Ихъ проповѣдники приписывали пораженіе гнѣву Божію за грѣхи воиновъ. Пока Карлъ II короновался въ Сконѣ, Кромвель взялъ Эдинбургъ и проникъ въ самое сердце Шотландіи. Господь Силъ, равно призываемый какъ пресвитеріанами, такъ и индепендентами, въ постѣ, молитвѣ и лицемѣрномъ славословіи, былъ на сторонѣ смѣлыхъ и сильныхъ. Карлъ вдругъ отважился на отчаянное предпріятіе. Онъ перешелъ съ войскомъ границу Англіи и призвалъ къ себѣ на помощь приверженцевъ королевской власти; но неожиданность, страхъ и нерѣшительность помѣшали большей части изъ нихъ поставить на карту свою жизнь и достояніе. Вотъ отчего въ день годовщины Дёнбарскаго сраженія войско роялистовъ претерпѣло совершенное пораженіе при Ворсстерѣ (3 сентября 1651). Прекрасные берега Северна обагрились кровью нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ; кто не палъ въ битвѣ, тѣ попались въ плѣнъ. Послѣ этого сраженія Карлъ скитался бездомнымъ бѣглецомъ, и за поимку его парламентъ назначилъ высокую цѣну. Среди множества опасностей, нуждъ и приключеній, успѣлъ отъ переодѣтый спастись во Францію. Теперь и Шотландія должна была преклониться передъ побѣдоноснымъ мечемъ республиканскаго генерала Монка и согласиться на присоединеніе къ англійской республикѣ. Но отобраніе коронныхъ имуществъ и имѣній роялистовъ доказывало, что на Шотландію смотрѣли не болѣе какъ на завоеванную провинцію, подобную Ирландіи.

в) Нидерланды. Правительство Британской республики сначала намѣревалось вступить въ союзъ съ республикою Генеральныхъ Штатовъ; но когда англійскій посланникъ въ Гагѣ былъ убитъ бѣглыми роялистами, преемникъ его жестоко оскорбленъ, и злоумышленники не были открыты, то послѣдовалъ разрывъ между Англіею и Голландіею. Изданный парламентомъ актъ о мореплаваніи (навигаціонный актъ, октябрь 1651), по которому, подъ страхомъ конфискаціи корабля и груза, было запрещено иностранцамъ ввозить на своихъ судахъ въ Англію всякіе другіе товары, кромѣ своеиздѣльныхъ, нанесъ страшный ударъ голландской фрахтовой (перевозной)

торговлѣ. Голландцы требовали отмѣны этого акта; имъ было отказано, и тогда возгорѣлась война, которой столько же желалъ Кромвель, сколько не желали Генеральные Штаты. Вначалѣ Голландцы удерживали за собой свою прежнюю славу на морѣ; они выиграли нѣсколько большихъ сраженій, и ихъ морскіе герои Тромпъ и де-Рейтеръ проникали въ Темзу и опустошали ея берега; вскорѣ, однакожь, морскія силы Англіи, пренебреженныя при Стуартахъ, получили сильное развитіе; дни армады возвратились, и англійскій адмиралъ Блекъ, человѣкъ древне-республиканскаго духа и суровой доблести, въ трехдневномъ морскомъ бою одержалъ побѣду надъ Тромпомъ и Рейтеромъ (февраль 1553). Монкъ, равно опытный и счастливый въ сухопутной какъ и въ морской войнѣ возвеличилъ славу Англіи новою побѣдой (15 апрѣля 1654). Голландія принуждена была заключить невыгодный для себя миръ, удалить изъ своихъ предѣловъ Стуартовъ и устранить отъ статгаудерскаго сана малолѣтняго принца Вильгельма Оранскаго, родственника англійской королевской фамиліи. Навигаціонный актъ остался въ прежней силѣ. Война съ Испаніею тоже приняла счастливый для Англіи исходъ. Портъ Дюнкирхенъ и плодородный островъ Ямайка были присоединены къ внѣшнимъ владѣніямъ республики. Сверхъ того, Кромвель строго наказалъ корсаровъ сѣверной Африки, и внушилъ страхъ и уваженіе къ Англіи на сушѣ и на морѣ.

§ 603. Борьбы за государственное устройство. Эти успѣхи пробудили сознаніе собственнаго достоинства въ парламентѣ; онъ старался увеличить морскую силу на счетъ сухопутнаго войска и помышлялъ объ увеличеніи числа своихъ членовъ, призывомъ изгнанныхъ пресвитеріанъ. Такіе замыслы пробудили въ Кромвелѣ опасеніе за собственную власть; поэтому онъ и рѣшился распустить Долгій Парламентъ. Окруживъ зданіе парламента войсками, онъ вошелъ въ Палату въ своемъ черномъ пуританскомъ одѣяніи, произнесъ рѣчь, исполненную укоризнъ, и за тѣмъ выгналъ присутствовавшихъ членовъ при помощи явившихся солдатъ (19 апрѣля 1653), крича одному: «Ты пьяница!» другому: «Ты нарушитель супружеской вѣрности!» третьему: «Ты любодѣй!» Новый государственный совѣтъ, составленный преимущественно изъ офицеровъ, принялъ на себя, подъ предсѣдатель-

ствомъ Кромвеля, образованіе новаго парламента. Для этого велѣно было изготовить во всѣхъ округахъ списки набожныхъ, богобоязливыхъ людей и затѣмъ изъ числа этихъ «святыхъ» въ представители трехъ королевствъ избраны достойнѣйшіе. Это собраніе, въ насмѣшку названное, по имени кожевеннаго торговца «Хвали-Бога Бербона»[1] — «Бербонскимъ парламентомъ» (ободранымъ, испитымъ), уже обнаруживало свое направленіе и свой религіозный образъ мыслей библейскими именами большей части членовъ (Аввакумъ, Іезекіиль, Грѣхобой, Твердовѣръ). Тѣмъ не менѣе въ средѣ его были люди глубокаго ума и сильныхъ политическихъ стремленій; они намѣревались дать странѣ упрощенный сводъ законовъ, хотѣли отмѣнить право церковнаго патроната и десятину и предоставить общинамъ свободный выборъ своихъ духовныхъ лицъ. И когда всѣ тѣ, кому угрожали эти перемѣны, подняли сильную бурю противъ парламента, тогда Кромвель, которому не такъ легко было совладать съ этимъ странымъ народомъ, какъ онъ надѣялся, рѣшился еще разъ очистить Палату Общинъ при помощи солдатъ (12-го декабря 1653), послѣ чего большинство членовъ добровольно сложили съ себя званіе. Введено было новое государственное уложеніе, составленное генераломъ Ламбертомъ. По этому уложенію, парламенту изъ 400 депутатовъ отъ трехъ королевствъ, созываемому каждые три года, предоставлялась законодательная власть и право голоса при замѣщеніи высшихъ должностей въ государствѣ, а Кромвель, въ качествѣ пожизненнаго лорда протектора, получилъ вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтомъ власть исполнительную, распоряженіе сухопутною и морскою силой и право избрать себѣ преемника.

Въ качествѣ протектора Кромвель велъ внѣшнія дѣла съ блескомъ и энергіею. Франція заключила съ нимъ союзъ, изгнала отъ себя Стуартовъ и оставила за Англіею приморскій городъ Дюнкирхенъ, завоеванный совокупными силами у Испаніи; Савоія нашлась вынужденною прекратить гоненіе на вальденцевъ, по рѣшительному заступничеству за нихъ Кромвеля, считавшагося главою и покровителемъ протестантской Европы; Голландія смирилась; англійскій флотъ господствовалъ на Атлантическомъ океанѣ и сокрушилъ преобладаніе стариннаго врага своего, Испаніи; англійскіе корабли подрывали Ганзу въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ морѣ. Напротивъ, по

[1] Бербонъ (Barebone) значитъ по-англійски кости да кожа, одеръ, скелетъ.

внутреннимъ дѣламъ Кромвель имѣлъ много противниковъ въ лицѣ смѣлыхъ республиканцевъ, противъ которыхъ онъ безпрерывно долженъ былъ прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ: исключенію отдѣльныхъ членовъ парламента, или распущенію его совсѣмъ. Какъ ни высоко цѣнили его отличныя государственныя способности, какъ ни уважали его бережливый, простой образъ жизни и достопочтенный семейный бытъ, представлявшій такую выгодную для него противоположность съ легкомысленнымъ дворомъ Карла II въ Кёльнѣ, однако же власть въ рукахъ одного лица, которое не было законнымъ наслѣдникомъ престола, все-таки возбуждала зависть и сопротивленіе. Поэтому Кромвель сталъ домогаться королевскаго сана (1657). Парламентъ уже былъ на его сторонѣ; но упорное сопротивленіе офицеровъ и войска принудило его отказаться отъ этой мысли. За то, онъ старался приблизиться къ прежнему образу правленія учрежденіемъ Верхней Палаты (1658). Такъ какъ гордое дворянство отказалось вступать въ эту «вторую Палату», то новыми потомственными перами были назначены сыновья и родственники протектора, юристы и военныя лица, а вся власть попрежнему оставалась за Нижнею Палатою. Измученный подозрительностью, опечаленный болѣзнью и преждевременной смертью своей любимой, наклонной къ роялизму дочери, и безпрестанно опасаясь заговоровъ, Кромвель умеръ въ день своего рожденія (3 сент. 1658), который постоянно былъ для него счастливымъ.

§ 604. Анархія и реставрація (возстановленіе Стуартовъ). Сынъ Оливера Ричардъ Кромвель, человѣкъ слабый, миролюбивый, преданный удовольствіямъ, наслѣдовалъ отъ отца званіе лорда протектора. Но новый властитель, выросшій въ пріятномъ спокойствіи частной жизни, не бывшій ни воиномъ, ни богомольцемъ, не могъ долго удержаться на этомъ высокомъ посту. Вскорѣ противустали другъ другу три враждебныя силы: протекторъ, парламентъ и армія, предводимая предпріимчивыми вождями, Монкомъ и Ламбертомъ. Военная сила превозмогла; парламентъ былъ распущенъ (апрѣль 1659) и снова созванъ старый «охвостный» парламентъ (rump-parliament); Ричардъ Кромвель вынужденъ былъ отречься (25-го мая 1659), и какъ онъ, съ своимъ младшимъ братомъ Ген-

рихомъ, уже вступилъ въ сношенія съ Стуартами, то и лишился своего обезпеченнаго содержанія и долженъ былъ бѣжать за границу отъ заимодавцевъ. Вскорѣ военная власть поссорилась съ парламентомъ, гдѣ энергическій Гаслеригъ опять поднялъ свой вольный голосъ. Попытка его арестовать Ламберта и другихъ военачальниковъ при помощи гражданской стражи, была неудачна и повела къ новому насильственному распущенію парламента рукою арміи. Главное управленіе дѣлами перешло теперь къ коммиссіи безопасности, въ которой предсѣдательствовали слабый Флитвудъ (зять Кромвеля) и смѣлый Ламбертъ; однако народъ былъ противъ такого учрежденія; неудовольствіе господствовало повсюду и предстояла новая междоусобная война. Мало-по-малу стало укореняться мнѣніе о необходимости возстановленія изгнанной королевской фамиліи. Монкъ, командовавшій войскомъ въ Шотландіи, человѣкъ умный, возросшій въ лагерѣ, чуждый религіознаго одушевленія и политическихъ идеаловъ, вступилъ въ тайные переговоры съ Карломъ, который жилъ тогда въ испанскихъ Нидерландахъ; но онъ тщательно скрывалъ свои намѣренія, опасаясь республиканскаго духа войскъ. Подъ его вліяніемъ опять былъ созванъ прежній республиканскій парламентъ (rumpparliament), который заключилъ Ламберта въ тюрьму и распустилъ коммиссію безопасности. И когда расположенное къ возстановленію королевской власти лондонское гражданство произвело мятежъ (февраль 1660), Монкъ поставилъ парламентъ въ необходимость прибѣгнуть къ нему же для усмиренія бунта. А на другой день онъ былъ на сторонѣ гражданъ Лондона и добился призванія членовъ Нижней Палаты, выбывшихъ съ 1648 года. Уже и они обнаружили стремленіе къ возстановленію стараго порядка, такъ что республиканецъ Гаслеригъ вышелъ изъ парламента съ своими ближайшими приверженцами; а когда наконецъ долгій парламентъ замѣненъ былъ вновь избраннымъ, состоявшимъ большею частію изъ роялистовъ, тогда возстановленіе Стуартовъ повели со всевозможною поспѣшностью. Тщетно благомыслящіе друзья свободы совѣтовали не ставить безразсудно на карту всѣхъ пріобрѣтенныхъ вольностей, и слѣпой поэтъ Мильтонъ, какъ «про-

повѣдникъ въ пустынѣ», въ послѣдній разъ поднялъ свой сильный голосъ въ пользу республиканскаго союзнаго устройства; прозаическій лицемѣръ Монкъ, поддерживаемый народомъ, жаждавшимъ спокойствія и законнаго порядка и привыкшимъ къ монархическимъ учрежденіямъ, предложилъ корону безъ всякаго новаго ограниченія власти. Прощеніе и свобода совѣсти были единственными, безусловными обѣщаніями, которыя Карлъ долженъ былъ дать передъ своимъ торжественнымъ въѣздомъ въ Лондонъ (29-мая 1660), гдѣ народъ принялъ его съ ликованіемъ. Всѣ тѣ, кто засѣдалъ въ судѣ при процессѣ Карла I, были приговорены къ смертной казни какъ цареубійцы, и десятеро изъ нихъ, въ томъ числѣ энергическій другъ Кромвеля Гаррисонъ, дѣйствительно казнены; но торжество кавалеровъ по поводу гибели враговъ ихъ весьма умалила та твердость, съ какою умирали пуритане. Изъ остальныхъ многіе бѣжали на материкъ; другіе признали новаго властителя. Трупы Кромвеля, Айертона и Брадшо были вырыты и вздернуты на висѣлицу, къ великому удовольствію роялистовъ. Ламбертъ смирился и отдѣлался однимъ только изгнаніемъ; напротивъ, благородный Генрихъ Венъ погибъ на эшафотѣ послѣ смѣлой защиты своего дѣла. Такъ же мало соблюдалась и свобода вѣроисповѣданія; англійская церковь опять получила всѣ свои прежнія права и доходы, епископы снова вошли въ силу въ Англіи и Шотландіи, и возстановленіе акта о единовѣріи наложило на всѣхъ служителей государства и церкви обязанность причащаться по англійскому обряду и присягать въ исполненіи 39 Статей. Черезъ это около 2,000 членовъ пресвитеріанскаго духовенства лишились своихъ приходовъ. Покупщики отобранныхъ имѣній были изгнаны изъ пріобрѣтенной ими недвижимости безъ всякаго вознагражденія. Такая система возмездія снова раскрыла цѣлую пропасть между престоломъ и народомъ, и положила основаніе новому перевороту.

4. Западная Европа.

1. ИСПАНІЯ И ПОРТУГАЛІЯ.

§ 605. При Филиппѣ III (1598 — 1621) Испанія являла самую печальную картину глубочайшаго упадка. Монархъ безъ энергіи и дѣятельности предоставляетъ управленіе другимъ; всемогущій любимецъ, герцогъ де Лерма, который, имѣя въ рукахъ всѣ государственныя дѣла, ищетъ только удовлетворенія своей корысти и тщеславія и старается о возвышеніи своего семейства и своихъ друзей и, заодно съ своимъ бывшимъ слугою Кальдероною, пожалованнымъ въ графы (де Олива) и маркизы, расточаетъ государственный доходъ, тогда какъ всѣ кассы королевства терпятъ крайнее оскудѣніе; народъ, погруженный въ бѣдность, грязь и лѣнь, предоставляющій торговлю и промышленность чужеземцамъ, а умственное образованіе постоянно усиливающемуся сословію монаховъ и поповъ; изувѣрное духовенство, употребляющее свою власть только для неуклоннаго исполненія религіозныхъ законовъ и постановленій противъ еретиковъ и для жестокаго гоненія Мавровъ (§ 395), въ пагубный ущербъ населенію и воздѣлкѣ края, наконецъ — страшный гнетъ податей, — вотъ что видимъ мы въ государствѣ, которому отъ прежняго его величія не осталось ничего, кромѣ высокомѣрія знати и пустаго, основаннаго на строгой обрядности (этикетѣ), придворнаго блеска. Еще печальнѣе стало положеніе Испаніи при Филиппѣ IV (1621—65), который довелъ этотъ дворскій церемоніалъ до крайности. Хотя всемогущій министръ и фаворитъ его, герцогъ де Оливаресъ, былъ очень безкорыстный человѣкъ, который вскорѣ сократилъ и число и жалованье служащихъ, однакожь у него недоставало ни таланта, ни энергіи для исцѣленія закоренѣлаго зла. Для покрытія издержекъ по участію въ тридцатилѣтней войнѣ въ Германіи и на походы въ Италіи и Нидерландахъ, были введены новые сборы и подати, еще болѣе тяготившіе промышленность и торговлю, сдѣланы займы по высокимъ процентамъ, продавались должностныя мѣста и коронныя имущества,

изъ колоній выжимался послѣдній сокъ, и право раздачи доходныхъ церковныхъ должностей, вопреки возраженіямъ папы, было присвоено испанскимъ правительствомъ. Когда, въ довершеніе всего, загорѣлась разорительная война съ Франціей, Оливаресъ рѣшился взяться за Каталонію и Арагонію, которыя, въ силу своихъ первобытныхъ правъ, пользовались дотолѣ нѣкоторыми льготами, поставить ихъ въ административномъ отношеніи на одну ногу съ Кастиліей и по уничтоженіи всѣхъ особыхъ провинціальныхъ учрежденій ввести повсемѣстно одинаковый образъ правленія. Для этого, не спрашиваясь у чиновъ, наложили новую подать и велѣли собрать молодыхъ рекрутъ для пополненія убылыхъ войскъ. Каталонцы протестовали противъ такихъ распоряженій; депутаты ихъ были арестованы. Тогда въ Барселонѣ и ея окрестностяхъ поднялся мятежъ; французское правительство помогало возставшимъ, и изъ этого вышла десятилѣтняя, упорная междоусобная война. Франція чуть не раздвинула своихъ границъ до Эбро, потому что въ то же самое время испанскія силы были отвлечены въ разныя стороны возстаніемъ Португаліи, Андалузіи и Неаполя; но внутреннія смуты Франціи въ министерство Мазарина избавили Испанію отъ грозившей бѣды. Только Португалія успѣла свергнуть тяжкое иго испанской деспотіи.

§ 606. Отторженіе Португаліи отъ Испаніи. 1640. Своевольство испанскихъ губернаторовъ и чиновниковъ, наложеніе податей и пошлинъ безъ спроса земскихъ чиновъ, продажа коронныхъ имуществъ и многоразличныя мѣры въ ущербъ торговлѣ и колоніямъ, уже давно породили здѣсь чувство недовольства и общее броженіе. Слишкомъ поспѣшная попытка Оливареса захватить въ свои руки богатаго герцога Браганцу, которому приписывалъ онъ вину народнаго раздраженія, привела къ открытому мятежу. Примѣру Лиссабона, гдѣ возстаніе совершилось въ одинъ день (1 дек. 1640), послѣдовало вскорѣ съ общимъ единодушіемъ цѣлое королевство. Отрасль древняго королевскаго дома, герцогъ Браганца, вступилъ на португальскій престолъ подъ именемъ Іоанна IV. Европейскія державы признали этотъ переворотъ; только папа медлилъ еще 28 лѣтъ, изъ уваженія къ Испаніи. Созванные, послѣ долгаго перерыва, пор-

тугальскіе чины подтвердили совершившееся событіе и приняли нѣсколько очень хорошихъ мѣръ относительно взиманія податей и военнаго устройства. Іоаннъ IV (1640—56) удержался безъ большихъ усилій противъ немощныхъ нападеній Испаніи. Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его, еще несовершеннолѣтній Альфонсъ VI (1656—67). Но слабость, доходившая до идіотизма, дѣлала его неспособнымъ къ управленію, а безнравственная жизнь навлекла ему презрѣніе подданныхъ. Благодаря этому, его женѣ, урожденной принцессѣ французской [1], удалось съ помощію возстанія, предводимаго меньшимъ братомъ короля, Дономъ Педро, принудить Альфонса къ отреченію отъ престола (1667). Донъ Педро женился на разведенной королевѣ и, съ согласія чиновъ, управлялъ сначала въ званіи регента, а потомъ, когда умеръ тупоумный братъ его (1683), жившій все это время бездѣйственно въ Синтрѣ, онъ принялъ титулъ короля и имя Педро II (1683—1705). Въ царствованіе Альфонса VI, возмущаемое интригами іезуитовъ и его матери, королевы Элеоноры, искавшей захватить престолъ, Испанія возобновила свои усилія для обратнаго завоеванія Португаліи; но Франція и Англія втайнѣ помогали Португальцамъ, и французскій маршалъ Шомбергъ нанесъ испанскимъ войскамъ два страшныя пораженія (подъ Альмесіалемъ 1663 и Виллой Висозой 1665); тогда Мадридскій дворъ рѣшился покориться необходимости и мирнымъ договоромъ въ Лиссабонѣ (1668) призналъ независимость Португаліи. Въ слѣдующемъ же году мирный трактатъ въ Гагѣ положилъ конецъ давнимъ спорамъ Португаліи съ Голландіей относительно колоніальныхъ владѣній; первая обезпечила себѣ обладаніе Бразиліей и слабымъ остаткомъ своихъ нѣкогда обширныхъ остъ-индскихъ владѣній [2]. — Утвержденіе португальскаго престола

---

[1] Елисавета Немурская, изъ Савойскаго дома.

[2] Авторъ не упоминаетъ еще о заключенномъ при Педро II (1703) торговомъ трактатѣ съ Англіей (прозванномъ по имени уладившаго это дѣло англійскаго дипломата Мѐтьюна, Methuen), который отвлекъ Португалію отъ французскаго союза и, не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи, поставилъ ее въ полную зависимость отъ Англіи. Для достиженія этой цѣли Англіи достаточно было настоять на пониженіи пошлинъ съ своихъ шерстяныхъ издѣлій и съ вывозимыхъ ею португальскихъ винъ; ограничивъ свое промышленное развитіе однимъ винодѣ-

обратилось однакоже въ ущербъ свободѣ націи. Кортесы, пріобрѣтшіе большую власть во время переворота и въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ войнъ и тревогъ, вскорѣ стали въ тягость воцарившейся Браганцской династіи. Созывъ ихъ прекратился мало-по-малу совершенно, и сынъ Педро II, король Іоаннъ V (1706—50), царствовалъ уже какъ неограниченный и полновластный государь.

§ 607. Возстаніе Каталоніи и Португаліи привело къ низверженію Оливареса, и возвышенію дона Луиса де Гаро въ первые министры Испаніи (1643). Но тягость податей и рекрутскихъ наборовъ вскорѣ вызвала грозныя движенія также въ Неаполѣ и Сициліи. Здѣсь толпы народа, возмущенныя жестокосердіемъ и алчностью сборщиковъ податей (испанскихъ баскаковъ), собрались около одного рыбака изъ Атрани (близь Амальфи), именемъ Мазаніэлло (Томасъ Аніэлло), овладѣли столицею (1647) и принудили вице-короля искать убѣжища въ укрѣпленномъ замкѣ. Мазаніэлло, въ качествѣ главы возстанія, нѣсколько дней пользовался въ Неаполѣ величайшимъ почетомъ, но затѣмъ впалъ въ помѣшательство и былъ убитъ по злоумышленію враговъ; однакоже мятежъ этимъ не былъ подавленъ. Кровь всѣхъ Испанцевъ, попадавшихся въ руки бунтовщикамъ, лилась безпощадно въ память Мазаніэлло, и Неаполь управлялся на республиканскій ладъ. Спокойствіе постепенно возвратилось только тогда, когда испанское правительство отозвало ненавистнаго народу намѣстника и нѣсколько облегчило гнетъ налоговъ. Филиппу IV наслѣдовалъ его несовершеннолѣтній сынъ Карлъ II (1665—1700), слабый тѣломъ и духомъ, за котораго управляла его мать, принцесса австрійская. Когда она отдала все свое довѣріе нѣмецкому іезуиту Нейдгарду, это сильно расшевелило національную гордость Испанцевъ. Нейдгардъ долженъ былъ уда-

---

ліемъ, Португалія надолго осталась рабою англійской фабрикаціи; вся торговля, всѣ капиталы находились въ рукахъ Англичанъ; морскія силы дошли до совершеннаго ничтожества и самое существованіе Португаліи стало зависѣть отъ одной англійской поддержки. — Въ 1698 г. открыты обильные золотые рудники въ Бразиліи, но они не обогатили Португальцевъ, потому что для удержанія золота въ какой бы то ни было странѣ необходимо многостороннее развитіе ея собственной туземной производительности.

литься въ Римъ, но только для того, чтобъ уступить свое мѣсто недостойному и неспособному любовнику королевы-матери. Когда бразды правленія принялъ наконецъ самъ король, испанскому народу не стало оттого ни сколько легче. Государственный организмъ страдалъ множествомъ застарѣлыхъ, неискоренимыхъ золъ. Недостатокъ въ деньгахъ доходилъ до крайности[1]; правительство въ колоніяхъ, какъ и внутри, не имѣло ни силы, ни вѣса, а между тѣмъ на престолѣ Франціи сидѣлъ завоевательный монархъ, отторгавшій отъ испанскаго королевства одну частицу за другою, и наконецъ простершій руку на всю Испанію. Когда Карлъ II умеръ бездѣтнымъ (1700), въ Испаніи пресѣклось мужское колѣно Габсбурговъ, и это повело къ роковой войнѣ за испанское наслѣдство.

2. ФРАНЦІЯ ПРИ РИШЛЬЁ И МАЗАРИНѢ.

§ 608. Марія Медичи и Людовикъ XIII (1610—43). Постановленіемъ Парижскаго парламента Марія Медичи назначена была правительницей въ малолѣтство сына ея, Людовика XIII. Принцъ Кондѐ и высшее дворянство были очень не довольны этимъ, особенно когда увидѣли, что все вліяніе перешло къ придворной дамѣ и давнишней подругѣ Маріи, Леонорѣ Галигаи, и къ ея мужу, Кончини, возведенному въ маркизы д'Анкръ и въ маршалы Франціи. Поэтому они старались произвесть перемѣну въ управленіи, что̀ вызвало за собой разныя борьбы и безпокойства. Но стремленія ихъ не имѣли высшей патріотической цѣли; въ виду у нихъ было только удовлетвореніе своего эгоизма и своихъ страстей и усиленіе своего могущества на счетъ королевской власти. Они обнаруживали такъ же мало сочувствія къ благу и бѣдствію страны,

[1] По той же самой причинѣ, что и въ Португаліи, то-есть по совершенному упадку разнообразной туземной производительности, которая непрерывнымъ размноженіемъ и учащеніемъ повседневныхъ торговыхъ сдѣлокъ одна способна притягивать и удерживать драгоцѣнные металлы въ любой данной странѣ. Эта истина подтверждается исторіею всѣхъ временъ, точно такъ же, какъ и первостепенная важность достаточнаго запаса звонкой монеты, хотя въ послѣднемъ сомнѣвались даже нѣкоторые знаменитые экономисты по очевидному недоразумѣнію, въ какое они были вовлечены, стараясь искоренить невѣрныя и преувеличенныя понятія о торговомъ балансѣ.

какъ и любимцы двора, противъ которыхъ они боролись. Подарками и пенсіями изъ государственной казны покупала себѣ вначалѣ спокойствіе и миръ слабая правительница, что̀ побудило герцога де Сюлли испросить себѣ горделивымъ письмомъ увольненіе отъ службы при «храмѣ богини Монеты» и удалиться въ свое намѣстничество—Пуату; когда же истощилась казна, наполненная его благоразумною экономіей, и буря разразилась вновь, тогда Марія взятіемъ подъ стражу Кондѐ старалась застращать и удержать въ повиновеніи всѣхъ другихъ вельможъ и подкрѣпить себя тѣснымъ союзомъ съ Испаніею и съ папой. Напрасно, вслѣдъ за достиженіемъ своего совершеннолѣтія, Людовикъ XIII созвалъ въ послѣдній разъ государственные чины (1614): несогласіе и преобладающее своекорыстіе помѣшали имъ дойдти до какого-нибудь результата; дворянство и духовенство одержали верхъ, и такъ какъ слабый, бездарный король мало заботился о дѣлахъ правленія, то произвольное господство Маріи и ея любимцевъ продолжалось по прежнему, такъ же какъ съ другой стороны дикая необузданность дворянъ и угнетеніе низшихъ классовъ податями. Наконецъ сверстнику и товарищу Людовика XIII по охотѣ и ловлѣ птицъ, де Люину, удалось возстановить его противъ управленія чужеземцевъ и, изображеніемъ опасностей, грозившихъ какъ ему, такъ и Франціи, довести короля до того, что онъ далъ свое согласіе на убійство маршала д'Анкра (1617). Пронзенный тремя пулями вдругъ, палъ въ сѣняхъ Лувра этотъ гордый проходимецъ, возбуждавшій зависть французскихъ дворянъ своими богатствами и великолѣпіемъ, которыя онъ суетно выставлялъ напоказъ. Народъ таскалъ его трупъ по улицамъ, съ злобною потѣхой, потомъ повѣсилъ его на висѣлицѣ, и глумился надъ его прахомъ. Жена его, не смотря на то, что держала себя и защищалась съ большимъ достоинствомъ, была приговорена къ смерти какъ вѣдьма. Ея единственнымъ зельемъ, какъ она сама показала передъ судьями, было неодолимое могущество сильной души надъ слабой,—и больше ничего. Королева-мать была сослана въ Блуа́, а Арманъ Ришльё, епископъ люсонскій, долженъ былъ оставить государственную службу и въ теченіе своего невольнаго досуга занимался сочиненіемъ «На-

ставленія христіанамъ». Но Людовикъ XIII, при своей несамостоятельности, не могъ обойдтись безъ руководства со стороны. По этому мѣсто д'Анкра занялъ при немъ Люинъ; онъ достигъ званій герцога и коннетабля и распоряжался по своему произволенію сокровищами, титулами и должностями государства. Народъ отъ этой перемѣны ничего не выигралъ. Люинъ былъ такъ же алченъ и неспособенъ, какъ и Итальянецъ Кончини, и вельможи, искавшіе присвоить себѣ независимое положеніе подобно нѣмецкимъ владѣтельнымъ князьямъ, столь же сильно возставали противъ новаго любимца, его братьевъ и товарищей, какъ и противъ прежнихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно богатый, предпріимчивый герцогъ д'Эпернонъ, примкнули къ королевѣ-матери, помогли ей убѣжать и намѣревались привести ее въ Парижъ вооруженною рукою. Два двора и двѣ враждебныя партіи стали теперь другъ противъ друга. Хотя Ришльё, у котораго роялистскій образъ мыслей былъ семейнымъ наслѣдіемъ, устроилъ примиреніе между матерью и сыномъ (1620) и пріобрѣлъ себѣ этимъ кардинальскую шляпу и возвратъ на поприще государственной службы, однакожь недовѣріе и ненависть остались прежнія и крамолы вельможъ приняли вскорѣ болѣе серьёзный и опасный характеръ, особенно когда гюгеноты, раздраженные частыми нарушеніями Нантскаго эдикта и возвращеніемъ католическому духовенству церковныхъ имуществъ въ Беарнѣ, взялись за оружіе, а многіе дворяне, въ томъ числѣ Роанъ (Rohan) и Субизъ, стали во главѣ ихъ (1621), чтобы найдти въ нихъ опору для интересовъ аристократической партіи. Во время этой войны, которая, благодаря внутреннему разладу и недостаточнымъ вооруженіямъ и заготовкамъ, кончилась не въ пользу гюгенотовъ, умеръ де-Люинъ къ радости не только народа, но и самого короля, которому онъ уже сильно прискучилъ. Внезапно возникла его власть, мгновенно же она и исчезла. Составныя части ея разошлись по разнымъ рукамъ. Объ немъ лично никто болѣе и не думалъ; люди, везшіе его трупъ, играли въ кости у него на гробѣ. — Вскорѣ потомъ Ришльё вступилъ въ государственный совѣтъ (1624) и, ставъ на мѣсто Ла Вьёвиля въ челѣ государственнаго управленія, придалъ ему необыкновенную силу.

«Въ Людовикѣ XIII не было и слѣда той гордой, рѣшительной личности, какую чаешь встрѣтить на престолѣ. Къ нему не перешло ни мало той вкрадчивости и увлекательности, какою отличался его отецъ (Генрихъ IV), ни страсти къ великолѣпію, свойственной его матери. Ни блескъ, ни удобства не окружали его; въ переднихъ его залахъ не было придворныхъ господъ, которые тѣснились прежде вокругъ государей; столъ его не отличался ни чѣмъ особеннымъ; на приглашенія его не льстился ни кто; въ его конюшняхъ трудно было составить хорошую запряжку. Самъ онъ производилъ впечатлѣніе болѣзненности и слабости, и нерѣдко недуги его обнаруживались именно тогда, когда ему всего нужнѣе было здоровье. Когда однажды въ парламентѣ пришлось ему объявить эдиктъ, который изъ всѣхъ обнародованныхъ имъ указовъ встрѣтилъ наиболѣе прекословія, его среди засѣданія бросило въ лихорадку. Почти насмѣшкою звучала лесть, какую сказалъ ему по этому случаю одинъ изъ сопровождавшихъ его придворныхъ: что онъ самъ трепещетъ, заставляя трепетать другихъ. Онъ заикался, начиная говорить. Онъ однакожь обладалъ, если можно такъ выразиться, нѣкоторыми отрицательными добродѣтелями. Чуждый всякой необдуманной щедрости, онъ и на самого себя не любилъ тратъ, переходившихъ за предѣлы необходимаго. Какъ ничтоженъ и бѣденъ былъ охотничій за̀мокъ, который онъ построилъ для себя въ Версали, въ сравненіи съ Люксамбуромъ (дворцомъ его матери)! онъ не хотѣлъ позволить себѣ ничего болѣе. Среди многоразличнѣйшихъ соблазновъ, и наперекоръ распущенной морали, господствовавшей при дворѣ, онъ лично хранилъ всегда чистѣйшую нравственность: если онъ когда и оказывалъ предпочтеніе какой-нибудь дамѣ, то отношенія его къ ней всегда оставались невинными. Единственное удовольствіе, которому онъ предавался отъ души, была охота, но и она никогда не мѣшала ему бывать у обѣдни или присутствовать въ совѣтѣ министровъ; онъ былъ свободенъ отъ страстей. Только къ военному дѣлу чувствовалъ онъ пристрастіе съ самой юности.» (Ранке).

§ 609. Ришльё. Этотъ великій государственный человѣкъ пользовался 18 лѣтъ сряду почти диктаторскою властью и въ цѣломъ краѣ и при дворѣ, хотя король никогда не любилъ его, а королева и дворянство постоянно искали его низвергнуть, хотя противъ него затѣвался безконечный рядъ заговоровъ и интригъ. Ришльё стремился расширить и округлить Францію во внѣ, а внутри поднять и усилить значеніе

королевской власти. Для достиженія перваго онъ воротился къ старой политикѣ Французскихъ королей, направленной къ ослабленію Габсбурговъ, обезпечилъ войной за мантуанское наслѣдство (§ 572) вліяніе Французовъ въ Италіи, вступилъ въ союзъ съ врагами императора въ Германіи, помогалъ Голландцамъ и воевалъ съ Испаніей на сѣверной и на южной границѣ. Этимъ положилъ онъ основаніе перевѣсу Франціи надъ всѣми европейскими державами. Еще обильнѣе плодами была его внутренняя политика, направленная къ освобожденію королевской власти отъ всѣхъ стѣсненій и преградъ. Для этого онъ ратовалъ во-первыхъ противъ гюгенотовъ, образовавшихъ въ южной Франціи почти независимое федеративное государство, съ своими собственными крѣпостями, съ готовою къ бою военной силою и весьма важными привилегіями; сломилъ потомъ могущество дворянъ и независимаго должностнаго сословія и окончательно пересталъ созывать земскія думы (общія собранія государственныхъ чиновъ). Съ изумительнымъ счастіемъ выполнялъ онъ всѣ свои планы и одолѣвалъ всѣхъ многочисленныхъ противниковъ своихъ и враговъ.

Въ теченіе двухъ войнъ отняты были у гюгенотовъ важнѣйшіе ихъ города (Нимъ, Монтобанъ, Монпелье, Узѣсъ, Usez, Кастръ и друг.) и лишены своихъ укрѣпленій, и наконецъ, не смотря на помощь, оказанную врагамъ Англіей (§ 592), кардиналу удалось взять и твердыню кальвинистовъ — Ла Рошель (съ сент. 1627 по ноябрь 1628). Четырнадцать мѣсяцевъ геройски сопротивлялись гюгеноты въ этомъ городѣ королевскимъ силамъ, много превосходившимъ ихъ и на сушѣ и на морѣ, и сдались только тогда, когда голодъ и болѣзнь страшно очистили ряды ихъ. «Я принимаю главное начальство только съ тѣмъ условіемъ, объявилъ заранѣе рѣшительный, доблестный Гитонъ, чтобъ вонзить кинжалъ въ сердце первому, кто заговоритъ мнѣ о сдачѣ; если же я самъ когда-нибудь подумаю о капитуляціи, то пусть этотъ кинжалъ обратятъ на меня». Когда крѣпость была сдана, по улицамъ бродили только 154 человѣка оголодалыхъ и израненныхъ воиновъ. Послѣ побѣды, Ришльё явился истинно-великимъ государственнымъ мужемъ. Онъ отнялъ у гюгенотовъ политическую власть, отобралъ крѣпости, лишилъ ихъ независимо-республиканскаго положенія среди монархической державы, но милостивымъ Нимскимъ эдиктомъ (1629) даровалъ имъ

свободу вѣроисповѣданія и полную равноправность съ католическими подданными. Обезоруженіе гюгенотовъ отняло у безпокойныхъ вельможъ сильнѣйшую ихъ опору, а потому и борьба противъ дворянъ пошла теперь несравненно успѣшнѣе. Самые отважные или неосторожные изъ нихъ сбыты съ рукъ казнями, взятіемъ подъ стражу и изгнаньемъ, и когда королева-мать Марія Медичи (заявившая свой художественный вкусъ постройкою Люксамбура) и второй сынъ ея, герцогъ Гастонъ Орлеанскій (долго считавшійся наслѣдникомъ, потому что дофинъ родился лишь за нѣсколько лѣтъ до смерти короля), затѣяли низвергнуть ненавистнаго кардинала посредствомъ заговоровъ и мятежей, чтобы поставить во главѣ правительства своихъ клевретовъ и любимцевъ, то первая должна была покинуть Францію (1631) и, нуждаясь, провести остатокъ дней своихъ въ Кёльнѣ, а послѣдній былъ побѣжденъ съ оружіемъ въ рукахъ, и когда вслѣдъ затѣмъ вѣрнѣйшій его приверженецъ, храбрый герцогъ Монморанси, поднялъ знамя бунта въ Лангедокѣ, Гастонъ долженъ былъ пережить казнь этого потомка одной изъ славнѣйшихъ фамилій Франціи, свершенную въ Тулузѣ рукою палача. Той же участи подвергся и могущественный маршалъ Марильякъ, котораго королева Марія избрала кардиналу Ришльё въ преемники. Самъ Орлеанъ бѣжалъ въ Брюссель, но Ришльё воспользовался этимъ случаемъ (1632), чтобы поставить французскій гарнизонъ въ важнѣйшіе города герцога Лотарингскаго, на сестрѣ котораго былъ женатъ Гастонъ. Одинъ изъ опаснѣйшихъ замысловъ угрожалъ кардиналу еще незадолго до его смерти. Молодой дворянинъ королевской свиты, Сенъ-Марсъ (Cinq-Mars), оскорбившись тѣмъ, что всемогущій министръ не благопріятствуетъ его честолюбивымъ стремленіямъ, составилъ противъ него обширный заговоръ, въ которомъ не только участвовала королева Анна, предназначаемая заговорщиками въ правительницы на случай ожидаемой вскорѣ смерти короля, а также герцоги Орлеанскій и Буйльонскій, но о которомъ зналъ и самъ Людовикъ XIII. Обезпечивъ себѣ помощь Испаніи, заговорщики думали навѣрно достигнуть своей цѣли. Но умъ Ришльё имѣлъ надъ королемъ такую силу, что довольно было одного разговора между ними для уничтоженія всего замысла. Сенъ-Марсъ и повѣренный его де-Ту, сынъ историка (§ 551), были обезглавлены въ Ліонѣ (1642); Буйльіонъ потерялъ свой главный городъ Седанъ; герцогъ Орлеанскій бѣжалъ въ Савоію и получилъ прощеніе только отказавшись отъ всѣхъ должностей и званій. И это происходило въ то самое время, когда

Ришльё, недвижимый всѣми членами, приказывалъ переносить себя съ мѣста на мѣсто въ портшезѣ. — Нападенія свои простиралъ онъ также на парламентскую и должностную аристократію. Съ тѣхъ поръ какъ правительство перестало созывать земскую думу, Парижскій парламентъ, который стоялъ во главѣ могущественной бюрократіи и которому въ силу древняго обычая должно было предлагать на просмотръ всѣ законы и распоряженія, началъ считать себя представителемъ народа и отказывалъ заносить въ протоколъ дѣйствующихъ постановленій тѣ распоряженія, которыя почиталъ вредными или которыя слишкомъ нарушали существующія права, вслѣдствіе чего они и не принимались къ исполненію второстепенными чиновниками въ провинціяхъ. Всякое прекословіе умолкало лишь тогда, когда самъ король присутствовалъ въ засѣданіи парламента, что называлось lit de justice. Такъ какъ служебныя должности покупались дорогой цѣною и оставались наслѣдственными въ извѣстныхъ семействахъ за взносъ ежегодной подати, называемой полéтта [1] (paulette), то всѣ были равно заинтересованы тѣмъ, чтобы права каждаго отдѣльнаго лица тщательно соблюдались. Знатнѣйшія фамиліи высшихъ слоевъ средняго класса, занимавшія эти мѣста, и тысячи другихъ, которыя находились съ ними въ какихъ-нибудь связяхъ, возставали заодно противъ всякой опасности, угрожавшей ихъ общественному положенію. Парламенты раздѣляли съ королемъ преимущества верховной власти и присвоивали себѣ права государственныхъ чиновъ: «необходимо, говорили они, чтобы воля короля признана была справедливою тѣми, кто завѣдываетъ правосудіемъ, — тогда пусть исполняетъ ее и народъ!» — Этому могуществу чиновнаго сословія энергически противусталъ Ришльё. Парламенты должны были виниться передъ королемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возраженія ихъ онъ находилъ несообразными или дерзкими; назначеніемъ интендантовъ, зависѣвшихъ только отъ министра, онъ ослабилъ власть провинціальныхъ чиновниковъ, а учрежденіемъ чрезвычайныхъ судовъ надъ политическими преступленіями ограничилъ кругъ судебной дѣятельности парламентовъ. Такъ же рѣшительно противусталъ

---

[1] По имени откупщика казенныхъ податей Шарля Полѐ (Paulet), который предложилъ эту мѣру Генриху IV въ 1604 г., когда королю случилась нужда въ деньгахъ. «Полетта» составляла 60-ю часть оцѣночной или признанной стоимости должностей по вѣдомству юстиціи и финансовъ. Это нововведеніе чрезвычайно возвысило продажную цѣну должностныхъ мѣстъ и придало гражданскимъ чиновникамъ то значеніе, которое неразлучно съ наслѣдственными правами.

онъ чрезмѣрнымъ притязаніямъ ультрамонтанской іерархіи и призвалъ Сорбонну на помощь противъ пресловутой книги Сантереля, въ которой папству присвоивалось право отлучать королей и императоровъ отъ церковнаго общенія и отрѣшать даже отъ престола не только за большія преступленія, но и въ случаѣ ихъ неспособности или когда того потребуетъ общее благо. Такимъ образомъ изъ всѣхъ дурныхъ стремленій и безразсудствъ различныхъ партій во Франціи, изъ слабости Нѣмецкой имперіи и изъ неспособности Испаніи, Ришльё съумѣлъ составить себѣ родъ капитала, который онъ употреблялъ для достиженія неограниченности королевскаго самодержавія. Онъ былъ абсолютистъ совершенно въ смыслѣ Макіавелли; его личныя страсти вполнѣ совпадали съ пламенною ревностью къ государственнымъ интересамъ; ему можно было простить его безпощадное жестокосердіе, потому что онъ придалъ государству такую силу во внѣ, какой оно никогда еще не имѣло; его стремленія всегда вѣнчались успѣхомъ, потому что цѣлію ихъ была государственная польза, и онъ преслѣдовалъ эту цѣль съ неуклонною настойчивостью. Главнѣйшими средствами Ришльё были всегда готовое къ бою войско, строгіе, неизбѣжно выполняемые законы противъ мятежей, усиленіе гражданскаго элемента въ собраніяхъ лучшихъ людей или нотаблей. Вѣрнаго союзника и умнаго дѣльца имѣлъ онъ въ капуцинѣ патерѣ Іосифѣ, который подъ строгой наружностью скрывалъ тонкій умъ и дипломатическую ловкость. — Ришльё явился также и законодателемъ французской литературы: основывая состоящую изъ 40 членовъ Французскую академію, онъ имѣлъ въ виду учредить верховное судилище вкуса и языка. Но въ области свободной науки деспотическій духъ его не принесъ добраго плода. Поощреніе дряхлой классической литературы, стараніе довести французскій языкъ до самой точной выработки, основаніе еженедѣльнаго журнала: Gazette de France, — всё это имѣло одну и ту же политическую цѣль, — возвышеніе начала единодержавія надъ каждою отдѣльною волей.

«Ришльё, говоритъ Ранке, былъ какъ бы вторымъ королемъ во Франціи. Уже за 1629 годъ сохранилось намъ описаніе, какъ толпа просителей и усердныхъ слугъ наполняетъ его домъ и тѣснится въ дверяхъ его покоевъ, какъ въ то время когда несутъ его въ портшезѣ, всѣ ему почтительно кланяются, иной даже становится на колѣни, другой подаетъ ему прошеніе, третій старается поцѣловать его платье; каждый, кто удостоился милостиваго его взгляда, считаетъ себя счастливымъ. Вся масса дѣлъ уже и тогда была въ его рукахъ; онъ

уже и тогда возложилъ на себя всѣ достоинства, совмѣстныя съ званіемъ подданнаго, но еще выше ставило его то, что ко всему этому онъ присоединялъ кардинальскую багряницу; знатнѣйшій принцъ крови, именно Кондѐ, предоставлялъ ему первенство передъ собою. Но съ того времени онъ сдѣлался еще гораздо могущественнѣе и въ особенности гораздо страшнѣе. Въ глубокомъ уединеніи жилъ онъ въ Рюэлѣ, среди парка, нѣсколько укрытаго отъ сѣверныхъ вѣтровъ, гдѣ и послѣ революціоннаго разгрома замѣтны еще нѣкоторые слѣды художественности, нѣкоторые остатки водныхъ сооруженій, какъ говорятъ впервые перенесенныхъ сюда изъ Италіи. Онъ былъ настоящимъ средоточіемъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ; доступъ къ нему былъ труденъ; даже иностранные послы могли видѣться съ нимъ только тогда, когда имѣли сообщить ему что-нибудь существенно важное. Король часто пріѣзжалъ къ нему для засѣданія въ государственномъ совѣтѣ изъ Сенъ-Жермена. Если же кардиналъ самъ отправлялся къ королю, то его окружали тѣлохранители, обязанные ему лично присягой и состоявшіе у него на жалованьи; онъ не хотѣлъ подвергать себя опасности со стороны враговъ даже и въ королевскомъ домѣ; цѣлая толпа молодыхъ дворянъ изъ знатнѣйшихъ фамилій, которыя примкнули къ кардиналу, отправляла служебныя обязанности при его особѣ; для нихъ онъ учредилъ особое училище. Его конюшенная часть, его прислуга, его столъ были богече и блистательнѣе королевскихъ; вообще онъ жилъ лучше короля. Въ Парижѣ ему принадлежалъ Малый Люксамбуръ; онъ выстроилъ себѣ еще Пале-Рояль, на которомъ въ то время красовалась крупная надпись: Пале-Кардиналь, и сверхъ того Отель Ришльё; тутъ у него была знаменитая золотая капелла, гдѣ вся церковная утварь состояла изъ драгоцѣннѣйшихъ металловъ и рѣдчайшихъ камней, далѣе — великолѣпное собраніе отборныхъ художественныхъ произведеній, библіотека и свой собственный театръ. Онъ приглашалъ къ себѣ на дачу знаменитую итальянскую пѣвицу, синьіору Леонору. Къ развивавшемуся тогда французскому театру онъ питалъ нѣкотораго рода страсть; кому удавалось потѣшить его въ этомъ отношеніи, какъ наприм. маленькой Жаклинѣ Паскаль, тотъ смѣло могъ обращаться къ нему съ просьбою; даже по мнѣнію его друзей, онъ часто посвящалъ слишкомъ много вниманія пересмотру тѣхъ піэсъ, которыя у него давались. Бесѣда съ остроумными и пріятными людьми была для него совершенною необходимостью, а разговоръ съ однимъ изъ нихъ предписывали ему врачи даже въ видѣ лекарства.

Также точно была у него врожденная наклонность и пристрастіе къ литературѣ. Мы коснемся еще тѣхъ могучихъ, творческихъ головъ, которыя окружали Ришльё: вмѣстѣ съ монархизмомъ возникли и литературныя стремленія, которымъ суждено былъ его прославить. Вниманіе Ришльё прежде всего было обращено на очищеніе языка. Въ его статьяхъ, предназначенныхъ для публики, видна еще преувеличенность господствовавшей тогда манеры, но слогъ его писемъ чистъ и точенъ, слова избраны мѣтко и хорошо; въ самомъ набросѣ фразъ очевидны переходы его внутренняго настроенія. При учрежденіи Французской академіи главною мыслію его было то, чтобы очистить французскій языкъ отъ всѣхъ искаженій, которыя онъ потерпѣлъ чрезъ произвольное употребленіе его (неутвердившихся еще) правилъ, — извлечь его единожды навсегда изъ ряда варварскихъ языковъ; онъ долженъ былъ занять такое же мѣсто, какое нѣкогда занималъ греческій и потомъ латинскій; ему слѣдовало быть третьимъ въ этой чередѣ».

§ 610. Мазаринъ и Фронда. 4 декабря 1642 г. умеръ Ришльё, ненавидимый королемъ и народомъ, которые боялись его, но возбуждавшій удивленіе современниковъ и потомства, бичь вельможъ и утѣснитель всѣхъ привилегированныхъ. Скоро послѣдовалъ за нимъ Людовикъ XIII (14 мая 1643), государь безъ большихъ добродѣтелей и безъ большихъ пороковъ, зависѣвшій отъ всякаго, кто умѣлъ снискать его милость или внушить ему страхъ. Своимъ духовнымъ завѣщаніемъ онъ передалъ управленіе, на время малолѣтства своего сына, правительственному совѣту, въ которомъ королева Анна Австрійская, сестра Филиппа IV Испанскаго, заняла лишь второстепенное мѣсто, а главою и руководителемъ былъ Итальянецъ Мазаринъ, преемникъ Ришльё по должности и политическимъ началамъ. Но прекрасная королева, съ большими, выразительными глазами, съ роскошными прядями темныхъ волосъ, умѣвшая очаровательно изъявлять свое благоволеніе и блиставшая женственною граціей, тонкостью пріемовъ и высокою нравственностью среди образованныхъ, веселыхъ обществъ, которыя любила она собирать вокругъ себя, была до сего времени опорою и надеждою дворянства; отъ ея щедрой руки ожидало оно возврата утраченной силы, тогда какъ съ другой стороны и парламенты надѣялись, подъ женскимъ правленіемъ, снова

тверже упрочить свой упавшій теперь вѣсъ. По этому обѣ стороны были враждебны правительству, которое хотѣло держаться правилъ Ришльё, и партіи дворянъ, прозванной важными (Importans) и имѣвшей во главѣ родственнаго королевскому дому герцога Бофора, легко удалось съ помощью парламента объявить завѣщаніе Людовика XIII недѣйствительнымъ и поручить регенство исключительно одной королевѣ. Однакожь Анна вовсе не имѣла въ виду опять возстановить тѣ ограниченія королевской власти, которыя умѣлъ ниспровергнуть Ришльё. Едва принявъ въ руки регентство, она отдала все довѣріе свое кардиналу Мазарину, практически умному, ловкому и честолюбивому дипломату, который повидимому одинъ обладалъ тогда путеводной нитью въ лабиринтѣ обще-европейскихъ дѣлъ. Мазаринъ старался оправдать это довѣріе величайшимъ усердіемъ къ Франціи. Можно принять общимъ правиломъ, что иностранцы еще ревностнѣе туземцевъ отстаиваютъ пользы избраннаго ими края, потому что послѣднимъ не нужно доказывать естественную свою преданность къ родной землѣ. Обманувшіеся дворяне соединились теперь съ парламентомъ, чтобы настоять на удаленіи министра; но взаимное недовѣріе ослабляло ихъ союзъ. Не любовь къ свободѣ и не ненависть къ деспотизму совокупили противниковъ двора для вооруженнаго возстанія, извѣстнаго подъ именемъ фронды (fronde [1], 1648—53),—они сражались за поддержку старыхъ сословныхъ преимуществъ. Теперь уже не видно было и слѣда того быстро вспыхивающаго разгара, какимъ отличались партіи минувшаго времени, ни единаго слѣда тѣхъ сильныхъ движеній, какія вызываетъ великій духовный, государственный или даже корпоративный интересъ. Все дѣло состояло въ игрѣ мелочныхъ придворныхъ козней противъ нелюбаго министерства. Своекорыстіемъ и личными побужденіями опредѣлялись роли, избираемыя дѣйствующими лицами, и по обстоятельствамъ мѣняемыя или хитро скрываемыя ими подъ обманчивою личиной; шутки, интриги и любовныя отношенія сильно вліяли

---

[1] Fronde первоначально значитъ праща, а въ переносномъ смыслѣ — явная хула, открытое осужденіе.

на ходъ кровавыхъ событій, и политика часто была слугой кокетокъ, женщинъ вольнаго поведенія; о благѣ и бѣдствіи народа не помышлялъ тогда никто. Что жь мудренаго, если народъ наконецъ совершенно отвернулся отъ мятежниковъ и лучше хотѣлъ видѣть всю власть въ рукахъ одного деспота, нежели многихъ.

Пока умы были заняты внѣшнею войной, Французы сносили тягость податей, налагаемыхъ Мазариномъ и его роскошнымъ министромъ финансовъ, Итальянцемъ Эмери, хотя по временамъ и обнаруживалось нетерпѣніе, хотя и слышались грозныя рѣчи, что «слѣдуетъ повыжать губки, вдоволь напитавшіяся кровью народа»; но когда Вестфальскій миръ обезпечилъ перевѣсъ Франціи, тогда податной приказъ (Cour des aides) и счетная палата (Chambre des comptes) Парижскаго парламента воспротивились дальнѣйшему сбору гнетущихъ налоговъ, которые для того времени были высоки и сами по себѣ, но становились еще обременительнѣе по способу ихъ вземанія: такъ называемымъ партизанамъ (родъ откупщиковъ), которые давали правительству въ заемъ необходимыя денежныя суммы подъ залогъ извѣстныхъ сборовъ, предоставлялось самимъ выбирать эти подати, вслѣдствіе чего страна и народъ высасывались до послѣдней крайности и терпѣли неслыханныя притѣсненія. Такимъ злоупотребленіямъ рѣшительно противусталъ парламентъ, вообще враждебный денежнымъ людямъ; онъ воспретилъ всякое взиманіе податей, основанное не на провѣренныхъ законнымъ порядкомъ эдиктахъ. Дворъ, ободренный побѣдою Конде при Лансѣ (Lens) надъ Испанцами и военными успѣхами въ Италіи, надѣялся сломить это сопротивленіе арестомъ нѣкоторыхъ совѣтниковъ (Бланмениля и Брусселя); но за нихъ вступилось парижское гражданство, выстроило баррикады и настояло на выдачѣ заключенниковъ. Этимъ началась война фронды, въ которой обманувшаяся партія важныхъ и коадъюторъ парижскаго архіепископа, честолюбивый, остроумный и ловкій Поль де-Гонди, кардиналъ де-Рецъ (извѣстный и какъ авторъ превосходныхъ Записокъ), дѣйствовалъ заодно съ парламентомъ и горожанами, чтобы принудить дворъ къ удаленію Мазарина. Умный прелатъ, отрасль происходившаго изъ Флоренціи дома Гонди, не смотря на свою безнравственную и распутную жизнь, былъ силенъ народною любовью и приверженностью духовенства. Королева съ своимъ семействомъ и съ объявленнымъ внѣ закона первымъ министромъ убѣжала въ Сенъ-Жерменъ и отправила

воевать съ гражданами столицы великаго Кондѐ, который въ тридцатилѣтнюю войну пріобрѣлъ себѣ знаменитость побѣдами подъ Рокруа (1643) и Лансомъ (1658), одержанными въ Нидерландахъ надъ Испанцами; однакожь подъ-конецъ дворъ все-таки долженъ былъ уступить и заключилъ съ парламентомъ, гдѣ предсѣдательствовалъ достойный Матьё Молѐ, такой миръ, по которому обязался уменьшить налоги, обезпечить личную безопасность парламентскихъ совѣтниковъ отъ всякаго произвольнаго ареста и отмѣнить разныя злоупотребленія. — Кондѐ, первый принцъ крови и первый полководецъ своего времени, гордый предводитель дворянства и врагъ гражданской свободы, въ надеждѣ на оказанныя имъ услуги, сталъ обходиться съ дворомъ высокомѣрно и повелительно. Чувствуя свое военное значеніе и вліяніе какое имѣетъ онъ на соратниковъ, съ которыми онъ жилъ какъ добрый товарищъ, Кондѐ въ обыкновенномъ быту велъ себя слишкомъ безоколично и надменно. «Кто видалъ его въ сраженіи, говорятъ объ немъ французскія извѣстія, — эту стройную, высокую фигуру, съ орлинымъ выраженіемъ въ глазахъ, хладнокровную среди мимолетящихъ или падающихъ вокругъ ядеръ, съ худощаво-блѣднымъ лицомъ, съ мечемъ въ рукѣ, обрызганной непріятельской кровью, — тому казалось, что онъ видитъ передъ собой самого бога брани». Чтобы избавиться отъ гнетущей руки этого властолюбца, королева, послѣ тайнаго разговора съ кардиналомъ де-Рецомъ, рѣшилась на предложеніе своего министра соединиться съ главами фронды и отправить принца съ его братомъ (Контѝ) и зятемъ (Лонгвилемъ) подъ арестъ въ Венсеннъ (1650). Но такой неестественный союзъ не могъ быть проченъ: члены фронды питали къ Мазарину непримиримую ненависть, а женское родство плѣнниковъ привело все въ движеніе противъ враждебнаго имъ двора; голоса въ пользу удаленія министра раздавались все громче, и кардиналъ былъ наконецъ вынужденъ на время покинуть Францію (февр. 1651), послѣ того какъ сокрушилась его надежда снискать себѣ опору освобожденіемъ Кондѐ, а герцогъ Орлеанскій, такъ долго стоявшій за королеву и въ добрые и въ черные ея дни, соединился вдругъ съ противною партіей. Но Мазаринъ пользовался неизмѣннымъ благоволеніемъ королевы, которая до того была къ нему привязана, что поговаривали о тайномъ бракѣ между ними; однакожь въ твердости характера и непреклонности воли онъ далеко уступалъ Ришльё и походилъ на него только хитростью и духомъ происковъ, лицемѣріемъ и искуснымъ притворствомъ. Проживая теперь въ

Кёльнѣ и руководя королеву совѣтами, онъ и оттуда управлялъ Франціей точно такъ же, какъ прежде изъ Парижа, и находилъ тѣмъ болѣе доступа своимъ видамъ, что Кондѐ, полагаясь на преданныя ему дворянскія фамиліи южной и западной Франціи, поступалъ крайне неуважительно съ королевою и съ дворомъ. Мазаринъ принялъ наконецъ мѣры, чтобъ возвратиться въ столицу во главѣ большой, преданной ему арміи. Тогда парламентъ оцѣнилъ его голову, постановивъ уплатить за нее выручкой отъ продажи его библіотеки, а великій Кондѐ, на котораго опять смотрѣли подозрительными глазами и котораго свобода подвергалась опасности, присоединился къ фрондѣ и заодно съ герцогомъ Орлеанскимъ и воинственною его дочерью, принцессою Монпансье, поднялъ знамя междоусобной войны въ то самое время (1651), какъ молодой Людовикъ XIV достигъ королевскаго совершеннолѣтія и правительство стало вести дѣла его именемъ, а уже не именемъ регентши. Возникла сильная борьба; парижскіе граждане, возбуждаемые рѣчами и памфлетами, взяли сторону принца и его друзей. Однакожь Кондѐ, всегда побѣждавшій враговъ отечества, послѣ знаменитаго сраженія въ Антоніевскомъ предмѣстьѣ (faubourg St. Antoine, 2 іюля 1652), долженъ былъ отступить передъ предводимыми Тюренномъ силами двора и удалиться на югъ Франціи, вслѣдствіе чего въ столицѣ постепенно одержало верхъ роялистское направленіе. Союзъ принца съ Испаніей, которая все еще воевала противъ Франціи и помогала мятежникамъ деньгами и войскомъ, совершенно отнялъ у него всякій вѣсъ. Мазаринъ возвратился торжествующимъ (1653). У воротъ столицы встрѣтилъ его король съ молодымъ дворянствомъ; вскорѣ отперъ свои ворота и главный притонъ возстанія, Бордо̀.

Торжественный въѣздъ Мазарина въ Парижъ былъ знаменіемъ того, что безусловная власть короля одержала верхъ съ помощью военной силы и что воля монарха должна отнынѣ быть закономъ для подданныхъ. Еще шесть лѣтъ пользовался министръ во Франціи и въ Европѣ такимъ значеніемъ, какое выпало на долю развѣ только одного Ришльё; кардиналъ де Рецъ долженъ былъ покинуть отечество, поплатившись напередъ за свои крамолы заточеніемъ въ Венсеннѣ, и отказаться отъ своихъ притязаній на парижское архіепископство; Кондѐ, послѣ мужественной, но безплодной борьбы, былъ вынужденъ въ бѣдности и несчастіи скитаться у Испанцевъ, пока милость его государя, при испанскомъ посредничествѣ, не открыла

ему доступъ на родину съ возвращеніемъ его имуществъ и почетныхъ званій и должностей; племянницы Мазарина, Итальянки безъ рода и имени, были надѣлены богатствами Франціи, и первые вельможи, даже одинъ изъ принцевъ крови (Конти), искали руки ихъ; а члены парламента безпрекословно повиновались королевской волѣ съ тѣхъ поръ какъ Людовикъ XIV явился среди ихъ въ охотничьихъ сапогахъ и съ бичемъ въ рукѣ и грозно потребовалъ покорности (13 апр. 1655). Отнынѣ онъ могъ уже дать полную силу своему правилу: «Государство—это я» (l'état c'est moi). Въ противоположность провозвѣстіямъ фронды, возникло теперь ученіе о безусловной покорности, по которому народъ не властенъ поднять оружіе даже и тогда, когда онъ терпитъ отъ государя явную несправедливость, потому что этимъ онъ можетъ навлечь себѣ еще бо̀льшее бѣдствіе; государя, гласитъ это ученіе, нельзя судить по правиламъ частной жизни: не осушаютъ же рѣки только за то, что она иногда выступитъ изъ береговъ.—Пиренейскій миръ съ Испаніей (7 ноября 1659) былъ послѣднимъ дѣломъ Мазарина. Онъ былъ торжественно заключенъ на маленькомъ островѣ рѣчки Бидассои, принадлежавшей Богъ вѣсть которому изъ двухъ государствъ, въ присутствіи кардинала и испанскаго министра Дона Луиса де Гаро, окруженныхъ величайшей пышностью и всѣми причудами затѣйливаго этикета. На основаніи его Франція пріобрѣла на сѣверѣ Артуа съ Аррасомъ и многія укрѣпленныя мѣста во Фландріи и Люксембургѣ, особенно Тіонвиль и Авѐнъ, на югѣ—Перпиньянъ и Руссильіонъ вмѣстѣ съ Пиньеролемъ въ Италіи, а Людовикъ XIV, принесшій по настоянію кардинала въ жертву государственному благу склонность свою къ прекрасной Мазариновой племянницѣ Олимпіи Манчини, получилъ руку инфантины Маріи Терезіи. Вскорѣ потомъ умеръ этотъ министръ (9 марта 1661), оставивъ по себѣ громадное состояніе, собраніе драгоцѣнныхъ книгъ и художественныхъ произведеній, великолѣпные дворцы и сады. Еще въ послѣдніе годы своей жизни былъ онъ красивый мущина съ темнокудрявыми волосами, съ высокимъ и широкимъ лбомъ, внимательный къ своей наружности и съ тѣмъ кроткимъ выраженіемъ лица, которое свойственно образованнымъ Итальян-

цамъ; при этомъ вкрадчивый и своимъ собственнымъ спокойствіемъ невольно успокоивающій другихъ. Смерть его наступила въ ту минуту, когда Людовикъ начиналъ тяготиться имъ и сильно желалъ принять бразды правленія въ свою собственную могучую руку. Мазаринъ умеръ въ полномъ обладаніи высокимъ саномъ, властью, богатствомъ, значеніемъ, и свѣтъ видѣлъ въ такой смерти продолженіе того же счастія, которое не покидало его съ самаго начала. Племянница его Олимпія, вышедшая послѣ за графа де-Суассона Савойско-Кариньянской линіи, стала матерью знаменитаго принца Евгенія. Она долго пользовалась расположеніемъ короля, но потомъ впала въ немилость и поселилась на житье въ Брюсселѣ.

Б. ВРЕМЯ ЛЮДОВИКА XIV И НЕОГРАНИЧЕННОЙ ВЛАСТИ ГОСУДАРЕЙ.

I. Исходъ семнадцатаго столѣтія.

1. ЛЮДОВИКЪ XIV, ЕГО МИНИСТРЫ И ПОЛКОВОДЦЫ.

§ 611. Въ лицѣ Людовика XIV королевское полновластіе достигло высшей своей точки. Вся общественная жизнь вращалась исключительно вокругъ двора и самой особы монарха. Его чтили какъ полубога, и только тотъ изъ его подданныхъ получалъ значеніе, на кого упадала милость властелина. Онъ былъ проникнутъ такимъ чувствомъ самоуваженія, которое не хотѣло терпѣть на своей зеркально-свѣтлой поверхности ни малѣйшей тѣни. Слѣдствіемъ этого для короля было то, что удовлетвореніе своего самолюбія, своей гордости и деспотической прихоти стало главною цѣлью его стремленій, а для подданныхъ — то, что лестью, подслужничествомъ и раболѣпствомъ старались они добиться милости при дворѣ, которая одна вела къ счастію и почестямъ. Какъ будто всѣ на подрядъ отказались отъ мысли быть чѣмъ-нибудь сами по себѣ, имѣть свое собственное, удѣльное значеніе; каждый изъ нихъ считалъ себя чѣмъ-нибудь лишь только по

отношенію къ королю, какъ отблескъ его свѣта. Малѣйшій знакъ благоволенія составлялъ ихъ счастье, малѣйшая немилость была для нихъ истинной бѣдой. Поэтому и окружили государя всѣ злые демоны растлѣннаго двора, безхарактерность, клевета, происки, зависть, и мало-по-малу заперли къ нему доступъ добродѣтели, честности и истинному дарованію. Чтобъ обсудить различныя стороны долгаго, блистательнаго царствованія Людовика XIV, надобно обратить вниманіе на четыре коренныя свойства его природы,—властолюбіе, гордость, страсть къ роскоши и набожность. Первая увлекла его къ тому, что четырьмя кровопролитными войнами онъ привелъ всю Европу въ движеніе; гордость требовала для Версальскаго двора (въ Версаль перенесъ онъ свою резиденцію) первенства надъ всѣми остальными; его страсть къ великолѣпію сдѣлала Францію образцомъ вкуса въ изящныхъ художествахъ, въ литературѣ, модахъ и житейскомъ обиходѣ, а набожность, прорывавшаяся у него по временамъ среди многогрѣшной жизни, навела его на преслѣдованіе гюгенотовъ. Источникомъ всѣхъ его поступковъ былъ впрочемъ самовластный духъ повелителя, обнаружившійся между прочимъ и въ томъ, что по смерти Мазарина онъ уже не могъ терпѣть при себѣ перваго министра, но принималъ доклады отъ разныхъ министровъ непосредственно. Генералъ-прокуроръ и оберъ-интендантъ Николай Фуке́, который при Мазаринѣ почти неограниченно управлялъ всею финансовою частью и, своимъ вѣсомъ у капиталистовъ, много поддерживалъ государственный кредитъ, но при этомъ нажилъ такое богатство, что могъ тратить болѣе самого властителя,—Фуке́ былъ лишенъ своего мѣста (1661) и въ Нантѣ арестованъ по приказанію Людовика въ ту самую минуту, когда онъ шелъ домой прямо отъ короля. Спустя нѣсколько времени судъ приговорилъ оберъ-интенданта къ высылкѣ за границу, но король усилилъ тяжесть наказанія, продержавъ до конца жизни въ отдаленной крѣпости этого могущественнаго и геніальнаго человѣка, который щедро помогалъ поэтамъ и художникамъ, выписывалъ для своихъ великолѣпныхъ садовъ и виллъ самыя рѣдкія растенія издалѐка и обязывалъ себѣ дворянство и чиновный міръ денежными ссудами. Съ тѣхъ поръ противникъ Фукѐ, Кольберъ († 1683), человѣкъ чрезвычайно простой и работящій, управлялъ финансами (съ скромнымъ титуломъ генералъ-контролёра) такъ отлично, что не только умѣлъ безъ обременительныхъ мѣръ доставить королю нужныя деньги для многостоющихъ войнъ, для блистательныхъ праздниковъ и учрежденій и для подкупа министровъ

иностранныхъ державъ, но при этомъ далъ еще небывалый ходъ французской производительности, поднялъ фабрики и мануфактуры (между прочимъ выдѣлку Гобеленскихъ ковровъ), оживилъ торговлю и мореплаваніе, создалъ великолѣпный флотъ и поддерживалъ искусства и науки. Начало новому государственному хозяйству положено было тѣмъ, что всѣ такъ называемые «партизаны» (§ 610) и ихъ подручники были наказаны, кто заключеніемъ, кто денежнею пеней, за тѣмъ пониженъ процентъ государственнаго долга, уменьшено число изъятій отъ платежа податей, введено однообразное таможенное устройство для всего края и учрежденъ особый судъ для изслѣдованія всякихъ финансовыхъ злоупотребленій. Канцлеръ Ле Теллье съ благоразумной осторожностью, доброжелательствомъ и дѣятельностью завѣдывалъ внутренними дѣлами, а внѣшними управлялъ съ достоинствомъ и умомъ ловкій, утонченный и прозорливый Ліоннъ. Съ этими тремя людьми, одаренными каждый въ высшей степени спеціальною способностью по своей части, Людовикъ XIV правилъ государствомъ. Одинъ изъ нихъ былъ самый искусный и проницательный дипломатъ, какой когда либо являлся на сценѣ міра, другой—самый опытный во внутреннихъ дѣлахъ и притомъ благонадежный въ полномъ смыслѣ этого слова, третій—человѣкъ съ творческими идеями для всеобщихъ преобразованій и при этомъ неутомимый труженикъ. Всѣ они играли при Мазаринѣ второстепенныя роли и были теперь рады помогать королю, не заявляя съ своей стороны притязаній ни на какое собственное, независимое значенье. Рядомъ съ ними выступилъ черезъ нѣсколько лѣтъ честолюбивый сынъ Ле Теллье, военный министръ Лувуа (1666), столько же знаменитый превосходнымъ новымъ устройствомъ военной части, которому подражали всѣ европейскіе государи того времени, сколько и ославленный своимъ жестокимъ и разорительнымъ образомъ веденія войны. Живой и проницательный умъ соединялъ онъ со всегдашнею рѣшимостію воли, и такъ какъ высшею цѣлію своей жизни онъ считалъ благоволеніе и милость короля, котораго сокровеннѣйшія мысли и желанія были для него понятны и искусно вызывались имъ на свѣтъ, то онъ и достигъ преобладающаго вліянія. Сынъ Кольбера, Маркизъ де-Сеньелѐ († 1690), и братъ его Круасси Кольберъ также пріобрѣли себѣ въ качествѣ министровъ высокое уваженіе. Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ семьяхъ соединялись всѣ отрасли государственнаго управленія. Тѣмъ же перевѣсомъ талантовъ, какой Людовикъ умѣлъ сосредоточить въ своемъ кабинетѣ, отличались его сухопутныя силы и его флотъ. Какая огромная разница ме-

жду его арміей и тою добровольною, краткосрочною службою дворянства, которою долженъ былъ довольствоваться въ своихъ походахъ Генрихъ IV, или тою сомнительною преданностью иноземныхъ наймитовъ и ихъ вождей, на которую по необходимости опирался Ришльё! Королевскія войска состояли подъ начальствомъ такихъ полководцевъ какъ Тюреннъ, Кондѐ и Люксамбуръ; дворяне, замѣщавшіе офицерскія должности, соревновали другъ другу въ вѣрности и усердіи къ монарху, считая за высшую себѣ честь знакъ его благоволенія, новоучрежденный орденъ; знаменитѣйшій военный инженеръ Вобанъ, превращалъ покоряемыя пограничныя мѣста въ неприступныя крѣпости и, въ то же время, своими политико-экономическими сочиненіями старался притянуть всѣ силы націи на службу государству; Дю Кенъ и Турвиль довели французскій флотъ до высокаго значенія. Французскіе послы столько же превосходили всѣхъ другихъ въ дипломатическомъ искусствѣ, сколько самъ Людовикъ XIV превосходилъ бо̀льшую часть современныхъ ему государей властительскими способностями, повелительнымъ нравомъ и истинно-царскимъ достоинствомъ. Онъ отъ природы обладалъ тѣми свойствами, которыя въ дѣлѣ правленія всего нужнѣе,— здравымъ умомъ, хорошей памятью, непоколебимою волей. Онъ не хотѣлъ быть только мудрымъ, или только мужественнымъ государемъ; онъ не только хотѣлъ быть вполнѣ свободнымъ отъ чуждаго вліянія, независимымъ внутри, страшнымъ своимъ сосѣдямъ, но и обладать всѣми этими преимуществами въ совокупности. Онъ хотѣлъ не только быть или, еще менѣе, только казаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, но вмѣстѣ и быть и слыть великимъ монархомъ. Онъ очаровывалъ, онъ увлекалъ, когда хотѣлъ, и столько же былъ ужасенъ, когда гнѣвался. Онъ и сердиться умѣлъ лишь по-царски. Чело его, какъ выражались современники, было вооружено молніей. Безусловное повиновеніе считалось у него заслугой, всякое противленіе достойною наказанія виной. Но сколь ни сильно ощущалась внутри могучая рука, взявшая бразды правленія, нельзя же приписать одной суровой власти преданность вельможъ и дворянъ, почти непрерывное спокойствіе въ провинціяхъ и приверженность всего средняго сословія, какія замѣчаемъ въ это время: общая покорность конечно утверждалась на болѣе глубокихъ основаніяхъ. Великія идеи народнаго единства, всепроникающей законности и достославнаго положенія въ глазахъ міра, — вотъ чѣмъ обусловливалась готовность служить и радостно сочувствовать представлявшей ихъ королевской власти.

2. ДВѢ ПЕРВЫЯ ВОЙНЫ.

§ 612. Испанская война (1667—68). Первые годы самодержавія своего Людовикъ XIV употребилъ на то, чтобъ заключить союзы съ рейнскими курфюрстами, пріобрѣсть покупкою Дюнкирхенъ и утвердить первенство Франціи надъ Англіей (которая согласилась при встрѣчахъ на морѣ первая давать салютъ), надъ Испаніей (уступившей французскому послу право предшествія во всѣхъ церемоніальныхъ ходахъ) и надъ папой (который за дерзость своей корсиканской гвардіи въ спорѣ съ нѣсколькими Французами принужденъ былъ унчиженно просить извиненія черезъ торжественное посольство), какъ вдругъ кончина его тестя, Филиппа IV въ Испаніи, подала Людовику поводъ заявить отъ имени жены своей притязанія Франціи на испанскіе Нидерланды. Хотя инфантина, вступая въ бракъ съ Людовикомъ, и отказалась отъ всякихъ правъ на наслѣдство, однакожь это не помѣшало Французскому королю распространить съ помощію натянутаго толкованія на корону одно положеніе дѣйствующаго въ Нидерландахъ частнаго права, называемое деволюціей, по которому королева Французская, какъ старшая сестра, выходила ближайшею наслѣдницею Нидерландовъ, нежели младшій братъ ея (король Испанскій) [1]; притязанія эти Людовикъ подкрѣпилъ двумя хорошо вооруженными арміями. Самъ онъ безъ труда покорилъ Вольное графство Бургундское (Франшъ-Контè), а полководцы его совершили быстрыя и легкія завоеванія во Фландріи. Безсиліе испанскаго правительства въ малолѣтство Карла II (§ 607) и раздоръ оранской и республиканской партій въ Нидерландахъ способствовали удачѣ предпріятія. Но слишкомъ быстрые успѣхи завоевательнаго короля невольно встревожили Голландцевъ. Поэтому, при посредствѣ британскаго посланника Вильяма Темпля, заключили они въ Гагѣ союзъ съ Англіей, который по приступленіи къ нему Швеціи былъ названъ тройственнымъ и имѣлъ

[1] Королева Французская происходила отъ перваго брака, а король Испанскій отъ втораго. Право деволюціи постановляло, что дѣти отъ втораго брака при дѣтяхъ отъ перваго не наслѣдники.

цѣлію поддержаніе испанскаго господства во Фландріи и Брабантѣ. Это побудило Людовика XIV заключить миръ въ Ахенѣ (2 мая 1668), по которому завоеванные нидерландскіе города: Шарльруа, Дуэ, Турнэ, Куртрэ, Лилль и Уденардъ остались за Франціей (и были обращены Вобаномъ въ неприступныя крѣпости), а Франшъ-Контè возвращено Испанцамъ.

§ 613. Приготовленія къ войнѣ съ Голландіей. Голландія осмѣлилась задержать побѣдное шествіе великаго монарха. Носился слухъ, что была выбита хвастливая медаль, на которой голландскій посолъ изобразилъ себя Іисусомъ Нàвиномъ, велѣвшимъ остановиться солнцу, эмблемѣ короля: слѣдовало наказать за эту дерзость. Въ Парижѣ много толковали о томъ, до какой степени возрастетъ могущество Франціи, если удастся покорить ея державѣ богатую республику, съ сильнымъ флотомъ, колоніями и торговлей. Испанскіе Нидерланды не присоединятся ли тогда къ Франціи сами собою? и кто помѣшаетъ тогда великому Людовику сдѣлать Рейнъ границею своихъ владѣній? Церковныя и политическія противоположности обоихъ государствъ, исключительный католицизмъ и протестантская терпимость [1], монархія и республика, меркантилизмъ и свободная торговля [2], еще болѣе усиливали взаимныя неудовольствія. Монархическая и католическая Франція, гдѣ вся общественная власть сосредоточивалась въ рукахъ одного, ревниво смотрѣла на протестантскую Голландію, гдѣ наоборотъ спѣшили устранить все, что̀ изстари напоминало о единодержавіи, и гдѣ французскіе выходцы и вообще люди, гонимые изъ-за политическихъ или религіозныхъ побужденій, находили убѣжище для своей литературной дѣятельности и вольную печать для либеральной полемики. Негодующіе и раздраженные государственные люди Франціи, видѣли въ ниспроверженіи этой республики, гнѣзда столь ненавистныхъ направленій, самую желанную цѣль для силы своего оружія. Положеніе важнѣйшихъ европейскихъ державъ благопріятствовало этому плану. Нѣмецкій императоръ Леопольдъ I былъ слишкомъ плохой политикъ и

[1] Терпимость эта у Голландцевъ не простиралась однакожъ до предоставленія свободы богослуженія католикамъ и открытія имъ доступа къ государственнымъ должностямъ!

[2] Для Франціи, только что начавшей при Кольберѣ многостороннее развитіе своихъ промышленныхъ силъ, охранительная система была совершенно необходимымъ условіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ; напротивъ Голландія стояла въ этомъ отношеніи на такой уже высотѣ, которая охраняетъ внутреннюю производительность надежнѣе всякихъ тарифовъ и запрещеній, а потому эта страна и была въ то время, какъ теперь Англія, представительницею системы свободной торговли.

имѣлъ слишкомъ много дѣла на востокѣ своей имперіи, чтобы энергически противустать хитрой политикѣ Людовика, который заключилъ союзъ съ курфюрстомъ Кёльнскимъ, епископомъ мюнстерскимъ и многими другими имперскими чинами, и успѣлъ подкупить перваго цесарскаго министра Лобковича; Швецію, гдѣ въ малолѣтство Карла XI управляла своекорыстная аристократическая партія, легко было отдѣлить отъ тройственнаго союза и втянуть въ интересы Франціи. Еще легче обошлось это въ Англіи, гдѣ вѣтреный, безхарактерный Карлъ II охотно вступилъ въ союзъ съ Людовикомъ XIV, когда послѣдній пазначилъ ему ежегодную пенсію и (1670) послалъ въ Лондонъ свою невѣстку Генріэтту Орлеанскую, сестру Карла, принявшую католичество, въ сопровожденіи одной французской придворной дамы, а эта красавица, подъ именемъ герцогини Портсмутской вскорѣ пріобрѣла тамъ большое вліяніе и дѣйствовала прямо въ интересахъ Франціи и католицизма. Извѣстный только монархамъ договоръ опредѣлилъ тѣ денежныя пособія и уступки, которыя Карлъ долженъ былъ получить за введеніе католической вѣры въ Англіи и за оказаніе Людовику помощи въ голландской войнѣ. Поддержка со стороны англійскаго флота повидимому вполнѣ обезпечивала исходъ предпріятія. Вооружась и оградившись такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, Людовикъ XIV объявилъ войну раздорившимъ между собою Генеральнымъ Штатамъ (1672).

Со времени мира съ Кромвелемъ и въ теченіе малолѣтства Вильгельма III Оранскаго (§ 602) голландское государство находилось въ полной власти республиканцевъ. Главы этой аристократической партіи, особенно великій пенсіонаръ Іоаннъ де Виттъ, принадлежали къ самымъ благороднымъ и безкорыстнымъ патріотамъ, какихъ когда либо имѣла Голландія. Цвѣтущая торговля и превосходное состояніе морскихъ силъ (благодаря которымъ республика могла выступить въ датско-шведской войнѣ (§ 588) рѣшителемъ и судьею) свидѣтельствовали о дѣятельности и любви къ отечеству этихъ республиканцевъ. Но когда на престолъ Англіи вступилъ Карлъ II, дядя молодому Вильгельму по матери и врагъ голландскихъ аристократовъ, которые нѣкогда выгнали его изъ своей страны, тогда смѣлѣе подняла голову оранская партія, сильная въ Зеландіи, Оверъ-Исселѣ и Грёнингенѣ. Вскорѣ между Англіей и Голландіей запылала война. Ссора англійскихъ и голландскихъ поселенцевъ на западномъ берегу Африки (Гвинейскомъ) и въ Америкѣ подали желавшему разрыва англійскому двору удобный предлогъ къ начатію воен-

ныхъ дѣйствій. Въ обильной сраженіями войнѣ на морѣ, оба народа, стремившіеся къ господству надъ водною стихіей, помѣрялись силами; чувство чести, національная гордость и славолюбіе вмѣстѣ съ страстью къ завоеваніямъ, корыстью и торговыми интересами, воспламенили ихъ къ великимъ подвигамъ (1664—67). Герцогъ Іоркскій (братъ Карла), въ качествѣ генералъ-адмирала англійскаго флота, и Монкъ, возведенный въ санъ герцога Альбемарля (§ 604), вначалѣ боролись счастливо и успѣшно съ голландскими морскими героями де-Рёйтеромъ и младшимъ Тромпомъ. Но энергія де Витта и превосходство дарованій Тромпа подъ конецъ одержали верхъ. Послѣдній побѣдоносно прошелъ вверхъ по Темзѣ (1677), истребилъ англійскій флотъ и блокировалъ порты. Это побудило англійское правительство заключить въ Бредѣ миръ (1668), по которому навигаціонный актъ (§ 602. в.) былъ смягченъ въ пользу Голландцевъ и имъ предоставленъ Суриномъ. Упомянутый прежде тройственный союзъ противъ Франціи, съ которою республиканская партія находилась до тѣхъ поръ въ хорошихъ отношеніяхъ, былъ ближайшимъ слѣдствіемъ этого мира. — Республиканцы, которые въ теченіе англійской войны были вынуждены изъ уваженія къ оранской партіи не только снова отмѣнить актъ исключенія (§ 602. в.) но и назначить молодому принцу Оранскому годовой окладъ изъ государственной казны, рѣшились теперь воспользоваться тѣмъ вѣсомъ, какой придалъ имъ выгодный миръ, для обезпеченія республиканскаго устройства въ Голландіи. Принятый голландскими чинами вѣчный эдиктъ (1668) постановилъ, что отнынѣ главное начальство надъ сухопутными и морскими силами должно быть отдѣлено отъ статгаудерства, которое только подъ этимъ условіемъ и можетъ быть возобновлено. Къ этому постановленію примкнули мало-по-малу всѣ провинціи.

§ 614. Голландская война 1672—79. Еще до объявленія войны Генеральнымъ Штатамъ Людовикъ XIV приказалъ маршалу Креки занять лежавшую у него подъ рукой Лотарингію, которой герцогъ былъ съ Голландцами въ союзѣ; при чемъ король ни сколько не посмотрѣлъ на то, что этотъ край состоялъ подъ защитою императора и имперіи. А теперь, во главѣ хорошо вооруженной сто-двадцатитысячной арміи, предводимой отличнѣйшими полководцами (Кондѐ, Тюренномъ, Вобаномъ), самъ онъ двинулся на Рейнъ черезъ владѣнія курфюрста Кёльнскаго (котораго преданный Францу-

замъ каноникъ Фюрстенбергъ склонилъ на союзъ съ врагомъ имперіи «ради пользъ католической церкви»), съ помощію кёльнскихъ и мюнстерскихъ войскъ овладѣлъ переходомъ черезъ Рейнъ при Тольхёйзѣ и, увѣнчанный побѣдою, быстро проникъ въ самое сердце Генеральныхъ Штатовъ. Голландія была въ совершенной крайности. По всему краю распространилось то отуманивающее чувство бѣдствія, которое побуждаетъ каждаго отчаяться въ общественныхъ дѣлахъ и искать только своего личнаго спасенья. Многіе бѣжали въ Зеландію, даже въ Гамбургъ и въ Данію. Республиканцы, правившіе доселѣ государствомъ, заботились болѣе объ усиленіи флота нежели о сухопутной арміи; дядя молодаго Вильгельма Оранскаго, великій курфюрстъ Бранденбургскій, оберегая свои Клевскія земли, опасаясь ущерба евангелическому исповѣданію и предвидя, чѣмъ угрожаетъ перевѣсъ Французовъ разорванной Германіи, хотя и вступился за утѣсненныхъ Голландцевъ, но ни его, ни голландскія войска не смогли остановить превосходную силу непріятеля. Люттихъ, Утрехтъ и Оверъ-Иссель достались въ руки Французамъ; драгуны ихъ дѣлали уже разъѣзды въ Голландской провинціи и приближались на двѣ мили къ столицѣ; перепуганные республиканцы уничиженно просили мира, но ихъ не слушали, не смотря на то, что они предлагали большія денежныя пожертвованія и поземельныя уступки. Король соглашался на миръ только въ томъ случаѣ, если ему уступятъ всю Гельдернскую область съ Нимвегеномъ и предоставятъ католикамъ полную свободу богослуженія и невозбранный доступъ къ государственнымъ должностямъ. Еслибъ король, по предложенію Кондѐ, тотчасъ пошелъ прямо на Амстердамъ, Голландія бы непремѣнно погибла; совѣтъ Лувуа забрать напередъ крѣпости и обезпечить ихъ за собой гарнизонами, ослабилъ французскую армію и далъ Голландцамъ время осмотрѣться и образумиться. Людовикъ XIV, жаждавшій только славы и выгодъ, а вовсе не трудностей похода, скоро поспѣшилъ возвратиться къ своимъ придворнымъ праздникамъ, льстецамъ и фавориткамъ; между тѣмъ какъ оранская партія, достигнувъ кровавымъ путемъ преобладанія въ Голландіи, приняла энергическія мѣры къ спасенію отечества.

Приверженцы принца всю вину несчастія сложили на республиканцевъ, поставившихъ страну въ слишкомъ слабое оборонительное положеніе, обвиняли великаго пенсіонара де Витта въ соумышленіи съ Франціей и произвели такое волненіе въ народѣ, что послѣдній не только настоялъ съ угрозами на отмѣнѣ вѣчнаго эдикта и на возстановленіи принца Оранскаго въ санѣ статгаудера Голландіи и Зеландіи, но и дошелъ до явнаго мятежа, среди котораго чернь на улицахъ Гаги убила великаго Іоанна де Витта и единомысленнаго брата его, Корнелія (20 авг. 1672); самыя тѣла ихъ подверглись поруганію и позору. Сколь ни постыдно было это дѣло для Голландіи и для принца, оно придало республикѣ единство и энергію. Смятенный и возбужденный духъ народа съ ужасающимъ инстинктомъ попалъ на вѣрный путь къ спасенію и пошелъ по немъ.

Вильгельмъ III Оранскій (1672—1702), на котораго перешли и мудрая осмотрительность, и сила характера, и полководческій талантъ его предковъ, пробудилъ въ ратующихъ воинственный духъ и патріотическое рвеніе. Онъ рѣшился отстоять ввѣренную ему теперь республику во всемъ ея могуществѣ, съ полною религіозною и политическою независимостью. Голландцы прорвали свои плотины (ограждавшія ихъ отъ напора морскихъ волнъ), и наводненная страна сдѣлалась недоступна для Французовъ; стѣны Грёнингена долго задержали непріятеля; бури разбили соединенный англо-французскій флотъ, бросившій якорь у остр. Текселя, а смѣлый походъ маршала Люксамбура прямо къ Амстердаму по замерзшимъ водамъ болотъ и каналовъ не удался вслѣдствіе внезапно наступившей оттепели. Такимъ образомъ сами стихіи и природа края споспѣшествовали патріотическимъ стремленіямъ Голландцевъ. На колѣняхъ умолялъ народъ небо о помощи, и потомъ дни поста превратилъ въ дни торжественнаго благодаренія. Въ то же время великій курфюрстъ Бранденбургскій склонилъ императора Леопольда принять участіе въ войнѣ. Появленіе ихъ войскъ на нижнемъ и среднемъ Рейнѣ заставило маршала Тюренна перейдти на другой театръ дѣйствій. Хотя въ слѣдующемъ же году Фридрихъ Вильгельмъ и былъ вынужденъ заключить съ Французами договоръ о нейтралитетѣ, потому что цесарскій военачальникъ Монтекукколи получилъ предписаніе отъ своего двора (іюнь

1673) не вдаваться ни въ какія сраженія и вслѣдствіе того такъ колебался въ своихъ дѣйствіяхъ, что бранденбургскія и австрійскія войска не могли ничего сдѣлать противъ Французовъ, выступившихъ въ поле съ обновленными силами, а военные планы курфюрста и принца Оранскаго должны были остаться безъ исполненія, такъ какъ цесарскій полководецъ рѣшительно отказалъ имъ въ своемъ содѣйствіи; однакожь когда Людовикъ занялъ Триръ, Клеве и другія мѣста, присоединилъ къ своему королевству многіе имперскіе города въ Альзаціи и обнаружилъ свою строптивость безпощаднымъ нарушеніемъ предѣловъ имперіи и утвержденныхъ присягой древнихъ правъ, тогда наконецъ и Леопольдъ объявилъ ему войну открытымъ образомъ; примѣру его послѣдовала также Испанія, озабоченная со времени паденія Мастрихта за свою долю Нидерландовъ, а нѣсколько позже и вся Нѣмецкая имперія (1674). Общая опасность заставила забыть всѣ религіозныя различія и всѣ побочныя соображенія низшаго разряда.

§ 615. Засбахъ и Фербеллинъ. Но вмѣстѣ съ числомъ враговъ росли и военныя силы Франціи; Тюреннъ, послѣ варварскаго опустошенія Палатината, перешелъ за Рейнъ и проникъ съ огнемъ и мечемъ во Франконію, а между тѣмъ Кондѐ и Люксамбуръ покорили Франшъ-Контѐ и противустали въ Нидерландахъ испанско-голландской арміи. При двусмысленности дѣйствій и неспособности цесарскихъ военачальниковъ, слѣдовавшихъ отчасти указаніямъ подкупленнаго Франціей министра Лобковича, и при несогласіи германскихъ князей, завоеванія Французовъ могли бы быть еще блистательнѣе, еслибъ великій курфюрстъ (который со времени объявленія войны Нѣмецкою имперіей, какъ членъ ея, снова выступилъ въ поле) и даровитый, мужественный Вильгельмъ Оранскій (удержавшій свою позицію въ кровопролитномъ сраженіи при Сенефѣ, 11 авг. 1674, противъ стремительныхъ нападеній Кондѐ) не спасали военной чести союзниковъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства приняли оборотъ болѣе благопріятный. Именно въ то самое время, когда англійскій парламентъ принудилъ короля и министерство отказаться отъ морской войны, веденной до сихъ поръ,

благодаря геройству Тромпа и де-Рейтера, въ ущербъ Англіи, и заключить миръ, выговоривъ себѣ вознагражденіе за издержки, имперскій сеймъ заставилъ духовныхъ князей Кёльнскаго и Мюнстерскаго отступить отъ союза съ Франціей, а цесарскіе полководцы, своими рѣшительными представленіями склонили императора къ удаленію подкупленнаго Лобковича. Слѣдствія этого вскорѣ обнаружились на дѣлѣ. Французы, послѣ несчастнаго боя при Засбахѣ (27 іюля 1675), гдѣ Тюреннъ былъ убитъ ядромъ, были вынуждены покинуть правый берегъ Рейна, страшно опустошенный ими отъ Брейсгау до Некара, и перейдти обратно за германскую рѣку.

Паденіе маршала Тюренна, который именно въ этой войнѣ обнаружилъ свои великія полководческія дарованія и еще не задолго передъ тѣмъ искусною стратегикой удержалъ соединенную силу враговъ отъ замышленнаго ими вторженія во Францію, было для Французовъ гораздо чувствительнѣйшимъ ударомъ, нежели самая потеря сраженія. Онъ считался настоящимъ первоначальникомъ новѣйшаго военнаго искусства, основаннаго на обширныхъ планахъ и хитро-разсчитанныхъ маршахъ и положеніяхъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые позабываютъ сами себя среди великой міровой дѣятельности и въ виду достиженія высокихъ цѣлей. Но именно съ этою монархіей и ея стремленіемъ впередъ слилъ онъ воедино всю жизнь свою, все свое существованіе. Самый переходъ его къ католицизму можно объяснить у него привычкою подчинять себя лично строю цѣлаго во всемъ. Скромный и отъ природы кроткій и человѣколюбивый, онъ умѣлъ быть безпощаднымъ не менѣе Лувуа въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ государственная польза или цѣли войны требовали по его мнѣнію строгихъ мѣропріятій. Уже при немъ, для отнятія у врага всѣхъ средствъ продовольствія, Палатинатъ былъ опустошенъ до такой степени, что курфюрстъ, справедливо возмущенный этими ужасами, вызывалъ маршала на поединокъ. — Кондѐ, страдая подагрой, испросилъ себѣ увольненіе и умеръ десять лѣтъ спустя въ своемъ помѣстьѣ, забытый равнодушнымъ дворомъ. Но и Голландцы лишились своего семидесятилѣтняго героя де-Рейтера (1676) въ морской битвѣ у сицилійскихъ береговъ, когда съ небольшими силами ему пришлось покорять Мессину, отпавшую отъ Испаніи подъ покровительствомъ Французовъ.

Не задолго до боя при Засбахѣ Людовикъ XIV побудилъ своихъ союзниковъ, Шведовъ, напасть изъ Помераніи на

бранденбургскіе предѣлы, чтобы принудить великаго курфюрста съ его храбрымъ полководцемъ Дерфлингеромъ покинуть рейнскую армію. Но прежде чѣмъ непріятель успѣлъ осмотрѣться, энергическій государь явился уже въ Мархіи, сильно пострадавшей отъ Шведовъ, побѣдилъ озадаченныя шведскія войскà въ славномъ сраженіи при Фербеллинѣ (28 іюня 1675), взялъ Штеттинъ и занялъ бòльшую часть Помераніи, между тѣмъ какъ голландскій и датскій флоты отняли у Шведовъ Рюгенъ, Готландъ и другія мѣста. Эта битва положила начало величію Пруссіи. — Отнынѣ война преимущественно сосредоточилась въ Нидерландахъ, гдѣ Вильгельмъ III, получившій между тѣмъ статгаудерство въ видѣ наслѣдственнаго сана по мужской линіи, съ честію отстаивалъ поле битвы, не смотря на превосходство французскихъ силъ и на таланты такихъ генераловъ, какъ Люксамбуръ, Крекѝ, Шомбергъ, Вобанъ, Катинà и друг. Варварская система опустошенія, которою Лувуа хотѣлъ удержать непріятеля отъ вторженія во французскіе предѣлы, примѣнялась теперь на Мозелѣ и Саарѣ, точно такъ же какъ въ послѣдствіи въ Палатинатѣ. Однакожь, когда Англія подала видъ, что хочетъ примкнуть къ Голландіи, тѣсно сблизившейся съ нею женитьбой Вильгельма III на дочери герцога Іоркскаго (брата Карла II), и тѣмъ еще пріумножить число Людовиковыхъ враговъ, король Французскій рѣшился положить конецъ военнымъ дѣйствіямъ. Тонкая политика Франціи съумѣла однакожь разъединить своихъ противниковъ, чтобы все-таки Людовикъ могъ выступить повелителемъ. Когда Голландія, соблазненная уступками, положила оружіе и выдала своихъ союзниковъ (1678), всѣ прочія державы принуждены были принять предложенныя Франціей условія мира. Такимъ образомъ состоялся Нимвегенскій трактатъ (5 февр. 1679), столь же выгодный для Франціи и Голландіи, сколько постыдный для императора, имперіи и другихъ воюющихъ сторонъ. Франція возвратила Голландцамъ всѣ свои завоеванія, но отъ Испаніи получила часто покоряемое и снова уступаемое Вольное графство Бургундское (Франшъ-Контè), всѣ укрѣпленныя мѣста, лежащія на линіи Валансьена, Кондè и Мобёжа, и притомъ Ипернъ (такъ что испанскіе Нидерланды остались беззащитно

открытыми Французамъ), а отъ Нѣмецкой имперіи, вмѣсто возвращеннаго Филипсбурга, Франція пріобрѣла брейсгаускій Фрибургъ.

Императоръ и Нѣмецкіе князья должны были подвергнуться величайшимъ уничиженіямъ, обидамъ и ущербамъ. Чтобы только получить доступъ къ мирнымъ переговорамъ, Леопольдъ, которому грозила опасная война въ Венгріи, былъ вынужденъ освободить содержавшагося въ Кёльнѣ измѣнника Фюрстенберга и потомъ допустить, чтобы Лотарингское герцогство было возвращено состоявшему въ австрійской службѣ владѣльцу его, Карлу, на такихъ позорныхъ условіяхъ, что послѣдній предпочелъ лучше оставить его до времени въ рукахъ Французовъ. Великій курфюрстъ, по условіямъ мира, заключеннаго въ Сенъ-Жерменъ-ан-Лѐ, долженъ былъ обратно выдать Шведамъ всѣ мѣстности и города Помераніи, завоеванные съ помощью такихъ неимовѣрныхъ усилій. Полный негодованія, покорился веледушный государь этой тяжкой необходимости.

3. Внутреннее состояніе Франціи.

§ 616. Эпоха Людовика XIV. Со времени Нимвегенскаго мира до исхода семнадцатаго столѣтія Франція находилась на высшей ступени внѣшняго могущества и процвѣтанія внутри, такъ что вѣкъ Людовика XIV слыветъ золотымъ вѣкомъ этого края по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ льстивой исторіи того времени.

Во всеобщемъ благосостояніи королевства вездѣ видѣлись великолѣпнѣйшіе плоды того, что было сдѣлано Кольберомъ; въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ удивительно развились фабрики и мануфактуры (шерстяныхъ и шелковыхъ издѣлій, чулочныя, суконныя, зеркальныя и кружевныя по венеціанскому образцу), а съ ними поднялась и обширная заграничная торговля, которой необыкновенный вѣсъ короля въ Европѣ доставилъ всѣ возможныя преимущества. Франція сдѣлалась мореходною державой; у ней было сто линейныхъ кораблей, тогда какъ Англія ограничивалась 60-ю; порты Брестскій и Тулонскій были въ полномъ вооруженіи; экипажъ флота былъ пріумноженъ 60,000 человѣкъ, и вскорѣ Алжиръ, Генуа и Триполи испытали на себѣ слѣдствія этихъ приращеній. Все что ни предпринималъ Людовикъ, повидимому, преуспѣвало. Благодаря величавымъ соображеніямъ Кольбера приведенъ въ исполненіе чудесный Лангедокскій каналъ, соединившій Средиземное море съ Антлантиче-

скимъ [1]. Король являлся властелиномъ суши и моря; «горы отступали по его велѣнію», воспѣвалось о немъ въ льстивыхъ стихотвореніяхъ. Марсель и Тулонъ сдѣлались главными складами левантской торговли; въ Пондишери возникла первая французская колонія въ Остъ-Индіи; въ Кайеннѣ, на островахъ Санъ-Доминго, Мадагаскарѣ и друг. м. также основаны были колоніи; новымъ поселеніямъ благопріятствовали торговыя товарищества; благодаря королевскому вспомоществованію, Канада вышла изъ той слабости и запущенности, въ какой находилась прежде; Антильскіе острова снова были поставлены въ тѣсную связь съ метрополіей. Но отъ слишкомъ сосредоточеннаго руководительства и устроенія всего по высшему благоусмотрѣнію терпѣла самодѣятельность отдѣльныхъ лицъ, на которой въ сущности все должно основываться — Людовикъ заботился также объ упрощеніи и улучшеніи судебной части и законодательства. По собственному удостовѣренію короля, во Франціи существовали еще такіе округи, гдѣ законъ и правосудіе попирались ногами, гдѣ слабый не находилъ защиты противъ сильнаго, и преступленіе оставалось безъ наказанья. Послѣ того какъ смертная казнь знатнаго виконта де ла Мотъ де Канильяка (1665), особенно отличившагося во время фронды, навела страхъ на вельможъ и пробудила въ гражданахъ и крестьянахъ надежду на правосудіе, учреждено было однообразное судоустройство, и уваженіе къ закону водворено даже въ горныхъ округахъ, гдѣ не вѣдали о немъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій; каждый, накопецъ, почувствовалъ, что кто бы онъ ни былъ, а все же есть судья и надъ нимъ. — Французскій дворъ отличался невиданною дотолѣ пышностью; высшее дворянство, такъ долго противустоявшее королю, теперь тѣснилось вокругъ монарха, рвалось въ залы его дворца и охотно подчинялось строгому придворному этикету [2]; всякаго рода праздники, карусели, балеты, фейерверки, оперы и театры, которымъ лучшіе умы Франціи посвящали свои дарованія, слѣдовали другъ за другомъ блистательною чередой; поэты, художники и ученые наперерывъ прославляли государя, который на-

---

[1] Этотъ каналъ идетъ на 225 верстъ отъ Тулузы почти до Агда.

[2] Всего замѣчательнѣе при этомъ то, что забавляя и разоряя дворянство праздниками, тѣша его всѣми знаками внѣшнихъ отличій, Людовикъ тщательно избѣгалъ поручать ему важныя дѣла, и исполнителей своихъ обширныхъ плановъ постоянно бралъ изъ образованнаго средняго сословія, такъ что авторъ современныхъ Записокъ, извѣстный герцогъ де Сенъ-Симонъ, съ негодованіемъ называетъ эпоху Людовика XIV царствомъ подлаго мѣщанства.

граждалъ щедрою рукой всѣ таланты, содѣйствовавшіе къ его славѣ или къ его удовольствіямъ, и котораго честолюбіе состояло между прочимъ въ томъ, чтобы покровительствовать наукамъ. Горделивыя постройки, какъ напримѣръ Инвалидный домъ, драгоцѣнныя библіотеки, роскошныя изданія, величавыя учрежденія на пользу естественныхъ наукъ, астрономіи и древностей, академіи ученыхъ (академія надписей и изящной словесности, академіи художествъ, живописи, ваянія, музыки, и наконецъ точныхъ наукъ)—все это возвышало славу и блескъ великаго монарха. Съ основаніемъ обсерваторіи были связаны успѣхи астрономіи и географіи, съ устройствомъ ботаническаго сада развитіе естественной исторіи и даже физіологіи. Отправленная на королевскій счетъ ученая экспедиція въ Кайенну двинула впередъ наши знанія о сжатости земли у полюсовъ и сфероидальномъ ея видѣ. Вниманіе Людовика, его милость или одобреніе были общею цѣлью всѣхъ стремленій; не мудрено, если эгоизмъ достигъ у него высшей степени и если онъ въ полной мѣрѣ упивался тѣми наслажденіями жизни, къ которымъ было способно его здоровое, крѣпкое тѣлосложеніе! Замокъ и сады Версаля, украшенные статуями, фонтанами, чудными аллеями и т. д., служили образцомъ вкуса для всей Европы. Утонченная общительность, образованный тонъ, легкіе пріемы знати и придворныхъ покоряли Европу на обширнѣйшія пространства и гораздо надежнѣе, чѣмъ всѣ французскія арміи. Моды, языкъ и литература Французовъ утвердили съ этихъ поръ своего господство въ высшихъ кругахъ общества точно такъ же, какъ и французское легкомысліе и вольность нравовъ. Хотя при своихъ многочисленныхъ любовныхъ связяхъ (съ дѣвицею Ла Валльеръ, съ г-жею де Монтеспанъ и проч.) Людовикъ XIV никогда не терялъ изъ виду приличія, и волокитство, господствовавшее при его дворѣ, все еще сохраняло оттѣнокъ рыцарства и романтизма; однакожь узы благопристойности вскорѣ ослабли въ высшей степени, и женщины такихъ вольныхъ нравовъ, какъ очаровательная кокетка Нинона де л'Анкло, уже подготовляли безпутную эпоху Людовика XV.

§ 617. Церковныя дѣла. Приверженность Людовика къ католическимъ догматамъ и внѣшняя его набожность не помѣшали ему противупоставить свое полновластіе папѣ такъ же безпощадно, какъ онъ противупоставлялъ его свѣтскимъ государямъ. Цѣлый рядъ сильныхъ столкновеній между верховнымъ главою церкви и французскимъ самодержцемъ особенно вызвали расширеніе королевскаго права (régale)

на доходы пустующихъ епископскихъ каѳедръ и право давать убѣжище, какимъ пользовался французскій посланникъ въ Римѣ. Національный соборъ, на который король созвалъ прелатовъ изъ всѣхъ областей своего королевства (1682), чтобы обсудить мѣры къ поддержанію вольностей галликанской церкви и къ исполненію существующихъ трактатовъ между короною и римскимъ дворомъ, постановилъ четыре извѣстныя начала, въ которыхъ высказаны: независимость свѣтской власти отъ всякихъ вмѣшательствъ съ церковной стороны, первенство соборовъ надъ папами, преобладающая необходимость согласія церкви при рѣшеніи духовныхъ вопросовъ и соблюденія отечественныхъ законовъ въ вопросахъ свѣтскихъ. Однакожь рѣшительное сопротивленіе папы допустить эти четыре положенія и боязнь, чтобъ галликанская церковь не совратилась на стезю раскола, удержали дворъ и духовенство отъ дальнѣйшихъ шаговъ по этому пути, и въ сущности все дѣло осталось безъ практическихъ послѣдствій. Тѣмъ важнѣе и дѣйствительнѣе были напротивъ споры янсенистовъ съ іезуитами и гоненіе на гюгенотовъ.

а) Янсенизмъ. Съ тѣхъ поръ какъ религіозныя дѣла отступили на второй планъ за свѣтскую политику, общество іезуитовъ обратилось преимущественно къ стяжанію мірскихъ пользъ; могущество и богатство ордена сдѣлалось главною цѣлью ихъ стремленій. Слѣдствіемъ этого было то, что іезуиты въ своихъ ученіяхъ болѣе приноровлялись къ направленію вѣка и именно въ объясненіи грѣха выступили съ слишкомъ уже просторнымъ взглядомъ на нравственность. Грѣхъ, по ихъ мнѣнію, наступаетъ собственно лишь тогда, когда въ человѣкѣ есть полное сознаніе замышляемаго проступка и положительное намѣреніе совершить его; одно внѣшнее дѣйствіе безъ внутренняго произволенія не есть еще проступокъ. Эта казуистика повлекла за собой цѣлый лабиринтъ лицемѣрства и суемудрія. Ученія о мысленной оговоркѣ и о томъ, что цѣль освящаетъ средства были еще расширены ученіемъ о приблизительной вѣроятности (пробабилизмѣ), по которому въ сомнительномъ или двусмысленномъ случаѣ каждый одинаково властенъ избирать вѣроятно-ложную, какъ и вѣроятно-истинную дорогу. Эти правила, распространяемыя іезуитами посредствомъ исповѣди, которою они совершенно завладѣли, разрушили всякую нравственную сдержку. Поэтому лувенскій профессоръ, а потомъ епископъ ипернскій, благочестивый Янсеній,

возсталъ противъ распущенности іезуитской морали и, въ глубокомъ, основательномъ сочиненіи своемъ «Августинъ» (1635), обновилъ древнее строгое ученіе этого Отца Церкви, что въ жизнь вѣчную внидетъ только тотъ, кто по благодати Божіей освободится отъ грѣховныхъ вожделѣній плоти и вѣрою и блаженнымъ житіемъ примирится и соединится съ своимъ Создателемъ. Его взгляды, имѣвшіе въ виду пробужденіе задушевной религіозности и внутренняго христіанства, нашли себѣ особенное сочувствіе между монахинями монастыря Поръ-Рояль, близь Парижа, и ихъ глубокая нравственность привлекла къ нимъ такое стеченіе единомыслящихъ, что онѣ вынуждены были избрать для себя болѣе обширное помѣщеніе [1], послѣ чего въ тишину Поръ-Рояля укрылись многіе благочестивые, ученые мужи, проникнутые истиной Янсеніевыхъ воззрѣній. Іезуиты, встревоженные успѣхами янсенизма, такъ сильно выдвинули впередъ необходимость свободнаго самоопредѣленія, что оттѣснили идею благодати на задній планъ и исходатайствовали у папы торжественное осужденіе пяти положеній о благодати и предопредѣленіи, заключавшихся въ Янсеніевой книгѣ [2]. Но приверженцы его, въ томъ числѣ первые умы Франціи — Арнô, Паскаль, Николь и друг., утверждали, что такихъ положеній въ приведенномъ іезуитами смыслѣ у Янсенія вовсе нѣтъ, и когда папа сталъ тѣмъ не менѣе настаивать на произнесенномъ приговорѣ, они направили свою остроумную полемику не только противъ іезуитовъ и церковнаго легкомыслія, но и противъ папской власти, которой они противопоставляли высшее могущество Божіе, по скольку оно открыто людямъ въ св. Писаніи. Безусловные поборники папской непогрѣшимости дошли наконецъ до нелѣпаго утвержденія, что папа безошибоченъ и въ вопросахъ о чистыхъ фактахъ, говоря, будто «отъ божественнаго Основателя церкви прирожденная ему непогрѣшимость перешла на св. Петра и его преемниковъ», и будто поэтому «самая вѣра предписываетъ допустить, что Янсеній дѣйствительно утверждалъ

---

[1] Это не совсѣмъ вѣрно. Монахини еще въ 1626 г. перешли изъ загороднаго Поръ-Рояля въ предмѣстіе св. Іакова въ Парижѣ. Сюда-то, десять лѣтъ спустя, явился къ нимъ единомысленникъ Янсенія, аббатъ Сенъ-Сирана, Дювержье и распространилъ новое ученіе. Онъ же учредилъ и знаменитую потомъ мужскую обитель въ прежнемъ Поръ-Роялѣ, который сталъ съ тѣхъ поръ называться «Загороднымъ» — Port-Royal des Champs.

[2] Противники янсенистовъ назывались обыкновенно молинистами, потому что въ ученіи о благодати слѣдовали мнѣніямъ испанскаго іезуита Молины (1535—1601).

положенія, осужденныя св. престоломъ». Столь преувеличенныя правила, явно оскорблявшія права церкви галликанской, заставили призадуматься самый дворъ, парламентъ и Сорбонну. Загорѣлся сильный споръ, тѣмъ болѣе повредившій іезуитамъ и іерархіи въ глазахъ образованнаго свѣта, что члены Поръ-Рояля были не только геніальные и остроумные писатели, но притомъ и благородные люди, отличавшіеся глубокимъ религіознымъ чувствомъ и строгою нравственностью. Какъ въ первыхъ реформаціонныхъ движеніяхъ во Франціи, такъ теперь и въ янсенизмѣ, мистическое стремленіе соединялось съ практическимъ. Приверженцы его образовали піэтистико-аскетическую партію въ нѣдрахъ католическо-французскаго міра, но удерживались на почвѣ возстановленнаго католицизма съ его догматами, обрядами и иночествомъ. Члены знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, сестра и братъ принца Кондѐ и многія другія дамы и мужчины изъ самыхъ высшихъ круговъ общества, искали въ освященныхъ стѣнахъ Поръ-Рояля убѣжища отъ грѣховности свѣта. Янсенисты и отшельницы этой обители долго сопротивлялись всѣмъ попыткамъ принудить ихъ къ безусловной покорности гоненіями и строгими мѣрами: наконецъ по ходатайству самого Людовика XIV предложена имъ смягченная формула подчиненія, и вслѣдствіе того заключенъ потомъ церковный миръ (28 сен. 1668), на который король самодовольно смотрѣлъ, какъ на личное свое дѣло.

Паскаль. Важнѣйшимъ изъ янсенистскихъ писателей былъ Паскаль, равно замѣчательный какъ геніальный писатель, какъ глубокомысленный философъ и отличный математикъ. Сочиненіе его: Lettres provinciales (Провинціальныя письма), начавшее собой новую эпоху въ прозаической литературѣ, доселѣ находитъ много читателей, благодаря превосходному слогу, тонкой ироніи и остроумному, мастерскому изложенію. Это удачное осмѣяніе казуистики и растлѣвающей морали іезуитовъ повредило ордену болѣе, чѣмъ всѣ направленныя на него до тѣхъ поръ нападки. Обширный трудъ Паскаля, въ которомъ (въ противоположность Декарту, § 552. в.) онъ старался показать недостаточность разума для познанія первоначальныхъ причинъ и необходимость божественнаго откровенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и истинность христіанской вѣры, остался неоконченнымъ. По его мнѣнію возможны только двѣ философіи: одна — философія сомнѣнія, удаляющая отъ Бога; другая, предполагающая въ человѣкѣ силу умѣть возвыситься до Бога. Онъ находитъ, что обѣ эти системы вѣчно борятся, вѣчно подрываютъ и

разрушаютъ одна другую, но тѣмъ самымъ вызываютъ на свѣтъ религію и уступаютъ мѣсто Евангелію. Религіозное откровеніе, къ которому онъ обращается, Паскаль видитъ однакожь не въ въ церковномъ правовѣріи. Геніальная книга, отчасти богословскаго, отчасти скептико-философскаго содержанія, изданная послѣ его смерти друзьями, подъ названіемъ Мыслей (Pensées), содержитъ въ себѣ только отрывки этого великаго труда, изъ которыхъ они нарочно устранили все, что могло повредить недавно заключенному «церковному миру» и ихъ хорошимъ отношеніямъ къ духовенству. Въ его же духѣ дѣйствовали Арно̀ (котораго труды занимаютъ 45 томовъ въ четвертку) и Николь. Сочиненія ихъ отличаются ясностью и остротою мысли; поэтому труды отшельниковъ Поръ-Рояля сдѣлались образцомъ французской прозы, и ихъ руководства по части грамматики, риторики, логики и математики вообще цѣнились высоко [1].

Съ новою силой возгорѣлся споръ янсенистовъ съ іезуитами, когда приверженецъ ученій Поръ-Рояля, Кенель обнародовалъ нравоучительныя размышленія о Новомъ Завѣтѣ, сдѣлавшіяся любимымъ народнымъ чтеніемъ и заслужившія одобреніе даже отъ парижскаго архіепископа Ноайлья (Noailles). Іезуиты, поддерживаемые теперь (устарѣвшимъ) Людовикомъ XIV, не успокоились до тѣхъ поръ, пока папа, сперва буллою «In vineam Domini» возобновилъ постановленія своихъ предмѣстниковъ о янсенизмѣ и упразднилъ Поръ-Рояль, а потомъ буллою «Unigenitus» [2] (1713) осудилъ цѣлый рядъ Янсеніевыхъ положеній, преимущественно тѣхъ, которыя относятся къ ученію о благодати и о свободѣ человѣческой, и такимъ образомъ отвергъ самую его книгу, какъ исполненную заблужденій. Все высшее духовенство французское приняло самое горячее участіе въ борьбѣ, пережившей царствованіе Людовика XIV, и булла Unigenitus введена была только съ помощью насильственныхъ мѣръ, лишенія должностей, заточенія и ссылки. Наконецъ былъ разрушенъ самый монастырь и даже вырыты тѣла похороненныхъ въ немъ усопшихъ. Но воззрѣнія Поръ-Рояля уцѣлѣли, частію въ видѣ отдѣльнаго отъ Рима церковнаго общества въ Нидерландахъ (именно въ Утрехтѣ и Гарлемѣ), частію въ видѣ особаго рода

---

[1] Въ противодѣйствіе іезуитскому воспитанію, знаменитые отшельники учредили свои собственныя школы, Petites écoles.

[2] Буллы часто обозначаются ихъ начальными словами. In vineam Domini значитъ «Въ вертоградѣ Господнемъ», Unigenitus—«Единородный». Этими словами начинаются буллы, о которыхъ идетъ рѣчь.

религіозной восторженности (подверженные ей назывались convulsionnaires), частію, наконецъ, какъ либеральный элементъ католическаго богословія и въ извѣстномъ кругу французскаго духовенства. Неблагосклонность и гнѣвъ короля навлекли себѣ янсенисты тѣмъ, что хотѣли придать религіи самостоятельное значеніе, что для нихъ національное могущество и единство не было послѣднею цѣлью жизни. — Людовикъ XIV по принципу ненавидѣлъ всякую новизну; квіэтисты, неуважавшіе внѣшнихъ обрядовъ и о которыхъ шла молва, будто они считают, себѣ позволеннымъ все, чего ни потребуетъ тѣло, лишь бы только духомъ предаться Богу, должны были казаться ему столько же опасными въ гражданскомъ быту, какъ и въ церковной сферѣ. Поэтому мистики, подобные г-жѣ Гійонъ, равно какъ и квіэтисты, подвергались наравнѣ съ янсенистами его немилости, непріязни и гоненію.

§ 618. б) Преслѣдованіе гюгенотовъ. Властителю такого рода, какъ Людовикъ XIV, который за свою грѣховную жизнь обыкновенно расплачивался періодическою полосой набожности и покаянія, впрочемъ безъ внутренняго сокрушенія и безъ всякой перемѣны въ образѣ мыслей, —такому государю должны были особенно досаждать демократическіе порядки кальвинистовъ, глубина ихъ вѣры, основанной на строгой нравственности, гордость, внушаемая имъ чувствомъ духовной свободы и самосознанія. Вѣрность и преданность, оказанныя ими во время войны съ фрондой, побудили Людовика, въ началѣ его царствованія, подтвердить Нантскій эдиктъ; но когда его старанія склонить ихъ нѣкоторыми уступками на «соединеніе» съ церковью сокрушились объ ихъ религіозную твердость, тогда пробудилось въ немъ негодованіе: онъ находилъ рѣшительно невыносимымъ, чтобъ въ его королевствѣ существовала партія, считающая исповѣдуемую имъ вѣру заблужденіемъ и воображающая, совсѣмъ отдѣльно и независимо отъ него, обладать полною и чистою истиной. Къ этому поводу неудовольствія присоединялось еще убѣжденіе Людовика, что для совершенной монархіи единство церкви точно такъ же необходимо, какъ и единство политическое. Вотъ почему тѣснилъ онъ янсенистовъ до тѣхъ поръ, пока сопротивленіе ихъ верховному главѣ церкви было сокрушено до основанія; вотъ почему самыми жестокими гоненіями вынуждалъ онъ кальвинистовъ или къ бѣгству, или къ возвращенію въ лоно господствующей церкви. Кольберъ, цѣнившій въ гюгенотахъ производительныхъ, трудолюбивыхъ гражданъ, долго оборонялъ ихъ отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Реформаты значительно участвовали въ финансовомъ управленіи,

въ государственныхъ откупахъ и займахъ; бо̀льшая часть желѣзныхъ и кожевенныхъ заводовъ, шелковыхъ и шерстяныхъ фабрикъ были у нихъ въ рукахъ; они отличались дѣятельностью, зажиточностью и образованіемъ. Но внушенія королевскаго духовника іезуита Ла Шѐза, имѣвшаго первый голосъ въ «совѣстной думѣ» Людовика, ревность къ обращенію заблудшихъ со стороны набожной г-жи де Ментенонъ[1] (которая изъ круглой сироты протестантскаго семейства д'Обиньѐ сдѣлалась сперва женою уродливаго, остроумнаго поэта Скаррона, потомъ наставницею побочныхъ дѣтей короля и наконецъ тайно-обвѣнчанною супругой Людовика, и благодаря своей безусловной преданности къ нему, а равно и сочувствію съ его природой и направленіемъ, имѣла великое вліяніе на всѣ церковныя и государственныя дѣла), наконецъ деспотическій духъ Лувуа — все это одержало верхъ надъ мудрыми совѣтами Кольбера. Во время голландской войны духовенство обрадовало короля значительнымъ денежнымъ пожертвованіемъ и присоединило къ этому просьбу объ истребленіи ереси во Франціи. Это произвело на Людовика тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что онъ подозрѣвалъ у гюгенотовъ болѣе сочувствія къ ихъ единовѣрцамъ нежели къ соотечественникамъ. Поэтому, какъ скоро былъ возстановленъ миръ, ревностно приступили къ дѣлу обращенія. Длинный рядъ притѣснительныхъ мѣръ противъ гюгенотовъ служилъ приготовленіемъ къ рѣшительному удару. Сначала отняли у нихъ послѣдній остатокъ ихъ политическихъ преимуществъ, — такъ-называемыя смѣсныя палаты (§ 536), потомъ натянутымъ истолкованіемъ статей Нантскаго эдикта и подъ всѣми возможными предлогами уменьшили число ихъ церквей, ограничили богослуженіе немногими значительными городами и запретили ихъ синоды. Находившіе на Людовика припадки раскаянія и набожности постоянно были источникомъ новыхъ бѣдствій для этихъ еретиковъ, которыхъ обращеніемъ онъ надѣялся загладить многочисленные грѣхи своей жизни. Мало-по-малу ихъ исключили изъ всѣхъ должностей и званій, изъ откуповъ и службъ по общиннымъ выборамъ,

[1] Этого обращенія желала не одна г-жа де Ментенонъ; его настойчиво требовало общественное мнѣніе, встревоженное сношеніями гюгенотовъ съ ихъ единовѣрцами въ Голландіи и въ Англіи. Недавно открытыя письма г-жи де Ментенонъ и Записки Сенъ-Сирскаго института свидѣтельствуютъ напротивъ, что она рѣшительно не одобряла строгихъ мѣръ, къ которымъ мало-по-малу увлекли короля Лувуа, Летеллье и другіе совѣтники. Когда она заступалась за притѣсняемыхъ, Людовикъ обыкновенно останавливалъ ее неделикатнымъ упрекомъ въ пристрастіи къ ея бывшимъ единовѣрцамъ.

лишили даже цеховыхъ правъ и покровительствовали только новообращеннымъ; этимъ, разумѣется, завлекали честолюбцевъ, а бѣдныхъ старались подкупить деньгами, которыя выдавались изъ особо для того назначенной кассы короля и изъ благочестивыхъ пожертвованій знати; постановивъ правиломъ, что переходъ въ католичество даже маленькихъ дѣтей не ниже семилѣтняго возраста имѣетъ законную силу, открыли широкій просторъ рвенію обращателей. Разлучали семейства, малолѣтнихъ отрывали отъ родителей и воспитывали въ католической вѣрѣ; если гюгеноты принимали къ себѣ раскаявшагося обращенника, всю общину наказывали за это лишеніемъ церкви и изгнаніемъ священнослужителя. Дворъ и духовенство, съ суровымъ и краснорѣчивымъ епископомъ Боссюэтомъ во главѣ, употребляли всѣ возможныя средство для водворенія церковнаго единства во Франціи. Дворяне жертвовали своей вѣрою изъ-за милостиваго благоволенія двора съ того времени какъ гюгенотъ Тюреннъ, покрытый славою маршалъ Франціи, склонился на убѣжденія Боссюэта; изъ простонародія многіе соглашались ходить къ обѣдни за деньги, а іезуиты и ханжи пользовались этими случаями, чтобы доказать удобоисполнимость церковнаго единенія; но ядро кальвинизма, зажиточное среднее сословіе, рѣшительно сопротивлялось всѣмъ приманкамъ. Для него стало дѣломъ чести (съ 1680 г.) не мѣнять религіи ни изъ-за какихъ выгодъ, ни изъ-за какихъ потерь. Безъ оружія собирались эти люди на развалинахъ своихъ храмовъ, молиться и пѣть псалмы покаянія. Этотъ образованный и добросовѣстный классъ можно было одолѣть только силою; вотъ почему приступили наконецъ къ драгонадамъ [1], въ увѣренности, что одно только упорство и своеобычіе поддерживаютъ еще расколъ. По распоряженію Лувуа кавалерія заняла южные края вдоль Пиренеевъ, Гаронны и Роны и стала постоемъ по гюгенотскимъ домамъ. Генералы и интенданты (областные начальники) соединились съ миссіонерами. Скоро исчезло благосостояніе трудолюбивыхъ гражданъ; грубые драгуны пользовались ихъ собственностью безъ милосердія. Варварства этихъ проповѣдниковъ въ шпорахъ, которые, покидая домъ обращеннаго гюгенота, становились въ двойномъ числѣ къ упорному еретику, которые за величайшія злодѣйства могли ожидать не наказанія, а награды, а потому и позволяли себѣ неслыханные ужасы, — звѣрскіе поступки этихъ обращателей

---

[1] Военнымъ экзекуціямъ, при которыхъ драгунскій постой расправлялся съ упорными кальвинистами по произволенію.

новаго рода дѣйствовали сильнѣе всѣхъ приманокъ со стороны двора, всѣхъ искушеній со стороны священниковъ. Тысячи бѣжали за границу, чтобы жить по своей вѣрѣ на чужбинѣ; въ тулузскихъ тюрьмахъ томилось за одинъ разъ шестьдесятъ реформатскихъ проповѣдниковъ. Но еще очень много было такихъ, которые оставались непоколебимы не смотря на всѣ бѣдствія, когда отмѣна Нантскаго эдикта (22 окт. 1685) завершила собой систему гоненій и повергла гюгенотовъ въ совершенное отчаянье. Богослуженіе было имъ вполнѣ запрещено, всѣ храмы ихъ подверглись разрушенію, училища были закрыты, тѣ изъ ихъ проповѣдниковъ, которые не согласились обратиться за предложенную имъ награду, были изгнаны. Протестантское богослуженіе не дозволялось даже въ частныхъ жилищахъ. А когда выселеніе изъ Франціи возрасло до ужасающихъ размѣровъ, то его запретили подъ страхомъ ссылки на каторгу и конфискаціи имуществъ; заслуженые и всѣми уважаемые люди сидѣли закованные въ темницахъ, которыя въ короткое время переполнились. Но не смотря ни на какія запрещенія и угрозы, болѣе полумилліона французскихъ кальвинистовъ, покинувъ все имущество, перенесли свое досужество, свою вѣру и свое сердце на протестантскую чужбину. Этотъ переходъ совершили они среди неимовѣрныхъ затрудненій и опасностей, кто на судахъ, прячась между тюками товаровъ и хоронясь по разнымъ темнымъ угламъ, кто сухимъ путемъ, укрываясь на ночлегъ въ лѣсную чащу. Швейцарія, Рейнскій Палатинатъ, Бранденбургія, Голландія и Англія (Спитальфильдъ въ Лондонѣ) дали убѣжище гонимымъ. Ихъ образованіе, ихъ промышленность и живость ихъ ума не остались безъ дѣйствія на культуру тѣхъ народовъ, къ которымъ они переселились. А во Франціи исчезло завидное прежде благосостояніе южныхъ областей! Шелковая и чулочная фабрикація сообщена была бѣглыми гюгенотами иноземнымъ народамъ; кальвинистскіе писатели обратили свое перо противъ Франціи, и при возобновленіи войны кальвинистскіе воины стали въ ряды отъявленныхъ ея враговъ. Гонители, повидимому, забыли, что порядокъ міра держится на нравственныхъ законахъ, которые никогда еще не нарушались безъ того, чтобъ не навлечь мести ихъ дерзкому нарушителю. Льстецы восхваляли короля, какъ истребителя ереси; одинъ извѣстный поэтъ выбралъ это событіе предметомъ героической поэмы; дѣло церковнаго единенія ставили на ряду съ великими историческими подвигами, передъ которыми заслуга, оказанная въ то же время Австрійскимъ домомъ всему христіанству упорною борьбою съ Турками,

оставалась совершенно въ тѣни; однакожь героизмъ поселянъ въ Севеннскихъ горахъ и цѣлыя тысячи гюгенотовъ, пробавлявшихся тайною домашнею молитвой, доказали ясно, какъ мало ведетъ къ желанной цѣли религіозное угнетеніе. Когда гоненіе простерлось и въ тихія долины Севеннъ, гдѣ жили въ простотѣ вѣры и по старинѣ потомки вальденцевъ, слившіеся съ кальвинистами, то утѣснители встрѣтили тамъ страшное сопротивленіе. Преслѣдованіе возвысило духъ гонимыхъ, строгія мѣры довели ихъ религіозную ревность до восторженности. Изъ толпы неучей исходили проповѣдники Слова Божія, которыхъ рѣчи тѣмъ болѣе приковывали къ себѣ умы и сердца, что ихъ приписывали дѣйствію непосредственнаго вдохновенія. Вокругъ нихъ собирались въ самыхъ дикихъ пустыняхъ, слушать ихъ проповѣдь; въ отдаленнѣйшихъ загородяхъ, устроенныхъ для пастьбы скота въ дебряхъ горъ, совершалось богослуженіе по реформатскому обряду. Бѣглые священники разжигали возбужденныя сердца «дѣтей Божіихъ» дикой военною отвагой. Предводимые бывшимъ пастушенкомъ Кавальè и другими «пророками», камизарды[1], въ своихъ холщевыхъ балахонахъ, смѣло подставляли обнаженную грудь опытнымъ въ бою маршаламъ Франціи. Ужаснѣйшая междоусобная война, въ которой сто тысячъ человѣкъ лили потоки крови, опустошала мирныя долины Севеннъ. Насчитываютъ до 40 церквей и множество зàмковъ, ими разрушенныхъ; ни одной католической деревнѣ, ни одной мызѣ не было отъ нихъ пощады. Неожиданно вторгались они изъ-за горъ, и сочувствіе ихъ единовѣрцевъ неизмѣнно помогало имъ въ каждомъ предпріятіи. Страшная камизардская война прекратилась мало-по-малу только тогда, когда владыка Франціи предоставилъ свободный выходъ всѣмъ «пророкамъ и витязямъ» (1704), сколько ихъ еще уцѣлѣло послѣ рѣзни въ полѣ и казней на эшафотѣ. Около двухъ милліоновъ гюгенотовъ осталось во Франціи почти безъ всякихъ правъ и безъ богослуженія до тѣхъ поръ, пока болѣе кроткія времена не смягчили строгость антиеретическихъ законовъ. Но эта тираннія вѣры не могла не отразиться пагубно на французской церкви. Лицемѣрное ханжество, выказное соблюденіе церковныхъ обрядовъ были ближайшимъ слѣдствіемъ отмѣны закона о вѣротерпимости, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока глаза Людовика не сомкнулись навѣки; когда же два эти глаза закрылись и не стало уже никакой выгоды держать благочестіе на языкѣ и торжественно выставлять

[1] Отъ лангедокскаго камиза (camisa)—рубаха, балахонъ.

церковное знамя, тогда всѣ бросили гнилую шелуху, въ которой живаго зерна впрочемъ никогда и не было. Тутъ невѣріе, безбожіе и противуцерковный образъ мыслей выступили тѣмъ беззакрытнѣе, чѣмъ тяжеле былъ гнетъ, который налагала на умы указная религіозность. — По наущенію французскихъ ревнителей католицизма преслѣдовали въ то же время и благочестивыхъ вальденцевъ въ долинахъ Піэмонтскихъ горъ, а по берегамъ озеръ Сѣверной Америки и по водотоку верхней Миссисипи, гдѣ тогда ревностные миссіонеры распространяли вѣру въ истиннаго Бога и вмѣстѣ славу «великаго вождя Франціи», отстранялось съ кровавою строгостью всякое реформатское понятіе о христіанствѣ.

4. Высокомѣріе Людовика XIV и стѣсненное положеніе Австріи. Аугсбургскій союзъ.

§ 619. Возсоединенія (réunions). Статьи Нимвегенскаго мира были приняты европейскими державами въ томъ видѣ, въ какомъ предписывались французскимъ королемъ, оказывавшимъ свое личное вліяніе на самые переговоры. Ободренный этою робостью, Людовикъ принялся за неслыханныя возсоединенія. Покоривъ и укрѣпивъ еще во время войны десять имперскихъ городовъ въ Альзаціи, онъ сталъ утверждать теперь, что извѣстное число мѣстностей и участковъ входитъ въ составъ территорій и городовъ, уступленныхъ Франціи по Вестфальскому и Нимвегенскому миру, такъ какъ эти мѣстности и участки нѣкогда были принадлежностью тѣхъ уступокъ, а въ мирномъ договорѣ постановлено, что эти территоріи должны перейдти подъ верховную власть Франціи со всѣми ихъ округами. Чтобы придать этому притязанію видъ законности, Людовикъ велѣлъ учредить въ Мецѣ и Брейзахѣ такъ-называемыя камеры возсоединенія, для разъисканія этихъ участковъ, и такимъ образомъ совмѣстилъ въ одномъ своемъ лицѣ истца, судью и исполнителя. Исходя отъ того начала, что всѣ права имперіи перешли теперь на него, Людовикъ тогда же провозгласилъ себя верховно-лэннымъ господиномъ всѣхъ тѣхъ частныхъ владѣльцевъ, которые были указаны ему какъ вассалы уступленныхъ Франціи епископствъ и округовъ.

Мецскій судъ призналъ (1680) подвластными Франціи 80 лэновъ, лежащихъ внѣ ея границъ, а брейзахская камера объявила вассалами короля, кромѣ десяти имперскихъ городовъ въ Альзаціи и округовъ Гагенау и Вейсенбурга, еще нѣсколько водворившихся въ томъ краѣ, но непосредственно подвластныхъ имперіи, князей, должностныхъ лицъ, чиновъ и дворянъ, такъ что до 600 городовъ, мѣстечекъ, селъ, бурговъ, мельницъ и т. д. постепенно были присоединены къ Франціи. Вездѣ былъ выставленъ французскій гербъ, и какъ отъ подвластныхъ, такъ и отъ господъ, потребовали присяги на вѣрность, по французскому обычаю. Сильнѣйшіе члены имперіи воспротивились этому, но чиновники ихъ были выгнаны, архивы заперты, доходы удержаны; если они обращались къ французскому двору, то ихъ отсылали къ суду мецскому или брейзахскому: министры отказывались отъ всякихъ сношеній и переговоровъ съ ними. Всего суровѣе поступлено было съ архіепископомъ трирскимъ. Людовикъ заявилъ притязаніе на три мѣстности по р. Маасу, потому что король Пипинъ, подарившій ихъ архіепископскому престолу, удержалъ за собою при этомъ верховную власть и покровительство надъ ними. Оберштейнъ, принадлежавшій архіепископскому престолу не менѣе пяти столѣтій, былъ занятъ французскимъ войскомъ; тоже самое было съ Гомбургомъ и Битчемъ. Удача поощрила Людовика къ новымъ захватамъ. У герцога вюртембергскаго былъ отнятъ Мюмпельгардъ, какъ принадлежность Франшъ-Контѐ, у короля Шведскаго владѣнія его въ Пфальцъ-Цвейбрюкенѣ, у Испанцевъ — Люксембургъ и другіе нидерландскіе города. Въ тоже время король поручилъ Вобану построить на всѣхъ границахъ Франціи неприступныя укрѣпленія, долженствовавшія навсегда обезопасить страну отъ непріятельскихъ вторженій.

Но вѣнцомъ этой хищнической системы Людовика было отнятіе у Нѣмецкой имперіи, среди мира, вольнаго города Страсбурга (30-го сент. 1681). Измѣнникъ, епископъ Францъ Эгонъ фонъ-Фюрстенбергъ, и нѣкоторые подкупленные члены мигистрата были сообщниками при внезапномъ нападеніи и при занятіи города. Нѣкогда вольное гражданство, теперь обезоруженное, было вынуждено на колѣнахъ присягать на подданство иноземному государю; соборный храмъ былъ возвращенъ католическому богослуженію, а арсеналъ опорожненъ. Во время торжественнаго въѣзда короля, Вобанъ обозначилъ кольями мѣсто цитадели, въ пост-

роеніи которой участвовали нѣмецкіе граждане и крестьяне. Покинутое императоромъ и имперіей, и преданное трусливымъ магистратомъ, гражданство покорилось неотразимому жребію и пожертвовало своею политическою и церковною самостоятельностью королю, который грозилъ, въ случаѣ сопротивленія, войною и опустошеніемъ, а за мирную покорность обѣщалъ уважать городской уставъ, права и свободу вѣроисповѣданія. Вмѣсто того, чтобъ соединенными силами наказать короля за такое своевольство, императоръ, Испанія и раздѣленная религіозною ненавистью имперія заключили въ Регенсбургѣ двадцатилѣтнее перемиріе съ деспотическимъ монархомъ (15-го августа 1684), предоставивъ ему всѣ возсоединенные и захваченные участки и мѣстности, со включеніемъ взятой незадолго передъ тѣмъ крѣпости Люксембурга, на томъ единственно условіи, что всѣ эти новыя пріобрѣтенія сохранятъ свои религіозныя и политическія права и собственность, что возсоединенія отнынѣ прекратятся и верховныя права Франціи не будутъ распространяемы далѣе. Но долготерпѣніе сосѣдей только усиливало алчность и высокомѣріе Людовика. Преобладающимъ державамъ несвойственно самоограниченіе; предѣлы должны быть поставлены имъ со стороны. Нарушенія границъ продолжались по Рейну и въ другихъ мѣстностяхъ; Лувуа и самовластный его повелитель простерли свои захваты даже на Италію. Казале, этотъ ключъ къ Миланской области, былъ занятъ одновременно съ Страсбургомъ, а вѣроломный двусмысленный переговорщикъ Маттіоли, подвергся пожизненному заключенію, быть-можетъ подъ покровомъ (неразгаданной донынѣ) «желѣзной маски»; теперь и гордая Генуа поплатилась за свою приверженность къ старинной свободѣ страшною бомбардировкой (1684) и должна была въ Версали смиренно просить прощенія за то, что показывала больше расположеніе къ Испаніи, чѣмъ къ Франціи. Міръ оцѣпенѣлъ отъ страха.

Но пришла, наконецъ, пора, когда оскорбленныя Людовиковымъ самовластіемъ державы, дерзнули помышлять о противодѣйствіи дальнѣйшимъ его захватамъ соединенными силами. Сигналомъ къ этому была отмѣна Нантскаго эдикта,

лишившая Францію цѣлой массы трудолюбивыхъ гражданъ, которые перешли въ ряды враговъ деспотическаго короля, съ жаждою непримиримой мести въ сердцѣ. Средоточіемъ замышляемаго соединенія была республика Генеральныхъ Штатовъ, которая не забыла еще несправедливыхъ нападеній Людовика. Вильгельмъ III, котораго холодное и медлительное честолюбіе такъ давно выжидало удобной минуты чтобы развернуться и показать себя вполнѣ, воспользовался страшною ошибкою Французскаго властителя: онъ пріютилъ у себя гонимыхъ гюгенотовъ, давалъ имъ пенсіи, храмы, разныя льготы; онъ составилъ себѣ изъ нихъ четыре полка и шестисотенную дворянскую гвардію; онъ пустилъ въ ходъ яростныя перья гюгенотскихъ проповѣдниковъ и наводнилъ всю Европу памфлетами на Людовика. Коалиція, о которой онъ тщетно хлопоталъ около пяти лѣтъ, то раздражая противъ завоевателя общую ненависть, то умиряя возникающіе между врагами его раздоры, — эта коалиція составилась теперь довольно легко. И протестантскія, и католическія державы, не исключая самого папы, претерпѣли такъ много оскорбленій отъ Франціи, что охотно воспользовались случаемъ, который обѣщалъ имъ вскорѣ желанную месть. Такимъ образомъ 9 іюля 1686 г. состоялся въ Аугсбургѣ тайный оборонительный союзъ противъ Франціи, въ которомъ приняли участіе императоръ, короли Испанскій и Шведскій, Генеральные Штаты, курфюрсты Пфальцскій, Саксонскій и Бранденбургскій. Въ слѣдующемъ году къ нему приступили еще герцогъ Савойскій и курфюрстъ Баварскій, далѣе Итальянскіе владѣтели, устрашенные взятіемъ Казале и бомбардированіемъ Генуи; наконецъ втайнѣ примкнулъ сюда и папа Иннокентій XI, котораго ссора съ Франціей за регалію и за право убѣжища была тогда въ полномъ разгарѣ. Ничто такъ не характеризуетъ общей оппозиціи, возбужденной притязаніями Людовика на полновластіе въ Европѣ, какъ замѣчательный союзъ, котораго главою былъ представитель протестантизма, готовый защищать противъ Франціи и кальвинистовъ, ея подданныхъ, и вмѣстѣ оскорбленныя права папы! Для полноты союза недоставало только Англіи, которою, благодаря слабости недостойныхъ Стуартовъ, Людовикъ располагалъ, какъ своимъ орудіемъ.

Вильгельмъ вскорѣ принялъ рѣшительныя мѣры и съ этой стороны [1].

§ 620. Турки подъ Вѣною. Во все это время, императоръ Леопольдъ былъ занятъ дѣлами въ восточной части своего государства. Въ Венгріи, угнетеніе протестантовъ австрійскимъ правительствомъ, находившимся подъ вліяніемъ іезуитовъ, нарушеніе политическихъ сословныхъ правъ и тяжкія постойныя повинности произвели опасныя возстанія именно въ ту минуту, когда нѣсколько воинственныхъ великихъ визирей возобновили завоевательные планы прежнихъ султановъ и вновь пробудили бранный духъ янычаръ. Князь Трансильванскій былъ принужденъ платить большую дань Портѣ, и когда дворянство того края захотѣло свергнуть турецкое иго при помощи Австріи, тогда не только Трансильванія была поставлена еще въ бо̀льшую зависимость отъ Турковъ, но послѣдніе заняли и всю нижнюю Венгрію и прошли бы еще дальше, еслибъ не остановила ихъ блестящая побѣда Монтекукколи при Сенъ-Готтардѣ на Раабѣ (1664). Пользуясь заключеннымъ съ Турками перемиріемъ, австрійское правительство, особенно же враждебный Венгріи министръ Лобковичь, постепенно уничтожили древнія вольности и права Венгровъ.

Заговоръ, составленный сильнѣйшими дворянами Венгріи (1670) съ цѣлью освободиться отъ гнета австрійскихъ чиновниковъ, іезуитовъ и солдатъ, доставилъ императору желанный поводъ сокрушить самостоятельность того края. Послѣ того какъ вожди заговора (Зриньи, Надашди и Франджипанъ) погибли на эшафотѣ, императорскимъ эдиктомъ было объявлено (1671), что власть короны неограниченна, что Венгрія отнынѣ должна принять австрійскую военную силу и платить произвольно налагаемыя подати. Суровый, недобросовѣстный иностранецъ былъ поставленъ въ главѣ новаго деспотически военнаго правительства. Протестантскіе проповѣдники продавались, какъ крѣпостные, въ простые гребцы; у исповѣдниковъ Евангелія, устоявшихъ противъ соблазнительныхъ наградъ за отступничество—епископскихъ

---

[1] Въ подлинникѣ нѣтъ этихъ подробностей объ Аугсбургскомъ союзѣ; но переводчики сочли ихъ не лишними для характеристики тогдашняго положенія европейскихъ дѣлъ.

коѳедръ, придворныхъ и государственныхъ должностей, были отняты ихъ церкви, у нѣкоторыхъ — даже ихъ дѣти.

Но эти насилія пробудили чувство свободы и воинскій духъ Венгерцевъ. Эммерихъ Тёкёли, дѣятельный и даровитый вельможа, котораго имущество было конфисковано, поднялъ знамя мятежа (1674). Въ короткое время онъ уже имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительное войско, съ помощію котораго выгналъ австрійскую армію изъ Венгріи (1681). Людовикъ XIV помогалъ ему, и Порта, признавшая его обязаннымъ ей данью Королемъ Венгріи (1682), для защиты его снова перенесла войну въ самое сердце Австріи. Великій визирь Кара Мустафа съ 200,000 чел. войска прошелъ, опустошая все огнемъ и мечемъ, до самыхъ стѣнъ Вѣны. Дворъ бѣжалъ въ Линцъ; казалось, столица Австріи погибала. Но героизмъ гражданъ, предводимыхъ рѣшительнымъ Рюдигеромъ Штарембергомъ, и неумѣнье Османовъ вести осадную войну дали возможность Вѣнѣ въ теченіе 60 дней отражать всѣ нападенія, пока подошла къ ней на помощь имперская армія подъ предводительствомъ Карла Лотарингскаго и соединенное съ нею польское войско подъ начальствомъ героическаго короля Яна Собѣскаго. Кровавый бой подъ стѣнами Вѣны рѣшилъ дѣло противъ Турковъ (9 сент. 1683). Они поспѣшно отступили и оставили несмѣтную добычу въ рукахъ побѣдителей. Кара Мустафа былъ обезглавленъ по приказанію султана, но военное счастіе осталось и затѣмъ на сторонѣ христіанскихъ войскъ. Карлъ Лотарингскій бралъ одинъ венгерскій городъ за другимъ, и когда наконецъ самый Офенъ, которымъ Турки владѣли уже 146 лѣтъ, попалъ во власть Австрійцевъ, тогда Леопольдъ призналъ возможнымъ исполнить свой давно задуманный планъ противъ независимости Венгріи. Эперіешскій уголовный судъ (1687) лишилъ дворянство самыхъ предпріимчивыхъ вождей его и до того устрашилъ націю кровавыми казнями, что на сеймѣ въ Пресбургѣ чины согласились на отмѣну выборной королевской власти, и отказались отъ важнаго права — противиться повелѣніямъ, несогласнымъ съ государственнымъ уставомъ.

Съ тѣхъ поръ Венгрія перестала быть избирательнымъ государст-

вомъ, и королевскій санъ былъ признанъ наслѣдственнымъ въ мужскомъ колѣнѣ Габсбурговъ. Остальныя права были сохранены націи и должны были клятвенно подтверждаться при восшествіи на тронъ каждымъ новымъ государемъ. Но жалобы протестантовъ на происки іезуитовъ не были услышаны. Евангелическая церковь путемъ безкровнаго мученичества уменьшилась на половину. Тёкёли бѣжалъ къ Туркамъ, гдѣ содержался нѣкоторое время въ цѣпяхъ, пока султанъ, убѣдясь въ его вѣрности, не воспользовался имъ опять въ войнѣ противъ Австрійцевъ.

Османы, побѣжденные Венеціанами въ Мореѣ и въ древней Элладѣ и изгнанные Австрійцами изъ Венгріи и Трансильваніи, свергнули султана съ престола и возвели на его мѣсто другаго; но Карлъ Лотарингскій, принцъ Евгеній и Людвигъ Баденскій приковали побѣду къ знаменамъ Австріи. Только тогда, когда великій визирь Кёприли принялъ на себя веденіе войны, счастіе на время поколебалось; завоеванный съ большими усиліями Бѣлградъ снова перешелъ въ руки Турковъ (1688). Но славная побѣда Людвига Баденскаго при Саланкеменѣ (1691), гдѣ 26,000 турецкихъ труповъ, въ томъ числѣ трупъ самого великаго визиря, покрыли поле сраженія, и кровопролитный бой при Центѣ на Тейсѣ (1697), гдѣ принцъ Евгеній выказалъ свой превосходный военный талантъ и гдѣ огромная добыча досталась побѣдителю, принудили наконецъ Порту заключить Карловицкій миръ (янв. 1699).

Трансильванія и весь край между Дунаемъ и Тейсой былъ уступленъ Австріи; Морея и нѣкоторые острова достались Венеціи; Россія, подъ конецъ тоже участвовавшая въ войнѣ, удержала за собой завоеванный Азовъ. Такимъ образомъ Австрія со славою вышла изъ борьбы, вначалѣ исполненной столь грозныхъ опасностей. Графъ Тёкёли, возведенный султаномъ въ званіе Виддинскаго князя, умеръ (1705) изгнанникомъ въ помѣстьѣ подъ Никомидіей, вдали отъ родной земли, освобожденіе которой было единственною цѣлью его жизни.

5. Англія при двухъ послѣднихъ Стуартахъ.

§ 621. Карлъ II (1660 — 85). Правленіе легкомысленнаго, безхарактернаго и сладострастнаго Карла II было роковымъ для Англіи. Ни участь отца, ни тяжкія испытанія собственной жизни не послужили ему урокомъ и предосте-

реженіемъ. При веселомъ дворѣ въ Вайтголлѣ помышляли меньше чѣмъ гдѣ нибудь о грозныхъ увѣтахъ прошедшаго. Едва затихла месть роялистовъ къ пуританамъ и республиканцамъ (§ 604), какъ государство уже постигли тяжкія бѣдствія. Заразительная болѣзнь въ одно лѣто свела въ могилу 100,000 жителей столицы (1665); въ слѣдующемъ году (1666) сгорѣло двѣ трети Лондона (13,000 домовъ и 89 церквей) и вскорѣ послѣ того голландскій флотъ поднялся вверхъ по Темзѣ, сжегъ военные карабли и похитилъ разныя суда и имущество. Все это не слишкомъ тревожило легкомысленнаго короля; въ день сожженія флота, онъ съ ребяческою шаловливостью гонялся съ своими любовницами за мотылькомъ; чуждый патріотизма и чувства чести, онъ продалъ Франціи пріобрѣтенный Кромвелемъ Дюнкирхенъ и «прокутилъ эти деньги»; когда же расточительное содержаніе двора увеличило долги и безденежье, а парламентъ, у котораго вскорѣ остылъ первый восторгъ къ королевской власти, уже не такъ щедро разрѣшалъ денежныя суммы, какъ хотѣлось королю, послѣдній подался на соблазнительный призывъ Франціи и продалъ Людовику XIV честь и интересъ страны, вмѣстѣ съ собственною вѣрой, за годовое жалованье и любовницъ (§ 613). Господствовавшій тогда при французскомъ дворѣ, этомъ законодателѣ моды, обычай — доказывать свое отличное образованіе и утонченность нравовъ перемѣною религіи и прозелитизмомъ, уже пустилъ корни и въ Англіи. Братъ короля, герцогъ Іоркскій, перешелъ въ римское исповѣданіе и склонилъ къ тому жену свою, дочь министра Кларендона, роялистскаго историка англійскаго «мятежа», да если и Карлъ II скрывалъ свои католическія убѣжденія и предпочиталъ притворяться и обманывать, то единственно по совѣту Людовика XIV, который, опасаясь бѣды для короля и ущерба собственнымъ интересамъ отъ его крутаго перехода къ католичеству, препятствовалъ безразсудному оглашенію перемѣны вѣроисповѣданія. Правда, народъ угадывалъ что̀ произошло въ сердцѣ короля; но убѣдился въ этомъ только тогда, когда Карлъ, при кончинѣ, далъ совершить надъ собой католическія предсмертныя таинства. Парламентъ старался защитить англиканскую вѣру отъ дворскихъ происковъ такъ-называемымъ

актомъ предварительнаго испытанія (Testact, 1673), по которому каждый, занимающій гражданскую или военную должность, обязывался принадлежать къ англиканской церкви.

Воспоминаніе о суровости пресвитеріанскаго духовенства, во время опасностей его юныхъ лѣтъ, отвращеніе сластолюбиваго государя къ аскетической строгости пуританъ, и потребность въ легкомъ отпущеніи грѣховъ за любострастную и порочную жизнь свою, чтобы однимъ наружнымъ раскаяніемъ купить себѣ продленіе всѣхъ чувственныхъ удовольствій — таковы были побужденія, склонившія Карла II къ католицизму и наставившія его на такой путь, гдѣ онъ не могъ избѣжать притворства, двуязычія, лжи и нарушенія слова. Данное предъ возвращеніемъ его обѣщаніе уважать свободу совѣсти осталось безъ исполненія, пока англійскій народъ и чуждое терпимости духовенство преслѣдовали своимъ гнѣвомъ пуританъ, на которыхъ они желали выместить свое прежнее униженіе. Король не помѣшалъ акту о единовѣріи отнять мѣста у 2,000 пуританскихъ пасторовъ и ввергнуть ихъ въ нищету съ женами и дѣтьми; когда они нашли состраданіе, помощь и преданность у своихъ бывшихъ прихожанъ и устроили тайныя сборища для молитвы, тогда актомъ о сходкахъ были объявлены незаконными и мятежными всѣ религіозныя собранія, состоящія больше чѣмъ изъ пяти человѣкъ и при которыхъ не употребляется всеобщій молитвенникъ, — а участникамъ такихъ собраній положены тяжкія наказанія. Этотъ актъ о сходкахъ былъ распространенъ и на Шотландію, гдѣ епископальная система была введена со всею строгостью; только умѣреннымъ пресвитеріанамъ дарована полутерпимость подъ названіемъ индульгенціи[1]. «Но нашлось много безпокойныхъ и рѣшительныхъ людей (говоритъ Маколей), особенно въ западныхъ долинахъ, которые были того мнѣнія, что долгъ не отступать отъ ковенанта выше обязанности повиноваться начальству. Эти люди продолжали, вопреки закону, ходить на сборища и по своему поклоняться Богу. Они считали индульгенцію не полу-вознагражденіемъ за несправедливости, причиненныя властями церкви, но новымъ и тѣмъ болѣе ненавистнымъ зломъ, что оно было прикрыто личиною благодѣянія. Гоненіе, говорили они, можетъ убить только тѣло, а нечистая индульгенція убиваетъ духъ. Выгнанные изъ городовъ, они собирались въ рощахъ и въ горахъ; тѣснимые гражданскою властью, они смѣло от-

[1] Снисхожденія.

ражали силу силою. На каждое сборище являлись они вооруженные, и часто доходило до открытаго мятежа. Они легко были побѣждены, но вмѣстѣ съ пораженіями и наказаніями росло ихъ мужество. Преслѣдуемые какъ дикіе звѣри, мучимые пыткою до излома костей, заключаемые въ тюрьмы цѣлыми сотнями и вѣшаемые дюжинами, то подвергаясь необузданности англійскихъ солдатъ, то отдаваясь милосердію горскихъ разбойничьихъ шаекъ, сохраняли они, не смотря на свое бѣдственное положеніе, столь дикое мужество, что даже смѣлѣйшій и сильнѣйшій гонитель не могъ не страшиться ихъ отваги и отчаянія». — Когда же епископалы утолили свою месть на диссентерахъ, и строгость законовъ о разновѣрцахъ простерлась и на католиковъ, тогда Карлъ вспомнилъ о своемъ прежнемъ, данномъ изъ Бреды [1] обѣщаніи и пожелалъ, чтобъ эти законы были смягчены. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ сильно принимать къ сердцу тотъ гнетъ, подъ которымъ стонали католики. Поэтому онъ издалъ, не спросясь парламента, указъ о терпимости, которымъ, въ силу своей верховной власти въ церковныхъ дѣлахъ, пріостановилъ дѣйствіе всѣхъ уголовныхъ законовъ противъ разновѣрцевъ, дозволилъ религіозныя сборища въ опредѣленныхъ мѣстахъ и поставилъ диссентерскихъ священниковъ подъ защиту свѣтскаго начальства. Но этотъ указъ о терпимости, казавшійся епископальной націи первымъ шагомъ къ папизму, до того раздражилъ ее, что король былъ вынужденъ не только отмѣнить свое постановленіе, но и утвердить неотступно требуемый парламентомъ актъ предварительнаго испытанія (Test-act), по которому, всѣ отказывающіеся присягнуть въ вѣрности и признаніи королевскаго главенства въ церковныхъ дѣлахъ (supremacy), принимать евхаристію по англиканскому обряду и подписать декларацію противъ догмата пресуществленія, признаны неспособными занимать какую бы то ни было гражданскую или военную должность и не могли быть избираемы въ члены парламента и государственнаго совѣта. Герцогъ Іоркскій не далъ этой присяги, отказался отъ должности генералъ-адмирала и вступилъ во второй бракъ съ католическою принцессой. Черезъ это обнаружился переходъ его въ католическую церковь, и такъ какъ, за неимѣніемъ законнаго принца Валлисскаго, онъ былъ бли-

[1] Передъ возстановленіемъ своимъ на англійскомъ престолѣ Карлъ, еще изъ Бреды, обратился къ обѣимъ палатамъ парламента съ письмами, въ которыхъ обѣщалъ вопервыхъ прощеніе всѣмъ кромѣ тѣхъ, кого исключитъ отъ этого самъ парламентъ, и вовторыхъ свободу совѣсти «запуганнымъ душамъ». Эти письма стали потомъ извѣстны въ исторіи подъ именемъ Бредской декларацiи.

жайшимъ наслѣдникомъ престола, то протестантскіе диссентеры и приверженцы господствующей церкви сблизились между собою, чтобы совокупными силами противодѣйствовать католицизму. Обѣ дочери герцога Іоркскаго, Марія, въ супружествѣ съ Вильгельмомъ III Голландскимъ, и Анна — жена одного датскаго принца, остались протестантками.

§ 622. Дѣятельность Шафтсбери. Послѣ осьмилѣтняго успѣшнаго исполненія своей должности, министръ Кларендонъ впалъ въ немилость (1668) и долженъ былъ кончить жизнь изгнанникомъ въ чужихъ краяхъ. Новое министерство, прозванное, для обозначенія его безцвѣтности, кабальнымъ министерствомъ по начальнымъ буквамъ министерскихъ именъ (Клиффордъ, Арлингтонъ, Бокингамъ, Ашлей, Лодердель), управляло теперь дѣлами по волѣ короля, безъ всякаго уваженія къ народнымъ правамъ и къ чести (1669—74). Снова возгорѣлась очесточенная борьба между королевскою властью, стремившеюся къ неограниченности, и парламентомъ, охранявшимъ народныя права и религію. Опираясь на министерство, состоящее изъ талантливыхъ, но безнравственныхъ людей, король предпринялъ непопулярную войну съ Голландцами, доставившую ему ежегодныя денежныя вспоможенія отъ Франціи, но странѣ—безчестіе и вредъ. Подкупъ и продажность не считались теперь постыдными въ самыхъ высшихъ сферахъ. Лондонскіе ювелиры, ссудившіе правительству большую сумму денегъ, были обмануты съ невѣроятною безсовѣстностью, и многіе изъ нихъ лишились черезъ это всего достоянія. Тщетно парламентъ, спустя нѣсколько лѣтъ, принудилъ короля окончить войну съ Голландцами; Карлъ заботясь только о своихъ денежныхъ доходахъ, оставилъ своего побочнаго сына Монмаута съ нѣсколькими тысячами Англичанъ наемниками во французской службѣ, и когда наконецъ Нижняя Палата настоятельно потребовала отозванія ихъ и хотѣла принудить короля къ союзу съ Голландіей противъ Франціи, тогда Карлъ, опять подкупленный Людовикомъ, закрылъ засѣданія парламента и собственноручно написаннымъ договоромъ обязался (1675) не заключать никакого союза съ Голландіею безъ согласія Французскаго короля. Пользуясь этимъ уговоромъ, Людовикъ до тѣхъ поръ продолжалъ войну въ Нидерландахъ, пока не-

убѣдился въ томъ, что союзникъ его уже не можетъ долѣе противиться неотступному требованію англійскаго народа, и пока Голландцы не согласились на выгодный для него миръ (Нимвегенскій 1678 г., § 615.)

Между тѣмъ члены кабальнаго министерства мало-по-малу удалялись, и многіе изъ нихъ, между прочимъ умный графъ Шафтсбери (Ашлей), пристали къ противной партіи (оппозиціи), опасаясь, чтобъ слабость, нерѣшительность и беззаконный образъ дѣйствій короля не повредили имъ самимъ. Дабы пріобрѣсти довѣріе націи, приписывавшей пожаръ столицы и всякое бѣдствіе іезуитамъ и папистамъ, Шафтсбери воспользовался слухами о заговорѣ папистовъ противъ жизни короля для удаленія и пагубы католическихъ его совѣтниковъ. Этотъ заговоръ, основанный единственно на показаніяхъ двухъ негодяевъ, клятвопреступнаго обманщика Отса и осужденнаго разбойника Бедло, вѣроятно былъ пустою выдумкой, которой могло повѣрить лишь поколѣніе, исполненное подозрительности и религіозной вражды. Но такъ велика была слабость короля, проистекавшая изъ нечистой его совѣсти, что онъ, хотя и внутренно убѣжденный въ несуществованіи заговора, далъ свое согласіе на деспотическія мѣры противъ папистовъ. 2,000 человѣкъ, между ними значительные лорды, были посажены въ тюрьму; еще большее число католиковъ было выслано изъ Лондона, а многія католическія духовныя лица казнены; актъ предварительнаго испытанія (§ 621) получилъ болѣе строгое примѣненіе, и всѣ паписты лишились своихъ мѣстъ въ парламентѣ, вслѣдствіе чего католическіе перы сами вышли въ отставку. Надпись на извѣстной колоннѣ въ Лондонѣ, обвиняющая папистовъ въ сожженіи города, доселѣ остается знаменательнымъ свидѣтельствомъ тогдашней ненависти англійскаго народа къ католикамъ.

Тщетно Карлъ распустилъ наконецъ палату, съ которою управлялъ 18 лѣтъ (январь 1679); новый парламентъ повелъ ту же ожесточенную рѣчь противъ католичествующаго направленія двора и гибельныхъ замысловъ папистовъ, вслѣдствіе чего король, чтобы не согласиться на требуемое отрѣшеніе своего брата отъ престолонаслѣдія, принужденъ былъ выслать его изъ Англіи, удалить своего довѣреннаго министра Данби, назначить новое министерство подъ управленіемъ сэръ Вильяма Темпля и лорда Шафтсбери, и усилить государственный совѣтъ назначеніемъ въ него попу-

лярныхъ членовъ. Это министерство составило себѣ безсмертное имя въ англійской исторіи такъ-называемымъ актомъ Habeas corpus (1679), этимъ щитомъ личной свободы Англичанъ [1].

По этому закону, никто не можетъ быть арестованъ безъ письменнаго приказа власти съ изложеніемъ причинъ ареста; а арестованный долженъ быть преданъ суду въ теченіе установленнаго срока (обыкновенно — трехдневнаго) и можетъ быть заключенъ лишь въ тюрьму своего графства; при этомъ опредѣлены и случаи освобожденія изъ тюрьмы за поручительствомъ. Еще прежде былъ изданъ другой важный законъ, которымъ земля признана свободною, съ отмѣною рыцарскихъ лэновъ и обращеніемъ ея въ наслѣдственныя отчины, свободныя отъ военныхъ и другихъ феодальныхъ службъ; только зависимые крестьянскіе участки, конечно, оставлены были при своихъ лэнныхъ повинностяхъ.

Но Шафтсбери и новый парламентъ продолжали гоненіе на папистовъ, вопреки акту Habeas corpus предписывали произвольныя арестаціи, велѣли казнить 70-лѣтняго Вильяма Говарда (лорда Стаффорда) и возобновили свои усилія въ пользу билля объ отрѣшеніи герцога Іоркскаго отъ престолонаслѣдія. Тогда Карлъ распустилъ парламентъ. И какъ въ то время французскія деньги, покрывавшія расходы двора помимо разрѣшенія суммъ Нижнею Палатой, стали опять выдаваться обильнѣе прежняго, то Карлъ неоднократно прибѣгалъ къ распущенію этой палаты, пока нація, страшась возобновленія междусобной войны и переставъ наконецъ вѣрить доносчикамъ на заговоръ папистовъ, выказала болѣе умѣренный образъ мыслей. Дворъ воспользовался этимъ, чтобы доставить коронѣ, чрезъ посредство главнаго судьи Джеффриза, право утверждать городскіе магистраты и бо́льшее вліяніе при замѣщеніи присяжныхъ судовъ, удалить Шафтсбери и призвать обратно герцога Іоркскаго. Въ это время возникли двѣ политическія партіи (1681), имена которыхъ — виги

---

[1] Habeas corpus буквально значитъ: «Имѣй тѣло», причемъ подразумѣвается важное дополненіе — свободнымъ. На практикѣ этотъ общій законъ ограниченъ однакожь множествомъ частныхъ условій, особенно—зависящихъ отъ преобладанія землевладѣльцевъ въ мировыхъ судахъ и въ земской администраціи.

и торіи [1] — доселѣ раздѣляютъ Англичанъ на два большіе лагеря.

Первые, во главѣ которыхъ стояли Шафтсбери и многіе умнѣйшіе, благороднѣйшіе и непоколебимѣйшіе люди Англіи, каковы лордъ Россель, Сидней, Грей и другіе, считали государственное уложеніе обоюднымъ договоромъ между королемъ и націей, и признавали за послѣднею право открытаго сопротивленія въ случаѣ явныхъ нарушеній закона; напротивъ торіи, главою которыхъ былъ епископальный Оксфордскій университетъ, отвергали то начало, по которому гражданская власть исходитъ отъ народа, и требовали отъ подданныхъ безусловнаго повиновенія.

Дворъ направилъ теперь весь гнѣвъ свой противъ вождей виговъ, настаивавшихъ на отрѣшеніи герцога Іоркскаго и помышлявшихъ кто о возстановленіи республики, кто о передачѣ короны незаконному сыну Карла, Монмауту, или другому протестантскому родственнику королѐвскаго дома. Шафтсбери избавился отъ грозы бѣгствомъ въ Голландію (1683), гдѣ вскорѣ и умеръ; но друзья его пали подъ ударами своихъ противниковъ. Дворъ воспользовался составленнымъ нѣсколькими ничтожными людьми заговоромъ противъ жизни короля и его брата, чтобы погубить главныхъ виговъ, неимѣвшихъ ничего общаго съ этими преступниками. Лордъ Россель и Альгернонъ Сидней, преданные однимъ изъ своихъ единомышленниковъ и обвиненные торійскими судьями въ государственной измѣнѣ, кончили жизнь на эшафотѣ. Монмаутъ бѣжалъ въ Голландію. Нація, утомленная заговорами и неблагосклонная къ республиканцамъ, оставалась съ тѣхъ поръ спокойна, такъ что герцогъ Іоркскій могъ снова занять свои должности, а Карлъ — до самой смерти своей (1685) управлять неограниченнѣе, чѣмъ когда либо прежде.

§ 623. Спустя нѣсколько недѣль по восшествіи на престолъ Іакова II (1685—88), къ берегу Британіи присталъ съ партіею англійскихъ выходцевъ герцогъ Монмаутъ, вельможа прекрасный собою, богатый и любимый народомъ,—присталъ для того, чтобы отнять у дяди корону. Много недовольныхъ собралось подъ его знамя. Но безразсудность и трусость

---

[1] Происхожденіе этихъ прозвищъ достовѣрно не извѣстно.

предводителя, неспособность его совѣтниковъ и разладъ между его приверженцами, когда принятіемъ королевскаго титула онъ оттолкнулъ отъ себя республиканцевъ, помѣшали успѣху предпріятія. Монмаутъ умеръ мучительной смертью на эшафотѣ. Но жестокосердіе Іакова противъ всѣхъ участниковъ и потаковщиковъ возстанія, изъ которыхъ 300 были казнены и болѣе 800 сосланы въ Вестъ-Индію и отданы въ неволю на работу, истребило послѣднюю искру приверженности въ сердцѣ народа. Имя главнаго судьи Джеффриза, объѣзжавшаго графства съ сѣкирой въ рукѣ и съ ватагою палачей, вписано кровавыми чертами въ лѣтописи англійской исторіи. И когда этотъ Джеффризъ былъ сдѣланъ лордомъ канцлеромъ, а число католическихъ начальниковъ въ войскѣ возрасло до устрашающей степени, когда постепенное возвращеніе католицизма стали повидимому подготовлять обходомъ акта предварительнаго испытанія (§ 621) чрезъ расширеніе диспенсаціоннаго права короля [1] и предположенное введеніе эдикта о вѣротерпимости, когда наконецъ всѣ вообще мѣры указывали на то, что Іаковъ стремится къ преобразованію церковнаго и гражданскаго порядка въ Англіи, тогда весь край пришелъ въ страшное волненье.

Іаковъ II былъ до того ревностный новообращенникъ, что онъ не могъ, подобно Карлу II, довольствоваться только терпимостью принятой имъ вѣры. Съ рвеніемъ миссіонера и строптивостью фанатика стремился онъ доставить господство католицизму. Онъ отправилъ къ папѣ посла, и самъ принялъ отъ него нунція; онъ возстановилъ въ своемъ дворцѣ римское богослуженіе и дозволилъ совершать его въ частныхъ капеллахъ; онъ разрѣшилъ іезуитамъ и монахамъ другихъ орденовъ свободное жительство въ предѣлахъ королевства, поощрялъ обращенія къ католичеству, награждая за то опредѣленіемъ къ должностямъ и другими преимуществами, а переходившимъ священникамъ обезпечивалъ дальнѣйшее пользованіе ихъ приходскими мѣстами. Виды на мірскія выгоды, на должности и почетныя мѣста, разумѣется, оказывали свое дѣйствіе на слабыхъ; соблазнъ былъ слишкомъ великъ, и примѣръ сверху доставлялъ многимъ мнимоубѣдительные доводы для успокоенія

[1] То-есть права увольнять отъ присяги, требуемой актомъ предварительнаго испытанія.

ихъ встревоженной совѣсти. Приказъ освободить всѣхъ тѣхъ, кто былъ заключенъ въ предъидущее царствованіе за отказъ присягнуть королю, какъ главѣ церкви, возвратилъ человѣческому обществу нѣсколько тысячь разновѣрцевъ, въ томъ числѣ и протестантскихъ диссентеровъ. Но чтобы не утвердилось мнѣніе, будто королевское сердце болѣетъ и объ нихъ, онъ вскорѣ потомъ приказалъ всенародно сжечь рукою палача книгу гюгенотскаго проповѣдника Клода (Claude) о гоненіяхъ на протестантовъ во Франціи, и тѣмъ самымъ выказалъ, что одобряетъ мѣры Людовика XIV.—При всемъ томъ Іаковъ не могъ надѣяться на успѣхъ, пока оставался въ силѣ актъ о предварительномъ испытаніи. Поэтому, чтобы подготовить его отмѣну, принято было за правило, «что державному королю Англіи неоспоримо принадлежитъ власть увольнять въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ исполненія государственныхъ законовъ». Слѣдствіемъ было то, что высшія начальственныя мѣста въ арміи поручены были католикамъ и новообращеннымъ, и когда это возбудило ропотъ въ духовенствѣ, и раздававшійся съ церковныхъ каѳедръ постоянный увѣтъ, «крѣпко стоять въ протестантскомъ исповѣданіи и не даваться въ разставленныя сѣти папскихъ лжеученій», привелъ народъ въ волненіе, тогда твердый сторонникъ оппозиціи, лондонскій епископъ, былъ лишенъ своего сана. — Съ упорствомъ, свойственнымъ всѣмъ Стуартамъ, Іаковъ продолжалъ своими прокламаціями въ Шотландіи и Англіи надѣлять единовѣрцевъ своихъ правами, въ которыхъ отказывалъ имъ коренной законъ. Но шотландскіе пресвитеріане, столь доступные религіозному фанатизму и еще недавно проявившіе свою ненависть къ церковнымъ нововведеніямъ Стуартовъ убійствомъ эдинбургскаго архіепископа Шарпа, ревностнаго поборника епископальнаго управленія, воспротивились примѣненію спорнаго королевскаго права на дѣлѣ и объявили, что «дарованіе вѣротерпимости лежитъ внѣ предѣловъ свѣтской власти и не совмѣстно съ заповѣдями Божіими; что цѣль ея — возстановить тираннію и отворить сердца протестантовъ папизму, а слѣдовательно допустить опять ересь, богохульство и идолослуженіе». Подобное же волненіе породилъ въ Англіи королевскій указъ, чтобы всѣ уголовные законы противъ нарушенія церковныхъ постановленій считать недѣйствительными и отнюдь не требовать ни какой религіозной присяги, какъ условія для занятія какой бы то ни было должности, — мѣра казавшаяся тѣмъ болѣе опасною, что самое явное и безпощадное вмѣшательство въ выборы при образованіи новаго парламента удостовѣряли націю въ намѣреніи короля, отмѣною

акта предварительнаго испытанія и введеніемъ всеобщей вѣротерпимости, добиться ниспроверженія господствующей церкви при наружномъ соблюденіи всѣхъ законныхъ формъ. Поэтому, когда духовенству приказано было прочесть это повелѣніе во время обыкновенной церковной службы, то семеро епископовъ отказались исполнить волю короля. Внѣ себя отъ такой дерзости, Іаковъ велѣлъ обвинить ихъ передъ судомъ, а между тѣмъ заключить въ Тауэръ. Пока ихъ вели туда, народъ чествовалъ ихъ какъ святыхъ и на колѣняхъ просилъ у нихъ благословенія. Оправданіе обвиненныхъ праздновалось какъ побѣдное торжество иллюминаціей и кликами восторга, что должно бы убѣдить Іакова въ близости собиравшейся грозы, еслибъ онъ умышленно не закрывалъ глазъ передъ пропастью, которая зіяла подъ его ногами.

§ 624. Переворотъ 1688 года. Негодованіе англійскаго народа достигло высшей степени, когда въ то самое время, какъ по внушенію Вильгельма Оранскаго, императоръ, Голландія, Бранденбургъ, многіе члены Нѣмецкой имперіи, Испанія и Швеція заключили между собою Аугсбургскій союзъ (1686) противъ преобладанія Французовъ, Іаковъ вступилъ въ связь съ Людовикомъ XIV и отозвалъ англійскія войска, съ давнихъ поръ состоявшія у Голландцевъ на жалованьи. Только 36 офицеровъ и немногіе нижніе чины послѣдовали этому призыву; прочіе остались у принца Оранскаго, который, какъ супругъ старшей дочери Іакова, могъ имѣть притязанія на англійскій престолъ, и который объявивъ себя противъ отмѣны акта предварительнаго испытанія, всенародно высказалъ свое неодобреніе мѣрамъ и стремленіямъ своего тестя. Вдругъ вѣсть о рожденіи королю принца Валлисскаго разомъ отняла у Англичанъ надежду на скорое освобожденіе отъ папистскаго ярма и породила замыселъ освободиться отъ него силой съ помощью Вильгельма [1]. Подлинность новорожденнаго принца

[1] Дѣло въ томъ, что Вильгельмъ давно уже имѣлъ виды на англійскій престолъ; пятнадцать лѣтъ находился онъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ главами народной партіи; по его внушенію состоялся актъ о предварительномъ испытаніи и разныя другія мѣры оппозиціи; онъ постоянно окружалъ себя англійскими выходцами и недовольными; у него были друзья въ совѣтѣ самого Іакова, которые предательски вели короля на вѣрную погибель. Въ надеждѣ на Аугсбургскій союзъ, Вильгельмъ рѣшился наконецъ высадиться съ арміей въ Англію, выступить посредникомъ между народомъ и королемъ, отрѣшить его отъ престола по опредѣленію парламента и царствовать вмѣсто его именемъ своей жены. Онъ

была подвергнута сомнѣнію; толпы недовольныхъ Англичанъ потянулись въ Гагу; партія виговъ, съ значительными, уважаемыми людьми во главѣ, вступила въ явную связь съ Вильгельмомъ Оранскимъ и обѣщала ему на случай высадки помощь всѣхъ англійскихъ протестантовъ. Въ непостижимомъ ослѣпленіи смотрѣлъ Іаковъ на вооруженія Генеральныхъ Штатовъ [1], которые щедрымъ и широкимъ содѣйствіемъ платили теперь своему наслѣдственному статгаудеру за спасеніе ихъ края. Даже представленія Людовика XIV безсильны были открыть ему глаза. Только уже, когда Вильгельмъ дѣйствительно вышелъ на берегъ Англіи съ голландскимъ войскомъ (ноябрь 1688), когда развѣвающееся на гротмачтѣ его корабля англійское знамя съ девизомъ: «протестантизмъ и свобода Англіи» торжественно возвѣстило о его намѣреніи, а написанный историкомъ Борнетомъ манифестъ, распространенный въ несмѣтномъ числѣ экземпляровъ по всему краю, вызвалъ всеобщее движеніе,—только тогда увидѣлъ Іаковъ тотъ волканъ, на которомъ чуть держится подножіе его трона. Напрасно отмѣнилъ онъ теперь всѣ мѣры, противныя конституціи; довѣріе къ нему народа исчезло въ конецъ. Тутъ узналъ онъ къ собственному бѣдствію, какъ опасно слѣдовать тому началу, что всегда есть средство обходить законы и клятвенныя обѣщанія путемъ софистическихъ толкованій. Какъ онъ дозволилъ себѣ устранить присягу, данную имъ при коронаціи и утвержденный имъ актъ предварительнаго испытанія, такъ точно и народъ уже не считалъ себя связаннымъ правилами о безусловной покорности и о незаконности всякаго вооруженнаго сопротивленья. Почва, на которой онъ стоялъ, была совершенно подрыта предательствомъ, лицемѣріемъ и клятвопреступничествомъ, съ которыми англійскій народъ сроднился благодаря Стуартамъ. Когда возведенный потомъ въ герцоги Мальбро, лордъ Чор-

---

сообщилъ о своемъ планѣ всѣмъ участникамъ Аугсбургскаго союза, даже папѣ, поставляя на видъ необходимость вырвать Англію изъ рукъ Людовика XIV, и такова была общая ненависть къ послѣднему, что всѣ одобрили этотъ заговоръ зятя противъ тестя, это явное нарушеніе верховныхъ правъ.

[1] Принцъ Оранскій увѣрялъ, и очень правдоподобно, что всѣ эти вооруженія дѣлаются на случай обороны отъ угрожающаго нападенія Французовъ.

чиль, перешелъ съ своими войсками къ Вильгельму, когда и любимая дочь Іакова, Анна, съ мужемъ своимъ, принцемъ Георгомъ Датскимъ, волею и неволей пристали къ народной сторонѣ (декабрь 1688), а настроеніе арміи и флота предвѣщало королю его паденіе, тогда онъ отослалъ жену свою съ принцемъ во Францію, бросилъ государственную печать на дно Темзы и съ отчаяніемъ бѣжалъ изъ страны своихъ отцовъ, лишивъ и себя и свое католическое потомство прекраснаго ея трона.

Іаковъ жилъ въ Сенъ-Жерменѣ, пенсіей отъ Людовика XIV, съ тѣхъ поръ какъ неудалась его попытка взойдти опять на престолъ съ помощью ирландскихъ инсургентовъ. По этому случаю англійскій народъ далъ волю своей ярости противъ католиковъ, не пощадивъ даже и иноземныхъ пословъ.

§ 625 Вильгельмъ и Марія. Послѣ побѣга Іакова II представители англійскаго народа (національный конвентъ) объявили тронъ празднымъ и по долгомъ совѣщаніи согласились на томъ, что католическую линію Стуартовъ слѣдуетъ устранить отъ престола, а правленіе передать царственной четѣ Вильгельму и Маріи. Но, наученные опытомъ, они обезпечили себѣ биллемъ правъ (bill of rights, 13 февр. 1689) древніе уставы и права націи отъ всѣхъ дальнѣйшихъ посягательствъ самовластія, не роняя притомъ и достоинства короны. Преимущество короля увольнять по своему благоусмотрѣнію отъ исполненія законовъ было рѣшительно отмѣнено и установлена отвѣтственность министровъ за всѣ правительственныя мѣры; но строгое соблюденіе акта предварительнаго испытанія и законовъ о церковномъ единообразіи доказывало, что вѣротерпимость не вошла еще въ сознаніе англійскаго народа. Многія духовныя лица отказали въ присягѣ Вильгельму на томъ основаніи, что опасались со стороны кальвинистскаго короля, смягчавшаго строгіе законы противъ разновѣрцевъ, какихъ-нибудь посягательствъ въ ущербъ господствующей іерархической системѣ! Тѣмъ съ бóльшею готовностью признали новый порядокъ вещей Шотландцы, терпѣвшіе такія бѣдствія и гоненія за вѣру при двухъ послѣднихъ Стуартахъ; Вильгельмъ особенно угодилъ имъ согласіемъ на уничтоженіе ненавистнаго епископата и

на возстановленіе пресвитеріанско-синодальнаго управленія. Напротивъ того Ирландцы, которымъ помогали Французы и которыхъ самъ Іаковъ II повелъ въ борьбу, были вынуждены признать Вильгельма и Марію только кровавымъ пораженіемъ при р. Бойнѣ (20 іюля 1690), гдѣ палъ смертью героя бѣжавшій изъ Франціи какъ гюгенотъ заслуженный маршалъ Шомбергъ. Съ обѣихъ сторонъ дрались Французы: въ рядахъ Ирландцевъ — войска католическаго короля, у Вильгельма — бѣглые гюгеноты.

Жестокія мѣры Кромвеля снова употреблены были въ дѣло противъ этой злополучной страны. Ирландскіе Іаковиты лишились своего имущества и тысячами переселились за границу. Многіе вступили во французскую армію. Ирландія утратила всѣ права свои, какъ завоеванная непріятельская область. — При Вильгельмѣ положенъ послѣдній краеугольный камень свободѣ и величію Англіи. Государственные доходы были отдѣлены отъ частныхъ доходовъ короля, свобода печати пустила глубокіе корни; морская сила возвысилась, возникъ Лондонскій Банкъ, Остъ-индская компанія распространилась; промышленность, торговля и колоніи сильно зацвѣли. Властительная натура Вильгельма заслужила себѣ болѣе удивленія, чѣмъ привязанности; своимъ серьёзнымъ, холоднымъ нравомъ, своимъ пристрастіемъ къ Голландіи и своей скрытностью онъ отчуждилъ себѣ сердца Англичанъ [1]. Тѣмъ болѣе любили и уважали его Голландцы.

Когда смерть похитила болѣзненнаго государя, не оставившаго по себѣ дѣтей, ему наслѣдовала меньшая дочь Іакова II, Анна (род. 1664, царств. 1702—14), при которой состоялось полное соединеніе Шотландіи съ Англіей (1707), такъ что съ тѣхъ поръ представители шотландскіе подавали голосъ въ англійскомъ парламентѣ [2]. Она пережила и супруга своего и всѣхъ своихъ дѣтей, послѣ чего

---

[1] Далеко не чистое со стороны его завладѣніе престоломъ Англіи еще долго поддерживало у многихъ коренныхъ Британцевъ личную непріязнь къ нему и чувство недовѣрія къ прочности его власти. Впрочемъ надобно сказать, что именно полувраждебная и недовѣрчивая ревность къ Вильгельму, какъ иноземцу, вмѣстѣ съ сознаніемъ необходимости имѣть своимъ государемъ главную опору протестантизма, много содѣйствовали къ тому щепетильно-бережному огражденію народныхъ правъ, которое было слѣдствіемъ призыва его въ Англію.

[2] Шестнадцать шотландскихъ перовъ допущено было въ Верхнюю Палату и 45 депутатовъ въ Нижнюю.

корона Англіи перешла къ курфюрсту Георгу Ганноверскому, внуку несчастной пфальцграфини и Богемской королевы Елисаветы (§ 565). Охотно бы предоставила Анна покидаемый ею тронъ своему единокровному брату, претенденту Іакову III, признанному отъ Франціи королемъ Великобританскимъ, но нерасположеніе націи къ католической линіи Стуартовъ воспрепятствовало ея намѣренію.

Іаковъ II умеръ 1701 г. въ Сенъ-Жерменѣ; сынъ его, котораго приверженцы Стуартовъ чествовали какъ короля Іакова III, тщетно пытался высадкой въ Шотландіи (1717) отнять корону у Ганноверскаго дома; такъ же неудачно было болѣе обширное предпріятіе претендента Карла Эдуарда, сына Іакова III (1747, § 639). Оба умерли въ Италіи, порвый 1766 г., послѣдній (женатый на графинѣ Штольбергъ, извѣстной пріятельницѣ поэта Альфіэри) скончался бездѣтнымъ 1788 г., въ званіи герцога Альбани; меньшой братъ его, кардиналъ Іоркъ, умершій 1807 г., былъ послѣднимъ звеномъ мужской линіи Стуартовъ.

6. Третья (Орлеанская) война Людовика XIV, 1689—1697.

§ 626. Аугсбургскій союзъ (§ 619) убѣдилъ Людовика XIV, что европейскіе народы утомились деспотизмомъ Франціи, и какъ въ то же самое время удачи австрійскаго оружія поставили въ стѣсненное положеніе союзника его, Турецкаго султана, то онъ рѣшился на новую войну, чтобы во-первыхъ упредить своихъ непріятелей, а во-вторыхъ отвлечь германскія войска отъ востока на западъ къ Рейну. Если при этомъ захотимъ допустить дѣйствіе еще какихъ-нибудь личныхъ побужденій, то ихъ слѣдуетъ искать не столько въ извѣстномъ анекдотѣ о томъ, будто Лувуа придумалъ развлечь военными заботами своего властелина, сердившагося за одно несимметрическое окно въ новомъ загородномъ дворцѣ Тріанонѣ, сколько въ честолюбивомъ желаніи Людовика показать свѣту, что рѣшительная мѣра противъ кальвинистовъ ни сколько его не ослабила и что изъ государей Европы онъ попрежнему всѣхъ готовѣе на военныя предпріятія.

1) Когда курфюрстъ Карлъ, сынъ Карла Людвига (§ 583) Зиммернской линіи, умеръ безъ наслѣдниковъ мужескаго пола (1685),

то по законамъ имперіи и курфюршескаго дома, равно какъ и по завѣщанію усопшаго, Палатинатъ перешелъ въ боковую католическую линію Пфальцъ-Нейбургскую. Но Людовикъ XIV, именемъ сестры покойнаго курфюрста, умной, непоколебимой и прямодушной Елисаветы-Шарлотты, которая была за братомъ его, герцогомъ Орлеанскимъ, объявилъ притязаніе не только на всю оставшуюся движимость, но потребовалъ для нея и всѣхъ пфальцъ-зиммернскихъ владѣній, а наконецъ простеръ эти требованія на всѣ тѣ земли, о которыхъ курфюрстъ Филиппъ-Вильгельмъ не въ состояніи будетъ доказать, что онѣ исключительно мужскіе лэны.

2) По смерти курфюрста Максимиліана Генриха Кёльнскаго (3 іюня 1688) Людовикъ хотѣлъ, чтобы преемникомъ его былъ преданный Франціи Вильгельмъ фонъ-Фюрстенбергъ, епископъ страсбургскій и коадъюторъ кёльнскій. Подкупомъ склонилъ онъ большинство каноников, вопреки настойчивымъ увѣтамъ императора, подать свои голоса въ пользу французскаго наемника; но папа былъ противъ этого выбора и утвердилъ избраннаго меньшинствомъ и поддерживаемаго императоромъ «въ видахъ блага имперіи» юнаго кандидата Іосифа Клеменса, изъ Баварско-княжескаго дома. Людовикъ именно въ то время разсорился съ папою за права и льготы французскаго посольскаго двора.

Эта третья война ознаменовалась въ самомъ началѣ варварскою мѣрой. Чтобы сдѣлать невозможнымъ для врага вторженіе во Францію, Лувуа, съ согласія своего деспотическаго короля, рѣшился опустошеніемъ прирейнскихъ мѣстностей проложить между обѣими странами совершенную пустыню. Французскія войска подъ начальствомъ жестокосердыхъ полководцевъ немедленно заняли Рейнскій Палатинатъ, едва успѣвшій отдохнуть отъ прежнихъ военныхъ погромовъ, и совершили тамъ безчеловѣчные ужасы. Дикими разбойничьими ватагами нападали они на цвѣтущія села по горной дорогѣ, на богатые прирейнскіе города, на мѣстечка южнаго Палатината и превращали ихъ въ груды пепла. Взорванная башня Гейдельбергскаго замка (въ мартѣ 1689) и теперь еще стоитъ безмолвнымъ свидѣтелемъ того варварства, съ какимъ Мелакъ и другіе военачальники исполняли повелѣнія жестокаго правительства. Елисавета-Шарлотта, считавшая себя виною разоренія своей родины, проводила цѣлыя ночи въ горькихъ слезахъ.

Гейдельбергъ отчасти выгорѣлъ послѣ взрыва некарскаго моста; Рорбахъ, Вислохъ, Кирхгеймъ, Баденъ, Бреттенъ, Раштатъ, Форцгеймъ и друг. м. были раззорены; Хандшухсгеймъ, Ладенбургъ, Доссенгеймъ, Шрисгеймъ никогда не оправились вполнѣ отъ страшныхъ опустошеній, которыя обрушилъ на нихъ «христіаннѣйшій» король; отъ Гардгебирга до р. Наэ—Франкенталя, Альцея, Крейцнаха—дымились деревни и города, виноградники и нивы; въ Мангеймѣ сами жители принуждены были пособлять при разореніи крѣпостныхъ работъ и построекъ. Вормсъ, за исключеніемъ одной соборной церкви, былъ превращенъ въ пожарище, а въ Шпейерѣ (іюнь 1689) Французы выгнали гражданъ, зажгли разграбленный городъ и древній величавый соборъ, и издѣвались надъ костями погребенныхъ тамъ императоровъ. Въ крѣпость Майнцъ и въ бо̀льшую часть городовъ кёльнскаго архіепископства введены французскіе гарнизоны; даже въ глубинѣ Швабія и Франконіи непріятель собиралъ контрибуціи съ пощаженныхъ городовъ. До сихъ поръ нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть на рѣзныя по дереву картинки того времени, изображающія клубы пламени и дыма надъ башнями и крышами множества изстари-славныхъ городовъ, украшенныхъ разными художественными произведеніями.

Не смотря на превосходное число враговъ, Французы, предводимые отличнѣйшими полководцами, говоря вообще, все-таки одерживали преимущество. Въ Нидерландахъ даровитый маршалъ де-Люксамбуръ, столько же храбрый и предпріимчивый, сколько безнравственный и коварный, разбилъ Нѣмцевъ и Голландцевъ подъ Флёрюсомъ (1690) и Стенкеркеномъ (1692); въ Италіи, гдѣ умный герцогъ Савойскій и Піэмонтскій, Викторъ Амадей II, присоединился къ врагамъ Франціи, мужественный, геніальный и непоколебимый Катина̀ одержалъ побѣду при Стаффардѣ (18 авг. 1690), а на верхнемъ Рейнѣ жители Брейсгау и Бадена почувствовали всю тягость французскаго постоя и грабежа. Также и на морѣ оказало себя превосходство французскаго флота. Адмиралъ Турвилль одержалъ побѣду при Діэппѣ (1690), и даже великое пораженіе, которое онъ претерпѣлъ спустя два года отъ превосходной числомъ англо-голландской силы при Ла Гогѣ, гдѣ погибъ почти весь французскій флотъ, было такъ достославно для храбрости и военной чести Французовъ, что потерю эту они перенесли безъ унынія, тѣмъ болѣе что

въ слѣдующемъ же году (1693) маршалъ Люксамбуръ, незадолго до окончанія своего геройскаго поприща, одержалъ надъ Вильгельмомъ Оранскимъ блистательную побѣду при Нервинденѣ, а съ другой стороны въ Италіи и въ Испаніи военное счастье также было неразлучно съ знаменемъ Французовъ. Перевѣсъ долго оставался за ними и въ Германіи, гдѣ въ чело войска поставленъ былъ Людвигъ Баденскій, даровитый питомецъ умершаго между тѣмъ Карла Лотарингскаго; Гейдельбергъ съ его зàмкомъ, благодаря трусости начальника, вторично достались въ руки непріятеля, который окончательно разорилъ теперь то, что уцѣлѣло отъ прежняго его нашествія, и въ то же время открылъ дорогу своекорыстію іезуитовъ и капуциновъ и ихъ страсти обращать къ католическому исповѣданію. Вандòмъ отнялъ Барселону у Испаніи (1697), которая лишилась также нѣсколькихъ бельгійскихъ городовъ, а укрѣпленный Лимбургъ на нидерландской границѣ подвергся конечному разоренію: отъ него уцѣлѣло лишь нѣсколько стѣнъ да башенъ. Тѣмъ болѣе удивило всѣхъ то, что Людовикъ самъ подалъ руку для давно желаннаго окончанія военныхъ дѣйствій и при заключеніи мира въ Ризвикѣ[1] (9 мая—30 окт. 1697) явился гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ Нимвегенѣ. Состояніе государственной казны, которая даже и подъ управленіемъ даровитаго Поншартрена не въ силахъ была покрывать военные расходы, и остановка прежде столь цвѣтущей промышленности и торговли, порожденная гоненіемъ на гюгенотовъ и усиленная войной, дѣлали миръ совершенно необходимымъ для истощеннаго вконецъ края. Даже и высшія сословія терпѣли отъ тягостнаго налога на доходы (такъ-называемой капитаціи, или поголовщины[2]), ко взиманію котораго правительство приступило въ

---

[1] Большой зàмокъ между Гагою и Дельфтомъ, окруженный садами и тѣнистыми аллеями.

[2] Капитацію правильнѣе назвать разрядною податью (Classensteuer), нежели налогомъ на доходы. Всѣ Французы, за исключеніемъ платившихъ менѣе 40 су подати, раздѣлены были, по званіямъ, на 22 разряда, изъ которыхъ первый, въ томъ числѣ и дофинъ, платилъ по 2,000 ливровъ ежегодно, а послѣдній только по 20 су. Духовенство, вмѣсто поголовщины, вносило за себя по 4 милліона ливровъ въ годъ. Эта подать, введенная въ 1695 г., отмѣнена была въ 1698, но въ 1701 возстановлена снова.

надеждѣ на роялистскій патріотизмъ, одушевившій націю въ военное время.

По этому миру, заключенному при посредничествѣ Швеціи съ соблюденіемъ формъ строжайшаго этикета, Людовикъ изъ всѣхъ испанскихъ завоеваній пріобрѣлъ лишь нѣсколько мѣстностей, на которыя заявилъ свое право подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ собственно принадлежатъ къ уступкамъ прежняго времени, и сверхъ-того островъ Санъ-Доминго; герцогу Савойскому, котораго Людовикъ привлекъ на свою сторону еще въ 1696 г. предоставленіемъ ему Казале и Пиньероля и котораго юная дочь вышла за внука его, герцога Бургонскаго, возвращены всѣ его владѣнія; Голландія пріобрѣла нѣкоторыя торговыя преимущества, а наслѣдственный статгаудеръ Вильгельмъ III, кромѣ признанія его Англійскимъ королемъ, получилъ удостовѣреніе, что Людовикъ не станетъ помогать врагамъ его ни прямо, ни косвенно. Германіи, покинутой своими союзниками, и здѣсь выпала самая жалкая доля: она должна была не только оставить въ рукахъ Французовъ Страсбургъ и всѣ альзацскія возсоединенія за возвращеніе Фрейбурга, Брейзаха и Филипсбурга, но и принять навязанное ей условіе, чтобы во всѣхъ протестантскихъ мѣстностяхъ, занятыхъ Французами хотя на самое короткое время, оказывалась терпимость католическому богослуженію, и чтобы остановленъ былъ ходъ судебнаго слѣдствія, начатаго противъ Фюрстенберга. Зато Лотарингія, которой герцогъ женился на племянницѣ Французскаго короля, и Цвейбрюкенъ были возвращены ихъ прежнимъ владѣтелямъ. Главный виновникъ этой войны, Лувуа, не дожилъ до ея окончанія. Онъ умеръ скоропостижно 16 іюля 1691 г. отъ удара, или, какъ тогда утверждали, отъ отравы.

7. ФРАНЦУЗСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

§ 627. Академія. Романтическая поэзія среднихъ вѣковъ, рано достигшая во Франціи высокаго процвѣтанія, въ 16 столѣтіи была совершенно вытѣснена классическою литературою древнихъ и ихъ подражателей. — Остроумный Рабелѐ († 1553), покровительствуемый королемъ Францискомъ I, осмѣялъ въ своихъ сатирическихъ романахъ Гаргантуѣ и Пантагрюэлѣ романтическую поэзію и ея героевъ. Основанная на старинномъ народномъ сказаніи, повѣсть о великанѣ Гаргантуѣ и его сынѣ Пантагрюэлѣ есть поэтическая каррикатура, полная грубыхъ выходокъ, непристойностей, циническихъ выраженій

и грязныхъ картинъ, но въ высшей степени заманчивая и занимательная своимъ истинно-народнымъ остроуміемъ, множествомъ комическихъ и сатирическихъ намековъ, живыми, наглядными изображеніями, популярною насмѣшкою, шутливостью и юморомъ. Въ картинѣ безчинства и отталкивающихъ неприличій, которую развертываетъ передъ нами Рабелѐ, скрывается однакожь глубокая дума. Въ область своей сȁтиры вовлекаетъ онъ весь общественный бытъ церковный и политическій; онъ порицаетъ заблужденія всѣхъ классовъ общества, злоупотребленія суда, взяточничество служащихъ, безнравственность духовенства, выводитъ на свѣтъ всѣ явныя и тайныя неудовольствія народа. Современникъ Рабелѐ, легкомысленный Клеманъ Марȍ († 1554), переводчикъ псалмовъ Давида, и лишенный вкуса, набитый педантскою ученостью Ронсаръ († 1585), такъ раболѣпно подражали римскимъ стихотворцамъ, особенно Горацію и Овидію, что даже примѣшивали къ своимъ французскимъ стихамъ много латинскихъ словъ и оборотовъ, а Жодель († 1552) сдѣлалъ первый опытъ ввести античную драму (съ хоромъ) во Францію. Самъ Малербъ († 1628), съ котораго Французы начинаютъ свою классическую литературу, въ своихъ гладкихъ и ритмически совершенныхъ, но бѣдныхъ мыслію и воображеніемъ стихахъ, славившихъ Генриха IV и возникающую монархію Бурбоновъ, былъ только подражателемъ древнихъ писателей, у которыхъ онъ перенялъ правильность выраженія; на древность же опирался и гюгенотскій стихотворецъ Дю Бартасъ, котораго «Седмица созданія» много послужила въ пользу Мильтону. Это бли́зкое подражаніе античнымъ формамъ и видамъ поэзіи оставалось во французской литературѣ даже и тогда, когда академія Ришльё (§ 609) явилась верховнымъ судилищемъ языка и вкуса. Впрочемъ это покровительствуемое королями учрежденіе отняло у французской литературы свободное ея развитіе и сообщило ей придворный характеръ. Общепринятымъ было только то, что̀ академическая грамматика и академическій словарь утверждали своимъ признаніемъ, а поэтика и риторика той же академіи опредѣляли формы и правила, какъ именно слѣдуетъ писать стихами и прозой. Если первое приносило по крайней мѣрѣ ту пользу, что французскіе писатели вынуждены были обращать вниманіе на языкъ и слогъ и съ тѣмъ вмѣстѣ развивать ихъ (преимущество это они донынѣ сохраняютъ передъ Нѣмцами), то, напротивъ, послѣднее втѣсняло всякую природную способность, всякую геніальную особенность въ рамки условныхъ приличій и правилъ. Тѣмъ не менѣе щеголеватость формы и легкій, нео-

быкновенно-гибкій слогъ, заодно съ политическимъ перевѣсомъ Франціи, доставили французскому языку и литературѣ почти вѣковое господство надъ Европою. Этотъ языкъ, особенно выработанный для общежитія, для бесѣды и письменныхъ сношеній, — языкъ, усовершенствованіе котораго было главною заботой всѣхъ ученыхъ и поэтовъ того времени, — остался съ тѣхъ поръ языкомъ дипломатіи, дворовъ и высшаго общества; блестящіе умы (les beaux esprits) и писатели Франціи состояли въ перепискѣ съ знаменитѣйшими государями и государственными людьми; это началось уже съ Бальзака и Вуатюра, которыхъ щегольскимъ письмамъ дивилась Христина Шведская, Ришльё и вся образованная Европа. Напротивъ, до какой степени деспотизмъ кардинала и его кліэнтовъ въ академіи уничтожалъ всякую истинную поэзію, видно изъ жалкихъ произведеній какого-нибудь Шапелѐна и Демарѐ, которые (первый въ своей «Орлеанской дѣвѣ», послѣдній въ своемъ «Хлодвигѣ», Clovis) хотѣли создать Французамъ національный эпосъ, а также изъ тѣхъ препятствій, съ какими долженъ былъ бороться единственный геніальный поэтъ Петръ Корнель (1606—84), изъ Руана, при основаніи отечественной драмы.

§ 628. Драма. Корнель, Расинъ. Мольѐръ. Дѣло въ томъ, что когда Корнель отважился, безъ согласія кардинала и академіи, поставить на сцену свою главную драму: Сида, въ которой заимствованный у Испанцевъ трагическій сюжетъ и перенятую у Эврипида и Сенеки форму и пышность изложенія умѣлъ онъ пересоздать въ поэтическую піэсу, оригинальную по тону и языку и пришедшуюся особенно по душѣ падкимъ на эффекты Французамъ, то кардиналъ и друзья его открыли въ этомъ новомъ вкусѣ множество погрѣшностей, но принуждены были испытать, что подавленный во всемъ прочемъ народный голосъ имѣетъ еще вѣсъ по крайней мѣрѣ въ литературѣ. Въ то время какъ Шапелѐнъ сочинилъ отъ имени академіи классическую критику на Сида, а очень ограниченная голова, Скюдери, котораго сестра составила себѣ имя и пріобрѣла многихъ подражателей своими длиннѣйшими романами въ дурномъ вкусѣ той эпохи, написалъ противъ него неодобрительныя замѣчанія, драма Корнеля принята была съ такимъ восторгомъ, что это поощрило автора написать потомъ Горацієвъ и Цинну. Послѣдняя изъ двухъ піэсъ находилась въ тѣсной связи съ идеями о верховной королевской власти. Республиканскія бури и распри, источникъ ненавистныхъ страстей и кровавыхъ событій, противопоставлены здѣсь монархіи, которая еди-

ножды утвердясь, не нуждается уже въ насиліяхъ для упроченія своей будущности, а наказываетъ и награждаетъ по заслугамъ; все содержаніе піэсы основано на борьбѣ мести, наполняющей сердца потомства побѣжденныхъ, съ кроткимъ милосердіемъ, которымъ обезоруживаетъ ее государь. Корнель, вмѣстѣ скромная и величавая натура, — человѣкъ, предназначенный своей ограниченною долей уступать обстоятельствамъ, и въ то же время стремившійся духомъ къ идеалу, сталъ такимъ образомъ творцомъ драматической поэзіи Французовъ, которая своей формой близко держалась образцовъ древности, что̀ доказываетъ уже первая его драма «Медея», чистое подражаніе Сенекѣ.

Благодаря невѣрному пониманію Аристотелевской поэтики (§ 99), Французы упорно держались закона трехъ единствъ (времени, мѣста, дѣйствія), по которому всѣ моменты трагическаго дѣйствія должны были совершаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ тѣсныхъ предѣлахъ одного дня, сколь ни велики были невѣроятности, въ какія это вовлекало поэта. Сюжетъ обыкновенно заимствовался изъ греческой и римской исторіи, или наконецъ съ Востока, но герои являлись на сцену со всей утонченностью образованнаго общества и съ нравами французскаго двора, — смѣсь античнаго съ новымъ, которая должна была иной разъ выходить очень забавною, и такъ какъ въ поэзію вносили тонъ и образованіе знатныхъ круговъ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ было то, что часто холодный паѳосъ и пустая декламація заступали мѣсто естественности и истиннаго чувства. Но красота формы и языка, лоскъ стихосложенія и художественность плана приводили всю Европу въ восхищеніе и доставили французскому вкусу повсемѣстное владычество. Корнель почерпнулъ изъ древнихъ то ученіе, что «не должно выводить на сцену второстепенныя подробности, чтобы не развлекать вниманія зрителя; для него главное было выставить великіе мотивы, внутренно оживляющіе событія, борьбу между любовью и честью, и олицетворить великіе ὀбразы старинной романтики, приноровляясь къ понятіямъ современности [1]. Этимъ

[1] Въ этомъ-то и слѣдуетъ видѣть настоящее значеніе такъ часто осмѣиваемаго закона трехъ единствъ. Онъ изгонялъ ненужные эпизоды, длинноты и прикрасы, которыми былъ такъ обремененъ современный театръ Испаніи; благодаря ему интересъ сосредоточивался на главныхъ мотивахъ. Трагедія дѣлалась общечеловѣческою нравственною задачей, которая ставилась въ самомъ приступѣ, обсуждалась діалектическимъ ходомъ событій и наконецъ рѣшалась развязкою. При подобномъ взглядѣ на вещи такъ-

именно затронулъ Корнель самую живую струну своей эпохи [1].» — Онъ написалъ 33 трагедіи, изъ которыхъ позднѣйшія далеко уступаютъ первымъ, и которыя удержались на сценѣ отчасти до сихъ поръ. Въ «Поліевктѣ» поэтъ выводитъ побороющую силу и истину христіанскихъ идей и касается горячихъ тогда споровъ «о благодати, предопредѣленіи и свободѣ»; въ основаніе «Никомида» положена та мысль, что «національную независимость, какъ высшее изъ всѣхъ благъ земныхъ, настоящій государь обязанъ защищать до послѣдней крайности»; напротивъ того въ «Смерти Помпея» тѣмъ презрительнѣе выставлена слабая и вѣроломная власть мелкаго державца и его министровъ, которые жалкіе поступки свои хотятъ прикрыть возмутительными правилами. «Родогуна» основана на той страсти, которая въ обладаніи господствомъ видитъ всю цѣль существованія, расторгаетъ узы всякой сдержки, налагаемой нравами, отстраняетъ всякую завѣсу приличій и выставляетъ наружу всю задушевную глубину, пока наконецъ и та, съ кѣмъ борется героиня, отваживается любить и ненавидѣть, и цѣною любви своей ставитъ сыну отмщеніе его матери. Изъ этого возникаютъ положенія, не уступающія въ ужасѣ ни чему, что когда либо выводилось на сцену, но затрогивающія нервъ народнаго характера и даже общаго настроенія той эпохи. Женщины Корнеля обнаруживаютъ смѣсь честолюбиваго участія въ общественныхъ дѣлахъ съ личными страстями, любовью или мстительностью, — смѣсь, которая не разъ вторгалась и въ историческія судьбы его родины. Иногда являются онѣ защитницами національности, какъ наприм. «Софонисба» и царевна въ «Виріатѣ». Во всѣхъ своихъ піэсахъ поэтъ раскрываетъ передъ нами міръ энергическихъ натуръ, волнуемыхъ великими интересами; нравственной цѣли трагедіи, очищенія страстей, ищетъ онъ достигнуть, возбуждая не только ужасъ и сострадание, но вмѣстѣ и невольное удивленье.

Совершеннѣйшій изъ французскихъ драматурговъ, хотя и уступающій Корнелю въ силѣ и обрисовкѣ характеровъ, конечно — Ж. Расинъ (1639—99), у котораго изящность формы, красота языка и ров-

---

называемый мѣстный колоритъ (couleur locale), конечно игралъ уже второстепенную роль, и потому всего легче подтрунить надъ любымъ французскимъ трагикомъ за нарушеніе именно этого колорита.

[1] Изъ двухъ лучшихъ трагедій Корнеля — Цинна и Поліевктъ — первая посвящена апоөеозѣ монархическаго начала, вторая торжеству религіи, — именно тѣмъ жизненнымъ началамъ, которыя двигали событіями всего XVII столѣтія.

ное теченіе рѣчи поистинѣ неподражаемы и, въ соединеніи съ гармоническимъ построеніемъ и ясностію плана, производятъ неотразимое впечатлѣніе. — Въ двухъ первыхъ своихъ піэсахъ («Братья-враги» и «Александръ») онъ является еще подражетелемъ Корнелю; только въ «Анромахѣ» и въ «Британникѣ» пошелъ онъ собственнымъ путемъ и сдѣлался національнымъ драматургомъ. Въ послѣдней піэсѣ особенно интересно и удачно изображеніе утонченнаго, опутаннаго коварствомъ и кознями римскаго двора въ Нероново время, потому что сходное съ этимъ положеніе вещей при дворѣ Людовика XIV было на умѣ у поэта и придало его картинѣ краски и животрепещущую жизнь. Такое безусловное и непосредственное постиженіе и возсозданіе предмета выполнимо только тамъ, гдѣ оно дается самою общественною обстановкой. Въ «Вереникѣ» нельзя не распознать тонкой лести къ первой возлюбленной Людовика XIV (дѣв. Ла Вальеръ). Герцогиня Орлеанская поручила обоимъ славнымъ драматургамъ обработать этотъ сюжетъ, состоящій въ добровольномъ отреченіи великаго государя, императора Тита, отъ одной страстной наклонности (§ 221). Корнель преимущественно выставилъ при этомъ политическія и національныя побужденія, тогда какъ Расинъ взглянулъ на внутреннюю борьбу болѣе какъ на столкновеніе разума съ чувствомъ долга, и главное вниманіе обратилъ на волненія и бури души, вызванныя необходимостью разлуки. Въ «Митридатѣ» онъ показалъ вѣрное познаніе древности, но къ сожалѣнію здѣсь всего хуже пришелся къ дѣлу тотъ односторонній взглядъ, что въ каждой піэсѣ необходима какая-нибудь любовная интрига. Объ «Ифигеніи» и «Федрѣ» французскіе критики, особенно Лагарпъ, утверждаютъ, что ихъ слѣдуетъ предпочесть одноименнымъ піэсамъ Эврипида; можно, пожалуй, согласиться съ ними въ этомъ относительно плана и расположенія, но тѣ сильныя черты и тотъ истинно-древній колоритъ, которые видимъ у Эврипида при многихъ его недостаткахъ, — все это совершенно чуждо пышной и условной поэзіи французскихъ трагиковъ. Въ двухъ упомянутыхъ піэсахъ Расинъ достигъ вершины своего поэтическаго развитія. Въ это время г-жа де-Ментенонъ впала въ нѣкотораго рода піэтизмъ, и стала видѣть соблазнъ въ произведеніяхъ свѣтской поэзіи. Поэтому она уговорила Расина написать двѣ послѣднія драмы библейскаго содержанія: «Эсѳирь» и «Гоѳолію», изъ которыхъ первая предназначалась для состоявшаго подъ ея покровительствомъ женскаго института въ Сенъ-Сирѣ, а послѣдняя была представлена только по смерти автора.

Въ одно время съ Расиномъ, Жанъ Батистъ Покеленъ де Мольèръ (1620 — 73) довелъ до совершенства французскую комедію. Онъ сперва былъ директоромъ странствующей труппы актеровъ, а потомъ ему поручено завѣдываніе и устройство королевскаго театра. Съ знаніемъ древней драматургіи и испанской сцены Мольèръ соединялъ глубокое знаніе людей и совершенное пониманіе своей эпохи со всѣми ея недостатками и слабостями. Тщательность въ обработкѣ вмѣстѣ съ умѣньемъ и легкостью писать стихи придали его созданіямъ высокую степень совершенства и блистательную отдѣлку, а его разговору истинно-французскую грацію. — Впрочемъ въ ряду Мольèровыхъ драмъ необходимо отличать піэсы на скорую руку, писанныя по какому нибудь случаю (каковы наприм. Princesse d'Elide, L'amour médecin и даже Les fâcheux) отъ тщательно выработанныхъ и классическихъ. Въ нихъ онъ мастерски умѣлъ слить античную характерную комедію и ея нравственныя цѣли съ испанскими піэсами à intrigues, въ которыхъ главное дѣло планъ, узелъ завязки и путаница самого дѣйствія. Изъ множества его піэсъ выставимъ особенно: «Смѣшныя жеманихи» (Les précieuses ridicules), въ которыхъ осмѣиваются господствовавшія тогда манерность, сентиментальность, аффектація говорить обо всякой бездѣлицѣ остроумно и оригинально, и страсть къ самымъ натянутымъ комплиментамъ и любезностямъ [1]; «Школа мужей» и «Школа женъ» принадлежатъ къ удачнѣйшимъ его піэсамъ; въ драматической шуткѣ «Критика школы женъ» осмѣялъ онъ нелѣпыя сужденія объ этой драмѣ. «Мизантропъ» пріобрѣлъ знаменитость благодаря

---

[1] Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка этотъ перехитренный вкусъ постепенно перешелъ изъ Испаніи и Италіи во Францію, гдѣ онъ явился отчасти полезнымъ противодѣйствіемъ тому огрубѣнію, въ какое повергли этотъ край продолжительныя религіозныя войны. Средоточіемъ иноземныхъ вліяній во второй четверти XVII вѣка былъ, въ Парижѣ, въ двухъ шагахъ отъ Лувра, знаменитый отель Рамбульè, въ которомъ еще отецъ маркизы Рамбульè, маркизъ Пизани, собиралъ вокругъ себя избранное общество, много содѣйствовавшее къ смягченію нравовъ и утонченію пріемовъ тогдашнихъ Парижанъ. Дамы были настоящими царицами этого общества, и вліяніе ихъ конечно было до извѣстной степени желательно и благотворно; но-мало-по-малу мода на подобные кружки породила цѣлыя стаи нелѣпыхъ подражателей; тонъ отеля Рамбульè принималъ у нихъ болѣе и болѣе манерный херактеръ, и дошелъ наконецъ до такихъ крайнихъ преувеличеній, что не замедлилъ вызвать противъ себя отпоръ со стороны лучшихъ представителей національнаго ума и національной литературы.—Распространителемъ этого же вкуса въ Англіи былъ извѣстный комикъ Джонъ Лейли (§ 557), котораго романъ Юфьюзъ (1578) сообщилъ даже свое имя затѣйливой игрѣ словъ, прозванной юфуизмомъ и которой вліяніе такъ ощутительно еще у самого Шекспира.

спору д'Аламбера съ Руссо по поводу учрежденія въ Женевѣ театра, причемъ Руссо такъ же софистически порицалъ эту піэсу, какъ противникъ его софистически ее отстаивалъ. Комическая и смѣшная сторона безтактнаго правдолюбца въ обществѣ, чуждомъ правды, и неловкаго защитника истиннаго чувства во вседневномъ житейскомъ быту, — вещь слишкомъ утонченная для большинства публики. Поэтому, чтобъ угодить иногда и народу, Мольѐръ писалъ по временамъ шутки и національныя фарсы чисто на потѣху толпѣ. Къ такого рода піэсамъ принадлежатъ: Лѣкарь поневолѣ, Мѣщанинъ во дворянствѣ, Жоржъ Данденъ, Сганарель, Скапеновы проказы и друг. Выставивъ еще на позоръ недостатки своего времени въ Скрягѣ и въ Ученыхъ женщинахъ, Мольѐръ обработалъ лучшую изъ своихъ піэсъ—Тартюфа,въ которой онъ такъ наглядно изобразилъ лицемѣрство ханжей и піэтистовъ, скрывающихъ подъ личиной религіи своекорыстные мірскіе виды и чувственныя поползновенія, что въ высшихъ кругахъ, гдѣ тогда часто встрѣчалось это притворное благочестіе, піэса его подняла противъ себя сильную бурю, и появлялась на сценѣ только изрѣдка.

Какъ великъ былъ Мольѐръ въ комической драмѣ, видно изъ огромнаго разстоянія, которое отдѣляетъ его отъ слѣдовавшихъ за нимъ комиковъ; изъ нихъ заслуживаетъ упоминанія одинъ Реньяръ (1655 — 1709), извѣстный столько же своею полною приключеній, безпорядочною жизнью, какъ и случайностями своей судьбы [1]. Но и у него остроумныя выходки и комическія положенія не вознаграждаютъ недостатка въ глубокомъ знаніи людей, какимъ Мольѐръ обладалъ въ такой высокой мѣрѣ. Замѣчательнѣйшія изъ его піэсъ — «Игрокъ» и «Всеобщій наслѣдникъ», — первая потому, что онъ изобразилъ въ ней треволненія своей собственной жизни, послѣдняя потому, что она вѣрно отражаетъ нравы тогдашняго времени.—Цѣлымъ поколѣніемъ позже Расина и Мольѐра, геніальный, многосторонній Вольтѐръ (1694 — 1778) посвящалъ свой талантъ и свое перо между прочимъ

[1] Оставшись въ молодости богатымъ наслѣдникомъ, онъ путешествовалъ по Италіи, игралъ въ карты, моталъ и разорился, попалъ въ руки къ алжирскимъ корсарамъ, былъ проданъ въ Константинополь и, послѣ двухгодоваго плѣна, нашелъ случай выкупиться за 12,000 франковъ. Но это не излѣчило его отъ страсти къ путешествіямъ и приключеніямъ; онъ пустился на сѣверъ, достигъ Лапландіи, побывалъ въ Польшѣ, въ Германіи и наконецъ поселился въ Парижѣ, гдѣ купилъ себѣ должность казначея, велъ веселую жизнь и занимался литературой.

и сценическому искусству; но ни въ трагедіи, ни въ комедіи не достигъ онъ высоты своихъ предшественниковъ. Его живость и бѣглость мѣшали ему сосредоточиваться на тщательной обработкѣ, слѣдствіемъ чего была, разумѣется, меньшая оконченность формъ, а отсутствіе глубокаго религіознаго чувства и серьёзныхъ нравственныхъ началъ отнимало у его трагедій внутренній вѣсъ и достоинство прежнихъ. Муза его охотно покидаетъ трагическую мантію и выходитъ съ жестами вольницы на площадь свѣта, гдѣ знатная или простонародная чернь всегда рада потѣшаться бойкимъ выраженіемъ пошлаго. Онъ былъ очень геніаленъ, остроуменъ и даровитъ, но эти качества не могли прикрыть существенныхъ его недостатковъ, сколько суетность ни надмевала его убѣжденіемъ, что у него вполнѣ достаточно силъ для преодолѣнія всѣхъ возможныхъ трудностей [1]. — Въ своихъ трагедіяхъ Заирѣ и Альзирѣ Вольтеръ старался тронуть христіанскимъ одушевленіемъ, хотя всю жизнь свою ратовалъ противъ христіанства; въ Эдипѣ, Брутѣ, и Смерти Цезаря онъ далеко отстаетъ отъ Корнеля и Расина въ знаніи исторіи и быта древности; въ Меропѣ старался онъ воскресить величіе греческой драмы помимо романтической любви; въ Магометѣ онъ хотѣлъ выставить опасности фанатизма или, скорѣе, вѣры въ какое бы то ни было откровеніе, но при этомъ страшно исказилъ великій историческій характеръ.

Изъ младшихъ современниковъ Вольтера Бомаршѐ (1732 — 99) въ своей комедіи «Женитьба Фигаро» превосходно изобразилъ изящное вольномысліе и нравственную распущенность высшихъ классовъ (сравни § 800 б. В.); піэса эта отличается необыкновенною живостью, мастерствомъ плана и исполненія и множествомъ самыхъ колкихъ намековъ. Дидро́ († 1782) также съ успѣхомъ стремился къ изображенію дѣйствительности въ своихъ, писанныхъ прозой, мѣщанскихъ драмахъ («Отецъ семейства», «Побочный сынъ» и друг.), которымъ въ Германіи подражали Юнгеръ, Ифландъ и Коцебу. Драматургическое убѣжденіе Дидро́, что выводимыя на сцену явленія должны быть естественны, а главныя пружины дѣйствія моральны, имѣли слѣдствіемъ то, что трогательное, естественное и чувствительное долго почитались необходимою принадлежностью всякой драмы.

---

[1] Вслѣдствіе этого Вольтеръ брался рѣшительно за все и, разумѣется, оказывался несостоятельнымъ во многомъ. Его жалкія комедіи всего лучше доказываютъ, что этотъ несвойственный ему родъ драмы требуетъ серьёзности и глубины, какъ необходимой основы истинно-веселаго остроумія.

Мазариномъ введена во Францію также и итальянская Опера (въ послѣдствіи развитая еще больше трудами Метастазіо); поэтъ Кино и композиторъ, Флорентинецъ Лулли (по французскому произношенію Люлли) довели ее до высокой степени совершенства.

§ 629. Остальные роды поэзіи. Однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ стихотворцевъ эпохи Людовика XIV былъ Буало (Депрео, 1636—1711), Горацій Французовъ. Главная его заслуга состояла въ превосходнѣйшей выработкѣ французскаго языка и слога, такъ что его считали законодателемъ формъ и вкуса въ поэзіи. — Важнѣйшимъ его произведеніемъ были Сатиры, гдѣ онъ свободно бичуетъ лицемѣріе и самонадѣянность іезуитовъ, хотѣвшихъ основаннымъ ими въ Треву[1] Журналомъ (Journal de Trévoux) образовывать и руководить французскій вкусъ, и безпощадно казнитъ грѣхи множества жалкихъ стихоплетовъ и разные недостатки своего времени; въ своихъ Посланіяхъ Буало является низкимъ льстецомъ королю, котораго милость и покровительство онъ снискивалъ именно этимъ средствомъ; своею Поэтикой (L'art poétique), которую онъ написалъ уже достигнувъ вершины славы, сталъ онъ законодателемъ стихотворства не только во Франціи, но и во всей Европѣ, хотя точка его зрѣнія очень низка и сужденія весьма поверхностны. Въ комической эпопеѣ «Налой» (Le lutrin) есть у него части, не лишенныя интереса и оживленныя забавною шутливостью.—Въ своихъ Одахъ Буало простеръ лесть до нестерпимой крайности; зато именно этотъ родъ поэзіи и доказалъ его соотечественникамъ, что онъ не поэтъ въ настоящемъ смыслѣ слова, или ужь по крайней мѣрѣ вовсе не лирикъ. Оды и духовные гимны угрюмаго, изгнаннаго изъ Франціи Жана Батиста Руссо († 1741), которому покровительствовалъ принцъ Евгеній, имѣютъ при всей своей холодности много преимуществъ передъ одами Буало. — Самый многочитаемый поэтъ Франціи — это Лафонтенъ († 1694), котораго Разсказы и Басни у каждаго въ рукахъ и до сихъ поръ. Среди свѣта, полнаго принужденности, формализма и напыщенности, онъ постоянно сохранялъ природную свою наивность, веселую естественность и истинно-дѣтскую натуру. И въ жизни, и въ литературѣ съумѣлъ онъ устраниться отъ всякихъ искусственныхъ правилъ и,

---

[1] Trévoux, Треву — древній городъ въ нынѣшнемъ департаментѣ рѣки Эна (Ain), котораго типографія соперничала съ знаменитыми въ то время голландскими по множеству и важности печатавшихся въ ней изданій.

благодаря легкости и граціозности своихъ авторскихъ пріемовъ, благодаря естественному разнообразію выраженія и музыкѣ стиха, придавалъ чужеземнымъ сюжетамъ настоящую «галльскую отчеканку». — Въ его Разсказахъ, заимствованныхъ изъ Боккачіо и старыхъ провансальскихъ поэтовъ, хотя и нѣтъ такой явной безнравственности, какъ у тѣхъ, однакожь и они не бѣдны грязными и слишкомъ чувственными выходками и чертами. Басни, отличающіяся необыкновенною легкостью слога и граціозностью изложенія, сдѣлались вездѣ извѣстны въ качествѣ учебной и дѣтской книги для чтенія; онѣ послужили образцомъ и для слѣдующихъ баснописцевъ, не смотря на то, что ихъ излишнее многословіе противно существу настоящей басни.

Что касается до Эпоса, то со времени попытокъ Шапелена и друг., вызванныхъ кардиналомъ Ришльё, но оставленныхъ націей безъ вниманія, этотъ родъ поэзіи не обработывался вовсе, пока Вольтеръ своею Генріадой не довелъ его, по мнѣнію Французовъ, до высокой степени изящества. Но исторически-вѣрная картина междоусобной войны, написанная звучными александрійскими стихами, съ примѣсью къ тому аллегорическихъ фигуръ, еще очень далека отъ настоящаго героическаго эпоса. Напротивъ сродственная эпопеѣ отрасль—романъ—рано была развита Французами. Отъ безконечныхъ, почерпнутыхъ изъ древней исторіи романовъ Кальпренеда и дѣвицы Скюдери, вскорѣ перешли они къ историческому роману, изображающему современную исторію (графиня де Лафайетъ † 1693); въ комическомъ романѣ отличился остроумный поэтъ Скарронъ, болѣе извѣстный какъ мужъ знаменитой г-жи де Ментенонъ; но величайшей славы достигъ Лесажъ († 1747) удачною обработкой испанскихъ романовъ, изъ которыхъ всѣхъ извѣстнѣе многочитаемая «Исторія Жиль Бласа де Сантильяны» по своему классическому изложенію и «Хромоногій бѣсъ» по своимъ намекамъ на тогдашнія лица, черты быта и разныя парижскія исторіи. Къ эпическому роду принадлежитъ также писанная поэтическою прозой замѣчательная книга Фенелона (1651—1715), архіепископа Камбрейскаго, «Приключенія Телемака»,—произведеніе, отличающееся благородствомъ духа и либеральными политическими началами, которое распространилось такъ повсемѣстно, что было переведено на всѣ европейскіе языки и, послѣ Библіи и Подражанія Христу (§ 357), пережило наиболѣе изданій. Фенелонъ, благородный прелатъ, человѣкъ кроткаго нрава, христіанскаго образа мыслей и христіанской добродѣтели, былъ воспитателемъ королевскихъ внуковъ

и написалъ это сочиненіе, примыкающее къ Гомеровой Одиссеѣ, для того, чтобы наглядно представить наслѣднику престола обязанности правителя и остеречь его отъ тѣхъ ложныхъ путей, куда увлекли Людовика его властолюбіе, жажда славы и неодолимая страсть къ войнѣ. Воинственному, преслѣдующему, пышному, своевольному правленію Людовика XIV онъ противупоставилъ правленіе мирное, вѣротерпящее, послушное законамъ, котораго главная цѣль споспѣшествовать развитію невинной, простообычной жизни народа — правленіе, которое очевидно поставлялось идеаломъ для его воспитанника (герцога Бургонскаго). — Такъ какъ высказанныя здѣсь начала по своей рѣзкой противуположности съ правленіемъ Людовика XIV могли почесться сатирою на послѣднее и такъ какъ мѣстами можно было указать на нѣкоторые повидимому явные намеки, то король, раздраженный противъ Фенелона завистливымъ Боссюэтомъ, не только запретилъ начатое уже печатаніе «Телемака», но и положилъ свой гнѣвъ на автора, которымъ онъ и безъ того былъ недоволенъ за его мистическо-религіозные взгляды. Только по смерти Людовика напечатанъ былъ этотъ трудъ вполнѣ и съ присовокупленіемъ замѣчательнаго трактата («Наставленія для совѣсти государя»), въ которомъ изъ ученій христіанской вѣры Фенелонъ выводитъ основныя начала конституціонной монархіи, окруженной совѣтниками отъ народа, одобряетъ правильный періодическій созывъ земскихъ чиновъ и вмѣняетъ въ долгъ совѣсти властителю управлять государствомъ на основаніи прочныхъ законовъ. Цѣль правленія видитъ онъ не въ величіи и блескѣ государства, а въ благоденствіи его подданныхъ. Войны, ведомыя для расширенія предѣловъ края или для возвышенія славы правителя находятъ себѣ въ Фенелонѣ рѣшительнаго порицателя. Всѣ государства, думаетъ онъ, принадлежатъ одному великому сообществу, человѣческому роду, а потому всякая война есть въ сущности — междоусобіе. У него впервые высказана ясно прекрасная идея филантропіи (общечеловѣческой любви). Фенелонъ готовъ былъ желать, чтобы власть никогда не вступала въ союзъ съ религіей; у него индивидуальная вѣра, основанная на непосредственномъ отношеніи духовнаго существа къ его божественному источнику и связанная только долгомъ тщательнаго уклоненія отъ ложныхъ путей, проникнута живительною идеей человѣчества; языкъ его стремится уже къ легкости и граціи, составляющимъ идеалъ осьмнадцатаго вѣка.

§ 630. Прозаическая литература Французовъ. Новую отрасль прозаической литературы образовали теперь полити-

ческіе и литературные журналы, которые съ этихъ поръ появляются все чаще и чаще. Изъ литературныхъ важнѣйшими были Journal des Savans (съ 1665), издаваемый въ смыслѣ католицизма и двора, потомъ Nouvelles de la république des lettres, ведомый въ протестантско-либеральномъ интересѣ Леклеркомъ и Бейлемъ (Bayle) въ Нидерландахъ, и іезуитскій журналъ Journal de Trévoux.—О полемической литературѣ, порожденной споромъ янсенистовъ съ іезуитами, говорено уже прежде (§ 617).

Бейль (1647—1706), французскій ученый, бѣжавшій въ Нидерланды во время гоненій на гюгенотовъ, принадлежалъ къ числу самыхъ остроумныхъ критиковъ и самыхъ свѣтлыхъ головъ своего времени. Его основное начало, что человѣческій разумъ способенъ только открывать заблужденія, но отнюдь не познавать истину, придало его изслѣдованіямъ разлагающій и уничтожающій характеръ. Съ удивительной свободой мысли, убѣждающею основательностью и ясностью ратовалъ онъ противъ всѣхъ заблужденій и предразсудковъ въ церкви, государствѣ, наукѣ и житейскомъ быту, и подвергалъ своему пытливому уму весь наличный капиталъ нравовъ, мнѣній, политическихъ учрежденій и религіи. Сочиненія его дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что онъ писалъ мастерски и даже ученѣйшимъ диссертаціямъ умѣлъ придавать интересъ остротою и занимательностью изложенія и живостью разсказываемыхъ кстати анекдотовъ.—Главный его трудъ—Историческій и критическій словарь, гдѣ къ извѣстному числу именъ изъ политической, церковной и литературной исторіи онъ привязываетъ свои ученыя изслѣдованія и скептическія соображенія и думы; это такая книга, которая при всемъ спокойствіи и добросовѣстности изслѣдованія, невольно возбуждаетъ къ скептицизму и невѣрію и поэтому издавна находитъ себѣ сильныхъ порицателей во всѣхъ партіяхъ. Потрясенный ужасами гоненія, написалъ онъ еще знаменитую книжку «О вѣротерпимости»,—добродѣтели, которой цѣну онъ узналъ по собственному опыту; здѣсь умозаключенія свои подкрѣпляетъ онъ изреченіями Библіи и самымъ ея духомъ.

На совершенно противуположной точкѣ зрѣнія стоялъ извѣстный духовный витія, обращатель гюгенотовъ и ревнитель католическаго правовѣрія, Боссюэтъ (1627—1704), епископъ города Мò (Meaux), умный, честолюбивый прелатъ, который въ своей церковной и литературной дѣятельности преимущественно искалъ угодить двору, а истину церковнаго откровенія старался доказать прилежнымъ изученіемъ

исторіи. Онъ ратовалъ за религіозную идею въ сліяніи ея съ государствомъ и отстаивалъ единожды установленную доктрину съ тою увѣренностью, какую внушаетъ основательное убѣжденіе вмѣстѣ съ глубокимъ разумѣніемъ дѣла, при чемъ употреблялъ великолѣпный церковный языкъ семнадцатаго столѣтія. — Кромѣ его духовныхъ словъ и полемическихъ сочиненій противъ протестантовъ («Исторія религіозныхъ колебаній въ протестантской церкви»), всего извѣстнѣе его трудъ о всемірной исторіи (Discours sur l'histoire universelle), на которую онъ впервые взглянулъ какъ на одно цѣлое и притомъ съ христіанско-богословской точки зрѣнія, дабы показать пути, которыми рука Божественнаго Промысла ведетъ человѣка; написанная сильно и краснорѣчиво, книга эта предназначалась главнѣйшимъ образомъ для дофина Людовика. Въ своей Политикѣ онъ старается доказать согласіе формъ французской монархіи съ изреченіями св. Писанія. Боссюэтъ, равно какъ и знаменитые соперники его въ духовномъ витійствѣ, Флешьè, Бурдалȣ и друг., не усомнились прославлять истребленіе кальвинской ереси какъ одинъ изъ достохвальнѣйшихъ подвиговъ своего «великаго монарха»[1].

Что касается исторіографіи, то здѣсь необходимо отличать ученые труды, имѣющіе въ виду сопоставленіе всѣхъ нужныхъ матеріаловъ, отъ историческихъ сочиненій, писанныхъ только для занимательнаго или наставительнаго чтенія. Къ первому разряду принадлежатъ труды: Тиллемона (Tillemont) по исторіи римскихъ императоровъ и первыхъ вѣковъ христіанской церкви, которыми прилежно воспользовался Гиббонъ въ своей Исторіи паденія римской имперіи (§ 670); сочиненіе ученаго францисканца Пажй (Pagi) — критическія Изслѣдованія церковныхъ лѣтописей Баронія, — написанное умно и основательно, съ либеральной точки зрѣнія галликанской церкви; критическій трудъ Бофóра (Beaufort) «О недостовѣрности пяти первыхъ вѣковъ римской исторіи», въ которомъ ученымъ критическимъ разборомъ писателей доказывается, что «основанная на преданіи древнѣйшая исторія Рима не имѣетъ себѣ нигдѣ документальной опоры»; Ролленова (Rollin), прилежно, но безъ критики составленная «Римская исторія», и толковые словари Дю Канжа (Glossaria) на латинскія и греческія реченія средневѣковой эпохи, — трудъ сильно двинувшій

---

[1] Мы уже замѣчали, что таковы были въ то время общій голосъ и общее убѣжденіе всей католической страны.

впередъ пониманіе феодальнаго права и средневѣковаго быта вообще. Эти и другіе историческіе сборники обязаны своимъ происхожденіемъ и успѣшнымъ ходомъ покровительству благосклоннаго къ наукѣ короля. Произведенія древности сдѣлались также доступнѣе, благодаря изданіямъ, комментаріямъ и переводамъ (Гомеръ былъ переведенъ г-жею Дасьè); однакожъ изданія классиковъ, предпринятыя для дофина (in usum Delphini), отличаются болѣе типографическимъ, нежели внутреннимъ достоинствомъ.

Изъ историческихъ трудовъ, писанныхъ съ наставительною цѣлью, первое мѣсто занимаетъ Исторія Франціи, сочин. Мезерè (Mezeray, † 1683). Этотъ конечно совсѣмъ не изящный, но очень основательный писатель постигъ національную жизнь въ ея глубинѣ и всецѣлости, и подъ вліяніемъ духа фронды, которой онъ нѣкогда служилъ своими памфлетами, выставилъ систему податей и соединенную съ нею тираннію въ такомъ рѣзкомъ свѣтѣ, что лишился за это мѣста и жалованья королевскаго исторіографа. Въ такомъ же духѣ и такимъ же сильнымъ языкомъ написано еще прежде историческое сочиненіе гюгенота д'Обиньè (d'Aubigné, † 1630) изъ эпохи религіозныхъ войнъ Франціи[1]: оно сжато, но обильно мыслями и энергично. Рядомъ съ этими серьёзными и полными содержанія историческими трудами, второстепенное мѣсто принадлежитъ тому межеумочному историко-романическому роду, котораго главная цѣль занять читателя. Сюда въ особенности относятся сочиненія Вертò († 1735, Исторія Мальтійскаго ордена, и друг.) и Сенъ-Реаля († 1692, Венеціанскій заговоръ, и друг.), а потомъ все возрастающее число Записокъ, между которыми отличаются Записки Сюлли (§ 541, ихъ подлинность хотя и не вполнѣ достовѣрна, тѣмъ не менѣе онѣ представляютъ великолѣпный памятникъ заслугъ и высокихъ взглядовъ этого министра), и еще болѣе Записки кардинала де-Ретца (§ 610). Послѣднія, какъ вѣрная картина треволненной эпохи фронды, столько же замѣчательны по своему содержанію, сколько и по слогу, который знакомитъ насъ съ разговорнымъ языкомъ тогдашнихъ знатныхъ кружковъ. Подобный характеръ носятъ «Письма г-жи де-Севиньè» (1626—96), въ которыхъ съ неподражаемою легкостью и граціей выраженія разсказываются вседневныя событія и при этомъ рисуется общественное об-

---

[1] «Всемірная исторія съ 1550 по 1601 г.» Смѣлость этой книги подвергла ее сожженію вскорѣ по выходѣ ея въ свѣтъ (1620).

разованіе той эпохи. Съ восхищеніемъ читались многими за изящество формы и живость изображеній, вопервыхъ, Характеристики Лабрюйера (✝ 1693), тонкаго царедворца и практическаго философа, которому смѣшное кажется величайшимъ недостаткомъ, потому что оно подводный камень, угрожающій человѣку въ обществѣ неизбѣжнымъ крушеніемъ, а вовторыхъ блистательныя по слогу «Правила и размышленія» (Maximes et réflexions) Ларошфукò (✝ 1680), котораго домъ былъ сборищемъ величайшихъ умовъ той эпохи. Изъ этой книги очевидно, до какой степени эгоизмъ былъ главною пружиной дѣйствій высшаго общества; ибо правила Ларошфукò не столько выводы всеобщаго мышленія, сколько плоды именно тогдашнихъ нравовъ. — Замѣчательный памятникъ нѣмецкаго образа мыслей и нѣмецкаго настроенія души представляютъ Письма и Памятныя записки Елисаветы Шарлотты Пфальцской, второй супруги герцога Орлеанскаго. Одинокая среди дворской суеты, безъ любви къ своему супругу, она могла удовлетворять своей потребности въ откровенной бесѣдѣ только съ живущею въ дали родней, къ которой питала теплую, исключительную привязанность.

II. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ОСЬМНАДЦАТАГО ВѢКА.

1. Югъ и Западъ Европы.

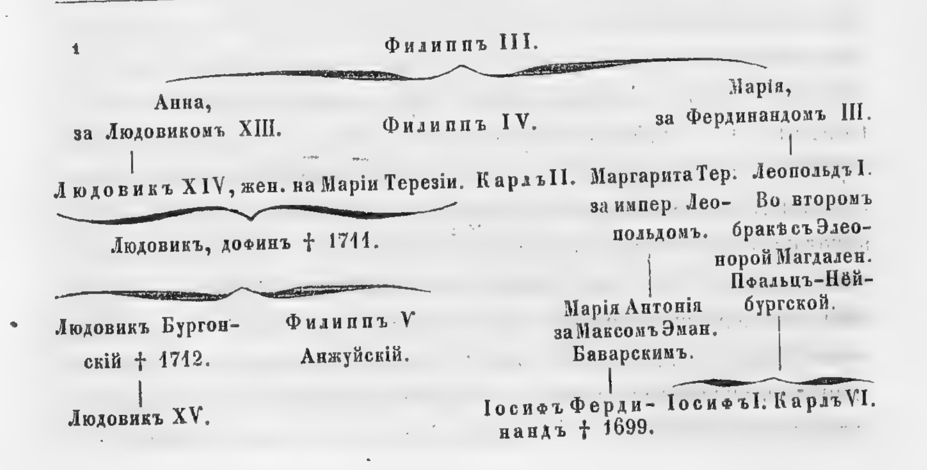
а) ВОЙНА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО (1701 — 14).

§ 631. Поводъ къ войнѣ. Рисвикскій миръ (§ 626) былъ потому такъ поспѣшно заключенъ Франціей, что Людовику хотѣлось развязать себѣ руки въ виду предстоящаго упраздненія испанскаго престола. Еще при жизни послѣдняго испанскаго Габсбурга, бездѣтнаго Карла II, морскія державы и Франція заключили между собою договоръ въ Гагѣ о раздѣлѣ его владѣній (1698). Это до того раздражило испанскаго монарха, что онъ назначилъ по себѣ наслѣдникомъ

всѣхъ своихъ земель баварскаго принца Іосифа Фердинанда (1699), котораго мать была изъ Габсбургскаго дома [1]. Но къ несчастію Европы, этотъ семилѣтній наслѣдникъ умеръ прежде завѣщателя, что подало поводъ французскому посланнику въ Мадридѣ склонить слабаго короля, глубоко оскорбленнаго новымъ трактатомъ о раздѣлѣ, на тайное завѣщаніе, въ которомъ была обойдена Австрія, имѣвшая по прежнимъ семейнымъ договорамъ ближайшее право на упразднявшійся престолъ, и второй внукъ Людовика XIV, герцогъ Филиппъ Анжуйскій, былъ назначенъ наслѣдникомъ всей испанской монархіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы двѣ короны, французская и испанская, никогда не соединялись въ одномъ лицѣ. Такимъ способомъ надѣялись въ Испаніи устранить раздробленіе этой державы, чему равно противились здѣсь и народъ и правительство. Папа, къ которому испанскій король обращался за совѣтомъ, тоже благопріятствовалъ такому плану. Въ самомъ началѣ новаго столѣтія (1-го ноября 1700) Карлъ II скончался, и Людовикъ XIV, наблюдая честь и выгоды своего дома и побуждаемый своими совѣтниками, своимъ внукомъ и г-жею де Ментенонъ (§ 618. б.), послѣ нѣкотораго раздумья рѣшилъ на совѣтѣ въ Фонтенебло принять завѣщаніе. Усиленіе французскаго могущества, церковный и династическій интересъ, все склоняло короля пренебречь обязательствами, на которыя онъ согласился передъ морскими державами во второмъ договорѣ о раздѣлѣ испанской монархіи,

---

1



и стать за завѣщаніе, сдѣланное въ пользу его внука. Филиппъ въ торжественномъ собраніи былъ представленъ Версальскому двору въ качествѣ короля Испаніи. Людовикъ XIV старался еще разъ примѣнить на дѣлѣ то понятіе о могуществѣ и величіи, государствѣ и религіи, которое съ давнихъ поръ представлялось его уму и вмѣстѣ было результатомъ всей предшествовавшей исторіи.

Вслѣдствіе этого возгорѣлась самая ожесточенная изъ всѣхъ, доселѣ веденныхъ войнъ. Императоръ Леопольдъ (1657—1705) взялся за оружіе, чтобы завоевать своему второму сыну Карлу наслѣдіе Габсбурговъ. Истощенная Франція, гдѣ управляли дѣлами молодые министры и неспособные полководцы, обязанные своимъ возвышеніемъ фаворитизму, какъ напримѣръ Виллеруа; гдѣ недостатокъ въ деньгахъ заставлялъ продавать не только гражданскія должности, но и офицерскія мѣста; гдѣ религіозныя гоненія привели къ камизардской войнѣ въ Севеннахъ (§ 618. б.); гдѣ многостоющія войны и расточительный дворъ страшно давили народъ податями, — Франція на этотъ разъ вступила въ бой съ меньшею противъ прежняго надеждою успѣха. Савойя и Португалія, сначала державшія сторону Франціи, вскорѣ пристали къ Австріи и ея союзникамъ, такъ что лишь Максъ Эмануилъ, курфюрстъ Баварскій (Людовикъ обѣщалъ ему Нидерланды, гдѣ онъ былъ намѣстникомъ, и подалъ надежду получить еще Рейнскій Палатинатъ) и братъ его, архіепископъ Іосифъ Климентъ кёльнскій, остались союзниками Людовика; напротивъ, на сторонѣ Австріи было не только большинство нѣмецкихъ князей (особенно Бранденбургскій курфюрстъ Фридрихъ, который за это содѣйствіе возведенъ былъ въ королевскій санъ по герцогству Пруссіи, и Ганноверскій, для котораго незадолго передъ тѣмъ было учреждено девятое курфюршество), но и морскія державы Англія и Голландія, — послѣдняя, страшась грознаго для нея преобладанія Франціи, если Людовикъ XIV будетъ располагать испанскими землями и соединитъ испанскія войска съ французскими, а первая (хотя и послѣ нѣкотораго колебанія) — по неудовольствію за то, что Французскій король призналъ (1701) претендента Іакова (III) Стуарта, по смерти отца его, королемъ Англійскимъ и слѣдовательно выступилъ противъ новаго порядка престолонаслѣдія, который отрѣшалъ католическую линію отъ англійскаго трона (§ 625). Но Испанія приняла французскаго наслѣдника престола съ радостнымъ восторгомъ, и взялась за

оружіе для защиты бурбонскаго короля Филиппа V, правдиваго и кроткаго государя безукоризненныхъ нравовъ, на всей природѣ котораго лежалъ испанскій отпечатокъ и котораго вялость и задумчивость напоминали Габсбургскихъ правителей, чья кровь текла отчасти и въ его жилахъ. Только позже удалось австрійскому претенденту составить себѣ партію въ Каталоніи, Арагоніи и Валенсіи, но ближайшимъ слѣдствіемъ этого было то, что Кастильцы еще крѣпче примкнули къ внуку Людовика. Ненависть къ Арагоніи, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего достоинства и гордыми воспоминаніями о прежнемъ величіи, сдѣлала ихъ восторженными приверженцами Филиппа V.

§ 632. Сраженіе при Гёхштедтѣ. Военное счастіе рѣшительно благопріятствовало на этотъ разъ оружію Австріи и Англіи, потому что войсками ихъ начальствовали два величайшіе полководца той эпохи, принцъ Евгеній Савойскій и герцогъ Мальбрò (Marlborough). Первый, отрасль одной родственной Савойскому дому фамиліи, проживавшей во французскихъ предѣлахь (§ 610), покинулъ свою родину, дгѣ ему, малорослому и невзрачному юношѣ, жаждавшему военной славы, но назначенному въ духовное званіе, не представлялось никакого поприща, — покинулъ съ тѣмъ, чтобы въ австрійской арміи предаться влеченію своей воинственной природы. Его полководческій талантъ кончилъ турецкую войну въ пользу Австріи (§ 620), и при самомъ началѣ настоящей войны (1701—2) обнаружилось ясно, какое развитіе получила цесарская армія подъ его начальствомъ. Французы заняли всѣ Альпійскіе проходы, ведущіе въ Италію; но предусмотрительному полководцу удалось, при помощи преданнаго ему горнаго населенія, по непроходимымъ тропинкамъ и съ неимовѣрными трудностями перебраться черезъ высоты. Гдѣ съ незапамятныхъ временъ не переѣзжала ни одна телѣжка, тамъ прошла большая армія съ артиллеріею и обозомъ. Венгерская конница снова стала рыскать по италійской равнинѣ. Тоже мастерство выказалъ Евгеній въ продолженіе всего похода. Не давъ ни одного сраженія, онъ оттѣснилъ храбраго, но нелюбимаго при дворѣ, французскаго полководца Катинà, до самаго Милана, взялъ Мирандолу и Модену и полонилъ въ Кремонѣ преемника Катинà, Виллеруа, человѣка лично храбраго, но лишеннаго воинской прозорли-

вости. Этимъ Австрія пріобрѣла довѣріе прочихъ державъ; и когда вскорѣ потомъ Мальбро, глава виговъ, управлявшихъ Англіею со вступленія на престолъ королевы Анны (§ 622), съ большимъ войскомъ и неограниченною властію появился въ испанскихъ Нидерландахъ, отбросилъ Французовъ, поддерживаемыхъ баварскимъ намѣстникомъ, и дотого стѣснилъ равнодушнаго къ своему отечеству курфюрста Кёльнскаго завоеваніемъ Бонна и другихъ мѣстъ, что онъ былъ принужденъ бѣжать во Францію, тогда союзники не замедлили взять перевѣсъ надъ врагами, сколько ни чувствовались въ началѣ превосходное устройство французскаго войска, искусство опытныхъ солдатъ, единство и правильность ихъ передвиженій, сравнительно съ тяжелой многосложностью сборныхъ непріятельскихъ силъ. Герцогъ Савойскій отрекся отъ союза съ Франціею, но тѣмъ навлекъ своей странѣ тяжкія военныя невзгоды. Вандомъ, искусный полководецъ, но подобно маршалу де-Люксамбуру сластолюбивый и безнравственный человѣкъ, завоевавъ Піэмонтъ и роскошныя поля Ломбардіи, уже помышлялъ о соединеніи съ курфюрстомъ Баварскимъ, который по занятіи имперскаго города Ульма вторгнулся въ Тироль, овладѣлъ Куфштейномъ и черезъ Инсбрукъ подступилъ къ Бреннеру; но осуществленію этого плана помѣшало храброе возстаніе Тирольцевъ (іюнь 1703), исполненныхъ преданности къ Австріи и наслѣдственной ненависти къ сосѣдней Баваріи: они, съ знакомыхъ имъ горныхъ высотъ и изъ глубины неприступныхъ ущелій напали на непріятеля съ своими мѣткими ружьями и удачною малою войною не дали ему двинуться впередъ. Послѣ тщетнаго нападенія на Тридентъ, Вандомъ возвратился опять въ Италію, мстя за встрѣченное сопротивленіе ужаснымъ опустошеніемъ долины Эча; точно также и курфюрстъ, тщетно надѣявшійся присоединить къ своимъ владѣніямъ окняженное графство Тироль, вынужденъ былъ очистить горную страну, потерпѣвъ въ ней большія потери и возвратиться къ маршалу Виллару, который проникъ между-тѣмъ чрезъ Кинцигскую долину до верхняго Дуная и защитилъ Баварію отъ непріятеля. Взятіе Аугсбурга и Пассау, которымъ надѣялся вознаградить себя храбрый и предпріимчивый Максъ Эмануилъ, было послѣднимъ удачнымъ военнымъ дѣломъ

Баварцевъ и Французовъ. Когда ни увѣщанія императора, ни опустошеніе баварскаго края не могли отклонить ослѣпленнаго государя отъ союза съ Франціею, и онъ, напротивъ того, въ слѣдующемъ же году (1704) соединилъ свои войска съ новою арміею, которую привелъ къ нему по волѣ короля маршалъ Талляръ, человѣкъ посредственнаго ума и таланта, тогда принцъ Евгеній тоже соединился съ вождемъ имперской арміи, Людвигомъ Баденскимъ, и выступилъ противъ непріятеля въ Швабіи. Будучи предсѣдателемъ Вѣнскаго придворно-военнаго совѣта, Евгеній могъ во всѣхъ предпріятіяхъ слѣдовать собственному соображенію, а никто въ то время не понималъ такъ ясно общаго положенія дѣлъ, какъ онъ. Одаренный способностію постоянно имѣть въ виду общее и великое, не упуская въ тоже время и мелочей, онъ составлялъ планъ каждаго похода и каждой битвы съ тѣмъ рѣшительнымъ авторитетомъ, который, основываясь на опытности и дальновидности, невольно даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Вскорѣ Мальбрò, послѣ мастерскаго похода на Рейнъ и Мозель, (гдѣ онъ умѣлъ скрыть свое намѣреніе не только отъ преслѣдовавшихъ его Французовъ, но и отъ собственныхъ баварскихъ и англійскихъ войскъ), присоединился къ нимъ обоимъ, послѣ чего Евгеній и Мальбрò, отрядили престарѣлаго и осторожнаго маркграфа Людвига осаждать Ингольштадтъ и потомъ разбили нàголову (13 августа 1704) французско-боварскую армію въ сраженіи при Гёхштедтѣ (или, какъ называютъ эту битву Англичане, при Бленгеймѣ): 20,000 труповъ покрыли поле битвы, 15,000 Французовъ, въ томъ числѣ самъ Талляръ, попались въ плѣнъ, всѣ военныя принадлежности достались въ добычу побѣдителямъ; во всѣхъ семействахъ Франціи, знатныхъ и незнатныхъ, былъ трауръ. Курфюрстъ Баварскій долженъ былъ послѣдовать за Французами черезъ Рейнъ и предать свою землю въ жертву цесарскимъ чиновникамъ, которые самымъ варварскимъ образомъ терзали несчастный народъ. И когда наконецъ гнетъ довелъ Баварцевъ до возстанія и они перебили притѣснителей, которые уничтожали ихъ благосостояніе и уводили сыновей ихъ въ армію, тогда вступило въ Баварію австрійское войско и грабежемъ и убійствомъ усилило страда-

нія народа. Чтобы наказать Баварскій домъ за его непатріотическій образъ мыслей, новый императоръ Іосифъ I (1705 — 11), державшійся политики и правилъ своего отца, положилъ на Макса Эмануила и брата его, курфюрста Кёльнскаго, опалу (1705) и возвратилъ рейнскому пфальцграфу Верхній Палатинатъ (§ 570). Напротивъ, герцога Мальбро̀ возвелъ онъ въ санъ имперскаго князя. Въ религіозныхъ кружкахъ Франціи всѣ были удивлены и поражены тѣмъ, что Богъ явно принялъ сторону «еретиковъ и хищниковъ».

§ 633. Испанія. Слабое правленіе Филиппа V, на которое имѣла сильнѣйшее вліяніе коварная женщина, графиня Урсини, привело многихъ недовольныхъ вельможъ подъ знамя противниковъ. Вскорѣ Пиренейскій полуостровъ сдѣлался театромъ ожесточенной междоусобной войны. Области древняго Арагонскаго королевства изъ природной національной ненависти къ Кастиліи большею частію признали австрійскаго претендента, когда послѣдній высадился въ Каталоніи и обѣщалъ соблюдать ихъ старинныя права (fueros). Барселона, Валенсія и всѣ значительные города пристали къ нему также, между тѣмъ какъ англійскій флотъ препятствовалъ сообщеніямъ съ испанскою Америкой и завоевалъ крѣпость Гибральтаръ (1704), а Португальцы заняли Мадридъ и принудили дворъ бѣжать въ Бургосъ. Но частію неспособность эрцгерцога, частію ненависть Испанцевъ къ его друзьямъ, Голландцамъ и Португальцамъ, а частію отсутствіе общаго плана у союзниковъ произвели то, что Французы удержали за собою перевѣсъ въ Испаніи, утративъ его во всѣхъ другихъ странахъ. Побѣда Филиппа подъ Альмансой (25 апрѣля 1707), при содѣйствіи французскаго полководца Бервика (Фицъ-Джемса), обезпечила ему корону, и Мадридъ опять принялъ его въ восторгомъ. Страшная кара постигла теперь отпавшія области. Прекрасныя поля Валенсіи были опустошены, непреклонные жители, предпочитавшіе подвергнуться величайшему несчастію, лишь бы не подчиниться ненавистнымъ Кастильцамъ, терпѣли смерть во всевозможныхъ видахъ, и чтобы не дать себя на поруганіе побѣдителямъ, какъ нѣкогда граждане Сагунта и Нуманціи, сами зажгли

свои домы и похоронили себя подъ развалинами. Когда, по завоеваніи Сарагосы и Лериды, возстаніе было наконецъ подавлено и сѣкира палача скосила отважнѣйшія головы, тогда три области: Арагонія, Каталонія и Валенсія утратили послѣдніе остатки своихъ правъ и съ тѣхъ поръ управлялись уже по кастильскимъ законамъ. Хотя союзники спустя два года еще разъ заняли Мадридъ (10 декабря 1710,) однако полководческій талантъ Вандома и побѣда его при Вильѣ Висіозѣ одолѣли противниковъ и укрѣпили шаткую корону на головѣ Филиппа. Но Каталонія тогда только подчинилась кастильскому владычеству, когда Барселона была взята послѣ геройской обороны (1714), и когда императоръ пересталъ оказывать недовольнымъ пособіе.

§ 634. Битвы при Рамильи и Туринѣ. 1706 годъ ознаменовался великими военными дѣлами. Въ Нидерландахъ Мальбрò одержалъ побѣду надъ любимцемъ госпожи де-Ментенонъ, неспособнымъ маршаломъ Виллеруа, при Рамильи [1] (23 мая 1706), гдѣ французская армія была частію переранена или перебита, частію взята въ плѣнъ или разсѣяна, а артиллерія, знамена и весь военный обозъ достались непріятелю. Испанскіе Нидерланды должны были покориться союзникамъ и признать австрійскаго претендента государемъ. Получивъ увѣреніе, что Карлъ III намѣренъ сохранить имъ духовныя и свѣтскія преимущества, чины Брабанта и Фландріи присягнули ему. Завидуя счастію Мальбрò, принцъ Евгеній старался добыть себѣ такую же военную славу въ верхней Италіи, гдѣ вмѣсто Вандома герцогъ Орлеанскій и два другихъ генерала (Марсенъ и герцогъ Фёльядъ) командовали 80-тысячнымъ французскимъ войскомъ. Мастерски исполненнымъ переходомъ соединился онъ съ герцогомъ Савойскимъ и въ битвѣ при Туринѣ (7 сентября 1706), располагая гораздо меньшими силами, чѣмъ Французы, нанесъ имъ, занятымъ осадою этой столицы, такое

[1] Укрывъ свое лѣвое крыло за болотами, но и лишивъ его этимъ возможности дѣйствовать, Виллеруа далъ своему противнику всѣ удобства сосредоточить его силы противъ праваго крыла Французовъ и нанесть имъ самое рѣшительное пораженіе. Разбитый маршалъ совершенно потерялъ голову и оставилъ испанскіе Нидерланды безъ всякой обороны.

пораженіе, что цѣлая армія была истреблена или разсѣяна и вся верхняя Италія осталась во власти побѣдителей. Слава Евгенія гремѣла далеко и его имя съ тѣхъ поръ осталось въ устахъ народа, славившаго подвиги его въ пѣсняхъ. Блестящій и образованный, чрезвычайно искусный и предпріимчивый лордъ Мальбрò, и наряду съ нимъ скромный, методическій, простой, хотя не безъ педантства и излишней обстоятельности, принцъ Евгеній, — два эти полководца какъ нарочно восполняли другъ друга своими личными качествами, и ладили между собой какъ нельзя лучше; оба, какъ говоритъ восторженный къ нимъ поэтъ того времени, суровые въ полѣ и утонченные при дворахъ, оба полные того мужества, которое, проистекая не изъ внезапныхъ вспышекъ, но изъ разума, и умѣряемое разумомъ, не замѣтно въ мирныя времена, но тѣмъ блистательнѣе проявляется въ день битвы! Изъ Милана, въ слѣдующемъ году, однимъ легкимъ походомъ было пріобрѣтено Карлу австрійскому Неаполитанское королевство (1707). Только въ Германіи удержался маршалъ Вилляръ, потому что на мѣсто недавно умершаго Людвига Баденскаго начальникомъ медлительной, несогласной и нерѣшительной имперской арміи назначенъ былъ неспособный полководецъ: съ грабежемъ и опустошеніемъ прошли французскія войскà изъ Страсбурга по Швабіи и Франконіи.

§ 635. Униженіе Франціи. Людовикъ XIV, отчаяваясь въ благопріятномъ исходѣ войны и соображая бѣдственное положеніе своего истощеннаго государства, самъ желалъ теперь мира. Онъ готовъ былъ отказаться отъ Испаніи и даже предоставить Нидерланды на волю Генеральныхъ Штатовъ, если внуку его будутъ уступлены только испанскія владѣнія въ Италіи и курфюрстъ Баварскій будетъ возстановленъ въ своей землѣ. Но эти предложенія были отвергнуты Англіею, Голландіей и Австріей по совѣту Евгенія и Мальбрò, которымъ хотѣлось воспользоваться военнымъ счастіемъ для униженія Франціи. Тщетно надѣялся Людовикъ возстановить новыми усиліями павшую военную честь Франціи и потомъ по прежнему предписать условія мира — блестящая побѣда Евгенія и Мальбрò подъ Уденардомъ на Шельдѣ (11 іюля 1708)

надъ несогласными между собою вождями Вандомомъ и герцогомъ Бургонскимъ, старшимъ сыномъ дофина, сокрушила послѣднюю надежду Людовика; и когда причиненный суровыми зимними морозами неурожай заставилъ бѣднаго земледѣльца пойдти по міру, а министры объявили, что продолжать войну нѣтъ ни какихъ средствъ, то гордый монархъ принужденъ былъ податься на величайшія униженія. Въ то время этотъ властелинъ, обыкновенно выказывавшій передъ другими только чувство собственнаго достоинства и самоувѣренность, не рѣдко плакалъ въ присутствіи госпожи де-Ментенонъ. Союзники требовали, чтобъ онъ безусловно отказался отъ Испаніи, Милана, Нидерландовъ и всѣхъ внѣ-европейскихъ владѣній, и когда онъ склонился на это и просилъ для своего внука только Неаполя и Сициліи, тогда враги усилили свои требованія, настаивая не только на уступкѣ всей испанской монархіи, но и Альзаціи со Страсбургомъ, Франшъ-Контѐ и лотарингскихъ епископствъ. Людовикъ принялъ бы миръ даже и на этихъ условіяхъ, еслибъ оба полководца и великій пенсіонаръ голландскій Гейнзій, честный, простой и разсудительный государственный человѣкъ, который тогда имѣлъ больше силы въ Генеральныхъ Штатахъ, нежели самъ статгаудеръ Вильгельмъ Фризо [1], не присоединили ко всему этому еще равносильнаго безчестію требованія, чтобы Людовикъ обязался помогать изгнанію своего собственнаго внука изъ Испаніи. Это показалось французскому двору уже слишкомъ тяжкимъ, и война продолжалась. Но въ убійственномъ, хотя и нерѣшительномъ сраженіи при Мальплякэ (недалеко отъ Дорника [2], 11 сентября 1709), гдѣ 33,000 труповъ покрыли поле битвы и маршалъ Вилляръ былъ тяжело раненъ, Франція потеряла больше людей, чѣмъ въ любомъ изъ прежнихъ своихъ пораженій, и была бы вынуждена принять миръ на всякихъ условіяхъ, еслибъ божеская кара не укротила и высокомѣрія другихъ, чтобы научить человѣка умѣренности!

---

[1] Кончиною бездѣтнаго Вильгельма III пресѣклось само собою наслѣдственное статгаудерство, а выборный преемникъ этого могущественнаго правителя не имѣлъ и тѣни его власти.

[2] Турнѐ.

§ 636. Перемѣна обстоятельствъ и заключеніе мира. Ссора гордой, властолюбивой жены Мальбрò съ королевою Анной и связанная съ этою ссорой интрига имѣли слѣдствіемъ удаленіе герцогини отъ двора и вытѣсненіе преданнаго герцогу и его женѣ вигскаго министерства торіями. Послѣдніе, предводимые знаменитымъ Болинброкомъ (Сентъ-Джономъ) и графомъ Оксфордомъ, желали окончанія войны, чтобы чрезъ это сдѣлать ненужнымъ главу противной партіи, Мальбрò, у котораго они не рѣшались прямо отнять главное военачальство, и потому вступили въ тайные переговоры о заключеніи отдѣльнаго мира съ Франціею (1710). Нерасположенное къ войнѣ общественное мнѣніе, выразившееся въ новыхъ парламентскихъ выборахъ, благопріятствовало дѣлу торіевъ и королевы. Тщетно Евгеній и Голландцы, до сихъ поръ такъ упорно отклонявшіе предложенія Франціи, употребляли теперь всѣ средства, чтобы удержать англійское министерство отъ этого шага; переговоры начались и были окончены тѣмъ скорѣе, что въ слѣдующемъ же году умеръ стойкій императоръ Іосифъ I (11 апрѣля 1711), не оставивъ по себѣ мужескаго потомства, и братъ его Карлъ (1711—40), для котораго назначалась испанская монархія, сдѣлался наслѣдникомъ всѣхъ его коронъ. Теперь уже не могло быть въ интересѣ другихъ державъ присоединить ко множеству австрійскихъ владѣній еще и владѣнія испанскія, и тѣмъ самымъ утвердить преобладаніе Габсбурговъ въ Европѣ. Заключеніе перемирія (1712) подало врагамъ Мальбрò случай къ отмщенію. Побѣдоносный вождь былъ лишенъ всѣхъ своихъ званій и обвиненъ передъ парламентомъ въ лихоимствѣ. Затѣмъ Англія и Франція, высокомѣріе которой возвратилось вмѣстѣ съ счастіемъ, заключили между собою Утрехтскій миръ (11 апрѣля 1713), къ которому вскорѣ приступили Генеральные Штаты (Голландія), Пруссія, Савойя и Португалія.

По этому миру Испанія и Индія (Америка) остались за бурбонскимъ королемъ Филиппомъ V, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ короны испанская и французская никогда не соединялись, вслѣдствіе чего герцогъ Анжуйскій торжественно отказался за себя и свое потомство отъ всякихъ родовыхъ притязаній на французскій престолъ;

Голландія, кромѣ нѣкоторыхъ торговыхъ выгодъ, пріобрѣла право держать гарнизоны во многихъ крѣпостяхъ на испанско-нидерландской границѣ (въ Мененѣ, Ипернѣ, Турнѐ, Кондѐ, Лиллѣ); Пруссія—часть Гельдерна, верховную власть надъ Нёшателемъ и Валанженомъ и утвержденіе въ своемъ королевскомъ достоинствѣ; Савойя, кромѣ нѣкоторыхъ миланскихъ земель, прекрасный островъ Сицилію, который однакоже, спустя семь лѣтъ, она должна была промѣнять на Сардинію. Титулъ короля сардинскаго, который съ тѣхъ поръ могли носить герцоги Піэмонта и Савойи, былъ скуднымъ вознагражденіемъ за этотъ неравный обмѣнъ. Англія получила отъ Франціи Новую Шотландію (Акадію), Ньюфоундлендъ и земли по Гудсонову заливу вмѣстѣ съ признаніемъ ея протестантскаго (ганноверскаго) престолонаслѣдія; отъ Испаніи—Гибральтаръ, Минорку и сверхъ того выгодный ассіэнто, или договоръ, по которому одному англійскому обществу было предоставлено исключительное право за умѣренную пошлину продавать въ испанской Индіи до 5,000 Негровъ ежегодно. Море, окружающее Англію, должно было отнынѣ называться британскимъ.

Императоръ Карлъ VI и большая часть Нѣмецкой имперіи не приступили къ Утрехтскому миру и до времени еще продолжали борьбу. Но когда Французы, которые послѣ побѣды при Дененѣ (іюль 1712) и нѣсколькихъ удачныхъ походовъ въ Нидерланды, двинули всѣ свои военныя силы на Рейнъ, взяли Ландау и другіе города, тогда императоръ убѣдился, что одинъ, въ соединеніи съ вялыми имперскими войсками, онъ не можетъ выдержать войны съ Франціею, и потому согласился на Раштаттскій миръ (7 марта 1714), который былъ заключенъ Евгеніемъ и маршаломъ Вилляромъ на предложенныхъ Англіею въ Утрехтѣ условіяхъ, и къ которому потомъ приступила также Нѣмецкая имперія по трактату въ Баденѣ, что въ Ааргау (7 сентября 1714).

Австрія получила по этому миру испанскіе Нидерланды, Неаполь, Миланъ и Сардинію, въ послѣдствіи обмѣненную на Сицилію. Относительно имперіи была удержана назначенная по Рисвикскому миру порубежная черта вмѣстѣ съ (названною Англичанами «скандалёзною», но тщетно оспориваемою) религіозною статьею (§ 626). Курфюрсты Баварскій и Кёльнскій оба получили обратно свои владѣнія. Ландау остался за Франціей.

Въ слѣдующемъ году (10 сентября 1715) умеръ Людовикъ XIV, пресытясь жизнію и сокрушенный тяжкими ударами судьбы. Въ теченіе двухъ лѣтъ (1710 — 12) онъ потерялъ своего сына, своего внука (герцога Бургонскаго, воспитаннаго Фенелономъ въ правилахъ мудраго государственнаго управленія и нравственно-религіознаго порядка), его умную жену и своего старшаго правнука, а два года спустя (1714) своего третьяго внука, герцога Беррійскаго, умершаго скоропостижно, такъ что младшій правнукъ его (Людовикъ XV) наслѣдовалъ престолъ пятилѣтнимъ ребенкомъ. И какъ упало теперь королевство, столь цвѣтущее и сильное при воцареніи Людовика XIV! Тяжкимъ бременемъ лежалъ на немъ долгъ, превышавшій тысячу милліоновъ гульденовъ; золотая и серебряная монета была произвольно повышена въ цѣнѣ, безъ повышенія въ достоинствѣ, и недостатокъ ея восполненъ бумажными знаками, пользовавшимися плохимъ кредитомъ; силы государства были не въ мѣру обременены высокими, неравномѣрно и несправедливо распредѣленными налогами, внутреннее благосостояніе исчезло; колоніи приходили въ упадокъ; господство на морѣ принадлежало Англичанамъ; благодаря войнѣ и гоненіямъ, многія области обезлюдѣли почти совсѣмъ; повсемѣстно чувствовались голодъ или скудость жизненныхъ припасовъ; Франція была истощена, ея кредитъ и доброе имя пали.

б) ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

§ 637. 1) Франція. Во время малолѣтства Людовика XV регентомъ былъ герцогъ Филиппъ Орлеанскій (племянникъ Людовикъ XIV съ братней стороны, 1715 — 23). Онъ и бывшій учитель его аббатъ Дюбуа̀, котораго онъ назначилъ министромъ, а римскій престолъ возвелъ въ кардиналы, были оба умные и очень способные, но безпутные люди, презиравшіе религію и нравственность и считавшіе личный интересъ и эгоизмъ единственными двигателями поступковъ, а чувственныя удовольствія — единственною цѣлью жизни человѣка. Регентъ и его товарищи, заклейменные прозвищемъ каторжныхъ (roués), вели роскошную и разгульную жизнь, совершенно отрекшись отъ вѣры, нравственности и приличія. Безпутство и расточительность этихъ гулякъ, украшенныхъ титулами и почестями, истощали доходы государства и усиливали бремя долга. Ассигнаціонный банкъ, основанный при недостаточныхъ денежныхъ

средствахъ, съ согласія правительства, игрокомъ и искателемъ приключеній, Шотландцемъ Джономъ Ло, и обѣщавшій нетолько большіе проценты, но сверхъ-того и большія прибыли въ Америкѣ, произвелъ во всей Франціи непонятное помраченіе умовъ, которымъ умѣли воспользоваться для своихъ выгодъ безсовѣстный регентъ и его сообщники. Почти вся звонкая монета потекла въ банкъ, который регентъ назвалъ «королевскимъ» и которому онъ доставилъ этимъ безграничный кредитъ, и была обмѣнена на бумажныя деньги; общественныя кассы наполнились банковыми билетами, которые заступили даже мѣсто вкладовъ; наконецъ и всѣ ежедневные обороты совершались на однѣ ассигнаціи. То, что въ началѣ дѣлалось добровольно, въ послѣдствіи предписывалось эдиктами. «Королевскій банкъ» принялъ на себя сенегальскую торговлю и получилъ привилегію прежней индійской компаніи, основанной Кольберомъ, но съ тѣхъ поръ пришедшей въ упадокъ; ренты города выплачивались банкомъ, всѣ королевскіе долги были погашены; наконецъ, банкъ взялъ на откупъ налоги. Всѣ финансы государства зависѣли теперь отъ одного торговаго общества, и курсъ его акцій удвадцатерился противъ ихъ первоначальной цѣны. Регентъ, увлеченный общимъ опьяненіемъ, велѣлъ изготовить безчисленное множество денежныхъ знаковъ, и въ 1719 году воображаемая цѣнность акцій превосходила въ восемьдесятъ разъ всю сумму обращавшихся въ королевствѣ денегъ. Ло былъ предметомъ общаго удивленія; онъ перемѣнилъ религію и получилъ мѣсто генералъ-контролера финансовъ. Всеобщимъ лозунгомъ было разбогатѣть и наслаждаться. Алчные вельможи нажились дѣйствительно, между тѣмъ какъ средній классъ и иностранные купцы и банкиры понесли огромные убытки при оказавшемся вскорѣ совершенномъ банкротствѣ банка, когда испуганные владѣльцы акцій и банковыхъ билетовъ пожелали вдругъ обратить свои денежные знаки въ звонкую менету. Ярость народа не только заставила бѣжать виновника бѣдствія, но угрожала даже и самому регенту. За то, государство избавилось отъ значительной части своего долга. — Распутная жизнь рано свела въ гробъ герцога-регента. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ скоропостижной смерти министра Дюбуà, онъ также неожиданно умеръ отъ удара въ комнатѣ своей любовницы (7 декабря 1723). Эта дама помѣшалась, народъ считалъ герцога колдуномъ, и думалъ, что договору его съ нечистымъ наступилъ срокъ въ самый часъ его кончины. Послѣ того Людовикъ XV самъ принялъ правленіе, и по удаленіи герцога Бурбонъ-Кондè

(1726), три года стоявшаго во главѣ министерства и устроившаго брагосочетаніе своего государя съ дочерью изгнаннаго Польскаго короля Станислава Лещинскаго (§ 652), онъ передалъ управленіе государственными дѣлами своему старому учителю Флёри, миролюбивому прелату тонкаго и замѣчательнаго ума, заботившемуся о развитіи земледѣлія, промышленности и морскаго дѣла.

Вотъ черты въ какихъ историкъ Ранке изображаетъ намъ герцога Филиппа Орлеанскаго, сына упомянутой прежде пфальцграфини Елисаветы Шарлотты, котораго Людовикъ XIV назначилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи главою регентства при малолѣтномъ своемъ правнукѣ, Людовикѣ XV, но который, помимо постановленныхъ въ завѣщаніи ограниченій, съ согласія парламента и въ силу своихъ родовыхъ правъ, вступилъ въ полное обладаніе верховной властью: «Изъ всѣхъ отпрысковъ тогдашнихъ династій не было ни одного, одареннаго столь разнообразными способностями, какъ герцогъ Орлеанскій. Приведись ему существовать искусствомъ или наукой, онъ былъ бы замѣчательнымъ живописцемъ, музыкантомъ, быть-можетъ и извѣстнымъ ученымъ. Тайны природы и тайны мысли одинаково влекли къ себѣ его вниманіе. Онъ охотно занимался глубочайшими задачами философскаго умозрѣнія, съ которыми знакомили его сношенія его матери съ ганноверскимъ дворомъ и съ Лейбницемъ; химику Гомбергу устроилъ онъ лабораторію въ Пале-Роялѣ и любилъ работать съ нимъ вмѣстѣ. Онъ не посвятилъ себя ни одной отрасли знаній въ особенности, но это именно и дозволяло ему принимать болѣе теплое участіе во всѣхъ. При представленіи регенту «академіи надписей», онъ показалъ подробное знакомство съ трудами даже и менѣе извѣстныхъ ея членовъ; изъ оффиціальнаго представленія вышла сама собою ученая бесѣда. Онъ далъ главной королевской библіотекѣ болѣе приличное помѣщеніе и открылъ ее публикѣ для занятій. Онъ любилъ окружать себя людьми съ литературнымъ талантомъ; милость его можно было пріобрѣсть въ той мѣрѣ, въ какой кто былъ способенъ занять его умъ. Самъ онъ умѣлъ объясняться такъ же граціозно, какъ и выразительно. При дѣловыхъ докладахъ онъ оказывалъ и необыкновенную смѣтливость и воспріимчивость къ предметамъ самымъ матеріальнымъ, равно какъ и къ самымъ возвышеннымъ. Онъ придавалъ всего болѣе цѣны своимъ военнымъ способностямъ, и въ самомъ дѣлѣ, общее мнѣніе приписывало ему не только мужество, но и полководческій талантъ. Онъ выполнялъ такія дѣла, которыя другимъ казались невозможны, и обыкновенно полагали, что онъ совершилъ бы еще болѣе,

еслибъ ему дали полную власть; онъ чувствовалъ себя достойною отраслью Генриха IV. Но правду говорила его мать, примѣняя къ нему слова извѣстной сказки, что ко всѣмъ украшавшимъ его дарамъ, одна обойденная приглашеніемъ волшебница присовокупила заклятіе, что всѣ эти дары не поведутъ ни къ чему и будутъ помрачены стольже необычайными пороками. Отецъ допустилъ его въ ранней молодости попасть въ самое дурное общество, и онъ пошелъ этою дорогой. Есть такія натуры, которыхъ неодолимо влечетъ то, въ чемъ другіе ищутъ себѣ наслажденія и поставляютъ свою славу: онѣ готовы пожертвовать этому даже лучшими своими убѣжденіями. Онъ не только далъ увлечь себя въ распутство, но увлекся еще и честолюбіемъ точно такъ же отличиться передъ другими въ буйномъ наслажденіи, какъ онъ отличался въ ученыхъ и художественныхъ занятіяхъ. Онъ бѣсновался по цѣлымъ ночамъ, и когда силы его истощались, онъ думалъ обновить ихъ крѣпкими напитками и такимъ образомъ совершенно себя разстроилъ. Часто впадалъ онъ въ отвратительную зависимость отъ товарищей и орудій своего безпутства и, вслѣдствіе этого забывалъ удовлетворять потребностямъ самыхъ близкихъ къ нему людей, за исключеніемъ развѣ одной дочери своей, герцогини Беррійской. Потомство не вспоминаетъ о немъ иначе какъ въ связи съ картиною его безстыдныхъ оргій. За столомъ онъ также не зналъ мѣры, и когда напивался до пьяна, то не было ничего такого, что могло бы внушить ему уваженіе или остановить самыя буйныя выходки его своевольства, презрѣнія и ненависти, или его отъявленнаго безбожія. Онъ хотѣлъ блистать и въ качествѣ такъ-называемаго «сильнаго ума» (ésprit fort), то-есть по-просту безвѣра; ему хотѣлось слыть человѣкомъ, которому нѣтъ дѣла ни до сверхчувственнаго міра, ни до инаго бытія.» Въ благодарность за то, что парламентъ съ такою готовностью призналъ его регентское полновластіе, онъ возвратилъ этому сословію принадлежавшія ему по старинѣ права: обсуждать королевскіе эдикты до занесенія ихъ въ протоколы и, въ случаѣ нужды, входить съ объяснительными представленіями [1].

---

[1] Реакція противъ системы Людовика XIV ограничилась далеко не однимъ этимъ. Регентъ тотчасъ опорожнилъ тюрьмы, наполненныя янсенистами, сослалъ Летеллье и поручилъ духовныя дѣла кардиналу де Ноайлью; онъ разрѣшилъ печатать Телемака и пригласилъ гражданъ подавать свое мнѣніе въ общественныхъ дѣлахъ; канцлеромъ назначилъ онъ генералъ-прокурора д'Агессо, одну изъ славъ французской магистратуры; наконецъ онъ сбавилъ налоги, далъ свободу хлѣбной торговлѣ, которая прежде ограничивалась предѣлами области, увеличилъ жалованье войску и проч. Любопытнѣе всего то, что по совѣту герцога де Сенъ-Симона онъ вздумалъ замѣнить министерства

§ 638. а. 2) **Испанія.** Филиппъ V былъ слабый правитель, которымъ располагали женщины. По смерти первой его жены, графиня **Урсини** властвовала надъ нимъ еще неограниченнѣе прежняго до тѣхъ поръ пока новая королева, **Елисавета Пармская** (1714), не удалила ея тотчасъ по прибытіи своемъ въ Мадридъ. При возрастающей хандрѣ Филиппа, вся власть перешла въ руки королевы и его довѣреннаго министра, пронырливаго Итальянца **Альберони**, который утвердилъ теперь самовластіе кабинета и, пользуясь честолюбіемъ своей повелительницы, вовлекъ ее въ завоевательныя предпріятія. Онъ поднялъ морскую силу Испаніи и старался потомъ снова овладѣть тѣми областями, которыя отняли у его короля по Утрехтскому миру. Уже **Сардинія** и **Сицилія** были въ рукахъ Испанцевъ, когда грозное положеніе, принятое «четвернымъ союзомъ» (Франціей, Англіей, Австріей и Голландіей) до того напугало трусливаго Филиппа, что женской придворной интригѣ, составленной принцомъ-регентомъ Франціи, не трудно было низвергнуть Альберони. Онъ получилъ приказъ въ два дня выѣхать изъ предѣловъ королевства; завоеванія были оставлены. Но коварной королевѣ Елисаветѣ, спустя нѣсколько времени, все-таки удалось пріобрѣсть для старшаго сына своего, **Карла**, королевство **Неаполь** и **Сицилію**, а для втораго сына, **Филиппа** — герцогства **Парму**, **Піаченцу** и **Гвасталлу**. Такъ получили эти державы **бурбонскихъ властителей**. — Въ припадкѣ меланхоліи **Филиппъ V** передалъ правленіе своему старшему сыну (1724), когда же, спустя 8 мѣсяцевъ, тотъ умеръ, онъ снова принялъ верховную власть, но о государственныхъ дѣлахъ не заботился ни мало; ими распоряжался, по желанію королевы, голландскій проходимецъ **Рипперда**. Такимъ образомъ Испанія теряла все болѣе и болѣе вліяніе на ходъ обще-европейскихъ событій[1]. Меланхолія Филиппа усиливалась съ лѣтами и когда, среди печали и заботъ, онъ сошелъ наконецъ въ могилу, ему наслѣдовалъ второй сынъ его (отъ перваго брака) **Фердинандъ VI** (1746—59), на котораго перешла душевная болѣзнь отца,

---

семью совѣтами или коллегіями, каждая изъ десяти членовъ. Въ коллегіи насажали знатныхъ людей, и слѣдствіемъ этого было, во-первыхъ, замедленіе и безпорядокъ въ ходѣ дѣлъ, а во-вторыхъ страшныя злоупотребленія: знать воспользовалась своимъ положеніемъ только для того, чтобы присвоить себѣ какъ можно больше государственнаго достоянія въ видѣ жалованья, пенсій, наградъ, пожизненныхъ доходовъ и т. д.

[1] Въ этомъ много была виною личная вражда Филиппа съ герцогомъ Орлеанскимъ и неразсчетливая политика послѣдняго, вслѣдствіе которой онъ содѣйствовалъ усиленію Англіи и ослабленію своего естественнаго союзника, Испаніи.

такъ что вскорѣ онъ впалъ въ совершенное уныніе и, какъ Филиппъ, и древле царь Саулъ, находилъ облегченіе только въ игрѣ на арфѣ и пѣніи; поэтому оперный пѣвецъ Фаринелли пріобрѣлъ большую силу при дворѣ. Фердинанду наслѣдовалъ единокровный братъ его Карлъ III (1759 — 88), дотолѣ царствовавшій въ Неаполѣ и Сициліи (1735—59) и оставившій это королевство своему третьему сыну Фердинанду.

§ 638. б. 3) Италія. а) Верхняя Италія. Герцоги Савойи и Піэмонта, благоразумно пользуясь политическими обстоятельствами и союзясь во время войнъ съ могущественными государями, умѣли расширить свои предѣлы и наверстать утраты, понесенныя отъ Швейцарцевъ, пріобрѣтеніями въ Италіи. Карлъ Эмануилъ Великій (1580 — 1630) извлекъ для себя много выгодъ изъ французскихъ религіозныхъ войнъ (§ 537 и слѣд.) и изъ церковнаго раскола въ Швейцаріи, хотя и не всѣ великія надежды, которыя питалъ онъ въ душѣ, осуществились на дѣлѣ. Викторъ Амедей I (1630 — 37), по поводу войны за мантуанское наслѣдство (§ 572), пріобрѣлъ добрую часть герцогства Монферрата. При сынѣ его, Карлѣ Эмануилѣ II (1637 — 75), разногласное между собою регентство навлекло много бѣдствій странѣ и народу; но благодаря блистательнымъ качествамъ и счастію его преемника, Виктора Амедея II (1675 — 1730), герцогство увеличилось до того, что владѣтели его носили уже титулъ королей Сардиніи, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ вымѣняли этотъ островъ на первоначально пріобрѣтенную Сицилію (§ 636). Викторъ Амедей представляетъ чрезвычайно рѣдкій въ исторіи примѣръ такого мелкаго властителя, который, играя заодно съ большими господами, къ концу игры все-таки остался съ значительной прибылью. Онъ не только заботился о приращеніи и утвержденіи своей державы, но сверхъ того улучшилъ и судебную часть, отнялъ у дворянства давно присвоенныя имъ коронныя земли, основалъ туринскій университетъ и поднялъ уровень школьнаго образованія. Достигнувъ 64 лѣтъ, онъ передалъ правленіе своему сыну (1730), но вскорѣ раскаялся въ этомъ поступкѣ и провелъ еще два года, полные горести, подъ стражей во дворцѣ Риволи. Карлъ Эмануилъ III (1730 — 73), въ войнѣ за австрійское наслѣдство, пріобрѣлъ значительные учаски Миланскаго герцогства (§ 661); порядкомъ въ государственномъ хозяйствѣ и обложеніемъ духовенства податьми онъ старался покрыть большіе расходы на содержаніе слишкомъ дорогой арміи

подъ начальствомъ офицеровъ изъ дворянскихъ фамилій. При этомъ онъ пекся объ отмѣнѣ и облегченіи феодальныхъ повинностей и принялъ много очень хорошихъ мѣръ, не впадая въ преобразовательную торопливость многихъ государей и министровъ того времени. Но отжившій государственный организмъ и усыпленный въ незрѣлости народъ не имѣли въ себѣ довольно силы, чтобъ устоять противъ могучаго внѣшняго потрясенія; когда при Викторѣ Амедеѣ III (1773—96), продолжавшемъ и добрыя и ошибочныя мѣры своего отца, въ ворота Савойи и Піэмонта застучала французская революція, этотъ край сталъ вскорѣ добычей нагрянувшихъ сосѣдей. — Республики Венеція и Генуа старались поддержать свои аристократическіе уставы въ прежней силѣ. Первой изъ нихъ удалось отстоять свои строгія формы противъ всякаго нововводительства; однакожь неподвижность и политическій застой истребили въ народѣ всякую энергію и положили зародышь смерти во всю государственную систему. Войны съ Турками были не безславны для республики, потому что богатство давало ей возможность содержать отличный флотъ и храброе наемное войско [1], однакожь онѣ кончились напослѣдокъ утратою всѣхъ ея владѣній въ восточныхъ частяхъ Средиземнаго моря. Прежде всего Османы отняли у ней остр. Кипръ (1571), потомъ, послѣ двадцатипятилѣтней разорительной войны, Кандію (1669). Пелопонезскій полуостровъ (Морею), пріобрѣтенный республикой съ помощью Австрійцевъ по Карловицкому миру (1699, § 620), она вынуждена была снова уступить Туркамъ по миру въ Пассаровицѣ (1718, § 657). Только Корфу и Далмація были спасены храброю обороной Шуленбурга. Сознавая свою внутреннюю слабость, сенатъ Венеціанской республики тщательно избѣгалъ съ тѣхъ поръ враждебныхъ столкновеній съ другими державами, но не давалъ у себя прибѣжища гражданской свободѣ и тѣмъ самымъ подрѣзалъ всѣ корни народной жизни. — Генуа, по самому положенію своему, не была въ силахъ держаться въ такой замкнутой особности, какъ Венеція. Она должна была смягчать свои аристократическія формы и по временамъ преобразовывать свое политическое устройство. Три могущественные сосѣда стремились овладѣть богатою республикой, — Савойя, Австрія и Франція, и всю исторію Генуи за послѣдніе два вѣка составляютъ

---

[1] Подвластные республикѣ Славяне восточнаго берега Адріатики, искони промышлявшіе морскимъ разбоемъ, доставляли ей превосходныхъ моряковъ и солдатъ.

борьбы и усилія ея гражданъ защитить свою свободу и независимость отъ завоевательныхъ попытокъ этихъ сосѣднихъ державъ. Островъ Корсика, состоявшій подъ генуэзскимъ господствомъ начиная съ 14 столѣтія, былъ тяжко утѣсняемъ жестокосердыми аристократами-торгашами. Дикіе, воинственные жители наконецъ возмутились и прогнали своихъ властителей (1730). Послѣ долгой, перемѣнчивой борьбы, въ теченіе которой одному нѣмецкому проходимцу, барону Теодору Нейгофу, родомъ изъ Вестфаліи, удалось на время (1736) сдѣлаться Корсиканскимъ королемъ, Генуэзцы призвали на помощь Французовъ. Но Корсиканцы долго защищались съ необыкновеннымъ мужествомъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ во главѣ ихъ сталъ Паоли (1755), такъ что Французы только съ величайшимъ трудомъ овладѣли наконецъ островомъ, послѣ чего Генуа уступила его имъ по договору (1768). Паоли и его товарищи нашли себѣ убѣжище въ Англіи. Во время войны за австрійское наслѣдство (§ 660) Генуа была взята цесарскими войсками (1743), и ее хотѣли принудить къ уступкѣ Сардиніи округа Финале. Однакожь Генуэзцы подняли мятежъ, мужественно выбили Австрійцевъ изъ города, и всѣ усилія враговъ снова завоевать его были напрасны. По Ахенскому миру (§ 661) республика получила опять всѣ прежнія свои владѣнія. — Миланъ и Мантуа оставались со времени Утрехтскаго мира (§ 636) въ рукахъ Австріи.

б) Средняя Италія. Старая Флорентинская республика сначала была обращена въ герцогство (§ 383), а около 1569 г. — въ великое герцогство Тоскану, и еще два вѣка управлялась не безъ славы фамиліею Медичи. Умный, предпріимчивый, но вѣроломный Косма (1537 — 74) расширилъ свои предѣлы Сіеною и другими пріобрѣтеньями и утвердилъ назависимость герцогства хитрымъ удаленіемъ испанскихъ гарнизоновъ изъ всѣхъ значительнѣйшихъ городовъ своей области. Потомъ одолѣлъ онъ флорентинскихъ выходцевъ, которые подъ начальствомъ рѣшительнаго Строцци и при помощи папы и многихъ другихъ итальянскихъ державцевъ производили на Тоскану враждебныя нападенія съ тѣмъ, чтобы возстановить Флорентинскую республику, а вслѣдъ за тѣмъ онъ направилъ всю свою дѣятельность на уничтоженіе республиканскихъ формъ и политическихъ сословныхъ преимуществъ и на упроченіе неограниченнаго единодержавія. Все это не обошлось безъ строгихъ мѣръ, ухищреній и жестокостей: герцогъ былъ подозрителенъ, а Флорентинцы любили поговорить о старомъ вре-

мени; противъ нарушителей спокойствія и мятежниковъ былъ учрежденъ особый инквизиціонный судъ, поощряемый наградами къ избіенію недовольныхъ. Подъ страхомъ лишенія имущества и жизни запрещено было всѣмъ носить оружіе. Стараніямъ Торелли (извѣстнаго юриста и секретаря герцога Космы) едва удалось спасти отъ гибели книжную торговлю, которую хотѣли принесть въ жертву мнимому религіозному и политическому спокойствію. Выходцы говорили объ этомъ Космѣ, что въ прекрасной странѣ Тирреновъ, гдѣ правосудіе и честь были прежде въ такомъ уваженіи, лучшимъ считается теперь тотъ, кто всѣхъ болѣе обрызганъ кровью и всѣхъ болѣе пустилъ по міру вдовъ и сиротъ [1]. Утвердивъ такими средствами свое господство, Косма старался поднять благосостояніе народа поощреніемъ торговли и фабричной промышленности; изящныя искусства нашли въ немъ также щедраго покровителя. Съ императоромъ Августомъ, къ которому справедливо приравнивали перваго великаго герцога, имѣлъ онъ печальное сходство и по семейнымъ отношеніямъ; однакожъ злодѣйства, которыя будто бы привели почти всѣхъ дѣтей его къ преждевременной могилѣ, оказываются по новѣйшимъ изслѣдованіямъ чистыми вымыслами. Разсказывали, «будто герцогъ Феррарскій отравилъ дочь великаго герцога, жену свою Лукрецію; будто князь Орсини нашелъ достаточныя причины задушить Изабеллу, ея сестру; будто кардиналъ Іоаннъ Медичи, поссорясь съ братомъ своимъ Гарчіей на охотѣ, былъ убитъ имъ, а послѣдняго умертвилъ собственною рукой отецъ ихъ Косма» (оба брата пали жертвою маларіи); «будто несчастная мать умерла съ печали; будто, наконецъ, великій герцогъ приказалъ отравить и старшую свою дочь за неприличную любовную интригу». Сокрушенный тяжкимъ домашнимъ горемъ, Косма еще до кончины передалъ правленіе своему сыну Франческѣ (1575—85), соединявшему чувственные порывы Испанца съ умственными стремленіями Флорентинца, страстнаго охотника до греческихъ древностей и до художественныхъ произведеній. Подобно своему отцу, Франческо также благопріятствовалъ торговлѣ и фабрикамъ, участвуя въ нихъ и самъ и наживая большую прибыль; но его любовная связь съ прекрасною Венеціанкой Біанкою Капелло, которая убѣжавъ съ своимъ возлюбленнымъ Бонавентури, искала во Флоренціи защиты отъ преслѣдованій своей семьи,

[1] Какой выходецъ хвалитъ ту партію или ту власть, которая принудила его покинуть отечество? Англійскіе іаковиты точно такъ же поносили Вильгельма III, хотя онъ рѣдко прибѣгалъ къ мѣрамъ строгости, напоминавшимъ флорентинскаго династа.

причинила ему много домашняго горя. По умерщвленіи Бонавентури и по кончинѣ великой герцогини, коварной Біанкѣ удалось сдѣлаться законною супругой Франческа. Ея преждевременную смерть приписывали отравленному блюду, предназначенному Біанкой для ея девера, кардинала Фердинанда, но неожиданно погубившему ее да и мужа. Фердинандъ I (1587—1609) былъ надѣленъ властительнымъ духомъ, умомъ, любовью къ искусству, но вмѣстѣ и чувственностью прежнихъ Медичисовъ. Смѣлыми и обширными торговыми предпріятіями нажилъ онъ несмѣтныя сокровища, которыя дали ему возможность осуществить много полезныхъ учрежденій. Городъ Ливорно пришелъ въ цвѣтущее состояніе. Мастерски умѣлъ Фердинандъ лавировать между Испанцами и Французами, которые то стращали, то заискивали его, такъ что онъ передалъ великое герцогство своему преемнику, независимое и расширенное въ объемѣ. Подъ державою Космы II (1609—21) Тоскана все еще была богата и цвѣтуща, хотя обширныя торговыя связи съ востокомъ и западомъ начинали уже ослабѣвать. По части искусствъ и наукъ, Флоренція, одинъ изъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ въ цѣломъ мірѣ, по прежнему занимала высокое мѣсто; но чувственныя наслажденія совершенно подорвали силу ея гражданъ и искоренили въ нихъ чувство свободы. Слѣдовавшее за тѣмъ опекунское управленіе (1621—28) и потомъ долгое царствованіе Фердинанда II (1628—70) было временемъ поворота къ худу во флорентинской исторіи. Накопленная казна истощилась почти совершенно съ тѣхъ поръ какъ великій герцогъ тѣсно примкнулъ къ Габсбургамъ и сокровищами своихъ предмѣстниковъ наполнялъ пустые карманы Испанцевъ и Австрійцевъ. Духовенство достигло великой силы и политическаго вліянія; а превратныя мѣры правительства, въ соединеніи съ моровою язвой и неурожаемъ, нанесли краю столь глубокія раны, что ихъ не могъ уже прикрывать и внѣшній блескъ. Съ тѣхъ поръ Тоскана клонилась къ тому самому упадку, къ какому пришла большая часть остальныхъ державъ очаровательной Италіи. Шайки бандитовъ (разбойниковъ) безпрепятственно производили свои грабежи [1], посмѣваясь всѣмъ властямъ и законамъ. — Косма III

---

[1] Крутой политическій поворотъ вмѣстѣ съ сокращеніемъ промышленности и торговли оставили множество народу безъ обычнаго занятія и породили цѣлыя толпы недовольныхъ, которые при общемъ упадкѣ благородныхъ гражданскихъ чувствъ, жаждѣ мести и привычкѣ къ чувственнымъ наслажденіямъ, находили себѣ сподручное удовлетвореніе въ убійствѣ, грабежѣ и разбоѣ.

(1670—1723), воспитанный монахами и попами, первую и высшую обязанность правителя видѣлъ въ прославленіи церкви, обращеніи еретиковъ и обогащеніи духовенства. Продолжительное его царствованіе стало могилой благоденствія Тосканы. Невыносимымъ гнетомъ податей выжималъ онъ у подданныхъ тѣ деньги, которыя шли на ненужный блескъ, на учрежденіе новыхъ монастырей и на выдачу пенсій новообращенникамъ, и чѣмъ менѣе давали прежніе налоги при упадающемъ благосостояніи страны, тѣмъ жесточе были мѣры, принимаемыя для ихъ взысканія, тѣмъ охотнѣе прибѣгали къ учрежденію новыхъ податей и сборовъ. Государство стенало подъ тяжкимъ бременемъ долговъ, всѣ источники довольства изсякли. Еще болѣе печальную картину представлялъ самъ царствующій домъ. Великая герцогиня развелась съ мужемъ послѣ 13-лѣтняго супружества и жила въ Парижѣ, предаваясь влеченіямъ самой низкой чувственности; наслѣдный принцъ умеръ прежде отца, жертвою своего распутства. Со вторымъ его сыномъ Іоанномъ Гастономъ (1723—37) пресѣкся домъ Медичи, котораго послѣднія отрасли были недостойны своихъ великихъ предковъ.—Еще до смерти Іоанна Гастона европейскія державы согласились между собою, что супругъ императрицы Маріи Терезіи, Францъ Стефанъ, унаслѣдуетъ великое герцогство вмѣстѣ со всѣмъ аллодіальнымъ (родовымъ) имуществомъ и долгами дома Медичи. Съ тѣхъ самыхъ поръ Тоскана находилась подъ вліяніемъ Австріи, хотя и было постановлено, чтобъ она никогда не соединялась съ имперіей подъ державой одного правителя. За Францемъ Стефаномъ (1737—65), который обладалъ купеческимъ духомъ семейства Медичи, но часто распоряжался доходами Тосканы въ пользу Австріи, слѣдовалъ второй сынъ его, Леопольдъ (1765—90), при которомъ великое герцогство увидѣло опять счастливую эпоху. При восшествіи своемъ на австрійскій престолъ онъ передалъ Тоскану своему второму сыну, Фердинанду III Іосифу (1790—1824). — Парма, обращенная папою Павломъ III въ герцогство, управлялась съ половины 16 вѣка домомъ Фарнезе [1]. Когда мужское колѣно его пресѣклось кончиной герцога Антона (1731), герцогство Парма вмѣстѣ съ Піаченцой и Гвасталлой были отданы испанско-бурбонскому инфанту,

---

[1] Павелъ III далъ это герцогство въ лэнъ своему побочному сыну Піэтро-Лодовико Фарнезе. Инфанты Донъ Карлосъ и Донъ Филиппъ, которымъ досталось оно въ послѣдствіи, были дѣти Елисаветы Фарнезе, супруги Филиппа V Испанскаго.

сперва старшему принцу Донъ Карлосу (1735), а потомъ, когда онъ вступилъ на неаполитанскій престолъ, меньшому брату его, Донъ Филиппу (1748—65). Сынъ и преемникъ Филиппа, Фердинандъ (1765—1804), былъ вовлеченъ въ обильную послѣдствіями ссору съ папою, которая подала поводъ ко многимъ церковнымъ преобразованіямъ [1]. По смерти его этотъ край былъ присоединенъ къ тогдашнимъ французскимъ владѣніямъ въ верхней Италіи. — Герцогство Модена съ Реджіо, Мирандолой и Масса-Каррарой управлялось въ 17 и 18 столѣтіяхъ членами дома Эсте [2]. Послѣднимъ изъ нихъ былъ Геркулесъ III, который долженъ былъ предоставить свою землю Французамъ и умеръ въ Германіи. — Церковная область страдала неизлѣчимыми язвами, которыя духовное правительство нанесло благосостоянію, дѣятельности и свободѣ своихъ подданныхъ. Обыкновенно всходили на папскій престолъ только тѣ кардиналы, которые принадлежали къ знатнѣйшимъ родамъ Италіи и, посѣдѣвъ въ государственныхъ дѣлахъ римской прелатуры, не были способны ни на добро, ни на зло въ большихъ размѣрахъ. Иннокентій X, отринувшій Вестфальскій миръ, предоставленіемъ монополіи хлѣбнаго торга папской казенной палатѣ, разорилъ въ конецъ римское земледѣліе и своей зависимостью отъ совѣтовъ донны Олимпіи (его возлюбленной невѣстки) подалъ противникамъ своимъ справедливый поводъ къ насмѣшкамъ. Преемники его, особенно Александръ VII (1655—67), насладившійся безполезнымъ торжествомъ принять въ Капитоліи (обращенную къ католичеству) дочь Густава Адольфа, Христину (§ 586), и третій по немъ папа, строгій Иннокентій XI (1676—89), выдержали сильныя борьбы съ Людовикомъ XIV, который не только своевольно посягалъ на церковныя и державныя права папскаго престола, но черезъ посольство свое въ вѣчномъ городѣ позволялъ себѣ стращать св. отца въ самой его столицѣ и временно занималъ своими войсками принадлежавшій папѣ во

---

[1] Питомецъ Кондильяка, Мабли и друг., и увлекаясь духомъ преобразованій, онъ въ 1768 г. запретилъ своимъ подданнымъ переносить безъ его дозволенія спорныя дѣла на рѣшеніе какихъ бы то ни было иностранныхъ судилищъ, объявилъ недѣйствительными всѣ буллы и декреты папъ, неутвержденные его собственною властью, и выгналъ изъ своихъ владѣній іезуитовъ, чѣмъ навлекъ себѣ сильное негодованіе папы Климента XIII. Но, спустя пять лѣтъ, папа Климентъ XIV, по настоянію бурбонскихъ дворовъ, былъ вынужденъ совершенно упразднить этотъ орденъ, возстановленный потомъ уже только папою Піемъ VII въ 1814. г.

[2] Модена и потомъ Реджіо пріобрѣтены домомъ Эсте еще въ концѣ 13 столѣтія. Жители этихъ областей добровольно отдались имъ въ управленіе.

Франціи городъ Авиньіонъ; только Иннокентію XII (1691—1700), владыкѣ благомыслящему и озабоченному призрѣніемъ бѣднымъ и церковнымъ благочиніемъ, удалось возстановить миръ съ французскимъ дворомъ. Климентъ XII (1700—21) тщетно противился дарованію королевскаго титла курфюрсту Бранденбургскому; въ одномъ спорѣ за церковныя права въ Сициліи онъ принужденъ былъ уступить свѣтской власти. Бенедиктъ XIII (1724—30) сохранялъ и на папскомъ престолѣ простоту нравовъ и образъ жизни доминиканскаго монаха; Бенедиктъ XIV (1740—1758), человѣкъ ученый, доброжелательный и притомъ шутливый, соединявшій благородство и простоту, старался разсудительной уступчивостью поддержать достоинство куріи въ отношеніи къ католическимъ государямъ. Климентъ XIII (1758—69) не успѣлъ защитить орденъ іезуитовъ отъ преслѣдованій Помбаля и бурбонскихъ дворовъ (§ 672); Климентъ XIV (1769—74), Ганганелли, человѣкъ либеральный, даровитый и гуманный въ высшей степени, прославилъ свое царствованіе упраздненіемъ ордена іезуитовъ (1773). Преемникъ его Пій VI (1774—99) напрасно старался оградить достоинство и власть папскаго сана отъ нападокъ своего антицерковнаго времени.

в) Нижняя Италія. Королевство Неаполь и Сицилія находилось два вѣка подъ испанскимъ владычествомъ съ тѣхъ поръ, какъ Фердинандъ Католикъ захватилъ эту прекрасную страну (1504) хитростью и силой въ свои руки (§ 391). Она управлялась испанскими вице-королями и дѣлила съ Испаніей всѣ ея невзгоды и бѣдствія. Древній представительный образъ правленія былъ мало-по-малу устраненъ, гражданская свобода погибла, тяжкія подати уничтожили благосостояніе края. Помимо расходовъ, требуемыхъ собственнымъ управленіемъ королевства, содержаніемъ судебной части, войска, полиціи и т. д., большія суммы отсылались еще въ Мадридъ для подкрѣпленія королевскаго казначейства, а также въ Римъ для наполненія сокровищницы папъ, которые все еще отстаивали древнія лэнныя права свои надъ нижнею Италіей. Но еще болѣе всѣхъ налоговъ постепенному разоренію страны содѣйствовало то, что землевладѣніе сосредоточилось въ рукахъ дворянства и духовенства. Не существовало ни какого закона о правѣ выкупа, который препятствовалъ бы постоянному расширенію ихъ владѣній, и наконецъ, какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Сициліи, конечно двѣ трети поземельной собственности обратились въ неотчуждаемую. Среднее сословіе было бѣдно, крестьянство —

несвободно и угнетено; невѣжественное, лѣнивое и безнравственное духовенство дало заглохнуть всякому движенію умственаой жизни, потому что поощрая слѣпое чувственное суевѣріе, распущенныя правила и убаюкивающее ханжество, оно держало народъ въ духовномъ отупѣніи и въ невѣдѣніи обо всѣхъ высшихъ интересахъ. Народное возстаніе въ Неаполѣ подъ водительствомъ Мазаніэлло (§ 607) не удалось по неспособности вождей и по недостаточной помощи со стороны Французовъ (1647). Во время войны за испанское наслѣдство (1707) Неаполь былъ взятъ и занятъ Австрійцами (§ 634), и Утрехтскій миръ утвердилъ за ними этотъ захватъ; а когда по прошествіи нѣсколько лѣтъ Австрія получила еще и островъ Сицилію, отдавъ за него Сардинію Піэмонту, то все это королевство сдѣлалось повидимому прочнымъ достояніемъ австрійско-императорскаго дома. Но уже 16 лѣтъ спустя, императоръ Карлъ VI, чтобы добиться признанія «прагматической санкціи» (§ 658), согласился предоставить Неаполь и Сицилію, въ видѣ особаго королевства, сыну испанскаго короля (Бурбона Филиппа V) Донъ Карлосу (1735), котораго потомство, за немногими перерывами, владѣло имъ до сихъ поръ. Въ силу постановленнаго тогда фамильнаго закона нижняя Италія никогда не должна была соединяться съ Испаніей. Когда Донъ Карлосъ призванъ былъ на испанскій престолъ подъ именемъ Карла III (1759), онъ передалъ правленіе своему малолѣтнему сыну Фердинанду IV, котораго обильное событіями царствованіе пережило и бури французскаго переворота и реставрацію (возстановленіе Бурбоновъ). Онъ умеръ уже какъ Фердинандъ I, король Обѣихъ Сицилій въ 1825 г.

§ 639. 4) Англія. Подъ державою королей Ганноверскаго дома (Георга I—1714—27, Георга II—1766 и Георга III—1820) свободныя учрежденія Англіи упрочились до того, что личныя свойства государей имѣли съ тѣхъ поръ уже мало вліянія на ходъ событій. Они становились все болѣе зависимы отъ силы общественнаго мнѣнія и національныхъ интересовъ и являлись болѣе и болѣе только верховными сановниками республики, движимой и направляемой самодѣятельностью своихъ внутреннихъ силъ. — Не одаренный ни умственными, ни нравственными преимуществами, Георгъ I возложилъ свое довѣріе опять на виговъ и велѣлъ обвинить торійскихъ министровъ (Болинброка, Ормонда, Оксфорда) въ государственной измѣнѣ за поспѣшное заключеніе Утрехтскаго мира и за поноровку претенденту. Виновные бѣжали къ Іакову, и подстрекаемый ихъ совѣтами, онъ отважился на

попытку пріобрѣсть англійскую корону съ помощью недовольныхъ торіевъ (іаковитовъ). Но рѣшимость министра Роб. Вальполя, который 21 годъ управлялъ государственными дѣлами, и неспособность іаковитскихъ вождей помѣшали успѣху предпріятія. Когда Іаковъ высадился въ Шотландіи (1715), его партія была уже разбита. Онъ поспѣшилъ обратно во Францію; но приверженцевъ его постигло тяжкое гоненье. Для упроченія внутренняго спокойствія изданъ былъ законъ о семилѣтнихъ парламентахъ [1] и объ увеличеніи сухопутной силы. Это не только устрашило внутреннихъ враговъ, но и положило основаніе перевѣсу Англіи въ Европѣ (1717). Такъ же неудаченъ былъ и заговоръ, составленный хитрымъ и коварнымъ совѣтникомъ Карла XII, шведскимъ графомъ Гёрцомъ (§ 648), вмѣстѣ съ Альберони, для возвращенія англійской короны Стуартамъ. Умыселъ былъ открытъ и Гёрцъ взятъ подъ стражу. Съ тѣхъ поръ правленіе Георга I не подвергалось болѣе враждебнымъ покушеніямъ, и нація воспользовалась этимъ отдыхомъ для развитія своей торговли и производительности. Опасное начинаніе такъ-называемой Южноморской компаніи, которая перевела на себя всѣ государственные долги и породила было такую же лихорадку спекуляцій какъ Ло во Франціи (1719), не имѣло вредныхъ послѣдствій для общаго благосостоянія. Правительство, отвѣтственное передъ представителями народа, имѣло въ виду только благоденствіе края и величіе націи. Злоупотребленія, къ которымъ при дворѣ двухъ первыхъ Георговъ, вели, какъ и въ другихъ странахъ, разные фавориты и любовницы, не могли, говоря вообще, отклонить правительство отъ этой преобладающей цѣли. Замѣчательныя изобрѣтенія въ дѣлѣ промышленности проложили путь новой эпохѣ. Джемсъ Ваттъ, изъ Гринока въ Шотландіи, выучившійся въ Гласго инструментальному искусству, построилъ въ 1769 г. паровую машину, которая по примѣненіи ея къ судамъ и локомотивамъ ознаменовала собою новый періодъ всемірнаго общенія народовъ, и около того же времени цырюльникъ Аркрайтъ, послѣ долголѣтняго размышленія, придумалъ прядильный станокъ, прядильную машину и способъ механическаго тканья шерсти, бумаги и льна [2]. — При Георгѣ II сынъ Іакова III, Карлъ Эду-

---

[1] То-есть объ избраніи членовъ нижней палаты на семь лѣтъ.

[2] По новѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ изслѣдованіямъ главная честь этого открытія принадлежитъ Самуилу Кромптону. Аркрайтъ, какъ очень смѣтливый человѣкъ, былъ

ардъ, предпринялъ новую попытку овладѣть короной Великобританіи. Съ помощью Французовъ высадился онъ въ Шотландіи (2 авг. 1745) и нашелъ тамъ множество приверженцевъ между храбрыми горцами и католическимъ населеніемъ. Первоначальный успѣхъ внушилъ ему смѣлость вторгнуться въ предѣлы Англіи. Но скоро счастіе покинуло его знамя. Коллоденская битва (27 апр. 1746) уничтожила навсегда надежды Стуартовъ. Карлъ Эдуардъ, за голову котораго англійское правительство положило дорогую цѣну, былъ спасенъ друзьями и сторонниками своего дома истинно-чудеснымъ и романтическимъ образомъ, какъ нѣкогда дѣдъ его, Карлъ II. Только жаль, что дальнѣйшая жизнь этого сластолюбца много умалила тотъ интересъ, какой возбудили его похожденія, его отважная попытка и удивительное спасеніе. Приверженцевъ его гнали безпощадно, часто прибѣгая къ военнымъ судамъ и опальнымъ биллямъ по одному подозрѣнію (bills of attainder, § 595) для того, чтобъ вѣрнѣе губить обвиняемыхъ. Осьмидесятилѣтній лордъ Ловатъ умеръ на эшафотѣ; казнямъ и конфискаціямъ рѣшительно не было конца. Отъ Эдинбурга до Лондона всѣ тюрьмы наполнились іаковитами.

«Могущество и богатство Англіи возрастало съ каждымъ годомъ (говоритъ Шлоссеръ), фабричное производство, ремесла, все что̀ даетъ деньги и дается ими, пришло въ цвѣтущее состояніе; путешественникъ не могъ довольно нахвалиться и надивиться Англіей, потому что видѣлъ одну поверхность, а поверхность была золотой окладъ. Бѣдствіе цѣлыхъ милліоновъ Ирландцевъ забывалось при видѣ великолѣпныхъ зданій, галерей, роскошнаго гостепріимства у немногихъ Крезовъ; въ тишинѣ лились слезы Шотландцевъ, согнанныхъ (съ насиженной ими земли) спекулянтами кортомщиками [1]; нищеты, мученичества и поро-

---

только мастеръ пользоваться плодами чужой изобрѣтательности. Механизмъ для ткачества льна былъ впрочемъ введенъ гораздо позже.

[1] Въ Шотландіи, какъ и въ Англіи, крестьяне, жившіе на господскихъ земляхъ, освобождаясь постепенно отъ феодальной зависимости, оставались безъ клочка собственной земли, и когда съ успѣхами фабричной промышленности стало сильно развиваться сельское хозяйство и потребовало затратъ, несоразмѣрныхъ съ скудными средствами крестьянина, то явился классъ богатыхъ фермеровъ или кортомщиковъ, которые стали нанимать господскія земли и воздѣлывать ихъ на свой страхъ по новымъ способамъ сельскаго хозяйства. Перемѣна эта естественно повела къ тому, что бѣдные крестьяне должны были покинуть земли и жилища своихъ дѣдовъ и частію пойдти въ батраки, частію переселиться въ Америку. — Слишкомъ неравное распредѣленіе поземельной собственности въ Англіи есть одинъ изъ краеугольныхъ камней ея общественнаго устройства. На немъ основано преобладаніе землевладѣльцевъ въ судѣ и администраціи, на

ковъ многихъ тысячь дѣтей и несчастныхъ рабочихъ на фабрикахъ не замѣчалъ никто, потому что чертоги фабричныхъ хозяевъ и огромный вывозъ издѣлій ослѣпляли жадную на деньги массу. Нѣтъ спора, что въ то время, какъ и теперь, въ среднемъ классѣ распространялось противъ прежняго гораздо болѣе зажиточности и даже богатства; но зато этотъ средній классъ сталъ сильно привыкать къ мнимымъ, искусственнымъ и чисто-условнымъ потребностямъ, сдѣлался обезьяною и рабомъ богатыхъ. Съ возрастающимъ богатствомъ росло вмѣстѣ бремя податей, и изобрѣтатели всякихъ машинъ изобрѣли наконецъ такую машину для сбора налоговъ, которая рано или поздно вездѣ приведетъ къ тому, что вся собственность перейдетъ въ руки немногихъ богачей, ростовщиковъ, спекулянтовъ, правительства и его клевретовъ.» — «Шотландія тѣснѣе соединилась съ Англіей, самыя пустынныя мѣста ея были воздѣланы, затрачены огромные капиталы, чтобы по новой системѣ, по правиламъ совершенно новой науки воспользоваться тѣмъ, что прежде оставалось въ пустѣ или обработывалось по старому очень неудовлетворительно. Англійская культура распространилась по всей Шотландіи, покойная и удобная жизнь заступила въ цѣлыхъ полосахъ мѣсто господствовавшихъ тамъ скудости и недостатка. Путешественникъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на пересозданныя пустоши и болота, его очаровывали зажиточность, чистота и щеголеватость, возвращаясь домой онъ славилъ процвѣтаніе фабрикъ и мануфактуръ. Богатство, блескъ, гостепріимство англійскихъ помѣщиковъ вошли въ пословицу, англійскій вельможа-богачь сдѣлался театральнымъ божествомъ всѣхъ романовъ; но чѣмъ восхищаются путешественники и толпа, то именно и возбуждаетъ сожалѣніе мыслящаго, одинокаго изслѣдователя: — вся поэзія жизни была вытѣснена деньгами. Счастливые нѣкогда, хоть и бѣдные васаллы землевладѣльцевъ, спустя немного лѣтъ должны были уступить дорогую имъ землю новымъ оборотливымъ кортомщикамъ; съ горестью покинули они могилы отцовъ, разстались съ воспоминаніями прошлаго, чтобы искать въ Америкѣ свободу безъ

немъ основанъ и лежащій на землевладѣльцахъ налогъ въ пользу бѣдныхъ, а уже одинъ этотъ налогъ неизбѣжно ведетъ къ такому контролю первыхъ надъ послѣдними, который не можетъ оставаться безъ вліянія на весь общественный организмъ края. Довольно указать на то, что именно вслѣдствіе такой жертвы въ пользу бѣдныхъ, переходъ ихъ изъ одного прихода въ другой, подчиненъ многимъ весьма стѣснительнымъ ограниченіямъ. Выставляя блестящія преимущества англійскаго устройства, отнюдь не должно терять изъ виду тѣхъ тягостныхъ условій, которыми они покупаются.

исторіи и лишенное поэзіи счастье. Вмѣстѣ съ патріархальностью и первобытной дичью исчезла и геройская доблесть, исчезла жизнь бѣдная и согласная съ природой; вездѣ единственною цѣлью стремленій стали деньги, и теперь отъ береговъ Тибра до отдаленной Туле вся сила въ нихъ однѣхъ, вездѣ преобладаетъ грязь любостяжанья.»

2. Сѣверъ и Востокъ Европы.

а) Великая сѣверная война (1700—18).

§ 640. **Карлъ XII и его противники.** Когда умеръ Карлъ XI (1697), Швеція была на высшей ступени своего могущества. Искусный деспотизмъ короля доставилъ неограниченную власть коронѣ; полное возвращеніе отчужденнаго короннаго имущества (§ 589), вмѣстѣ съ бережливостью государя, наполнило государственную казну и дало возможность уплатить долги и отлично вооружить флотъ и войско. Владѣя береговыми землями и богатыми городами Висмаромъ, Штральзундомъ, Штеттиномъ, Ригой и Ревелемъ, Швеція имѣла въ своихъ рукахъ торговлю Балтійскаго моря и возмѣщала бѣдность собственнаго края прибыльными таможенными сборами; устья Везера, Одера, Двины и Невы находились тогда въ ея предѣлахъ! Ингерманландія, Ливонія и Эстляндія были житницами Швеціи, и мѣсто нынѣшняго Петербурга занимала болотистая, прикрытая нѣсколькими рыбачьими хижинами, низменность шведской земли. Воинская энергія закаленнаго въ бояхъ народа, полководческій талантъ нѣсколькихъ опытныхъ въ ратномъ дѣлѣ королей и раздоры смежныхъ государствъ поставили небольшую, бѣдную націю на ряду съ великими державами Европы. Завистливо смотрѣли сосѣдніе государи на это преобладаніе Швеціи, и когда, по смерти Карла XI, правленіе перешло къ шестнадцати-лѣтнему сыну его Карлу XII (1697 — 1718), и послѣдній при помощи государственнаго совѣтника Пипера отстранилъ назначенное отцомъ опекунское правительство и съ согласія чиновъ захватилъ въ свои руки неограниченную власть, тогда, казалось, пришло благопріятное время навсегда сломить шведское преобладаніе.

Ибо могъ ли молодой, неопытный и дурно воспитанный король выдержать войну съ тремя могущественными властителями Россіи, Польши и Даніи, которые заключили теперь тѣсный союзъ (1699) при посредствѣ недовольнаго шведскимъ владычествомъ Лифляндца Паткуля? Русскій царь Петръ Великій (вѣрный давнему замыслу своихъ предмѣстниковъ) желалъ крѣпко утвердиться на Балтійскомъ морѣ; Польскій выборный король Фридрихъ Августъ II (Сильный, 1697 — 1733), курфюрстъ Саксонскій, стремился овладѣть Лифляндіею, а Датскій король Фридрихъ IV (1699—1730), наслѣдовавшій около того же времени Христіану V (§ 588), надѣялся съ помощію этихъ союзниковъ возвратить себѣ земли, уступленныя по Копенгагенскому миру, и въ тоже время завоевать принадлежавшій герцогу Голштейнъ-Готторпскому, зятю Карла XII, Шлезвигъ, на который Датчане зарились уже давно.

§ 641. Россія подъ державой дома Романовыхъ. Когда по смерти царя Ѳедора Іоанновича (§ 410) пресѣкся домъ Рюрика (янв. 1598), земскій соборъ, подъ вліяніемъ патріарха Іова, возвелъ на тронъ покровителя его, шурина покойнаго царя, ближняго великаго боярина Бориса Годунова (1598—1605), который, управляя государствомъ при слабомъ Ѳедорѣ, успѣлъ нажить себѣ много приверженцевъ, да не менѣе и враговъ. Рѣдкій умъ, заботливость о благѣ народа, о развитіи торговли и образованія, соединялись у него съ двоедушіемъ и подозрительностью, свойственными проходимцамъ, а между тѣмъ отсутствіе рѣшимости и военной отваги поставляли его въ невольную зависимость отъ тѣхъ, кто наиболѣе внушалъ ему опасеній. Уже самое избраніе Бориса помимо древнихъ родовъ, считавшихъ себя ближе къ престолу, навлекло ему зависть и непримиримую вражду знатнѣйшихъ бояръ; мѣры, принятыя имъ къ огражденію крестьянъ отъ лишнихъ поборовъ и притѣсненій, а мелкихъ дворянъ — отъ обидъ со стороны вельможъ, еще болѣе усилили эту ненависть; его старанія сблизить подданныхъ съ необходимымъ для нихъ европейскимъ образованіемъ также возбуждали неудовольствіе, и уже не только въ средѣ знати, но и въ другихъ сословіяхъ. Ко всему этому присоединились еще разныя общественныя бѣдствія,—неурожаи, моровое повѣтріе и наконецъ разбои, производимые преимущественно толпами несчастныхъ холопей, выгнанныхъ господами въ голодные года. Въ такое, и безъ того уже

смутное время явился на Литвѣ и въ Польшѣ бѣглый московскій монахъ Григорій Отрепьевъ и сталъ выдавать себя за брата Өедорова, Димитрія, убитаго еще въ 1591 г. въ Угличѣ, конечно не безъ участія Бориса. Съ помощью Поляковъ и недовольныхъ Русскихъ онъ въ короткое время овладѣлъ Сѣверскою страной; вся Русь пришла въ волненіе, въ самой Москвѣ обнаруживалось сочувствіе къ мнимому Димитрію, и вдругъ скоропостижная смерть царя какъ нарочно облегчила самозванцу путь къ престолу. Войско, высланное противъ него Борисомъ, подъ начальствомъ любимца его, Басманова, приняло сторону Лжедимитрія; сынъ Бориса, Өеодоръ, подававшій большія надежды, и овдовѣвшая царица Марья были жестоко умерщвлены въ Москвѣ, и 20-го іюня 1605 года Лжедимитрій торжественно вступилъ въ столицу. Но владычество дерзкаго обманщика продолжалось только одиннадцать мѣсяцевъ. Его пристрастіе къ Полякамъ, къ католицизму и къ иноземнымъ обычаямъ вообще, преувеличенное недовольными, во главѣ которыхъ стоялъ князь Василій Шуйскій, было ближайшею причиной его быстраго паденья. 17 мая 1606 года произошелъ мятежъ, стоившій жизни самозванцу. Теперь началась полная анархія, во время которой самозванцы продолжали обманывать народъ, бояре крамольничали и враждовали между собою, козаки грабили и убивали, а Поляки и Шведы увеличивали свои владѣнія на счетъ Московскаго государства. По убіеніи Лжедимитрія, въ Москвѣ, помимо земскаго собора, провозглашенъ былъ царемъ князь Василій Іоанновичъ Шуйскій (1606—1610), скоро утратившій довѣріе народа, недовольнаго новымъ усиленіемъ власти бояръ; бояре, съ своей стороны, были далеко не всѣ расположены къ Шуйскому: нѣкоторые изъ нихъ сами имѣли виды на царство. Южныя и крайнія восточныя области, не признавая царя, избраннаго одной Москвою, возстали большею частью въ пользу втораго Лжедимитрія, который, при содѣйствіи козаковъ и польскихъ пановъ, явился подъ Москвою въ селѣ Тушинѣ, вслѣдствіе чего и сталъ извѣстенъ подъ именемъ тушинскаго вора. Появленіе самозванца на первыхъ порахъ утвердило Шуйскаго на престолѣ; Москва и сѣверныя области не желали подчиниться «вору». Племянникъ царя, князь Скопинъ-Шуйскій, посланный въ Новгородъ для переговоровъ съ Шведами о помощи, уже шелъ къ Москвѣ противъ самозванца съ 5,000 Шведовъ, отправленныхъ къ царю Василію королемъ Карломъ IX; но въ это время Польскій король Сигизмундъ, опасаясь союза между

Московскимъ государствомъ и Швеціей и надѣясь соединить короны польскую и московскую, подступилъ къ Смоленску (1609). Въ Тушино, въ станъ самозванца, явились послы Сигизмунда съ требованіемъ, чтобы всѣ Поляки оставили Лжедимитрія и соединились съ королевскимъ войскомъ. Самозванецъ бѣжалъ въ Калугу. Недовольные Русскіе, находившіеся въ Тушинѣ, тоже передались Польскому королю, но съ тѣмъ, чтобы признать царемъ Московскимъ сына Сигизмундова, Владислава. Между тѣмъ и въ Москвѣ, куда торжественно вступилъ Скопинъ-Шуйскій съ начальникомъ шведскаго вспомогательнаго войска, генераломъ Делагарди (1610), составилась сильная партія недовольныхъ. Молодой племянникъ царскій, на которомъ покоились всѣ надежды народа, вскорѣ умеръ; въ Рязани возсталъ противъ Шуйскаго воевода Прокофій Ляпуновъ, братъ его Захаръ разжигалъ волненіе въ Москвѣ, Поляки подступали къ столицѣ, и царь Василій былъ низведенъ Захаромъ Ляпуновымъ съ престола, какъ правитель «несчастливый» и непризнаваемый всѣмъ государствомъ. Настало междоцарствіе, и во главѣ правительства явилась боярская дума. За неимѣніемъ царя, и подъ вліяніемъ польскаго нашествія, рѣшено было присягнуть Владиславу; но Польскій король добивался московскаго престола лично для себя. Нѣкоторое время казалось, что короны польская и русская соединятся въ одной державѣ. Поляки вступили въ Москву, а между тѣмъ къ Сигизмунду были отправлены послы съ просьбою, чтобы онъ согласился отпустить королевича Владислава на царство. Въ ожиданіи этого согласія, боярская дума принимала жалованныя грамоты отъ Сигизмунда. Но патріархъ и народъ не хотѣли призванія короля въ Москву, и такъ какъ Лжедимитрій вскорѣ былъ убитъ въ Калугѣ (11 декабря 1610), то въ народѣ стали говорить о томъ, какъ бы всей землѣ соединиться и изгнать Поляковъ изъ Московскаго государства. Города стали переписываться между собою о защитѣ земли и вѣры. Троицкій Сергіевъ монастырь разослалъ отъ себя увѣщательныя граматы въ томъ же смыслѣ, и въ концѣ 1611 года составилось въ Нижнемъ Новгородѣ народное ополченіе, во главѣ котораго стояли князь Пожарскій и нижегородскій земскій староста Кузьма Миничь Сухорукій, а 27 ноября слѣдующаго года ополченіе и народъ съ торжествомъ вошли въ очищенный отъ враговъ московскій кремль. Вскорѣ «разосланы были граматы по городамъ, чтобъ присланы были въ Москву духовныя власти и выборные изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, торговыхъ, посадскихъ и

уѣздныхъ людей; чтобъ выбраны были лучшіе люди, крѣпкіе и разумные и чтобъ духовенство и эти выборные договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей полные договоры на счетъ царскаго избранія». Въ день послѣдняго собора выборныхъ, 21-го февраля 1613 года, на царство былъ избранъ семнадцатилѣтній Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, сынъ боярина Ѳеодора Никитича Романова (въ монашествѣ Филарета) и по матери потомокъ древняго царскаго рода. Съ нимъ (1613—1645) воцарился въ Россіи домъ Романовыхъ, которому она обязана своимъ величіемъ и возведеніемъ на степень европейской великой державы. Умѣренность и миролюбіе Михаила много способствовали залѣченію внутреннихъ ранъ Московскаго государства. Онъ установилъ границы его посредствомъ мирныхъ договоровъ съ Польшею и Швеціей, при чемъ долженъ былъ уступить этимъ могущественнымъ сосѣдямъ разныя ихъ завоеванія [1]. Все это Русскіе въ послѣдствіи возвратили себѣ съ лихвою. Уже сынъ и преемникъ Михаила, Алексѣй (1645 — 76), пріобрѣлъ въ большую польскую войну (§ 587) Смоленскъ, Сѣверскую страну и другія земли, и склонилъ воинственныхъ, доброконныхъ козаковъ, постоянно враждовавшихъ съ Польшею за свои вольности и провославную вѣру, признать верховную власть Москвы; но долженъ былъ оставить имъ свободное избраніе гетмановъ и формы военно-демократическаго устройства. Кромѣ внѣшнихъ дѣлъ, царствованіе Алексѣя Михайловича замѣчательно изданіемъ соборнаго уложенія (1649), «чтобъ московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровно», и исправленіемъ богослужебныхъ книгъ по приговору собора, созваннаго патріархомъ Никономъ (1654). Послѣдняя мѣра, какъ ни была она естественна и необходима, породила однакожь церковный расколъ, благодаря грубому невѣжеству духовенства и народа. Царствованіе Алексѣя Михайловича было, во многихъ отношеніяхъ, подготовкою къ предстоявшему преобразованію государства при Петрѣ Великомъ. Такіе люди, какъ Симеонъ Полоцкій, Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ, были очевидно провозвѣстниками буду-

[1] Швеціи, по Столбовскому миру (февр. 1617) отданы были Ивань-городъ, Ямы, Копорье и Орѣшекъ; Польшѣ по Деулинскому перемирію (1 дек. 1618) и вѣчному Поляновскому миру (17 мая 1634) — Смоленскъ и Сѣверская земля.

щаго сближенія съ Западомъ, съ европейскою наукой и искуствомъ. Старшій сынъ Алексѣя Михайловича, Ѳеодоръ (1676—82), сдѣлалъ большой шагъ къ утвержденію государственнаго порядка уничтоживъ мѣстничество «во всякихъ дѣлахъ, чтобъ всякій отъ великаго до малаго чина былъ безпрекословно на томъ мѣстѣ, которое ему государь укажетъ», и по приговору собора изъ знатнаго духовенства и членовъ думы розрядныя книги были сожжены. Къ этому же царствованію относится учрежденіе въ Москвѣ Славяно-Греко-Латинской Академіи[1]. — Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь не оставилъ по себѣ завѣщанія; закона о престолонаслѣдіи тоже не было; за тѣлесною и умственною слабостью старшаго царевича Іоанна, царемъ былъ признанъ въ Москвѣ младшій братъ Ѳеодора, Петръ; но стрѣльцы, взбунтовавшіеся по проискамъ честолюбивой царевны Софіи, провозгласили царемъ также и слабаго Іоанна, а царевну правительницей. Однакожь замыселъ ея утвердиться на престолѣ не удался. Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста (1689), Петръ принудилъ крамольную сестру постричься, возвратилъ себѣ права свои и сильною рукой повелъ впередъ дѣло единодержавія и необходимыхъ преобразованій.

§ 642. Петръ Великій (1689—1725): Юный царь Петръ былъ необыкновенный человѣкъ, одаренный несокрушимою энергіей и такимъ глубокимъ чувствомъ истины, которое не поддавалось никакому религіозному или политическому предразсудку. Какъ ни велико было его честолюбіе, оно никогда не доходило у него до тщеславія; жажда знанія никогда не увлекала его до пустаго любопытства, а его планъ основать великую монархію никогда не порождалъ въ немъ грубой алчности завоевателя; неутомимо дѣятельный, онъ въ тоже время былъ твердъ и настойчивъ въ своихъ замыслахъ. Образовательными средствами служили для него путешествія, короткое обращеніе съ людьми всякаго рода и наконецъ собственные опыты. Черезъ полковника Лефорта впервые познакомился царь съ состояніемъ образованныхъ странъ Европы, и это знакомство породило въ его впечатлительной душѣ любовь къ

---

[1] Греко-Латинское училище было учреждено еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, отцомъ и соправителемъ его, патріархомъ Филаретомъ. Академіи порученъ былъ теперь главный надзоръ за всѣмъ, что касалось образованія, и иностранцы принимались на службу не иначе какъ подвергнувшись напередъ академическому испытанію.

порядку и желаніе ввести такой же порядокъ въ своемъ государствѣ. Отсюда всѣ усилія его были устремлены къ тому, чтобы передѣлать Россію изъ азіатскаго государства въ европейское. Для этой цѣли поощрялъ онъ переселеніе въ Россію иностранныхъ ремесленниковъ, моряковъ и офицеровъ, не заботясь о ненависти къ иностранцамъ своихъ земляковъ; а потомъ предпринялъ въ сопровожденіи посольства, во главѣ котораго стояли генералы Лефортъ и Головинъ, свое первое путешествіе черезъ сѣверную Германію въ Голландію и Англію, чтобы самому научиться кораблестроенію (1697). Для вѣрнѣйшаго достиженія этой цѣли, онъ поступилъ въ Сардамѣ (Заандамѣ), близь Амстердама, въ ученье къ одному плотнику, и въ Англіи преимущественно водился съ моряками на верфяхъ. Мастерскія художниковъ и ремесленниковъ, мельницы, плотины, машины и т. п. приковывали любознательность юнаго царя. Превосходство англійскаго кораблестроенія цѣнилъ онъ такъ высоко, что часто говаривалъ впослѣдствіи: «Навсегда остался бы я только плотникомъ, еслибы не поучился у Англичанъ», Выѣзжая изъ Англіи, чтобы отправиться черезъ Вѣну въ Венецію, онъ послалъ въ свое отечество множество моряковъ, хирурговъ и художниковъ. Но едва прибылъ онъ въ Вѣну, какъ возстаніе стрѣльцовъ (1698), которые были недовольны новыми порядками военной службы, и дѣйствовали заодно съ приверженцами старины, озлобленными противъ нововведеній и иностранцевъ, заставило его поспѣшно воротиться въ Россію. Бунтъ былъ подавленъ еще до возвращенія Петра въ Москву, но царь тѣмъ не менѣе прибылъ въ свою столицу, и съ страшною жестокостью наказалъ виновныхъ. Казни (висѣлица, колесованіе и отсѣченіе головъ) продолжались нѣсколько недѣль сряду; царь участвовалъ въ кровопролитіи своею собственною рукой. Честолюбивая сестра его Софія, сильно замѣшанная въ этомъ заговорѣ, до самой смерти своей (1704) томилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ была пострижена [1]; передъ окнами ея кельи повѣсили 195 стрѣльцовъ, и троимъ изъ нихъ, ближайшимъ къ окнамъ, вложили въ руки бумагу въ видѣ челобитной. Это возстаніе благопріятствовало плану Петра, мало-по-малу вытѣснить русское военное устройство

---

[1] Сестра ея, Мароа, также участница заговора, пострижена въ Успенской обители Александровской слободы.

европейскимъ. «Уже въ 1699 году онъ сформировалъ 29 полковъ регулярныхъ по образцу нѣмецкому; вслѣдъ за тѣмъ ввелъ рекрутскіе наборы, сдѣлавшіеся постоянными съ 1705 года: со всего государства, не исключая и монастырскихъ отчинъ, собиралось съ извѣстнаго числа дворовъ опредѣленное число людей, среднихъ лѣтъ, на царскую службу въ рекруты. Ихъ вооружали, одѣвали и кормили на иждивеніе казны, и выучивъ воинскому строю, записывали въ солдаты. Солдатъ не возвращался въ прежнее званіе; не могъ заниматься ни земледѣліемъ, ни торговлею, получалъ отъ государя все необходимое, зависѣлъ во всѣхъ случаяхъ единственно отъ военнаго начальства. Такимъ образомъ возникло новое сословіе, военное. Солдаты распредѣлялись по полкамъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свой мундиръ и свое названіе. Устройство ихъ было совершенно отлично отъ прежняго московскаго и во всемъ сходно съ нѣмецкимъ: тоже раздѣленіе на отряды, тоже единообразіе въ оружіи, тѣ же названія чиновъ, сохранившіяся большею частію донынѣ.» Потѣшные полки Преображенскій и Семеновскій, составленные Петромъ еще въ юности изъ охотниковъ знатныхъ и незнатныхъ, по нѣмецкому образцу, были переименованы въ гвардію. Иностранные офицеры, поступившіе въ русскую службу, обучали войска по европейскому способу и усовершенствовали русскую артиллерію, такъ что еще въ Турецкую войну 1695 и 1696 г. Петръ могъ утвердиться при Азовскомъ морѣ, отнявъ у Порты по Карловицкому миру (§ 620) городъ Азовъ, завоеванный при помощи бранденбургскихъ, австрійскихъ и голландскихъ офицеровъ, и заложить въ Таганрогѣ военный и торговый портъ. Велико было изумленіе Турковъ, когда русскій фрегатъ неожиданно появился въ Константинопольской гавани! Шведская война вскорѣ открыла Русскимъ и Балтійское море.

§ 643. Польша. Когда доблестный воитель, король Янъ Собѣскій (§ 620), послѣ тщетныхъ усилій ввести нѣкоторый порядокъ въ польскій государственный бытъ и укротить своеволіе дворянства, скончался удрученный домашнимъ горемъ (1696), то поднялась новая избирательная борьба между приверженцами одного французскаго претендента и партіею курфюрста Саксонскаго Фридриха Августа Сильнаго. Послѣдній одержалъ побѣду, потому что денежныя его средства, добытыя продажею нѣмецкихъ округовъ и городовъ, были гораздо значительнѣе. Фридрихъ Августъ, славившійся своею тѣлесною силой, свѣтскою любезностью и страстью

къ роскоши, былъ провозглашенъ Польскимъ королемъ (26-го іюня 1697), перешедши предварительно въ лоно католической церкви, къ великой радости римскаго двора, и поплатившись за безсильный тронъ отреченіемъ отъ своего великаго протестантскаго значенія въ Германіи, любовью и довѣріемъ преданнаго ему народа. Польское дворянство, исключительно обладавшее политическими и гражданскими правами, между тѣмъ какъ селянинъ томился въ тяжкомъ крѣпостномъ состояніи, а средній классъ не могъ выйдти изъ своей зависимости, пользовалось каждою избирательною борьбой для расширенія своихъ сословныхъ правъ и для умаленія королевской власти стѣснительными условіями или рядами (pacta conventa), пока государство получило наконецъ форму демократическо-дворянской (шляхетской) республики, въ которой выборный государь былъ только исполнителемъ рѣшеній сейма. Страсти партій, конфедераціи, бурныя пренія, которыя ввели польскій сеймъ въ пословицу, наполняли политическую жизнь этой страны; но успѣхи европейской образованности (за нѣкоторыми очень рѣдкими исключеніями) были ей почти совершенно чужды. Она упорно оставалась при средневѣковомъ порядкѣ, съ его строгимъ различіемъ сословій, между тѣмъ какъ вся остальная Европа стремилась къ устраненію сословныхъ разграниченій и къ сліянію воедино различныхъ классовъ народа. Высшее духовенство пользовалось преимуществами дворянства, низшее раздѣляло невѣжество и суевѣріе крѣпостныхъ; многочисленное и грязное еврейское населеніе захватило въ свои руки всю мелочную торговлю и немногія существовавшія тамъ ремесла. Девять десятыхъ всей массы народа въ Польшѣ были крестьяне, отданные безъ всякой законной защиты на произволъ своихъ господъ. Барщина простиралась до четырехъ дней въ недѣлю; грубость личнаго обращенія выходила изъ всѣхъ границъ.

§ 644. Побѣдоносные походы Карла XII. По заключеніи союза, Фридрихъ Августъ двинулся съ Саксонскимъ войскомъ къ предѣламъ Лифляндіи (1699), гдѣ руководимое Паткулемъ рыцарство было повидимому готово стряхнуть съ себя иго шведскаго владычества, и угрожалъ Ригѣ, тогда какъ Русскіе вторгнулись въ Эстляндію и осадили Нарву, а Датскій король Фридрихъ IV пошелъ войною на герцога Голштейнъ-Готторпскаго. Но каково было изумленіе Европы, когда юный Шведскій король внезапно обнаружилъ необык-

новенную быстроту и живость соображенія и замѣчательный полководческій талантъ. Въ негодованіи на неправый замыселъ своихъ противниковъ, поспѣшно переправился онъ на остр. Зеландъ (1700) съ храбрымъ войскомъ и съ флотомъ, усиленнымъ кораблями англійскими и голландскими, немедленно приступилъ къ осадѣ Копенгагена и навелъ на Датчанъ такой страхъ, что черезъ нѣсколько недѣль король Фридрихъ, по Травендальскому миру (28 авг. 1700), отступился отъ союза противъ Швеціи и обѣщалъ вознаградить герцога Голштинскаго. Благородная умѣренность, съ какою Карлъ презрѣлъ въ этомъ случаѣ всякую личную выгоду, возвысила удивленіе къ молодому герою, а строгая дисциплина его войскъ, снискала ему любовь народовъ. Карлъ обратилъ теперь свое оружіе на другихъ противниковъ. 30 ноября, разбивъ съ 8,000 Шведовъ гораздо многочисленнѣйшее русское войско подъ Нарвою, онъ овладѣлъ 105 пушками и всѣмъ военнымъ запасомъ. Большей части плѣнныхъ далъ онъ убѣжать. Черезъ Ливонію, гдѣ даже и не выждали его Саксонцы, двинулся онъ потомъ въ Курляндію, разсѣялъ русско-саксонскія силы и грозилъ Польшѣ войной, если она не сведетъ короля своего съ престола. Польская «республика» объявила на это, что̀ она не одобряла и не подкрѣпляла вторженія Фридриха Августа въ Ливонію, но въ требованіи о его смѣнѣ отказала наотрѣзъ и просила Карла признать ея нейтральное положеніе. Но Шведскій король остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи лишить польской короны курфюрста Саксонскаго, который успѣлъ между тѣмъ возобновить союзъ съ Русскимъ царемъ (1701). Не вступая съ нимъ въ переговоры, двинулъ онъ свои войска̀ въ Польшу и черезъ нѣсколько дней стоялъ уже передъ Варшавой (1702). Граждане съ трепетомъ поднесли ему ключи столицы и выплатили наложенную на нихъ контрибуцію. Послѣ побѣды при Клиссовѣ (іюль) надъ саксонско-польскою арміей, Карлъ овладѣлъ и Краковомъ, а затѣмъ преслѣдовалъ своихъ противниковъ въ польскую Пруссію, упорно отстраняя всѣ представленія своихъ друзей, всѣ вызовы на посредничество со стороны разногласныхъ между собой Поляковъ, всѣ мирныя предложенія со стороны

Фридриха Августа. Въ слѣдующемъ году (1703) онъ завоевалъ Люблинъ, Пултускъ, Торнъ, Эльбингъ и Данцигъ, такъ что теперь бо̀льшая часть республики находилась въ его рукахъ и онъ могъ уже гораздо успѣшнѣе стараться о сверженіи курфюрста. Враждебная Саксонцамъ партія, съ кардиналомъ-примасомъ во главѣ, объявила на съѣздѣ въ Варшавѣ короля Фридриха Августа лишеннымъ короны, за то что онъ впуталъ Польшу въ несчастную войну и ввелъ въ этотъ край саксонскія войска̀ вопреки капитуляціи. Вслѣдъ затѣмъ на избирательномъ сеймѣ, обставленномъ шведскими солдатами, провозглашенъ королемъ Карловъ подзащитникъ, познаньскій воевода Станиславъ Лещинскій (12 іюля 1704). Первоначальный планъ Шведскаго короля отдать корону одному изъ сыновей Яна Собѣскаго, жившихъ неподалеку отъ Бреславля, Фридрихъ Августъ успѣлъ разстроить тѣмъ, что велѣлъ внезапно захватить ихъ и увезти въ Лейпцигъ. Но хотя въ слѣдующемъ году (1705) Станиславъ и былъ коронованъ епископомъ львовскимъ (лембергскимъ), однакожь положеніе его было далеко не обезпечено, потому что противъ возведенія его на тронъ была не только одна саксонская, но еще и русская партія; царь Петръ, равно какъ и Фридрихъ Августъ, выставили большія силы для низверженія кліэнта ихъ общаго врага. Станиславъ могъ удержаться только при неизмѣнной воинской удачѣ Шведовъ.

§ 645. Карлъ XII въ Саксоніи. Чтобъ воспрепятствовать предположенному соединенію Русскихъ съ Саксонцами, Карлъ многотрудными переходами двинулся въ Галицію и завоевалъ Лембергъ. Пользуясь этимъ Фридрихъ Августъ быстро пошелъ къ Варшавѣ, овладѣлъ городомъ и наказалъ его за отпаденіе. Но когда Карлъ ринулся на помощь столицѣ, Саксонцы должны были снова отступить; къ счастію полководецъ ихъ Шуленбургъ распорядился при этомъ такъ искусно, что они успѣли уйдти за Одеръ, не потерпѣвъ отъ напирающихъ Шведовъ ни малѣйшаго вреда. Тогда Карлъ поворотилъ въ Литву, гдѣ, не смотря на страшныя затрудненія, противопоставляемыя позднимъ временемъ года, болотистою почвой, бѣдностію страны и превосходнымъ числомъ непріятеля, онъ принудилъ Русскихъ къ отступле-

нію [1] и настоялъ на признаніи избраннаго имъ короля; а какъ тѣмъ самымъ временемъ храбрый полководецъ его Ренсчёльдъ на голову разбилъ Саксонцевъ подъ Фрауштадтомъ (13 февр. 1706), то Карлъ соединился теперь съ его войсками, чтобы напасть на Фридриха Августа въ его собственной землѣ. Не спрашиваясь императора, прошелъ онъ Силезіей въ Лузацію и скоро явился въ самомъ сердцѣ Саксоніи, которая не смотря на строгость Карловой дисциплины страшно потерпѣла отъ непріятельскихъ войскъ. Сельскіе жители бѣжали въ города, королевская фамилія искала защиты у сосѣдей, и хотя Августъ для спасенія своей страны согласился на постыдный миръ въ Альтранштедтѣ (24 сент. 1706), обязавшій его отказаться лично и за свое потомство отъ польской короны, расторгнуть союзъ съ царемъ, освободить сыновей Собѣскаго и выдать Шведскому королю состоявшаго при саксонскомъ дворѣ агентомъ Петра, лифляндца Паткуля (котораго Карлъ велѣлъ колесовать 10 окт. 1707 [2]), однакожь непріятельскія силы все-таки оставались цѣлый годъ въ Саксоніи къ великому ущербу края, который, кромѣ постоя и военныхъ контрибуцій, сильно страдалъ еще отъ расточительности дрезденскаго двора.

Царствованіе Фридриха Августа II было великимъ бѣдствіемъ для Саксоніи. Подкупы польскихъ дворянъ для достиженія призрачной короны, содержаніе королевской гвардіи, роковая война и страсть курфюрста къ роскоши требовали такихъ расходовъ, которые были не по силамъ странѣ. Между тѣмъ какъ государственные чины вздыхая соглашались на высокія подати, а обнищавшій селянинъ чуть не умиралъ съ голоду, курфюрстъ давалъ одинъ великолѣпный праздникъ за другимъ и расточалъ громадныя суммы на увеселительные замки. А чего стоило содержать и пристроивать любовницъ и побочныхъ дѣтей этого государя! Карлъ XII представлялъ совершенную противопо-

---

[1] Быстрымъ движеніемъ изъ Варшавы къ Гродно, Карлъ отрѣзалъ продовольствіе у русскаго войска, ослабленнаго притомъ отправленіемъ фельдмаршала Шереметева противъ возмутившихся тогда астраханскихъ стрѣльцовъ.

[2] Паткуль былъ еще прежде осужденъ на смерть въ Швеціи за свои смѣлыя попытки отстоять права ливонскихъ дворянъ противъ королевской власти, но успѣлъ спастись бѣгствомъ.

ложность съ сластолюбивымъ и легкомысленнымъ курфюрстомъ. Это была чисто-солдатская натура: умѣренность его доходила до того, что онъ воздерживался отъ всѣхъ крѣпкихъ напитковъ и въ полѣ довольствовался скромною пищею своихъ воиновъ; лѣтомъ и зимой носилъ онъ одну и ту же ненарядную одежду — длинную солдатскую шинель съ мѣдными пуговицами и большіе кавалерійскіе сапоги; на переходахъ и въ сраженіяхъ онъ подвергалъ себя всѣмъ возможнымъ трудамъ, лишеніямъ и опасностямъ; онъ избѣгалъ общества женщинъ; его манила одна только боевая жизнь, полная риска и тревоги; громъ битвы, свистъ пуль и ядеръ, ржаніе коней ставилъ онъ выше всѣхъ оперъ, придворныхъ празднествъ и концертовъ. — Людовикъ XIV, въ своемъ стѣсненномъ тогда положеніи (§ 634), охотно вступилъ бы въ союзъ съ побѣдоноснымъ Шведскимъ королемъ, но Карлъ XII ненавидѣлъ тираннію французскаго властителя и его насильственныя мѣры противъ кальвинистовъ; будучи самъ ревностный протестантъ, онъ въ это именно время ходатайствовалъ у императора о льготахъ своимъ единовѣрцамъ въ Силезіи и, при благопріятномъ тогда положеніи общеевропейскихъ дѣлъ, успѣлъ выговорить для нихъ нѣкоторыя религіозныя уступки.

§ 646. Полтава. Между тѣмъ какъ Карлъ XII упорно настаивалъ на своемъ планѣ свергнуть Фридриха Августа съ польскаго престола, Петръ воспользовался отсутствіемъ шведскихъ силъ, чтобы покорить себѣ Ингерманландію съ частію Ливоніи и Эстляндіи и стать твердою ногой на Балтійскомъ морѣ. Въ 1702 г. (11 окт.) Петръ взялъ Нётебургъ (древній Орѣшекъ Новгородцевъ), важную по положенію крѣпость при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, и назвалъ его Шлюссельбургомъ (ключь-городомъ); вслѣдъ за тѣмъ (1 мая 1703) овладѣлъ маленькою крѣпостью Нюэншанцемъ, прикрывавшею входъ въ Финскій заливъ изъ Невы, и заложилъ ближе къ устью этой рѣки новую крѣпость (16 мая), вкругъ которой, на болотистой низменности, осушенной съ неимовѣрными трудами, выстроился мало-по-малу Петербургъ. Для прикрытія новаго городка со стороны моря заложена была крѣпость Кроншлотъ на отмели влѣво отъ остр. Котлина (на которомъ возникъ впослѣдствіи Кронштатскій портъ). Изъ Москвы и другихъ городовъ вызваны были на житье въ Петербургъ дворяне, купцы и ремеслен-

ники съ своими семействами; къ переселенію туда ободряли также иностранцевъ. Вскорѣ заходили по Невѣ голландскіе корабли и открыли непосредственное сообщеніе съ Россіей. — Петръ быть-можетъ не безъ боязни смотрѣлъ на свое новое созданіе, когда Карлъ XII, посѣтивъ совсѣмъ неожиданно бывшаго противника своего въ Дрезденѣ, черезъ Силезію двинулся въ Польшу, чтобы обратить свое побѣдоносное оружіе на послѣдняго и могущественнѣйшаго изъ своихъ враговъ. Но къ счастію царя Карлъ выбралъ мѣстомъ дѣйствія не Прибалтійскія земли, а рѣшился идти на Москву, въ самое сердце Россіи. Онъ занялъ Гродно и Вильну (янв. 1708), въ іюнѣ перешелъ Березину и направился къ Смоленску. По приказанію Петра, русскія войскà, отступая къ своимъ границамъ, опустошали проходимыя ими мѣстности, чтобы лишить непріятеля продовольствія. Отважнаго короля, во главѣ его храбрыхъ полковъ, не останавливали ни рѣки, ни непроходимыя болота. Но здѣсь наступилъ поворотъ въ жизни Карла. Вмѣсто того, чтобъ обождать въ Могилевѣ генерала Лёвенгаупта, который спѣшилъ къ нему изъ Лифляндіи съ свѣжими силами, аммуниціей и продовольствіемъ для истомленнаго войска, и соединившись съ нимъ идти на Смоленскъ, онъ соблазнился призывомъ козацкаго гетмана, старика Мазепы, который думалъ съ помощію Шведовъ освободиться отъ верховнаго владычества Москвы и обѣщалъ королю обильную помощь войскомъ и припасами. Это побудило Карла предпринять черезъ пустоши и лѣса многотрудный походъ въ Украйну; а Петръ воспользовался случаемъ, чтобъ направить всѣ силы свои на Лёвенгаупта (при деревнѣ Лѣсной на р. Сожѣ, 28 сент.), и сколь ни блистательны были распоряженія этого отличнаго полководца, онъ успѣлъ только съ малочисленнымъ отрядомъ присоединиться къ своему быстро двигавшемуся королю, пожертвовавъ всею артиллеріей, обозомъ и продовольствіемъ. За осенними проливными дождями, которые породили болѣзни въ войскѣ, слѣдовала крайне холодная зима (1708 — 9); Карлъ, не смотря на всѣ представленія, продолжалъ походъ свой къ югу, продолжалъ даже и тогда, когда обѣщанія Мазепы оказались тщетными, и козаки изъявляли мало желанія освободиться

отъ русской зависимости [1]. Карлъ съ какимъ-то ослѣпленнымъ упорствомъ шелъ на вѣрную гибель; многіе изъ привычныхъ солдатъ его пали жертвами холода, цѣлыя тысячи ихъ поморозили себѣ руки и ноги; слѣдившіе за ними непріятельскіе отряды, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ для нападеній, отнимали у нихъ послѣднюю бодрость, а недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ лишалъ силы самыхъ мужественныхъ. Наконецъ Карлъ приступилъ къ осадѣ укрѣпленной Полтавы (въ концѣ апрѣля), но при недостаткѣ артиллеріи дѣло медленно шло впередъ. Петръ прибылъ къ своей арміи (4 іюня [2]), расположенной по лѣвому берегу Ворсклы и, для спасенія города, рѣшился перейдти на другой берегъ и напасть на Карла, незадолго передъ этимъ раненаго въ ногу. Полтавская битва (27 іюня 1709) кончилась совершеннымъ пораженіемъ Шведовъ. Ренсчёльдъ, распоряжавшій ихъ войскомъ, Пиперъ и многіе изъ первыхъ военныхъ чиновъ попали въ плѣнъ, весь обозъ и богатая военная казна достались въ руки побѣдителю. Карлъ XII, еще такъ недавно одолѣвшій трехъ государей, сталъ вдругъ безпомощнымъ бѣглецомъ и былъ радъ, что проскакавъ съ двухтысячнымъ конвоемъ безпріютную, нагую степь спасся наконецъ въ турецкихъ предѣлахъ [3]; едва успѣлъ онъ переправиться у Очакова за пограничную рѣку Бугъ, какъ гнавшіеся за нимъ русскіе кавалеристы примчались на другой берегъ. Лёвенгауптъ собралъ остатки разсѣянной арміи, но какъ при недостаткѣ продовольствія и пушекъ отступленіе было невозможно, онъ сдался (Меншикову) съ 16,000 человѣкъ. Ни одинъ изъ этихъ храбрыхъ воиновъ не увидалъ потомъ роднаго края; они были разсѣяны по всему пространству русской земли и умерли частію въ сибирскихъ рудникахъ, частію нищими по большимъ дорогамъ. Такъ погибло это геройски-мужественное

---

[1] Когда Мазепа явно перешелъ къ Карлу и на мѣсто его избранъ былъ другой гетманъ, Скоропадскій, а измѣнникъ торжественно преданъ проклятію, то Шведы, вмѣсто помощи, встрѣтили противъ себя въ Малороссіи народную войну. Одни Запорожцы соединились съ ними, но уже въ маѣ 1709 г. Сѣча ихъ взята была царскимъ войскомъ.

[2] При изложеніи русскихъ событій мы выставляемъ числа по старому стилю.

[3] Съ нимъ ушелъ и Мазепа, но умеръ черезъ два мѣсяца въ Бендерахъ.

войско, равно удивительное и своими подвигами и долготерпѣніемъ въ бѣдахъ.

§ 647. **Карлъ XII въ Турціи.** Турки приняли Карла съ честію и обходились съ нимъ великодушно. Въ своемъ станѣ подъ Бендерами жилъ онъ по-царски какъ султанскій гость и другъ (1710). Но для него невыносима была мысль воротиться побѣжденнымъ и безъ войска въ свою державу. Онъ хотѣлъ принудить Турковъ къ войнѣ съ Россіей и во главѣ ихъ пройдти чрезъ владѣнія своего врага. Между тѣмъ, какъ онъ напрасно тратилъ для этого время и силы въ Бендерахъ и употреблялъ всѣ средства, чтобы склонить нерасположенныхъ къ войнѣ Турковъ въ пользу своего замысла, три противника его возобновили прежній союзъ противъ Швеціи, послѣ чего Фридрихъ Августъ объявилъ Альтранштедскій договоръ недѣйствительнымъ и, изгнавъ Станислава Лещинскаго, при помощи польскихъ дворянъ снова овладѣлъ престоломъ; царь Петръ расширилъ свои завоеванія при Балтійскомъ морѣ Эстляндіей, Ливоніей и частію Финляндіи, а король Датскій высадился на Сканійскомъ берегу, однакожь вскорѣ былъ отбитъ небольшимъ ополченіемъ дюжихъ крестьянскихъ парней подъ начальствомъ Стенбока. Наконецъ планъ Карла XII повидимому готовъ былъ осуществиться. Его уполномоченному въ Константинополѣ, ловкому Поляку Понятовскому, удалось кознями при дворѣ добиться удаленія двухъ великихъ визирей сряду и настоять на объявленіи войны царю. Турецкая армія двинулась уже въ Молдавію, куда Петръ былъ завлеченъ такими же обѣщаніями со стороны господаря Кантемира, какими Мазепа завлекъ въ Украйну Карла XII (1711). На берегу Прута небольшое русское войско, не нашедшее ожиданныхъ припасовъ и отрѣзанное отъ воды, было окружено столь превосходными силами Турковъ, что заключеніе сноснаго мира при такихъ обстоятельствахъ должно назвать счастливымъ для Россіи событіемъ. Этотъ миръ далъ поводъ полагать, что великій визирь былъ подкупленъ. Петръ обязался только возвратить Туркамъ Азовъ и три построенныя имъ крѣпости, не вступаться въ дѣла Польши и дозволить Шведскому королю свободный проѣздъ чрезъ свои владѣнія. Карлъ XII былъ внѣ себя отъ ярости, когда узналъ,

что столь близкая повидимому цѣль ушла отъ него гораздо далѣе прежняго. Не смотря на то онъ упорствовалъ въ своемъ намѣреньи и оставался въ Бендерахъ (или, точнѣе, въ Варницѣ) даже и тогда, когда Порта отказала ему въ гостепріимствѣ, прекратила выдачу денежнаго пособія и указала покинуть Турецкіе предѣлы. Онъ получилъ отъ нея деньги на проѣздъ, а самъ все-таки не ѣхалъ; наконецъ янычары взяли приступомъ его лагерь, зажгли хижину, въ которой онъ оборонялся какъ левъ и наконецъ захватили его въ плѣнъ при одной отчаянной вылазкѣ (18 февр. 1714). Но и въ турецкомъ плѣну онъ упорствовалъ еще цѣлыхъ девять мѣсяцевъ, расточая свои силы на ребяческое упрямство. Что удивительнаго, если наконецъ стали думать, что онъ просто сошелъ съ ума? Только когда ему донесли, что и всѣ германскія его владѣнія, кромѣ Штральзунда и Висмара, находятся въ непріятельскихъ рукахъ, и что Шведы помышляютъ о назначеніи себѣ правителя, оставилъ онъ по пятилѣтнемъ пребываніи Турцію и, послѣ двухнедѣльнаго пути, совершеннаго безъ отдыха и большею частію верхомъ черезъ Венгрію и Германію, внезапно явился у воротъ Штральзунда (27 ноября 1714).

§ 648. Конецъ Карла XII. Шведы употребляли между тѣмъ благородныя усилія, чтобы дать отпоръ своимъ врагамъ. Стенбокъ вторично разбилъ Датчанъ при Гадебушѣ (12 дек. 1712), потомъ взялъ и выжегъ Альтону, но при дальнѣйшемъ походѣ въ Голштинію попалъ въ плѣнъ и до самой смерти своей томился въ тѣсномъ заточеніи въ Копенгагенѣ. И какъ могла противиться соединеннымъ силамъ пяти сосѣднихъ державъ (ибо къ прежнимъ союзникамъ примкнули еще Ганноверъ и Пруссія) одинокая страна, ослабленная четырнадцатилѣтнею войною и лишенная лучшихъ своихъ провинцій? Послѣ величайшихъ усилій и пожертвовавъ храбрѣйшимъ, достойнымъ лучшей участи войскомъ, Карлъ долженъ былъ отступиться отъ Штральзунда и переправиться въ Швецію. Вся Померанія, вмѣстѣ съ островомъ Рюгеномъ, который завоевалъ храбрый Леопольдъ Дессаускій (§ 653), тотчасъ же досталась въ руки Пруссакамъ. Но упрямый король и теперь еще не хотѣлъ слышать объ уступкахъ. По

совѣту находчиваго, коварнаго барона Гёрца, который перешелъ изъ голштинской службы въ шведскую и дѣйствовалъ рѣшительно въ пользу войны, король, чтобы настоять на безобидномъ для себя мирѣ, приказалъ выбить для расходовъ на новыя вооруженія низкопробную монету и пустить ее по нарицательной цѣнѣ, а затѣмъ въ февралѣ 1716 года двинулся въ Норвегію. Но климатъ, природа и храбрость жителей противопоставили ему здѣсь такія препятствія, что онъ вскорѣ долженъ былъ воротиться. Тутъ Гёрцъ, пользуясь неудовольствіемъ Русскаго царя на то, что курфюрстъ Ганноверскій (Георгъ I въ Англіи) завладѣлъ Бременомъ и Верденомъ, началъ склонять Россію къ отдѣльному миру съ Швеціей и тогда же составилъ съ Альберони заговоръ возвратить англійскую корону Стуартамъ (§ 639); но еще до окончанія переговоровъ съ Петромъ, Карлъ XII, неудержимо увлекаемый своимъ безпокойнымъ нравомъ, снова вторгся въ Норвегію съ двумя корпусами войскъ (1718). Одинъ изъ нихъ направился къ Дронтгейму, но при наступившей стужѣ вынужденъ былъ ретироваться, ничего не сдѣлавши, и на возратномъ пути по пустыннымъ горамъ, покрытымъ снѣгомъ и льдами, погибъ отъ голода, мороза и утомленія. Въ то время, какъ эти люди шагали по ледянымъ сѣвернымъ хребтамъ, король ихъ быль настигнутъ смертью подъ стѣнами крѣпости Фридрихсгалля [1], которую онъ осадилъ середи зимы. Однажды, ночною порой, опершись на брустверъ, онъ смотрѣлъ на работы въ траншеяхъ, и вдругъ былъ пораженъ пулею, пущенною вѣроятно рукой убійцы (11 дек. 1718). — Слѣдствіемъ кончины Карла XII для Швеціи были преобразованіе государственнаго устройства, цѣлый рядъ невыгодныхъ мирныхъ трактатовъ съ сопротивными державами и судебное смертоубійство министра Гёрца.

б) Внутреннія дѣла.

§ 649. 1) Швеція. Шведское дворянство, которому давно уже надоѣлъ военный деспотизмъ, воспользовалось спорнымъ престолонаслѣдіемъ для того, чтобы снова пріобрѣсть права, отнятыя у него Карломъ

[1] На крайней юго-восточной границѣ Норвегіи, въ Агергусскомъ округѣ.

XI. До возведенія на тронъ *меньшой* сестры Карла XII, *Ульрики Элеоноры* и супруга ея, *Фридриха Гессенъ-Кассельскаго*, *государственные чины* (присвоившіе себѣ опять старинное *право выбора королей* и обошедшіе законнаго наслѣдника престола, *Карла-Фридриха Голштейнъ-Готторпскаго*, сына *старшей* сестры Карла) настояли на отреченіи ихъ отъ неограниченной власти и на томъ, чтобъ они согласились не только возстановить прежнюю конституцію, но и предоставить новоучрежденному аристократическому *совѣту* такое независимое положеніе, что онъ сдѣлался мало-по-малу *соправительствующею властію*. Какъ *постоянный комитетъ государственныхъ чиновъ*, которому приписали *верховное правомочіе*, государственный совѣтъ обязанъ былъ отвѣтственностію только передъ чинами. Вслѣдствіе этого *правительственная власть* постепенно вся перешла въ руки совѣта, рѣшавшаго дѣла по большинству голосовъ, а королевскій санъ обратился въ почетное званіе безъ всякой силы. Шведское политическое устройство сдѣлалось гнетущею *олигархіей*; верховный совѣтъ, гдѣ король имѣлъ только два голоса, постановлялъ рѣшенія по всѣмъ государственнымъ дѣламъ и замѣщалъ всѣ высшія должности въ войскѣ, судахъ и администраціи. — Первою жертвою достигшей власти *аристократической партіи* (которая по всей вѣроятности подготовила и умерщвленіе короля) палъ ненавистный совѣтникъ Карла, графъ *Гёрцъ*[1]. Не будучи уличенъ во взведенныхъ на него государственныхъ преступленіяхъ, онъ былъ приговоренъ къ смерти несправедливымъ и крайне пристрастнымъ судомъ, а затѣмъ безъ жалости казненъ. Совѣтъ, чтобы спокойно и безопасно пользоваться новопріобрѣтенною властью, вскорѣ заключилъ съ враждебными державами *мирные трактаты* (1719—21), при чемъ дворянство соблюдало болѣе свои собственныя выгоды, нежели пользы и честь страны. Съ тѣхъ поръ Швеція выбыла изъ ряда великихъ державъ; мѣсто ея заняла *Россія*.

По состоявшимся теперь *мирнымъ трактамъ* Георгъ I Англійскій пріобрѣлъ отъ шведскаго правительства, за милліонъ талеровъ, герцогство *Бременъ* и *Верденъ* для своей отчины, *Ганновера* (1719);

---

[1] Гёрцъ, поступившій на службу къ Карлу только съ 1715 г., раздражилъ противъ себя шведскихъ аристократовъ особенно тѣмъ, что своими финансовыми мѣрами, которыя всего тяжеле падали на богатыхъ, онъ доставлялъ королю возможность продолжать нестерпимую для всѣхъ войну.

Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I удержалъ, за два милліона талеровъ, занятые имъ Штеттинъ и Нижнюю Померанію вплоть до рѣки Пены, съ островами Узедомомъ и Воллиномъ (1720); Данія достигла обладанія отнятой у герцога Голштейнъ-Готторпскаго области Шлезвига, но возвратила завоеванные у Швеціи Штральзундъ, Грейфсвальдъ и друг. мѣста, когда послѣдняя обязалась платить Зундскую пошлину, отъ которой доселѣ была свободна Въ противность древнимъ кореннымъ уставамъ, по которымъ Шлезвигъ и Голштинія должны были оставаться нераздѣльными, Фридрихъ IV соединилъ герцогство Шлезвигское съ Даніей и несправедливо подчинилъ его датскому королевскому уставу. Мѣра эта въ новѣйшее время принесла свои кровавые плоды.—Августъ II признанъ былъ королемъ Польскимъ. Всего долѣе тянулась война съ Россіею. Только тогда, когда Петръ велѣлъ безпощадно опустошить шведскій берегъ огнемъ и мечемъ, правительство Швеціи согласилось наконецъ по Ништадтскому миру (30 авг. 10 сент. 1721) уступить Русскимъ важныя области Ингерманландію, Эстляндію и Ливонію съ частію Кареліи и Финляндіи за ничтожное вознагражденіе въ два милліона талеровъ.

§ 650. 2) Россія. Совершенно иначе вышла изъ борьбы Россія. Царь Петръ принявшій теперь титулъ императора (22 окт. 1721), пріобрѣлъ своей державѣ цвѣтущіе, обработанные (хотя отчасти и разоренные войной) края; открылъ своему новосозданному флоту два моря, заселилъ помощью насильственныхъ мѣръ малолюдную область Ингерманландію, сдѣлалъ Петербургъ, лежащій ближе древней Москвы къ европейской образованности, мѣстопребываніемъ правительства и столицею государства, и сильно двинулъ его впередъ разными учрежденіями и обширными постройками [1]. Проведеніемъ каналовъ (Вышневолоцкаго и обводнаго Ладожскаго) и множества сухопутныхъ дорогъ онъ облегчилъ внутреннія сообщенія своего неизмѣримаго края; съ иностранными морскими державами заведены были непосредственныя торговыя сношенія и для этой цѣли устроены гавани и приняты мѣры къ поощренію мореходства. Особенное вниманіе обращено было на промыслы, ремесла и мануфактуры, и новоучрежденные горные заводы стали мало по малу извлекать на

---

[1] Богатыхъ принуждали строиться въ Петербургѣ, и для того чтобъ дѣло шло скорѣе, въ 1714 г. пріостановлены были каменныя постройки во всѣхъ остальныхъ частяхъ государства,

свѣтъ внутреннія богатства русской земли. Петръ заботился о распространеніи винодѣлія и шелководства, о разведеніи табаку, крупныхъ породъ скота и особенно шлёнскихъ (силезскихъ) овецъ, необходимыхъ для суконодѣлія, объ учрежденіи конскихъ заводовъ и всякихъ фабрикъ для обработки естественныхъ произведеній своего отечества. Слѣдствіемъ такихъ мѣръ и строжайшей экономіи въ придворныхъ расходахъ было то, что послѣ двадцати двухлѣтней войны государство не только не было обременено ни какимъ долгомъ, но императоръ нашелъ еще возможность предпринять вслѣдъ за тѣмъ войну съ Персіей (1722—24), преимущественно въ видахъ расширенія торговли [1]. Вся государственная администрація также обязана Петру своимъ обновленіемъ. Мѣсто прежней боярской думы заступилъ зависящій отъ государя и назначаемый имъ сенатъ, котораго обязанности первоначально состояли въ слѣдующемъ: высшій нелицепріятный судъ, главный надзоръ за расходами и стараніе о приращеніи доходовъ, наблюденіе, чтобъ люди, обязанные службою, отъ нея не уклонялись. Вмѣсто прежнихъ приказовъ, которые, за отсутствіемъ всякой почти системы въ распредѣленіи дѣлъ, представляли неисходную путаницу, еще усиливаемую злоупотребленіями дьяковъ, главныхъ дѣлопроизводителей при невѣжественныхъ и лѣнивыхъ боярахъ, Петръ, по совѣту славнаго философа Лейбница (§ 663 примѣч.), учредилъ десять коллегій для завѣдыванія различными отраслями управленія; но здѣсь, еще болѣе чѣмъ въ другихъ своихъ преобразованіяхъ, онъ долженъ былъ бороться съ недостаткомъ способныхъ, подготовленныхъ и добросовѣстныхъ исполнителей. Чтобы избавить промышленныхъ и торговыхъ людей отъ притѣсненій городскихъ воеводъ и приказныхъ, Петръ подчинилъ ихъ выборнымъ бурмистрамъ, а въ 1720 г. учредилъ въ важнѣйшихъ городахъ выборные магистраты, подвѣдомые главному магистрату въ Петербургѣ и въ высшей инстанціи сенату. Все государство было раздѣлено на 12 губерній, а губерніи на 43 провинціи; первыми управляли губернаторы (въ пограничныхъ мѣстахъ — генералъ-губернаторы), послѣдними — воеводы. По самой сущности предлежавшаго Петру великаго дѣла преобразованія главною задачей его было вопервыхъ расшевелить усыпленныя силы народа выводомъ ихъ изъ

---

[1] Это повидимому благопріятное положеніе финансовъ много зависѣло отъ тягости даровыхъ повинностей и службъ, лежавшихъ на многочисленномъ классѣ такъ-называемыхъ служилыхъ.

сферы вялаго, небрежнаго, безотчетнаго и безприбыльнаго труда на путь многосторонняго, сознательнаго развитія промышленности и неразлучнаго съ тѣмъ матеріальнаго образованія, а во вторыхъ— болѣе сосредоточить эти слишкомъ разрозненныя силы на служеніе общимъ цѣлямъ государства. Во всемъ этомъ, Петръ, какъ и гораздо низшій его современникъ, Прусскій король Фридрихъ I (§ 653), дѣйствовалъ, разумѣется, по экономическимъ и политическимъ понятіямъ той эпохи, и потому очень легко указать на нѣкоторыя ошибки великаго преобразователя, но несравненно труднѣе уяснить себѣ то, какъ могъ бы онъ дѣйствовать иначе при тогдашнихъ понятіяхъ и при такой обстановкѣ, которая необходимо вызывала крайнюю поспѣшность и крутость мѣръ, для обезпеченія сколько-нибудь вѣрнаго успѣха въ будущемъ. Мы уже видѣли, что дѣлалъ онъ для развитія разнообразной трудовой дѣятельности, а мысль о напряженіи общественныхъ силъ на службу государству была у него источникомъ цѣлаго ряда такихъ мѣръ, какъ изданіе табели о рангахъ, которою гражданскіе чины пріурочены по степенямъ къ военнымъ и придворнымъ; далѣе — окончательное смѣшеніе помѣстьевъ (служебныхъ надѣловъ) съ вотчинами (родовыми землями) и обязаніе каждаго землевладѣльца безъ различія вѣчною службой; требованіе отъ служащихъ первоначальнаго образованія, безъ чего не дозволялось имъ даже вступать въ бракъ; наконецъ — установленіе не принявшагося на русской почвѣ майората въ видахъ упроченія наслѣдственной состоятельности служилаго сословія и вмѣстѣ въ видахъ огражденія крестьянъ отъ крайнихъ злоупотребленій, какимъ подвергались они со стороны мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Сюда же преимущественно должно отнести и тѣ значительныя ограниченія, которымъ Петръ счелъ нужнымъ подчинить вступленіе въ монашество и излишнее размноженіе монастырей. «Преобразованіе войска, заведеніе флота, продолжительная и тяжелая война, множество новыхъ учрежденій и построекъ требовали большихъ издержекъ, новыхъ источниковъ доходовъ. Вмѣсто прежней подати съ дворовъ введена была подушная подать, для чего произведена ревизія, или перечисленіе всѣхъ подлежащихъ подушному окладу жителей государства. Изъ подушнаго оклада исключены были духовные съ дѣтьми, дворяне, отставные солдаты, иностранцы, жители Остзейскихъ провинцій, Башкиры и Лапландцы. Для умноженія доходовъ введена была гербовая бумага. Въ случаѣ крайнихъ нуждъ государственныхъ у служащихъ удерживалась десятая часть ихъ оклада. Двѣ трети

доходовъ шло на войско и флотъ. Сверхъ жалованья чиновникамъ велѣно было со всякихъ исковъ брать за труды на канцелярію, съ праваго — по 3, а съ виноватаго по 10 копѣекъ съ рубля. Въ 1710 г. доходы простирались до 3 милліон. рублей слишкомъ, а въ 1725 г. до 10 милліон. слишкомъ [1].» — За годъ до своей кончины Петръ, по совѣту Лейбница, издалъ указъ объ учрежденіи Академіи наукъ въ Петербургѣ, но что̀ могъ выиграть отъ такого учрежденія народъ, ни мало не подготовленный первоначальнымъ образованіемъ?—Однимъ изъ самыхъ важныхъ нововведеній Петра было упраздненіе патріаршества. Когда умеръ патріархъ Адріанъ (1700), избраніе новаго на его мѣсто было отложено и церковныя дѣла поручены завѣдыванію рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, а потомъ, когда народъ отвыкъ отъ верховнаго іерарха, патріаршество замѣнено коллегіальнымъ управленіемъ, подъ именемъ святѣйшаго синода (1721). Такимъ образомъ свѣтская и духовная власть окончательно соединились въ рукахъ повелителя Россіи, и еслибы Петру удалось привесть въ исполненіе свой планъ объ изданіи общаго уложенія законовъ для всей имперіи, тогда государственную организацію Россіи можно бъ было почесть завершенною вчернѣ. — Но сколько ни сдѣлалъ Петръ для образованія своего народа, онъ до конца дней своихъ оставался суровымъ самовластцемъ и сохранялъ тѣ грубыя чувственныя наклонности, которыя можно оправдать только окружавшею его грубѣйшею средой. Вторичное путешествіе за границу, предпринятое имъ вмѣстѣ съ царицею Екатериной чрезъ Германію въ Голландію и Францію [2], показало передъ всей Европой, какъ далеки еще были тогдашніе русскіе нравы отъ европейской цивилизаціи, а страшно крутыя мѣры Петра противъ единственнаго его сына Алексѣя [3], на котораго онъ невольно перенесъ вражду свою къ отверженной его матери (Евдокіи Ѳедоровнѣ Лопухиной), свидѣтельствуютъ о жестокости его собственнаго нрава. Выросши въ дали отъ своего вѣчно-занятаго отца, сперва подъ надзоромъ недовольной супругомъ матери, потомъ подъ вліяніемъ среды, вполнѣ соотвѣтствовавшей природнымъ его наклонностямъ къ сидячей, полузатворнической жизни, юноша чувствовалъ

---

[1] Соловьевъ. Учебная книга русской исторіи.

[2] Петру хотѣлось подготовить бракъ дочери своей Елисаветы съ малолѣтнимъ королемъ Людовикомъ XV, но это ему не удалось.

[3] Сыновья его отъ Екатерины I, царевичи Петръ и Павелъ, умерли въ младенчествѣ.

тѣмъ болѣе отвращенія къ нововводительствамъ отца, чѣмъ настойчивѣе требовалъ отъ него Петръ насвойственной ему подвижности и дѣятельности. Окруживъ себя приверженцами старины, лицами духовнаго званія, предавшись занятіямъ церковными дѣлами, церковною исторіей и литературой, онъ только и помышлялъ о возвращеніи къ прежнему быту, о переселеніи въ Москву. Напрасно думалъ Петръ сблизить его съ западнымъ образованіемъ, велѣвъ ему вступить въ бракъ (1711) съ нѣмецкою принцессой (Софіей Шарлоттой Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской); это несчастное супружество было источникомъ новыхъ перекоровъ между сыномъ и отцомъ, и когда по кончинѣ своей невѣстки (1715) Петръ рѣшительно потребовалъ отъ царевича или перемѣны въ его поведеніи или постриженія въ монахи, Алексѣй, сначала согласившись на послѣднее и получивъ шестимѣсячную отсрочку для того, чтобы зрѣлѣе обдумать свой выборъ, воспользовался отъѣздомъ отца за границу (1716) и удалился подъ покровительство императора Карла VI, сначала въ тирольскій замокъ Эренбергъ, а потомъ въ неапольскую крѣпость Сантъ-Эльмо. Петръ успѣлъ вывезть его оттуда обѣщаніемъ своей милости и, взявъ съ него отреченіе отъ престола (1718), простилъ ослушнаго сына съ тѣмъ, чтобы онъ открылъ ему всѣхъ соучастниковъ своего побѣга и вообще всѣхъ своихъ единомышленниковъ. Строгій, пытками сопровождаемый розыскъ обнаружилъ, какъ слѣдовало ожидать, сношенія Алексѣя со множествомъ недовольныхъ, и наряженный надъ нимъ чрезвычайный судъ приговорилъ его къ смертной казни; но внезапная смерть измученнаго розыскомъ царевича предупредила исполненіе приговора. Въ 1721 г. вышелъ указъ о правѣ Россійскаго государя назначать себѣ преемника по усмотрѣнію; Петръ не воспользовался такимъ правомъ, но благодаря его мѣрѣ, до самаго конца осьмнадцатаго вѣка въ Россіи былъ устраненъ опредѣленный закономъ порядокъ престолонаслѣдія, и возстановленъ только императоромъ Павломъ въ 1797 г.

Кончина Петра Великаго (28 янв. 1725) повела за собою цѣлый рядъ кратковременныхъ и шаткихъ правительствъ, нерѣдко возмущаемыхъ крамолами вельможъ, которые, помимо вопросовъ личнаго честолюбія и личной корысти, естественно раздѣлились теперь на двѣ главныя партіи, — приверженцевъ старины и защитниковъ новаго порядка. Во главѣ послѣднихъ стоялъ Меншиковъ, рожденный въ самой низкой долѣ и ставшій потомъ могущественнымъ любимцемъ покойнаго императора, благодаря своимъ способностямъ,

своей преданности дѣлу преобразованія и умѣнью угодить на государя. Въ самый день кончины Петра онъ рѣшительно объявилъ собравшимся властямъ, что тронъ долженъ принадлежать коронованной супругѣ Петра Великаго, и тѣмъ успѣлъ доставить правленіе бывшей своей плѣнницѣ, императрицѣ Екатеринѣ I (1725—27), тогда какъ противная партія желала имѣть государемъ малолѣтняго Петра, сына несчастнаго царевича Алексѣя. Новая императрица обѣщала завершить начинанія своего супруга и дѣйствительно выполнила нѣкоторыя изъ частныхъ его предположеній, каковы экспедиція Беринга и открытіе академіи наукъ (1726); но, съ другой стороны, допустила измѣнить самыя важныя установленія Петровы: такъ сенатъ и святѣйшій синодъ были лишены титула «правительствующихъ» и главное управленіе государственными дѣлами сосредоточено въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, составленномъ изъ первѣйшихъ по должностямъ сенаторовъ, подъ преобладающимъ вліяніемъ всемогущаго при императрицѣ Меншикова. Въ числѣ разныхъ мѣръ, принятыхъ по докладу Совѣта, важнѣйшею было предоставленіе расправы и суда въ провинціяхъ губернаторамъ и воеводамъ, ради сокращенія обременительныхъ для народа расходовъ на учрежденныя Петромъ новыя конторы и канцеляріи; въ ихъ же вѣдѣніе, къ явному ущербу только что зарождавшейся промышленности, отданы городовые магистраты, а въ послѣдствіи (при Петрѣ II) уничтоженъ и главный магистратъ. Екатерина I назначила преемникомъ своимъ Петра II (1727 — 30) по совѣту прежняго противника его, Меншикова, который надѣялся теперь быть не только правителемъ въ малолѣтство императора, но и тестемъ его, когда онъ придетъ въ возрастъ. Однакоже, спустя полгода, высокомѣрный временщикъ былъ свергнутъ происками юнаго товарища Петра, князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Меншикова сослали сперва въ принадлежавшій ему гор. Ораніенбургъ (Рязанск. губ.) и лишили всего имѣнія, а потомъ отправили въ Сибирь, гдѣ онъ вскорѣ умеръ съ тоски и горя (1729). Но непродолжительно было и господство Долгорукихъ, которые въ главѣ Тайнаго Совѣта такъ же неограниченно распоряжались сенатомъ и коллегіями, какъ прежде Меншиковъ. Не успѣли они помолвить сестру князя Ивана съ императоромъ, какъ онъ неожиданно умеръ отъ простуды. Члены Верховнаго Совѣта, пользуясь неопредѣленностью престолонаслѣдія, обошли потомство Петра и предложили корону меньшой дочери

царя Іоанна, вдовствующей герцогинѣ Аннѣ Курляндской[1] (1730—40), подъ условіемъ ограниченія монархической власти. Но едва Анна Іоанновна успѣла прибыть въ Москву, какъ убѣдилась ясно, что аристократическій замыселъ «верховниковъ» (т. е. членовъ Верховнаго Совѣта) вовсе не соотвѣтствуетъ желанію большинства дворянъ (по тогдашнему — шляхетства), и по настоятельному требованію приверженцевъ неограниченнаго самодержавія, разорвала условія, подписанныя ею въ Митавѣ, уничтожила Верховный Совѣтъ и возстановила первоначальныя права сената. Однакожь вскорѣ она окружила себя такъ-называемымъ Кабинетомъ, котораго составъ обнаружилъ направленіе новой императрицы. Не полагаясь болѣе на преданность первыхъ русскихъ вельможъ, она отдала все довѣріе любимцу своему Бирону (котораго по пресѣченіи Кетлерова дома возвела въ герцоги Курляндскіе, 1737) и двумъ дѣятельнымъ и даровитымъ Нѣмцамъ, Остерману и Миниху. Первый завѣдывалъ внѣшними дѣлами, а Минихъ, питомецъ школы принца Евгенія, помогавшій еще Петру своими инженерными знаніями при проведеніи Ладожскаго канала, поднялъ славу русскаго оружія противъ Турковъ въ глазахъ всей Европы[2]. Покинувъ завоеванія Петра при Каспійскомъ морѣ (города Дербентъ и Баку съ частію областей Гиляни, Мазандерана и Астрабата), какъ слишкомъ отдаленныя и, по климату, губительныя для русскихъ войскъ, императрица Анна заодно съ Австріей поддержала противъ Франціи возведеніе на польскій престолъ сына Фридриха Августа II Саксонскаго, а потомъ, по поводу крымскихъ набѣговъ, объявила, также въ союзѣ съ Австріей, войну Туркамъ. Тутъ Минихъ взялъ Перекопъ, страшно опустошилъ Крымскій полуостровъ, покорилъ Хотинъ, Очаковъ, перешелъ за памятный для Русскихъ Прутъ и овладѣлъ частію Молдавіи. Но эти побѣды, стоившія многихъ тысячь людей, принесли очень мало непосредственной пользы для Россіи, потому что Австрія, терпѣвшая между тѣмъ однѣ неудачи, поспѣшила заключить въ Бѣлградѣ позорный для себя миръ (§ 657) и тѣмъ побудила Россію окончить войну уступкою почти всѣхъ своихъ завоеваній и удовольство-

---

[1] Курляндіею правилъ въ это время престарѣлый и бездѣтный дядя ея покойнаго мужа. Курляндцы хотѣли было избрать ему въ преемники знаменитаго графа Морица Саксонскаго, побочнаго сына Августа Сильнаго, а Поляки думали присвоить Курляндію себѣ, но Россія не допустила ни того, ни другаго.

[2] Ему же обязана Россія основаніемъ перваго кадетскаго корпуса, который долго служилъ не только для подготовки офицеровъ, но и для распространенія общаго образованья между невѣжественнымъ дворянствомъ.

ваться обязательствомъ Турковъ срыть до основанія Аловъ. — Чтобы упрочить престолонаслѣдіе въ потомствѣ своего отца, императрица назначила по себѣ преемникомъ двухмѣсячнаго младенца Іоанна Антоновича, сына племянницы своей Анны (отъ царевны Екатерины Іоанновны и герцога Леопольда Мекленбурскаго), недавно выданной за Антона Ульриха, принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго. Бирона, съ согласія его товарищей по Кабинету, умирающая императрица утвердила регентомъ (17 окт. 1740), пока Іоанну исполнится 17 лѣтъ. Но безпощадная подозрительность Бирона къ Русскимъ вообще, поддерживаемая доносами и нестерпимымъ шпіонствомъ, и крайнее высокомѣріе его даже съ близкими къ нему Нѣмцами вызвали противъ него заговоръ, имѣвшій цѣлью передать правительственную власть матери императора, принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, и когда въ заговорѣ принялъ участіе рѣшительный Минихъ, то дѣло немедленно кончилось тѣмъ, что Биронъ былъ схваченъ со всѣмъ семействомъ (9 ноября 1740) и отправленъ на житье въ Пелымь. Хотя правительница и назначила Миниха своимъ первымъ министромъ, но его честолюбіе и смѣлость пугали ее до того, что своимъ явнымъ недовѣріемъ она скоро вынудила его удалиться. Въ то же время внѣшняя политика Россіи поставлена была въ затруднительное положеніе. Покойная императрица обязалась поддерживать завѣщаніе Нѣмецкаго императора Карла VI въ пользу его дочери Маріи Терезіи (такъ-называемую прагматическую санкцію, § 658), а правительница, съ своей стороны, заключила оборонительный союзъ съ Пруссіей, какъ вдругъ Прусскій король Фридрихъ II захватилъ у Австріи Силезскую область. Россія еще колебалась между двумя союзниками, когда ей самой была объявлена война со стороны Шведовъ (авг. 1741), давно желавшихъ воротить завоеванія Петра Великаго и возбуждаемыхъ къ тому французскимъ дворомъ, которому хотѣлось лишить Австрію надежды на русскую помощь. Въ числѣ поводовъ къ войнѣ было между прочимъ выставлено отстраненіе отъ престола Голштинской линіи (старшая дочь Петра, Анна, была за герцогомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ и имѣла уже сына, Карла Петра Ульриха) и младшей дочери Петра, цесаревны Елисаветы. Все это вмѣстѣ съ явною неспособностью правительницы и съ негодованіемъ Русскихъ на владычество нѣметчины, утвердившееся со времени императрицы Анны, прямо указывало путь къ новому перевороту въ правительствѣ Россіи. Французскій посолъ въ Петербургѣ (де ла Шетарди) воспользовался этимъ стеченіемъ обстоятельствъ, въ надеждѣ окончательно разорвать

связи Россіи съ Австріей и, съ помощью своего соотечественника, врача цесаревны, ловкаго Лестока, ему наконецъ удалось склонить Елисавету на рѣшительный шагъ. Въ ночь на 25 ноября 1741 г. внезапно были взяты подъ стражу младенецъ Іоаннъ (заточенный потомъ въ Шлюссельбургѣ) и его родители (сосланные въ Холмогоры). Елисавета провозглашена императрицею (1741 — 62), главы нѣмецкой партіи, Минихъ и Остерманъ, отправлены въ Сибирь [1]. Первымъ дѣломъ Елисаветы было уничтоженіе ненавистнаго Кабинета и возстановленіе сената въ прежнемъ его значеніи. Затѣмъ она поспѣшила вызвать племянника своего, герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, и по принятіи имъ православія объявила его наслѣдникомъ престола подъ именемъ Петра Ѳеодоровича (ноябрь 1742). Стараніями Фридриха II Прускаго въ супруги великому князю избрана (1744) принцесса Софія-Августа-Фредерика Ангальтъ-Цербстская, названная въ православіи Екатериною Алексѣевной (род. 1729 г. въ Штеттинѣ, гдѣ отецъ ея былъ комендантомъ). — При своемъ поверхностномъ образованіи и неохотѣ къ дѣламъ, добродушная императрица предоставляла управленіе своимъ приближеннымъ, въ числѣ которыхъ важнѣйшую роль играли Петръ и Иванъ (Ивановичи) Шуваловы [2]. Первый, не смотря на коварный и небезкорыстный нравъ, ознаменовалъ свою дѣятельность во внутреннемъ управленіи многими полезными распоряженіями. Для сбереженія народныхъ силъ при отправленіи тяжкой рекрутской повинности, Россія раздѣлена была на пять очередныхъ участковъ; православнымъ Сербамъ, выходцамъ изъ Австрійской имперіи, даны земли въ южной Россіи (подъ именемъ Новой Сербіи); устроены инвалидный домъ и богадѣльни для бѣдныхъ отставныхъ офицеровъ и увѣчныхъ солдатъ, которыхъ по указу Петра разсылали прежде по монастырямъ на содержаніе; чтобъ умѣрить страшныя злоупотребленія ростовщиковъ учреждены заемные банки дворянскій и купеческій для производства ссудъ изъ 6 процентовъ (1754); уничтожены вредныя для торговли внутреннія таможни и возстановленъ въ прежней силѣ главный магистратъ; наконецъ смертная казнь замѣнена

---

[1] Миниха послали въ Пелымь и помѣстили въ выстроенный по его же плану домъ Бирона, которому теперь разрѣшено было жить въ Ярославлѣ.

[2] Первый любимецъ государыни, графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, изъ придворныхъ пѣвчихъ возведенный въ графы и фельдмаршалы, не вмѣшивался въ государственныя дѣла, чистосердечно сознавая свою неподготовленность и неспособность.

кнутомъ и ссылкой въ тяжкія работы. Другому Шувалову (Ивану) особенно принадлежитъ честь внесенія въ русское общество первыхъ началъ того человѣчнаго образованія, которое распространялось тогда въ европейскомъ обществѣ подъ вліяніемъ французской литературы; ему обязана Россія основаніемъ главнаго разсадника этого образованія, Московскаго университета (1755), и обязана тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе чувствовалась необходимость расширить скудную сферу грамотности и цыфири, которою со временъ Петра ограничивалось воспитаніе юношества и которая удерживала Русскихъ въ неизбѣжной и стѣснительной зависимости отъ болѣе образованныхъ, но чуждыхъ Россіи пришлецовъ.—Внѣшними дѣлами управлялъ въ это время бывшій угодникъ Бирона, вице-канцлеръ, а потомъ канцлеръ А. П. Бестужевъ Рюминъ, который палъ-было вмѣстѣ съ своимъ патрономъ, и новымъ возвышеніемъ своимъ обязанъ былъ только сильному предстательству Лестока. Война съ Швеціей, продолжавшаяся не смотря на воцареніе Елисаветы, кончилась въ 1743 г. миромъ въ Або, по которому Россія еще раздвинула предѣлы свои въ Финляндіи до р. Кюмени. Теперь, когда Россія могла свободно располагать своими силами, Лестокъ сталъ болѣе прежняго настаивать на союзѣ этой державы съ Франціей и Пруссіей противъ Австріи и Англіи въ войнѣ за австрійское наслѣдство (§ 657), но пришелъ въ рѣшительное столкновеніе съ Бестужевымъ и старался низвергнуть его при помощи возвратившагося въ Петербургъ де ла Шетарди. Бестужевъ съумѣлъ однакожь преодолѣть своихъ противниковъ. Шетарди, уличенный въ обидныхъ отзывахъ объ особѣ государыни, былъ высланъ за границу, а соумышленникъ его, Лестокъ, отправленъ въ Угличь, а потомъ въ Устюгъ. И до самаго конца этого царствованія, въ послѣдствіи даже вопреки вѣроломнымъ усиліямъ самого Бестужева, русская политика постоянно держала сторону Австріи: перемѣна послѣдовала только съ восшествіемъ на престолъ новаго государя (1762).

§ 651. 3) **Польша**. По возстановленіи своемъ Фридрихъ Августъ II задумалъ съ помощію своихъ Саксонцевъ и союзниковъ поднять королевскую власть въ Польшѣ, но планъ его сокрушился о сопротивленіе дворянства и вельможъ. Всеобщая конфедерація принудила его удалить Саксонскія войскà изъ королевства. Зато гораздо лучше успѣлъ онъ овладѣть дворянствомъ и сломить воинственный его духъ распространеніемъ роскоши и порчи нравовъ. Перенесенная изъ Парижа въ Дрезденъ, а изъ Дрездена въ Варшаву страсть къ велико-

лѣнію, изнѣженности и кутежу сокрушила послѣдній остатокъ нравственной силы въ этомъ сословіи и дѣйствовала тѣмъ пагубнѣе, что наружная утонченность соединялась здѣсь съ внутреннею грубостью и раздраженіемъ животныхъ чувствъ. Подкупность сдѣлалась теперь такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, что перестала слыть позорною; отъ европейской гражданственности, которая во всѣхъ другихъ странахъ дѣлала гигантскіе успѣхи, Польша заимствовала одинъ внѣшній лоскъ, женское вліяніе, да тщеславіе и надменность, нашедшія себѣ новую пищу въ учрежденіи ордена Бѣлаго Орла; тогда какъ въ цѣлой Европѣ чувствовалось стремленіе къ религіозному просвѣщенію и къ устраненію гражданскаго неравенства вѣроисповѣданій, въ Польшѣ ко множеству другихъ золъ присоединилось еще гоненіе на иновѣрцевъ. Въ противность постановленіямъ Оливскаго мира (§ 587), магнаты, руководимые іезуитами, старались отнять у диссидентовъ, слывшихъ приверженцами шведскаго владычества, тѣ церковныя и гражданскія права, которыми они пользовались въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій. Постановленіемъ, состоявшимся противузаконно на чрезвычайномъ сеймѣ (1717), строеніе новыхъ храмовъ было имъ воспрещено, и когда въ протестантскомъ городѣ Торнѣ общая ненависть противъ іезуитскихъ козней и смутъ разразилась нападеніемъ народа на ихъ коллегіумъ (1724), то орденъ показалъ все свое могущество страшнымъ отмщеніемъ городовому магистрату. Оба бургомистра, Рёснеръ и Цернеке, вмѣстѣ со многими изъ знатнѣйшихъ горожанъ умерли на плахѣ, главная церковь была передана католикамъ, и раздраженіе іезуитовъ удалось успокоить только тѣмъ, что граждане заплатили имъ огромное денежное вознагражденіе. Незадолго до смерти Фридриха Августа II, который не отважился сдѣлать ни одного шага въ пользу бывшихъ своихъ единовѣрцевъ, чтобы не навлечь себѣ упрека въ тайномъ сочувствіи къ ученію Лютера, всѣ диссиденты (въ томъ числѣ и православные) постановленіемъ сейма (1733) были устранены отъ народнаго представительства и отъ всѣхъ государственныхъ должностей. Мудрено ли, что при такихъ обстоятельствахъ они обратили полные надежды взоры на Россію, которая умѣла воспользоваться выгодами своего положенія?

§ 652. Война за польское наслѣдство, 1733 и 1734. По смерти Фридриха Августа II, собравшееся на съѣздъ польское дворянство присягнуло въ томъ, что не признаетъ королемъ никого кромѣ потомка Пястовъ, туземца, и когда

Станиславъ Лещинскій поспѣшно прибылъ, переодѣтый, изъ Альзаціи въ Варшаву, они предоставили ему тронъ. Станиславъ, со времени бѣгства своего изъ Польши, жилъ въ самомъ бѣдномъ положеніи, сначала въ Цвейбрюкенѣ, принадлежавшемъ его покровителю, Карлу XII, а потомъ въ Вейсенбургѣ, пока бракъ дочери его съ Французскимъ королемъ Людовикомъ XV не избавилъ его отъ всякой нужды. Но Россія и Австрія благопріятствовали искательству сына Фридриха Августа II, принявшаго подобно отцу католическую вѣру, Фридриха Августа III Саксонскаго (1733—63), отчасти для отстраненія въ Польшѣ французскаго вліянія, отчасти потому, что курфюрстъ обѣщалъ обоимъ дворамъ нѣкоторыя выгоды, — австрійскому подтвержденіе прагматической санкціи (§ 658), россійскому отдачу въ лэнъ Бирону Курляндіи (§ 650). Станиславъ Лещинскій, хотя былъ признанъ большинствомъ польскаго народа и притомъ увѣренъ во Французской помощи, не могъ по недостатку мужества удержаться въ Варшавѣ, когда соперникъ его, провозглашенный въ Прагѣ немногими дворянами и прелатами, вступилъ въ столицу подъ прикрытіемъ русскихъ войскъ; онъ укрылся въ Данцигѣ и долго ожидалъ тамъ помощи отъ Французовъ. Но когда миролюбивый кардиналъ Флёри и рѣшился наконецъ прислать ему нѣсколько кораблей, то ничтожная эта сила не смогла отразить русскихъ отъ Данцига (она только затруднила осаду). Станиславъ, переодѣтый крестьяниномъ, бѣжалъ въ Кёнигсбергъ, а оттуда во Францію (1734), и предоставилъ Польскую корону своему сопернику. Данцигъ былъ строго наказанъ за упорство, а Станиславъ, человѣкъ слабый и безхарактерный, хотя впрочемъ кроткій и любезный, отреченіемъ отъ всѣхъ притязаній на безсильную польскую корону достигъ обладанія герцогствомъ Лотарингіей, гораздо болѣе соотвѣтствовавшаго мягкому настроенію его души. Чтобъ удержать отъ войны Францію [1], которой арміи на Рейнѣ и въ Италіи угрожали австрійскимъ областямъ, и склонить ее къ утвержденію прагматической санкціи, Карлъ VI согла-

[1] Франція, въ союзѣ съ Испаніей и Сардиніей, объявила императору войну за противудѣйствіе Станиславу Лещинскому.

сился на крайне невыгодныя условія Вѣнскаго мира (1737), по которому зять императора, герцогъ Францъ Стефанъ Лотарингскій, промѣнялъ свою родовую землю на Тоскану, упразднявшуюся пресѣченіемъ дома Медичи, Лотарингія и Баръ перешли къ Станиславу, а по смерти его должны были достаться Франціи, и наконецъ Неаполь и Сицилія, въ видѣ особаго королевства, были предоставлены испанскому принцу Донъ Карлосу (§ 638).

Въ теченіе 29 лѣтъ управлялъ потомъ другъ іезуитовъ Станиславъ, съ титуломъ короля, въ Люневилѣ и Нанси, любимый и уважаемый своими подданными, благодѣтельствуя бѣднымъ, поощряя науки и художества, украшая лотарингскіе города [1]. Напротивъ того Польша, подъ державою Фридриха Августа III, склонилась къ совершенному упадку. Такъ-называемый примирительный сеймъ (1736 г., на которомъ объявлено прощеніе виновникамъ всѣхъ прежнихъ бѣдствій) положилъ считать безчестными и опальными всѣхъ тѣхъ, кто безъ особаго разрѣшенія «посполитой рѣчи» введетъ въ предѣлы ея иностранныя войска (слѣдовательно и Саксонскія), и изъ опасенія, чтобъ король не оказалъ какой-нибудь наклонности къ своей прежней вѣрѣ, усилилъ новыми строгостями и безъ того уже тяжкіе законы противъ диссидентовъ. Такую жизнь, какую велъ потомъ король Августъ III, едва ли можно назвать царствованіемъ: развѣ царствуетъ и правитъ тотъ, чья дѣятельность ограничивается однимъ матеріальнымъ существованіемъ? Распри вельможъ превратились при немъ въ настоящія усобицы. Въ общей массѣ народа царствовало грубѣйшее невѣжество, напоминавшее средніе вѣка, а изъ магнатовъ, которыхъ все образованіе часто заключалось лишь въ поѣздкахъ во Францію, рѣдкіе могли блеснуть патріотизмомъ или истиннымъ характеромъ: да и какъ было возникнуть патріотизму или духовной энергіи при томъ воспитаніи, какое они обыкновенно получали? какъ было сохраниться этимъ качествамъ при той суетной, праздной, сластолюбивой жизни, какая господствовала даже между благороднѣйшими изъ нихъ? Первымъ министромъ Августа III былъ любимецъ его графъ Брюль, и оба они старались раболѣпно угождать могущественной Россіи.

---

[1] Добрый король не переставалъ заботиться о своихъ единоземцахъ и на чужбинѣ; онъ воспитывалъ у себя при дворѣ много молодыхъ Поляковъ и положилъ сверхъ того особыя суммы на содержаніе польскихъ воспитанниковъ въ Люневильской военной школѣ, которая имъ же и основана.

§ 653. 4) Пруссія. Фридрихъ Вильгельмъ (1640—88), великій курфюрстъ Бранденбургскій, сильно поднялъ свою державу, отчасти тѣмъ, что доставшіяся его дому новыя области Пруссію и Клеве (§ 563) тѣснѣе соединилъ съ коренным своимъ владѣніемъ и пересоздалъ въ одно цѣлое; частію тѣмъ, что благопріятствовалъ переселеніямъ (особенно французск. гюгенотовъ) изъ другихъ образованныхъ странъ въ провинціи, опустошенныя тридцатилѣтнею войною, и сильно помогалъ развитію промышленности и мирныхъ занятій; наконецъ тѣмъ, что организовалъ значительную вооруженную силу, которая завоевала государству независимое, самостоятельное положеніе. За этимъ прозорливымъ, энергическимъ и благоразумнымъ государемъ слѣдовалъ великолѣпный его сынъ, курфюрстъ Фридрихъ III (1688—1713), почитавшій величайшимъ торжествомъ земнаго величія тотъ внѣшній блескъ, какимъ окружилъ Версальскій дворъ Людовикъ XIV. Поэтому блистательный придворный штатъ казался ему дѣломъ первой важности, всего выше цѣнилъ онъ расточительное мотовство на экипажи, лошадей, гардеробъ и т. п., на блестящіе праздники и церемоніальныя торжества. Съ завистію смотрѣлъ онъ на курфюрстовъ Ганноверскаго и Саксонскаго, которымъ выпало на долю неоцѣнимое въ глазахъ его счастіе носить королевскую корону, и былъ душевно радъ, когда императоръ Леопольдъ выказалъ готовность даровать ему титулъ Прусскаго короля, если онъ обяжется усердно помогать Австріи въ войнѣ за испанское наслѣдство (1700). Послѣ торжественнаго вѣнчанія въ Кёнигсбергѣ (1701), при чемъ курфюрстъ самъ возложилъ корону на себя и супругу свою, остроумную Софію Шарлотту, и послѣ цѣлаго ряда великолѣпныхъ праздниковъ (между прочимъ — учрежденія ордена Чернаго Орла), король Фридрихъ I совершилъ блистательный въѣздъ въ Берлинъ и старался новыми постройками (за̀мка, арсенала, Длиннаго моста, церквей), художественными памятниками (бронзовая конная статуя Фридриха Вильгельма) и насажденіями сдѣлать этотъ городъ настоящею королевскою резиденціей. Науки и искусства нашли себѣ у него поощреніе. Въ потѣшномъ за̀мкѣ Шарлоттенбургѣ, гдѣ очаровательно властвовала королева, покровительница знаменитаго Лейбница[1], всегда собирался кружокъ умныхъ

---

[1] Въ концѣ 17 и въ первой половинѣ 18 вѣка нѣмецкій языкъ и нѣмецкое образованіе находились въ самомъ жалкомъ состояніи. При дворахъ и въ высшемъ обществѣ

и замѣчательныхъ людей; въ Берлинѣ возникли Общество наукъ и Академія художествъ; въ Галле явился цвѣтущій университетъ, отличавшійся благородною свободой мысли, гдѣ дѣйствовали такіе люди какъ Хр. Томазій, основатель Сиротскаго дома Германъ

говорили и читали пофранцузски, и только тотъ могъ разсчитывать на какое-нибудь значеніе, кто образовался въ Парижѣ, при блистательномъ дворѣ Людовика XIV, или былъ воспитанъ французскими выходцами; въ университетахъ господствовалъ латинскій языкъ, ученые профессора считали ниже своего достоинства писать или преподавать на языкѣ простаго народа; въ церквахъ—мертвая, бездушная вѣра въ слова проповѣдывалась на какомъ-то варварскомъ нарѣчіи, а въ дѣловомъ обиходѣ и въ судахъ употреблялись непонятныя выраженія, чуждые законы и безсмысленныя формулы. Положеніе нѣмецкаго народа было отчаянное, чувство народности, самоувѣренности и самоуваженія умерло повидимому совсѣмъ. Но въ то время какъ середней руки таланты и рабскія натуры охотно поддавались духу времени, превозносили и поощряли чужое на счетъ своего, и старались поддержать духовное варварство, съ которымъ вполнѣ сроднились, нѣкоторые даровитые и благородно-мыслящіе люди выступили противъ господствующаго зла и проложили путь новому, національному образованію. Такими преобразователями въ области науки явились Лейбницъ и за нимъ Вольфъ, въ области языка и преподаванія Томазій, въ области религіи и церковныхъ дѣлъ Шпенеръ. Лейбницъ былъ одинъ изъ самыхъ многостороннихъ ученыхъ, одинъ изъ самыхъ геніальумныхъ мыслителей всѣхъ временъ. Начало своему образованію положилъ онъ въ родномъ городѣ своемъ Лейпцигѣ, но собственный трудъ, путешествія, продолжительное пребываніе въ Лондонѣ и Парижѣ и личныя связи съ величайшими умами чужихъ странъ скоро возвысили этого человѣка надъ всѣми его современниками. Позднѣйшіе годы своей жизни провелъ онъ въ Ганноверѣ, гдѣ нашелъ себѣ благосклонную покровительницу въ особѣ умной курфюрстины Софіи. Имъ учреждена Берлинская академія; различные дворы почтили его внѣшними отличіями, титулами, пенсіями; всѣ ученыя общества избрали его въ свои члены. Лейбницъ былъ одинаково знакомъ со всѣми науками, и съ удивительнымъ тактомъ и остроуміемъ попадалъ вездѣ на вѣрный путь, да при этомъ никто не превосходилъ его также въ прилежаніи и дѣятельности. Изученіе юриспруденціи, которой онъ посвятилъ себя сначала, навело его на самыя глубокія изслѣдованія по части государственнаго и международнаго права; своими обширными изысканіями для исторіи Брауншвейскаго дома онъ показалъ историкамъ, сколько новаго можно еще извлечь изъ архивной пыли; его великолѣпно задуманный трудъ «Лѣтописи Нѣмецкой Имперіи», который при кончинѣ автора былъ доведенъ только до 1005 г., оставался къ великому ущербу исторической науки неизданнымъ болѣе столѣтія. Въ математикѣ и естественныхъ наукахъ ознаменовалъ онъ новую эпоху; онъ открылъ дифференціальное счисленіе, обнародованное имъ въ первомъ ученомъ журналѣ Acta eruditorum (который былъ основанъ Оттономъ Менкеномъ), и споръ о первенствѣ этого открытія, поднятый противъ него величайшимъ англійскимъ физикомъ Исаакомъ Ньютономъ, отравилъ ему послѣдній конецъ жизни. Средоточіе философскихъ его убѣжденій составляетъ ученіе о монадахъ и о предуставленной гармоніи. Монадами Лейбницъ называетъ послѣднія, простыя, недѣлимыя субстанціи, лежащія въ основаніи всего сложнаго; онѣ однѣ истинно сущи и бытіемъ своимъ обязаны творчеству Божію. У нихъ есть представленіе и влеченье, у однѣхъ сознательное, у другихъ безъ сознанія; изъ первыхъ развиваются одушевленныя тѣла, имѣющія средоточіемъ центральную монаду,—изъ послѣднихъ обра-

Франке, ученикъ Лейбница Христіанъ Вольфъ и друг., и гдѣ баронъ Канштейнъ учредилъ Библейскую типографію. — Расходы на все это, вмѣстѣ съ расходами на содержаніе значительной арміи для вспоможенія императору, сильно обременяли бѣдную страну; тяжкія подати лежали на среднемъ и крестьянскомъ сословіи, безсовѣстные чиновники злоупотребляли щедростью двора; новый блескъ царствующаго дома готовъ былъ обратиться въ ущербъ государству. По счастію, расточительному Фридриху I наслѣдовалъ бережливый до скупости Фридрихъ Вильгельмъ I (1713—40), во всемъ противоположный своему предмѣстнику. Сынъ продалъ драгоцѣнные камни и утварь, съ такими усиліями собранные отцомъ, и заплатилъ долги вырученною суммой; все напоминавшее роскошь удалено было отъ двора, прислуга ограничена самымъ необходимымъ размѣромъ, всякой

зуются, чрезъ внѣшнюю, пространственную связь, тѣла неорганическія (матерія). Познаніе истины, говоритъ Лейбницъ, основывается на законѣ достаточной причины. Достаточная причина міра есть Богъ, источникъ всего сущаго и возможнаго, откуда исходятъ всѣ монады, и который отъ начала предуставилъ ихъ взаимныя соотношенія. Эту-то присносущую соотвѣтственность во всѣхъ измѣненіяхъ монадъ и называетъ Лейбницъ предуставленною гармоніей. Въ Ѳеодицеѣ старается онъ противъ Бейля доказать, что изо всѣхъ возможныхъ міровъ дѣйствительно существующій есть наилучшій; что зло, какъ существенный предѣлъ всякой конечной вещи, необходимая принадлежность конечнаго міра, и что воля человѣка надѣлена свободою. — Начала этой философіи, изложенныя Лейбницемъ въ разныхъ сочиненіяхъ, собралъ ученикъ его Вольфъ и привелъ въ систему, отличающуюся педантизмомъ метода и математическимъ способомъ доказательствъ. Одною изъ главныхъ заслугъ Вольфа (1679—1754) было то, что онъ примѣнилъ нѣмецкій языкъ къ изложенію ученыхъ предметовъ, и это всего болѣе способствовало къ великому распространенію и прочному вліянію лейбницъ-вольфовской системы.—Еще важнѣе въ отношеніи къ нѣмецкому языку была заслуга Христіана Томазія (1655 — 1728), который, ставъ приватъ-доцентомъ (частнымъ преподавателемъ) въ Лейпцигѣ, написалъ программу на нѣмецкомъ языкѣ, въ которой приглашалъ Нѣмцевъ подражать Французамъ какъ слѣдуетъ, то-есть обработывать, по ихъ примѣру, свой собственный языкъ, а потомъ читалъ по-нѣмецки философскія лекціи, шевелившія умы молодежи, писалъ популярныя сочиненія и сталъ издавать первый Нѣмецкій журналъ (1688 — 90), въ которомъ остроумно критиковалъ новѣйшія явленія литературы и старался вытѣснить господствовавшую на каѳедрѣ и въ учебникахъ варварскую латинь. Когда противникамъ удалось выжить его изъ Лейпцига, онъ съ толпою преданныхъ студентовъ перешелъ въ Галле, гдѣ дали ему профессуру права и гдѣ онъ могъ еще настойчивѣе преслѣдовать свою цѣль. Сочиненіемъ своимъ **De crimine magiae**, въ послѣдствіи переведеннымъ по-нѣмецки, онъ нанесъ такой страшный ударъ обычнымъ тогда судамъ надъ вѣдьмами, что послѣ этого большая часть судилищъ стыдились пятнать себя участіемъ въ подобныхъ процессахъ. Къ сожалѣнію гораздо менѣе удачны были нападенія его на пытку, къ которой такъ часто прибѣгали въ то время при уголовныхъ слѣдствіяхъ.

излишній расходъ былъ устраненъ. Образъ жизни короля и двора сталъ совершенно мѣщанскимъ; столъ былъ самый простой, королева и ея дочери должны были заниматься домашнею работой. Такая же простота завелась въ одеждѣ и утвари. Мѣсто остроумныхъ обществъ, которыя собирали вокругъ себя Фридрихъ I и его супруга, заступилъ такъ-называемый Табачный коллегіумъ, гдѣ Фридрихъ Вильгельмъ и его «пріятели» грубо потѣшались насчетъ какихъ-нибудь простяковъ или притворныхъ дурней, и каждый долженъ былъ сидѣть съ трубкою въ зубахъ; всѣхъ оперныхъ пѣвцовъ и актеровъ распустили; стихотворцы, художники и ученые лишены были своихъ окладовъ, или частію или совсѣмъ; Христіанъ Вольфъ, котораго философія оскорбляла благочестивыхъ правовѣровъ, получилъ приказаніе, «подъ страхомъ висѣлицы», выѣхать изъ Галле въ 24 часа. Но сколько бы ни порицали короля за жестокосердіе, скупость, домашнее тиранство, за грубый тонъ и взбалмошныя выходки, за презрѣніе ко всякой образованности, наукѣ и нравственному утонченію, нельзя однакожь не признать, что его энергическій характеръ, здравый умъ и бережливое хозяйство придали юной Прусской державѣ много силы и прочности. Чтобы поднять городское и сельское сословіе, онъ отмѣнилъ самые обременительные налоги и справедливѣе распредѣлилъ податную систему; лэнныя помѣстья дворянъ обратилъ онъ въ родовыя отчины и вмѣсто прежней поставки въ военное время лошадей обложилъ ихъ постояннымъ налогомъ; онъ распространилъ Берлинъ, сдѣлалъ Потсдамъ значительнымъ городомъ и отстроилъ разныя выгорѣвшія и пришедшія въ упадокъ мѣстности; онъ покровительствовалъ фабрикамъ и ремесламъ и, для поощренія туземной промышленности, запретилъ ввозъ иностранныхъ издѣлій, но при этомъ до того стѣснилъ личную свободу своихъ подданныхъ, что на улицѣ срывалъ съ женщинъ платья изъ привозной бумажной матеріи, и при домовыхъ осмотрахъ велѣлъ снимать съ кроватей выбочайтые пологи; онъ былъ отъявленный врагъ новаго Французскаго образованія и моды и не терпѣлъ въ своихъ владѣніяхъ ни пріѣзжихъ изъ Франціи остроумцевъ, ни языкоучителей, ни танцмейстеровъ; вмѣстѣ съ старинною одеждой и отечественными нравами думалъ онъ уберечь нѣмецкую скромность, чливость и прадѣдовское благочестіе. Иностранные переселенцы, способные и готовые заняться земледѣліемъ и промыслами, находили у него покровительство и пріютъ; обыкновенно столь бережливый монархъ не пожалѣлъ милліоновъ на помощь протестантамъ, согнаннымъ съ роднаго пепелища изувѣрнымъ епископомъ зальцбург-

скимъ (§ 655). — Всѣ поступки этого чудного государя обличаютъ грубую, часто жесткую натуру, но вмѣстѣ прямодушіе, правдивость и такой практическій умъ, который не давалъ обмануть себя пустою шумихой, но во всѣмъ доходилъ до основанія. Полиція его была деспотическая, правосудіе часто вдавалось въ произволъ, личная свобода имъ не уважалась, но при дворѣ господствовала чисто гражданская добродѣтель и гражданская простота; цѣлью государя было благоденствіе народное; нѣмецкій добросовѣстный трудъ находилъ себѣ у него оцѣнку и не вытѣснялся чуждыми блестками; вотъ отчего и малый и большой охотно склонялись подъ строгою лозою Фридриха Вильгельма и изъ-за возрастающаго благоденствія всѣ позабывали отсутствіе свободы. Король доказывалъ своимъ собственнымъ примѣромъ, какъ много можно сдѣлать бережливостью, осмотрительнымъ хозяйствомъ и употребленіемъ въ пользу всѣхъ наличныхъ силъ; ибо не смотря на то, что онъ издерживалъ громадныя деньги на свою потсдамскую гвардію, для которой изо всѣхъ странъ Европы вербовали и выкрадывали ему самыхъ долговязыхъ молодцовъ («lange Kerle»), не смотря на то, что онъ учредилъ кадетскій корпусъ, сиротскій домъ, больницу и разныя другія полезныя заведенія и купилъ у Шведовъ Померанію за значительную по тогдашнему сумму (§ 649), умирая онъ оставилъ по себѣ болѣе осьми милліоновъ запасной казны, множество серебряной посуды, благоустроенный и пріумноженный государственный доходъ и значительную военную силу, отлично организованную и обученную княземъ Леопольдомъ Дессаускимъ («старикомъ Дессауцемъ», какъ его обыкновенно называли). — Страхъ передъ грознымъ королемъ, который самъ входилъ во все и строго наказывалъ за малѣйшее отступленіе отъ своихъ приказаній, побуждалъ всѣхъ чиновниковъ, не смотря на значительное пониженіе ихъ окладовъ, къ самому точному выполненію служебной обязанности. Во всемъ своемъ быту и дѣйствіяхъ Фридрихъ Вильгельмъ походилъ на кремня-помѣщика, натуру безъ образованія, но и безъ порчи. Дикіе охотничьи подвиги въ Вустергаузенскомъ лѣсу, которые онъ страстно любилъ въ лучшіе свои годы, пришлось ему впослѣдствіи оставить за чрезмѣрной толщиной; тогда онъ сталъ заниматься у себя въ комнатѣ токарными и другими ручными работами.

§ 654. Юность Фридриха II. Фридрихъ II (род. 1712) былъ во многомъ прямою противуположностью своего отца. Тогда какъ тотъ предавался дикой охотничьей удали, или велъ грубую бесѣду съ окружающими, даровитый, геніальный принцъ занимался чтеніемъ французскихъ

писателей и игрою на флейтѣ, которую любилъ страстно. Разность ихъ натуръ поселила рознь между ними. Фридрихъ оскорблялся семейною тираннiей отца, его грубостью, жестокимъ обхожденiемъ съ прислугой и солдатами; въ душѣ его укоренилось ко всему этому непреодолимое отвращенье, и какъ Фридрихъ Вильгельмъ, раздраженный тѣмъ, что сынъ хочетъ идти другою дорогой, силился строгимъ примѣненiемъ отеческой власти удалить его отъ этого пути, то взаимныя холодность и нерасположенiе росли съ годами, а когда отецъ изъ упрямства не дозволилъ ему вступить въ задуманный бракъ съ одною англiйской принцессой, или, по другимъ извѣстiямъ, съ Марiею-Терезiей австрiйскою, то Фридрихъ, сговорясь съ нѣсколькими молодыми друзьями, рѣшился избавиться бѣгствомъ отъ отцовскаго самовластiя (1730). Поѣздка короля на Рейнъ повидимому представляла удобный случай. Но перехваченное письмо Фридриха къ его повѣренному, поручику фонъ-Катте, обнаружило заговоръ. Король вышелъ изъ себя отъ ярости. Наслѣднаго принца, приговореннаго военнымъ судомъ къ смерти, какъ дезертира, велѣлъ онъ посадить въ крѣпость Кюстринъ, а Катте казнить передъ его окнами; всѣ, на кого король имѣлъ хотя малѣйшее подозрѣнiе въ соумышленiи съ Фридрихомъ, были тяжко наказаны этимъ ревнивымъ къ своей семейной власти отцомъ. Сестру принца (въ послѣдствiи маркграфиню Байрейтскую, извѣстную своими Записками) раздраженный родитель просто избилъ по зубамъ. Только когда Фридрихъ обратился къ отцу съ раскаянными мольбами о прощенiи и императоръ Австрiйскiй ходатайствовалъ за виновнаго, его освободили изъ крѣпости, но онъ долженъ былъ проработать нѣсколько времени въ кюстринской палатѣ коронныхъ имуществъ прежде чѣмъ возвратили ему мундиръ и шпагу. Вслѣдъ за тѣмъ состоялось бракосочетанiе Фридриха съ принцессою Брауншвейгъ-Бевернской, но могучая душа его находила мало удовольствiя въ тѣсныхъ рамахъ семейной жизни; онъ рѣдко видался съ женой, особенно послѣ того какъ отецъ предоставилъ ему на жительство городокъ Рейнсбергъ [1], гдѣ въ кругу умныхъ, образованныхъ и свободномыслящихъ друзей (Кейзерлинга, Жордана, Шазо́, Фукѐ и друг.) онъ велъ жизнь, услаждаемую остротами, шутками, непринужденною бесѣдой, и облагороживаемую дѣльнымъ, многостороннимъ изученiемъ. Онъ читалъ древ-

[1] Въ нынѣшнемъ Потсдамскомъ округѣ, въ 75 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Берлина.

нихъ во французскихъ переводахъ и почерпалъ изъ нихъ благородное славолюбіе соревновать греческимъ и римскимъ героямъ въ великихъ подвигахъ и высокомъ образованіи ума; онъ удивлялся французской литературѣ и питалъ такое уваженіе къ Вольтеру, что писалъ къ нему самыя лестныя письма и считалъ величайшимъ счастіемъ личную бесѣду съ такимъ геніемъ; съ значительнѣйшими учеными и писателями туземными и иностранными вступилъ онъ въ переписку. Не мудрено, что воцареніе его (1740) принято было во всей Европѣ за важное событіе, тѣмъ болѣе что дѣйствія его съ самого начала обнаружили въ немъ великаго и либеральнаго правителя. — Исполинская гвардія отца была распущена и расходованныя на нее деньги употреблены съ большею пользой. Философъ Вольфъ былъ вызванъ изъ Марбурга обратно въ Галле, потому что Фридрихъ не хотѣлъ ни кого тѣснить за образъ мыслей. Вольтеръ посѣтилъ короля и въ послѣдствіи прожилъ въ Берлинѣ довольно долго; но личное короткое знакомство съ этимъ человѣкомъ, обнаружившее его своекорыстную, себялюбивую и суетную натуру, его сердце, полное зависти и озлобленія, много повредило ему въ глазахъ короля. Безпощадный насмѣшникъ, не умѣвшій сдержать ни одной остроты, ни одной ѣдкой выходки, какъ бы ни была она оскорбительна, былъ собесѣдникомъ не по душѣ государю съ такимъ (дѣльнымъ) характеромъ, какъ Фридриховъ. Способнѣе къ этому были не столь значительные умы, какъ напримѣръ остроумный шутникъ Ла Метрй, изгнанный за вольномысліе изъ Франціи, или философъ-матеріалистъ д'Аржансъ. Французскій математикъ Мопертюй сдѣланъ былъ президентомъ академіи наукъ въ Берлинѣ, которую Фридрихъ принялъ опять подъ верховное покровительство.

§ 655. Церковныя дѣла.—а) Гоненія. Перемѣны религіи. Попытки къ церковному единенію. Постановленія Вестфальскаго мира не помѣшали іезуитамъ и сторонникамъ Рима стараться по прежнему всѣми средствами о обращеніи протестантовъ и нарушать мирное сожительство различныхъ вѣроисповѣданій. Нѣкоторыя католическія правительства (наприм. австрійское) продолжали отказывать своимъ иновѣрнымъ подданнымъ въ свободномъ отправленіи богослуженія и совершеніи таинствъ и такимъ образомъ водворять церковное единство въ своихъ владѣніяхъ. Въ Австріи переходъ изъ протестантства въ католичество былъ вѣрнѣйшимъ путемъ къ высокимъ должностямъ и званіямъ, какъ доказали примѣры цесарскихъ совѣтниковъ Бартенштейна и Визенхютера и фельдмаршала Трауна. А гдѣ

твердость въ вѣрѣ противилась и ревности обращенія и соблазнамъ, тамъ (какъ наприм. въ Силезіи и друг. м.) прибѣгали къ высылкамъ за границу. Трансильванія служила австрійскимъ евангеликамъ и убѣжищемъ и мѣстомъ ссылки. Въ Зальцбургѣ съ самаго 16 вѣка терпѣлись закрытыя общины протестантовъ, какъ прилежныхъ и трудолюбивыхъ людей, пока архіепископъ Фирміанъ не вздумалъ обращать ихъ насильно (1729). Въ уединенной тѣснинѣ Шварцаха, передъ разсвѣтомъ одного воскреснаго дня, сто старшинъ присягнули на Дарахъ и на «освященной соли» въ вѣрности тріединому Богу, евангелическому исповѣданію, и чувствамъ братолюбія въ общемъ горѣ. Въ силу архіепископскаго патента они были безпощадно изгнаны изъ своихъ жилищъ (31 окт. 1731); около 20,000 этихъ несчастныхъ нашли себѣ пріютъ въ Пруссіи, гдѣ потомки ихъ живутъ и до сихъ поръ особнякомъ среди литовскаго населенья. Въ слѣдующемъ году триста человѣкъ, съ помощью Англичанъ, были перевезены въ новую тогда колонію Георгію и надѣлены землею. Потомство ихъ прилежаніемъ, бережливостью и семейными добродѣтелями достигло благоденствія. — Реформаты всего болѣе терпѣли въ Палатинатѣ, подъ державой католическихъ курфюрстовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ угнетеніямъ былъ приданъ видъ права тою статьей Ризвикскаго трактата (§ 626), что богослуженіе должно оставаться въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оно было при французскомъ занятіи. Жалобы пфальцскихъ реформатовъ на притѣсненія и обиды непрерывно раздавались на Регенсбургскомъ сеймѣ, который съ 1663 г. сдѣлался постояннымъ и гдѣ послы протестантскихъ чиновъ (такъ называемый корпусъ евангеликовъ) составляли для нихъ совершенно безсильную защиту. Когда однажды нѣсколько протестантскихъ державъ, Англія, Голландія, Пруссія, вздумали заступиться за угнетаемыхъ гейдельбергскихъ гражданъ и настояли, чтобъ курфюрстъ Карлъ Филиппъ возвратилъ кальвинистамъ отнятую у нихъ церковь Св. Духа и дозволилъ употреблять Гейдельбергскій катехизисъ (1720), то онъ отмстилъ за это Гейдельбергу перенесеніемъ своей резиденціи въ Мангеймъ. Бо́льшая часть церковнаго имущества досталась въ руки сторонниковъ привилегированной церкви, а соблазнъ, насиліе и мірскія выгоды многихъ увлекли къ отступничеству. — Кромѣ притѣсненія евангеликовъ, особенно могучимъ средствомъ къ поощренію католицизма и къ поддержанію розни въ Германіи служилъ переходъ нѣкоторыхъ государей въ лоно римской церкви. Саксонія получила католическихъ правителей надолго, если не на-

всегда; временно получили ихъ Брауншвейгъ (въ лицѣ Антона Ульриха, 1710), Вюртембергъ (въ лицѣ сластолюбиваго и расточительнаго Карла Александра); пфальцъ-цвейбрюкенскій домъ, обладающій теперь баварскимъ престоломъ, перешелъ къ католицизму въ первой половинѣ 18 столѣтія. Такъ какъ со времени Людовика XIV подобныя перемѣны религіи считались признакомъ тонкаго образованія и хорошаго тона, то въ высшихъ кругахъ онѣ происходили теперь все чаще и чаще.

Попытки привести къ церковному единенію мирнымъ путемъ сближенія религіозныхъ разногласій были въ 17 и 18 вѣкахъ столь же малоуспѣшны какъ и въ эпоху реформаціи. Когда во время тридцатилѣтней войны гельмштедтскій профессоръ Калокстъ, благородной души человѣкъ, многосторонне образовавшій себя книгами и путешествіями, старался придать богословію болѣе свободное направленіе, поставилъ нравственную жизнь выше одной вѣры въ букву «формулы согласія» и считалъ соединеніе различныхъ исповѣданій дѣломъ возможнымъ, если только всѣ возвратятся къ положеніямъ соборовъ пяти первыхъ вѣковъ христіанства и ими ограничатся, то такъ-называемые правовѣры подняли на него страшный содомъ. Стремленіе его назвали смѣсью всѣхъ религій (синкретизмомъ), видѣли въ немъ затаеннаго паписта и возставали всѣми силами противъ религіозной бесѣды въ Торнѣ (1645), имѣвшей цѣлью общее примиреніе. Калокстъ нашелъ защиту у своихъ государей и былъ по достоинству оцѣненъ высшими сословіями Германіи и другихъ странъ; но переходъ нѣкоторыхъ его учениковъ въ католическую церковь оправдалъ опасеніе и гнѣвъ виттенбергскихъ его противниковъ [1]. Въ слѣдующемъ поколѣніи одинъ изъ величайшихъ ученыхъ и мыслителей всѣхъ временъ, Лейбницъ, взялся опять за мысль соединенія разныхъ вѣроисповѣданій и вошелъ по этому поводу въ сношеніе съ знаменитымъ католическимъ богословомъ Боссюэтомъ; однакожь онъ вскорѣ убѣдился въ безуспѣшности подобнаго стремленія до тѣхъ поръ пока Римъ будетъ смотрѣть на протестантовъ какъ на заблудшихъ отщепенцевъ, которые могутъ достигнуть примиренія только раскаяннымъ возвратомъ въ лоно единой ублажающей церкви. Онъ также навлекъ себѣ (неосновательное) подозрѣніе въ затаенномъ католицизмѣ. Попытки единенія евангелическаго исповѣда-

---

[1] Виттенбергъ сталъ въ 17 вѣкѣ средоточіемъ тупаго протестантскаго ригоризма.

нія съ реформатскимъ особенно производились изъ Бранденбурга, но и онѣ не увѣнчались успѣхомъ. Старанія кальвинистскаго курфюрста (съ 1613, § 563) постепенно достигнуть соединенія смягченнымъ изложеніемъ разногласныхъ догматовъ сокрушились о чрезмѣрную ревность лютеранскаго духовенства и земскихъ чиновъ. Однакожъ усиленная многочисленными переселеніями кальвинистовъ реформатская церковь наконецъ признана была равноправною на ряду съ лютеранской.

656. б) Піэтисты, Гернгутеры. Методисты. — При томъ направленіи, какое принято было протестантскимъ богословіемъ съ Вестфальскаго мира, возникала существенная опасность, чтобъ изъ-за безплодной вѣры въ букву символическихъ книгъ, мало-по-малу совершенно вытѣснившихъ изъ новой церкви Евангеліе, не утратилось въ конецъ христіанское житіе и теплота истинно-религіознаго чувства. Оживленіе того и другаго чрезъ прилежное изученіе Библіи было предметомъ усилій родившагося въ Страсбургѣ, дѣйствовавшаго во Франкфуртѣ и Дрезденѣ и умершаго пасторомъ въ Берлинѣ Филиппа Іакова Шпенера (1635—1705) съ его друзьями и приверженцами, которые за преувеличенное заявленіе своего благочестія во внѣшнемъ быту прозваны были піэтистами. — Шпенеровы домашнія сходки (collegia pietatis съ 1670) пробудили задушевное чувство вѣры назидательнымъ объясненіемъ Св. Писанія и христіанскою бесѣдой. Его «благочестивыя желанія» ободряли къ преобразованію повредившейся церкви: онъ говорилъ, что Писаніемъ должно возсоздать истинную церковь и воспитать духовенство къ богоугодной дѣятельности, дабы проповѣдуемое въ апостольской простотѣ христіанство снова стало религіею сердца и дѣла, а не однихъ словъ. Шпенеръ, среди жестокихъ нападеній со стороны поборниковъ символической буквы лютеранизма, старался и словомъ и дѣломъ, и проповѣдью, и катехетическимъ преподаваніемъ, и назидательными сочиненіями, особенно же содѣйствіемъ основаннаго по его мысли младшими учеными въ Лейпцигѣ общества для истолкованія и благочестиваго примѣненія Слова Божія (1687), пробудить религіозное чувство, христіанскій образъ мыслей и задушевное вѣрованіе, и совершенно устранить весь теологическій наборъ словъ. — Изъ учениковъ Шпенера всѣхъ болѣе отличился Германъ Франке († 1727); его лекціи о Новомъ Завѣтѣ, прилежно посѣщаемыя студентами и гражданами до того не понравились ревнителямъ

символическаго ригоризма, что они успѣли выжить его изъ Лейпцига. Переселеніе Франке и также вытѣсненнаго изъ Лейпцига либеральнаго Христіана Томазіуса въ Галле подало поводъ къ учрежденію Галльскаго университета (§ 653), гдѣ Франке ревностно старался проповѣдью, толкованіемъ Библіи и назидательными сочиненіями воз-создать богоугодную жизнь, дать въ руки народу Св. Писаніе, и въ школѣ и въ домашнемъ быту водворить христіанскій образъ мыслей. Основанный имъ Сиротскій домъ справедливо названъ «побѣднымъ памятникомъ упованія на Бога и любви къ человѣчеству». Такимъ же духомъ оживлялся богатый страхомъ Божіимъ и христіанскою доблестью Готфридъ Арнольдъ (1666 — 1714), который въ своихъ духовныхъ гимнахъ противопоставилъ религіозное чувство пустой выло-щенности Французовъ, а въ своей безпристрастной исторіи церкви и ересей ратовалъ противъ тогдашней церковной системы и школьной догматики, стараясь доказать, что господствующая церковь часто была менѣе проникнута истинно-христіанскимъ настроеніемъ, чѣмъ гонимыя и подавляемыя секты. Эта книга, писанная задушевнымъ языкомъ и въ духѣ искренняго благочестія, возбудила цѣлую бурю по-хвалъ и возраженій. Въ своей «Жизни вѣрующихъ» и въ «Исторіи и описаніи мистической теологіи, или таинственнаго богословія» Арнольдъ показалъ, какъ богата внутренняя жизнь людей, неослабно стремящихся къ высшей цѣли. Арнольдовы церковно-историческіе разсказы побудили ученаго Мосгейма († 1755) къ подобнымъ же изслѣдованіямъ, изъ чего возникла первая церковная исторія въ научной формѣ. — Вначалѣ, стремленія и дѣятельность піэтистовъ, возвратившихъ протестантамъ завоеванныя Лютеромъ преимущества, были въ высшей степени благотворны. Они говорили сердцу народа библейскимъ языкомъ и ратовали за свободу вѣры отъ гнета школьныхъ богослововъ и консисторій и за пробужденіе истинной религіозности; но когда противники ихъ, побѣжденные духомъ времени, совершенно замолкли съ своей стороны, тогда вмѣстѣ съ свободнымъ преобразовательнымъ направленіемъ піэтизмъ утратилъ свою прежнюю энергію и явился слабосердою религіей чувствительности, съ боязненнымъ удаленіемъ отъ всякой мірской отрады. Высокомѣрный духъ сектаторства, основанный на вѣрѣ въ духовное возрожденіе, заступилъ мѣсто прежней простоты сердца и христіанской любви и привелъ наконецъ къ тому, что піэтизмъ исчезъ въ какомъ-то

нравственно-ослабляющемъ сознаніи грѣха, безъ радостной, ободрительной силы вѣры, и перешелъ въ одностороннюю систему боязной и убѣгающей міра жизнедѣятельности.

Форму общиннаго устройства піэтизмъ получилъ въ учрежденной графомъ Цинцендорфомъ (1700 — 60) гернгутерской братской общинѣ. Богемскіе и Моравскіе Братья, бѣжавшіе отъ религіозныхъ гоненій Австріи, поселившіеся въ имѣніяхъ графа въ Лузаціи и выстроившіе деревню Гернгутъ, составили основаніе учрежденнаго самимъ Цинцендорфомъ религіознаго общества (1722), которое по догмату примыкало къ Аугсбургскому исповѣданію, но приняло особое церковно-политическое устройство и ввело строгое церковное благочиніе, основанное на близкомъ знакомствѣ съ каждымъ изъ членовъ общины. Мягкій, пустословный, обильный чувственными образами и уподобленіями языкъ гернгутеровъ (таково наприм. частое упоминаніе о язвахъ агнца, подъявшаго грѣхи міра и проч.) сообщилъ ихъ рѣчамъ и гимнамъ какой-то сладимо-томный отпечатокъ, тогда какъ они имѣли въ виду непосредственное изліяніе вѣрующаго сердца. Чтобы облегчить доступъ къ братству для всѣхъ протестантскихъ исповѣданій, Цинцендорфъ допустилъ три толка (трòпа) догматовъ,—моравскій, лютеранскій и реформатскій; потому что сущность братскаго единенія должна была заключаться не въ особности догмата, а въ христіанскомъ отпечаткѣ, религіозномъ настроеніи и самой задушевной любви къ Спасителю. Нѣмецкій элементъ братства преимущественно выработалъ сторону тихой домашней жизни, а моравскій, у котораго страданіе и подвигъ во славу Господа стали можно сказать второю натурой, взялся за странничество, для стяжанія Спасителю заблудшихъ душъ. Провозвѣстники вѣры (миссіонеры) разнесли убѣжденія гернгутеровъ по чужимъ краямъ и къ язычникамъ Вестъ-Индіи, Африки и Америки; языческая миссія стала существенною принадлежностью ихъ братства. Гернгутеры пересаждали свою тихую домовитость, свою семейную, ремесленную и промышленную жизнь къ полудикимъ язычникамъ, чтобы сначала представить имъ образецъ и дать первыя основанія для высшаго порядка христіанской, семейной жизни и трудовой дѣятельности.—Устройство церковнаго братства гернгутеровъ было таково. Во главѣ общины старшины, епископы и діаконы, а сама она образуетъ нѣсколько «хоровъ», раздѣленныхъ по возрастамъ, поламъ и брачному или холостому состоянію. У каждаго хора есть хороначальникъ (Chorherr), руководящій душеспасеніемъ и молитвами. Все брат-

ство въ совокупности управляется думою старшинъ (Aeltesten-Conferenz), назначаемыхъ каждое 7—10-тилѣтіе общимъ или генеральнымъ синодомъ.—Церковное благочиніе соблюдается строго. Безнравственныхъ членовъ сначала настоятельно увѣщеваютъ исправиться; если же это не поможетъ, то лишаютъ причастія, а наконецъ и совершенно исключаютъ изъ общины. Строгое соблюденіе церковныхъ уставовъ при частыхъ молитвахъ и причащеніи, соединенное съ трудолюбіемъ, опрятностью и удаленіемъ отъ свѣтской моды, отъ всякихъ увеселеній и игръ—вотъ средства къ поддержанію церковнаго настроенія и безукоризненнаго образа жизни. Члены общины живутъ раздѣльно по поламъ, и браки заключаются только съ согласія старшинъ. Торговля, прилежный промышленый трудъ и бережливость порождаютъ у нихъ благосостояніе. Общинная казна, состоящая подъ вѣдѣніемъ старшинской думы служитъ для вспоможенія миссіямъ и для поддержки интересовъ братства. — При воспитаніи Община болѣе заботится о томъ, чтобъ изъ юношей вышли благочестивые, нравственные и дѣятельные люди, нежели о научномъ образованіи.

Возбужденіе, сообщенное германскому протестантизму піэтистами, англійская церковь въ свою очередь испытала отъ методистовъ. Первоначально это было общество благочестивыхъ студентовъ, собиравшихся въ Оксфордѣ вокругъ Джона Весли († 1791) и по своему «педантизму въ исполненіи правилъ нравственной жизни» прозванныхъ методистами; но вскорѣ они достигли обширнаго круга дѣятельности благодаря своему нравственному поведенію и заботливости о низшемъ классѣ народа въ Англіи и въ Америкѣ. Рядомъ съ Весли основателемъ и блюстителемъ методистскаго христіанства былъ ревностный проповѣдникъ Вайтфильдъ († 1770). Методисты не отдѣлялись отъ англійской епископальной церкви, но скорѣе старались служить ей «дрожжами отъ застоя»; только тамъ, гдѣ запирались для нихъ храмы Божіи, проповѣдывали они подъ открытымъ небомъ или строили себѣ собственныя молельни, называемыя скиніями. Сильно преслѣдуемые англиканскимъ духовенствомъ, основали они наконецъ особое религіозное общество, отличавшееся строгимъ церковнымъ чиномъ, подъ вѣдѣніемъ синодовъ и суперинтендентовъ (главныхъ блюстителей). Основными догматами методистовъ были растлѣніе естественнаго человѣка, искупленіе смертію Христа-Спасителя, покаяніе и возрожденіе. Началомъ новой богоугодной жизни почитаютъ они «замѣчаемый въ сознаніи и часто бурно проявляю-

щійся въ самомъ тѣлѣ переходъ или прорывъ къ благодати». Расчлененіе общины по разрядамъ и подраздѣленіямъ одинаково у нихъ съ гернгутерами. Въ воззрѣніи на предъизбраніе благодатью распались они на кальвинистскихъ вайтфильдіанцевъ и арминіанскихъ весліанцевъ (§ 531). Методисты заботились о бѣдномъ, безпомощномъ народѣ и разносили вестъ-индскимъ и американскимъ невольникамъ утѣшеніе Евангелія и надежду искупленія.

Около того же времени Эмануилъ Сведенборгъ (1688—1772), многосторонній стокгольмскій ученый, извѣстный дѣльными сочиненіями о механикѣ и горнозаводствѣ, основалъ такъ-называемую Новоіерусалимскую церковь. Глубокое изысканіе тайнъ природы, внутреннія религіозныя борьбы и прилежное изученіе мистическихъ сочиненій Іакова Бёме (§ 552. а.) и другихъ такого рода писателей, привели его къ убѣжденію, что онъ сподобленъ общенія съ духами, съ которыми, вѣроятно въ магнетическомъ состояніи, онъ сносится то въ небѣ, то въ аду. Созерцаемое тамъ въ духѣ (видѣнія) повѣдалъ онъ свѣту съ замѣчательнымъ остроуміемъ, пока, чрезъ откровеніе, будто бы явленное ему самимъ Богомъ, не почувствовалъ призванія, «для спасенія христіанства отъ упадка, который постигъ его со времени никейскаго собора, основать Новоіерусалимскую церковь, какъ третій завѣтъ Господень и новое возрожденіе Христа.» Воззрѣнія его сильно распространены въ Швеціи; сѣверный провидѣцъ нашелъ себѣ многихъ ревностныхъ приверженцевъ въ Вюртембергѣ; въ Англіи и въ сѣверной Америкѣ нѣкоторыя церковныя общества образовались по его началамъ, которыхъ послѣдній исходъ «фантастическій раціонализмъ», почему иные изъ его послѣдователей склонились «къ вѣрѣ въ таинственныя явленія природы и духовной жизни», а другіе смотрѣли на христіанство, какъ на религію чистаго разума.

Въ католической церкви новые ордены старались противодѣйствовать религіозному усыпленію и индиферентизму оживленіемъ древней аскетики и строгаго соблюденія всѣхъ догматическихъ различій. Орденъ траппистовъ, учрежденный французскимъ аббатомъ ла Рансè († 1700 въ монастырѣ Ла Траппѣ [1], былъ возстановленіемъ

---

[1] Это древній цистерціанскій монастырь, основанный еще въ половинѣ 12 вѣка на крайнемъ рубежѣ Нормандіи (въ нынѣшнемъ департаментѣ р. Орны). Аббатъ Ла Рансè, пораженный распущенностію нравовъ тамошнихъ иноковъ, возобновилъ въ 1662 г. уставъ цистерціанцевъ съ усиленной строгостью.

первобытнаго цистерціанскаго ордена (§ 321) съ добавочными правилами воздержанія, доходившими до того, что даже отрада бесѣды и науки была воспрещена инокамъ. — Чтобы пособить пренебреженному во Франціи народному обученію, де ла Салль учредилъ (1688), съ пожертвованіемъ всего своего имущества и преодолѣвъ бездну препятствій и нападокъ, общество Братьевъ христіанскихъ школъ (прозванныхъ потомъ въ насмѣшку «Братьями невѣжества», frères ignorantins) преимущественно для подготовки учителей. — Благодаря Неаполитанцу Лигори († 1787), для котораго «воля папы была Божіей волею», составилась конгрегація пресвятаго Спаса (такъ называемые редемптористы[1], лигоріанцы, 1732), нѣчто сродственное іезуитамъ, которые потомъ нашли себѣ у нихъ надежную помощь и прибѣжище. Къ обществамъ безъ иноческихъ обѣтовъ присоединились сестры поклоненія сердцу Іисуса и Маріи, — родъ чувственнаго почитанія, которое іезуиты совѣтовали допустить по просьбѣ замечтавшихся о любви монахинь и которое, съ утвержденія папы (1765), было наконецъ водворено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

§ 656. в) Германскіе дворы. Въ первой половинѣ 18 вѣка Германія была въ глубокомъ уничиженіи. Множество мелкихъ дворовъ, подражавшихъ въ пышности и расточительности блистательному королевскому двору въ Версалѣ, оказывали печальное вліяніе на общественный бытъ, на нравы и мнѣнія, на характеръ и образованіе народа. — При безсиліи императора и маломъ значеніи имперскихъ сеймовъ и судовъ, безчисленные державцы и непосредственные лэнники имперіи пріобрѣли совсѣмъ независимое положеніе и пользовались верховными правами почти неограниченно. Суетные и ревнивые, они постоянно силились перещеголять другъ друга въ великолѣпіи дворовъ, въ роскоши праздниковъ, въ дорогихъ постройкахъ, садахъ и собраніяхъ художественныхъ произведеній. Резиденціи и княжескіе потѣшные зáмки размножались съ каждымъ годомъ; каждый владѣтель содержалъ бóльшее или меньшее число наемныхъ войскъ, набранныхъ отовсюду плутами-вербовщиками, и цѣлыя стаи лакеевъ, придворныхъ служителей, конюховъ, камердинеровъ и всякаго рода дворни; масса надворныхъ совѣтниковъ, чиновниковъ и писцовъ наполняла столицы и высасывала изъ народа мозгъ и кровь; фаворитки и фавориты, актрисы и пѣвицы роями облѣпляли всѣ дворы, оказывая зловреднѣйшее вліяніе на правитель-

---

[1] То-есть Спасовцы.

ство и обогащаясь продажею мѣстъ, милостей и протекцій. Тогда какъ при дворахъ и въ чертогахъ знати одно роскошное празднество смѣнялось другимъ, тогда какъ грубое чревоугодіе и внѣшній блескъ истощали всѣ средства края,—ремесленникъ и селянинъ разорялись гнетомъ податей, поборами и повинностями, таможенными и судебными пошлинами, и доводились до совершеннаго отчаянья безсовѣстными чиновниками, адвокатами и судьями. Не довольно того, что у земскихъ чиновъ отняли право распоряжаться налогами: хотѣли сдѣлать невозможною всякую попытку къ законному сопротивленію прихотямъ самовластія. Вездѣ господствовалъ произволъ и притѣсненіе слабаго сильнымъ. Нѣмецкая добросовѣстность и прямота не уважались высшими кругами и ставились ни во что передъ французскимъ остроуміемъ и легкомысліемъ; нѣмецкая народность исчезла въ этихъ кругахъ вполнѣ, языкъ, литература, нравы и моды Франціи пользовались безспорнымъ владычествомъ. Кто хотѣлъ слыть за тонкообразованнаго человѣка, непремѣнно долженъ былъ говорить пофранцузски[1]. Естественность, свобода и человѣческое достоинство стали невѣдомы. Какъ огромные парики, фижмы, напудренные волоса и вся безвкусица одежды уродовала фигуру человѣка до такой степени, что ея нельзя было узнать, такъ и характеръ и значеніе лица опредѣлялось только по его чину, ордену и титулу.—Въ Палатинатѣ съ 1716 по 1742 правилъ курфюрстъ Карлъ Филиппъ, братъ и преемникъ Іоанна Вильгельма (1690—1716), жестокаго притѣснителя пфальцскихъ протестантовъ. Карлъ Филиппъ всю честь и радость свою полагалъ въ пышности и праздникахъ, преслѣдовалъ реформатовъ, сооружалъ большія постройки, предпринималъ охоты на славу; знатное дворянство, которое у него гостило и пріятно провождало время, смотрѣло на него съ удивленіемъ и съ уваженьемъ, потому что онъ угощалъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ, въ то самое время какъ разоренный селянинъ погибалъ передъ его глазами. За нимъ слѣдовалъ Карлъ

---

[1] Такое дѣйствительно чрезмѣрное предпочтеніе объясняется впрочемъ рѣшительнымъ превосходствомъ тогдашнихъ Французовъ во всемъ, что составляетъ насущную потребность образованнаго общества: ихъ литература, ихъ языкъ, ихъ любезная общительность находились въ полномъ, блестящемъ своемъ развитіи, тогда какъ въ Германіи едва начинались слабыя попытки выйдти изъ того педантическаго варварства и общаго застоя, который водворился тамъ со времени Тридцатилѣтней войны. Чтожь касается до французскаго остроумія, о которомъ авторъ отозвался такъ легко и пренебрежительно, то оно конечно могло быть неумѣстно въ устахъ тяжеловатой нѣмецкой знати, но его страшное могущество не замедлило обнаружиться во второй половинѣ того же 18 столѣтія.

Теодоръ (1742—1799), ревностный питомецъ іезуитовъ, которыхъ онъ слушался до конца своихъ дней. Сладострастный, легкомысленный, но и любившій искусство, велъ онъ въ Мангеймѣ и Швецингенѣ полную наслажденій, роскошную жизнь, и какъ ни былъ онъ въ сущности ничтоженъ, жители Палатината все-таки считаютъ золотымъ вѣкомъ его правленіе, съ которымъ окончился ихъ самостоятельный политическій бытъ и отъ котораго уцѣлѣли еще многіе памятники.—Изъ всѣхъ нѣмецкихъ земель наиболѣе пострадалъ отъ правителей Вюртембергъ. Эбергардъ Людвигъ (1693—1733) былъ расточительный, безнравственный государь, при которомъ порочная женщина (г-жа Гревеницъ) имѣла пагубное вліяніе на государственныя дѣла, раздавала придворныя и министерскія должности своимъ любимцамъ и вела постыдный торгъ мѣстами и титулами. Вѣрный, прямодушный народъ былъ угнетаемъ до того, что цѣлыя тысячи его переселились отъ домашней бѣды въ Америку и тамъ основали себѣ новую отчизну. При его наслѣдникѣ, Карлѣ Александрѣ (1733—37), принявшемъ въ Австріи католицизмъ, безстыдная Гревеницъ выѣхала съ своими сокровищами на чужбину, уступивъ мѣсто придворному Жиду Зюсу Оппенгеймеру, который съ молотка продавалъ церковныя и государственныя должности и неслыханными вымогательствами доставлялъ герцогу деньги на его придворные праздники, оперы, театры, пѣвицъ и проч., самъ притомъ наживая громадныя богатства. Внезапная смерть, постигшая Карла Александра вслѣдствіе роскошныхъ пиршествъ, избавила край и отъ Жида, и отъ готоваго уже замысла обратить протестантскій народъ къ католицизму. При наступившемъ послѣ этого регентствѣ (1737—44) Зюсъ хотя и былъ повѣшенъ по приговору суда, но когда Карлъ Евгеній (1744—93) лично принялъ бразды правленія, бѣдствіе края усилилось еще больше. Войнолюбивый, алчный къ наслажденіямъ и вмѣстѣ самовластный, этотъ государь, одаренный впрочемъ всѣмъ, что̀ нужно для хорошаго правителя, еслибъ сладострастіе и дурные совѣты не сбивали его съ пути, сталъ истиннымъ бичемъ своего народа, доведеннаго до крайности бременемъ налоговъ, продажею должностей и разорительными финансовыми продѣлками. Страсть къ искусствамъ, вовлекшая его въ постройку потѣшныхъ замковъ Лудвигсбурга, Солитюды, Гогенгейма и друг., въ поощреніе оперъ, балетовъ, концертовъ и т. д., была столько же пагубна для благоденствія страны, сколько и пышность его двора, роскошь праздниковъ и сластолюбивыя затѣи. Отъ деспотизма его особенно

пострадалъ поэтъ Дан. Шубартъ, заплатившій за свое вольномысліе десятилѣтнимъ заточеніемъ въ Аспергѣ, подъ строгимъ надзоромъ коменданта, который былъ узкосердый, ограниченный піэтистъ; пять лѣтъ просидѣлъ также въ крѣпости Гогентвилѣ земскій юрисконсультъ Іоаннъ Яковъ Мёзеръ, навлекшій себѣ гнѣвъ герцога своимъ безпристрастнымъ правосудіемъ въ спорѣ его съ земскими чинами; Шиллеръ своимъ бѣгствомъ изъ Штутгарта избавился можетъ-быть отъ такой же бѣды. — Въ Баваріи, за Максимиліаномъ Эмануиломъ (1679—1726), который тѣснымъ союзомъ съ Франціей навлекъ бѣдствіе своему краю (§ 632), слѣдовалъ сынъ его Карлъ Альбертъ (1726—45, сравни § 658), который столько же своимъ тщеславіемъ и пышностью, сколько и несчастною попыткой овладѣть съ помощью Французовъ австрійскими землями, въ конецъ разорилъ свой злополучный народъ. Въ Баваріи, какъ при дворѣ, такъ и въ цѣломъ краѣ, господствовали грубость, невѣжество и суевѣріе въ неслыханной степени. Охотничьи собаки, лошади и церковные праздники причиняли здѣсь столько же разорительныхъ расходовъ, какъ въ другихъ мѣстахъ оперы и придворные банкеты. При Максимиліанѣ Іосифѣ (1745—77) Баварія дождалась лучшаго времени, хотя силы ея были уже истощены дотого, что она не могла залѣчить своихъ ранъ и устранить зло, пустившее глубокіе корни. Онъ заботился объ улучшеніи правосудія и усилилъ строгость уголовныхъ законовъ, потому что число преступниковъ и бродягъ возрасло въ ужасающихъ размѣрахъ; онъ извлекъ Ингольштатскій университетъ изъ грубаго и варварскаго застоя, въ который дали ему впасть его предмѣстники; но іезуиты попрежнему исключительно занимали всѣ профессорскія мѣста и оказывали при дворѣ свое вліяніе въ качествѣ духовниковъ и воспитателей принцевъ; онъ поощрялъ искусства и науки, но тѣмъ не менѣе въ его странѣ, руководимой духовенствомъ и монахами и покрытой мракомъ суевѣрія, народное образованіе мало подвигалось впередъ и наука оставалась безъ практическаго приложенія. Финансовыя предпріятія благонамѣреннаго курфюрста стали въ рукахъ жестокосердыхъ и своекорыстныхъ чиновниковъ источникомъ новыхъ притѣсненій, и что значили всѣ его желанія поднять и улучшить положеніе крестьянъ, когда онъ оставлялъ въ неизмѣнномъ видѣ пагубную охоту и всѣ относящіяся къ ней постановленія единственно для того, чтобъ и ему, и огрубѣлому сельскому дворянству можно было попрежнему вполнѣ услаждаться этою потѣхой? За нимъ слѣдовалъ Карлъ Теодоръ

Рейнпфальцскій (1777 — 99), котораго безмѣрное мотовство и преднамѣренныя или неумышленныя ошибки повергли Баварію въ печальное состояніе; край былъ истощенъ и лишенъ кредита, войско—въ самомъ жалкомъ положеніи, мѣста какъ въ арміи, такъ и въ гражданской службѣ давались изъ фаворитизма или продавались за деньги, бо̀льшая часть дворянства была въ бѣдности, богатые почти всѣ обременены долгами, духовенство погрязло въ невѣжествѣ, религія превратилась въ мертвую обрядность, учебная часть оставалась въ небреженіи, города были подавлены самовластными магистратами, которые мѣшали каждому свободному движенію промышленности и торговли, народъ—невѣжественъ, грубъ и совершенно развращенъ подкупностью чиновниковъ, во всемъ управленіи господствовалъ невозбранно полицейскій произволъ.—Но конечно ни одинъ край Германіи не испыталъ такихъ бѣдствій и невзгодъ, какъ Саксонское курфюршество подъ державой Фридриха Августа II, Сильнаго (1694—1733), брата Іоанна Георга IV (§ 495), и его сына Фридриха Августа III (1733—63). Первый—легкомысленный, Бога не боявшійся государь—пожертвовалъ своему сластолюбію, своей страсти къ роскоши и своему тщеславію вѣрою своихъ отцовъ, любовью своихъ подданныхъ и благоденствіемъ своего края. Въ близорукомъ ослѣпленіи онъ перешелъ въ католическую церковь изъ-за политическихъ побужденій, и этимъ необдуманнымъ шагомъ лишилъ Саксонію ея благонадежнаго положенія въ челѣ нѣмецкаго протестантизма, съ тою только цѣлью, чтобы достичь пустаго званія польскаго избирательнаго короля. Изъ-за оперъ и концертовъ, изъ-за праздниковъ и кутежей, изъ-за фаворитокъ и великолѣпной охоты этотъ государь позабывалъ бѣдствіе роднаго края во время Шведской войны и страданія угнетаемаго народа, совершенно задавленнаго налогами (§ 643, 645, 651). Не лучше было положеніе Саксоніи при Фридрихѣ Августѣ III, отдавшемся вполнѣ руководительству надменнаго, сластолюбиваго графа Брюля (§ 652 658).—Послѣ пятилѣтняго междуцарствія (1763—68) на тронъ вступилъ Фридрихъ Августъ IV и занималъ его съ честію 59 лѣтъ (1768—1827). При немъ Саксонія дожила до счастливой и блистательной поры, и многія раны ея залѣчились; но спустя нѣсколько десятилѣтій удары судьбы постигли страну и народъ съ новою, ожесточенною силою. Въ великомъ движеніи впередъ, какое совершили въ это время искусство, литература и наука въ Германіи, доля Саксоніи и Тюрингена была вовсе не маловажна; учебная часть

значительно улучшилась, правосудіе соблюдалось примѣрно, и мирное время семидесятыхъ и осьмидесятыхъ годовъ подѣйствовало благотворно на торговлю, промышленность и земледѣліе; дѣятельные, домовитые и бережливые жители селъ и городовъ снова достигли благоденствія и довольства. — Въ теченіе этого мирнаго періода матеріальное благосостояніе усилилось и въ Ганноверѣ. Зависимость отъ Англіи не повредила этому краю, потому что Англійскіе короли всегда оказывали нѣкоторое предпочтеніе своей отчинѣ и удѣляли ей не мало отъ своихъ избытковъ. Гёттингенскій университетъ, основанный при Георгѣ II (1737), сталъ лучезарнымъ свѣтиломъ сѣверной Германіи. — Для процвѣтанія искусства и литературы, для приращенія науки и образованія нѣмецкія резиденціи и многочисленные княжескіе дворы оказались чрезвычайно полезны, особенно во второй половинѣ 18 столѣтія, еслибъ только эта высокая степень образованія и этотъ литературный расцвѣтъ могли достаточно вознаградить за обѣднѣніе народа, за упадокъ въ силѣ характера, энергіи и мужественной доблести, и за исчезновеніе всякой политической свободы, всякаго слѣда публичной жизни, всякой практической народной дѣятельности, всякаго общественнаго духа и патріотизма.

3. ВОЙНА ЗА АВСТРІЙСКОЕ НАСЛѢДСТВО. (1740—48)

§ 657. **Войны Карла VI съ Турками.** Императоръ Карлъ VI былъ благонамѣренный, но отнюдь не значительный государь; онъ въ началѣ своего правленія расширилъ австрійскую монархію, а потомъ утратилъ часть своихъ прежнихъ пріобрѣтеній, вслѣдствіе невыгодныхъ мирозаключеній и договоровъ. Едва окончилась война за испанское наслѣдство, какъ Порта нарушила Карловицкій миръ (§ 620) и, заодно съ Греками, недовольными религіознымъ и матеріальнымъ гнетомъ венеціанскаго владычества, снова отняла Пелопоннесъ (Морею) у этого богатаго и бездушнаго торговаго государства. Австрія, обязавшаяся охранять Карловицкій миръ и опасаясь за собственныя пріобрѣтенія, заключила союзъ съ Венеціанцами. Гордые своими военными успѣхами въ Греціи, Турки воспользовались этимъ случаемъ, чтобы объявить Австріи войну (1716). Но на этотъ разъ пере-

вѣсъ былъ на сторонѣ императора. Блестящія побѣды Евгенія при Петервардейнѣ и Бѣлградѣ (1717) принудили Порту къ заключенію невыгоднаго Пассаровицкаго мира (21 іюля 1718), который хотя и оставилъ за нею Пелопоннесъ, но отнялъ въ пользу Австріи Темешваръ, Валахію до р. Алуты и Бѣлградъ съ значительною частію Босніи и Сербіи, такъ что Нисса, Виддинъ, Никополь и Софія стали теперь пограничными крѣпостями Турецкаго государства съ Венгріей.

Султанъ, убѣдясь что турецкое воеустройство уже отстало отъ европейскаго, постоянно улучшаемаго и совершенствуемаго новыми изобрѣтеніями, старался преобразовать пѣхоту и артиллерію по европейскому образцу, при помощи проходимца Бонневаля (Ахметъ-паши), изгнаннаго изъ Франціи и Австріи и принявшаго исламъ въ Константинополѣ. Но эта новизна, вмѣстѣ съ установленіемъ акцизной пошлины, породила опасный бунтъ янычаръ, вынудившій отмѣну всѣхъ нововведеній и слѣдовательно сохраненіе прежняго безпорядка и безсилія.

Между тѣмъ и въ Австріи, по смерти Евгенія, военное дѣло такъ быстро пришло въ упадокъ, что въ Турецкой войнѣ, которую пришлось вести императору, незадолго до его смерти, въ союзѣ съ Россіею (§ 650), побѣда осталась за Турками, между тѣмъ какъ Русскіе, подъ начальствомъ Миниха, производили отважныя и успѣшныя вторженія въ турецкія области. Но еще постыднѣе и бѣдственнѣе чѣмъ неудачи въ полѣ, было для Австріи поведеніе полководцевъ Нейпперга и Валлиса, которые дотого растерялись отъ своихъ неудачъ, что къ изумленію Турковъ и неудовольствію Русскихъ поспѣшно заключили Бѣлградскій миръ (10 сентября 1739), возвратившій Портѣ все, что было пріобрѣтено Австріи въ Пассаровицѣ доблестію Евгенія.

Императоръ чувствовалъ весь позоръ этого мира; онъ разослалъ ко всѣмъ дворамъ оправдательную записку, въ которой слагалъ всю вину на своихъ генераловъ, превысившихъ данную имъ власть и подвергнутыхъ за это аресту. Но какъ они принадлежали къ высшей аристократіи и вѣроятно дѣйствовали по внушенію наслѣдницы престола Маріи Терезіи, которая, въ виду скорой кончины своего отца и ожидаемой борьбы за его корону, не хотѣла втягиваться въ войну съ Турками, то

заключенные вскорѣ были освобождены и надѣлены должностями и почестями. Но неспособность ихъ навлекла государству новыя потери.

§ 658. Прагматическая санкція. Такъ какъ Карлъ VI не имѣлъ наслѣдниковъ мужскаго пола, то настоятельнѣйшею заботой его было обезпечить передачу австрійскихъ родовыхъ земель своей единственной дочери Маріи Терезіи, въ супружествѣ съ герцогомъ Францемъ Стефаномъ Лотарингскимъ (Тосканскимъ, § 652). Но вмѣсто того, чтобы по совѣту Евгенія привести войско въ такое состояніе, которое дало бы дочери его возможность отразить всякаго врага, онъ купилъ у всѣхъ дворовъ, цѣною большихъ пожертвованій, признаніе закона о престолонаслѣдіи, извѣстнаго подъ именемъ прагматической санкціи, по которому австрійскія родовыя владѣнія должны были оставаться нераздѣльными и, въ случаѣ пресѣченія мужеской линіи, перейдти къ женской, въ соблюденіи чего Карлъ VI довѣрился дипломатическимъ клятвамъ своихъ союзниковъ. Но едва только закрылъ глаза императоръ (10 окт. 1740), какъ Карлъ Альбертъ, курфюрстъ Баварскій, потомокъ старшей дочери Фердинанда I, предъявилъ притязанія на австрійскія наслѣдственныя земли, ссылаясь какъ на свое происхожденіе, такъ и на мнимое завѣщаніе Фердинанда, и получилъ помощь отъ Франціи, Испаніи и другихъ державъ, которыя въ ожиданіи будущихъ выгодъ, пренебрегли своимъ прежнимъ признаніемъ прагматической санкціи [1]. Въ Версалѣ опасались, что мужъ Маріи Терезіи, достигнувъ императорскаго сана, употребитъ военныя силы Германіи для возвращенія себѣ своей родины, Лотарингіи. Союзъ, заключенный между Баваріей и дворами французскимъ и испанскимъ въ Нимфенбургѣ, обезпечилъ курфюрсту помощь этихъ державъ, но съ тѣмъ унизительнымъ условіемъ, что, сдѣлавшись Нѣмецкимъ императоромъ и наслѣдственнымъ государемъ Австріи, онъ не потребуетъ возвращенія французскихъ завоеваній на Рейнѣ и въ Нидерландахъ, и предоставитъ Испаніи полную сво-

---

[1] Карлъ Альбертъ протестовалъ противъ прагматической санкціи еще въ 1735 г., когда она была признана по предварительнымъ условіямъ Вѣнскаго трактата Франціей.

боду дѣйствій въ Италіи. Фридрихъ II Прусскій, съ своей стороны, не желалъ пропустить удобный случай къ предъявленію наслѣдственныхъ притязаній своего дома на Силезскія княжества Iегерндорфъ, Лигницъ, Бригъ и Волау, которыми Австрія завладѣла во время и послѣ 30-лѣтней войны, и потому благопріятствовалъ какъ Баварскому курфюрсту въ его притязаніяхъ на Австрію, Венгрію, Богемію и на императорскую корону, такъ и Польскому королю Августу III, который, какъ сынъ старшей дочери императора Іосифа I, не хотѣлъ остаться въ дѣлежѣ добычи ни при чемъ, и домогался завладѣть (сподручною ему) Моравіей. Россія, вовлеченная Франціей въ войну съ Швеціею, не участвовала въ войнѣ за австрійское наслѣдство.

Ни умственныя способности Карла Альберта, ни силы его страны не были достаточны для того, чтобы ему съ успѣхомъ отстоять свои притязанія противъ Маріи Терезіи, отличавшейся умомъ, царственными дарованіями и вмѣстѣ красотою, добродѣтелью и привѣтливостью. Между тѣмъ какъ народы возлагали свои надежды на эту умную и просвѣщенную правительницу и ожидали отъ ея проницательности уничтоженія закоренѣлыхъ злоупотребленій, руководимый іезуитами и духовенствомъ Карлъ Альбертъ выказывалъ слабость характера своимъ суевѣріемъ, ограниченностью и любовью къ пустому блеску и пышности. Расходы его предшественниковъ на лошадей, охотничьихъ собакъ, придворныя и церковныя торжества обременили его страну тяжкими долгами; войско и государственная казна были въ самомъ жалкомъ состояніи; онъ самъ, какъ нѣкогда Максъ Эмануилъ, былъ купленъ Франціею и слѣпо преданъ версальскому двору (который давалъ ему деньги на удовлетвореніе его любви къ роскоши и войско на пріобрѣтеніе чужихъ коронъ, съ единственною цѣлью подчинить своему вліянію императора и всю Нѣмецкую имперію). Что касается завѣщанія Фердинанда, на которомъ Карлъ Альбертъ основывалъ свои притязанія, то вѣнскій дворъ доказалъ предъявленіемъ подлиннаго акта, что въ этомъ завѣщаніи престолонаслѣдіе присвоивалось потомкамъ его дочери, выданной за мужъ въ Баварію, только въ случаѣ пресѣченія законной вообще, а не мужеской только отрасли, австрійскихъ Габсбурговъ.

Еще печальнѣе было состояніе, тяжко пострадавшей отъ цѣлаго ряда расточительныхъ и роскошныхъ государей, Саксоніи, гдѣ тупоум-

ный и лѣнивый Августъ III, находившій удовольствіе только въ куреніи табаку, охотѣ и салонной болтовнѣ графини Брюль, совершенно предоставилъ правленіе и доходы вѣдѣнію графа Брюля, который надѣлялъ своихъ слугъ и креатуръ титулами и званіями, позорнѣйшимъ образомъ торговалъ церковными и государственными должностями, обременилъ страну кучею долговъ и тяжкими налогами и вообще поступалъ съ Саксонцами какъ съ крѣпостными людьми. Подданные терпѣли нужду, села и города бѣднѣли и войско приходило въ упадокъ, а между тѣмъ графъ Брюль утопалъ въ роскоши и пышности, выписывалъ изъ Парижа модные товары и лакомства, и жертвовалъ честью и благосостояніемъ страны собственному своекорыстію и эгоизму.

Во Франціи, гдѣ главою министерства еще былъ миролюбивый Флёри, правительство долго колебалось принять сторону курфюрста Баварскаго и вовлечь истощенное государство въ новые долги; но около этого времени, сластолюбивые и безнравственные люди, каковы напр. Бель-Иль, Субизъ, герцогъ Ришльё и другіе, стали удалять короля отъ его супруги и окончательно испортили его чувственную, не воспріимчивую къ благородному натуру соблазнами пышности и сладострастія. Съ тѣхъ поръ распутные любимцы и развратныя женщины господствовали при французскомъ дворѣ, отстраняли вѣрныхъ и благомыслящихъ совѣтниковъ и увлекали короля отъ наслажденія къ наслажденью. За роскошью стола и утѣхами охоты, игры и вина, Людовикъ XV забывалъ государство и народное благоденствіе и далъ своимъ приближеннымъ, состоявшимъ изъ любовницъ и развратниковъ, величайшее вліяніе на государственныя дѣла. Онъ совсѣмъ не имѣлъ твердости, требуемой серьёзною стороною жизни и исполненіемъ высокаго призванія. И такъ какъ теперь оба брата Бель-Иль искали удобнаго случая удовлетворить свое честолюбіе и суетность, то и рѣшено было вести войну противъ Австріи. Флёри не дожилъ до ея развязки.

§ 659. **Невзгоды Австріи.** Черезъ нѣсколько недѣль по смерти Карла VI, гораздо прежде чѣмъ баварскія войска успѣли изготовиться къ войнѣ и Французы перейдти черезъ Рейнъ, Фридрихъ II вступилъ съ своею отличною арміей въ Силезію, чтобы подкрѣпить самымъ дѣломъ свои притязанія, основанныя на родствѣ и наслѣдственныхъ сдѣлкахъ Бранденбургскаго дома съ прежними князьями Лигница, Іегерндорфа, Брига и Волау. Эта первая Силезская война (1740—

42) вскорѣ доказала, что прусскій народъ оживленъ новымъ духомъ. Самъ король находился при арміи, больше для того, чтобъ научиться войнѣ и своимъ присутствіемъ ободрять мужество храбрыхъ, чѣмъ для командованія, которое онъ предоставилъ двумъ опытнымъ полководцамъ, Шверину и Леопольду Дессаускому. Австрійскія войска подъ начальствомъ Нейпперга не могли противустоять Пруссакамъ, сражавшимся за честь и славу на глазахъ своего короля. Въ кровопролитномъ сраженіи при Мольвицѣ (10 апрѣля 1741) Шверинъ одержалъ побѣду, послѣ чего Пруссаки заняли большую часть Верхней и Нижней Силезіи. — Вскорѣ Французы перешли черезъ Рейнъ въ Германію. Одна часть ихъ арміи соединилась съ войсками Карла Альберта, который уже началъ войну противъ Маріи Терезіи нечаяннымъ нападеніемъ на городъ Пассау; другая вмѣстѣ съ Саксонцами вступила въ Богемію. Безъ большаго сопротивленія прошелъ Баварскій курфюрстъ Верхнюю Австрію (1741) и уже въ октябрѣ могъ отобрать присягу въ Линцѣ, какъ эрцгерцогъ. Но вмѣсто того, чтобъ идти теперь прямо на Вѣну и, напавъ врасплохъ на столицу, пріобрѣсти себѣ твердую точку опоры, Карлъ Альбертъ съ своимъ французско-баварскимъ войскомъ вдругъ повернулъ въ Богемію, чтобы и здѣсь принять пышную присягу и королевскій титулъ. Прага была завоевана, и курфюрстъ съ своимъ покровителемъ Бель-Илемъ великолѣпно отпраздновали коронацію. Теперь Карлъ Альбертъ находился на высотѣ своего счастія. Выборъ императора состоялся въ его пользу, и онъ уже сталъ готовиться къ блестящей коронаціи во Франкфуртѣ; даже курфюрстъ Ганноверскій (Георгъ II Англійскій), принявшій сторону Австріи, былъ принужденъ французскимъ войскомъ заключить договоръ, въ которомъ обязался не помогать «королевѣ Венгерской» и при избраніи императора подать голосъ за курфюрста Баварскаго. Къ довершенію несчастій Маріи Терезіи, Фридрихъ II велѣлъ своимъ войскамъ вступить также въ Моравію и Богемію.

§ 660. Перемѣна обстоятельствъ. Въ своей бѣдѣ Марія Терезія обратилась къ Венгерцамъ. На сеймѣ въ Пресбургѣ (на который, какъ говоритъ преданіе, она яви-

лась съ своимъ маленькимъ сыномъ Іосифомъ на рукахъ) она такъ тронула магнатовъ изображеніемъ своего несчастія и такъ воодушевила ихъ благосклонными обѣщаніями, что они поднялись съ единодушнымъ кликомъ: Vivat Maria Theresia Rex! (Да здравствуетъ король Марія Терезія!) и призвали къ оружію воинственный народъ. Такимъ же образомъ доказали и Тирольцы свою старинную вѣрность къ Австріи. Вскорѣ изъ венгерскихъ низинъ выступило сильное войско. Воинственныя племена Тейссы и Мароша, дикія, ловкія въ наѣздахъ и нечаянныхъ нападеніяхъ полчища Кроатовъ, Словаковъ, Пандуровъ и другія двинулись подъ начальствомъ Кевенгюллера и Беренклау (Перекле) въ Австрію, безъ большаго труда прогнали баварскія и французскія войска, обратно завоевали занятые ими города и проникли въ Баварію, все грабя и опустошая. Въ то самое время какъ Карлъ Альбертъ, подъ покровомъ Франціи, торжественно вѣнчался во Франкфуртѣ желанною императорскою короной (24 января 1742), непріятели вступили въ его столицу Мюнхенъ, заняли Ландсгутъ и высылали свои дикія конныя ватаги до самаго Леха. Лишенный наслѣдственныхъ земель, новый императоръ Карлъ VII вскорѣ впалъ въ такую крайность, что только французскимъ вспоможеніемъ, и то съ нуждой, могъ покрывать расходы на свое содержаніе. — Въ это же время австрійское войско вступило въ Богемію, гдѣ стояли двѣ французскія арміи подъ начальствомъ разногласныхъ вождей; но для того, чтобъ они не нашли подмоги со стороны Пруссаковъ, которыхъ король незадолго передъ тѣмъ снова доказалъ блестящимъ образомъ свое военное превосходство битвою при Хотузицѣ (Чаславѣ, 17 мая), Марія Терезія согласилась, хотя и съ тяжелымъ чувствомъ, на Бреславскій миръ (28 іюля 1742), по которому почти вся Верхняя и Нижняя Силезія были уступлены Пруссіи. Радостно привѣтствовали новаго властителя силезскіе протестанты, терпѣвшіе подъ австрійскимъ господствомъ тяжкія бѣды. Вскорѣ большая часть Богеміи опять перешла въ руки Австрійцевъ; Прага, гдѣ стоялъ Бель-Иль съ значительнымъ войскомъ, была уже осаждена; болѣзни и недостатокъ жизненныхъ припасовъ грозили гибелью всему войску. Тутъ

Бель-Иль доказалъ смѣлымъ отступленіемъ изъ Праги къ Эгеру среди зимы (декабрь 1742), что воинскій духъ Французовъ еще не вымеръ. Конечно, путь его покрылся мертвыми и окостенѣлыми отъ холода, и даже уцѣлѣвшіе носили въ себѣ зародышь смерти; но за это отступленіе, Бель-Иля все-таки превознесли вторымъ Кленофонтомъ.—Вѣсть о такихъ несчастіяхъ ускорила кончину престарѣлаго кардинала Флёри. Съ раскаяньемъ и сердечною скорбью сошелъ онъ въ могилу.—Весною слѣдующаго (1743) года, Марія Терезія короновалась въ Прагѣ и въ тоже время пріобрѣла могущественнаго союзника въ лицѣ Георга II Ганноверскаго и Англійскаго, котораго ревность къ поддержанію прагматической санкціи тогда только могла перейдти въ дѣло, когда англійскій парламентъ, изъ зависти къ Франціи и Испаніи, щедро разрѣшилъ денежныя средства потребныя на пріобрѣтеніе союзниковъ и вспоможеніе имъ, и на содержаніе войска, состоящаго изъ Ганноверцевъ и нѣмецкихъ наемниковъ. Опытный въ военномъ дѣлѣ англійскій полководецъ повелъ такъ-называемую прагматическую армію, при которой находились самъ король и одинъ изъ сыновей его (герцогъ Комберландъ), на Майнъ, гдѣ стояла главная французская армія подъ начальствомъ маршала Ноайлья. Битва при Деттингенѣ (близь Ашаффенбурга, 27 іюля 1743) была проиграна Французами, которые поспѣшили перейдти обратно за Рейнъ, преслѣдуемые англо-австрійскими войсками. Вскорѣ и Сардинія, которая умѣла извлекать выгоды изъ всѣхъ войнъ, ловко мѣняя своихъ союзниковъ, перешла на сторону Маріи Терезіи (сентябрь), когда послѣдняя согласилась уступить ей нѣкоторыя земли, принадлежащія къ герцогству Миланскому; Саксонія, которой всемогущій министръ Брюль руководствовался не политическими началами, а въ своихъ колебаніяхъ то въ ту, то въ другую сторону подчинялся собственному своекорыстію и чужимъ внушеньямъ, — Саксонія тоже пристала къ Австрійцамъ (20 декабря 1743) и приняла субсидіи отъ Англіи.

§ 661. Расширененіе и исходъ войны. Битва при Деттингенѣ и договоры съ Сардиніей и Саксоніей сдѣлали войну за австрійское наслѣдство общеевропейскою. Франція, до сихъ поръ учавствовавшая въ борьбѣ только какъ

союзница Карла Альберта, теперь прямо объявила войну (1744) Англіи и Австріи и снова соединилась съ Фридрихомъ Прусскимъ, который, справедливо опасаясь, чтобъ Австрія и ея новые союзники не отняли у него Силезію, началъ вторую Силезскую войну (1744—45) противъ Маріи Терезіи. Пока Фридрихъ, какъ союзникъ бѣдствующаго императора, быстро вступилъ въ Богемію съ сильною арміей изъ «имперскихъ вспомогательныхъ войскъ» (авг. 1744), взялъ Прагу и Будвейсъ и приближался къ австрійскимъ границамъ, Карлу VII удалось пріобрѣсть обратно свою наслѣдственную область Баварію и возвратиться въ свою столицу Мюнхенъ. Но какъ Фридрихъ былъ вытѣсненъ вскорѣ послѣ того изъ Богеміи и Силезіи съ большими потерями въ людяхъ и орудіяхъ, то и императоръ снова былъ бы вынужденъ къ бѣгству, еслибъ смерть не освободила его отъ всѣхъ возможныхъ страданій (20 января 1745). Сынъ Карла Альберта, курфюрстъ Максиміліанъ Іосифъ, самъ предложилъ миръ послѣ неудачнаго похода. По Фюссенскому договору (апрѣль) онъ отказался, за полное возвращеніе ему Баваріи, отъ всякихъ притязаній на австрійское наслѣдство, и при новомъ выборѣ императора далъ свой голосъ супругу Маріи Терезіи, который послѣ того короновался во Франкфуртѣ (октябрь) подъ именемъ Франца I, не смотря на протестъ курфюрста Бранденбургскаго. Между тѣмъ Фридрихъ II проигралъ храброму австрійскому маршалу Трауну большую часть Силезіи; но блестящая побѣда его при Гогенфридбергѣ (Штригау, 4 іюня) снова доставила ему перевѣсъ. Военная слава Прусскаго монарха и его генераловъ Цитена, Винтерфельда и друг. гремѣла далеко, а при Зоррѣ (30 сентября) впервые доказалъ свой полководческій талантъ принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій. Когда, сверхъ того, старикъ Дессауэцъ среди глубокой зимы (15 декабря) побѣдилъ Саксонцевъ въ кровавой битвѣ при Кессельдорфѣ и Фридрихъ вступилъ въ покинутую Августомъ III столицу Дрезденъ, тогда Марія Терезія приняла составленныя при англійскомъ посредничествѣ условія Дрезденскаго мира (25 декабря), по которому Фридрихъ остался владѣльцемъ Силезіи и Глаца, призналъ герцога Франца Стефана

императоромъ и получилъ милліонъ талеровъ за очищеніе Саксоніи. Война, поконченная этимъ миромъ въ Германіи, еще продолжалась нѣкоторое время въ Нидерландахъ и въ Италіи. Тамъ съ успѣхомъ сражались Французы, предводимые побочнымъ сыномъ Фридриха Августа II, столь же талантливымъ и храбрымъ, сколько безнравственнымъ и распутнымъ маршаломъ Саксонскимъ, противъ союзнаго англо-голландско-австрійскаго войска. Французы выиграли битву при Фонтенуа (12 мая 1745), въ присутствіи короля Людовика XV, котораго новая его возлюбленная (Шатору) пожелала видѣть озареннымъ воинскою славой; Геннегау и обѣ Фландріи были наградою за побѣду. Вскорѣ англійское войско было отозвано, чтобы выступить въ Шотландіи противъ претендента Карла Стуарта (§ 639), поддерживаемаго Франціей. Слѣдствіемъ было то, что послѣ побѣдоноснаго дѣла при Року (11 октября 1746) маршалъ Саксонскій завоевалъ всѣ австрійскіе Нидерланды до самаго Люксембурга и Лимбурга, и грозно подошелъ къ предѣламъ Генеральныхъ Штатовъ.

Здѣшній народъ, какъ и въ 1672 году (§ 614), распадался на аристократическо-республиканскую и оранскую партіи. Со смерти Вильгельма III перевѣсъ былъ на сторонѣ первой, вслѣдствіе чего статгаудерскій санъ много лѣтъ оставался празднымъ. Теперь народъ поднялся во многихъ мѣстахъ противъ владычества аристократовъ (май 1747), при которомъ армія пришла въ упадокъ, и добился не только того, что зять Георга II, Вильгельмъ IV (1747—51) Нассау-Оранскій, свойственникъ Вильгельма III. былъ назначенъ статгаудеромъ и генералъ-капитаномъ Соединенныхъ Штатовъ, но и того, что этотъ санъ объявленъ былъ наслѣдственнымъ въ его потомствѣ по мужской и женской линіямъ. Съ тѣхъ поръ Голландія преимущественно находилась подъ вліяніемъ Англіи.

Послѣ того какъ наслѣдственное статгаудерство навсегда было передано въ Голландіи Оранскому дому (1747), война возгорѣлась съ усиленною энергіей. На морѣ Англичане взяли рѣшительный перевѣсъ. Битва при мысѣ Финистерре (17 мая) истребила военный и торговый флотъ Франціи. Напротивъ, въ сухопутной войнѣ счастіе продолжало слѣдовать за французскимъ оружіемъ. Лаффельдское сраженіе

(2-го іюля) и славное завоеваніе близкаго отъ поля битвы города Мастрихта покрыли маршала Саксонскаго новыми лаврами. Но военная слава была и единственною выгодой, извлеченною Французами изъ этой безполезной борьбы. Истощенныя государства всѣ желали прекращенія военныхъ дѣйствій, и оттого воинственное положеніе Россіи, которая вслѣдствіе договора съ Австріею и морскими державами двинула армію къ берегамъ Рейна и угрожала продленіемъ войны, только ускорило заключеніе Ахенскаго мира (18—28 октября 1748).

По этому миру Франція возвратила всѣ свои завоеванія и выслала Стуартовъ изъ своихъ владѣній, но за это получила обратно отнятыя у нея Англичанами земли въ Америкѣ и Остъ-Индіи. Англія тоже вышла съ пустыми руками изъ этой осьмилѣтней войны, которая велась преимущественно на англійскія вспомогательныя деньги, и потому увеличила государственный долгъ на 30 милліоновъ слишкомъ; но между тѣмъ какъ Франціи приходилось оплакивать, кромѣ совершеннаго финансоваго разоренія, еще погибель своего флота и уменьшеніе своей торговли и колоніальнаго значенія, морскія силы Англіи блестящимъ образомъ выдержали испытаніе и достигли того, что Испанія должна была снова подписать ненавистный договоръ ассіэнто (§ 636), отъ котораго помышляла избавиться. — Австрія уступила испанско-бурбонскому принцу Филиппу герцогство Пармское съ Піаченцой и Гвасталлой, снова подтвердила за Прусскимъ королемъ обладаніе Силезіей и оставила Сардиніи уже уступленныя прежде Миланскія земли. Баварія и Саксонія не получили ровно ничего за опустошеніе ихъ земель и за свои большія денежныя пожертвованія.

4. Семилѣтняя война (1756 — 63).

§ 662. Союзы 1755 г. Осьмилѣтній миръ, наступившій послѣ войны за австрійское наслѣдство, былъ употребленъ Фридрихомъ Великимъ на развитіе промышленности, улучшеніе крестьянскаго быта, оживленіе земледѣлія и торговли, на приращеніе и усовершенствованіе своихъ военныхъ силъ; а Маріею Терезіей—на устраненіе нѣкоторыхъ злоупотребленій въ администраціи, на преобразованія въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и военномъ и на заключеніе выгодныхъ союзовъ. Императрица не могла забыть, что ненавистный противникъ

отнялъ у ней Силезію. Поэтому она и употребила въ свою пользу зависть другихъ державъ къ быстро возвысившейся Пруссіи. Насмѣшливая природа Фридриха, увлекшая его ко многимъ остроумнымъ и обиднымъ замѣчаніямъ о современныхъ правителяхъ и министрахъ, помогла императрицѣ въ этомъ дѣлѣ. Русская императрица Елисавета Петровна, оскорбленная колкими отзывами Фридриха и надѣясь овладѣть сподручными для себя прибалтійскими областями, еще въ 1746 году согласилась, по убѣжденію преданнаго тогда Австріи и враждебнаго прусскому монарху канцлера Бестужева, заключить союзъ съ Маріей Терезіей и обѣщать ей свое содѣйствіе для возвращенія Силезіи. — Этотъ союзъ былъ теперь возобновленъ, и саксонскій дворъ, котораго всемогущій министръ Брюль съ завистью смотрѣлъ на процвѣтаніе сосѣдняго государства, и котораго тщеславіе глубоко оскорблялось презрительною ироніей, съ какою постоянно говорилъ о немъ великій король, былъ привлеченъ на сторону Австріи и сдѣланъ средоточіемъ переговоровъ. Въ тоже время умный министръ Маріи Терезіи, Кауницъ, успѣлъ убѣдить Французскій дворъ, этого кровнаго врага Австріи, отступить отъ своей многолѣтней естественной политики; въ этихъ видахъ, гордая, дорожившая нравственностію и семейною добродѣтелью императрица низошла даже до того, что рѣшилась льстивымъ письмомъ втянуть въ свои интересы всемогущую любовницу Людовика XV, маркизу Помпадуръ. Черезъ посредство этой госпожи и ея клевретовъ, занимавшихъ высшія государственныя должности, между Франціею и Австріей былъ заключенъ союзъ (сентябрь 1755), съ тѣмъ чтобъ отнять у короля Прусскаго его завоеванія и низвести его на прежнюю степень курфюрста и маркграфа Бранденбургскаго. Такимъ образомъ взаимныя отношенія великихъ державъ перемѣнились изъ-за однихъ личныхъ побужденій. Но тѣсный союзъ Франціи съ Австріею встревожилъ Англію, спорившую тогда съ французскимъ правительствомъ за границы въ Сѣверной Америкѣ, и повелъ къ заключенію договора между Фридрихомъ II и Георгомъ II (январь 1756) о недопущеніи иностранныхъ войскъ на нѣмецкую землю. При французскомъ дворѣ приняты были въ соображеніе сверхъ того религіозные и церковные интересы: воинственная Пруссія считалась теперь главнымъ оплотомъ протестантизма; въ низложеніи или по крайней мѣрѣ въ ограниченіи ея видѣли высокую церковную заслугу передъ Богомъ.

§ 663. **Лагерь подъ Пирной (1756).** Фридрихъ, въ точности извѣщенный однимъ подкупленнымъ писцомъ графа Брюля

обо всѣхъ, составленныхъ противъ него, замыслахъ, рѣшился предупредить своихъ враговъ неожиданнымъ нападеніемъ. Съ 70,000 чел. храбраго прусскаго войска, онъ внезапно вторгнулся въ Саксонію (августъ), занялъ Лейпцигъ, Торгау, Виттенбергъ и покинутый королемъ Дрезденъ и, такъ какъ Августъ III отклонилъ его предложеніе о дружественномъ союзѣ, учредилъ прусскую администрацію въ Саксоніи. Поэтому всѣ средства плодоноснаго края перешли въ распоряженіе Фридриха; запасные магазины были отворены прусскимъ войскамъ; оружіе и артиллерія перевезены въ Магдебургъ; налоги и всѣ общественные сборы были присвоены Фридрихомъ. На увѣщательное письмо императора и жалобы на нарушеніе земскаго мира король отвѣчалъ обнародованіемъ найденныхъ въ Дрезденѣ документовъ о планахъ его враговъ. Саксонскія войскà занимали твердую позицію подъ Пирною на Эльбѣ, гдѣ только голодомъ можно было принудить ихъ къ сдачѣ. Фридрихъ окружилъ ихъ одною частію своего войска, а съ другою вышелъ на встрѣчу къ австрійскому фельдмаршалу Броуну, приспѣвшему къ нимъ на выручку изъ Богеміи, и разбилъ его при Ловозицѣ съ гораздо меньшими силами (1 октября 1756), послѣ чего оголодавшее саксонское войско должно было сдаться на капитуляцію. 14,000 храбрыхъ воиновъ попались въ плѣнъ (15 октября). Фридрихъ заставилъ ихъ вступить въ прусскую службу; но они при первой возможности толпами убѣжали въ Польшу, гдѣ во все продолженіе войны пребывалъ саксонскій дворъ. Фридрихъ оставался въ Дрезденѣ и принудилъ завоеванный край къ тяжкимъ денежнымъ и рекрутскимъ поборамъ.

§ 664. Прага. Росбахъ. Лёйтенъ (1757). Враги короля воспользовались разразившимися надъ Саксоніей бѣдствіями, чтобы выставить его въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ, и приготовить ему новыхъ непріятелей. Со всѣхъ сторонъ стекались вспомогательныя войскà, чтобы задавить небольшую Пруссію и потомъ подѣлить ея области. Швеція, которой аристократическое правленіе дѣйствовало по внушенію Франціи, и Нѣмецкая имперія, видѣвшая въ завладѣніи Саксоніею нарушеніе земскаго мира, также пристали къ вра-

гамъ Пруссіи. Фридрихъ предоставилъ своимъ союзникамъ (Англіи, Ганноверу, Брауншвейгу, Гессенъ-Касселю и Готѣ) бороться съ шедшими черезъ Рейнъ къ Везеру Французами (которые окончательно утратили въ этой войнѣ свою прежнюю военную славу); изъ собственныхъ же войскъ послалъ одну часть противъ вступившихъ въ Пруссію Русскихъ, которые вскорѣ разбили эту, численно слабѣйшую, армію при Гроссъ-Іегерндорфѣ; а самъ съ главными силами выступилъ противъ Австрійцевъ въ Богемію. Благодаря храбрымъ усиліямъ арміи, геройскому мужеству и геройской смерти Шверина, Фридрихъ одержалъ блестящую, но дорого купленную побѣду подъ Прагою (6 мая 1757). Однако эта столица все еще отбивала всѣ нападенія, и въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (18 іюня) пораженіе при Коллинѣ, нанесенное Прусскому королю храбрымъ австрійскимъ фельдмаршаломъ Дауномъ, отняло у него всѣ пріобрѣтенныя выгоды. Вслѣдствіе своей кровавой побѣды и потомъ пораженія Фридрихъ лишился 20,000 отличныхъ воиновъ. Его мрачное настроеніе до Коллинской битвы и послѣ свидѣтельствовало, какія тяжкія заботы бременили его духъ. Преслѣдуемый Австрійцами, онъ отошелъ съ остатками своей арміи въ Верхнюю Лузацію, но вскорѣ обратился на подходившихъ вмѣстѣ съ нѣмецко-имперскою арміей Французовъ, которые намѣревались зимовать въ Саксоніи, побѣдивъ союзныя войска Фридриха при Гастенбекѣ (близь Гамельна) и принудивъ (іюль) неискуснаго англійскаго вождя (Комберланда) къ постыдной конвенціи, заключенной въ Клостеръ Севенѣ [1]. Безпутный князь Субизъ, любимецъ маркизы Помпадуръ и довѣренный сообщникъ развратныхъ потѣхъ Людовика XV, стоялъ съ большою арміей на Заалѣ, когда Фридрихъ неожиданно напалъ на него и въ битвѣ при Росбахѣ одержалъ блестящую побѣду (5 ноября 1757). Французская армія, оставивъ свой багажъ, обильный предметами моды и роскоши, въ безпорядочномъ бѣгствѣ послѣдовала за имперскою арміей,

[1] Севенъ, или Цевенъ, мѣстечко близь Стаде, въ нынѣшнемъ Ганноверскомъ королевствѣ. Въ силу конвенціи армія Комберланда должна была разойдтись по домамъ, предоставивъ Французамъ весь Брауншвейгъ и Ганноверъ.

которою начальствовалъ принцъ Гильдбургсгаузенскій и которая въ самомъ началѣ боя убралась такъ поспѣшно, что ея названіе Reichsarmee (имперская армія) было въ насмѣшку переиначено въ «Reisausarmee» (удирающая армія). Съ тѣхъ поръ Фридрихъ сталъ героемъ въ глазахъ патріотовъ и гордостью всей протестантской Германіи.—Между тѣмъ Австрійцы успѣшно дѣйствовали въ Силезіи. Генералъ Винтерфельдтъ, близкій Фридриху человѣкъ, палъ (7 сентября), раненный подъ Гольцбергомъ; Швейдницъ и Бреславль съ ихъ полными магазинами и арсеналами достались непріятелю; многіе храбрые Пруссаки томились въ плѣну.—Тогда явился Фридрихъ и быстро повернулъ ходъ дѣлъ. Въ битвѣ при Лейтенѣ (5 декабря) своими искусными распоряженіями онъ одержалъ славную побѣду надъ втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ, подъ начальствомъ Дауна, и снова покорилъ своей власти Бреславль и всю Силезію.

Тяжко отзывались, между тѣмъ, бѣдствія войны въ сѣверной Германіи. Пруссія жестоко пострадала отъ русскихъ войскъ; въ Помераніи праздно стоявшее шведское войско объѣдало народъ до послѣдней крайности, а въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ и Гессенъ-Касселѣ безнравственный герцогъ Ришльё, искавшій вымогательствами и военными налогами добывать новыя средства для своей расточительности и распутства, такъ возмутительно изнурялъ страну, что самому французскому двору стало за него стыдно, и онъ наконецъ отозвалъ его.

§ 665. Битвы при Цорндорфѣ и Гохкирхѣ (1758). Въ Англіи послѣ Росбахскаго сраженія Фридрихъ сдѣлался идоломъ народа. Поэтому министерство, въ которомъ наибольшимъ вліяніемъ пользовался старшій Питтъ (лордъ Чатамъ), положило отступить отъ Сѣвенскаго договора, щедрѣе помогать Прусскому королю деньгами и войсками и предоставить ему выборъ полководца. Фридрихъ назначилъ вождемъ союзнаго войска осторожнаго Фердинанда Брауншвейгскаго, который въ началѣ весны прогналъ Французовъ за Рейнъ, разбилъ ихъ при Крефельдѣ (23 іюня 1758) и во все лѣто оберегалъ сѣверную Германію отъ ихъ разбойническихъ вторженій. — Русскіе послѣ своей побѣды при Гроссъ-Іегерндорфѣ, внезапно удалились назадъ по распоряженію Бестужева, который полагая, что императрица Елисавета Пе-

тровна не переживетъ постигшей ее опасной болѣзни и зная, что наслѣдникъ ея, великій князь Петръ Ѳедоровичъ (Голштейнъ-Готторпскій) очень недоволенъ войною съ Фридрихомъ, хотѣлъ угодить будущему императору и далъ русскому главнокомандующему Апраксину повелѣніе отступить въ Польшу. Императрица, узнавъ объ этомъ, по жалобамъ австрійскаго и французскаго посланниковъ, отдала Апраксина подъ судъ, сослала Бестужева въ деревню и отправила генерала Фермора съ большою арміей на Одеръ. Пруссія была занята Русскими и, какъ будто этотъ край былъ уже вѣрною добычей, граждане Кёнигсберга приведены ими къ присягѣ. Потомъ русскія войскà вступили въ Бранденбургію, испепелили Кюстринъ, жгли, убивали, опустошали весь этотъ край. Тогда Фридрихъ совершилъ изъ Моравіи, куда двинулся весною по завоеваніи Швейдница, послѣдняго владѣнія Австрійцевъ въ Силезіи, мастерское отступленіе къ Одеру и пріостановилъ дальнѣйшее наступленіе Русскихъ убійственнымъ сраженіемъ при Цорндорфѣ (25 августа 1758), гдѣ Пруссаки одержали купленную тяжкими жертвами побѣду, главнымъ образомъ благодаря искусству храбраго вождя конницы, росбахскаго героя Зейдлица. Послѣ того Фридрихъ хотѣлъ идти въ Саксонію, на помощь своему брату Генриху, котораго стѣснили Австрійцы, но застигнутый врасплохъ превосходными силами Дауна въ невыгодной позиціи, потерялъ въ дѣлѣ при Гохкирхѣ (14 октября) всю свою артиллерію и много храбрыхъ солдатъ. Тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ, посредствомъ искуснаго перехода, соединиться съ Генрихомъ и опять выгналъ непріятеля изъ Силезіи и Саксоніи.

§ 666. Битва при Кунерсдорфѣ (1759). Но вскорѣ новая буря собралась надъ головою Фридриха. Между тѣмъ какъ силы его страшно истощались, и онъ съ трудомъ восполнялъ обременительнымъ для народа наборомъ молодыхъ рекрутъ пробѣлы, оставляемые битвами въ рядахъ его испытанной арміи, и скудно покрывалъ свои потребности въ деньгахъ и жизненныхъ припасахъ тяжкими военными налогами и поборами, Марія Терезія вновь получила черезъ умнаго, ловкаго и сильнаго у маркизы Помпадуръ и Людовика XV,

министра Шуазёля, обѣщаніе богатой помощи деньгами и войскомъ; императрица Елисавета Петровна, съ своей стороны, желала побѣдами загладить воспоминаніе о Цорндорфѣ и выслала новыя войска противъ Пруссіи подъ начальствомъ Салтыкова. Сила Фридриха заключалась въ восторженной преданности народа къ герою и въ удивленіи образованнаго класса къ умному, свободномыслящему королю: а удивленіе это всего сильнѣе господствовало во Франціи, дававшей тонъ цѣлой Европѣ, какъ бы въ явное доказательство того, что политика французскаго правительства вовсе не согласна съ желаніями и мнѣніями народа. Часть войска, высланная Фридрихомъ противъ Русскихъ, чтобы помѣшать соединенію ихъ съ Австрійцами, была разбита при Цюллихау (іюль 1759), и когда онъ съ гораздо меньшими силами напалъ близь Франкфурта на Одерѣ на соединившихся теперь и разросшихся въ огромную армію непріятелей, то въ кровавой битвѣ при Кунерсдорфѣ (12 августа) потерпѣлъ отъ Русскихъ, подъ начальствомъ Салтыкова, и подоспѣвшихъ въ удобную минуту Австрійцевъ, подъ начальствомъ искуснаго полководца Лаудона, такое полное пораженіе, что сталъ отчаяваться въ благополучномъ исходѣ войны и малодушно желалъ себѣ смерти. Между многими, павшими въ Кунерсдорфской битвѣ, былъ и пѣвецъ «Весны», Эвальдъ фонъ-Клейстъ. Теперь дорога въ Берлинъ была открыта непріятелю; но по несогласію между Русскими и Австрійцами, союзники не воспользовались побѣдою такъ, какъ желала бы Марія Терезія. Однако Фридрихъ лишился Дрездена и, послѣ несчастной Максенской капитуляціи (21 ноября), по которой 12,000 Пруссаковъ подъ начальствомъ Финка сдались военноплѣнными [1], потерялъ всѣ другія части Саксоніи. Спасеніемъ остальнаго Фридрихъ былъ обязанъ чрезмѣрной осторожности осмотрительнаго, робкаго фельдмаршала Дауна, котораго методическій образъ дѣйствій часто давалъ быстрому королю довольно времени оправиться.— Счастливѣе сражались между тѣмъ союзники Фридриха, подъ на-

[1] Фридрихъ послалъ Финка отрѣзать Дауну горные проходы изъ Саксоніи въ Богемію, но Финкъ былъ окруженъ превосходными силами Австрійцевъ и вынужденъ сдаться.

чальствомъ Фердинанда Брауншвейгскаго, противъ Французовъ. Хотя въ битвѣ при Бергенѣ, близь Франкфурта на Майнѣ (13 апрѣля 1759), перевѣсъ остался на сторонѣ герцога Брольи, но блестящая побѣда Фердинанда при Минденѣ (1 августа) отбросила французское войско обратно за Рейнъ и спасла Вестфалію и Ганноверъ.

§ 667. Сраженія при Лигницѣ и Торгау (1760). Эти неудачи до того ослабили прусскую армію, что при возобновленіи военныхъ дѣйствій король, противъ обыкновенія, долженъ былъ ограничиваться одною обороной. Правда, имя Фридриха и ловкость его вербовщиковъ привлекали къ прусскому знамени толпы рекрутъ отовсюда; но даже высокій полководческій талантъ Фридриха не могъ вполнѣ замѣнить собою убылыхъ свѣдущихъ офицеровъ и опытныхъ боевыхъ солдатъ. Для покрытія военныхъ расходовъ онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ стѣснительнѣйшимъ налогамъ и къ выпуску низкопробныхъ монетъ. Между тѣмъ какъ онъ стоялъ въ Саксоніи, наблюдаемый войскомъ Дауна, и тщетно старался снова завоевать Дрезденъ, Силезія была утрачена послѣ почетнаго, но неудачнаго дѣла при Ландсгутѣ (5 іюня 1760) между храбрымъ, весьма близкимъ королю Фукè и вчетверо сильнѣйшею арміею Лаудона. Тогда Фридрихъ пожертвовалъ Саксоніей, чтобы опять пріобрѣсти Силезію. И хотя двѣ австрійскія арміи пытались разстроить его планъ, онъ все-таки достигъ своей цѣли блестящею побѣдой при Лигницѣ на Кацбахѣ (15 августа) надъ войсками Лаудона, и не далъ австрійской и русской арміямъ соединиться между собою. Съ другой стороны ему не удалось помѣшать Австрійцамъ и Русскимъ вступить въ Мархію, занять Берлинъ и предать его родовую область грабежу и опустошенію, пока вѣсть о приближеніи его лично не понудила непріятеля къ поспѣшному бѣгству. Даунъ занялъ теперь крѣпкую позицію на холмѣ недалеко отъ Эльбы, съ намѣреніемъ зимовать въ Саксоніи, между тѣмъ какъ Салтыковъ, повидимому, велъ Русскихъ въ Бранденбургію. Чтобы помѣшать обоимъ, Фридрихъ отважился напасть на лагерь Дауна, хотя видѣлъ, что храбрые воины его толпами падаютъ подъ ядрами. Дорого купленною, при содѣйствіи кавалерійскаго генерала Цитена, побѣдою

при Торгау (3 ноября) Прусскій король снова пріобрѣлъ Саксонію и могъ расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Лейпцигѣ; но 14,000 воиновъ его не нуждались болѣе въ пристанищѣ: лагерь Дауна служилъ имъ могилой.

§ 668. Отчаянное положеніе Фридриха (1761). Теперь, казалось, Фридрихъ долженъ былъ пасть подъ надвигавшими со всѣхъ сторонъ бѣдами. Дрезденъ и часть Саксоніи были въ рукахъ Дауна; владѣя крѣпостью Глацомъ, Лаудонъ имѣлъ точку опоры въ Верхней Силезіи; вся Пруссія была занята Русскими; въ Помераніи стояли Шведы, а черезъ Рейнъ наступали опять двѣ французскія арміи, числомъ болѣе 150,000 человѣкъ. Этимъ непріятельскимъ силамъ тѣснимый отовсюда король могъ противопоставить только небольшіе отряды неопытныхъ новобранцевъ; и такъ какъ лордъ Бьютъ, любимецъ новаго короля Англійскаго, Георга III, отнялъ у Фридриха производимую дотолѣ денежную помощь, то послѣдній могъ покрывать издержки новаго похода только жестокимъ гнетомъ и поборами съ областей, которыя еще оставались подъ его рукою, особенно съ Лейпцига. Сверхъ того, число его противниковъ увеличилось Испаніей, которая, состоя въ союзѣ съ Франціей со вступленія на престолъ Карла III, тѣсно примкнула къ ея интересамъ вслѣдствіе заключеннаго Шуазёлемъ фамильнаго союза бурбонскихъ дворовъ (15 августа 1761). Но бодро и рѣшительно выступилъ Фридрихъ навстрѣчу опасностямъ. Пока принцъ Генрихъ искусно и успѣшно защищалъ Саксонію противъ Дауна, а въ западной Германіи Фердинандъ Брауншвейгскій съ своимъ племянникомъ, тоже Фердинандомъ, счастливо удержали отъ дальнѣйшаго наступленія Французовъ, предводимыхъ несогласными между собою маршалами Брольи и Субизомъ и совершенно отвыкшихъ отъ военной дисциплины, самъ Фридрихъ между тѣмъ старался вытѣснить Австрійцевъ изъ Силезіи и помѣшать ихъ соединенію съ Русскими. Послѣднее не удалось ему, но зависть русскаго генерала къ военной славѣ Лаудона вредила и послѣ ихъ соединенія всякому общему предпріятію. Однако взятіе крѣпости Швейдница сдѣлало Лаудона обладателемъ всей Верхней Силезіи (1 октября), а Русскіе завоевали Кольбергъ и часть Помераніи.

Мрачная безнадежность Фридриха въ это время высказалась въ его письмахъ къ друзьямъ и въ его стихахъ. Повидимому, Силезія неизбѣжно должна была отойдти къ Австріи, Пруссія—къ Россіи.

§ 669. Поворотъ въ ходѣ дѣлъ и заключеніе мирныхъ трактовъ (1762 и 1763). Когда бѣдственное положеніе Фридриха дошло до крайности, вдругъ скончалась императрица Елисавета Петровна (5 янв. 1762 нов. ст.), и на тронъ вступилъ Петръ III Ѳедоровичъ, величайшій поклонникъ прусскаго монарха. Эта перемѣна произвела внезапный поворотъ. Петръ, въ сущности добродушный, но часто необдуманно дѣйствовавшій государь, тотчасъ освободилъ военноплѣнныхъ Пруссаковъ и въ силу наскоро заключеннаго мира (5 марта 1762) не только возвратилъ Фридриху все завоеванное, но и вступилъ съ нимъ въ оборонительный союзъ, по которому русская армія соединилась съ прусскою. Швеція тоже отказалась отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ, не приносившей государству ни чести, ни выгоды. Хотя Петръ III (который, вопреки благоразумнымъ совѣтамъ Фридриха, возстановилъ противъ себя Русскихъ преобразованіемъ ихъ военнаго устройства по прусскому образцу и неосторожными нововведеніями въ церкви и государствѣ) послѣ шестимѣсячнаго правленія былъ свергнутъ съ престола своею супругою Екатериной, много терпѣвшей отъ дурнаго его обращенія, и вскорѣ потомъ умеръ; однакожь Екатерина, принявъ власть, признала заключенный съ Пруссіею миръ. Но она отказалась отъ союза съ Фридрихомъ, и отозвала свои войска. Предъ выступленіемъ, русскій генералъ, преданный прусскому монарху, еще помогъ ему одержать побѣду надъ Дауномъ при Буркерсдорфѣ, послѣ чего Фридрихъ съ крайними усиліями снова завоевалъ Швейдницъ и большую часть Силезіи, между тѣмъ какъ принцъ Генрихъ, Зейдлицъ, Клейстъ и другіе очистили Саксонію отъ имперскихъ войскъ, а принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій по взятіи Касселя оттѣснилъ Французовъ къ Рейну. Нѣмецкій народъ, котораго земли были опустошены, промышленность остановлена, земледѣліе приведено въ упадокъ, благосостояніе истощено, въ отчаяніи

требовалъ мира во что бы то ни стало. Когда полковникъ Клейстъ прошелъ по Франконіи, взялъ контрибуцію съ Бамберга и Нюрнберга и сталъ угрожать самому Регенсбургу, то нѣмецкіе князья пришли въ ужасъ и большею частію отстали отъ союза противъ Фридриха. Но и Австрія была до того изнурена продолжительною войной, что только съ величайшимъ трудомъ и огромнымъ приращеніемъ государственнаго долга могла добывать себѣ арміи и военные припасы. Поэтому Марія Терезія уже не противилась болѣе заключенію всѣми желаннаго мира. Состоявшимся между Пруссіею, Франціею и Австріею перемиріемъ (6 ноября) воспользовались для переговоровъ, которые привели въ началѣ слѣдующаго года къ Парижскому, а нѣсколько дней спустя къ Губертсбургскому миру (21 февраля 1763). По этому миру, за Прусскимъ королемъ навсегда признано обладаніе Силезіей; но за то было выговорено возвращеніе всѣхъ остальныхъ завоеваній. Съ тѣхъ поръ Пруссія заняла свое мѣсто въ числѣ пяти великихъ европейскихъ державъ.

Между тѣмъ въ Америкѣ и въ Европѣ происходила полная превратностей морская и сухопутная война у Французовъ съ Англичанами. Такъ какъ герцогъ Ришльё овладѣлъ островомъ Минорkой (іюль 1756), уступленнымъ Англіи по Утрехтскому миру, и въ Америкѣ англійскія войскà, состоявшія изъ Ганноверцевъ и купленныхъ Гессенцевъ, сражались безуспѣшно, то англійскій народъ началъ такъ громко выражать свое негодованіе, что министерство рѣшилось умилостивить его жертвою. Оно обвинило въ потерѣ Минорки вялый и неискусный образъ дѣйствій адмирала Бинга, и велѣло военному суду приговорить его къ смерти и разстрѣлять на мачтѣ его флагманскаго корабля.

Но дѣла приняли другой оборотъ только тогда, какъ въ министерство вступилъ Вильямъ Питтъ, (1759). Англійскіе военачальники завоевали Квебекъ (при чемъ побѣдитель, генералъ Вольфъ, умеръ геройскою смертью) и заняли Канаду; англійскіе адмиралы разбивали французскіе флоты и препятствовали вывозу товаровъ въ Америку. Когда въ войнѣ приняла участіе Испанія, вошедшая въ тѣсный союзъ съ Франціей по фамильному договору 1761 года, тогда многіе вестъ-индскіе острова отошли къ Англіи и отъ нея. Но Питтъ былъ вытѣ-

сненъ вліяніемъ лорда Бьюта [1], вслѣдствіе чего англійское министерство отмѣнило трактатъ о субсидіяхъ въ помощь Пруссіи и потомъ открыло переговоры съ Франціей и Испаніей. По Парижскому миру (1763) Англія была щедро вознаграждена пріобрѣтеніемъ Канады, Флориды (за которую Испанія получила отъ Франціи Луизіану) и острова Гренады; морское могущество ея сильно возрасло, но за то увеличилось и бремя ея государственнаго долга.

---

[1] И сверхъ-того справедливыми воплями торговли, которая не смотря на побѣды Англичанъ на морѣ сильно терпѣла отъ многочисленныхъ французскихъ каперовъ, захватившихъ въ четыре года болѣе 2,500 купеческихъ судовъ.

ВАЖНѢЙШІЕ НЕДОСМОТРЫ ВЪ III ТОМѢ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
52 . . .	3 снизу . .	который, подъ именемъ Генриха IV	котораго сынъ, подъ именемъ Генриха IV.
235 . . .	10	міръ	миръ.

СОДЕРЖАНІЕ VI-го ВЫПУСКА.

НОВОЕ ВРЕМЯ.

I. Предвѣстія новаго времени.

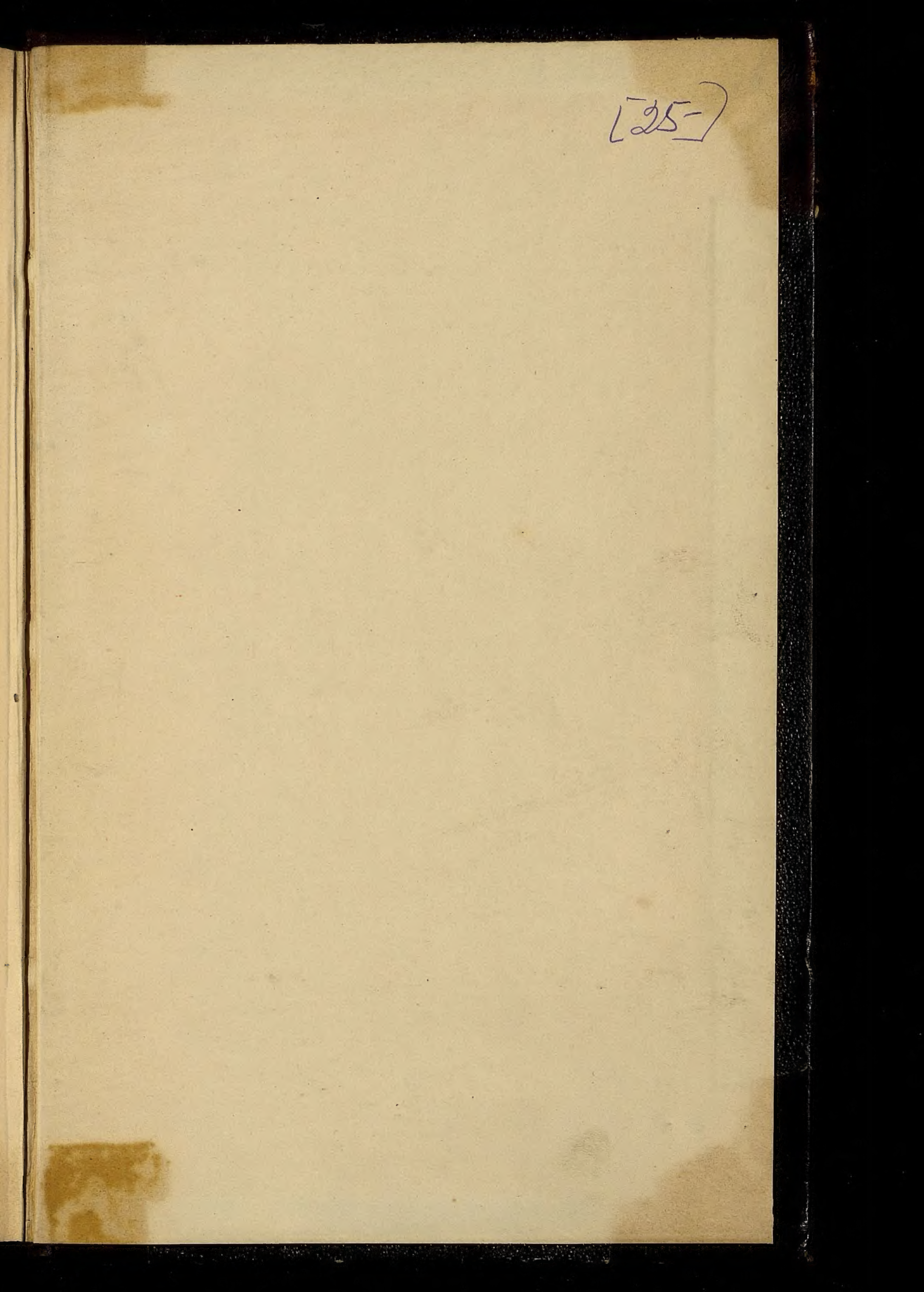
II. Эпоха реформаціи.

А. Установленіе новыхъ отношеній при Карлѣ V.

СОДЕРЖАНІЕ VII-го ВЫПУСКА.

III. СЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

А. Время тридцатилѣтней войны и англійской революціи.


[25-]